

Аркадий СТРУГАЦКИЙ, Борис СТРУГАЦКИЙ

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

в тридцати трех томах

ТОМ ДВАДЦАТЫЙ ПЕРВЫЙ

1975–1976

«Группа ЛЮДЕНЫ», 2017

Концепция издания — Светлана Бондаренко и Александр Воронин

Составители: Светлана Бондаренко, Виктор Курильский, Юрий Флейшман

Редакционная коллегия: С. Бондаренко, В. Борисов, А. Горбов, В. Дьяконов, А. Заршиков, В. Казаков, А. Кузнецова, И. Кузнецова, В. Курильский, Р. Муринский, П. Поляков, Л. Рудман, Ю. Флейшман, И. Юдин

Подготовка иллюстративных материалов — А. Горбов, П. Северцов

В книге использованы фотографии и рисунки из архивов Аркадия Стругацкого, Бориса Стругацкого, Виктора Бури, Бориса Заикина, Вячеслава Рыбакова, Александра Ткачёва, Андрея Тужилкина, Александра Урванцева, в том числе фотографии Бориса Заикина, Вячеслава Рыбакова, Геннадия Шакина, Юрия Шмакова

Все права защищены. Ни одна из частей настоящего издания и все издание в целом не могут быть воспроизведены, сохранены на печатных формах или любым другим способом обращены в иную форму хранения информации: электронным, механическим, фотокопировальным и другими, без предварительного согласования с правообладателями.

- © Стругацкий А., Стругацкий Б., текст, 1975–1976, 2017
- © Бондаренко С., Воронин А., концепция, 2017
- © Бондаренко С., Курильский В., Флейшман Ю., составление, 2017
- © Бондаренко С., Казаков В., варианты произведений, 2017
- © Курильский В., Рудман Л., комментарии, примечания, 2017
- © Флейшман Ю., библиография, 2017
- © Курильский В., указатели, 2017
- © Рудман Л., подготовка форматов FB2, EPUB и MOBI, 2017
- © Рудман Л., подготовка форматов RTF и PDF, 2017

I. Художественные произведения

Аркадий Стругацкий, Борис Стругацкий За миллиард лет до конца света

Рукопись, обнаруженная при странных обстоятельствах

Глава первая

1. «...белый июльский зной, небывалый за последние два столетия, затопил город. Ходили марева над раскаленными крышами, все окна в городе были распахнуты настежь, в жидкой тени изнемогающих деревьев потели и плавилась старухи на скамеечках у подъездов.

Солнце перевалило через меридиан и впилося в многострадальные книжные корешки, ударило в стекла полка, в полированные дверцы шкафа, и горячие злобные зайчики задрожали на обоях. Надвигалась пополуденная маета — недалекий теперь уже час, когда остервенелое солнце, мертво зависнув над точечным двенадцатиэтажником напротив, простреливает всю квартиру навывлет.

Малянов закрыл окно — обе рамы — и наглухо задернул тяжелую желтую штору. Потом, подсмыкнув трусы, прошлепал босыми ногами на кухню и отворил балконную дверь.

Было начало третьего.

На кухонном столике среди хлебных крошек красовался натюрморт из сковородки с засохшими остатками яичницы, недопитого стакана чая и обкусанной горбушки со следами оплавившегося масла.

— Никто не помыл и ничто не помыто, — сказал Малянов вслух.

Мойка была переполнена немойтой посудой. Не мыто было давно.

Скрипнув половицей, появился откуда-то одуревший от жары Калям, глянул на Малянова зелеными глазами, беззвучно разинул и снова закрыл рот. Затем, подергивая хвостом, проследовал под плиту к своей тарелке. Ничего на этой тарелке не было, кроме сохлых рыбьих костей.

— Жрать хочешь... — сказал Малянов с неудовольствием.

Калям сейчас же откликнулся в том смысле, что да, неплохо бы наконец.

— Утром же тебе давали, — сказал Малянов, опускаясь на корточки перед холодильником. — Или нет, не давали... Это я тебе вчера утром давал...

Он вытащил Калямону кастрюлю и заглянул в нее — были там какие-то волокна, немного желе и прилипший к стенке рыбий плавник. А в холодильнике, можно сказать, и того не было. Стояла пустая коробочка из-под плавленого сыра «Янтарь», страшненькая бутылка с остатками кефира и винная бутылка с холодным чаем для питья. В отделении для овощей среди луковой шелухи доживал свой век сморщенный полукочанчик капусты с кулак величиной да угасала в пренебрежении одинокая проросшая картофелина. Малянов заглянул в морозильник — там в сугробах инея устроился на зимовку крошечный кусочек сала на блюде. И все.

Калям мурлыкал и терся усами о голое колено. Малянов захлопнул холодильник и поднялся.

— Ничего, ничего, — сказал он Калям. — Все равно сейчас везде обеденный перерыв.

Можно было бы, конечно, пойти на Московский, где перерыв с часу до двух, но там всегда очереди, и тащиться туда далеко по жаре... Это надо же — какой паршивый

интеграл оказался! Ну, ладно... Пусть это будет константа... от омеги не зависит. Ясно ведь, что не зависит. Из самых общих соображений следует, что не должен зависеть. Малянов представил себе этот шар и как интегрирование идет по всей поверхности. Откуда-то вдруг выплыла формула Жуковского. Ни с того ни с сего. Малянов ее выгнал, но она снова появилась. Конформные отображения попробовать, подумал он.

Опять задребезжал телефон, и тут выяснилось, что Малянов, оказывается, уже снова был в комнате. Он чертыхнулся, упал боком на тахту и дотянулся до трубки:

— Да!

— Витя? — спросил энергичный женский голос.

— Какой вам телефон нужен?

— Это «Интурист»?

— Нет, это квартира...

Малянов бросил трубку и некоторое время полежал неподвижно, ощущая, как голый бок, прижатый к ворсу, неприятно подмокает потом. Желтая штора светилась, и комната была наполнена тяжелым желтым светом. Воздух был как кисель. В Бобкину комнату надо перебираться, вот что. Баня ведь. Он поглядел на свой стол, заваленный бумагами и книгами. Одного Смирнова Владимира Ивановича шесть томов... И вон еще сколько бумаги на полу разбросано. Страшно подумать — перебираться. Постой, у меня же какое-то просветление было... Ч-черт... С этим твоим «Интуристом», дура безрукая... Значит, я был на кухне, затем меня принесло сюда... А! Конформные отображения! Дурацкая идея. Вообще-то надо посмотреть...

Он кряхтя поднялся с тахты, и телефон сейчас же зазвонил снова.

— Идиот, — сказал он аппарату и взял трубку. — Да!

— Это база? Кто говорит? Это база?

Малянов положил трубку и набрал номер ремонтной.

— Ремонтная? Я говорю с телефона девяносто три девять восемь ноль семь...

Слушайте, я вам вчера уже звонил один раз. Невозможно же работать, все время попадают сюда...

— Какой у вас номер? — прервал его злобный женский голос.

— Девяносто три девять восемь ноль семь... Мне все время звонят то в «Интурист», то в гараж, то...

— Положите трубку. Проверим.

— Пожалуйста... — просительно сказал Малянов уже в короткие гудки.

Потом он прошлепал к столу, уселся и взял ручку. Та-ак... Где же я все-таки видел этот интеграл? Стройный ведь такой интеграл, во все стороны симметричный... Где я его видел? И даже не константа, а просто-напросто ноль! Ну, хорошо. Оставим его в тылу. Не люблю я ничего оставлять в тылу, неприятно это, как дырявый зуб...

Он принялся перебирать листки вчерашних расчетов, и у него вдруг сладко замлело сердце. Все-таки здорово, ей-богу... Ай да Малянов! Ай да молодец! Наконец-то, кажется, что-то у тебя получилось. Причем это, брат, настоящее. Это, брат, тебе не «фигура цапф большого пассажного инструмента», этого, брат, до тебя никто не делал! Тьфу-тьфу, только бы не сглазить... Интеграл этот... Да пусть он треснет, интеграл этот, — дальше поехали, дальше!

Раздался звонок. В дверь. Калям спрыгнул с тахты и, задрвав хвост, поскакал в прихожую. Малянов аккуратно положил ручку.

— С цепи сорвались, честное слово, — произнес он.

В прихожей Калям описывал нетерпеливые круги и орал, путаясь под ногами.

— Ка-ал-лям! — сказал Малянов сдавленно-угрожающим голосом. — Да Калям, пошел вон!

Он открыл дверь. За дверью оказался плюгавый мужчина в кургузом пиджачке неопределенного цвета, небритый и потный. Слегка откинувшись всем корпусом назад, он

держал перед собою большую картонную коробку. Бурча нечленораздельное, он двинулся прямо на Малянова.

— Вы... э... — промямлил Малянов, отступая.

Плюгавый был уже в прихожей — глянул направо в комнату и решительно повернул налево в кухню, оставляя за собой на линолеуме белые пыльные следы.

— Позвольте... э... — бормотал Малянов, наступая ему на пятки.

Мужчина уже поставил коробку на табурет и вытащил из нагрудного кармана пачку каких-то квитанций.

— Вы из ЖЭКа, что ли? — Малянову почему-то пришло в голову, что это водопроводчик наконец явился — чинить кран в ванной.

— Из гастронома, — сипло сказал мужчина и протянул две квитанции, сколотые булавкой. — Распишитесь вот здесь...

— А что это? — спросил Малянов и тут же увидел, что это бланки стола заказов. Коньяк — две бутылки, водка... — Подождите, — сказал он. — По-моему, мы ничего...

Он увидел сумму. Он ужаснулся. Таких денег в квартире не было. Да и вообще с какой стати? Охваченное паникой воображение мигом выстроило перед ним удручающую последовательность всевозможных сложностей, вроде необходимости оправдываться, отпираться, возмущаться, призывать к здравому смыслу... звонить, наверное, куда-нибудь придется, может быть, даже ехать... Но тут на углу квитанции он обнаружил фиолетовый штамп «Оплачено» и сразу же — имя заказчика: Малянова И. Е. Ирка!.. Ни черта понять невозможно.

— Вот тут расписывайтесь, вот тут... — бурчал плюгавый, тыча траурным ногтем. — Вот где птичка стоит...

Малянов принял от него огрызок карандаша и расписался.

— Спасибо... — сказал он, возвращая карандаш. — Большое спасибо... — обалдело повторял он, протискиваясь рядом с плюгавым через узкую прихожую. Дать ему надо бы что-нибудь, да мелочи нет... — Огромное вам спасибо, до свидания!.. — крикнул он в спину кургузому пиджачку, ожесточенно отпихивая ногой Каляма, который рвался полизать цементный пол на лестничной площадке.

Потом Малянов закрыл дверь и некоторое время постоял в сумраке. В голове было как-то все неясно.

— Странно... — сказал он вслух и вернулся на кухню.

Калям уже отирался возле коробки. Малянов поднял крышку и увидел горлышки бутылок, пакеты, свертки, банки консервов. На столе лежала копия квитанции. Так. Копирка, как водится, подгуляла, но почерк разборчивый. Улица Героев... гм... Вроде все правильно. Заказчик: Малянова И. Е. Ничего себе — привет! Он посмотрел на сумму. Уму непостижимо! Он перевернул квитанцию. На обратной стороне ничего интересного не было. Был там расплющенный и присохший комар. Что это Ирка — ошалела совсем, что ли? У нас долгов пятьсот рублей... Подожди... Может быть, она что-нибудь говорила перед отъездом? Он стал вспоминать день отъезда, распахнутые чемоданы, кучи одежды, разбросанные повсюду, полуодетая Ирка орудует утюгом... Не забывай Каляма кормить, травку ему приноси... знаешь, такую острую... за квартиру не забудь заплатить... если шеф позвонит, дай ему мой адрес. Вроде бы все. Что-то она еще говорила, но тут Бобка прибежал со своим пулеметом... Да! Белье надо в стирку отнести... Ни фига не понимаю.

Малянов опасливо потянул из ящика бутылку. Коньяк. Рублей пятнадцать, ей-богу! Да что же это такое — день рождения у меня сегодня, что ли? Ирка уехала когда? Четверг, среда, вторник... Он принялся загибать пальцы. Сегодня десятый день, как она уехала. Значит, заказала заранее. Деньги опять у кого-нибудь заняла и заказала. Сюрприз. Долгов, понимаете, пятьсот рублей, а она — сюрприз!.. Ясно было только одно: в магазин можно не ходить. Все остальное представлялось как бы в тумане. День рождения? Нет. Годовщина свадьбы? Вроде бы тоже нет. Точно — нет. День рождения Барбоса? Зимой...

Он пересчитал горлышки. Десять штук, как одна копейка. На кого же это она рассчитывала? Мне столько и за год не выпить. Вечеровский тоже почти не пьет, а Вальку Вайнгартена она не любит... Может быть, у них в отделе какой-нибудь банкет должен быть? Только чего ради за десять дней все заказывать? Да и не может быть у них никакого банкета, все они сейчас разъехались...

Калям ужасно заорал. Что-то он там учуял, в этой коробке...»

2. «...лосося в собственном поту и ломоть ветчины с лежалой горбушкой. Потом он принялся мыть посуду. Было совершенно ясно, что при таком великолепии в холодильнике грязь на кухне выглядит особенно неуместно. За это время телефон звонил дважды, но Малянов только челюсть выпячивал. Не пойду, и всё. Провались они все со своими гаражами и базами. Сковородку тоже придется помыть, это неизбежно. Сковородка теперь понадобится для более высоких целей, нежели какая-то там яичница... Тут ведь все дело в чем? Если интеграл на самом деле ноль, то в правой части остается только первая и вторая производные... Физический смысл я здесь не совсем понимаю, но все равно — здорово получаются эти пузыри. А что? Так и назову: пузыри. Нет, наверное, лучше «полости». Полости Малянова. «М-полости». Гм...

Он расставил по полкам мытую посуду и заглянул в Калямову кастрюлю. Горячо еще слишком, пар идет. Бедный Калямашка. Придется ему потерпеть. Придется Калямашке еще немножко пострадать, пока остынет...

Он вытирал руки, когда его вдруг снова осенило, совсем как вчера. И так же, как вчера, он сначала не поверил.

— Подожди-ка, подожди... — лихорадочно бормотал он, а ноги уже несли его по коридорчику, по прохладному, липнущему к пяткам линолеуму в густой желтый жар, к столу, к авторучке...

Черт, где она? Чернила кончились. Карандаш здесь где-то валялся... И в то же время вторым, а вернее — первым, основным планом: функция Гартвига... и всей правой части как не бывало... Полости получают осесимметричные... А интегральчик-то не ноль! То есть он до такой степени не ноль, мой интегральчик, что величина вовсе существенно положительная... Но картинка, ах какая картинка получается! Как это я сразу не допер? Ничего, Малянов, ничего, браток, не один ты не допер. Академик вон тоже не допер... В желтом, слегка искривленном пространстве медленно поворачивались гигантскими пузырями осесимметричные полости, материя обтекала их, пыталась проникнуть внутрь, но не могла, на границе материя сжималась до невероятных плотностей, и пузыри начинали светиться. Бог знает, что там начиналось... Ничего, и это выясним... С волокнистой структурой разберемся — раз. С дугами Рагозинского — два! А потом планетарные туманности. Вы, голубчики мои, что себе думали? Что это расширяющиеся сброшенные оболочки? Вот вам — оболочки! В точности наоборот!

Снова задребезжал проклятый телефон. Малянов зарычал от ненависти, не переставая писать. Выключить его, к чертям, сейчас же. Там есть такой рычажок... Он бросился на тахту и сорвал трубку:

— Да!

— Митька?

— Да... Это кто?

— Не узнаешь, собака? — Это был Вайнгартен.

— А, Валька... Чего тебе?

Вайнгартен помедлил.

— Ты почему к телефону не подходишь? — спросил он.

— Работаю, — сказал Малянов злобно. Он был очень неприятлив. Хотелось вернуться к столу и досмотреть картинку с пузырями.

— Работаешь... — Вайнгартен засопел. — Нетленку, значит, лепишь...

— Ты что, зайти хотел?

— Зайти? Да нет, не то чтобы зайти...

Малянов окончательно разозлился.

— Так чего тебе надо?

— С-с-слушай, отец... А чем ты сейчас занимаешься?

— Работаю! Сказано тебе!

— Да нет... Я хотел спросить: над чем ты работаешь?

Малянов обалдел. Он знал Вальку Вайнгартена двадцать пять лет, и сроду Вайнгартен никакой маляновской работой не интересовался, сроду Вайнгартена интересовал только сам Вайнгартен лично, а также еще два таинственных предмета его интересовали: двугривенный 1934 года и так называемый «консульский полтинник», который, собственно, и полтинником-то не был, а был какой-то там особенной почтовой маркой... Делать гаду нечего, решил Малянов. Трепло... Или ему крыша понадобилась, что он так мнется? И тут он вспомнил Аверченко.

— Над чем я работаю? — переспросил он со злорадством. — Изволь, могу рассказать во всех подробностях. Тебе как биологу это будет страшно интересно. Вчера утром я наконец слез с мертвой точки. Оказывается, при самых общих предположениях относительно потенциальной функции мои уравнения движения имеют еще один интеграл — кроме интеграла энергии и интегралов моментов. Получается что-то вроде обобщения ограниченной задачи трех тел. Если уравнения движения записать в векторной форме и применить преобразования Гартвига, то интегрирование по всему объему проводится до конца, и вся математика сводится к интегро-дифференциальным уравнениям типа Колмогорова–Феллера...

К его огромному изумлению, Вайнгартен не перебивал. На секунду Малянову даже показалось, что их разъединили.

— Ты меня слушаешь? — спросил он.

— Да-да, слушаю очень внимательно.

— Может быть, ты даже меня понимаешь?

— Секу помаленьку, — бодро сказал Вайнгартен, и тут Малянов в первый раз подумал, какой у него странный голос. Он даже испугался.

— Валька, случилось что-нибудь?

— Где? — спросил Вайнгартен, помедлив опять.

— Где... У тебя, естественно! Я же слышу, что ты какой-то... Тебе что, разговаривать неудобно?

— Да нет, отец. Все это чепуха. Ладно. Жара замучила. Про двух петухов знаешь анекдот?

— Нет. Ну?

Вайнгартен рассказал анекдот про двух петухов — очень глупый, но довольно смешной. Какой-то совсем не вайнгартеновский анекдот. Малянов, конечно, слушал и, когда пришло на то время, захихикал, но неясное ощущение, что у Вайнгартена не все ладно, от этого анекдота у него только усилилось. Опять, наверное, со Светкой поцапался, подумал он неуверенно. Опять ему эпителий испортили. И тут Вайнгартен спросил:

— Слушай, Митька... Снеговой — такая фамилия тебе ничего не говорит?

— Снеговой? Арнольд Палыч? Ну, сосед у меня есть, напротив живет, через площадку... А что?

Вайнгартен некоторое время молчал. Даже сопеть перестал. Слышно было в трубке только негромкое бряканье, — наверное, подбрасывал он в горсти свои коллекционные двугривенные. Потом он сказал:

— А чем он занимается, твой Снеговой?

— Физик, по-моему. В каком-то ящике работает. Шибко секретный. А ты откуда его знаешь?

— Да я его не знаю, — с непонятной досадой сказал Вайнгартен, и тут раздался звонок в дверь.

— Нет, явно сорвались с цепи! — сказал Малянов. — Подожди, Валька. В дверь наяривают...

Вайнгартен что-то сказал или даже, кажется, крикнул, но Малянов уже бросил трубку на тахту и выскочил в прихожую. Калям, конечно, опять запутался у него в ногах, и он чуть не грохнулся.

Открывши дверь, он сейчас же отступил на шаг. На пороге стояла молодая женщина в белом мини-сарафане, очень загорелая, с выгоревшими на солнце короткими волосами. Красивая. Незнакомая. (Малянов сразу ощутил, что он в одних трусах и брюхо у него потное.) У ног ее стоял чемодан, через левую руку был перекинут пыльник.

— Дмитрий Алексеевич? — спросила она стесненно.

— Д-да... — проговорил Малянов. «Родственница? Троюродная Зина из Омска?»

— Вы меня простите, Дмитрий Алексеевич... Наверное, я некстати... Вот.

Она протянула конверт. Малянов молча взял этот конверт и вытащил из него листок бумаги. Страшные чувства против всех родственников на свете и особенно против этой троюродной Зины — или... Зои? — угрюмо клокотали у него в душе...

Впрочем, это оказалась не троюродная Зина. Ирка крупными буквами, явно второпях, писала вкривь и вкось: «Димкин! Это Лидка Пономарева, моя любимая школьная подруга. Я тебе про нее расск. Прими ее хорошенько, она ненадолг. Не хаами. У нас все хор. Она расск. Целую, И.»

Малянов издал протяжный, неслышный миру вопль, закрыл и снова открыл глаза. Однако губы его уже автоматически складывались в приветливую улыбку.

— Очень приятно... — заявил он дружески развязным тоном. — Заходите, Лида, прошу... Извините меня за мой вид. Жара!

Все-таки, видно, не все было в порядке с его радушием, потому что на лице красивой Лиды вдруг появилось выражение растерянности и она почему-то оглянулась на пустую, залитую солнцем лестничную площадку, словно вдруг усомнилась, туда ли она попала.

— Позвольте, я ваш чемодан... — поспешно сказал Малянов. — Заходите, заходите, не стесняйтесь... Пыльник вешайте сюда... Здесь у нас большая комната, я там работаю, а здесь — Бобкина... Она и будет ваша... Вы, наверное, душ захотите принять?

Тут с тахты донеслось до него гнусавое кваканье.

— Пардон! — воскликнул он. — Вы располагайтесь, располагайтесь, я сейчас...

Он схватил трубку и услышал, как Вайнгартен монотонно, не своим каким-то голосом повторяет:

— Митька... Митька... Отвечай, Митька...

— Алё! — сказал Малянов. — Валька, слушай...

— Митька! — заорал Вайнгартен. — Это ты?

Малянов даже испугался.

— Чего ты орешь? Тут ко мне приехали, извини... Я тебе потом позвоню.

— Кто? Кто приехал? — страшным голосом спросил Вайнгартен.

Малянов ощутил какой-то холодок по всему телу. С ума сошел Валька. Ну и денек...

— Валька, — сказал он очень спокойно. — Что с тобой сегодня? Ну, женщина одна приехала... Иркина подруга...

— С-сукин сын! — сказал вдруг Вайнгартен и повесил трубку...»

Глава вторая

3. «...а она сменила свой мини-сарафан на мини-юбочку и мини-кофточку. Надо сказать, девочка она была в высшей степени призывная, — у Малянова создалось впечатление, что она начисто не признавала лифчиков. Ни к чему ей были лифчики, все у нее было в порядке безо всяких лифчиков. О «полостях Малянова» он больше не вспоминал.

Впрочем, все было очень прилично, как в лучших домах. Сидели, трепались, пили чаек, потели. Он был уже Димочкой, а она у него уже стала Лидочкой. После третьего стакана Димочка рассказал анекдот о двух петухах — просто к слову пришлось, — и Лидочка очень хохотала и махала на Димочку голой рукой. Он вспомнил (петухи напомнили), что надо бы позвонить Вайнгартену, но звонить не пошел, а вместо этого сказал Лидочке:

— Изумительно вы все-таки загорели!

— А вы — белый, как червяк, — сказала Лидочка.

— Работа, работа! Труды!

— А у нас в пионерлагере...

И Лидочка подробно, но очень мило рассказала, как там у них в пионерлагере насчет позагорать. В ответ Малянов рассказал, как ребята загорают на Большой антенне. Что такое Большая антенна? Пожалуйста. Он рассказал, что такое Большая антенна и зачем. Она вытянула свои длинные коричневые ноги и, скрестив, положила их на Бобкин стульчик. Ноги были гладкие, как зеркало. У Малянова создалось впечатление, что в них даже что-то отражалось. Чтобы отвлечься, он поднялся и взял с конфорки кипящий чайник. При этом он обварил себе паром пальцы и мельком вспомнил о каком-то монахе, который сунул конечность то ли в огонь, то ли в кипяток, дабы уйти от зла, проистекающего ввиду наличия в непосредственной близости прекрасной женщины, — решительный был малый.

— Хотите еще стаканчик? — спросил он.

Лидочка не ответила, и он обернулся. Она смотрела на него широко открытыми светлыми глазами, и на блестящем от загара лице ее было совершенно неуместное выражение — не то растерянности, не то испуга, — у нее даже рот приоткрылся.

— Налить? — неуверенно спросил Малянов, качнув чайником.

Лидочка встрепенулась, часто-часто замигала и провела пальцами по лбу.

— Что?

— Я говорю — чайку налить вам еще?

— Да нет, спасибо... — Она засмеялась как ни в чем не бывало. — А то я лопну. Надо фигуру беречь.

— О да! — сказал Малянов с повышенной галантностью. — Такую фигуру, несомненно, надо беречь. Может быть, ее стоит даже застраховать...

Она мельком улыбнулась и, повернув голову, через плечо посмотрела во двор. Шея у нее была длинная, гладкая, разве что несколько худая. У Малянова создалось еще одно впечатление, а именно, что эта шея создана для поцелуев. Равно как и ее плечи. Не говоря уже об остальном. Цирцея, подумал он. И сразу же добавил: впрочем, я люблю свою Ирку и никогда в жизни ей не изменю...

— Вот странно, — сказала Цирцея. — У меня такое ощущение, будто я все это уже когда-то видела: эту кухню, этот двор... только во дворе было большое дерево... Огромное дерево!.. У вас так бывает?

— Конечно, — сказал Малянов с готовностью. — По-моему, это у всех бывает. Я где-то читал, это называется ложная память...

— Да, наверное, — проговорила она с сомнением.

Малянов, стараясь не слишком шуметь, осторожно прихлебывал горячий чай. В легкой трепотне явно возник какой-то перебой. Словно заело что-то.

— А может быть, мы с вами уже встречались? — спросила она вдруг.

— Где? Когда? Я бы вас запомнил...

— Ну, может быть, случайно... где-нибудь на улице... на танцах...

— Какие могут быть танцы? — возразил Малянов. — Я уже забыл, как это делается...

И тут они оба замолчали, да так, что у Малянова даже пальцы на ногах поджались от неловкости. Это было то самое отвратительное состояние, когда не знаешь, куда глаза

девать, а в голове, как камни в бочке, с грохотом пересыпаются абсолютно неподходящие и бездарные начала новых разговоров. «А наш Калям ходит в унитаз...» Или: «Помидоров в этом году в магазинах не достать...» Или: «Может быть, еще стаканчик чайку?» Или, скажем: «Ну а как вам нравится наш замечательный город?..»

Малянов осведомился невыносимо фальшивым голосом:

— Ну и какие же у вас, Лидочка, планы в нашем замечательном городе?

Она не ответила. Она молча уставилась на него круглыми, словно бы от крайнего изумления, глазами. Потом отвела взгляд, сморщила лоб. Закусила губу. Малянов всегда считал себя скверным психологом и в чувствах окружающих, как правило, ничегошеньки не понимал. Но тут он с совершенной ясностью понял, что его незамысловатый вопрос оказался прекрасной Лидочке решительно не под силу.

— Планы?.. — пробормотала она наконец. — Н-ну... конечно... А как же? — Она вдруг словно бы вспомнила. — Ну, Эрмитаж, конечно... импрессионисты... Невский... И вообще я белых ночей никогда не видела...

— Малый туристский набор, — сказал Малянов торопливо, чтобы ей помочь. Не мог он видеть, когда человеку приходится врать. — Давайте я вам все-таки чайку налью... — предложил он.

И снова она засмеялась как ни в чем не бывало.

— Димочка, — сказала она, очень мило надувши губки, — ну что вы ко мне пристааете с этим вашим чайком? Если хотите знать, я этого вашего чая вообще никогда не пью... А тут еще в такую жару!

— Кофе? — предложил Малянов с готовностью.

Она была категорически против кофе. В жару, да еще на ночь, не следует пить кофе. Малянов рассказал ей, что на Кубе только и спасался кофе, а там жара — тропическая. Он объяснил ей действие кофеина на вегетативную нервную систему. Заодно он рассказал ей, что на Кубе из-под мини-юбки обязательно должны быть видны трусики, а если трусики не видны, то это уже не мини-юбка, и у кого трусики не видны, та считается монахиней и старой девой. При всем при том мораль там, как ни странно, очень строгая. Ни-ни! Революция.

— А какие там пьют коктейли? — спросила она.

— Хайбол, — ответил Малянов гордо. — Ром, лимонад и лед.

— Лед, — сказала она мечтательно...»

4. «...потом он налил еще по фужеру. Возникло предложение выпить на «ты». Без поцелуев. Какие могут быть поцелуи между интеллигентными людьми? Здесь главное — духовная общность. Выпили на «ты» и поговорили о духовной общности, о новых методах родовспоможения, а также о различии между мужеством, смелостью и отвагой. Рислинг кончился, Малянов выставил пустую бутылку на балкон и сходил в бар за «каберне». «Каберне» было решено пить из Иркиных любимых бокалов дымчатого стекла, которые они предварительно набили льдом. Под разговор о женственности, возникший из разговора о мужестве, ледяное красное шло особенно хорошо. Интересно, какие ослы установили, будто красное вино не следует охлаждать? Они обсудили этот вопрос. Не правда ли, ледяное красное особенно хорошо? Да, это несомненно так. Между прочим, женщины, пьющие ледяное красное, как-то особенно хорошеют. Они становятся где-то похожи на ведьм. Где именно? Где-то. Прекрасное слово — где-то. Вы где-то свинья. Обожаю этот оборот. Кстати о ведьмах... Что такое, по-твоему, брак? Настоящий брак. Интеллигентный брак. Брак — это договор. Малянов снова наполнил бокалы и развил эту мысль. В том аспекте, что муж и жена в первую очередь друзья, для которых главное — дружба. Искренность и дружба. Брак — это дружба. Договор о дружбе, понимаешь?.. При этом он держал Лидочку за голую коленку и для убедительности встряхивал. Возьми нас с Иркой. Ты знаешь Ирку...

В дверь позвонили.

— Это еще кого бог несет? — удивился Малянов, поглядев на часы. — По-моему, у нас все дома.

Было без малого десять. Повторяя: «У нас, знаете ли, все дома...» — он пошел открывать и в прихожей, конечно, наступил на Каляма. Калям вякнул.

— А-а, провались ты, сатана!.. — сказал ему Малянов и открыл дверь.

Оказалось, что это сосед пожаловал, шибко секретный Снеговой Арнольд Палыч.

— Не поздно? — прогудел он из-под потолка. Огромный мужик, как гора. Седовласый Шат.

— Арнольд Палыч! — сказал ему Малянов с подъемом. — Какое может быть «поздно» между друзьями? Пр-рашу!

Снеговой заколебался было, видя этот подъем, но Малянов схватил его за рукав и втащил в прихожую.

— Очень, очень кстати... — говорил он, таща Снегового на буксире. — Познакомьтесь с прекрасной женщиной!.. — обещал он, заворачивая Снегового в кухню. — Лидочка, это Арнольд Палыч! — объявил он. — Сейчас я еще один бокал... и бутылочку...

Перед глазами у него, надо сказать, уже немножко плыло. И если честно, то даже не немножко, а основательно. Пить ему больше не следовало, он себя знал. Но очень хотелось, чтобы все было хорошо, дружно, чтобы все всем нравилось. Пусть они друг другу понравятся, растроганно думал он, покачиваясь перед раскрытым баром и тарашась в желтоватые сумерки. Ему все равно, он холостяк. А у меня Ирка!.. Он погрозил пальцем в пространство и полез в бар.

Слава богу, он ничего не разбил. Но когда он приволок бутылку «Бычьей крови» и чистый бокал, обстановка на кухне ему не понравилась. Оба молчали и курили, не глядя друг на друга. И почему-то лица их показались Малянову зловещими: зловеще красивое, яркое лицо Лидочки и зловеще жесткое, лишайчатое от старых ожогов лицо Снегового.

— Что смолкнул веселия глас? — бодро спросил Малянов. — Все на свете вздор! Есть только одна роскошь на свете — роскошь человеческого общения! Не помню, кто это сказал... — Он откупорил бутылку. — Давайте пользоваться этой общностью... э... роскошью...

Вино полилось рекой, в том числе и на стол. Снеговой подскочил, спасая белые брюки. Все-таки он был ненормально огромен. В наше малогабаритное время не должно быть таких людей. Рассуждая об этом, Малянов кое-как вытер стол, и Снеговой снова опустился на табурет. Табурет хрустнул.

Пока вся роскошь человеческого общения выражалась лишь в нечленораздельных возгласах. О, эта проклятая интеллигентская стеснительность! Не могут два прекрасных человека сразу же, немедленно, раскрыться друг перед другом, принять друг друга в свои души, стать друзьями с первого взгляда. Малянов встал и, держа бокал на уровне ушей, пространно развил эту тему вслух. Не помогло. Выпили. Опять не помогло. Лидочка скучающе смотрела в окно. Снеговой, пришипившись, крутил на столе свой пустой бокал между огромными коричневыми ладонями. Впервые Малянов заметил, что у него и руки обожжены — до самых локтей и даже выше. Это вдохновило его на вопрос:

— Ну, Арнольд Палыч, когда вы теперь исчезнете?

Снеговой заметно вздрогнул и взглянул на него, а затем втянул голову в плечи и сгорбился. Малянову показалось даже, что он собирается встать, и тут до него дошло, что вопрос его прозвучал, мягко выражаясь, двусмысленно.

— Арнольд Палыч! — возопил он, воздевая руки к потолку. — Господи, да я совсем не то хотел сказать! Лидочка! Ты понимаешь, перед тобой сидит совершенно таинственный и загадочный человек. Время от времени он исчезает. Придет, занесет ключ от квартиры и как бы растворяется в воздухе! Месяц его нет, другой нет. Вдруг — звонок. Является... — Он почувствовал, что несет лишнее, что хватит уже, что пора выкручивать из этой темы. — В общем, Арнольд Палыч, вы прекрасно знаете, что я вас очень люблю и

всегда рад вас видеть. Так что о том, чтобы исчезать раньше двух часов, не может быть и речи...

— Ну конечно, Дмитрий Алексеевич... — прогудел Снеговой и похлопал Малянова ладонью по плечу. — Конечно, дорогой, конечно...

— А это — Лидочка! — сказал Малянов, тыча пальцем в сторону Лидочки. — Лучшая школьная подруга моей жены. Из Одессы.

Снеговой с видимым усилием повернулся к Лидочке и спросил:

— Вы надолго в Ленинград?

Она что-то ответила довольно доброжелательно, и он снова что-то спросил, что-то про белые ночи...

Словом, у них началось все-таки роскошное общение, и Малянов смог перевести дух. Не-ет, ребята, мне пить нельзя. Ну и срамотища! Трепло забалдевшее. Не слыша и не понимая ни единого слова, он смотрел на страшный, изъеденный адским огнем лик Снегового и мучился совестью. Когда мучения стали нестерпимы, он тихонько встал, придерживаясь за стенку, добрался до ванной и заперся там. Некоторое время он в угрюмом отчаянии сидел на краю ванны, затем пустил холодную воду на полную мощность и, кряхтя, подставил голову.

Когда он вернулся, освеженный и с мокрым воротником, Снеговой натужно рассказывал анекдот про двух петухов. Лидочка звонко хохотала, закидывая голову и открывая свою созданную для поцелуев шею. Малянов воспринял это с удовлетворением, хотя в общем-то ему не нравились люди, которые возводят вежливость в искусство. Впрочем, роскошь общения, как и всякая роскошь, несомненно требовала определенных издержек. Он подождал, пока Лидочка отсмеется, подхватил падающее знамя и разразился серией астрономических анекдотов, которых никто из присутствующих знать не мог. Когда он выдохся, Лидочка порадовала общество анекдотами пляжными. Анекдоты были, честно говоря, довольно средние, и рассказывать Лидочка не умела вовсе, но зато она умела хохотать, и зубки у нее были белые как сахар. Затем разговор как-то перекинулся в область предсказания будущего. Лидочка поведала, что цыганка предсказала ей трех мужей и бездетность. «Что бы мы делали без цыганок?» — пробормотал Малянов и похвастался, что вот ему лично цыганка нагадала крупное открытие относительно взаимодействия звезд с диффузной материей в Галактике. Они снова хватили ледяной «Бычьей крови», и тут Снеговой вдруг разразился странной историей.

Оказывается, ему было предсказано, что умрет он восьмидесяти трех лет в Гренландии. («В Гренландской социалистической республике...» — немедленно сострил Малянов, но Снеговой спокойно возразил: «Нет, просто в Гренландии...») В это он фатально верит, и эта уверенность всех вокруг раздражает. Однажды — было это во время войны, хотя и не на фронте, — один из его знакомых, под банкой, конечно, или, как тогда говорили, вполсвиста, до того раздражился, что вытащил «ТТ», приставил дуло к голове Снегового и, сказавши: «А вот мы проверим!» — спустил курок...

— И?.. — спросила Лидочка.

— Убил наповал, — сострил Малянов.

— Была осечка, — сказал Снеговой.

— Странные у вас знакомые, — сказала Лидочка с сомнением.

Тут она попала в самую точку. Вообще-то Арнольд Палыч рассказывал о себе редко, но смачно. И если судить по этим рассказам, то знакомые у него и в самом деле были очень необычные.

Некоторое время Малянов горячо спорил с Лидочкой, как Арнольда Палыча может занести в Гренландию. Малянов склонялся к авиационной катастрофе, Лидочка же настаивала на обыкновенной туристической поездке. Сам Арнольд Палыч, растянув лиловые губы в улыбку, помалкивал и садил сигарету за сигаретой.

Потом Малянов спохватился и вознамерился было снова расплескать по бокалам, но обнаружил, что и эта бутылка уже пуста. Он рванулся за новой, однако Арнольд Палыч

остановил его. Ему уже пора было идти, он ведь просто так забежал, на минутку. Лидочка, напротив, готова была продолжать. Она вообще была ни в одном глазу, только щеки немного покраснелись.

— Нет-нет, ребятки, — сказал Снеговой. — Я должен идти. — Он грузно поднялся и снова заполнил собой всю кухню. — Я уж пойду, Дмитрий Алексеевич, проводите меня... Спокойной ночи, Лидочка. Рад был познакомиться.

Они двинулись через прихожую. Малянов все пытался уговорить его остаться еще на бутылочку, но Снеговой только мотал седогривой головой и отрицательно мычал. В дверях он вдруг громко произнес:

— Да, Дмитрий Алексеевич! Я же обещал вам эту книгу... Пойдемте, я вам отдам...

«Какую это книгу?» — хотел спросить Малянов, но Снеговой прижал толстый палец к губам и увлек его через площадку к своей квартире. Этот толстый палец так поразил Малянова, что он последовал за Снеговым как овечка. Молча, все еще держа Малянова за локоть, Снеговой нашарил свободной рукой ключ в кармане и открыл дверь. По всей квартире у него горел свет — и в прихожей, и в обеих комнатах, и на кухне, и даже в ванной. Пахло застарелым табачным дымом и тройным одеколоном, и Малянову вдруг пришло в голову, что за все пять лет знакомства он, пожалуй, ни разу здесь не был. В комнате, куда Снеговой его ввел, было чисто и прибрано, горели все лампы — тройник под потолком, торшер в углу над диваном и даже маленькая лампа на столе. На спинке стула висел китель с полковничьими погонами и с целой коллекцией орденских планок. Оказывается, наш Арнольд Палыч полковник... Так-так-так!

— Какую книгу? — спросил наконец Малянов.

— Любую, — сказал Снеговой нетерпеливо. — Возьмите вот эту и держите в руках, чтобы не забыть... И давайте присядем на минутку.

В полном обалдении Малянов взял со стола толстый том и, зажав его под мышкой, опустился на диван у торшера. Арнольд Палыч сел рядом и сейчас же закурил. На Малянова он не глядел.

— Значит, так... — прогудел он. — Значит, так... Прежде всего... Что это за женщина?

— Лидочка? Я же вам сказал: подруга жены. А что?

— Вы ее хорошо знаете?

— Н-нет... Только сегодня познакомился. Она приехала с письмом... — Малянов запнулся и испуганно спросил: — А вы что, думаете, она...

Снеговой перебил его:

— Спрашивать буду я. Времени у нас нет. Над чем вы сейчас работаете, Дмитрий Алексеевич?

Малянов сразу вспомнил Вальку Вайнгартена, и его снова окатило нехорошим холодком. Он сказал, криво ухмыльнувшись:

— Что-то сегодня все интересуются, над чем я работаю...

— А кто еще? — быстро спросил Снеговой, буравя его маленькими синими глазками. — Она?

Малянов потряс головой.

— Нет... Вайнгартен... Мой друг.

— Вайнгартен... — Снеговой насупился. — Вайнгартен...

— Да нет! — сказал Малянов. — Я его хорошо знаю, еще в школе вместе учились, до сих пор дружим...

— Такая фамилия — Губарь — вам ничего не говорит?

— Губарь? Нет... Да что случилось, Арнольд Палыч?

Снеговой раздавил в пепельнице окурочек и закурил новую сигарету.

— Кто еще спрашивал о вашей работе?

— Больше никто...

— Так над чем вы работаете?

Малянов вдруг разозлился. Он всегда злился, когда ему становилось страшно.

— Слушайте, Арнольд Палыч, — сказал он, — я не понимаю...

— Я тоже! — сказал Снеговой. — И очень хочу понять! Рассказывайте! Подождите... У вас закрытая работа?

— Кой черт — закрытая? — раздраженно сказал Малянов. — Обыкновенная астрофизика и звездная динамика. Взаимодействие звезд и диффузной материи. Ничего закрытого здесь нет, просто я не люблю рассказывать о своей работе, пока не закончу!

— Звезды и диффузная материя... — медленно повторил Снеговой и пожал плечами. — Где имение, а где вода... И не закрытая? Ни в какой части?

— Ни в какой букве!

— И Губаря вы точно не знаете?

— И Губаря не знаю.

Снеговой молча дымил рядом с ним — огромный, сгорбившийся, страшный. Потом он сказал:

— Ну, на нет и суда нет. У меня к вам всё, Дмитрий Алексеевич. Извините, ради бога.

— Да, но у меня не всё! — сказал Малянов сварливо. — Я бы все-таки хотел понять...

— Не имею права, — сказал Снеговой, как отрезал.

Конечно, так просто Малянов бы от него не отстал. Но тут он заметил такое, что сразу прикусил язык. У Снегового левый карман его гигантской пижамы оттопыривался, и там весьма отчетливо и недвусмысленно отсвечивала рукоятка пистолета. Большого какого-то пистолета. Вроде гангстерского кольта из кино. И этот кольт сразу отбил у Малянова желание расспрашивать. Как-то сразу стало ему ясно, что его дело телячье и что спрашивает здесь не он. А Снеговой поднялся и сказал:

— Теперь вот что, Дмитрий Алексеевич. Я завтра опять...»

Глава третья

5. «...полежал на спине, не спеша очухиваясь. Под окном уже вовсю грохотали прицепы, а в квартире было тихо. От вчерашнего бестолкового дня остался только легкий шум в голове, металлический привкус во рту и какая-то неприятная заноза в душе, или в сердце, или бог еще знает где. Он стал разбираться, что это за заноза, но тут раздался осторожный звонок в дверь. А, это Палыч с ключами, сообразил он и торопливо соскочил с постели.

По дороге через прихожую он мельком отметил, что на кухне все прибрано, а дверь в Бобкину комнату плотно закрыта и задернута изнутри занавеской. Дрыхнет Лидочка. Встала, посуду помыла и снова завалилась.

Пока он возился с замком, звонок снова деликатно звякнул.

— Сейчас, сейчас... — сиплым со сна голосом проговорил он. — Одну минуточку, Арнольд Палыч...

Однако это оказался вовсе не Арнольд Палыч. Шаркая ногами по резиновому коврику, у порога стоял совершенно незнакомый молодой человек. Он был в джинсах, в черной рубашке с закатанными рукавами и в огромных противосолнечных очках. Тонтон-макут. Малянов успел заметить, что в глубине лестничной площадки, возле лифта, маячат еще двое тонтон-макутов в черных очках, но ему сразу стало не до них, потому что первый тонтон-макут произнес вдруг: «Из уголовного розыска» — и протянул Малянову какую-то книжечку. В развернутом виде.

«Очень мило!» — пронеслось у Малянова в голове. Все ясно. Этого и следовало ожидать. Чувства его были расстроены. В одних трусах он стоял перед тонтон-макутом из угрозыска и тупо смотрел в раскрытую книжечку. Там была фотокарточка, какие-то

печати и надписи, но воспринял он своими расстроенными чувствами только одно: «Управление Министерства внутренних дел». Крупными буквами.

— Да-да... — пролепетал он. — Конечно. Прошу. А в чем дело?

— Здравствуйте, — произнес тонтон-макут очень вежливо. — Вы Малянов Дмитрий Алексеевич?

— Я...

— Несколько вопросов, с вашего разрешения.

— Пожалуйста, пожалуйста... — сказал Малянов. — Подождите, здесь у меня не убрано... Только что встал... Может быть, на кухню?.. Нет, там сейчас солнце... Ладно, заходите сюда, я сейчас уберу.

Тонтон-макут прошел в большую комнату и скромно остановился посередине, откровенно озираясь, а Малянов кое-как убрал постель, накинул рубашку, натянул джинсы и бросился раздергивать шторы и открывать окно.

— Вы садитесь вот сюда, в кресло... Или вам удобнее за стол? А что, собственно, случилось?

Осторожно перешагивая через разбросанные по полу листки, тонтон-макут приблизился к креслу, уселся и положил на колени желтую кожаную папку, которая у него вдруг откуда-то объявилась.

— Ваш паспорт, пожалуйста, — сказал он.

Малянов сунулся в стол, выкопал паспорт и передал ему.

— Кто еще здесь живет? — спросил тонтон-макут, разглядывая паспорт.

— Жена... сын... Но их сейчас нет. Они в Одессе... в отпуске... у тещи...

Тонтон-макут положил паспорт на свою папку и снял черные очки. Такой обыкновенный, простоватой внешности молодой человек. И никакой не тонтон-макут, а скорее уж продавец. Или, скажем, мастер из телеателье.

— Давайте познакомимся, — сказал он. — Я — старший следователь уголовного розыска, зовут меня Игорь Петрович Зыков.

— Очень приятно, — сказал Малянов.

Тут ему в голову пришло, что он, черт возьми, не какой-нибудь уголовный преступник, не ширмач, черт их всех подери, форточник, а старший, черт возьми, научный сотрудник и кандидат наук. И не мальчишка, между прочим. Он закинул ногу на ногу, уселся поудобнее и сказал сухо:

— Слушаю вас.

Игорь Петрович приподнял свою папку двумя руками, тоже положил ногу на ногу и, опустив папку на колено, спросил:

— Вы Снегового Арнольда Павловича знаете?

Малянова этот вопрос врасплох не застал. Почему-то — ему и самому было неясно почему — он так и ожидал, что спрашивать его будут сейчас либо про Вальку Вайнгартена, либо про Арнольда Палыча. Поэтому он по-прежнему сухо ответил:

— Да, с полковником Снеговым я знаком.

— А откуда вам известно, что он полковник? — немедленно поинтересовался Игорь Петрович.

— Н-ну, как вам сказать... — проговорил Малянов уклончиво. — Все-таки мы знакомы давно...

— Как давно?

— Н-ну... лет пять, наверное... с тех пор, как въехали в этот дом...

— А при каких обстоятельствах вы познакомились?

Малянов стал вспоминать. Действительно, при каких обстоятельствах? Ч-черт... Когда он ключ принес в первый раз, что ли?.. Нет, мы тогда уже были знакомы...

— Гм... — сказал он, снял ногу с ноги и поскреб в затылке. — Вы знаете, не помню. Помню, был такой случай... Лифт не работал, а Ирина — это моя жена — возвращалась из

магазина с покупками и с сынишкой... Арнольд Палыч взял у нее авоську и ребенка... Ну, жена пригласила заходить... Кажется, в тот же вечер он и зашел...

— Он был в форме?

— Нет, — сказал Малянов уверенно.

— Так... И с тех пор вы, значит, подружились?

— Н-ну, что значит — подружились? Он заходит к нам иногда... берет книги, приносит книги... чаек иногда пьем вместе... а когда он уезжает в командировки, отдает нам ключи...

— Зачем?

— Как зачем? — сказал Малянов. — Мало ли...

А в самом деле, зачем? Как-то это мне никогда в голову не приходило. Так, на всякий случай, наверное...

— На всякий случай, наверное, — сказал Малянов. — Например, приедет кто-нибудь из родных... или еще что-нибудь...

— Кто-нибудь приезжал?

— Да нет... насколько я помню — нет. При мне, во всяком случае, никто не приезжал. Может быть, жена что-нибудь по этому поводу знает...

Игорь Петрович задумчиво покивал, затем спросил:

— Ну а приходилось вам с ним говорить о науке, о работе?

Опять о работе.

— О чьей работе? — мрачно спросил Малянов.

— О его, конечно. Ведь он, кажется, был физиком...

— Понятия не имею. Скорее уж ракетчиком каким-нибудь...

Он еще не успел договорить, как его обдало холодом. То есть как это — БЫЛ? Почему — БЫЛ? Ключ не занес... Господи, да что же случилось, наконец? Он уже готов был заорать во весь голос: «То есть в каком это смысле БЫЛ?» — но тут Игорь Петрович совершенно сбил его с панталыку. Стремительным движением фехтовальщика он выбросил в его сторону длинную руку и выхватил у него из-под носа какой-то черновик.

— А это откуда у вас? — спросил он резко, и мирное лицо его вдруг хищно осунулось. — Откуда у вас это?

— По... позвольте... — проговорил Малянов, приподнимаясь за похищенным черновиком.

— Сидите! — прикрикнул Игорь Петрович. Сизые его глазки бегали по лицу Малянова. — Как к вам попали эти данные?

— Какие данные? — прошептал Малянов. — Какие, к черту, данные? — заревел он. — Это мои расчеты!

— Это не ваши расчеты, — холодно возразил Игорь Петрович, тоже повышая голос. — Вот этот график — откуда он у вас?

Он издала показал листок и постучал ногтем по кривой плотности.

— Из головы! — сказал Малянов свирепо. — Вот из этой! — Он постучал себя кулаком по темени. — Это зависимость плотности от расстояния до звезды!

— Это кривая роста преступности в вашем районе за последний квартал! — объявил Игорь Петрович.

Малянов потерял дар речи. А Игорь Петрович, брюзгливо оттопырив губы, продолжал:

— Даже срисовать толком не сумели... Не так она на самом деле идет, а вот так... — С этими словами он взял карандаш Малянова, вскочил и, положив листок на стол, принялся, сильно надавливая, чертить поверх кривой плотности какую-то ломаную линию, приговаривая при этом: — Вот так... А здесь вот так, а не так... — Закончив и сломав грифель, он отшвырнул карандаш, снова уселся и посмотрел на Малянова с сожалением. — Эх, Малянов, Малянов, — произнес он. — Квалификация у вас высокая, опытный преступник, а действуете как последняя сывка...

Малянов обалдело переводил взгляд с чертежа на его лицо и обратно. Это не лезло ни в какие ворота. То есть до такой степени не лезло, что не имело смысла ни говорить, ни кричать, ни молчать. Собственно, строго говоря, в этой ситуации следовало бы попросту проснуться.

— Ну а жена ваша в хороших отношениях со Снеговым? — спросил Игорь Петрович прежним вежливым до бесцветности голосом.

— В хороших... — сказал Малянов тупо.

— Она с ним на «ты»?

— Послушайте, — сказал Малянов. — Вы мне чертеж испортили. Что это такое, в самом деле?

— Какой чертеж? — удивился Игорь Петрович.

— Да вот этот, график...

— А! Ну, это несущественно. Снеговой заходит в гости, когда вас нет дома?

— Несущественно... — повторил за ним Малянов. — Это, знаете ли, вам несущественно, — проговорил он, поспешно собирая со стола бумаги и кое-как распихивая их по ящикам. — Сидишь тут, сидишь как проклятый, вкалываешь, потом приходят всякие и говорят, что это несущественно... — бормотал он, опускаясь на корточки и собирая черновики, разбросанные по полу.

Игорь Петрович без всякого выражения следил за ним, аккуратно ввинчивая сигарету в мундштучок. Когда Малянов, отдуваясь, потный и злой, вернулся на свое место, Игорь Петрович спросил вежливо:

— Вы разрешите закурить?

— Курите, — сказал Малянов. — Вон пепельница... И знаете, спрашивайте поскорей, что вам нужно. Мне работать пора.

— Это зависит только от вас, — возразил Игорь Петрович, деликатно выпустив дым из угла рта в сторону от Малянова. — Вот, например, такой вопрос: как вы обычно называете Снегового — полковник, по фамилии или по имени-отчеству?

— Когда как придется, — буркнул Малянов. — Какая вам разница, как я его называю?

— Полковником тоже называете?

— Ну, называю. Ну?

— Это очень странно, — сказал Игорь Петрович, осторожно стряхивая пепел. — Дело в том, что Снеговой получил звание полковника только позавчера.

Это был удар. Малянов молчал, чувствуя, что лицо его заливается краской.

— Так откуда вы узнали, что Снеговой произведен в полковники?

Малянов махнул рукой.

— Ладно, — сказал он. — Чего там... Ну, прихвастнул. Ну, не знал я, что он полковник... или там подполковник... Просто я вчера к нему зашел, увидел китель с погонами... ну, вижу — полковник...

— А когда вы вчера у него были?

— Да вечером. Поздно... Книгу вот у него взял. Вот эту...

Это он зря сболтнул — про книгу. Игорь Петрович сейчас же книгу придвинул к себе и принялся ее листать, а Малянов покрылся холодным потом, потому что понятия не имел, что это за книга и о чем.

— Это на каком же она языке? — рассеянно спросил Игорь Петрович.

— Э... — промямлил Малянов, вторично покрываясь холодным потом. — На английском, надо полагать...

— Да нет как будто... — проговорил Игорь Петрович, вглядываясь в текст. — Это все-таки кириллица у вас... не латынь... А? Да это же русский!

Малянов облился потом в третий раз, но Игорь Петрович только положил книгу на место, нацепил свои черные очки и, откинувшись в кресле, уставился на него. А Малянов

установился на Игоря Петровича, стараясь не мигать и не отводить взгляда. В голове у него было следующее: сук-кин ты сын... капитан Конкассер вшивый... не скажу, где наши...

— На кого я похож, по-вашему? — спросил вдруг Игорь Петрович.

— На тонтон-макута! — ляпнул Малянов не задумываясь.

— Неправильно, — сказал Игорь Петрович. — Попробуйте еще разок.

— Не знаю... — пробормотал Малянов.

Игорь Петрович снял очки и укоризненно покачал головой.

— Плохо! Ну — плохо! Никуда не годится. Странное у вас представление о наших органах следствия... Это надо же — тонтон-макут!

— Ну а на кого же? — спросил Малянов трусливо.

Игорь Петрович назидательно потряс перед собой очками.

— На человека-невидимку! — сказал он отдельно. — Единственное сходство с тонтон-макутом — единственное! — что тоже пишется через черточку.

Он замолчал. Стояла тяжелая ватная тишина, даже машины перестали взрывать под окном. Малянов не слышал ни одного звука, и ему опять мучительно захотелось проснуться. И вдруг в этой тишине грянул телефон.

Малянов вздрогнул. Игорь Петрович, кажется, тоже. Звонок грянул вторично. Опираясь на подлокотники, Малянов приподнялся и вопросительно посмотрел на Игоря Петровича.

— Да-да, — сказал тот. — Это, наверное, вас.

Малянов добрался до тахты и взял трубку. Это был Валька Вайнгартен.

— Здорово, астрофаг, — буркнул он. — Что не звонишь, скотина?

— Ты понимаешь... не до того было...

— С бабой развлекаешься?

— Д-да... нет... Что ты, какое там...

— Если б моя Светка поставляла мне своих подружек!.. — произнес Вайнгартен завистливо.

— Д-да... — промямлил Малянов. Он все время чувствовал у себя на затылке взгляд капитана Конкассера. — Слушай, Валька, я тебе попозже позвоню...

— А что у тебя там? — сейчас же встревожился Вайнгартен.

— Да так... Я тебе потом расскажу.

— Баба эта?

— Нет.

— Мужчина?

— Ага...

Вайнгартен тяжело задышал в трубку.

— Слушай, — сказал он, понизив голос. — Я сейчас к тебе приеду. Хочешь?

— Нет! Тебя еще здесь не хватало...

Вайнгартен снова задышал.

— Слушай, — сказал он. — Он рыжий?

Малянов невольно оглянулся на Игоря Петровича. К его удивлению, Игорь Петрович на него вовсе не смотрел, а читал, шевеля губами, книгу Снегового.

— Да нет, что за чушь! Ладно, я потом тебе позвоню...

— Обязательно позвони! — заорал Валька. — Как только он уйдет, сразу же звони!

— Ладно, — сказал Малянов и повесил трубку. Потом он вернулся на свое место, пробормотав: «Пардон...»

— Ничего, ничего, — сказал Игорь Петрович и отложил книгу. — Широкие у вас все-таки интересы, Дмитрий Алексеевич...

— Д-да... не жалею... — промямлил Малянов. Ч-черт, хоть бы одним глазком глянуть, что это за книга. — Игорь Петрович, — сказал он просительно. — Давайте, если можно, как-нибудь закругляться. Второй час уже.

— Ну, разумеется! — воскликнул Игорь Петрович с готовностью. Он озабоченно взглянул на часы и извлек из папки блокнот. — Значит, так. Вчера вечером вы заходили к Снеговому. Так?

— Да.

— За этой книгой?

— Д-да... — сказал Малянов, решив ничего больше не уточнять.

— Когда это было?

— Поздно... около двенадцати...

— Вам не показалось, что Снеговой собирается куда-то уезжать?

— Да, показалось. То есть не показалось... Он просто сам сказал, что завтра утром уезжает и занесет мне ключи...

— Занес?

— Нет. То есть, может, он и звонил в дверь, но я не слышал, спал...

Игорь Петрович быстро писал, положив блокнот на папку, лежащую на колене. На Малянова он теперь вовсе не смотрел, даже когда задавал вопросы. Торопился, что ли?

— А Снеговой не сказал вам, куда он собирается ехать?

— Нет. Он никогда не говорит, куда едет...

— Но вы догадываетесь, куда он ездит?

— Н-ну, в общем... догадываюсь... На полигон какой-нибудь... или что-нибудь еще в этом роде...

— Он вам что-нибудь рассказывал об этом?

— Нет, конечно. Мы о его работе никогда не говорили.

— Откуда же вы догадываетесь?

Малянов пожал плечами. В самом деле, откуда? Такие вещи объяснить невозможно... Ясно, что человек работает в глубоком ящике, лицо вон все обожжено, руки... и манеры соответствующие... и то, что уклоняется от разговоров о работе...

— Не знаю, — сказал Малянов. — Как-то мне всегда казалось... Не знаю.

— Он знакомил вас с кем-нибудь из своих друзей?

— Нет, никогда.

— А с женой?

— Разве он женат? Я всегда считал, что он холостяк или... это... вдовец...

— А почему вы так считали?

— Не знаю, — сказал Малянов сердито. — Интуиция.

— А может быть, ваша жена вам об этом говорила?

— Ирка? Ей-то откуда знать?

— Вот это я и хотел бы выяснить.

Воцарилось молчание, оба они уставились друг на друга.

— Не понимаю, — сказал Малянов. — Что вы хотите выяснить?

— Откуда ваша жена знала, что Снеговой не женат.

— Э-э... А-а... А она знала?

Игорь Петрович не ответил. Он пристально смотрел на Малянова, и зрачки его странным и зловещим образом то сужались, то расширялись. Нервы у Малянова были натянуты до предела. Ему казалось: еще секунда — и он начнет колотить кулаками по столу, брызгать слюной и вообще потеряет лицо. Он просто больше не мог. Во всей этой болтовне был какой-то зловещий подтекст, все это было похоже на липкую паутину, и в эту паутину почему-то то и дело затягивали Ирку...

— Ну, ладно, — сказал вдруг Игорь Петрович, захлопывая блокнот. — Значит, коньяк у вас здесь... — Он указал на бар. — А водка — в холодильнике. Вы что предпочитаете? Лично вы.

— Я?

— Да. Вы. Лично.

— Коньяк... — произнес Малянов хрипло и глотнул. В горле у него было сухо.

— Вот и прекрасно! — бодренько сказал Игорь Петрович, легко поднялся и мелкими шажками двинулся к бару. — Далеко ходить не надо... Та-ак! — Он уже копался в баре. — Ага, тут у вас и лимончик есть... Подсох слегка, но это ничего, не страшно... Какие рюмочки прикажете? Давайте вот из этих, из синеньких...

Малянов тупо смотрел, как он с необыкновенной ловкостью расставляет на столе рюмки, тонкими ломтиками нарезает лимон, откупоривает бутылку.

— Вы знаете, — говорил он, — если откровенно — дело ваше дрянь. Разумеется, все решает суд, но я как-никак десять лет уже работаю, кое-какой опыт имею. Всегда, знаете ли, можно представить себе, какое дело на что тянет. Ну, вышки вам не дадут, но лет пятнадцать я вам, можно сказать, гарантирую... — Он аккуратно, не пролив ни капли, разлил коньяк по рюмкам. — Разумеется, всегда могут открыться смягчающие обстоятельства, но пока я их, откровенно говоря, не вижу... Не вижу, не вижу и не вижу, Дмитрий Алексеевич! Ну... — Он поднял рюмку и приглашающе наклонил голову.

Одеревенелыми пальцами Малянов взялся за свою рюмку.

— Хорошо... — произнес он не своим голосом. — Но могу я все-таки узнать, что происходит?

— Ну разумеется! — вскричал Игорь Петрович. Он выпил, кинул в рот ломтик лимона и энергично закивал. — Разумеется, можете! Теперь я вам все расскажу. Имею полное право.

И он рассказал.

Сегодня в восемь часов утра за Снеговым пришла машина, чтобы отвезти его на аэродром. К удивлению водителя, Снеговой не дожидался в подъезде, как это было у них заведено. Повременив пять минут, водитель поднялся на лифте и позвонил в квартиру. Никто ему не открыл, хотя звонок работал — водитель слышал это прекрасно. Тогда он спустился вниз и из автомата на углу доложил по начальству о создавшейся ситуации. Начальство стало звонить Снеговому по телефону. Телефон Снегового был все время занят. Тем временем водитель, обойдя дом, обнаружил, что все три окна Снегового раскрыты настежь и в квартире, несмотря на высокое уже солнце, горит электрический свет. Водитель немедленно доложил об этом. Были вызваны компетентные лица, которые, прибыв, тут же взломали замок и осмотрели квартиру Снегового. При осмотре было обнаружено, что все электролампы в квартире включены, на кровати в спальне стоит незакрытый, но собранный чемодан, а сам Снеговой сидит в своем кабинете за столом, держа в одной руке телефонную трубку, а в другой — пистолет системы Макарова. Было установлено, что Снеговой скончался от огнестрельной раны, нанесенной из этого пистолета в правый висок в упор. Смерть последовала мгновенно между тремя и четырьмя часами утра.

— А я-то здесь при чем? — просипел Малянов.

В ответ Игорь Петрович подробно рассказал, как строилась баллистическая кривая и как была обнаружена пуля, прошедшая навывлет и застрявшая в стене.

— Но я-то, я-то здесь при чем? — спрашивал Малянов, истово ударяя себя в грудь. К этому моменту они уже выпили по третьей.

— Но вам его жалко? — спрашивал Игорь Петрович. — Жалко его вам?

— Жалко, конечно... Он был отличный мужик... Но я-то! Меня-то вы почему? Я и пистолета сроду в руках не держал! Я же невоеннообязанный... по зрению...

Игорь Петрович его не слушал. Он подробно рассказывал, как следствию удалось в короткие сроки выяснить, что покойный Снеговой был левша, и очень странно, что застрелился он, держа пистолет в правой руке.

— Ну да, ну да! — соглашался Малянов. — Арнольд Палыч действительно был левша, я тоже это знаю, могу подтвердить... Но я-то... Я ведь спал всю ночь! А потом, зачем я его буду убивать, сами посудите!

— Ну а кто же? Кто? — ласково спросил Игорь Петрович.

— Откуда мне знать? Это вы должны знать — кто!

— Вы-с! — гнусаво-вкрадчивым голосом Порфирия произнес Игорь Петрович, разглядывая Малянова сквозь рюмку одним глазом. — Вы и убили-с, Дмитрий Алексеевич!..

— Кошмар какой-то... — пробормотал Малянов беспомощно. Ему хотелось заплакать от отчаяния.

И тут легкий сквознячок потянул по комнате, шевельнул сдвинутую штору, и яростное пополуденное солнце, ворвавшись в окно, ударило Игоря Петровича прямо по лицу. Он зажмурился, заслонился растопыренной пятерней, подвинулся в кресле и торопливо поставил рюмку на стол. Что-то с ним случилось. Глаза часто замигали, на щеки набежала краска, подбородок дрогнул. «Простите... — прошептал он с совершенно человеческой интонацией. — Простите, Дмитрий Алексеевич... Может быть, вы... Как-то здесь...»

Он замолчал, потому что в Бобкиной комнате что-то грохнуло и разлетелось с длинным дребезгом.

— Это что такое? — спросил Игорь Петрович, насторожившись. Души человеческой снова не было в его голосе.

— Это там... один человек... — проговорил Малянов, так и не успев понять, что же произошло с Игорем Петровичем. Совсем другая мысль вдруг осенила его. — Слушайте! — вскричал он, вскакивая. — Пойдемте! Вот, пожалуйста, там подруга жены! Она подтвердит!.. всю ночь спал, никуда не выходил...

Толкаясь плечами, они устремились в прихожую.

— Интересно, интересно... — приговаривал Игорь Петрович. — Подруга жены... Посмотрим!

— Она подтвердит... — бормотал Малянов. — Сейчас увидите... Подтвердит...

Они без стука ворвались в Бобкину комнату и остановились. Комната была прибрана и пуста. Лидочки не было, постели на тахте не было, чемодана не было. А под окном, рядом с осколками глиняного кувшина (Хорезм, XI век), сидел Калям с необыкновенно невинным видом.

— Это? — произнес Игорь Петрович, указывая на Каляма.

— Нет... — ответил Малянов глупо. — Это наш кот, он у нас давно... Позвольте, а где же Лидочка? — Он оглянулся на вешалку. Белого пыльника тоже не было. — Она ушла, наверное...

Игорь Петрович пожал плечами.

— Наверное, — сказал он. — Здесь ее нет.

Тяжело ступая, Малянов подошел к разбитому кувшину.

— С-скотина! — сказал он и дал Калям по уху.

Калям шарахнулся вон. Малянов присел на корточки. Вдребезги. Какой хороший кувшин был...

— А она у вас ночевала? — спросил Игорь Петрович.

— Да, — сказал Малянов мрачно.

— Когда вы ее видели в последний раз? Сегодня?

Малянов помотал головой.

— Вчера. То есть, собственно, сегодня. Ночью. Я ей простыни давал, одеяло... — Он заглянул в Бобкин ящик для постельного белья. — Вот. Всё тут.

— Давно она у вас живет?

— Вчера приехала.

— А вещи ее здесь?

— Не вижу, — сказал Малянов. — И пыльника ее нет.

— Странно, верно? — сказал Игорь Петрович.

Малянов молча махнул рукой.

— Ну и черт с нею, — сказал Игорь Петрович. — С этими бабами одна морока. Пойдемте еще по рюмочке...

Вдруг входная дверь распахнулась, и в прихожую...»

6. «...дверь лифта, загудел мотор. Малянов остался один.

Долго стоял он на пороге Бобкиной комнаты, привалившись плечом к косяку и ни о чем, в общем, не думая. Появился откуда-то Калям, прошел, нервно подрагивая хвостом, мимо него, вышел на площадку и принялся лизать цементный пол.

— Ну, ладно, — сказал Малянов наконец, оторвался от косяка и прошел в большую комнату.

Было там накурено, сиротливо стояли три синие рюмки на столе — две пустые и одна наполовину полная; солнце уже добралось до книжных полок.

— Коньяк унес... — сказал Малянов. — Это ж надо же!

Он немного посидел в кресле, допил свою рюмку. За окном грохотало и фырчало, через открытые двери доносились с лестницы детские вопли и шум лифта. Пахло щами. Потом он встал, протасился через прихожую, ударившись плечом о косяк, выволокнул ногу за ногу на лестничную площадку и остановился перед дверью квартиры Снеговой. Дверь была опечатана, и на замке стояла большая сургучная печать. Он осторожно коснулся ее кончиками пальцев и отдернул руку. Все было правдой. Все, что случилось, — случилось. Гражданин Советского Союза Арнольд Павлович Снеговой, полковник и загадочный человек, ушел из жизни».

Глава четвертая

7. «Он помыл и поставил на место рюмки, убрал черепки в Бобкиной комнате и дал Калям рыбы. Потом взял высокий стакан, из которого Бобка пьет молоко, вбил туда три сырых яйца, крошил хлеба, обильно засыпал солью и перцем и перемешал. Есть ему не хотелось, он действовал механически. И он съел эту тюрю, стоя перед балконным окном и глядя на залитый солнцем пустой двор. Даже деревья не удосужились посадить. Хоть одно.

Мысли его текли вялой струйкой, да и не мысли это были, собственно, — так, обрывки какие-то. Может быть, это такие новые методы следствия, думал он. Научно-техническая революция и вообще. Непринужденность и психическая атака... Но насчет коньяка — как-то совсем уж непонятно. Игорь Петрович Зыков... или Зыкин? Ну, это он мне сам так представился, а вот что у него было в документе? Мазурики! — подумал он вдруг. Спектакль со мной разыграли ради полбутылки коньяка...

Нет, Снеговой умер, это ясно. Снегового я больше не увижу. Хороший был человек, только какой-то нелепый. Какой-то он всегда был неустроенный... особенно вчера. И ведь кому-то он звонил... звонил он кому-то, что-то хотел сказать еще, объяснить... предупредить о чем-то. Малянова передернуло. Он поставил в мойку грязный стакан — эмбрион будущей кучи грязной посуды. Здорово Лидочка кухню убрала, все так и сверкает... А он меня предупреждал насчет Лидочки. Действительно, с этой Лидочкой как-то непонятно...

Малянов вдруг бросился в прихожую, поискал под вешалкой и нашел записку от Ирки. Нет, ерунда. Все правильно. И почерк явно Иркин, и манера ее... И вообще, вы подумайте: ну на кой ляд убийце мыть посуду?...»

8. «...у Вальки был занят. Малянов положил трубку и растянулся на тахте, уткнувшись носом в жесткий ворс. У Вальки ведь там тоже что-то не в порядке. Истерика какая-то. Вообще-то с ним такое случается. Либо со Светкой поругался, либо с тещей... Что это он у меня спрашивал, странное что-то... Эх, Валька, мне бы твои заботы! Нет, пускай приезжает. Он в истерике, я в истерике, — глядишь, вдвоем что-нибудь и

придумаем... Малянов снова набрал номер, и снова оказалось занято. Ч-черт, как время бездарно проходит! Сейчас бы самое работать и работать, а тут вся эта пакость.

И вдруг кто-то кашлянул в прихожей у него за спиной. Малянова как ветром снесло с тахты. И зря, конечно. Никого там, в прихожей, не было. И в ванной тоже. И в сортире. Он проверил замок, вернулся на тахту и тут обнаружил, что колени у него дрожат. Ч-черт, нервы сдали. А этот тип еще убеждал меня, что похож на человека-невидимку. На глисту ты похож очкастую, а не на человека-невидимку! Гад. Он еще раз набрал телефон Вальки, бросил трубку и стал решительно натягивать носки. От Вечеровского позвоню. Сам виноват, что все время треплется... Он натянул чистую рубашку, проверил в кармане ключи, запер за собой дверь и побежал вверх по лестнице.

На шестом этаже в нише у мусоропровода миловалась парочка. Парень был в черных очках, но Малянов этого сопляка знал — кандидат в рядовые необученные из семнадцатой квартиры, второй год никуда поступить не может и не хочет... Больше до самого восьмого этажа он никого не встретил. Но все время тлело в нем предчувствие, что вот-вот наткнется на кого-то. Цапнут его за локоть и скажут негромко: «Одну минуточку, гражданин...»

Слава богу, Фил был дома. И как всегда, у него был такой вид, словно он собирается в консульство Нидерландов на прием в честь прибытия ее величества и через пять минут за ним должна заехать машина. Был на нем какой-то невероятной красоты кремовый костюм, невообразимые мокасины и галстук. Этот галстук Малянова всегда особенно угнетал. Не мог он представить себе, как это можно работать дома в галстук.

— Работаешь? — спросил Малянов.

— Как всегда.

— Ну, я ненадолго.

— Конечно, — сказал Вечеровский. — Кофе?

— Подожди, — сказал Малянов. — А впрочем, давай.

Они отправились на кухню. Малянов сел на свой стул, а Вечеровский принялся колдовать с кофейным оборудованием.

— Я сделаю по-венски, — сказал он не оборачиваясь.

— Валяй, — отозвался Малянов. — Сливки есть?

Вечеровский не ответил. Малянов смотрел, как под тонкой кремовой тканью энергично работают его торчащие лопатки.

— У тебя следователь был? — спросил он.

Лопатки на мгновение застыли, затем над сутулым плечом медленно возникло, поворачиваясь, длинное веснушчатое лицо с вислым носом и рыжими бровями, высоко задранными над верхним краем могучей роговой оправы очков.

— Прости... Как ты сказал?

— Я сказал: следователь у тебя был сегодня или нет?

— Почему именно следователь? — осведомился Вечеровский.

— Потому что Снеговой застрелился, — сказал Малянов. — Ко мне уже приходили.

— Кто такой Снеговой?

— Ну, этот дядька, который напротив меня живет. Ракетчик.

— А...

Вечеровский отвернулся и снова задвигал лопатками.

— А ты разве его не знал? — спросил Малянов. — По-моему, я вас знакомил.

— Нет, — сказал Вечеровский. — Насколько я помню — нет.

По всей кухне прекрасно запахло кофе. Малянов уселся поудобнее. Рассказать или не стоит? В этой сверкающей ароматной кухне, где было так прохладно, несмотря на ослепительное солнце, где все всегда стояло на своих местах и все было самого высшего качества — на мировом уровне или несколько выше, — здесь все события прошедших суток казались особенно нелепыми, дикими, неправдоподобными... нечистоплотными какими-то.

— Ты анекдот о двух петухах знаешь? — спросил Малянов.

— О двух петухах? Я знаю анекдот о трех петухах. Совершенно бездарный. От сохи.

— Да нет. О двух! — сказал Малянов. — Не знаешь?

И он рассказал анекдот о двух петухах. Вечеровский не отреагировал никак. Можно было подумать, что ему не анекдот рассказали, а предложили серьезную задачу, — такой у него был вид, сосредоточенный и задумчивый, когда он ставил перед Маляновым чашечку кофе, полную сливочницу и розетку с вареньем. Потом он налил чашечку себе, сел напротив, держа ее на весу, обмакнул в нее губы и проговорил наконец:

— Превосходно. Это я не о твоём анекдоте. Это я о кофе.

— Догадываюсь, — уныло сказал Малянов.

Некоторое время они молча наслаждались кофе по-венски. Потом Вечеровский сказал:

— Вчера я немного подумал над твоей задачей... Ты не пробовал применить функции Гартвига?

— Знаю, знаю, — сказал Малянов. — Сам допер.

— Получилось?

Малянов отодвинул от себя пустую чашку.

— Слушай, Фил, — сказал он. — Какие тут, к чертовой матери, функции Гартвига? У меня голова винтом, а ты...»

9. «...помолчал минуту, поглаживая двумя пальцами гладко выбритую скулу, а затем продекламировал:

— Глянуть смерти в лицо сами мы не могли, нам глаза завязали и к ней привели... —

И добавил: — Бедняга.

Непонятно было, кого он имеет в виду.

— Нет, я все могу понять, — сказал Малянов. — Но вот этот следовательно...

— Ты хочешь еще кофе? — перебил его Вечеровский.

Малянов помотал головой, и Вечеровский поднялся.

— Тогда пойдем ко мне, — сказал он.

Они перешли в кабинет. Вечеровский сел за стол — совершенно пустой, с одиноким листком бумаги посередине, — вынул из ящика механический бювар, щелкнул какой-то кнопкой, пошарил глазами по строчкам и набрал на телефоне номер.

— Старшего следователя Зыкина, — произнес он вялым начальственным голосом. — Я и говорю — Зыкова Игоря Петровича... На операции? Благодарю вас. — Он положил трубку. — Старший следователь Зыков на операции, — сообщил он Малянову.

— Коньяк он мой пьет с девками, а не на операции... — проворчал Малянов.

Вечеровский покусал губу.

— Это уже неважно. Важно, что он существует.

— Конечно, существует! — сказал Малянов. — Он мне свое удостоверение показывал... Или ты думал, что это были жулики?

— Вряд ли...

— Вот и я тоже подумал. Из-за бутылки коньяка разводить такую историю... да еще рядом с опечатанной квартирой...

Вечеровский кивнул.

— А ты говоришь — функции Гартвига! — сказал Малянов укоризненно. — Какая тут может быть работа! Тут того и гляди загремишь в лагерь...

Вечеровский пристально смотрел на него рыжими глазами.

— Дима, — проговорил он, — а тебя не удивило, что Снеговой заинтересовался твоей работой?

— Еще бы! Сроду мы с ним о работе никогда не говорили...

— А что ты ему рассказал?

— Н-ну... в общих чертах... Он, собственно, и не настаивал на подробностях.

— И что он сказал?

— Ничего не сказал. По-моему, он был разочарован. «Где имение, а где вода» — так он выразился.

— Прости?

— «Где имение, а где вода»...

— А что, собственно, это значит?

— Это из классики откуда-то... В том смысле, что в огороде бузина, а в Киеве дядька...

— Ага... — Вечеровский задумчиво поморгал коровьими ресницами, потом взял с подоконника идеально чистую пепельницу, вынул из стола трубку с кисетом и принялся ее набивать. — Ага... «Где имение, а где вода»... Это хорошо. Надо будет запомнить.

Малянов нетерпеливо ждал. Он очень верил в него. У Вечеровского был совершенно нечеловеческий мозг. Малянов не знал другого человека, который из совокупности данных фактов был бы способен делать столь неожиданные выводы.

— Ну? — сказал Малянов наконец.

Вечеровский уже набил свою трубку и теперь так же неторопливо и со вкусом ее раскуривал. Трубка тихонечко сипела. Вечеровский сказал, затягиваясь:

— Дима... п-п... а насколько ты, собственно, продвинулся с четверга? Мы, кажется, в четверг... п-п... разговаривали в последний раз...

— Какое это имеет значение? — спросил Малянов с раздражением. — Мне сейчас, знаешь ли, не до этого...

Эти слова Вечеровский пропустил мимо ушей — по-прежнему смотрел на Малянова рыжими своими глазами и попыхивал трубкой. Это был Вечеровский. Он задал вопрос и теперь ждал ответа. И Малянов сдался. Он верил, что Вечеровскому виднее, что имеет значение, а что — нет.

— Неплохо я продвинулся, — сказал он и принялся рассказывать, как ему удалось переформулировать задачу и свести ее сначала к уравнениям в векторной форме, а потом к интегро-дифференциальному уравнению; как у него стала вырисовываться физическая картина, как допер он до М-полостей и как вчера сообразил наконец использовать преобразования Гартвига.

Вечеровский слушал очень внимательно, не перебивая и не задавая вопросов, и только один раз, когда Малянов, увлекшись, схватил одинокий листок и попытался писать на обратной стороне, остановил его и попросил: «Словами, словами...»

— Но ничего этого я сделать уже не успел, — уныло закончил Малянов. — Потому что сначала начались дурацкие телефонные звонки, потом приперся мужик из стола заказов...

— Ты мне ничего об этом не говорил, — прервал его Вечеровский.

— Так это никакого отношения к делу не имеет, — сказал Малянов. — Пока были телефонные звонки, я еще кое-как работал, а потом заявила эта Лидочка, и все пошло на пропась...

Вечеровский совершенно окутался клубами и струями ароматного медвяного дыма.

— Неплохо, неплохо... — прозвучал его глуховатый голос. — Но остановился ты, как я вижу, на самом интересном месте.

— Не я остановился, а меня остановили!

— Да, — сказал Вечеровский.

Малянов ударил себя кулаками по коленям.

— Ч-черт, сейчас бы работать и работать! А я думать не могу! От каждого шороха в собственной квартире вздрагиваю как псих... и вдобавок эта милая перспективочка — пятнадцать лет ИТЛ...

Он уже в который раз вворачивал про эти пятнадцать лет, все ждал, что Вечеровский скажет: «Не выдумывай, какие там пятнадцать лет, это же явное недоразумение...» — но Вечеровский и на этот раз ничего подобного не сказал. Вместо этого он принялся длинно

и нудно расспрашивать Малянова о телефонных звонках: когда они начались (точно), куда звонили (ну хоть несколько конкретных примеров), кто звонил (мужчина? женщина? ребенок?). Когда Малянов рассказал ему про звонки Вайнгартена, он, по-видимому, удивился и некоторое время молчал, а потом опять принялся за свое. Что Малянов отвечал в телефон? Всегда ли подходил? Что ему сказали в бюро ремонта? Кстати, только теперь Малянов вспомнил, что после его второго звонка в бюро ремонта ошибочные вызовы прекратились... Но он даже не успел сказать об этом Вечеровскому, потому что вспомнил еще кое-что.

— Слушай, — сказал он, оживившись. — Я совсем забыл. Вайнгартен, когда звонил вчера, спрашивал, знаю ли я Снегового.

— Да?

— Да. Я сказал, что знаю.

— А он?

— А он сказал, что не знает... Не в этом дело. Что это, по-твоему, — совпадение? Или как? Странное какое-то совпадение...

Вечеровский помолчал некоторое время, попыхивая трубкой, а затем снова принялся за свое. Что это за история со столом заказов? Поподробнее... Как выглядел этот дядька? Что он говорил? Что он принес? Что теперь осталось от того, что он принес?.. Этим унылым допросом он загнал Малянова в кромешную тоску, потому что Малянов не понимал, зачем это все надо и какое отношение все это имеет к его несчастьям. Потом Вечеровский наконец замолчал и принялся ковыряться в трубке. Малянов сначала ждал, а потом стал представлять себе, как за ним приходят четверо, все как один в черных очках, и шарят по квартире, и отдирают обои, и допытываются, не вступал ли он в сношения с Лидочкой, и не верят ему, а потом уводят...

Он хрустнул пальцами и с тоской пробормотал:

— Что будет? Что будет?..

Вечеровский тотчас откликнулся.

— Кто знает, что ждет нас? — сказал он. — Кто знает, что будет? И сильный будет, и подлый будет. И смерть придет и на смерть осудит. Не надо в грядущее взор погружать...

Малянов понял, что это стихи, только потому, что Вечеровский, закончив, разразился глуховатым уханьем, которое обозначало у него довольный смех. Наверное, так же ухали уэллсовские марсиане, упиваясь человеческой кровью, и Вечеровский так ухал, когда ему нравились стихи, которые он читал. Можно было подумать, что удовольствие, которое он испытывал от хороших стихов, было чисто физиологическим.

— Иди ты к черту, — сказал ему Малянов.

И тогда Вечеровский произнес вторую тираду — на этот раз в прозе.

— Когда мне плохо, я работаю, — сказал он. — Когда у меня неприятности, когда у меня хандра, когда мне скучно жить, я сажусь работать. Наверное, существуют другие рецепты, но я их не знаю. Или они мне не помогают. Хочешь моего совета — пожалуйста: садись работать. Слава богу, таким людям, как мы с тобой, для работы ничего не нужно, кроме бумаги и карандаша...

Положим, все это Малянов знал и без него. Из книг. У Малянова все это было не так. Он мог работать, только когда на душе у него было легко и ничего над ним не висело.

— Помощи от тебя... — сказал он. — Дай-ка я лучше Вайнгартену позвоню... Странно мне все-таки, что он спрашивал про Снегового...

— Конечно, — сказал Вечеровский. — Только, если тебе нетрудно, перенеси телефон в другую комнату.

Малянов взял аппарат и поволок шнур в соседнюю комнату.

— Если хочешь, оставайся у меня, — сказал ему вслед Вечеровский. — Бумага есть, карандаш я тебе дам...

— Ладно, — сказал Малянов. — Там видно будет...

Теперь Вайнгартен не отвечал. Малянов дал звонков десять, перезвонил, дал еще десяток и повесил трубку. Так. Что ж теперь делать? Конечно, можно было бы остаться здесь. Здесь прохладно, тихо. В каждой комнате кондиционер. Прицепов и тормозов не слышно — окна во двор. И вдруг он понял, что дело не в этом. Ему было просто страшно возвращаться к себе. Это надо же! Больше всего на свете я люблю свой дом, и в этот дом мне страшно возвращаться. Ну нет, подумал он. Этого вы от меня не дождетесь. Это уж пардон.

Малянов решительно сгреб аппарат и отнес его на место. Вечеровский сидел, уставясь в свой одинокий листок, и тихонько постукивал по нему благороднейшим паркером. Листок был наполовину исписан символами, которых Малянов не понимал.

— Я пойду, Фил, — сказал Малянов.

Вечеровский поднял к нему рыжее лицо.

— Конечно... Завтра у меня экзамен, а сегодня я весь день дома. Звони или заходи...

— Хорошо, — сказал Малянов.

По лестнице он спускался неторопливо, торопиться было некуда. Сейчас заварю чайку покрепче, сяду на кухне, Калям вспрыгнет мне на колени, я буду гладить его, прихлебывать чай и попробую наконец трезво и спокойно все это продумать... Жаль, телевизора нет, посидеть бы вечером перед ящиком, посмотреть что-нибудь бездумное... комедию какую-нибудь или футбол... Пасьянсик разложу, что-то я давно пасьянсов не раскладывал...

Он спустился на свою лестничную площадку, нащупывая в кармане ключи, повернул за угол и остановился. Так. Сердце его провалилось куда-то в желудок и принялось там стучать медленно, размеренно, как свайная баба. Та-ак... Дверь квартиры была приоткрыта.

Он на цыпочках подкрался к двери и прислушался. В квартире кто-то был. Бубнил незнакомый мужской голос, и что-то отвечал незнакомый детский голос...»

Глава пятая

10. «...сидел на корточках незнакомый мужчина и подбирал осколки разбитой рюмки. Кроме того, на кухне был еще мальчик лет пяти. Сидел на табуретке за столом, подсунув под себя ладони, болтал ногами и смотрел, как подбираются осколки.

— Слушай, отец! — возбужденно закричал Вайнгартен, увидев Малянова. — Где ты пропадаешь?

Огромные щеки его пылали лиловым румянцем, черные, как маслины, глаза блестели, жесткие смоляные волосы стояли дыбом. Видно было, что он уже основательно принял внутрь. На столе имела место наполовину опорожненная бутылка экспортной «Столичной» и всякие яства из стола заказов.

— Успокойся и не переживай, — продолжал Вайнгартен. — Икру мы не тронули. Тебя ждали.

Мужчина, подбиравший осколки, поднялся. Это был рослый красавец с норвежской бородкой и чуть обозначившимся брюшком. Он смущенно улыбался.

— Так-так-так! — произнес Малянов, вступая в кухню и чувствуя, как сердце поднимается из желудка и становится на свое место. — Мой дом — моя крепость, так это называется?

— Взятая штурмом, отец, взятая штурмом! — заорал Вайнгартен. — Слушай, откуда у тебя такая водка? И жратва?

Малянов протянул руку красавцу, и он тоже протянул мне руку, но в ней были зажаты осколки. Возникла маленькая приятная неловкость.

— Мы тут без вас находзяничали... — сказал он сконфуженно. — Это я виноват...

— Чепуха, чепуха, вот сюда давайте, в ведро...

— Дядя — трус, — произнес вдруг мальчик отчетливо.

Малянов вздрогнул. И все тоже вздрогнули.

— Ну-ну, тише... — произнес красавец и как-то нерешительно погрозил мальчику пальцем.

— Дитя! — сказал Вайнгартен. — Ведь тебе дали шоколад. Сиди и харчись. Не встревай.

— Почему же это я трус? — спросил Малянов, усаживаясь. — Зачем это ты меня обижаешь?

— А я тебя не обижаю, — возразил мальчик, разглядывая меня, как какое-то редкостное животное. — Я тебя назвал...

Между тем красавец освободился от осколков, вытер ладонь носовым платком и протянул мне руку.

— Захар, — представился он.

Мы обменялись церемонным рукопожатием.

— За дело, за дело! — хлопотливо произнес Вайнгартен, потирая руки. — Тащи еще две рюмки...

— Слушайте, ребята, — сказал Малянов. — Я водку пить не буду.

— Вино пей, — согласился Вайнгартен. — Там у тебя еще две бутылки белого...

— Нет, я лучше коньяку. Захар, достаньте там, пожалуйста, в холодильнике, икру и масло... и вообще все, что там есть. Жрать хочется.

Малянов сходил в бар, взял коньяк и рюмки, показал язык креслу, в котором давеча сидел тонтон-макут, и вернулся к столу. Стол ломился от яств. Наемся и напьюсь, подумал я с веселой яростью. Молодцы ребята, что приехали...

Но все получилось не так, как я думал. Едва мы выпили, и я принялся с урчанием поедать гигантский бутерброд с икрой, как Вайнгартен совершенно трезвым голосом сказал:

— А теперь, отец, рассказывай, что с тобой произошло.

Малянов поперхнулся.

— Откуда ты взял?..

— Вот что, — сказал Вайнгартен, переставши сиять как масляный блин. — Нас здесь трое, и с каждым из нас кое-что произошло. Так что не стесняйся. Что тебе сказал этот рыжий?

— Вечеровский?

— Да нет, при чем здесь Вечеровский? К тебе явился маленький огненно-рыжий человечек в этаким удушливо-черном костюме. Что он тебе сказал?

Малянов откусил от бутерброда сколько в рот влезло и принялся жевать, не чувствуя вкуса. Все трое смотрели на него. Захар смотрел смущенно, робко улыбаясь, то и дело отводя взгляд. Вайнгартен бешено выкатывал глаза, готовясь заорать. А мальчишка, держа в руке обмусоленную шоколадную плитку, весь так и подался к Малянову, словно хотел в рот ему вскочить.

— Ребята, — сказал Малянов наконец. — Какие там рыжие? Никакие рыжие ко мне не приходили. У меня все было гораздо хуже.

— Ну, давай, давай, рассказывай, — нетерпеливо сказал Вайнгартен.

— Почему это я должен рассказывать? — возмутился Малянов. — Я из этого никакого секрета не делаю, но чего ты тут передо мной разыгрываешь? Сам рассказывай! Откуда, интересно, ты узнал, что со мной вообще что-то случилось?

— Вот расскажи, а потом и я тебе расскажу, — упрямо сказал Вайнгартен. — И Захар расскажет.

— Вот вы давайте оба и рассказывайте, — проговорил Малянов, нервно намазывая себе новый бутерброд. — Вас двое, а я один...

— Ты рассказывай, — приказал вдруг мальчик, ткнув в сторону Малянова пальцем.

— Тише, тише... — прошептал Захар, совсем застеснявшись.

Вайнгартен невесело хохотнул.

— Это ваш? — спросил Малянов Захара.

— Да вроде мой... — странно ответил Захар, отводя глаза.

— Его, его, — сказал Вайнгартен нетерпеливо. — Между прочим, это как раз часть его рассказа. Ну, Митька, давай... не ломайся...

Совсем они сбили Малянова с панталыку. Он отложил бутерброд и стал рассказывать. С самого начала, с телефонных звонков. Когда одну и ту же страшную историю рассказываешь второй раз на протяжении каких-нибудь двух часов, поневоле начинаешь обнаруживать в ней забавные стороны. Малянов и сам не заметил, как разошелся. Вайнгартен то и дело всхохатывал, обнажая могучие желтоватые клыки, а Малянов прямо-таки целью жизни своей положил заставить засмеяться и красавца Захара, но это ему так и не удалось — Захар только растерянно и почти жалобно улыбался. А когда Малянов дошел до самоубийства Снегового, стало и вообще не до смеха.

— Врешь! — хрипло выдохнул Вайнгартен.

Малянов дернул плечом.

— За что купил... — сказал он. — А дверь у него опечатана, можешь пойти и посмотреть...

Некоторое время Вайнгартен молчал, постукивая по столу толстыми пальцами и подрагивая в такт щеками, а потом вдруг с шумом поднялся, ни на кого не глядя, протиснулся между Захаром и мальчиком и тяжело затопал вон. Было слышно, как чмокнул замок, в квартиру потянуло щами.

— Охо-хо-хо-хо... — уныло произнес Захар.

И сейчас же мальчик протянул ему обмусоленную шоколадку и потребовал:

— Откуси!

Захар покорно откусил и стал жевать. Хлопнула дверь. Вайнгартен, по-прежнему ни на кого не глядя, протиснулся на свое место и, плеснув себе в рюмку водки, хрипло буркнул:

— Дальше...

— Что — дальше? Дальше я пошел к Вечеровскому... Эти хмыри ушли, и я пошел... Вот только что вернулся.

— А рыжий? — спросил Вайнгартен нетерпеливо.

— Я же тебе говорю, ослиная твоя башка! Не было никаких рыжих!

Вайнгартен и Захар переглянулись.

— Ну, предположим, — сказал Вайнгартен. — А девица эта твоя... Лидочка... Она тебе никаких предложений не делала?

— Н-ну... как тебе сказать... — Малянов неловко ухмыльнулся. — То есть... если бы я по-настоящему захотел...

— Тьфу, болван! Все об ей! Да я не об этом!.. Ну ладно. А следовательно?

— Знаешь что, Валька, — сказал Малянов, — я тебе все рассказал, как было, иди к черту! Честное слово, третий допрос за день...

— Валя, — нерешительно вмешался Захар, — а может быть, тут действительно что-нибудь другое?

— Брось, отец! — Вайнгартен весь перекопился. — Как это — другое? У него работа, работать не дают... Как это — другое? И потом, мне же его назвали!..

— Кто это меня назвал? — спросил Малянов, предчувствуя новые неприятности.

— Писать хочу, — ясным голосом объявил мальчик.

Все уставились на него. А он оглядел всех по очереди, сполз с табурета и сказал Захару:

— Пойдем.

Захар виновато улыбнулся, сказал: «Ну, пойдём...» — и они скрылись в сортире. Было слышно, как они гонят рассеявшегося в унитазе Каляма.

— Кто это меня назвал? — сказал Малянов Вайнгартену. — Что еще за новости?

Вайнгартен, склонив голову, прислушался к тому, что происходит в сортире.

— Во Губарь влип! — произнес он с каким-то печальным удовлетворением. — Вот влип так влип!

Что-то вязко провернулось в мозгу у Малянова.

— Губарь?

— Ну да. Захар. Знаешь, сколько веревочке ни виться...

Малянов вспомнил.

— Он ракетчик?

— Кто? Захар? — Вайнгартен удивился. — Да нет, вряд ли... Хотя вообще-то он работает в каком-то ящике...

— Он не военный?

— Ну, знаешь ли, все ящики в той или иной...

— Я про Губаря спрашиваю.

— Да нет. Он — мастеровой, золотые руки. Блох мастерит с электронным управлением... Но беда не в этом. Беда в том, что он человек, который бережно и обстоятельно относится к своим желаниям. Это его собственные слова. Причем заметить, отец, это истинная правда...

Мальчик снова появился в кухне и вскарабкался на табурет. Захар вошел следом. Малянов сказал ему:

— Захар, вы знаете, я забыл, а сейчас вот вспомнил... Ведь о вас Снеговой спрашивал...

И тут Малянов впервые в жизни увидел, как человек белеет прямо на глазах. То есть делается белым, буквально как бумага.

— Обо мне? — спросил Захар одними губами.

— Да вот... вчера вечером... — Малянов испугался. Такой реакции он все-таки не ожидал.

— Ты что, его знал? — спросил Вайнгартен Захара негромко.

Захар молча помотал головой, полез за сигаретой, высыпал полпачки на пол и принялся торопливо собирать просыпанное. Вайнгартен крикнул, пробормотал: «Это дело надо того, отцы...» — и принялся разливать. И тут мальчик сказал:

— Подумаешь! Это еще ничего не значит.

Малянов опять вздрогнул, а Захар распрямился и стал смотреть на сына с какой-то надеждой, что ли.

— Это просто случайность, — продолжал мальчик. — Вы телефонную книгу посмотрите, там этих Губарей штук восемь...»

11. «...Малянов знал с шестого класса. В седьмом они подружились и просидели до конца школы за одной партией. Вайнгартен не менялся с годами, он только увеличивался в размерах. Всегда он был веселый, толстый, плотоядный, всегда он что-то коллекционировал — то марки, то монеты, то почтовые штемпеля, то этикетки с бутылок. Один раз, уже ставши биологом, он даже затеял коллекционировать экскременты, потому что Женька Сидорцев привез ему из Антарктиды китовьи, а Саня Житнюк доставил из Пенджикента человеческие, но не простые, а окаменевшие, девятого века. Вечно он приставал к окружающим, требуя показать мелочь, — искал какие-то особенные медяки. И вечно он хватал чужие письма, кланчил конверты с печатями.

И при всем при том дело свое он знал. У себя в ИЗРАНе он давно уже был старшим, числился членом двадцати разнообразных комиссий, как союзных, так и международных, постоянно шастал за рубеж на всякие конгрессы и вообще был без пяти минут доктор. Из всех своих знакомых больше всего он уважал Вечеровского, потому что Вечеровский был лауреат, а Валька до дрожи мечтал стать лауреатом. Сто раз он рассказывал Малянову, как нацепит медаль и пойдет в таком виде на свиданку. И всегда он был треплом. Рассказывал он блестяще, самые обычные житейские события превращались у него в драмы а ля Грэм Грин. Или, скажем, Ле Карре. Но врал он, как это ни странно, очень редко и ужасно

смушался, когда на этом редком вранье его ловили. Ирка его не любила, непонятно за что, тут была какая-то тайна. Было у Малянова подозрение, что в молодые годы, когда Бобка еще не родился, Вайнгартен пытался подбить ей клинья, ну и что-то у них там, слава богу, не заладилось. Вообще насчет клиньев он был мастак, но не какой-нибудь там сальный или примитивно похотливый, а веселый, энергичный, заранее готовый как к победам, так и к поражениям мастак. Для него каждая свиданка была приключением, независимо от того, чем она кончалась. Светка, женщина исключительно красивая, но склонная к меланхолии, давно махнула на него рукой, тем более что он в ней души не чаял и постоянно дрался из-за нее в общественных местах. Он вообще любил подраться, ходить с ним в ресторан было сущим наказанием... Словом, жил он ровно, весело, удачливо и без каких-нибудь особых потрясений.

Странные события с ним начались, оказывается, еще две недели назад, когда серия опытов, заложенная в прошлом году, стала вдруг давать результаты совершенно неожиданного и даже сенсационного свойства. («Вы этого, отцы, понять не можете, это связано с обратной транскриптазой, она же РНК-зависимая ДНК-полимераза, она же просто ревертаза, это такой фермент в составе онкорнавирусов, и это, я вам прямо скажу, отцы, пахнет нобелевкой...») В лаборатории Вайнгартена, кроме него самого, никто этих результатов оценить не сумел. Большинству, как это всегда бывает, было до лампочки, а отдельные творческие единицы решили просто, что серия провалилась. Время между тем летнее, и все рвутся в отпуска. Вайнгартен же, естественно, никому отпуска не подписывает. Возникает скандалчик — обиды, местком, партбюро. И в разгар этого скандалчика Вайнгартену на одном из совещаний полуофициально сообщают, что есть такое мнение: назначить товарища Вайнгартена Валентина Артуровича директором новейшего супермодернового биологического центра, строительство которого сейчас заканчивается в Добролюбове.

От этого сообщения голова Вайнгартена В. А. пошла кругом, но он тем не менее сообразил, что такое директорство, во-первых, пока еще журавль в небе, а когда и если превратится в синицу в руках, то, во-вторых, вышибет Вайнгартена В. А. из творческой работы по крайней мере года на полтора, а то и на два. В то время как нобелевка, отцы, это нобелевка.

Поэтому пока Вайнгартен просто обещал подумать, а сам вернулся в лабораторию к своей загадочной обратной транскриптазе и к незатихающему скандалчику.

Не прошло и двух дней, как его вызвал к себе шеф-академик и, расспросив о текущей работе («Я держал язык за зубами, отцы, я был предельно сдержан...»), предложил ему оставить эту сомнительную чепуху, а заняться такой-то и такой-то темой, имеющей большое народнохозяйственное значение, а потому сулящей неисчислимы материальные и духовные блага, за что он, шеф-академик, ручается головой.

Ошеломленный всеми этими ни с того ни с сего распахнувшимися горизонтами, Вайнгартен имел неосторожность расхвастаться дома, да не просто дома, а перед своей тещей, которую он зовет кавторангом, потому что она действительно капитан второго ранга в отставке. И небо над ним потемнело. («Отцы, с этого вечера мой дом превратился в лесопилку. Меня непрерывно пилили и требовали, чтобы я соглашался немедленно, причем сразу на всё...»)

А лаборатория тем временем, несмотря на скандалчики, продолжала выдавать на-гора результаты один другого поразительнее. Тут умирает тетка, чрезвычайно дальняя родственница по отцу, и, улаживая дела о наследстве, Вайнгартен обнаруживает на чердаке ее дома в Кавголове ящик, набитый монетами советского чекана, вышедшими из употребления в шестьдесят первом году. Надо знать Вайнгартена, чтобы поверить: как только он нашел этот ящик, его перестали интересовать все прочие явления жизни, вплоть до надвигающейся нобелевки включительно. Он засел дома и четверо суток перебирал содержимое ящика, глухой к звонкам из института и к пилящим речам кавторанга. В этом

ящике он обнаружил замечательные экземпляры. О, великолепные! Но дело было не в этом.

Когда, покончив с монетами, он вернулся в лабораторию, ему стало ясно, что открытие уже, можно сказать, свершилось. Конечно, оставалась еще масса неясного; конечно, все это надлежало еще оформить — тоже, между прочим, работа немаленькая, — но сомнений больше уже не было: открытие вылупилось. Вайнгартен закрутился как белка в колесе. Он разом покончил со всеми скандалами в лаборатории («Отцы, выгнал всех в отпуск к чертовой матери!..»), он в двадцать четыре часа вывез кавторанга с девчонками на дачу, отменил все встречи и все свидания и только было засел дома для нанесения последнего, решающего удара, как наступил позавчерашний день.

Позавчера, едва Вайнгартен принялся за работу, в квартире объявился этот самый рыжий — маленький медно-красный человечек с очень бледным личиком, втиснутый в наглухо застегнутый черный костюм какого-то древнего покроя. Он вышел из детской и, пока Валька беззвучно открывал и закрывал рот, ловко присел перед ним на край стола и начал говорить. Без всяких предисловий он объявил, что некая внеземная цивилизация уже давно внимательно и с беспокойством следит за его, Вайнгартена В. А., научной деятельностью. Что последняя работа упомянутого Вайнгартена вызывает у них особую тревогу. Что он, рыжий человечек, уполномочен предложить Вайнгартену В. А. немедленно свернуть упомянутую работу, а все материалы по ней уничтожить.

Вам совершенно не нужно знать, зачем и почему мы этого требуем, объявил рыжий человечек. Вы должны знать только, что мы уже пытались принять меры к тому, чтобы все произошло естественным путем. Вам ни в коем случае не следует заблуждаться, будто предложение вам поста директора, другой перспективной темы, находка ящика с монетами и даже пресловутый скандалчик в вашей лаборатории являются событиями чисто случайными. Мы пытались остановить вас. Однако, поскольку удалось вас только притормозить, и то ненадолго, мы вынуждены были применить такую крайнюю меру, как настоящий визит. Вам надлежит знать, впрочем, что все сделанные вам предложения остаются в силе и вы вольны принять любое из них, если наше требование будет удовлетворено. Более того, в этом последнем случае мы намерены помочь вам удовлетворить и ваши маленькие, вполне понятные желания, проистекающие из слабостей, свойственных человеческой природе. В качестве залога позвольте вручить вам этот небольшой презент...

С этими словами рыжий выхватил прямо из воздуха и бросил на стол перед Вайнгартеном толстый пакет, как выяснилось впоследствии — набитый великолепными марками, совокупную ценность которых человек, не являющийся филателистом-профессионалом, представить себе просто не может.

Вайнгартен, продолжал рыжий человечек, ни в коем случае не должен полагать, что он является единственным землянином, оказавшимся в сфере внимания сверхцивилизации. Среди знакомых Вайнгартена есть по крайней мере три человека, деятельность которых подвергается в данный момент пресечению. Он, рыжий человечек, может назвать такие имена, как Малянов Дмитрий Алексеевич, астроном, Губарь Захар Захарович, инженер, и Снеговой Арнольд Павлович, химико-физик. Вайнгартену В. А. давалось на обдумывание трое суток, начиная с этого момента, после чего сверхцивилизация будет считать себя вправе применить некие зловещие «меры третьей степени».

— Пока он мне все это излагал, — говорил Вайнгартен, страшно тараща глаза и выпячивая челюсть, — я, отцы, думал только об одном: как этот гад проник в квартиру без ключа. Тем более что дверь у меня была на задвижке... Неужели, думаю, это Светкин хахаль, которому стало неважно под диваном? Ну, думаю, сейчас я тебя отметелю... Но пока я все это думал, этот рыжий гад кончил свои речи и... — Вайнгартен сделал эффектную паузу.

— Вылетел в окно... — сказал Малянов сквозь зубы.

— Вот тебе! — Вайнгартен, не стесняясь ребенка, сделал малопрстойный жест. — Никуда он не вылетал. Он просто исчез!

— Валька... — сказал Малянов.

— Я тебе говорю, старик, вот так он сидел передо мной на столе... я как раз примерялся въехать ему по сопатке, не вставая... и вдруг его нет! Как в кино, знаешь? — Вайнгартен схватил последний кусок осетрины и затолкал его в пасть. — Моам? — сказал он. — Моам муам?.. — Он с усилием проглотил и, моргая заслезившимися глазами, продолжал: — Это я, отцы, сейчас отошел немножко, а тогда сижу в кресле, глаза закрыл, вспоминаю его слова, а у самого все внутри дрожит мелкой дрожью, как пороссячий хвост... Думал, прямо тут же и помру... Никогда со мной такого не бывало. Добрался кое-как до тещиной комнаты, хватил валерьянки — не помогает. Смотрю — у нее бром стоит. Я бром ухватил...

— Подожди, — сказал Малянов с раздражением. — Хватит трепаться. Ей-богу, мне сейчас не до трепа... Что было на самом деле? Только, пожалуйста, без этих рыжих пришельцев!

— Отец, — сказал Вайнгартен, выкатывая глаза до последнего предела. — Отец, вот те крест, честное пионерское! — Он неумело перекрестился с ярко выраженным католическим акцентом. — Мне самому было не до шуток...»

12. «...собирал марки, и довольно энергично. Остатки юношеской коллекции Вайнгартен когда-то отобрал у Малянова с довольным урчанием. Так что кое-что в марках он понимал. И на какое-то время лишился языка. Да, конечно, в королевской коллекции все это было. У господина Стулова в Нью-Йорке кое-что из этого было тоже. Но если, скажем, взять госколлекцию... не говоря уже о простых коллекционерах...

— Фальшивки, — сказал Малянов наконец. Вайнгартен презрительно молчал. — Ну, тогда новоделы...

— Дурак ты, — сказал Вайнгартен коротко и спрятал книжку.

Малянов не нашелся, что сказать. Ему вдруг пришло в голову: если бы все это было враньем или даже просто правдой, а не страшной правдой, Вайнгартен сделал бы наоборот. Он сначала показал бы эти марки, а уже потом развел бы вокруг них более или менее достоверный треп.

— Ну и что теперь делать? — спросил он, чувствуя, как сердце его опять куда-то проваливается.

Никто ему не ответил. Вайнгартен налил себе рюмку, выпил в одиночестве и закусил последней рольмопсиной. Губарь тупо следил, как его странный сын сосредоточенно, с очень серьезным бледным лицом играет рюмками. Потом Вайнгартен снова принялся рассказывать, уже безо всяких шуточек, словно бы устало, едва шевеля губами. Как он кинулся звонить Губарю, а Губарь не отвечал; как он позвонил Малянову, и ему стало ясно, что Снеговой действительно существует на свете; как он перепугался, когда Малянов ушел открывать Лидочке и долго не брал трубку; как он не спал всю эту ночь, бродил по комнатам и думал, думал, думал, глотал бром и снова думал; как он позвонил Малянову сегодня и понял, что на него уже тоже вышли, а потом к нему пришел Губарь со своими неприятностями...»

Глава шестая

13. «...узнал о Губаре, что он с детства был большой лентяй и прогульщик. И с тех же пор был сексуально озабочен. Десятилетку он не кончил, ушел из девятого класса, работал санитаром, потом шофером на дерьмовозе, потом лаборантом в ИЗРАНе, где и познакомился с Валькой, а сейчас работает в ящике над каким-то гигантским, очень секретным проектом, связанным с обороной. Специального образования Захар никогда никакого не получал, но с детства страстно увлекался радиолюбительством, электронику

чувствовал душой, спинным мозгом и в ящике своем очень круто пошел вверх, хотя отсутствие диплома мешало ему страшно.

Он запатентовал несколько изобретений, и сейчас у него два или три были в работе, и он решительно не знает, из-за какого из них у него начались эти неприятности. Предполагает, что из-за прошлогоднего: что-то он там изобрел, связанное с «полезным использованием федингов». Предполагает, но не уверен.

Впрочем, главным стержнем его жизни всегда были женщины. Они липли к нему как мухи. А когда они к нему почему-то переставали липнуть, он начинал к ним липнуть сам. Он уже был однажды женат, вынес из этого брака самые неприятные воспоминания и многочисленные уроки и с тех пор соблюдает в этом вопросе чрезвычайную осторожность. Короче говоря, бабник он был фантастический, и по сравнению с ним Вайнгартен, скажем, выглядел аскетом, анахоретом и стойком. Но при всем том он никак не был грязным типом. К женщинам своим он относился с уважением и даже с восхищением и, по всей видимости, рассматривал себя всего лишь как скромный источник удовольствия для них. Никогда он не заводил двух возлюбленных одновременно, никогда не впутывался ни в склоки, ни в скандалы, никогда, по-видимому, никого из женщин не обижал. Так что в этой области у него со времен неудачной женитьбы все обстояло благополучно. До самого последнего времени.

Сам он считает, что неприятности, связанные с пришельцами, начались у него с появления какой-то гнусной сыпи на ногах. С этой сыпью он сразу же побежал к врачу, потому что всегда тщательно следил за своим здоровьем, отношение к болезням у него было европейское. Врач его успокоил, дал какие-то пилюли, сыпь прошла, но началось нашествие женщин. Они шли к нему косяками — все женщины, с которыми он когда-либо имел дело. Они толклись у него в квартире по двое, по трое, а в течение одного страшного дня их было даже пятеро одновременно. Причем он решительно не мог понять, чего они от него хотят. Более того, у него создалось впечатление, что они и сами этого не знают. Они ругали и поносили его, они валялись у него в ногах, выпрашивая что-то непонятное, они дрались между собой как бешеные кошки, они перебили у него всю посуду, раскололи голубую японскую мойку, испортили мебель. Они закатывали истерики, они пытались травиться, некоторые угрожали отравить его, они были неутомимы и невероятно требовательны в любви. А ведь многие из них давным-давно уже были замужем, любили своих мужей и детей, и мужья тоже приходили к Губарю и тоже вели себя непонятно. (В этой части своего рассказа Губарь был особенно невнятен.)

Короче говоря, жизнь его превратилась в кромешный ад, он потерял шесть кило веса, его закидало сыпью теперь уже по всему телу, о работе не могло быть никакой речи, и он оказался вынужден взять отпуск за свой счет, хотя сидел кругом в долгах. (В первые дни он пытался укрыться от нашествия в своем ящике, но очень быстро понял, что такой образ действия приведет только к невероятной огласке всех его чисто личных неприятностей. Здесь он тоже был достаточно невнятен.)

Этот кромешный ад длился без перерыва десять дней и вдруг прекратился позавчера. Он только-только сдал с рук на руки какую-то несчастную ее мужу, мрачному сержанту милиции, как заявила вдруг женщина с ребенком. Он помнил эту женщину. Лет шесть назад он познакомился с нею при следующих обстоятельствах. Они ехали в переполненном автобусе и оказались рядом. Он посмотрел на нее, и она ему понравилась. Простите, сказал он, нет ли у вас листочка бумаги и карандаша? Да, пожалуйста, ответила она, извлекая просимое из сумочки. Огромное вам спасибо, сказал он. А теперь напишите, ради бога, ваш телефон и как вас зовут... Они очень мило провели время на Рижском взморье и как-то незаметно расстались, казалось бы, с тем, чтобы больше не встречаться, довольные друг другом и не имеющие друг к другу никаких претензий.

И вот теперь она явилась к нему, и привела этого мальчика, и сказала, что это его сын. Она уже три года была замужем за очень хорошим и, мало того, за очень известным человеком, которого беззаветно любила и уважала. Она не могла объяснить Губарю, зачем

она пришла. Она плакала всякий раз, когда он пытался это выяснить. Она ломала руки, и видно было, что она считает свое поведение подлым и преступным. Но она не уходила. Эти сутки, которые она провела у Губаря в его разгромленной квартире, были, пожалуй, самыми страшными. Она вела себя как сомнамбула, она все время говорила что-то, и Губарь понимал отдельные слова, но был совершенно не в силах понять общего смысла. А вчера утром она вдруг словно очнулась. Она за руку вытащила Губаря из постели, привела его в ванную, пустила там воду из всех кранов и шепотом принялась рассказывать на ухо Захару какие-то совершенно невероятные вещи.

По ее словам (в интерпретации Губаря) получалось, что с древнейших времен существует на Земле некий тайный полумистический Союз Девяти. Это какие-то чудовищно засекреченные мудрецы, то ли чрезвычайно долгоживущие, то ли вообще бессмертные, и занимаются они двумя вещами: во-первых, они копят и осваивают все достижения всех без исключения наук на нашей планете, а во-вторых, следят за тем, чтобы те или иные научно-технические новинки не превратились у людей в орудие самоистребления. Они, эти мудрецы, почти всеведущи и практически всемогущи. Укрыться от них невозможно, секретов для них не существует, бороться против них не имеет никакого смысла. И вот этот-то самый Союз Девяти взялся сейчас за Захара Губаря. Почему именно за него — она не знает. Что Губарю теперь делать — она тоже не знает. Об этом он должен догадаться сам. Она знает только, что все последние неприятности Губаря — это предупреждение. И она сама тоже послана как предупреждение. А чтобы Захар помнил об этом предупреждении, ей приказано оставить при нем мальчика. Кто ей приказал — она не знает. Она вообще больше ничего не знает. И не хочет знать. Она хочет только, чтобы с мальчиком не случилось ничего плохого. Она умоляет Губаря не сопротивляться, пусть Губарь двадцать раз подумает, прежде чем решится что-нибудь предпринять. А сейчас она должна идти.

Плача, уткнувшись лицом в носовой платок, она ушла, и Губарь остался с мальчиком. Один на один. Что там у них было до трех часов дня, он рассказать не пожелал. Что-то было. (Мальчик по этому поводу выразился кратко: «Чего там, я ему вогнал ума куда следует...») В три часа Губарь не выдержал и в панике сначала позвонил, а потом побежал к Вайнгартену, своему самому близкому и уважаемому другу.

— Я так ничего и не понял, — признался он в заключение. — Я вот Валю выслушал, вас выслушал, Митя... Все равно ничего не понимаю. Не увязывается это как-то... и не верится. Может быть, все дело в жаре? Ведь такой жары, говорят, двести пятьдесят лет не было. Вот и сошли все с ума, каждый по-своему... и мы, может быть...

— Ты подожди, Захар, — сказал Вайнгартен, досадливо морщась. — Ты человек конкретный, ты лучше со своими гипотезами пока не лезь...

— Да что там гипотезы! — с тоской сказал Губарь. — Мне без всяких гипотез ясно, что ничего мы здесь с вами не придумаем. Заявить надо куда следует, вот что я вам скажу...

Вайнгартен посмотрел на него уничтожающе.

— И куда же, по-твоему, следует заявлять в таких вот случаях? Ну-с?

— Откуда я знаю? — сказал Губарь уныло. — Должны же быть какие-то организации... В органы, например, надо заявить...

Тут мальчик отчетливо хихикнул, и Губарь замолчал. Малянов представил себе, как Вайнгартен приходит куда следует и рассказывает вдумчивому следователю свою былинку о рыжем карлике в удушливо-черном костюме. Губарь в этой ситуации выглядел тоже достаточно забавно. А что касается самого Малянова...

— Нет, ребята, — сказал он. — Вы, конечно, как хотите, а мне там делать нечего. У меня тут через площадку человек умер при странных обстоятельствах, а я как-никак последний, кто его видел живым... И вообще, мне ходить незачем — за мной, кажется, и сами придут.

Вайнгартен сейчас же налил ему рюмку коньяку, и Малянов выпил ее залпом, не почувствовав ни вкуса никакого, ни запаха. Вайнгартен сказал со вздохом:

— Да, отцы. Советоваться нам не с кем. Тут того и гляди в психушку угодишь. Придется нам самим разбираться. Давай, Митька. У тебя голова ясная. Давай излагай.

Малянов потер пальцами лоб.

— Голова у меня на самом деле как пробкой набита, — проговорил он. — Излагать мне нечего. Это же все бред какой-то. Я только одно понимаю: тебе прямо сказали — сворачивай свою тему. Мне ничего не сказали, но устроили такую жизнь...

— Правильно! — прервал его Вайнгартен. — Факт первый. Кому-то наша работа пришлось не по душе. Вопрос: кому? Имей наблюдение: ко мне приходил пришелец, — Вайнгартен стал загибать пальцы, — к Захару — агент Союза Девяти... Кстати, ты слыхал про Союз Девяти? У меня лично в памяти что-то крутится, где-то я об этом читал, но где... совершенно не помню. Так. К тебе вообще никто не приходит... То есть приходят, конечно, но, так сказать, в скрытом виде. Какой отсюда следует вывод?

— Ну? — сказал Малянов мрачно.

— Отсюда следует вывод, что на самом деле нет никаких пришельцев и никаких древних мудрецов, а есть нечто третье, какая-то сила, которой мы с нашей работой стали поперек дороги...

— Ерунда все это, — сказал Малянов. — Бред и бред. Не годится ни к черту. Ты сам подумай. У меня — звезды в газопылевом облаке. У тебя — эта самая ревертаза. А у Захара и вовсе — техническая электроника. — Он вдруг вспомнил. — И Снеговой про это говорил... Знаешь, что он сказал? Где, сказал, имение, а где вода... Я только теперь понял, что он имел в виду. Это, значит, он, бедняга, тоже над этим голову ломал... Или, может быть, по-твоему, здесь три разные силы действуют? — ядовито спросил он.

— Нет, отец, ты подожди! — сказал Вайнгартен с напором. — Ты не торопись!

У него был такой вид, словно он давно уже во всем разобрался и сейчас все окончательно разъяснит, если, конечно, его не будут перебивать и вообще мешать ему. Но он ничего не разъяснил — замолчал и уставился выпученными глазами в пустую банку из-под рольмопса.

Все молчали. Потом Губарь сказал тихо:

— А я вот все о Снеговом... Это ведь надо же... Ведь ему, наверное, тоже приказали какую-нибудь работу прекратить, а как он мог прекратить? Он же был человек военный... у него тема...

— Писать хочу! — объявил странный мальчик и, когда Губарь со вздохом повел его в сортир, добавил на весь дом: — И какать!

— Нет, отец, ты не торопись... — снова вдруг заговорил Вайнгартен. — Ты себе представь на минуту, что есть на Земле группа существ, достаточно могущественных, чтобы вытворять эти штуки, которые они вытворяют... Пусть это будет хотя бы тот же самый Союз Девяти... Для них важно что? Закрывать определенные темы с определенной перспективой. Откуда ты знаешь? Может, сейчас в Питере еще сто человек голову себе ломают, как и мы... А по всей Земле — сто тысяч. И, как мы, боятся признаться... Кто боится, кто стыдится... А кому-то, наоборот, это и по душе пришлось! Лакомые ведь кусочки подбрасывают-то...

— Мне лакомых кусочков не подбрасывали, — сказал Малянов угрюмо.

— И тоже не случайно! Ты ведь болван, бессребреник... Ты даже сунуть на лапу кому следует и когда следует не умеешь... Для тебя ведь мир полон непреодолимых препятствий! В ресторане все столики заняты — препятствие. За билетами очередь — препятствие. Женщину твою кто-нибудь клеит...

— Ну ладно, хватит! Поехал проповеди читать...

— Не-ет! — сказал Вайнгартен, охотно прекратив проповедь. — Ты это брось, старик. Все это вполне разумные предположения. Мощь у них, правда, получается необычайная, фантастическая... но ведь есть же на свете, черт возьми, гипноз, внушение...

может быть, даже, черт возьми, телепатическое внушение! Нет, отец, ты представь себе: существует на Земле раса — древняя, разумная, может быть, и вовсе даже не человеческая — соперники наши. Вот они ждали, терпели, собирали информацию, готовились. И сейчас решили нанести удар. Заметь, не открытой атакой, а гораздо умнее. Они понимают, что трупы горами наваливать — вздор, варварство, да и опасно это для них же самих. Вот они и решили — осторожно, скальпелем, по центральной нервной, по основе всех основ, по перспективным исследованиям. Понял?

Малянов слышал и не слышал его. Вязкая дурнота подкатывала к горлу, хотелось заткнуть уши, уйти, лечь, вытянуться, завалить голову подушкой. Это был страх. И не просто страх, а Черный Страх. Беги отсюда. Спасайся. Брось все, скройся, заройся, затони... «Ну, ты! — прикрикнул он на себя. — Опомнись, идиот! Нельзя так — пропадешь...» И он сказал с усилием:

— Понял. Чушь собачья.

— Почему чушь?

— Потому что это сказочка... — Голос у него сделался хриплый, и он откашлялся. — Для детей старшего возраста. Напиши роман и отнеси в «Костер». Чтобы в конце пионер Вася все эти происки разоблачил и всех бы победил... и водрузил над Землею что-нибудь славное...

— Так, — сказал Вайнгартен очень спокойно. — События с нами имели место?

— Ну, имели.

— События фантастические?

— Ну, предположим, фантастические.

— Так как же ты, отец, фантастические события хочешь объяснить без фантастических гипотез?

— А я про это ничего не знаю, — сказал Малянов. — Это у вас события фантастические. А вы, может, вторую неделю запоем пьете... У меня никаких фантастических событий не было. Я непьющий...

Тут Вайнгартен налился кровью, ударил кулаком по столу и заорал, что Малянов, черт возьми, должен им верить, что если мы, черт возьми, друг другу не будем верить, тогда вообще все к черту пойдет! У этих гадов, может быть, весь расчет на то, что мы друг другу не будем верить, что мы перед ними окажемся каждый сам по себе и они будут из нас веревки вить, как захотят!..

Он так бешено орал и брызгался, что Малянов даже перепугался. Он даже про Черный Страх как-то забыл. Ну ладно, говорил он. Ну, брось ты, что ты разоряешься, бормотал он, ну, сболтнул, ну, извини, каялся он. Губарь, вернувшийся из уборной, смотрел на них со страхом.

Наоравшись, Вайнгартен вскочил, вытащил из холодильника бутылку минеральной воды, зубами сорвал колпачок и присосался прямо к горлышку. Пузырящаяся вода текла по его щетинистым толстым щекам и мгновенно проступала потом на лбу и на голых волосатых плечах.

— Я ведь, собственно, что имел в виду? — сказал Малянов примирительно. — Не люблю я, когда невероятные вещи пытаются объяснить невероятными причинами. Ну, принцип экономии мышления, знаешь? Так ведь до чего угодно договориться можно...

— Предложи что-нибудь другое, — непримиримо сказал Вайнгартен, засовывая пустую бутылку под стол.

— Не могу. Мог бы — предложил бы. У меня башка со страху совсем не работает. Мне только кажется, что если они действительно такие всемогущие, так могли бы обойтись гораздо более простыми средствами.

— Какими, например?

— Ну, я не знаю... Ну, тебя отравить тухлыми консервами... Захара... ну, я не знаю... ну, током долбануть в тысячу вольт... заразить чем-нибудь... Да и вообще зачем все эти смертоубийства, ужасы? Если уж они такие всемогущие телепаты, ну внушили бы нам,

что мы всё забыли дальше арифметики. Или, скажем, выработали у нас условный рефлекс: как мы сядем за работу, так у нас понос... или грипп — сопля текут, башка трещит... Экзема... Мало ли что... Все тихо, мирно, никто бы ничего и не заметил...

Вайнгартен только и ждал, когда Малянов кончит.

— Вот что, Митька, — сказал он. — Ты должен понять одну вещь...

Но Захар не дал ему договорить.

— Одну минуточку! — умоляюще сказал он, растопыривая руки, словно желая развести Малянова с Вайнгартеном по разным углам. — Дайте мне, пока я вспомнил!.. Ну подожди, Валя, дай мне сказать! Это насчет головной боли... Митя, вы же сказали... Понимаете, лежал я в прошлом году в больнице...

Одним словом, лежал он в прошлом году в больнице, в академичке, потому что у него обнаружилось что-то там такое с кровью, и познакомился он в палате с неким Глуховым Владленом Семеновичем, востоковедом. Востоковед лежал в предынфарктном состоянии, но это все неважно. А важно то, что они вроде бы подружились и впоследствии изредка встречались. Так вот, еще два месяца назад этот самый Глухов пожаловался Губарю, что огромная его, Глухова, работа, для которой он материал набирал чуть ли не десять лет, идет сейчас коту под хвост из-за очень странной идиосинкразии, которая у Глухова вдруг обнаружилась. А именно: стоило Глухову сесть писать это самое исследование, как у него начинала зверски болеть голова, до рвоты, до обмороков...

— Причем он вполне мог о своей работе думать, — продолжал Захар, — читать материалы, даже, по-моему, рассказывать про нее мог... впрочем, этого я не помню, врать не буду... Но вот писать — это было невозможно. Я вот сейчас, после ваших, Митя, слов...

— Адрес его знаешь? — отрывисто спросил Вайнгартен.

— Знаю.

— Телефон у него есть?

— Есть... Знаю...

— Давай вызывай его сюда. Это наш человек.

Малянов подскочил.

— Иди ты к черту! — сказал он. — Ты с ума сошел! Неудобно же! Может, у него просто болезнь такая...

— У всех у нас эта болезнь, — сказал Вайнгартен.

— Валька, он же востоковед! Он вообще из другой оперы!

— Из той же, отец. Уверяю тебя, из той же самой оперы!

— Да нет, не надо! — сопротивлялся Малянов. — Захар, сидите, не слушайте его... Насосался как зюзя...

Страшно и невозможно было представить себе, как приходит в эту жаркую прокуренную кухню абсолютно нормальный посторонний человек и окунается в атмосферу сумасшествия, страха и алкоголя.

— Давайте лучше вот что сделаем, — убеждал Малянов. — Давайте Вечеровского позovem. Ей-богу, будет больше пользы!

Вайнгартен не возражал и против Вечеровского. Правильно, говорил он. Насчет Вечеровского — это идея. Вечеровский — башка! Захар, иди звони своему Глухову, а потом мы Вечеровскому позвоним...

Малянов очень не хотел никаких Глуховых. Он умолял, он орал, что хозяин в этом доме он, что он их всех к черту выгонит. Но против Вайнгартена не попрешь. Захар отправился звонить Глухову, и мальчик сейчас же слез с табурета и, как приклеенный, последовал за ним...»

Глава седьмая

14. «...сын Захара, устроившись на тахте в углу, время от времени принимался улаживать общество чтением избранных мест из популярной медицинской энциклопедии, которую Малянов подсунул ему второпях по ошибке, вместо Брема. Вечеровский, особенно элегантный по контрасту с потным и расхлюстанным Вайнгартеном, с любопытством слушал и разглядывал странного мальчика, высоко задирая рыжие брови. Он еще почти ничего не сказал по существу — задал несколько вопросов, показавшихся Малянову (да и не одному только Малянову) нелепыми. Например, он ни с того ни с сего спросил Захара, часто ли Захар конфликтует с начальством, а Глухова — любит ли тот сидеть у телевизора. (Выяснилось, что Захар вообще никогда ни с кем не конфликтует, такой уж у него характер, и что Глухов у телевизора сидеть — да, любит, и даже не просто любит, а предпочитает.)

Малянову Глухов очень понравился. Вообще-то Малянов не любил новых людей в старых компаниях, ему всегда было страшно, что они начнут вести себя как-нибудь не так и за них будет неловко. Но с Глуховым оказалось все в порядке. Был он какой-то удивительно уютный и невредный — маленький, тощенький, курносый, с красноватыми глазками за сильными большими очками. По приходе он с удовольствием выпил предложенный Вайнгартеном стаканчик водки и заметно огорчился, узнав, что это последний. Когда его подвергли перекрестному допросу, он выслушивал каждого очень внимательно, по-профессорски склонив голову к правому плечу и скосив глаза направо же. Нет-нет, отвечал он, как бы извиняясь. Нет, ничего подобного со мной не было. Помилуйте, я даже представить себе такого не могу... Тема? Боюсь, очень далекая от вас: «Культурное влияние США на Японию. Опыт количественного и качественного анализа»... Да, по-видимому, какая-то идиосинкразия, я говорил с крупными медиками — случай, по их словам, редчайший... В общем, с Глуховым, по-видимому, получился пустой номер, но все равно, хорошо было, что он здесь. Он был какой-то очень от мира сего: с аппетитом выпил и хотел еще, с детским удовольствием ел икру, чай предпочитал цейлонский, а читать больше всего любил детективы. На странного Захарова мальчика он смотрел с опасливым недоумением, время от времени неуверенно посмеиваясь, бредовые рассказы выслушал с огромным сочувствием, то и дело принимался чесать обеими руками у себя за ушами, бормоча: «Да, это поразительно... Невероятно!..» Словом, с Глуховым все было Малянову ясно. Ни новой информации от него, ни, тем более, советов ждать не приходилось.

Вайнгартен, как всегда в присутствии Вечеровского, несколько уменьшился в объеме. Он даже стал как-то приличнее выглядеть, не орал больше и никого не называл отцами и стариками. Впрочем, последние зерна черной икры сожрал все-таки он.

Захар вообще не говорил ни слова, если не считать коротких ответов на неожиданные вопросы Вечеровского. Даже историю его собственных злослучений ему не пришлось рассказывать — за него рассказал Вайнгартен. И странного своего сына он перестал увещевать вовсе и только болезненно улыбался, выслушивая назидательные цитаты о болезнях разных деликатных органов.

И вот они сидели и молчали. Прихлебывали остывший чай. Курили. Горело дрожащее золото окон в Доме быта, серпик молодой луны висел в темно-синем небе, с улицы доносилось отчетливое сухое потрескивание, — должно быть, опять жгли старые ящики. Вайнгартен зашуршал сигаретной пачкой, заглянул в нее, смял и спросил вполголоса: «Сигареты у кого есть еще?» — «Вот, пожалуйста...» — торопливо и тоже вполголоса отозвался Захар. Глухов кашлянул и позвенел ложечкой в стакане.

Малянов посмотрел на Вечеровского. Тот сидел в кресле, вытянув и скрестив ноги, и внимательно изучал ногти на правой руке. Малянов посмотрел на Вайнгартена. Вайнгартен раскуривал сигарету и поверх огонька смотрел на Вечеровского. И Захар смотрел на Вечеровского. И Глухов. Малянову вдруг стало смешно. Елки-палки, а чего

мы, собственно, от него ждем? Ну, математик. Ну, крупный математик. Ну, допустим даже, очень крупный математик — мировая величина. Ну и что? Как дети, ей-богу. Заблудились в лесу и с надеждой моргают на дядю: уж он-то нас выведет.

— Вот, собственно, и все соображения, которые у нас имеются, — плавно произнес Вайнгартен. — Как видите, наметились по крайней мере две позиции... — Он говорил, обращаясь как бы ко всем, но смотрел при этом только на Вечеровского. — Митька считает, что следует все это пытаться объяснить в рамках известных нам явлений природы... Я же полагаю, что мы имеем дело с вмешательством совершенно неизвестных нам сил. Так сказать, подобное — подобным, фантастическое — фантастическим...

Эта тирада прозвучала невероятно напыщенно. Ведь нет чтобы просто и честно сказать: дядя, голубчик, заблудились, выведи... Нет, ему, понимаете, резюме нужно, мы-де и сами не лыком шиты... Ну и сиди теперь как дурак. Малянов взял чайник и пошел от Валькиного срама на кухню. Он не слышал, о чем шла речь, пока наливал воду и ставил чайник на газ. Когда он вернулся, Вечеровский неторопливо говорил, внимательно разглядывая ногти теперь уже на левой руке:

— ...И поэтому я склоняюсь все-таки к вашей точке зрения, Валя. Действительно, фантастическое, по-видимому, надлежит объяснять фантастическим. Я полагаю, что все вы оказались в сфере внимания... м-м-м... назовем это сверхцивилизацией. По-моему, это уже устоявшийся термин для обозначения иного разума, на много порядков более могущественного, нежели человеческий...

Вайнгартен, глубоко затягиваясь и выпуская дым, мерно кивал с необычайно важным и сосредоточенным видом.

— Почему им понадобилось останавливать именно ваши исследования, — продолжал Вечеровский, — вопрос не только сложный, но и праздный. Существо дела состоит в том, что человечество, само того не подозревая, вызвало на себя контакт и перестало быть самодовлеющей системой. По-видимому, сами того не подозревая, мы наступили на мозоль некоей сверхцивилизации, и эта сверхцивилизация, по-видимому, поставила своей целью регулировать отныне наш прогресс по своему усмотрению...

— Да Фил, да подожди! — сказал Малянов. — Неужели даже ты не понимаешь? Какая, к черту, сверхцивилизация? Что это за сверхцивилизация, которая тычется в нас, как слепой котенок? Зачем вся эта бессмыслица? Этот мой следователь, да еще с коньяком... Бабы эти Захаровы... Где основной принцип разума: целесообразность, экономичность?..

— Это частности, Дима, — тихо сказал Вечеровский. — Зачем мерить внечеловеческую целесообразность человеческими мерками? И потом, представь себе: с какой силой ты бьешь себя по щеке, чтобы убить несчастного комара? Ведь таким ударом можно было бы убить всех комаров в округе разом.

Вайнгартен вставил:

— Или, например: какова целесообразность постройки моста через реку с точки зрения щуки?

— Ну, не знаю, — сказал Малянов. — Нелепо это все как-то.

Вечеровский подождал немного и, увидев, что Малянов заткнулся, продолжал:

— Я хотел бы подчеркнуть вот что. При такой постановке вопроса ваши личные неприятности и проблемы отходят на второй план. Речь теперь идет уже о судьбе человечества... — Он помедлил. — Ну, возможно, не о судьбе в роковом смысле этого слова, однако, во всяком случае, о его достоинстве. Так что перед нами стоит задача защитить не просто вашу, Валя, теорию ревертазы, но судьбу всей нашей планетной биологии вообще... Или я ошибаюсь?

Впервые в присутствии Вечеровского Вайнгартен раздулся до своих нормальных размеров. Он самым энергичным образом кивнул, но сказал совсем не то, что ожидал Малянов. Он сказал:

— Да, несомненно. Мы все понимаем, что речь идет не о нас лично. Речь идет о сотнях исследований. Может быть, о тысячах... Да что я говорю — о перспективных направлениях вообще!

— Так! — энергично сказал Вечеровский. — Значит, предстоит драка. Их оружие — тайна; следовательно, наше оружие — гласность. Что мы должны сделать в первую очередь? Известить о событиях своих знакомых, которые обладают, с одной стороны, достаточной фантазией, чтобы поверить нам, а с другой стороны — достаточным авторитетом, чтобы убедить своих коллег, занимающих командные высоты в науке. Таким образом, мы косвенно выходим на контакт с правительством, получаем доступ к средствам массовой информации и можем авторитетно информировать все человечество. Первое ваше движение было совершенно правильным — вы обратились ко мне. Лично я беру на себя попытку убедить нескольких крупных математиков, являющихся одновременно крупными администраторами. Сначала, естественно, я свяжусь с нашими, а потом и с зарубежными...

Он необычайно оживился, выпрямился в кресле и все говорил, говорил, говорил. Он называл имена, звания, должности, он очень четко определил, к кому должен обратиться Малянов, к кому — Вайнгартен. Можно было подумать, что он уже несколько дней сидел над составлением подробного плана действий. Но чем больше он говорил, тем большее уныние охватывало Малянова. И когда Вечеровский с каким-то совсем уже неприличным пылом перешел ко второй части своей программы, к апофеозу, в котором объединенное всеобщей тревогой человечество в едином строю сплоченными мощностями всей планеты дает отпор сверхцивилизированному супостату, — вот тут Малянов почувствовал, что с него хватит, поднялся, пошел на кухню и заварил новый чай. Вот тебе и Вечеровский. Вот тебе и башка. Видимо, тоже здорово перепугался, бедняга. Да, брат, это тебе не про телепатию спорить. А вообще-то мы сами виноваты: Вечеровский то, Вечеровский се, Вечеровский башка... А Вечеровский — просто человек. Умный человек, конечно, крупный человек, но не более того. Пока речь идет об абстракциях — он силен, а вот как жизнь-матушка подопрет... Обидно только, что он почему-то сразу принял сторону Вальки, а меня даже толком выслушать не пожелал... Малянов взял чайники и вернулся в комнату.

А в комнате, естественно, Вайнгартен делал компот из Вечеровского. Потому что, знаете ли, пиетет пиететом, а когда человек несет околесицу, то уж тут никакой пиетет ему не поможет.

...Уж не воображает ли Вечеровский, что имеет дело с полными идиотами? Может быть, у него, Вечеровского, и есть в запасе пара авторитетных и в то же время полоумных академиков, которые после полубанки способны встретить такую вот информацию с энтузиазмом. Лично у него, Вайнгартена, подобных академиков нет. У него, Вайнгартена, есть старый друг Митька Малянов, от которого он, Вайнгартен, мог бы ожидать определенного сочувствия, тем более что сам Малянов ходит в пострадавших. И что же — встретил он его, Вайнгартена, рассказ с энтузиазмом? С интересом? С сочувствием, может быть? Черта с два! Первое же, что он сказал, — это что Вайнгартен врет. И между прочим, он, Малянов, по-своему прав. Ему, Вайнгартену, даже страшно подумать — обращаться с таким рассказом к своему шефу, скажем, хотя шеф, между прочим, человек еще вовсе не старый, отнюдь не закоснелый и сам склонный к некоему благородному сумасшествию в науке. Неизвестно, как там обстоят дела у Вечеровского, но он, Вайнгартен, совершенно не имеет целью провести остаток дней своих даже в самой роскошной психолечебнице...

— Санитары приедут и заберут! — сказал тут Захар жалобно. — Это ж ясно. И вам-то еще ничего, а мне ведь сексуального маньяка вдобавок приклеят...

— Подожди, Захар! — сказал Вайнгартен с раздражением. — Нет, Фил, честное слово, я вас просто не узнаю! Ну, предположим даже, что разговоры о клиниках — это некоторое преувеличение. Но ведь мы тут же кончимся как ученые, немедленно! Рожки да ножки останутся от нашего реноме! А потом, черт побери, если предположить даже, что нам удалось бы найти одного-двух сочувствующих из академии, — ну как они пойдут с

этим бредом в правительство? Кто на это рискнет? Это же черт знает как человека должно припечь, чтобы он на это рискнул! А уж человечество наше, наши дорогие сопланетники... — Вайнгартен махнул рукой и глянул на Малянова своими маслинами. — Налей-ка погорячее, — сказал он. — Гласность... Гласность — это, знаете ли, палка о двух концах... — И он принялся шумно пить чай, то и дело проводя волосатой рукой по потному носу.

— Ну, кому еще налить? — спросил Малянов.

На Вечеровского он старался не смотреть. Налил Захару, налил Глухову. Налил себе. Сел. Ужасно было жалко Вечеровского и ужасно неловко за него. Правильно Валька сказал: реноме ученого — это вещь очень нежная. Одна неудачная речь — и где оно, твое реноме, Филипп Павлович?

Вечеровский скорчился в кресле, опустив лицо в ладони. Это было невыносимо. Малянов сказал:

— Понимаешь, Фил, все твои предложения... эта твоя программа действий... теоретически это все, наверное, правильно. Но нам-то сейчас не теория нужна. Нам сейчас нужна такая программа, которую можно реализовать в конкретных реальных условиях. Ты вот говоришь: «объединенное человечество». Понимаешь, для твоей программы, наверное, подошло бы какое-нибудь человечество, но только не наше — не земное, я имею в виду. Наше ведь ни во что такое не поверит. Оно ведь знает когда в сверхцивилизацию поверит? Когда эта сверхцивилизация снизойдет до нашего же уровня и примется с бреющего полета валить на нас бомбы. Вот тут мы поверим, вот тут мы объединимся, да и то, наверное, не сразу, а сначала, наверное, сгоряча друг другу пачек накидаем.

— В точности так! — сказал Вайнгартен неприятным голосом и коротко хохотнул.

Все помолчали.

— А у меня и вовсе шеф — женщина, — сказал Захар. — Очень милая, умная, но как я ей буду все это рассказывать? Про себя...

И опять все надолго замолчали, прихлебывая чай. Потом Глухов проговорил негромко:

— Чаек какой — просто прелесть! Умелец вы, Дмитрий Алексеевич. Давно такого не пил... Да-да-да... Конечно, все это трудно, неясно... А с другой стороны — небо, месяц, смотрите, какой... чаек, сигаретка... Что еще, на самом деле, человеку надо? По телевизору — многосерийный детектив, очень недурной... Не знаю, не знаю... Вы вот, Дмитрий Алексеевич, что-то там насчет звезд, насчет межзвездного газа... А какое вам, собственно, до этого дело? Если подумать, а? Подглядывание какое-то, а? Вот вам и по рукам — не подглядывай... Пей чаек, смотри телевизор... Небо ведь не для того, чтобы подглядывать. Небо ведь — оно чтобы любоваться.

И тут Захаров мальчик вдруг звонко и торжествующе объявил:

— Ты хитрец!

Малянов подумал было, что это он про Глухова. Оказалось — нет. Мальчик, повзрослому прищурясь, смотрел на Вечеровского и грозил ему измазанным в шоколаде пальцем. «Тише, тише...» — с беспомощным укором пробормотал Губарь, а Вечеровский вдруг отнял ладони от лица и принял свою первоначальную позу — развалился в кресле, вытянув и скрестив длинные ноги. Рыжее лицо его усмехалось.

— Итак, — сказал он, — я рад констатировать, что гипотеза товарища Вайнгартена заводит нас в тупик, видимый невооруженным глазом. Легко видеть, что в точно такой же тупик заводят нас гипотезы легендарного Союза Девяти, таинственного разума, скрывающегося в безднах Мирового океана, и вообще любой разумно действующей силы. Было бы очень хорошо, если бы вы все сейчас только одну минуту помолчали и подумали, чтобы убедиться в справедливости моих слов.

Малянов бессмысленно болтал ложечкой в стакане и думал: вот стервец, это же надо, как он всех нас купил! Зачем? Что за спектакль?.. Вайнгартен глядел прямо перед собой, глаза его постепенно выкатывались; толстые, залитые потом щеки угрожающе

подрагивали. Глухов растерянно глядел на всех по очереди, а Захар просто терпеливо ждал: видимо, драматизм минуты молчания прошел мимо него.

Потом Вечеровский заговорил снова:

— Обратите внимание. Для объяснения фантастических событий мы попытались привлечь соображения — хотя и фантастические, но тем не менее лежащие внутри сферы наших современных представлений. Это не дало нам ничего. Абсолютно ничего. Валя показал нам это чрезвычайно убедительно. Поэтому, очевидно, вовсе не имеет смысла... я бы сказал — тем более не имеет смысла привлекать какие бы то ни было соображения, лежащие вне сферы современных представлений. Скажем, гипотезу бога... или... или иные. Вывод?

Вайнгартен судорожно вытер лицо полой рубашки и принялся лихорадочно хлебать чай. Малянов спросил с обидой:

— Ты что же это, нарочно нас разыграл?

— А что мне оставалось делать? — отозвался Вечеровский, задирая свои проклятые рыжие брови до самого потолка. — Самому вам доказывать, что ходить по начальству бессмысленно? Что вообще бессмысленно ставить вопрос так, как вы его ставите? «Союз Девяти или тау-китяне...» Да какая вам разница? О чем здесь спорить? Какой бы вы ответ ни дали, никакой практической программы действий вы из этого ответа не извлечете. Сгорел у вас дом, или разбило его ураганом, или унесло наводнением — вам надо думать не о том, что именно случилось с домом, а о том, где теперь жить, как теперь жить, что делать дальше...

— Ты хочешь сказать... — начал Малянов.

— Я хочу сказать, — проговорил Вечеровский жестко, — что ничего ИНТЕРЕСНОГО с вами не произошло. Нечем здесь интересоваться, нечего здесь исследовать, нечего здесь анализировать. Все ваши поиски причин есть просто праздное любопытство. Не о том вам надо думать, каким именно прессом вас давят, а о том, как вести себя под давлением. А думать об этом — гораздо сложнее, чем фантазировать насчет царя Ашоки, потому что отныне каждый из вас — ОДИН. Никто вам не поможет. Никто вам ничего не посоветует. Никто за вас ничего не решит. Ни академики, ни правительство, ни даже все прогрессивное человечество... Ну, об этом Валя достаточно хорошо говорил.

Он поднялся, налил себе чаю и снова вернулся в кресло — невыносимо уверенный, подтянутый, элегантно небрежный, как на дипломатическом приеме. Он и чашку-то держал — словно какой-нибудь там занюханый пэр на фэйф-о-клоке у королевы...

Мальчик процитировал на весь дом:

— «Если больной пренебрегает советами врачей, неаккуратно лечится, злоупотребляет алкоголем, то примерно через пять-шесть лет вторичный период сменяется третичным периодом болезни — последним...»

Захар вдруг сказал с тоской:

— Ну почему? Ну почему именно со мной, с нами?..

Вечеровский с легким стуком поставил чашку на блюдечко, а блюдечко на стол рядом с собой.

— Потому что век наш весь в черном, — объяснил он, промакивая серовато-розовые, как у лошади, губы белоснежным платочком. — Он носит цилиндр высокий, и все-таки мы продолжаем бежать, а затем, когда бьет на часах бездействия час и час отстраненья от дел повседневных, тогда приходит к нам раздвоенье, и мы ни о чем не мечтаем...

— Тьфу на тебя, — сказал Малянов, а Вечеровский разразился довольным, сытым марсианским уханьем.

Вайнгартен выкопал из переполненной пепельницы чинарик подлиннее, сунул его в толстые губы, чиркнул спичкой и некоторое время сидел так, отрешенно скосив глаза на огонек.

— Действительно... — произнес он. — Не все ли равно, какая именно сила... если она заведомо превышает человеческую... — Он закурил. — Тля, на которую упал кирпич, или тля, на которую упал двугривенный... Только я не тля. Я могу выбирать.

Захар смотрел на него с надеждой, но Вайнгартен замолчал. Выбирать, подумал Малянов. Легко сказать — выбирать...

— Легко сказать — выбирать! — начал было Захар, но тут заговорил Глухов, и Захар с надеждой уставился на него.

— Да ясно же! — сказал Глухов с необычайной проникновенностью. — Неужели не ясно, что выбирать? Жизнь надо выбирать! Что же еще? Не телескопы же ваши, не пробирки же... Да пусть они ими подавятся, телескопами вашими! Диффузными газами!.. Жить надо, любить надо, природу ощущать надо — ощущать, а не ковыряться в ней! Когда я сейчас смотрю на дерево, на куст, я чувствую, я знаю — это мой друг, мы существуем друг для друга, мы друг другу нужны...

— Сейчас? — громко спросил Вечеровский.

Глухов запнулся.

— Простите? — пробормотал он.

— А ведь мы с вами знакомы, Владлен Семенович, — сказал Вечеровский. — Помните? Эстония, школа лингвистики... финская баня, пиво...

— Да-да, — сказал Глухов, опустив глаза. — Да.

— Вы были тогда совсем другим, — сказал Вечеровский.

— Ну, так когда это было... — сказал Глухов. — Бароны, знаете ли, стареют...

— Бароны также и воюют, — сказал Вечеровский. — Не так уж давно это было.

Глухов молча развел руками.

Малянов ничего не понял в этой интермедии, но что-то в ней было, что-то неприятное, неспроста они все это друг другу говорили. А Захар, видимо, понял, понял как-то по-своему, какую-то обиду для себя он почувствовал в этом небольшом разговоре, какое-то оскорбление, что ли, потому что вдруг с необычайной резкостью, чуть ли не со злобой почти выкрикнул, обращаясь к Вечеровскому:

— Снегового-то они убили! Вам, Филипп Павлович, легко рассуждать, вас-то они за горло не взяли, вам хорошо!..

Вечеровский кивнул.

— Да, — сказал он. — Мне хорошо. Мне хорошо, и вот Владлену Семеновичу тоже хорошо. Правда, Владлен Семенович?

Маленький уютный человек с красными кроличьими глазами за сильными стеклами старомодных очков в стальной оправе снова молча развел руками. Потом он встал и, ни на кого не глядя, проговорил:

— Прошу прощения, друзья мои, но мне пора идти. Уже поздно...»

Глава восьмая

15. «...Может быть, хочешь переночевать у меня? — спросил Вечеровский.

Малянов мыл посуду и обдумывал это предложение. Вечеровский не торопил его с ответом. Он снова удалился в большую комнату, некоторое время двигался там, затем вернулся с кучей мусора в подмокнувшей газете и сунул мусор в ведро. Затем он взял тряпку и принялся вытирать кухонный стол.

Вообще-то после всех сегодняшних событий и разговоров оставаться одному Малянову было как-то не в жилу. А с другой стороны, бросать квартиру и уходить было как-то неловко и, прямо скажем, стыдно. Получается, что они меня все-таки выживают, подумал он. А я терпеть не могу ночевать в чужих домах, даже у друзей. Даже у Вечеровского. Он вдруг совершенно явственно ощутил аромат кофе. Хрупкая, как розовый лепесток, розовая чашечка, и в ней — волшебный напиток «а ля Вечеровский». Но если подумать, не на ночь же его пить... Кофе можно выпить утром.

Он домыл последнее блюдо, поставил его в сушилку, кое-как затер лужу на линолеуме и пошел в большую комнату. Вечеровский уже сидел там в кресле, развернувшись лицом к окну. Небо за окном было розовое с золотом; молодой месяц, словно на минарете, торчал в точности над крышей двенадцатиэтажника. Малянов взял свое кресло, тоже развернул к окну и тоже уселся. Теперь их с Вечеровским разделял стол, на котором Фил навел порядок: книги лежали аккуратной стопкой, недельной пыли и следа не осталось, все три карандаша и ручка аккуратно выстроились рядом с календарем. Вообще, пока Малянов возился с посудой, Вечеровский успел привести в комнате совершенно необычайный блеск — только что не пропылесосил, — но при всем том сам ухитрился остаться элегантным, подтянутым, без единого пятнышка на кремовых одеждах. Он даже ухитрился не вспотеть, что было уже совершенной фантастикой. А вот у Малянова, хоть он и был в Иркином фартуке, все брюхо было мокрое, прямо как у Вайнгартена. Если у жены брюхо после мытья посуды мокрое, значит муж пьяница. А если у мужа?..

Они молчали и смотрели, как в двенадцатиэтажнике одно за другим гаснут окна. Появился Калям, тихонько мявкнул, вскочил Вечеровскому на колени, устроился и заурчал. Вечеровский тихо гладил его длинной узкой ладонью, не отрывая глаз от огня за окном.

— Он линяет, — предупредил Малянов.

— Неважно, — отозвался Вечеровский тихонько.

Они опять замолчали. Теперь, когда рядом не было потного красного Вайнгартена, совершенно убитого ужасом Захара с его кошмарным ребенком и такого обыкновенного и в то же время загадочного Глухова, когда рядом был только Вечеровский, бесконечно спокойный, бесконечно уверенный в себе и не ожидающий ни от кого никаких сверхъестественных решений, — теперь все прошедшее казалось не то чтобы сном, а скорее некоей эксцентрической повестью, и если это даже действительно произошло, то давно, и не происходило, собственно, а только начало происходить, а потом перестало. Малянов ощутил даже смутный интерес к этому полулитературному персонажу: получил он в конце концов свои пятнадцать лет или все...»

16. «...вспомнил Снегового, и пистолет в пижаме, и печать на двери.

— Слушай, — сказал я. — Неужели они Снегового убили?

— Кто? — не сразу отозвался Вечеровский.

— Н-ну... — начал я и замолчал.

— Снеговой, судя по всему, застрелился, — сказал Вечеровский. — Не выдержал.

— Чего не выдержал?

— Давления. Сделал свой выбор.

Это была не эксцентрическая повесть. Я опять ощутил то же знакомое оцепенение внутри, забрался в кресло с ногами и обхватил колени. Сжался так, что хрустнули мускулы. Это ведь я, это ведь со мной происходит. Не с Иваном-царевичем, не с Иванушкой-дурачком, а со мной. Вечеровскому хорошо...

— Слушай, — сказал я сквозь зубы. — Что там у тебя с Глуховым? Странно вы с ним как-то говорили.

— Он меня разозлил, — отозвался Вечеровский.

— Чем?

Вечеровский помолчал.

— Не смеет оставаться один, — сказал он.

— Не понимаю, — сказал я, подумав.

— Меня злит не то, как он сделал свой выбор, — проговорил Вечеровский медленно, словно размышляя вслух. — Но зачем все время оправдываться? И он не просто оправдывается, он еще пытается завербовать других. Ему стыдно быть слабым среди

сильных, ему хочется, чтобы и другие стали слабыми. Он думает, что тогда ему станет легче. Может быть, он и прав, но меня такая позиция бесит...

Я слушал его, раскрыв рот, а когда он замолчал, спросил осторожно:

— Ты хочешь сказать, что Глухов тоже... под давлением?

— Он был под давлением. Теперь он просто раздавлен.

— Подожди, подожди... Позволь!

Он медленно повернул ко мне лицо.

— А ты не понял? — спросил он.

— Откуда? Он же говорил... Я же своими ушами слышал... Да просто видно, наконец, простым глазом, что человек ни сном ни духом... Это же очевидно!

Впрочем, теперь это уже не казалось мне таким очевидным. Скорее, пожалуй, наоборот.

— Значит, ты не понял, — произнес Вечеровский, разглядывая меня с любопытством. — Гм... А вот Захар понял. — Он впервые за вечер достал трубку и кисет и принялся неторопливо набивать трубку. — Странно, что ты не понял... Впрочем, ты был в явно растрепанных чувствах. А между тем посуди сам: человек любит детективы, человек любит посидеть у телевизора, сегодня как раз очередная серия этого убогого фильма... и вдруг он срывается с насиженного места, мчится к совершенно незнакомым людям — для чего? Чтобы пожаловаться на свои головные боли? — Он чиркнул спичкой и принялся раскуривать трубку. Желто-красный огонек заплясал в его сосредоточенно скошенных глазах. Потянуло медвяным дымком. — А потом — я ведь его сразу узнал. Точнее, не сразу... Он очень сильно переменился. Это ведь был этакий живчик — энергичный, крикливый, ядовитый... никакого руссоизма, никаких рюмочек. Сначала я его просто пожалел, но когда он принялся рекламировать свое новое мировоззрение, это меня взбесило.

Он замолк и занялся исключительно своей трубкой.

Я снова изо всех сил сжался в комок. Вот, значит, как это выглядит. Человека просто расплющило. Он остался жив, но он уже не тот. Вырожденная материя... Вырожденный дух. Что же они с ним делали? Не выдержал... Елки-палки, но ведь бывают, наверное, такие давления, что никакой человек не выдержит...

— Значит, ты и Снегового осуждаешь? — спросил я.

— Я никого не осуждаю, — возразил Вечеровский.

— Н-ну... Ты же бесишься вот... по поводу Глухова...

— Ты меня не понял, — с легким нетерпением сказал Вечеровский. — Меня бесит вовсе не выбор Глухова. Какое я имею право беситься по поводу выбора, который делает человек, оставшийся один на один, без помощи, без надежды... Меня раздражает поведение Глухова после выбора. Повторяю: он стыдится своего выбора и поэтому — только поэтому! — старается соблазнить других в свою веру. То есть, по сути, усиливает и без того неодолимую силу. Понимаешь меня?

— Умом — понимаю, — сказал я.

Я хотел добавить еще о том, что и Глухова можно вполне понять, а поняв — простить, что на самом деле Глухов вообще вне сферы анализа, он в сфере милосердия, но я вдруг почувствовал, что не могу больше говорить. Меня трясло. Без помощи и без надежды... Без помощи и без надежды... Почему я? За что? Что я им сделал?... Надо было поддерживать разговор, и я сказал, стискивая зубы после каждого слова:

— В конце концов, существуют такие давления, которых никакому человеку не выдержать...

Вечеровский ответил что-то, но я не услышал его или не понял. До меня вдруг дошло, что еще вчера я был человеком, членом социума, у меня были свои заботы и свои неприятности, но пока я соблюдал законы, установленные социумом, — а это вовсе не так уж трудно, это уже успело войти в привычку, — пока я соблюдал эти законы, меня от всех мыслимых опасностей надежно охраняли милиция, армия, профсоюзы, общественное

мнение, друзья, семья, наконец, и вот что-то сместилось в окружающем мире, и я превратился в одинокого пескаря, затаившегося в щели, а вокруг ходят и реют чудовищные неразличимые тени, которым даже и зубастых пастей не надо — достаточно легкого движения плавника, чтобы стереть меня в порошок, расплющить, обратить в ничто... И мне дано понять, что, пока я сижу в этой щели, меня не тронут. Даже еще страшнее: меня отделили от человечества, как отделяют овцу от стада, и волокут куда-то, неизвестно куда, неизвестно зачем, а стадо, не подозревая об этом, спокойно идет своим путем и уходит все дальше и дальше... Если бы это были какие-нибудь воинственные пришельцы, если бы это была страшная, разрушительная агрессия из Космоса, из недр океана, из четвертого измерения — насколько мне было бы легче! Я был бы одним из многих, мне нашлось бы место, мне нашлось бы дело, я был бы в рядах! А так я буду погибать у всех на глазах, и никто ничего не заметит, а когда я погибну, когда меня сотрут в порошок, все очень удивятся и пожмут плечами. Слава богу, что хоть Ирки здесь нет. Слава богу, что хоть ее это не касается... Бред! Бред! Чушь собачья! Я изо всех сил потряс головой и рванул себя за волосы. И весь этот кошмар из-за того, что я занимаюсь диффузной материей?!

— По-видимому, да, — сказал Вечеровский.

Я с ужасом взглянул на него, но потом ощутил, что мой вопль еще отдается в моих собственных ушах.

— Слушай, Фил, в этом нет никакого смысла! — сказал я с отчаянием.

— С человеческой точки зрения — никакого, — сказал Вечеровский. — Но люди ведь как раз ничего не имеют против твоих занятий.

— А кто имеет?

— Опять двадцать пять за рыбу деньги! — произнес Вечеровский, и это было так непохоже на него, что я расхохотался. Нервно. Истерически. И услышал в ответ довольное марсианское уханье.

— Слушай, — сказал я. — Ну их всех к черту. Давай чаю попьем!

Я очень боялся, что Вечеровский сейчас скажет, что ему пора, что завтра ему принимать экзамены, что нужно заканчивать главу и все такое, и я торопливо добавил:

— Давай, а? Я там коробку конфет утаил каких-то. Чего их, думаю, скармливать Вайнгартену... Давай!

— С удовольствием, — сказал Вечеровский и с готовностью встал.

— Знаешь, вот так думаешь, думаешь, — говорил я, пока мы шли на кухню, пока я наливал и ставил на газ чайник. — Вот так думаешь, думаешь, в глазах же черно становится. Нельзя так, нельзя. Такие вот штуки и загубили Снегового, я теперь это точно понимаю. Сидел он у себя в квартире один как перст, все лампы зажег, но что с этого толку? Эту черноту лампами не высветишь. Думал он вот так, думал, а потом щелкнуло что-то в голове — и конец... Чувство юмора терять нельзя, вот что. Это ведь на самом деле смешно: такая мощь, такие энергии — и все это, чтобы воспретить человеку разобраться, что бывает, когда звезда попадает в облако пыли... Нет, правда, ты в это вдумайся, Фил! Смешно ведь, верно?

Вечеровский смотрел на меня с каким-то непривычным выражением.

— Ты знаешь, Дима, — произнес он, — вот юмористический аспект положения мне как-то в голову не приходил.

— Нет, правда... Как представишь себе... Вот собираются они там и начинают считать: на исследование кольчатых червей мы бросим сто мегаватт, на проталкивание такого-то проекта — семьдесят пять гигаватт, а на запрещение Малянова хватит и десятки. А кто-нибудь там возражает: десятки-де мало. Надо ведь телефонными звонками его заморочить — раз. Коньяку ему с бабой подсунуть — два... — Я сел и стиснул руки между коленями. — Нет, как хочешь, — это смешно.

— Да, — согласился Вечеровский. — Это довольно смешно... Не очень. Воображение у тебя, Дима, все-таки убогое. Даже странно, как ты до своих пузырей додумался.

— Какие пузыри! — сказал я. — Не было никаких пузырей. И не будет. Бросьте меня колотить, гражданин начальник, ничего не видел, ничего не слышал, маруха Нинка подтвердит, не было меня там... И вообще у меня плановая тема — ИК-спектрометр, а все остальное — интеллигентская вылазка, Галилеев комплекс...

Мы помолчали. Тихонько засипел чайник и, приготавливаясь закипеть, начал делать «пф-пф-пф».

— Ну, ладно, — сказал я. — Убогое воображение. Пожалуйста. Но согласись: если от всех этих неприятных деталей отвлечься, чертовски интересно все получается. Все-таки получается, что они существуют. Столько болтали, столько гадали, столько врили... блюдечки дурацкие выдумывали, баальбекские веранды, а они все-таки существуют. Только, конечно, совсем не так они существуют, как мы думали... Я, между прочим, всегда был уверен, что, когда они наконец объявятся, они будут совершенно непохожи на все то, что про них навывдумывали...

— Кто это — они? — рассеянно спросил Вечеровский. Он раскуривал погасшую трубку.

— Пришельцы, — сказал я. — Или, выражаясь по науке, сверхцивилизация.

— А-а, — сказал Вечеровский. — Понимаю. Действительно, еще никто не додумался, что они будут похожи на милиционера с абберациями поведения.

— Ладно, ладно, — сказал я. Я поднялся и стал выставлять на стол все для чая. — У меня воображение убогое, а у тебя его, видно, и вовсе нет.

— Пожалуй, — согласился Вечеровский. — Я совершенно не в состоянии вообразить то, чего, по-моему, не существует. Флогистон, например, он же теплород... или, скажем, всемирный эфир... Нет-нет, ты завари свежий, пожалуйста... и не жалея заварки.

— Сам знаю, — огрызнулся я. — Так что ты там насчет флогистона?

— Я никогда не верил во флогистон. И я никогда не верил в сверхцивилизации. И флогистон, и сверхцивилизации — все это слишком человеческое. Как у Бодлера. Слишком человеческое, следовательно — животное. Не от разума. От неразумия.

— Позволь! — сказал я, стоя с заварочным чайником в одной руке и с пачкой цейлонского в другой. — Но ты же сам признал, что мы имеем дело со сверхцивилизацией...

— Отнюдь, — сказал Вечеровский невозмутимо, — точнее — отнюдь нет. Это вы признали, что имеете дело со сверхцивилизацией. А я воспользовался этим обстоятельством просто для того, чтобы наставить вас на путь истинный...

В большой комнате грянул телефон. Я вздрогнул и уронил крышку от чайника.

— Ч-черт... — пробормотал я, глядя то на Вечеровского, то на дверь.

— Иди, иди, — спокойно сказал Вечеровский, поднимаясь. — Я заварю.

Я не сразу взял трубку. Было страшно. Звонить было некому, особенно в это время. Может быть, пьяный Вайнгартен? Сидит там один... Я взял трубку.

— Да?

Голос пьяного Вайнгартена сказал:

— Ну конечно, не спит... Привет, жертва сверхразума! Как ты там?

— О'кэй, — сказал я с огромным облегчением. — А ты?

— У нас тут полный порядок... — сообщил Вайнгартен. — З-заехали в «Авс... Австорию»... В «Аустерию», понял?.. Взяли полбанки — показалось мало. Тогда взяли еще полбанки... Понесли эти две полбанки... иначе говоря, одну целую банку... и вот теперь прекрасно себя чувствуем. Приезжай!

— Да нет, — сказал я. — Мы тут с Вечеровским. Чай пьем.

— Кто чай пьет — тот отчается, — объявил Вайнгартен и захохотал. — Ну, ладно. Если что — звони...

— Я не понимаю, ты один или с Захаром?

— Мы втроем, — сказал Вайнгартен. — Очень мило... Значит, если что — приезжай. Эж... эждем... — И он положил трубку.

Я вернулся на кухню. Вечеровский разливал чай.

— Вайнгартен? — спросил он.

— Да. Все-таки приятно, что в этом сумасшествии хоть что-то остается прежнему. Инвариантность относительно сумасшествия. Никогда раньше не думал, что пьяный Вайнгартен — это так хорошо.

— Что он тебе сказал? — осведомился Вечеровский.

— Он сказал: кто пьет чай, тот отчается.

Вечеровский удовлетворенно заухал. Он любил Вайнгартена. Очень по-своему, но любил. Он считал Вайнгартена анфан терибль — большим, потным, шумным анфан терибль.

— Подожди, — сказал я. — А где же конфеты? А!

Я залез в холодильник и вытащил роскошную коробку «Пиковой дамы».

— Видал?

— О! — сказал Вечеровский с уважением.

Мы почали коробку.

— Привет от сверхцивилизации, — сказал я. — Да! Так что ты там говорил? Совсем меня с толку сбил... Да! Ты что же, даже после всего утверждаешь...

— Умгу... — сказал Вечеровский. — Утверждаю. Я всегда знал, что никаких сверхцивилизаций не существует. А теперь, после всего, как ты выразился, — я догадываюсь, почему не существует.

— Подожди, подожди... — Я поставил чашку. — Почему и так далее — это все теория, а ты мне вот что скажи... Если это не сверхцивилизация... если это не пришельцы в самом широком смысле слова, тогда кто? — Я разозлился. — Ты знаешь что-нибудь или просто языком треплешь, парадоксами развлекаешься? Один человек застрелился, из другого сделали медузу... Что ты нам голову морочишь?

Нет, даже невооруженным глазом видно было, что Вечеровский не развлекается парадоксами и не морочит нам голову. Лицо у него вдруг сделалось серое, утомленное, и проступило на нем какое-то огромное, доселе тщательно скрываемое, а теперь вырвавшееся на волю напряжение... или, может быть, упрямство — жесткое яростное упрямство. Он даже на себя перестал быть похож. У него-то ведь лицо, в общем, скорее вялое, с этакой сонной аристократической тухлей, а тут оно все словно окаменело. И мне опять стало страшно. В этот момент я впервые подумал, что Вечеровский сидит здесь вовсе не потому, что хочет меня морально поддержать. И вовсе не поэтому он приглашал меня переночевать у него, а давеча — посидеть у него и поработать. И хотя мне было очень страшно, я вдруг испытал прилив жалости к нему, ни на чем, собственно, не основанной жалости, только на каких-то смутных ощущениях основанной, да на том, как вдруг переменилось его лицо.

И тут я вспомнил ни с того ни с сего, что года три назад Вечеровского положили в больницу, но ненадолго, скоро выписали...»

17. «...неизвестная ранее форма доброкачественной опухоли. Только через год. А я обо всем этом узнал вообще только прошлой осенью, а ведь встречался с ним каждый божий день, пил у него кофе, слушал его марсианское уханье, жаловался ему, что фурункулы одолели. И ничего, ничегошеньки не подозревал...

И вот сейчас, охваченный этой неожиданной жалостью, я не удержался и сказал, хотя и знал заранее, что говорить это бессмысленно, толку от этого никакого не будет.

— Фил, — сказал я, — а ты что, тоже под давлением?

Конечно, он не обратил на мой вопрос никакого внимания. Просто не услышал меня. Напряжение ушло с его лица, снова утонуло в аристократической одутловатости, рыжие веки напоззли на глаза, и он усиленно засопел потухшей трубкой.

— Я вовсе не морочу вам голову, — сказал он. — Вы сами себе морочите голову. Это же вы придумали свою сверхцивилизацию, и никак вы не поймете, что это слишком просто — современная мифология, и не более того.

У меня мурашки поползли по коже. Еще сложнее? Еще, значит, хуже? Куда же больше?..

— Ты ведь астроном, — продолжал он укоризненно. — Ты ведь должен знать про основной парадокс ксенологии...

— Ну, знаю, — сказал я. — Всякая цивилизация в своем развитии с высокой вероятностью...

— И так далее, — прервал он меня. — Мы неизбежно должны наблюдать следы их деятельности, но мы этих следов не наблюдаем. Почему? Потому что сверхцивилизаций не бывает. Потому что превращение цивилизаций в сверхцивилизацию почему-то не происходит.

— Ну да, — сказал я. — Разум губит себя в ядерных войнах. Чушь все это.

— Конечно, чушь, — спокойно согласился он. — Тоже слишком просто, слишком примитивно, в сфере привычных представлений...

— Подожди, — сказал я. — Что ты затвердил как попугай: примитивно, примитивно... Конечно, ядерная война — это примитивно. На самом деле все, наверное, совсем не так просто... Генетические болезни... какая-нибудь усталость от бытия... целевая переориентация... Об этом же целая литература существует. Я, например, считаю, что проявления сверхцивилизаций носят космический характер, мы просто не умеем отличить их от природных космических явлений. Или, пожалуйста, наш случай — чем не проявление?

— Человеческое, слишком человеческое, — проговорил Вечеровский. — Они обнаружили, что земляне на пороге Космоса, и, опасаясь соперничества, решили это прекратить. Так?

— Почему бы и нет?

— Да потому, что это — роман. Вернее, целая литература в ярких дешевых обложках. Это всё попытки натянуть фразную пару на осьминога. Причем даже не просто на осьминога, а на осьминога, которого на самом деле не существует...

Вечеровский отодвинул чашку, поставил локоть на стол и, подперши подбородок кулаком, задрал рыжие брови, стал глядеть куда-то поверх моей головы.

— Смотри, как у нас забавно получается, — сказал он. — Казалось бы, два часа назад обо всем договорились: неважно, какая сила на вас действует, важно — как вести себя под давлением. Но вот я вижу, что ты об этом совершенно не думаешь, ты упорно снова и снова возвращаешься к попыткам идентифицировать эту силу. И при этом упорно возвращаешься к гипотезе сверхцивилизации. Ты даже готов забыть и уже забыл собственные свои маленькие возражения против этой гипотезы. И я в общем понимаю, почему это с тобой происходит. Где-то в подсознании у тебя сидит идея, что любая сверхцивилизация — это все-таки цивилизация, а две цивилизации всегда сумеют между собой как-то договориться, найти некий компромисс, накормить волков и сохранить овец... И уж в самом худшем случае — сладко покориться этой враждебной, но импозантной силе, благородно отступить перед противником, достойным победы, а там — чем черт не шутит! — может быть, и получить награду за свою разумную покорность... Не выкатывай, пожалуйста, на меня глаза. Я ведь говорю: это у тебя в подсознании. И разве только у тебя? Это же очень, очень человеческое. От бога отказались, но на своих собственных ногах, без опоры, без какого-нибудь мифа-костыля стоять еще не умеем. А придется! Придется научиться. Потому что у вас, в вашем положении, не только друзей

нет. Вы до такой степени одиноки, что у вас и врага нет! Вот чего вы никак не хотите понять.

Вечеровский замолчал. Я пытался переварить эту неожиданную речь, пытался найти аргументы, чтобы возражать, оспаривать, с пеной у рта доказывать... что? Не знаю. Он был прав: уступить достойному противнику — это не позор. То есть это не он так думает. Это я так думаю. То есть не думаю, а только сейчас подумал — после того, как он об этом сказал. Но ведь у меня и на самом деле было ощущение, что я — генерал разбитой армии и брожу под градом ядер в поисках генерала-победителя, чтобы отдать ему шпагу. И при этом меня не столько угнетает само поражение, сколько то проклятое обстоятельство, что я никак не могу найти этого супостата.

— Как же так — нет врага? — сказал я наконец. — Кому-то ведь это понадобилось!

— А кому понадобилось, — с этакой ленцой произнес Вечеровский, — чтобы вблизи поверхности Земли камень падал с ускорением в девять и восемьдесят один?

— Не понимаю, — сказал я.

— Но ведь он падает именно так?

— Да...

— И сверхцивилизацию ты сюда не притягиваешь за уши? Чтобы объяснить этот факт...

— Подожди... При чем здесь...

— Кому же все-таки понадобилось, чтобы камень падал именно с таким ускорением? Кому?

Я налил себе чаю. В общем-то, мне как будто оставалось сложить два и два, но я все равно ничего не понимал.

— Ты хочешь сказать, что мы имеем дело с каким-то стихийным бедствием, что ли? С явлением природы?

— Если угодно, — сказал Вечеровский.

— Ну, знаешь ли, голубчик!.. — Я развел руками, задел стакан и залил весь стол. — Ч-черт...

Пока я вытирал стол, Вечеровский по-прежнему лениво продолжал:

— А ты все-таки постарайся отказаться от эпициклов, попробуй все-таки поставить в центр не Землю, а Солнце. Ты сразу почувствуешь, насколько все упростится.

Я бросил мокрую тряпку в мойку.

— То есть у тебя есть своя гипотеза, — сказал я.

— Да, есть.

— Изложи. Кстати, почему ты не изложил ее сразу? Когда здесь был Вайнгартен.

Вечеровский подвигал бровями.

— Видишь ли... Всякая новая гипотеза обладает тем недостатком, что вызывает всегда массу споров. А мне вовсе не хотелось спорить. Мне хотелось только убедить вас, что вы поставлены перед неким выбором и выбор этот должны сделать в одиночку, сами. По-видимому, мне это не удалось. А между тем моя гипотеза, пожалуй, могла бы оказаться дополнительным аргументом, потому что суть ее... точнее, единственный практический вывод из нее состоит как раз в том, что у вас сейчас нет не только друзей, но даже и противника. Так что, может быть, я и ошибся. Может быть, мне следовало пойти на утомительную дискуссию, но зато тогда вы яснее бы представляли себе свое истинное положение. А дела, на мой взгляд, обстоят следующим образом...

Нельзя сказать, чтобы я не понял его гипотезу, но не могу сказать, что я осознал ее до конца. Не могу сказать, что его гипотеза убедила меня, но, с другой стороны, все происходившее с нами в нее укладывалось. Более того, в нее укладывалось вообще все, что происходило, происходит и будет происходить во Вселенной, и в этом, если угодно, заключается и слабость этой гипотезы. Было в ней что-то от утверждения, что веревка есть вервие простое.

Вечеровский вводил понятие Гомеостатического Мироздания (он употреблял именно это архаическое и поэтическое слово). «Мироздание сохраняет свою структуру» — это была его основная аксиома. По его словам, законы сохранения энергии и материи вообще были частными проявлениями закона сохранения структуры. Закон неубывания энтропии противоречит гомеостазису мироздания и поэтому является законом частичным, а не всеобщим. Дополнительным по отношению к этому закону является закон непрерывного воспроизводства разума. Сочетание и противоборство этих двух частичных законов и обеспечивают всеобщий закон сохранения структуры.

Если бы существовал только закон неубывания энтропии, структурность мироздания исчезла бы, воцарился бы хаос. Но, с другой стороны, если бы существовал или хотя бы возобладал только непрерывно совершенствующийся и всемогущий разум, заданная гомеостазисом структура мироздания тоже нарушилась бы. Это, конечно, не означало бы, что мироздание стало бы хуже или лучше, оно бы просто стало другим — вопреки принципу гомеостатичности, ибо у непрерывно развивающегося разума может быть только одна цель: изменение природы Природы. Поэтому сама суть Гомеостазиса Мироздания состоит в поддержании равновесия между возрастанием энтропии и развитием разума. Поэтому нет и не может быть сверхцивилизаций, ибо под сверхцивилизацией мы подразумеваем именно разум, развившийся до такой степени, что он уже преодолевает закон неубывания энтропии в космических масштабах. И то, что происходит сейчас с нами, есть не что иное, как первые реакции Гомеостатического Мироздания на угрозу превращения человечества в сверхцивилизацию. Мироздание защищается.

Не спрашивай меня, говорил Вечеровский, почему именно Малянов и Глухов оказались первыми ласточками грядущих катаклизмов. Не спрашивай меня, какова физическая природа сигналов, потревоживших гомеостазис в том уголке мироздания, где Глухов и Малянов затеяли свои сакраментальные исследования. Вообще не спрашивай меня о механизмах действия Гомеостатического Мироздания — я об этом ничего не знаю, так же как никто ничего не знает, например, о механизмах действия закона сохранения энергии. Просто все процессы происходят так, что энергия сохраняется. Просто все процессы происходят так, чтобы через миллиард лет эти работы Малянова и Глухова, слившись с миллионами и миллионами других работ, не привели бы к концу света. Имеется в виду, естественно, не конец света вообще, а конец того света, который мы наблюдаем сейчас, который существовал уже миллиард лет назад и которому Малянов и Глухов, сами того не подозревая, угрожают своими микроскопическими попытками преодолеть энтропию...

Вот так примерно — не знаю уж, правильно или не совсем правильно, а может быть, и вовсе неправильно, — я его понял. Я даже спорить с ним не стал. И без того дело было дрянью, а уж в таком аспекте оно представлялось настолько безнадежным, что я просто не знал, что сказать, как к этому относиться и зачем вообще жить. Господи! Малянов Д. А. версус Гомеостатическое Мироздание! Это даже не тля под кирпичом. Это даже не вирус в центре Солнца...

— Слушай, — сказал я. — Если это все так, какого черта тут вообще разговаривать? Да провались они, мои М-полости... Выбор! Да какой тут может быть выбор?

Вечеровский медленным движением снял очки и принялся водить мизинцем по натертой горбинке носа. Он очень долго, изнурительно долго молчал. А я ждал. Потому что шестым чувством понимал: не может Вечеровский бросить меня вот так, на съедение своему гомеостазису, никогда бы этого не сделал, никогда бы мне всего этого не рассказал, если бы не существовал какой-то выход, какой-то вариант, какой-то все-таки, черт возьми, выбор. И вот он кончил сандачить свой нос, снова надел очки и тихонько произнес:

— Сказали мне, что эта дорога меня приведет к океану смерти, и я с полпути повернул обратно. С тех пор всё тянутся передо мною кривые глухие окольные тропы...

— Ну? — сказал я.

— Повторить? — спросил Вечеровский.

— Ну, повтори.

Он повторил. Мне захотелось заплакать. Я торопливо поднялся, налил чайник и снова поставил его на газ.

— Хорошо, что чай на свете есть, — сказал я. — Давно бы уже пьяный под столом валялся...

— Я все-таки предпочитаю кофе, — сказал Вечеровский.

И тут я услышал, как в замке входной двери поворачивается ключ. Я, наверное, стал белый, а может быть, даже синий, потому что Вечеровский вдруг тревожно подался ко мне и тихо проговорил:

— Спокойно, Дима, спокойно... Я с тобой.

Я едва слышал его.

Там, в прихожей, открылась вторая дверь, зашуршала одежда, послышались быстрые шаги, отчаянно завопил Калям и — я все еще сидел как деревянный — запыхавшийся Иркин голос произнес: «Калямуска...» И сразу же:

— Димка!

Не помню, как меня вынесло в коридор. Я схватил Ирку в охапку, стиснул ее, прижался (Ирка, Ирка!), вдохнул запах знакомых духов. У нее были мокрые щеки, и она тоже бормотала что-то странное: «Ты живой, господи... Что я только не думала! Димка!» Потом мы опомнились. Во всяком случае, я опомнился. То есть до меня окончательно дошло, что это она, и дошло, что она бормочет. И мой аморфный деревенящий ужас сменился вполне конкретным житейским испугом. Я поставил ее на ноги, отстранился, взгляделся в заплаканное лицо (оно было даже не подмазано) и спросил:

— Что случилось, Ирка? Почему ты здесь? Бобка?

По-моему, она меня не слушала. Она цеплялась за мои руки, лихорадочно шарила мокрыми глазами по моему лицу и все повторяла:

— Я же чуть с ума не сошла... Я думала, что уже и не успею... Что же это такое...

Не разнимая рук, мы протиснулись в кухню, я усадил ее на свою табуретку, а Вечеровский молча налил ей крепкого чаю прямо из заварочного чайника. Она жадно выпила, расплескав половину на пыльник. На ней лица не было. Она так осунулась, что я с трудом ее узнавал. Глаза были красные, волосы растрепаны, торчали космами. Тут меня затрясло, и я привалился задом к мойке.

— С Бобкой что-нибудь? — проговорил я, еле ворочая языком.

— С Бобкой? — повторила она бессмысленно. — При чем здесь Бобка? Я из-за тебя чуть с ума не сошла... Что здесь произошло? — закричала она вдруг. — Ты болел? — Глаза ее снова обежали меня. — Ты же здоров как бык!

Я почувствовал, что нижняя челюсть у меня отвисла, и захлопнул рот. Ничего было не понять. Вечеровский очень спокойно спросил:

— Ты получила что-нибудь дурное про Диму?

Ирка перестала обследовать меня глазами и поглядела на него. Потом она вдруг сорвалась с места, выбежала в прихожую и сейчас же вернулась, на ходу копясь в сумочке.

— Вы посмотрите... посмотрите, что я получила... — Гребенка, патрон с помадой, какие-то листки и коробочки, деньги сыпались на пол. — Господи, где же это... Да! — Она швырнула сумку на стол, сунула трясущуюся руку в карман пыльника — не сразу попала — и выхватила смятую телеграмму. — Вот!

Я схватил телеграмму. Пробежал. Ничего не понял. «...УСПЕТЬ СНЕГОВОЙ...» Еще раз пробежал глазами, потом от отчаяния — вслух:

— «ДИМОЙ ПЛОХО ТОРОПИТЕСЬ УСПЕТЬ СНЕГОВОЙ». Как — Снеговой? — сказал я. — Почему Снеговой?

Вечеровский осторожно отобрал у меня телеграмму.

— Отправлено сегодня утром, — сказал он. — Все заверки, насколько я понимаю, в порядке...

— Когда отправлена? — спросил я громко, как глухой.

— Сегодня утром. В девять часов двадцать две минуты.

— Господи! Да что же он — подшутил надо мной так? — сказала...»

Глава девятая

18. «...чем у меня. Билет на аэровокзале она, конечно, не достала. Прорвалась, размахивая телеграммой, к начальнику, тот выдал ей какую-то бумажку, но толку от этой бумажки было чуть — самолетов в порту не было, а когда они появлялись, то летели не туда. В конце концов, отчаявшись, она села в самолет, который доставил ее в Харьков. Там все началось сначала, но плюс ко всему в Харькове шел проливной дождь, и только под вечер ей удалось добраться до Москвы на грузовом самолете, который вез холодильники и гробы. В Москве дело пошло легче. Из Домодедова она помчалась в Шереметьево, и в конце концов ей удалось добраться до Ленинграда в пилотской кабине. За все это время она не съела ни крошки, и половину всего этого времени она проревела. Даже засыпая, она всё жалобно грозилась, что завтра же с утра отправится на почту, призовет на помощь милицию и уж выяснит, чья это работа, какие гады это натворили. Я, естественно, поддакивал, что да, конечно, мы этого так не оставим, за такие штучки нужно морду бить, и даже не морду бить, а просто сажать, и, конечно, я не стал ей говорить, что почта такие телеграммы без соответствующих справок не принимает, что пошутить таким вот образом в наше время, слава богу, просто невозможно и что, скорее всего, эту телеграмму вообще никто не посылал, а телетайп на почте в Одессе отпечатал ее совершенно самостоятельно.

Я заснуть не мог. Собственно, было уже утро. На улице было совсем светло, и в комнате, несмотря на задернутые шторы, тоже было светло. Некоторое время я лежал неподвижно, гладил Каляма, растянувшегося между нами, и слушал тихое ровное дыхание Ирки. Она всегда спала очень крепко и с большим аппетитом. Не было на свете таких неприятностей, которые могли бы вызвать у нее бессонницу. По крайней мере, до сих пор не было...

Тошное маетное оцепенение, которое навалилось на меня с того момента, когда я прочитал и понял наконец телеграмму, не покидало меня. Все мускулы были сведены словно судорогой, и внутри, в груди и в животе, лежал огромный бесформенный холодный ком. Иногда этот ком принимался ворочаться, и тогда меня начинала бить дрожь.

Сначала, когда Ирка вдруг замолкла на полуслове и я услышал ее ровное сонное дыхание, мне на мгновение стало легче: я был не один, более того — со мной рядом был самый, наверное, родной и любимый человек. Но холодная жаба в груди шевельнулась, и я ужаснулся этому чувству облегчения и подумал: до чего же это я докатился, до чего они меня укатали, что я способен радоваться Иркиному здесь присутствию, радоваться, что Ирка оказалась в одном со мною окопе под ураганным огнем. Не-ет, завтра же, завтра же за билетом! И — обратно ее в Одессу... через головы всех очередей, всех раскидаю, зубами прогрызу дорогу к кассе...

Бедная моя девочка, сколько ей пришлось пережить из-за этих гадов, из-за меня, из-за этой вонючей диффузной материи, которая вся, сколько ее есть, не стоит одной Иркиной морщинки. И до нее они добрались. Мало им было меня топтать — до нее добрались тоже... Зачем? Ирка-то им зачем понадобилась? Сволочи слеподырые, лупят по площадям, на кого бог пошлет... Я сел. Если с Иркой что-нибудь случится, я себе этого не прощу. Да нет, ничего с нею не случится. Это они просто меня запугивают. Нервы мои бедные на катушку наматывают — не одним способом, так другим. Не мытьем, так катаньем...

Ни с того ни с сего мне представился вдруг мертвый Снеговой — как он идет в огромной полосатой пижаме по Московскому, грузный, холодный, с запекшейся дырой в большом черепе; как он входит в почтовое отделение и встает в очередь к телеграфному окошку: в правой руке у него пистолет, в левой — телеграмма; и никто вокруг ничего не замечает, приемщица берет у него из мертвых пальцев телеграмму, выписывает квитанцию и, не вспомнив о деньгах, произносит: «Следующий».

Я потряс головой, чтобы отогнать видение, тихонько слез с тахты и, как был, в одних трусах прошлепал на кухню. Здесь было уже совсем светло, на дворе всю гомонили воробьи и шаркала метла дворника. Я взял Иркину сумочку, порылся, нашел мятую пачку с двумя поломанными сигаретами и, севши за стол, закурил. Давно я не курил. Года два, наверное, а может быть, и три... Всё силу воли доказывал. Да, брат Малянов. Теперь тебе понадобится вся твоя сила воли. Ч-черт, актер ведь я никудышный и врать толком не умею. А Ирке ничего не надо знать. Ни к чему ей все это. Это я должен пережить сам, сам должен с этим справиться. Тут мне никто не поможет, ни Ирка, никто.

А при чем тут, собственно, помощь? — подумал я вдруг. Разве о помощи речь? Просто я никогда не говорил Ирке о своих неприятностях, если этого можно было избежать. Я не люблю ее огорчать. Очень люблю радовать и терпеть не могу огорчать. Если бы не вся эта бодяга, с какой радостью я бы ей сейчас рассказал про М-полости, она бы сразу все поняла, у нее голова ясная, хотя она не теоретик и все время жалуется на свою дурость... А сейчас что я ей скажу? Тоска, тоска...

Вообще-то неприятности неприятностям рознь. Бывают неприятности разных уровней. Бывают совсем мелкие, на которые не грех и пожаловаться, даже приятно. Ирка скажет: подумаешь, чепуха какая, — и сразу же станет легче. Если неприятности покрупнее, то говорить о них просто не по-мужски. Я ни маме о них никогда не говорю, ни Ирке. Но потом, вообще-то говоря, идут неприятности уже такого масштаба, что с ними становится даже как-то неясно. Во-первых, хочу я этого или не хочу, а Ирка попала под огонь вместе со мной. Тут какая-то чушь получается, несправедливость. В меня бьют, как в бубен, но я хоть понимаю — за что, догадываюсь — кто... и вообще знаю, что меня бьют. Целятся. Что это не глупые шутки и не удары судьбы. По-моему, все-таки лучше знать, что в тебя целятся. Правда, люди бывают всякие, и большинство все-таки предпочло бы не знать. Но Ирка, по-моему, не такая. Она отчаянная, я ее знаю. Она когда чего-нибудь боится, то прямо-таки опрометью бросается именно навстречу своему страху. Нечестно как-то получается — не рассказать ей. И вообще. Мне надо выбор делать. (Я, между прочим, об этом еще и не пытался думать, а думать придется. Или я уже выбрал? Сам еще об этом ничего не знаю, а уже выбрал...) И вот если выбирать... Ну, сам выбор, предположим, это дело только мое. Как захотим, так и сделаем. Но вот как насчет последствий? Выберу одно — начнут в нас кидать уже не простые бомбы, а атомные. Выберу другое... Интересно, понравился бы Ирке Глухов? В общем-то ведь милый, приятный человек, тихий, кроткий... Телевизор можно было бы наконец купить на радость Бобке, на лыжах бы ходили каждую субботу, в кино... В общем, так или иначе, а получается, что все это касается не только одного меня. И под бомбами сидеть плохо, и за медузой замужем через десять лет супружества вдруг оказаться — тоже не сахар... А может быть, как раз ничего? Откуда я знаю, за что меня Ирка любит? То-то и оно, что не знаю. Между прочим, она этого, может быть, тоже не знает...

Я докурил, привстал с табуретки и сунул окурочек в помойное ведро. Рядом с помойным ведром лежал паспорт. Очень мило. Всё собрали до последней бумажки, до последнего медяка, а паспорт — вот он. Я взял черно-зеленую книжицу и рассеянно заглянул на первую страницу. Сам не знаю — зачем. Меня окатило холодным потом. Сергеенко Инна Федоровна. Год рождения — 1939... Что такое? Фотография была Иркина... Нет, не Иркина. Какая-то женщина, похожая на Ирку, но не Ирка. Какая-то Сергеенко Инна Федоровна.

Я осторожно положил паспорт на край стола, поднялся и на цыпочках прокрался в комнату. Меня окатило ледяным потом вторично. У женщины, которая лежала под простыней, сухая кожа туго обтягивала лицо, и были обнажены верхние зубы, белые, острые — то ли в улыбке, то ли в страдальческом оскале. Это ведьма была там, под простыней. Не помня себя я схватил ее за голое плечо и потряс. Ирка мгновенно проснулась, распахнула свои глазищи и невнятно проговорила: «Димкин, ты чего? Болит что-нибудь?..» Господи, Ирка! Конечно, Ирка. Что за бред? «Я храпела, да?» — спросила Ирка сонным голосом и заснула снова.

Я на цыпочках вернулся на кухню, отодвинул от себя подальше этот паспорт, выволок из пачки последнюю сигарету и снова закурил. Да. Вот так мы теперь живем. Такая вот у нас теперь будет жизнь. Отныне.

Ледяное животное внутри поворочалось еще немного и затихло. Я стер с лица противный пот, спохватился и снова полез в Иркину сумку. Иркин паспорт был там. Малянова Ирина Ермолаевна. Год рождения — 1933. Ч-черт... Ну, хорошо, а это-то зачем им понадобилось? Ведь все же не случайно. И паспорт этот, и телеграмма, и с каким трудом Ирка добиралась, и даже то, что она летела в одном самолете с гробами, — все ведь это не случайно... Или случайно? Слеподыры же, матушка-природа, стихия безмозглая... Вот это, между прочим, очень хорошо подтверждает Вечеровского. Потому что если это на самом деле Гомеостатическое Мироздание сокрушает микрокрамолу, то это так и должно выглядеть... Как человек, который охотится за мухой с полотенцем, — страшные свистящие удары, разрезающие воздух, летят с полок сбитые вазы, обрушивается торшер, гибнут ни в чем не повинные ночные мотыльки; задрал хвост, удирает под диван кошка, которой наступили на лапу... Массированность и малоприцельность. Я ведь вообще ничего не знаю. Может быть, сейчас где-нибудь за Муринским ручьем дом обрушился — целились в меня, а попали в дом, а мне и невдомек, на мою долю только этот паспорт и достался. И неужели это только из-за того, что я давеча подумал об М-полостях? Только представил себе, как я мог бы рассказать о них Ирке...

Слушай, я, наверное, так не смогу жить. Трусом я себя никогда не считал, но так вот жить, чтобы ни минуты покоя не было, чтобы от собственной жены шарахаться, приняв ее за ведьму... А Вечеровский Глухова теперь в упор не видит. Значит, и меня не станет видеть. Все придется изменить. Все будет другое. Другие друзья, другая работа, другая жизнь... Семья, может быть, тоже другая... С тех пор всё тянутся передо мною кривые глухие окольные тропы. Глухие... Глухов... И будет стыдно смотреть на себя по утрам в зеркало, когда бреешься. В зеркале будет очень маленький и очень тихий Малянов.

То есть, конечно, можно будет привыкнуть и к этому, ко всему на свете, наверное, можно привыкнуть. И к любой утрате. Но какая это все-таки будет немаленькая утрата, если подумать! Ведь я десять лет шел к этому. Даже не десять лет — всю жизнь. С детства, со школьного кружка, с самодельных телескопов, с подсчетов чисел Вольфа по чьим-то наблюдениям... М-полости мои — я ведь о них, собственно, ничего не знаю: что там у меня могло бы получиться, что бы могло получиться из этого у тех, кто заинтересовался бы этим после меня, продолжил бы, развил, добавил свое и передал бы дальше, в следующий век... Наверное, что-то немаленькое могло бы получиться, что-то немаленькое я утрачиваю, если оно оказывается зародышем потрясений, против которых восстает сама Вселенная. Миллиард лет — большой срок. За миллиард лет из комочка слизи вырастает цивилизация...

Но ведь растопчут. Сначала жить не дадут, замордуют, сведут с ума, а если это не поможет — просто растопчут... Мать моя, мамочка! Шесть часов. Солнце уже всю жарит.

И тут, я сам не знаю почему, холодное животное в груди исчезло. Я поднялся, спокойно ступая, пошел в комнату, залез в свой стол, вытащил свои бумаги и взял ручку. А потом вернулся в кухню, расположился, сел и стал работать.

Думать по-настоящему я, конечно, не мог — голова была как ватой набита, веки жгло, — но я старательно и тщательно перебрал черновики, выкинул все, что было уже не нужно, остальное расположил по порядку, взял общую тетрадь и стал все переписывать начисто, не торопясь, с аппетитом, аккуратно, тщательно выбирая слова — так, словно я писал окончательный вариант статьи или отчета.

Многие не любят этого этапа работы, а я люблю. Мне нравится оттачивать терминологию, не спеша и со вкусом обдумывать наиболее изящные и экономичные обозначения, вылавливать блох, засевших в черновиках, вычерчивать графики, оформлять таблицы. Это благородная черная работа ученого — подведение итогов, время полюбоваться собой и делом рук своих.

И я любовался собой и делом рук своих, пока не возникла вдруг рядом со мной Ирка, обняла меня голой рукой за шею и прижалась теплой щекой к моей щеке.

— А? — произнес я и распрямил спину.

Это была моя обычная Ирка, совсем не то несчастное пугало, какой она явилась вчера. Она была розовая, свежая, ясноглазая и веселая. Жаворонок. Ирка у меня жаворонок. Я — сова, а она — жаворонок. Где-то я слышал про такую классификацию. Жаворонки ложатся рано, легко и с удовольствием засыпают, так же легко и с удовольствием просыпаются и сейчас же начинают петь, и никакая мерихлюндия на свете не заставит их провалиться, скажем, до полудня.

— Ты что, опять совсем не ложишься? — спросила она и, не дожидаясь ответа, пошла к балконной двери. — Чего это они там разгалделись?

Только тут я сообразил, что во дворе у нас стоит какой-то необычный галдеж — толковище того типа, какое бывает на месте происшествия, когда милиция уже подъехала, а «скорая помощь» еще в пути.

— Димка! — завопила Ирка. — Ты посмотри! Вот чудеса-то!

У меня упало сердце. Знаю я эти чудеса. Я выскочил...»

19. «...пить кофе. И тут Ирка бодро заявила, что все получилось прекрасно. В конце концов все на свете получается прекрасно. За эти десять дней Одесса успела надоесть ей хуже горькой редьки, потому что нынешним летом туда понаехало столько народу, сколько никогда еще не бывало, и вообще она соскучилась и возвращаться в Одессу не собирается, тем более что билета сейчас наверняка не достать, а мама все равно намеревалась в Ленинград в конце августа, вот она Бобку и привезет. А сейчас она, Ирка, вернется на работу — прямо сейчас, вот кофе попьет и вернется, — а в отпуск поедет вместе, как когда-то собирались, в марте или в апреле: в Кировск поедет, кататься на горных лыжах.

Потом мы съели яичницу с помидорами. Пока я готовил яичницу с помидорами, Ирка облазила всю квартиру в поисках сигарет, не нашла и вдруг погрузилась, затуманилась, сварила еще кофе и спросила про Снегового. Я рассказал ей, что знал со слов Игоря Петровича, тщательно обойдя все острые углы и постаравшись представить эту историю как очевидный несчастный случай. Пока я все это рассказывал, вспомнилась мне красotka Лидочка, и я совсем было раскрыл рот, но вовремя спохватился.

Ирка что-то говорила о Снеговом, вспоминала что-то, углы рта у нее печально опустились («...теперь вот и сигаретку не у кого попросить!»), а я пил маленькими глоточками кофе и думал, что непонятно, как мне сейчас быть; что пока я не решил, рассказывать Ирке про все или не рассказывать; пожалуй, не стоит заводить разговор ни о Лидочке, ни о столе заказов, потому что и с Лидочкой, и со столом заказов все обстоит чрезвычайно неясно, а точнее говоря — очень даже ясно, потому что вот уже сколько времени прошло, а Ирка еще ни словечком не упомянула ни о своей подруге, ни о своем

заказе. Конечно, Ирка могла забыть. Во-первых, треволнения, а во-вторых, она всегда все забывает, но лучше все-таки, от греха подальше, эти скользкие темы не затрагивать. Впрочем, маленький пробный шарик пустить, может быть, и стоит.

И, выбрав удобный момент, когда Ирка перестала говорить о Снеговом и перешла к более веселым предметам — как Бобка сверзился в канаву, а за ним сверзилась и теща, — я спросил небрежным голосом:

— Ну а как Лидочка твоя поживает?

Мой маленький пробный шарик получился на поверку несколько великоват и щербат. Ирка вытаращила глаза:

— Какая Лидочка?

— Да эта, твоя... школьная...

— А, Пономарева? А чего это ты ее вдруг вспомнил?

— Да так... — промямлил я. — Вспомнилось как-то. — Не подумал я о таком контрвопросе. — Одесса, броненосец «Потемкин»... Шаланды, полные кефали... Ну вспомнилось просто, и все! Что ты пристала?

Ирка несколько раз моргнула, глядя на меня, затем сказала:

— Мы встретились. Она красивая такая стала, от мужиков отбоя нет...

Возникла пауза. Ч-черт, терпеть не могу врать... Ничего себе — пробный шарик получился! Мне же и по лбу. Под испытующим взглядом Ирки я поставил на блюде пустую чашку и, сказавши фальшивым голосом: «Как там наше дерево?» — отошел к балконной двери и выглянул. Ладно, так или иначе, но с Лидочкой все стало ясно, теперь уже окончательно. Н-ну, а как же наше дерево?

Дерево было на месте. Толпа подрассосалась. Собственно, около дерева стояли только Кефир, трое дворников, водопроводчик и двое милиционеров. Тут же была и желтая патрульная «ПМГ». Все (кроме машины, конечно) смотрели на дерево и, видимо, обменивались соображениями, как теперь быть и что все это означает. Один из милиционеров, снявши фуражку, утирал бритую голову носовым платком. Во дворе уже стало жарковато, и к привычному запаху нагретого асфальта, пыли и бензинчика примешивался какой-то новый запах — лесной, странный. Бритый милиционер вдруг надел фуражку, спрятал платок и, присев на корточки, принялся копать пальцем в вывороченной земле. Я поспешно отошел от балкона.

Ирка уже была в ванной. Я быстро убрал и помыл посуду. Спать хотелось ужасно, но я знал, что заснуть не смогу. Я теперь вообще, наверное, не смогу заснуть до тех пор, пока не кончится эта история. Я позвонил Вечеровскому. Уже услышав гудки, я сообразил, что Вечеровского быть дома не должно, что он сегодня принимает экзамены у аспирантов, но, прежде чем я успел додумать это до конца, он снял трубку.

— Ты дома? — спросил я глупо.

— Да как тебе сказать... — ответил Вечеровский.

— Ладно, ладно, — сказал я. — Дерево видел?

— Да.

— Как ты полагаешь?

— Думаю, что да, — сказал Вечеровский.

Я покосился в сторону ванной и, понизив голос, проговорил:

— По-моему, это я.

— Да?

— Угу. Я тут решил черновики привести в порядок.

— Привел?

— Не совсем. Сейчас сяду и попробую закончить.

Вечеровский помолчал.

— А зачем? — спросил он.

Я замялся.

— Н-не знаю... Захотелось вдруг переписать все начисто... Не знаю. От тоски, наверное. Жалко. А ты что, куда сегодня не пойдешь?

— Кажется, нет. Как Ира?

— Щебечет, — сказал я. Рот у меня невольно растянулся в улыбке. — Ты же знаешь Ирку. Как с гуся вода.

— Ты ей рассказал?

— Что ты! Конечно, нет.

— А почему, собственно, «конечно»?

Я крякнул.

— Понимаешь, Фил, я вот сам все думаю — рассказать или нет? И не знаю. Не могу сообразить.

— Если не знаешь, что делать, — произнес Вечеровский, — не делай ничего.

Я хотел ему сказать, что уж это и без него известно, но тут Ирка в ванной выключила душ, и я поспешно сказал:

— Ну, ладно, я пошел работать. Если что — звони, буду дома.

Ирка оделась, подмазалась, чмокнула меня в нос и ускакала. Я лег на кушетку ничком, положив голову на руки, и стал думать. Калям немедленно пришел, взобрался на меня и улегся вдоль хребта. Он был мягкий, жаркий и влажный. И тут я заснул. Это было как обморок. Сознание пропало, а потом вдруг снова появилось. Каляма на моей спине уже не было, а в дверь звонили. Нашим условным звонком: та — та-та — та-та. Я скатился с кушетки. Голова была ясная, и чувствовал я себя каким-то необычайно боевым. Какой-то был я весь готовый к смерти и к посмертной славе. Я понимал, что начинается новый цикл, но страха больше не было — одна отчаянная злая решимость.

Впрочем, за дверью оказался всего-навсего Вайнгартен. Совершенно невозможная вещь: он был еще более потный, всклокоченный, вытаращенный и расхлюстанный, чем вчера.

— Что это за дерево? — прямо с порога осведомился он. И опять же невозможная вещь: эти слова он произнес шепотом.

— Можно вслух, — сказал я. — Заходи.

Он вошел, ступая осторожно и озираясь, сунул под вешалку две тяжелые авоськи с гигантскими редакторскими папками и вытер мокрой ладонью мокрую шею. Я за хвост втащил Каляма в прихожую и захлопнул дверь.

— Ну? — сказал Вайнгартен.

— Как видишь, — ответил я. — Пошли в комнату.

— Дерево это — твоя работа?

— Моя.

Мы уселись — я за стол, он — в кресло рядом. Из-под расстегнутой внизу нейлоновой курточки у него выпер огромный волосатый живот, плохо прикрытый пляжной сетчатой майкой. Он сопел, отдувался, вытирался, потом принялся изгибаться в кресле, вытаскивая из заднего кармана пачку с сигаретами. При этом он вполголоса ругался черными словами, ни к кому в особенности не обращаясь.

— Борьба, значит, продолжается... — сказал он наконец, выпуская толстые струи дыма из волосатых ноздрей. — Лучше, значит, умереть стоя, чем жить, трам-тарарам, на коленях... Идиот! — заорал он. — Ты хоть вниз спускался? Диван ты двуногий! Ты хоть посмотрел, как его выперло? Ведь это взрыв был! А если бы у тебя под задницей? Трам-тарарам, и трам, и тарарам!..

— Ты чего орешь? — сказал я. — Валерьянки тебе дать?

— Водки нет? — спросил он.

— Нет.

— Ну, вина...

— Ничего нет. Что это ты мне притащил?

— Нобелевку свою! — заорал он. — Нобелевку притащил! Да только не тебе, идиоту... У тебя и своих хлопот хватит!.. — Он принялся яростно расстегивать свою курточку сверху, оторвал пуговицу и выругался. — Идиотов нынче мало, — объявил он. — В наше время, старик, большинство совершенно справедливо полагает, что лучше быть богатым и здоровым, чем бедным и больным. Нам много не надо: вагончик хлеба, вагончик икры, и пусть даже икра будет черная при белом хлебе... Это тебе не девятнадцатый век, отец, — сказал он задушевно. — Девятнадцатый век давно умер, похоронен, и все, что от него осталось, — это миазмы, отец, и не более того. Я всю ночь не спал. Захар храпит, мальчишка его чудовищный тоже, а я не сплю, прощаюсь с пережитками девятнадцатого века в своем сознании. Двадцатый век, старик, — это расчет и никаких эмоций! Эмоции, как известно, — это недостаточность информации, не более того. Гордость, честь, потомки — все это дворянский лепет. Атос, Портос и Арамис. Я так не могу. Я так не умею, трам-тарарам! Проблема ценностей? Пожалуйста. Самое ценное, что есть в мире, — это моя личность, моя семья и мои друзья. Остальное пусть катится всё к чертовой матери. Остальное — за пределами моей ответственности. Драться? Ради бога. За себя. За семью, за друзей. До последнего, без пощады. Но за человечество? За достоинство землянина? За галактический престиж? К чертовой матери! Я не дерусь за слова! У меня заботы поважнее! А ты — как хочешь. Но идиотом быть не советую.

Он вскочил и, огромный как дирижабль, унесся на кухню. Из крана над мойкой с ревом устремилась вода.

— Вся наша деловая жизнь, — проорал он из кухни, — есть последовательная цепь сделок! Нужно быть полным идиотом, чтобы заключать невыгодные сделки! Это знали даже в девятнадцатом веке... — Он замолчал, и стало слышно, как он гулко глотает. Потом кран затих, и Вайнгартен снова появился в комнате, утирая рот. — Вечеровский тебе не посоветует ни черта, — объявил он. — Это не человек, а робот. Причем робот не из двадцать первого века, а из девятнадцатого. Если бы в девятнадцатом веке умели делать роботов, делали бы вот таких Вечеровских... Пожалуйста, можете считать меня человеком изменным. Не возражаю. Но пришить себя не дам! Никому. Ни за что. Живой пес лучше мертвого льва, и тем более живой Вайнгартен гораздо лучше мертвого Вайнгартена. Такова точка зрения Вайнгартена, а также его семьи и его друзей, я полагаю...

Я его не перебивал. Я его, мордатого, четверть века знаю, причем четверть не какого-нибудь века, а двадцатого. Он так орет, потому что разложил все по полочкам. Перебивать его сейчас бессмысленно — не услышит. Пока Вайнгартен не разложил все по полочкам, вы можете с ним спорить на равных, как с самым обыкновенным человеком, причем сплошь и рядом его можно даже переубедить. Но Вайнгартен, разложивший все по полочкам, превращается в магнитофон. Тогда он орет и становится безобразно циничен — это у него, наверное, от тяжелого детства.

Поэтому я молча его слушал, ждал, когда кончится лента, и мне казалось странным только то, что он слишком часто упоминает о живых и мертвых Вайнгартенах. Не испугался же он, в конце концов, — он ведь не я. Я всякого Вайнгартена повидал: Вайнгартена влюбленного, Вайнгартена в охоте, Вайнгартена — грубого хама, Вайнгартена, излупцованного до неподвижности. И только одного Вайнгартена я не видел никогда: Вайнгартена испуганного. Я дождался, когда он на несколько секунд выключился, чтобы покопаться в сигаретной пачке, и спросил на всякий случай:

— Тебя что, испугали?

Он немедленно оставил сигаретную пачку и протянул мне через стол большую влажную дулю. Он словно ждал моего вопроса. Ответ у него заранее был записан на пленку — не только в жестах, но и вербалике тоже.

— Вот тебе — меня испугали, — сказал он, маневрируя дулей у меня перед носом. — Это тебе не девятнадцатый век. Это в девятнадцатом веке пугали. А в двадцатом этими глупостями не занимаются. В двадцатом веке хороший товар покупают. Меня не

испугали, а купили, понял, старикашка? Ничего себе — выбор! Или тебя раздавят в лепешку, или тебе дадут новенький институт, из-за которого два членкора уже друг друга до смерти загрызли. Да я в институте этом десять нобелевок сделаю, понял? Правда, и товар неплох. Право, так сказать, первородства. Право Вайнгартена на свободу научного любопытства. Неплохой, неплохой товар, старик, не спорь со мной. Но — лежалый! Девятнадцатого века! В двадцатом веке все равно этой свободы ни у кого нет. Ты с этой свободой всю жизнь можешь просидеть в лаборантах, колбы перетирать. Институт — это тебе не чечевичная похлебка! Я там заложу десять идей, двадцать идей, а если им одна-две снова не понравятся — что ж, опять поторгуюсь! Сила солому ломит, старик. Давай-ка не будем плевать против ветра. Когда на тебя прет тяжелый танк, а у тебя, кроме башки на плечах, никакого оружия нет, надо уметь вовремя отскочить...

Он еще некоторое время орал, курил, хрипло кашлял, подсакивал к пустому бару и заглядывал в него, разочарованно отсакивал и снова орал, потом затих, утомился, лег в кресло и, закинув мордастую голову на спинку, принялся делать страшные рожи в потолок.

— Ну, ладно, — сказал я. — А нобелевку свою ты все-таки куда прешь? Тебе ведь в котельную надо, а ты ко мне на пятый этаж взгромоздился...

— К Вечеровскому, — сказал он.

Я удивился.

— На кой ляд твоя нобелевка Вечеровскому?

— Не знаю. У него спроси.

— Подожди, — сказал я. — Он что, звонил тебе?

— Нет. Я ему.

— Ну?

— Что — ну? Что — ну? — Он выпрямился в кресле и принялся застегивать курточку. — Позвонил ему сегодня утром и сказал, что выбираю журавля в руках.

— Ну?

— Что — ну? Ну... он тогда и говорит, неси, говорит, все материалы ко мне.

Мы помолчали.

— Не понимаю, зачем ему твои материалы, — сказал я.

— Потому что он — Дон Кихот! — рявкнул Вайнгартен. — Потому что жареный петух его еще в маковку не клевал! Потому что не хлебнул еще горячего до слез!

Я вдруг понял.

— Слушай, Валька, — сказал я. — Не надо. Да ну его к черту, он же с ума сошел! Они же его в землю вколотят по самую маковку! Зачем это надо?

— А что? — жадно спросил Вайнгартен. — А как?

— Да сожги ты ее к черту, свою ревертазу! Вот давай прямо сейчас и сожжем... в ванне... А?

— Жалко, — сказал Вайнгартен и стал глядеть в сторону. — Сил нет, как жалко... Работа ведь — первый класс. Экстра. Люкс.

Я заткнулся. А его вдруг снова вынесло из кресла, он принялся бегать по комнате, в коридор и обратно, и опять закрутилась его магнитофонная лента. Стыдно — да! Честь страдает — да! Уязвлена гордость, особенно когда об этом никому не говоришь. Но ведь если подумать — гордость есть идиотизм и ничего больше. С души воротит. Ведь подавляющее большинство людей в нашей ситуации думать бы не стали ни секундошки. И про нас они скажут: идиоты! И правильно скажут! Что нам, не приходилось отступать? Да тысячу раз приходилось! И еще тысячу раз придется! И не перед богами — перед паршивым чиновником, перед гнидой, которую к ногтю взять и то срамно...

Тут я разозлился, что он бегаёт передо мной, потеет и оправдывается, и сказал ему, что отступать — это одно, а он не отступает — он драпает, капитулирует он. Ох, как он взвился! Здорово я его задел. Но мне было нисколько не жалко. Это ведь я не его тыкал в нервное сплетение, это я себя тыкал... В общем, мы разругались, и он ушел. Забрал свои

сетки и ушел к Вечеровскому. На пороге он сказал, что еще вернется попозже, но тут я ему преподнес, что Ирка объявилась, и он совсем увял. Он не любит, когда его недолюбливают.

Я сел за стол, снова вытащил свои бумаги и принялся работать. То есть не работать, конечно, а оформлять. Первое время я все ждал, что под столом у меня разорвется какая-нибудь бомба или в окно заглянет синяя рожа с веревкой на шее. Но ничего этого не происходило, я увлекся, и тут снова позвонили в дверь.

Я не сразу пошел открывать. Сперва сходил на кухню и взял молоток для отбивания мяса — страшная такая штука: с одной стороны там этакий шипастый набалдашник, а с другой — топорик. Если что — рубану между глаз, и амба... Я человек мирный, ни ссор, ни драк не люблю, не Вайнгартен, но с меня хватит. Хватит с меня.

Я открыл дверь. Это оказался Захар.

— Здравсьте, Митя, извините, ради бога, — произнес он с какой-то искусственной развязностью.

Я невольно посмотрел вниз. Но там никого больше не оказалось. Захар был один.

— Заходите, заходите, — сказал я. — Очень рад.

— Понимаете, решил заглянуть к вам... — все в том же искусственном тоне, который совершенно не вязался с его стеснительной улыбкой и интеллигентнейшим общим обликом, продолжал он. — Вайнгартен куда-то подевался, черт бы его побрал... Звоню ему весь день — нет. А тут вот собрался к Филип... э... Палычу, дай, думаю, загляну, может быть, он у вас...

— Филипп Павлович?

— Да нет, Валентин... Вайнгартен.

— Он тоже пошел к Филиппу Павловичу, — сказал я.

— Ах так! — с огромной радостью произнес Захар. — Давно?

— Да с час назад...

Лицо у него вдруг на мгновение застыло — он увидел молоток у меня в руке.

— Обед готовите? — произнес он и, не дожидаясь ответа, поспешно добавил: — Ну что ж, не буду вам мешать, пойду... — Он двинулся было обратно к двери, но остановился. — Да, я совсем забыл... То есть не забыл в общем-то, а просто не знаю... Филипп Палыч... Какая у него квартира?

Я сказал.

— Ага, ага... А то он, понимаете ли, позвонил мне, а я... как-то, знаете ли, забыл... за разговором...

Он еще попятился и открыл дверь.

— Понятно, понятно, — сказал я. — А где же ваш мальчик?

— А у меня все кончилось! — радостно выкрикнул он, шагнул через порог и...»

Глава десятая

20. «...подвигнуть меня на генеральную уборку этого свинарника. Я еле отбил. Договорились, что я сяду заканчивать работу, а Ирка, раз уж ей совсем нечего делать, раз уж ей, понимаешь, так неймется, раз уж она совсем не в состоянии полежать в ванночке с последним номером «Иностранной литературы», — пусть разберет белье и займется Бобкиной комнатой. А я беру на себя большую комнату, но не сегодня, а завтра. Морген, морген, нур нихт хойте. Но уж до блеска, чтобы ни одной пылинки.

Я расположился за своим столом, и некоторое время все было тихо и мирно. Я работал, и работал с удовольствием, но с каким-то непривычным удовольствием. Никогда раньше я ничего подобного не испытывал. Я ощущал странное угрюмое удовлетворение, я гордился собой и уважал себя. Мне казалось, что так должен чувствовать себя солдат, оставшийся с пулеметом, чтобы прикрывать отступление товарищей: он один, он знает, что останется здесь навсегда, что никогда ничего не увидит

больше, кроме грязного поля, перебегающих фигурок в чужих мундирах и низкого унылого неба, и знает также, что это правильно, что иначе нельзя, и гордится этим. И некий сторож у меня в мозгу, пока я работал, внимательно и чутко прослушивал и просматривал все вокруг, помнил, что ничего не кончилось, все продолжается и что тут же под рукой, в ящичке стола, лежит устрашающий молоток с топориком и шипастым набалдашником. И в какой-то момент этот сторож заставил меня поднять голову, потому что в комнате что-то произошло.

Собственно, ничего особенного не произошло. Перед столом стояла Ирка и молча смотрела на меня. И в то же время, несомненно, что-то произошло, что-то совсем уж неожиданное и дикое, потому что глаза у Ирки были квадратные, а губы припухли. Я не успел слова сказать, как Ирка бросила передо мной, прямо на мои бумаги, какую-то розовую тряпку, и я машинально взял эту тряпку и увидел, что это лифчик.

— Что это такое? — спросил я, совершенно обалдев, глядя то на Ирку, то на лифчик.

— Это лифчик, — чужим голосом произнесла Ирка и, повернувшись ко мне спиной, ушла на кухню.

Холодея от ужасных предчувствий, я вертел в руках розовую кружевную тряпку и ничего не понимал. Что за черт? При чем здесь лифчик? И вдруг я вспомнил обезумевших женщин, навалившихся на Захара. Мне стало страшно за Ирку. Я отшвырнул лифчик, вскочил и бросился на кухню.

Ирка сидела на табуретке, опершись локтями на стол и обхватив голову руками. Между пальцами правой руки у нее дымилась сигарета.

— Не прикасайся ко мне, — произнесла она спокойно и страшно.

— Ирка! — жалобно сказал я. — Иришка! Тебе плохо?

— Животное... — непонятно сказала она, оторвала руку от волос и поднесла к губам дрожащую сигарету. Я увидел, что она плачет.

...«Скорую помощь»? Не поможет, не поможет, при чем здесь «скорая помощь»... Валерьянки? Бромур? Господи, лицо-то у нее какое... Я схватил стакан и налил воды из-под крана.

— Теперь все понятно... — сказала Ирка, судорожно затягиваясь и отстраня локтем стакан. — И телеграмма эта понятна, и все... Докатились... Кто она?

Я сел и отхлебнул из стакана.

— Кто? — тупо спросил я.

На секунду мне показалось, что она хочет меня ударить.

— Это надо же, какая благородная скотина, — проговорила она с отвращением. — Не захотел, значит, осквернять супружеское ложе... Ах, как благородно... У сына в комнате развлекался...

Я допил воду и попытался поставить стакан, но рука меня не слушалась. Врача! — металось у меня в голове. Ирка моя, маленькая, врача!

— Ладно, — сказала Ирка. Она больше не смотрела на меня. Она смотрела в окно и курила, поминутно затягиваясь. — Ладно, не будем. Ты сам всегда говорил, что любовь — это договор. У тебя всегда это очень красиво получалось: любовь, честность, дружба... Только уж могли бы проследить, чтобы лифчики за собой не забывали... Может быть, там еще и трусики найдутся, если поискать?

У меня словно шаровая молния лопнула в голове. Я сразу все понял.

— Ирка! — сказал я. — Господи, как ты меня напугала...

Конечно, это было совсем не то, что она ожидала услышать, потому что она вдруг повернула ко мне лицо, бледное милое заплаканное лицо, и посмотрела на меня с таким ожиданием, с такой надеждой, что я сам чуть не разревелся. Она хотела только одного: чтобы все сейчас же разъяснилось, чтобы все это оказалось чепухой, ошибкой, нелепым совпадением.

И это был последний камушек. Я больше уже не мог. Я больше не захотел держать это при себе. И я обрушил на нее всю лавину ужаса и сумасшествия последних двух дней.

Не знаю, наверное, вначале мой рассказ звучал как анекдот. Скорее всего, так оно и было, но я говорил и говорил, ни на что не обращая внимания, не давая ей возможности вставить язвительное замечание, кое-как, без всякого порядка, плюнув на хронологию, и я видел, как выражение недоверия и надежды на ее лице сменилось сначала изумлением, затем беспокойством, затем страхом и, наконец, жалостью...

Мы уже сидели в большой комнате перед распахнутым окном — она в кресле, а я на ковре рядом, прижавшись щекой к ее колену, — и тут оказалось, что за окном — гроза, фиолетовая туча развалилась над крышами, хлещет ливень, и свирепые молнии ввинчиваются в темя двенадцатиэтажника, уходя в него без остатка. Крупные холодные брызги шлепались в подоконник, залетали в комнату, порывы ветра вздували желтые шторы, а мы сидели неподвижно, и она тихонько гладила меня по волосам. А я испытывал огромное облегчение. Выговорился. Избавился от половины тяжести. И теперь отдыхал, прижав лицо к ее гладкому загорелому колену. Гром грохотал почти непрерывно, и разговаривать было трудно, да, в общем-то, мне и не хотелось больше разговаривать.

Потом она сказала:

— Димка. Ты только не должен на меня оборачиваться. Ты должен так решать, как будто меня нет. Потому что я все равно буду с тобой всегда. Что бы ты ни решил.

Я крепче прижался к ней. Собственно, я знал, что она так скажет, и толку от этих ее слов, собственно, никакого не было, но все равно я был ей благодарен.

— Ты меня прости, — продолжала она, помолчав, — но в голове у меня это никак не укладывается... Нет, я верю тебе, верю... только как-то уж очень страшно все это получается... Может быть, все-таки какое-то другое объяснение поискать... более... ну, что ли... попроще что-нибудь, попонятнее...

— Мы искали, — сказал я.

— Нет, я, наверное, не то говорю... Вечеровский, конечно, прав... Не в том прав, что это... как он говорит... Гомеостатическая Вселенная... он в том прав, что дело-то не в этом. Действительно, какая разница? Если Вселенная, то нужно сдаваться, а если пришельцы, то нужно бороться? В общем, ты меня не слушай. Это я просто так говорю... от обалдения...

Она зябко передернулась. Я приподнялся, втиснулся рядом с ней в кресло и обнял ее. Сейчас мне хотелось только одного — на разные лады повторять, как мне страшно. Как мне страшно за себя, как мне страшно за нее, как мне страшно за нас обоих вместе... Но это, конечно, было бессмысленно и даже, наверное, жестоко.

Мне казалось, что, если бы ее не было на свете, я бы точно знал, как мне поступить. Но она была. И я знал, что она гордится мною, всегда гордилась. Я ведь человек довольно скучный и не слишком-то удачливый, однако гордиться можно и мною тоже. Я был когда-то хорошим спортсменом, всегда умел работать, голова у меня варит, и в обсерватории я на хорошем счету, и в дружеских компаниях я на хорошем счету, умею веселиться, умею острить, спорить умею... И она всем этим гордилась. Пусть немножко, но все-таки гордилась. Я же видел, как она смотрит на меня иногда... Просто не знаю, как бы она в действительности отнеслась к моему превращению в медузу. Наверное, я и любить-то не смогу ее по-настоящему, даже на это не буду способен...

И, словно в ответ на мои мысли, она вдруг сказала, оживившись:

— А помнишь, мы когда-то с тобой радовались, что все экзамены теперь позади и ничего сдавать больше не придется до самой смерти? Оказывается, не все. Оказывается, остается еще один.

— Да, — сказал я, а сам подумал: только это такой экзамен, что никто не знает, пятерку лучше получить или двойку. И вообще неизвестно, за что здесь ставят пятерку, а за что — двойку.

— Димка, — прошептала она, повернув ко мне лицо. — А ведь, наверное, ты действительно какую-то великую штуку выдумал, если они так за тебя взяли... На самом-то деле тебе гордиться надо... и вообще всем вам... Ведь сама госпожа Вселенная на вас внимание обратила!

— Гм... — сказал я, а сам подумал: Вайнгартену с Губарем гордиться уже вообще нечем, а что касается меня, то это дело пока под большим вопросом.

И опять-таки, словно подслушав мои мысли, она произнесла:

— И совсем неважно, какое решение ты примешь. Важно, что ты оказался способен на такое открытие... Ты мне хоть расскажешь, о чем там речь? Или это тоже нельзя?

— Не знаю, — сказал я, а сам подумал: что же это она — утешает меня, или действительно так думает, или сама, бедняжка, напугана до того, что подталкивает меня на капитуляцию, или просто золотит пилюлю, которую мне — она уже это знает — придется проглотить? Или, может быть, наоборот, толкает меня на драку, дотлевающую гордость мою ворошит...

— Свиныи они, — сказала она тихо. — Только им все равно нас не разлучить. Правда? У них это не получится. Верно, Димка?

— Конечно, — сказал я, а сам подумал: об этом и речь, маленькая. Сейчас — только об этом.

Гроза уходила. Туча, неторопливо свертываясь, уплывала на север, открывая затянутое серой мглой небо, с которого лился уже не ливень, а сыпал мелкий серенький дождик.

— Дождик я привезла, — сказала Ирка. — А я-то думала, мы с тобой в Солнечное закатимся в субботу...

— До субботы еще далеко, — сказал я. — Может, и закатимся...

Все было сказано. Теперь надо было говорить о Солнечном, о книжных полках для Бобки, о стиральной машине, которая опять сдохла. Обо всем этом мы и поговорили. И была иллюзия обычного вечера, и чтобы продлить и усилить эту иллюзию, было решено выпить чайку. Была вскрыта свежая пачка цейлонского, заварочный чайник тщательнейше, по науке, прополоснут горячей водой, на стол водружена торжественно коробка «Пиковой дамы», и потом мы оба стояли над чайником и внимательно следили за водой, чтобы не пропустить момент ключевого кипения, и произносились традиционные шутки, и, расставляя чашки и блюдца, я тихонько взял со стола сакраментальный бланк стола заказов, и записку насчет Лидочки, и паспорт Сергеенко И. Ф., смял их и незаметно сунул в помойное ведро.

И мы прекрасно попили чайку — это был настоящий чай, «чай как напиток», — разговаривали о чем угодно, кроме самого главного, а я все думал, о чем сейчас думает Ирка, потому что у нее был такой вид, словно она уже успела забыть весь этот ужас, сказала мне все, что думает по этому поводу, и теперь с облегчением забыла, снова оставив меня один на один с моим выбором.

Потом она сказала, что будет сейчас гладить и чтобы я при этом сидел рядом и рассказывал ей про что-нибудь веселое. И я стал убирать посуду, и в это время раздался звонок в дверь.

Негромко напевая: «Лучше гор могут быть только горы...» — я направился в прихожую, бросив один только косой взгляд в сторону Ирки (она совершенно спокойно вытирала стол сухой чистой тряпкой). Уже поворачивая замок, я вспомнил о своем молотке, но мне показалось смешным и неловким возвращаться за ним в большую комнату, и я распахнул дверь.

Высокий, совсем молодой парень в мокром плаще и с мокрыми светлыми волосами равнодушно объявил: «Телеграмма, прошу расписаться...» Я взял у него огрызок карандаша и, приложив квитанцию к стене, написал дату и время по его подсказке, затем расписался, вернул карандаш и квитанцию, поблагодарил и закрыл дверь. Я знал, что ничего хорошего ждать нельзя. Тут же в прихожей, под яркой пятисотсвечевой лампой, я развернул телеграмму и прочитал ее.

Телеграмма была от тещи. «ВЫЛЕТАЕМ С БОБКЕЙ ЗАВТРА ВСТРЕЧАЙТЕ РЕЙС 425 БОБКА МОЛЧИТ НАРУШАЕТ ГОМЕОПАТИЧЕСКОЕ МИРОЗДАНИЕ ЦЕЛЮЮ МАМА». И ниже была приклеена полоска: «ГОМЕОПАТИЧЕСКОЕ МИРОЗДАНИЕ

ТАК». Я прочитал телеграмму и перечитал ее, затем очень медленно сложил ее вчетверо, погасил свет и пошел по коридору. Ирка уже ждала меня, прижавшись спиной к двери в ванную. Я протянул ей телеграмму, сказал: «Мама с Бобкой приезжают завтра...» — и направился прямо к своему столу. На моих черновиках все еще валялся Лидочкин лифчик. Я аккуратно переложил его на подоконник, собрал листки, разложил их по порядку и сунул в общую тетрадь. Затем я достал новенькую папку для бумаг, вложил туда все, завязал тесемки и, не присаживаясь, написал на обложке чертежным шрифтом «Д. Малянов. К вопросу о взаимодействии звезд с диффузной материей в Галактике». Перечитал, подумал и густо зачеркнул «Д. Малянов». Потом я взял папку под мышку и пошел вон. Ирка все стояла у двери в ванную, прижав телеграмму к груди. Когда я проходил мимо нее, она сделала слабое движение рукой, то ли пытаясь задержать меня, то ли благословить. Я сказал не глядя: «Я к Вечеровскому. Скоро вернусь».

По лестнице я поднимался неторопливо, ступенька за ступенькой, то и дело поправляя папку, съезжавшую у меня из-под мышки. Свет на лестнице почему-то не включили, было сумрачно, и стояла тишина, слышно было только, как плещет вода, стекающая с крыши за открытыми окнами. На площадке шестого этажа, где в нише у мусоропровода целовались давеча те двое, я остановился и посмотрел вниз, во двор. Огромное дерево влажно поблескивало черной листвой, и двор был пуст, и блестели рябы от дождя лужи.

Я никого не встретил на лестнице, только между седьмым и восьмым этажами сидел, скорчившись на ступеньках, какой-то маленький жалкий человечек, положивши рядом с собою серую старомодную шляпу. Я осторожно обошел его и стал подниматься дальше, и вдруг он сказал:

— Не ходите туда, Дмитрий Алексеевич...

Я остановился и посмотрел на него. Это был Глухов.

— Не ходите туда сейчас, — повторил он. — Не надо.

Он встал, подобрал свою шляпу, с трудом распрямился, держась за поясницу, и я увидел, что лицо у него вымазано чем-то черным — то ли грязью, то ли сажей, — смешные очки перекошены, а маленький рот плотно сжат, словно он терпит сильную боль. Он поправил очки и сказал, едва шевеля губами:

— Еще одна папка. Белая. Еще один флаг капитуляции.

Я молчал. Он слабо похлопал шляпой по колену, словно отряхивая пыль, затем принялся чистить ее рукавом. Он тоже молчал, но не уходил. Я ждал, что он еще скажет.

— Понимаете, — проговорил он наконец, — капитулировать всегда неприятно. В прошлом веке, говорят, даже стрелялись, чтобы не капитулировать. Не потому, что боялись пыток или концлагеря, и не потому, что боялись проговориться под пытками, а просто было стыдно.

— В нашем веке это тоже случалось, — сказал я. — И не так уж редко.

— Да, конечно, — легко согласился он. — Конечно. Ведь человеку очень неприятно осознать, что он совсем не такой, каким всегда раньше себе казался. Он все хочет оставаться таким, каким был всю жизнь, а это невозможно, если капитулируешь. Вот ему и приходится... И все равно разница есть. В нашем веке стреляются потому, что стыдятся перед другими — перед обществом, перед друзьями... А в прошлом веке стрелялись потому, что стыдились перед собой. Понимаете, в наше время почему-то считается, что сам с собой человек всегда договорится. Наверное, это так и есть. Не знаю, в чем здесь дело. Не знаю, что произошло... Может быть, потому что мир стал сложнее? Может быть, потому что теперь, кроме таких понятий, как гордость, честь, существует еще множество других вещей, которые могут служить для самоутверждения...

Он выжидательно посмотрел на меня, и я пожал плечами и сказал:

— Не знаю. Может быть.

— Я тоже не знаю, — сказал он. — Казалось бы, опытный капитулянт, сколько времени думаю об этом, только об этом, сколько убедительных доводов перебрал... Вот

уж и успокоишься вроде бы, и убедишь себя, и вдруг заноеет... Конечно, двадцатый век, девятнадцатый век — разница есть. Но раны остаются ранами. Они заживают, рубцуются, и вроде бы ты о них уже забыл вовсе, а потом переменится погода, они и заноеют. Уж так-то всегда было, во все века.

— Я понимаю, — сказал я. — Я все это понимаю. Но ведь есть раны и раны. Иногда чужие раны больнее...

— Ради бога! — прошептал он. — Я ведь совсем не к тому... Я бы никогда не осмелился. Я просто так говорю. Ни в коем случае не подумайте, что я вас отговариваю, что я вам что-то советую... где уж мне... Вы знаете, я все думаю... вот такие, как мы, — что это такое? То ли мы действительно так хорошо воспитаны временем, страной, то ли мы, наоборот, — атавизм, троглодиты? Почему мы так мучаемся? Я не могу разобраться.

Я молчал. Он вялым, расслабленным движением нахлобучил свою смешную шляпу и сказал:

— Ну что ж, прощайте, Дмитрий Алексеевич. Мы, наверное, никогда больше с вами не увидимся, но все равно было очень приятно с вами познакомиться. И чай вы отлично умеете заваривать...

Он покивал мне и стал спускаться по лестнице.

— Вы ведь можете лифт вызвать, — сказал я ему в спину.

Он не обернулся и не ответил. Я стоял и слушал, как он шаркает по ступенькам, спускаясь все ниже и ниже, слушал до тех пор, пока глубоко внизу не закрипела, распахиваясь, дверь. Затем дверь бухнула, и снова стало тихо.

Я поправил папку под мышкой, миновал последнюю площадку и, придерживаясь за перила, одолел последний пролет. У дверей Вечеровского я постоял, прислушиваясь. Кто-то там был. Бубнили голоса. Незнакомые. Наверное, надо было бы вернуться и прийти попозже, но у меня не было сил на это. Надо было кончать. И кончать немедленно.

Я надавил звонок. Голоса продолжали бубнить. Я подождал, снова надавил звонок и не отпускал кнопку до тех пор, пока не послышались шаги и голос Вечеровского спросил:

— Кто там?

Почему-то я даже не удивился, хотя Вечеровский сроду открывал дверь всем на свете, ни о чем не спрашивая. Как я. Как все мои знакомые.

— Это я. Открой.

— Подожди, — отозвался он, и на некоторое время наступила тишина.

Теперь уже и голосов не было слышно, только далеко внизу кто-то грохотал люком мусоропровода. Я вспомнил, что Глухов сказал мне не ходить сюда сейчас. «Не ходите туда, Уормолд. Вас хотят отравить». Откуда это? Что-то страшно знакомое... Ладно, бог с ним. А идти мне больше некуда. И некогда. За дверью снова послышались шаги, щелкнул замок, и дверь распахнулась.

Я невольно отшатнулся и отступил на шаг. Такого Вечеровского я еще не видел никогда.

— Заходи, — сказал он хрипло и посторонился, давая мне дорогу...»

Глава одиннадцатая

21. «...Ты все-таки принес, — сказал Вечеровский.

— Бобка, — сказал я и положил свою папку на край стола.

Он кивнул и грязной рукой размазал сажу на грязной щеке.

— Я этого ждал, — сказал он. — Правда, не так быстро.

— Кто у тебя? — спросил я, понизив голос.

— Никого, — ответил он. — Нас двое. Мы и Вселенная. — Он посмотрел на свои грязные ладони и поморщился. — Извини, я все-таки умоюсь...

Он ушел, а я присел на ручку кресла и огляделся. У комнаты был такой вид, словно здесь взорвался картуз черного пороха. Пятна черной копоты на стенах. Тоненькие

ниточки копоти, плавающие в воздухе. И какой-то желтый неприятный налет на потолке. И неприятный химический запах, кислый и едкий. Паркет изуродован обугленными вдавливаниями странной округлой формы. И огромная обугленная вдавливание на подоконнике, словно на нем разводили костер. Да, здорово Вечеровскому досталось.

Я посмотрел на стол. Стол был завален. Посередине была раскрыта одна из огромных редакторских папок Вайнгартена, а другая лежала сбоку с завязанными тесемками. И еще лежала старомодная, сильно потертая папка с крышкой под мрамор, с ярлыком, на котором было напечатано на машинке: «США — ЯПОНИЯ. Культурное воздействие. Материалы». И были разбросаны листки, изрисованные какими-то, как я понял, электронными схемами, и на одном было написано корявым старушечьим почерком: «Губарь З. З.», а ниже — печатными буквами: «Феддинги». А с краю лежала моя новенькая белая папка. Я взял ее и положил себе на колени.

Вода в ванной перестала шуметь, и немного погодя Вечеровский позвал:

— Дима, иди сюда. Кофе будем пить.

Однако, когда я пришел на кухню, никакого кофе там не было, а стояли посередине стола бутылка коньяка и два бокала уникальной формы. Вечеровский успел не только умыться, но и переодеться. Изящный пиджак свой с огромной прожженной дырой под нагрудным карманом и кремовые брюки, измазанные копотью, он сменил на мягкий замшевый домашний костюм. Без галстука. Отмытое лицо его было необычайно бледным, отчего четче обычного проступали многочисленные веснушки, прядь мокрых рыжих волос свисала на огромный шишковатый лоб. И было в его лице еще что-то непривычное, кроме этой бледности. И только приглядевшись, я понял, что брови и ресницы у него сильно опалены. Да, Вечеровскому досталось основательно.

— Для успокоения нервов, — сказал он, разливая коньяк. — Прозит!

Это был «Ахтамар», очень редкий в наших широтах армянский коньяк с легендой. Я отпил глоток и просмаковал. Прекрасный коньяк. Я отпил еще глоток.

— Спасибо, Дима, — сказал Вечеровский.

— За что? — спросил я.

— Ты не задаешь вопросов, — сказал Вечеровский, глядя на меня сквозь бокал. — Это, наверное, трудно. Или нет?

— Нет, — сказал я. — У меня нет никаких вопросов. Ни к кому. — Я поставил локоть на свою белую папку. — Ответ — есть. Да и то один-единственный... Слушай, ведь они тебя убьют.

Привычно задрав опаленные брови, он отпил из бокала.

— Не думаю. Промахнутся.

— Торопиться им некуда. В конце концов попадут.

— А ля гер ком а ля гер, — возразил он и поднялся. — Ну вот. Теперь, когда нервы успокоены, мы можем выпить кофе и все обсудить.

Я смотрел ему в сутулую спину, как он, шевеля лопатками, ловко орудует своими кофейными причиндалами.

— Мне нечего обсуждать, — сказал я. — У меня — Бобка.

И эти мои собственные слова вдруг словно включили во мне что-то. С того момента, как я прочитал телеграмму, все мысли и чувства были у меня как бы анестезированы, а сейчас вдруг разом разморозились, заработали вовсю — вернулись ужас, стыд, отчаяние, ощущение бессилия, и я с невыносимой ясностью осознал, что вот именно с этого мгновения между мною и Вечеровским навсегда пролегла дымно-огненная непреходимая черта, у которой я остановился на всю жизнь, а Вечеровский пошел дальше, и теперь он пойдет сквозь разрывы, пыль и грязь неведомых мне боев, скроется в ядовито-алом зареве, и мы с ним будем едва здороваться, встретившись случайно на лестнице... А я останусь по сю сторону черты вместе с Вайнгартеном, с Захаром, с Глуховым — попивать чаек, или пивко, или водочку, закусывая пивком, толковать об интригах и перемещениях, копить деньжата на «Запорожец» и тоскливо и скучно корпеть над чем-то там плановым...

Да и Вайнгартена с Захаром я никогда больше не увижу. Нам нечего будет сказать друг другу, неловко будет встречаться, тошно будет глядеть друг на друга и придется покупать водку или портвейн, чтобы скрыть неловкость, чтобы не так тошно... Конечно, останется у меня Ирка, и Бобка будет жив-здоров, но он уже никогда не вырастет таким, каким я хотел бы его вырастить. Потому что теперь у меня не будет права хотеть. Потому что он больше никогда не сможет мной гордиться. Потому что я буду тем самым папой, который «тоже когда-то мог сделать большое открытие, но ради тебя...». Да будь она проклята, та минута, когда всплыли в моей дурацкой башке эти проклятые М-полости!

Вечеровский поставил передо мной чашечку с кофе, а сам уселся напротив и точным изящным движением опрокинул в свой кофе остаток коньяка из бокала.

— Я собираюсь уехать отсюда, — сказал он. — Из института, скорее всего, уйду. Заберусь куда-нибудь подальше, на Памир. Я знаю, там нужны метеорологи на осенне-зимний период.

— А что ты понимаешь в метеорологии? — спросил я тупо, а сам подумал: от ЭТОГО ты ни на каком Памире не укроешься, тебя и на Памире отыщут.

— Дурацкое дело не хитрое, — возразил Вечеровский. — Там никакой особой квалификации не требуется.

— Ну и глупо, — сказал я.

— Что именно? — осведомился Вечеровский.

— Глупая затея, — сказал я. Я не глядел на него. — Кому какая будет польза, если ты из большого математика превратишься в обыкновенного дежурного? Думаешь, они тебя там не найдут? Найдут как миленького!

— А что ты предлагаешь? — спросил Вечеровский.

— Выброси все это в мусоропровод, — тяжело ворочая языком, сказал я. — И вайнгартеновскую ревертазу, и весь этот «культурный обмен», и это... — Я толкнул к нему свою папку по гладкой поверхности стола. — Все выброси и занимайся своим делом!

Вечеровский молча смотрел на меня сквозь мощные окуляры, помаргивая опаленными ресницами, затем надвинул на глаза остатки бровей — уставился в свою чашечку.

— Ты же уникальный специалист, — сказал я. — Ты же первый в Европе.

Вечеровский молчал.

— У тебя есть твоя работа! — заорал я, чувствуя, что у меня что-то сжимается в горле. — Работай! Работай, черт тебя подери! Зачем тебе понадобилось связываться с нами?

Вечеровский длинно и громко вздохнул, повернулся ко мне боком и оперся спиной и затылком о стену.

— Значит, ты так и не понял... — проговорил он медленно, и в голосе его звучало необычайное и совершенно неуместное самодовольство и удовлетворение. — Моя работа... — Он, не поворачивая головы, покосился в мою сторону рыжим глазом. — За мою работу они меня лупят почем зря уже вторую неделю. Вы здесь совсем ни при чем, бедные мои барашки, коттики-песики. Все-таки я умею владеть собой, а?

— Провались ты, — сказал я и поднялся, чтобы уйти.

— Сядь! — сказал он строго, и я сел.

— Налей в кофе коньяк, — сказал он, и я налил.

— Пей, — сказал он, и я осушил чашечку, не чувствуя никакого вкуса.

— Пижон, — сказал я. — Есть в тебе что-то от Вайнгартена.

— Есть, — согласился он. — И не только от Вайнгартена. От тебя, от Захара, от Глухова... Больше всего — от Глухова. — Он осторожно налил себе еще кофе. — Больше всего — от Глухова, — повторил он. — Жажда спокойной жизни, жажда безответственности... Станем травой и кустами, станем водой и цветами... Я тебя, вероятно, раздражаю?

— Да, — сказал я.

Он кивнул.

— Это естественно. Но тут ничего не поделаешь. Я хочу все-таки объяснить тебе, что происходит. Ты, кажется, вообразил, что я собираюсь с голыми руками идти против танка. Ничего подобного. Мы имеем дело с законом природы. Воевать против законов природы — глупо. А капитулировать перед законом природы — стыдно. В конечном счете — тоже глупо. Законы природы надо изучать, а изучив, использовать. Вот единственно возможный подход. Этим я и собираюсь заняться.

— Не понимаю, — сказал я.

— Сейчас поймешь. До нас этот закон не проявлялся никак. Точнее, мы ничего об этом не слыхали. Хотя, может быть, не случайно Ньютон впал в толкование Апокалипсиса, а Архимеда зарубил пьяный солдат... Но это, разумеется, домыслы... Беда в том, что этот закон проявляется единственным образом — через невыносимое давление. Через давление, опасное для психики и даже для самой жизни. Но тут уж, к сожалению, ничего не поделаешь. В конце концов, это не так уж уникально в истории науки. Примерно то же самое было с изучением радиоактивности, грозových разрядов, с учением о множественности обитаемых миров... Может быть, со временем мы научимся отводить это давление в безопасные области, а может быть, даже использовать в своих целях... Но сейчас ничего не поделаешь, приходится рисковать — опять же не в первый и не в последний раз в истории науки. Я хотел бы, чтобы ты это понял: что, по сути, ничего принципиально нового и необычайного в этой ситуации нет.

— Зачем мне это понимать? — спросил я угрюмо.

— Не знаю. Может быть, тебе станет легче. И потом, я еще хотел бы, чтобы ты понял: это не на один день и даже не на один год. Я думаю, даже не на одно столетие. Торопиться некуда. — Он усмехнулся. — Впереди еще миллиард лет. Но начинать можно и нужно уже сейчас. А тебе... ну что ж, что ж, тебе придется подождать. Пока Бобка перестанет быть ребенком. Пока ты привыкнешь к этой идее. Десять лет, двадцать лет — роли не играет.

— Еще как играет, — сказал я, чувствуя на лице своем отвратительную кривую усмешку. — Через десять лет я стану ни на что не годен. А через двадцать лет мне будет на все наплевать.

Он ничего не сказал, пожал плечами и принялся набивать трубку. Мы молчали. Да, конечно, он хотел мне помочь. Нарисовать какую-то перспективу, доказать, что я не такой уж трус, а он — никакой не герой. Что мы просто два ученых и нам предложена тема, только по объективным обстоятельствам он может сейчас заняться этой темой, а я — нет. Но легче мне не стало. Потому что он уедет на Памир и будет там возиться с вайнгартеновской ревертазой, с Захаровыми федингами, со своей заумной математикой и со всем прочим, а в него будут лупить шаровыми молниями, насыпать на него привидения, приводить к нему обмороженных альпинистов и в особенности альпинисток, обрушивать на него лавины, коверкать вокруг него пространство и время, и в конце концов они таки ухайдакают его там. Или не ухайдакают. И может быть, он установит закономерности появления шаровых молний и нашествий обмороженных альпинисток... А может быть, вообще ничего этого не будет, а будет он тихо корпеть над нашими каракулями и искать, где, в какой точке пересекаются выводы из теории М-полостей и выводы из количественного анализа культурного влияния США на Японию, и это, наверное, будет очень странная точка пересечения, и вполне возможно, что в этой точке он обнаружит ключик к пониманию всей этой зловещей механики, а может быть, и ключик к управлению ею... А я останусь дома, встречу завтра Бобку с тещей, и мы все вместе пойдем покупать книжные полки.

— Угробят они тебя там, — сказал я безнадежно.

— Не обязательно, — сказал он. — И потом, ведь я там буду не один... и не только там... и не только я...

Мы смотрели друг другу в глаза, и за толстыми стеклами очков его не было ни напряжения, ни натужного бесстрашия, ни пылающего самоотречения — одно только рыжее спокойствие и рыжая уверенность в том, что все должно быть именно так и только так.

И он ничего не говорил больше, но мне казалось, что он говорит. Торопиться некуда, говорит он. До конца света еще миллиард лет, говорит он. Можно много, очень много успеть за миллиард лет, если не сдаваться и понимать, понимать и не сдаваться. И еще мне казалось, что он говорит: «Он умел бумагу марать под треск свечки! Ему было за что умирать у Черной речки...» И раздавалось у меня в мозгу его удовлетворенное уханье, словно уханье уэллсовского марсианина.

И я опустил глаза. Я сидел скорчившись, прижимая к животу обеими руками свою белую папку, и повторял про себя — в десятый раз, в двадцатый раз повторял про себя: «...с тех пор всё тянутся передо мною кривые глухие окольные тропы...».

Аркадий Стругацкий, Борис Стругацкий **Без оружия**

Пьеса в 2 действиях

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Румата.

Кира.

Будах.

Арата.

Рэба.

Кондор.

Окана.

Аба.

Уно.

Цупик.

Хозяин.

Пилот.

Торговец.

Маршал Тоц.

Неизвестный.

Горожане, штурмовики, монахи.

Пролог

На темной авансцене в луче прожектора появляется Румата — в черном трико с головы до ног.

Румата. То были дни, когда я познал, что значит: страдать; что значит: стыдиться; что значит: отчаяться.

Мужской голос из темноты. Должен вас предупредить вот о чем. Выполняя задание, вы будете при оружии для поднятия авторитета. Но пускать его в ход вам не разрешается ни при каких обстоятельствах. Ни при каких обстоятельствах. Вы меня поняли?

Женский голос из темноты. Спаси, спаси нас! Нам бы хоть как-нибудь да пожить!

Луч прожектора гаснет. Румата уходит, занавес раздвигается.

Лесная поляна. На заднем плане — Угрюмая Берлога, приземистая бревенчатая изба, наполовину вросшая в землю. Посередине сцены — покосившийся идол-чучело, на одной из растопыренных деревянных лап висит зажженный фонарь. У подножия идола в круге света сидит дон Кондор в средневековом плаще и ботфортах, в шляпе с пером, рассеянно царапает какие-то фигуры у ног своих концом шпаги в ножнах и насвистывает печальную мелодию — «Летят утки». Из темноты доносятся знакомые звуки: лошади переступают копытами, звякают уздечками, шумно вздыхают, отфыркиваются.

Дон Кондор вдруг поднимает голову, прислушиваясь. Нарастает характерное жужжание приближающегося вертолета. Заржала лошадь в темноте. По поляне, по стволам деревьев пробегают летучий голубой луч прожектора, сразу гаснет. Жужжание усиливается, затем резко обрывается. Дон Кондор встает. Справа на сцену выходят двое.

Первый — дон Румата в средневековом дорожном костюме, при шпаге и в шляпе, с ковровым мешком в руке. Второй — Пилот, в серебристом комбинезоне.

Дон Кондор быстро идет им навстречу, но, не дойдя нескольких шагов, срывает шляпу и делает глубокий поклон. Румата тоже кланяется.

Пилот. Познакомьтесь, товарищи. Резидент Института экспериментальной истории в торговой республике Соан Александр Васильевич Симонов, он же генеральный судья и хранитель государственных печатей упомянутой республики дон Кондор. Новый резидент Института в герцогстве Арканарском Малышев Антон Константинович, он же...

Румата. Барон Румата дон Эстор. Покинул метрополию в надежде быть представленным ко двору герцога Арканарского и предложить ему свою честь и шпагу.

Кондор. Здравствуй, Антон...

Они пожимают друг другу руки.

Румата. Простите, Александр Васильевич, чтобы не забыть... Вам письмо с Земли, от внучки... (Достаёт из-за обшлага конверт, протягивает Кондору.)

Кондор. Спасибо... (Отходит под свет фонаря, быстро проглядывает письмо, затем прокашливается.) Спасибо, Антон... Ну что ж, друзья, присядем, поговорим... (Усаживается под идолом, хлопывает ладонью возле себя.) Садитесь...

Румата и Пилот садятся.

Кондор. Долетели благополучно?

Пилот. Над Зеленой бухтой немного покачало, штормит... А так ничего, всё в порядке.

Кондор. Вы ведь с Полярной базы добирались?

Пилот. Так точно, Александр Васильевич. На субмарине. Снялись с борта только в Зеленой бухте.

Кондор. Так... На базе с тобой говорили, Антон? Положение знаешь?

Румата. Говорили. Знаю. Положение неважное.

Кондор. Да, наделал нам Орловский хлопот. Придется тебе все начинать сначала.

Румата. Это я еще на Земле знал.

Кондор. Что на Земле говорят?

Румата. На месте, говорят, сориентируешься.

Кондор. Будем надеяться... Думаешь отсюда прямо в Арканар?

Румата. Если вы не возражаете.

Кондор. Нет, я не возражаю. Действительно, чего оттягивать. Я только тебе посоветовал бы не сразу устраиваться капитально. Есть там постоянный двор... «Серая Радость» называется... Как тебе такое название? Остановись первоначально там, оглядись, послушай, немножко себя покажи... так, самую малость...

Румата. Да, мне на базе тоже так рекомендовали.

Кондор. Вот и я тоже рекомендую. И именно «Серую Радость». Там сейчас окопался Будах.

Румата. Будах? Тот самый? Будах Арканарский?

Кондор. Тот самый знаменитый Будах. Математик и астроном.

Румата. И еще немножко поэт, немножко колдун, немножко мистификатор, как я понял... Почему он окопался в «Серой Радости»?

Кондор. Снимает там конуру, пьет, скандалит. Три недели назад у него сгорел дом... вместе с обсерваторией и библиотекой.

Румата. Сгорел? Или...

Кондор. Сожгли, конечно. Он сам чудом спасся. Между прочим, он был большим приятелем Орловского...

Румата. Да, знаю. Орловский ведь переводил его на русский... «Как лист увядший, падает на душу...» Ну, хорошо. Значит, для начала «Серая Радость», Будах. Что еще?

Кондор. Оборудование для тебя спрятано в этой избе (*показывает через плечо*), в подвале. Там замаскирован сейф. В сейфе ты найдешь ранцевый птицелет, приемопередатчик для прямой связи с Полярной базой, кое-какие мелочи... Да, там еще полевой синтезатор. Дает до полутора килограммов золота в час в отливках по двести граммов... (*Усмехается.*) Все на случай бегства, на случай сомнений, на случай бедности...

Румата. Понятно. Спасибо.

Кондор. Кстати, деньгами тебя снабдили?

Румата. Триста золотых.

Кондор. Этого для начала хватит. А потом свяжешься с ювелиром одним, с ним покойник Орловский...

Румата. Да, я знаю. Отец Гаук, улица Молочников.

Кондор. Все-то ты знаешь... Ладно. Еще я хочу предупредить тебя. Мир, с которым ты войдешь в соприкосновение уже завтра утром, он потребует от тебя предельного напряжения совести. Мир нормального средневекового зверства... Да, да, тебе об этом рассказывали, тебя инструктировали, тебе показывали фильмографии, но это все не то... Подожди, пока впервые втянешь носом запах горелого мяса...

Румата. Не беспокойтесь, Александр Васильевич. Я выдержу.

Кондор. Если бы я хоть несколько первых недель мог быть рядом с тобой ежеминутно, с утра и до вечера... (*Машет рукой.*) Мы здесь поняли кое-что такое, чего у нас в Институте на Земле никак не могут понять. Нас готовили так, чтобы мы не сорвались, выдержали. Но ведь выдерживать-то тоже нельзя, Антон. Если когда-либо поймешь, что способен выдержать здесь всё, беги тогда отсюда без памяти. Это будет значить, что ты прочно вошел в роль. Что ты уже не коммунар, а благородный подонки барон Румата. Бойся войти в роль! В каждом из нас здесь благородный подонки борется с коммунаром. И всё вокруг помогает подонку, а коммунар — один-одинешенек, до Земли тысяча лет и тысяча парсеков...

Пауза. Румата внимательно смотрит на Кондора, Пилот, напротив, отвернулся от них.

Румата. Но это же азбука, Александр Васильевич. Все мы отлично понимаем, что мы историки, а не физики. И что мы здесь находимся вовсе не для того, чтобы утолять наше чувство справедливости...

Кондор. Да... да... *(Глубоко вздыхает.)* Я здесь, голубчик, пятнадцать лет. Я уж и сны про Землю видеть перестал. Как-то, роюсь в бумагах, нашел фотографию одной женщины, долго соображал, кто это такая... А это дочь была, мать вот этой... *(Прижимает ладонь к груди, куда, очевидно, спрятал полученное письмо.)*

Румата. А ведь вам отдохнуть надо, Александр Васильевич.

Кондор *(резко выпрямляется)*. Подожду, подожду еще отдыхать... *(Встает. Румата и Пилот тоже вскакивают.)* Да, все это лишнее. Пора. Итак, твое дело — наблюдение, изучение, в лучшем случае — спасение деятелей культуры и культурных ценностей... Впрочем, ты это, конечно, знаешь.

Румата. Знаю.

Кондор. Ты все знаешь. Но вот что ты мог знать, но забыть. Все мы разведчики. И все дорогое, что у нас есть, должно быть либо далеко на Земле, либо внутри нас. Чтобы его нельзя было отобрать у нас в качестве заложника.

Он резким движением нахлобучивает шляпу. Румата склоняется перед ним в церемонном поклоне.

Действие первое

Картина первая

По авансцене перед закрытым занавесом под грохот барабана маршируют серые штурмовики — серые рубахи до колен, серые штаны, черные сапоги, на правом плече топор. Последние два штурмовика волокут на веревке связанного избитого человека в партикулярном.

За занавесом шумит толпа, слышны крики:

— Братья! Вот они, защитники! Разве эти допустят? Да ни в жисть!

— А мой-то! На правом фланге! Вчера еще его порол!

— Да, братья, это вам не смутное время! Прочность престола, спокойствие! Ура, серые роты!

— Ура, дон Рэба! Слава доброму герцогу нашему!

— Мужичье — в кровь!

— Баронов — на фонарь!

— Грамотеев — на кол!

— Ура, орел наш дон Рэба!

Штурмовики проходят, шум стихает, занавес раздвигается.

Харчевая зальца в нижнем этаже постоялого двора «Серая Радость». Тяжелая стойка, за нею полки с глиняными бутылками и бочонкообразными кружками. На переднем плане — тяжелые столы и тяжелые скамьи. За стойкой — Хозяин, толстый, красный, в кожаной безрукавке, он неторопливо беседует с Торговцем, который сидит за ближайшим к нему столом над кружкой пива. Кира, дочь Хозяина, хорошенькая, в белом передничке, вытирает столы тряпкой.

Торговец. Конечно, порядку нынче против прежнего больше стало. Хоть герцог у нас еще малолетка, зато канцлер при нем — всем канцлерам канцлер. Орел, одним словом. Опять же хлеб подешевел, а на сукно, скажем, или там на оружие цены растут... А все-таки... *(Крутит головой и припадает к кружке.)*

Хозяин. А вы их, почтеннейший, не жалейте. Они сами себе на уме. Выдумают, надо же!.. Мир круглый! Да по мне хоть квадратный, а умов не мути!.. Не-ет, много от грамотеев этих гноя идет, почтеннейший. Не в деньгах, мол, счастье, мужик, мол, тоже человек, дальше — больше, оскорбительные стишки, а там и до бунта недалеко...

Торговец. Да разве я что говорю? Я говорю только, не надо бы так жестоко. Все-таки человек, живое дыхание... Ну грешен — так накажите, поучите, а зачем вот так-то — сапогами да по лицу, да под ребра, а он как зайдет криком, а кровища кругом во все стороны...

Хозяин. Вы, почтеннейший, главное, не сомневайтесь. Раз власти поступают — значит знают, что делают. Орел наш дон Рэба...

Слева быстрыми шагами входит штурмовик в серой рубахе, рукава засучены, руки до локтей забрызганы в чем-то черном. Это — Аба, брат Киры и сын Хозяина. Швырнув топор в угол, он подходит к стойке.

Аба. Налейте-ка пивка, папаша, в глотке пересохло... *(Залпом выпивает кружку.)* Уф-ф... Там во двор благородный какой-то заехал, пошли бы встретили... *(Хозяин торопливо выходит. Аба поворачивается к Кире.)* Эй, рыжая, поди слей мне воды, руки помыть...

Кира. Сейчас...

Аба. Не сейчас, а иди, когда тебе говорят!

Кира *(оглядываясь на него, прижимает кулачки к груди)*. Ой, Аба, в чем это у тебя руки-то?

Аба. В чем, в чем... В чем надо, в том и руки... Ну чего стоишь, вытаращилась? Идем!

Они скрываются в помещении за стойкой. Входит Румата, за ним Хозяин с его ковровым мешком.

Румата. Чтобы помещение было самое лучшее, достопочтенный. Белье чистое, полотняное...

Хозяин. Все будет сделано, благородный дон...

Румата останавливается посередине зальцы, оглядывается. Торговец приподнимается, кланяется. Румата небрежно кивает.

Румата. На завтрак подашь... Что у тебя есть?

Хозяин. Собачьи уши, отжатые в уксусе... Тушеный крокодил в болотных травках...

Румата. Гм... Смотри мне, промашек не потерплю!

Хозяин. Не будет промашек, благородный дон... Я же понимаю... Завтрак прикажете сюда подать?

Румата опять оглядывается.

Румата. Нет. Подашь мне в комнаты. Иди все устраивай, а я пока посижу здесь, выпью пива...

Хозяин. Сию минуту... Кира! Кружку пива благородному дону!

Из-за стойки торопливо выходит Кира. За нею, на ходу отворачивая закатанные рукава, появляется Аба. Румата и Кира секунду глядят друг на друга. Затем Румата усаживается за стол.

Румата. Из рук такой прелестной девицы... А нет ли у тебя ируканского, хозяин? Я бы охотно чокнулся с этой красавицей...

Хозяин. Поддай благородному дону бутылку ируканского...

Хозяин поднимается по лестнице, ведущей на второй этаж. Кира приносит от стойки и ставит перед Руматой глиняную бутылку и стакан. Наливает.

Румата. Отлично придумано, прекрасная девица. Я намеревался чокнуться с тобой, но будет гораздо приятнее пить из стакана, которого коснулись твои розовые губки... *(Протягивает стакан Кире.)* Пей, мне не терпится узнать твои мысли...

Кира. Как это — узнать мои мысли?

Румата. У меня на родине есть поверье, что кавалер, который пьет из стакана после девушки, узнает все ее мысли...

Кира испуганно отстраняет стакан. Аба, который стоит, облокотившись на стойку, гогочет. Торговец тоже хихикает. Румата холодно оглядывает их, затем указывает на Абу.

Румата. Кто этот молодой... гм... каторжник?

Кира. Это мой брат, сударь... Его зовут Аба...

Аба приближается, осклабляясь.

Аба. Совершенно в точности, благородный дон. Брат я ей. И потому знаю, что вина она не пьет, хотя в остальном девица вполне толковая...

Румата. Гм... Аба... А почему на тебе такое нелепое одеяние?

Аба. Какое же оно нелепое? Это потому, что я состою в штурмовых отрядах канцлера и орла нашего дона Рэбы...

Румата. Видишь ли, любезный, я из далеких стран... Впрочем, ты можешь взять этот стакан и вернуться на свое место у стойки... *(Аба хочет что-то сказать, но Румата предупреждает его движением руки.)* Можешь взять с собой даже всю бутылку. Поскольку твоя очаровательная сестра не пьет, я тоже бросаю...

Аба хватая бутылку и стакан и, кланяясь, пятится к стойке.

Румата. Ну что ж, раз судьба не судила нам познать в вине вкус губ друг друга, давай хоть побеседуем... Садись. *(Кира несмело присаживается напротив Руматы.)* Как тебя зовут, прекрасная девица?

Кира. Кира, благородный дон.

Румата. Чудесное имя. А меня зовут Румата. Это имя носили восемнадцать поколений моих благородных предков, и тысячи прекрасных дев произносили его с нежным трепетом... Ты тоже будешь произносить его с нежным трепетом, не так ли, Кира?

Кира. Вы смеетесь надо мной, благородный дон...

Она пытается подняться, но Румата удерживает ее.

Румата. Нет, я не смеюсь. Это у меня такая манера разговаривать. Хотя нет, кажется, я действительно немножечко смеюсь. Не обижайся. Дорога была долгая и скучная, вот я и решил слегка повеселиться. Но можешь мне поверить...

Он останавливается. Со второго этажа доносятся отчетливо слышимые голоса. Голоса Хозяина и Будаха.

Будах. Да не ворчи ты, старое копыто! Мало тебе от меня перепало?

Хозяин. За что заплачено, за то заплачено, а за что не заплачено, за то надо платить вовремя...

Будах. Скупердяй старый... Скажи лучше, для кого это ты такие хоромы готовил?

Хозяин. Не для таковских, как некоторые. Благородный дон у нас остановились...

Будах. Ага... Кто таков?

Хозяин. Сам скажет, коли захочет. Мне ни к чему. Пять золотых задатку дали, не как некоторые...

Будах. Пять золотых! Ай-яй-яй! Да ведь вся твоя ночлежка этого не стоит... А в кости он как? Играет?

Хозяин. Сами спросите...

Будах. Он где? Внизу?

Хозяин. Внизу. Вино пьют.

Будах. Что же ты раньше не сказал, полено толстомордое?

На лестнице появляется Будах — огромный, встрепанный, в расстегнутом кафтане. Он спускается медленно, со ступеньки на ступеньку, оглядывая зальцу, затем взгляд его останавливается на Румате и Кире.

Будах. Пристроился, прохвост... Успел уже...

Он садится поодаль за отдельный стол.

Румата. Кто это?

Кира. Это Будах, великий чернокнижник... *(Поднимается.)* Вы меня простите, благородный дон...

Румата. Зови меня просто Румата.

Кира. Вы меня простите, мне нужно... *(Не закончив, торопливо отходит к Будаху.)*
Здравствуйте, отец Будах.

Будах. Здравствуй, лапочка. Что это за хлюст?

Кира. Новый постоялец. Из благородных...

Будах. А чего ты с ним сидишь?

Кира. Так мне положено. Кто меня с собой посадит, с тем и сижу. Иначе меня здесь со свету сживут, отец Будах, сами знаете.

Будах. Это уж точно... Только уж какой-то он особенно лощеный, противный...

Кира. Да нет, он еще ничего... Чего вам подать, отец Будах?

Будах в затруднении скребет в шевелюре. В зальцу спускается Хозяин, подходит к Румате.

Хозяин. Завтрак сейчас же прикажете, благородный дон?

Румата. Что? Нет, потом... Я скажу, ступай.

Хозяин кланяется, отходит, оглядывается на Киру.

Хозяин. Эй, Кира, ты там с ними не очень-то, уши не распускай, а то они тебе назаказывают...

Кира. Ничего они не заказывают, папаша, не беспокойтесь.

Аба *(от стойки)*. Пива ему позавчерашнего и хлеба горбушку, и будет с него...

Будах. Заткнись, губошлеп... Ладно, Кира, лапочка, принеси мне кружку пива и хлеба немного.

Хозяин. Немного... И то много на даровщинку-то... Погоди, сам налью.

Хозяин уходит за стойку. Румата встает, переходит к столу, за которым сидит Будах, садится. Смотрит на Будаха, на Киру, которая все еще стоит рядом, снова на Будаха.

Румата. Друзья мои, одному мне скучно. Позвольте уж мне с вами.

Будах. А садитесь, коли хотите, мне-то что...

Румата. Рад с вами познакомиться, почтенный Будах... Ведь вы — Будах?

Будах. Ну?

Румата. Отлично. Я вас искал. Но с вами потом. Позвольте сначала закончить разговор с этой вот прекрасной девицей...

Подходит Хозяин, грохает перед Будахом пивную кружку, бросает ломоть хлеба.

Хозяин. Извольте завтракать, почтенный. В последний раз. Больше вам не будет, пока не заплатите...

Будах. Экая ты скотина все-таки... Что ж ты со мной так при других людях, а?

Хозяин. Невелика персона...

Аба *(от стойки)*. Гнать его, колдуна, со двора надо, а вы с ним разговоры разговариваете, папаша...

Румата. Погодите... *(Берет кружку с пивом, нюхает, затем выплескивает пиво Хозяину под ноги.)* Ступайте, достопочтеннейший, и принесите нам с почтенным Будахом по кружке хорошего пива... И если пиво будет плохим, я вас в нем утоплю!

Хозяин. Сию минуту, благородный дон... *(Поспешно уходит.)*

Будах *(качает головой)*. Ну и ну!

Румата. Так вот, сначала я хотел бы закончить разговор с этой прекрасной девицей. Кира, я действительно позволил себе слегка пошутить с тобой, и мне показалось, что ты рассердилась...

Кира. Я не рассердилась...

Румата. Тогда прими от меня маленький подарок... Дай твою руку.

Кира растерянно глядит на Будаха, затем нерешительно протягивает Румате руку. Румата надевает на ее запястье золотой браслет.

Кира. Но как же... Благородный дон, я ведь не могу...

Будах. Дай-ка взглянуть, лапочка... *(Берет ее руку с браслетом, разглядывает.)* Гм, похоже, что золото... Да, настоящее золото. *(Отпускает руку Киры, смотрит на Румату.)* Однако, благородный дон, делать такие подарки вместо того, чтобы извиниться...

Кира пытается снять с руки браслет.

Кира. Я не могу, право... Это слишком дорого...

Между тем, привлеченные разговором, к ним приближаются Аба и Торговец, а затем подходит и Хозяин с двумя кружками.

Аба. Хвостом тя по голове! И вправду золотой!

Торговец. Верно, золотой. Я золото повидал на веку...

Кира *(чуть не плача)*. Прошу вас, благородный дон, снимите, заберите обратно...

Хозяин. Молчи, дура рыжая! Вся в мать! Ей благородный дон снисхождение делает, так поблагодарила бы...

Аба. Да уж, дура — она дура и есть... Вы ее не слушайте, благородный дон, она у нас... того... вина вот тоже не пьет...

Будах. Слушайте, дон, не знаю, как там вас зовут...

Румата. Тихо! Друзья мои. Я подарил этот браслет прекрасной Кире и не могу взять его обратно...

Аба. Во! Правильно! Подарил же...

Румата. Не могу по двум причинам. Во-первых, он не мой... *(Будах и Кира переглядываются.)* Во-вторых, и это самое важное, он не снимается!

Пауза. Кира снова пытается снять браслет, но не может.

Хозяин. Видишь ты...

Аба. Ну, это мы еще поглядим...

Румата *(бешено)*. Молчать, щенок! Голову оторву! *(Аба испуганно пятится.)*
Хозяин, поставьте пиво и можете идти. Ей тоже, любезный!

Хозяин, поставив пиво, поспешно ретируется следом за Торговцем.

Будах *(отхлебывает из кружки)*. Вот это пивко...

Румата. Больше вы не сердитесь на меня, Кира?

Кира вскакивает и выбегает из зальца.

Будах. Я вам вот что скажу, благородный дон. За пиво, конечно, спасибо, однако... Ладно, об этом после. Кто вы такой и что вам от меня надобно?

Румата. Я — барон Румата из Эстора. Припоминаете?

Будах. Нет.

Румата. И не надо.

Будах. А что же надо?

Румата. Долг мне вам старый отдать надо. Пятьдесят золотых. *(Он достает увесистый кошелек и принимается отсчитывать, выкладывая на стол золотые кружочки.)* Десять... пятнадцать... двадцать...

Будах с интересом следит за его действиями. Хозяин, Торговец и Аба — тоже, но издали, не решаясь приблизиться.

Будах. Долг, значит...

Румата. Именно долг, почтенный Будах... Сорок пять... Пятьдесят. Берите.

Сгребает монеты в кучу и придвигает к Будаху. Тот рассовывает деньги по карманам.

Будах. Долг так долг. Правда, благородный дон, надо вам сказать, что в жизни своей я никому в долг не давал. Дарил — это бывало, но чтобы в долг... А вообще-то деньги одинаковые, что их тебе дарят, что в долг дают...

Аба *(у стойки)*. Сколько золота, папаша, видели? Это же сдохнуть можно...

Хозяин. Богатый, видно, дон...

Торговец. Предложить ему пеньки купить?..

Будах. Ну хорошо, барон Румата, долг вы мне отдали, душу успокоили. А чего вам все-таки от меня надобно? Или сначала пожрем? Я угощаю!

Румата не успевает ответить. В зальцу, гремя по-хозяйски каблуками, входит командир серых штурмовиков Цупик в узком сером мундире при шпаге. При виде его Хозяин и Торговец подобострастно кланяются, а Аба вытягивается по стойке «смирно». Цупик останавливается посередине зальца, зорко оглядывается — взгляд его на секунду останавливается на Будахе и Румате, — затем поворачивается к Абе.

Цупик. Почему здесь околачиваешься? Почему не в казармах?

Аба. Состоял в группе особого задания, господин капитан! По выполнении отпущен до обеда!

Цупик. Особое задание? Какое? В чем дело?

Аба. За мятежного грамотея маленько подержались, господин капитан!

Цупик. А, понял. Стихотворец Гур.

Будах вздрагивает и приподнимается, но снова садится.

Аба. Точно, господин капитан!

Цупик. И как же?

Аба. Обыкновенно, господин капитан. Локти к лопаткам — и в башню. Дело привычное...

Цупик. Недалек день, когда все бесчинствующие... э... персоны в герцогстве на своей шкуре убедятся, что наш канцлер дон Рэба не намерен... *(Снова оглядывается.)* Слушай, а где... э... Кира? Или ты воображаешь, что я пришел сюда, чтобы чесать с тобой язык?

Аба. Понял, господин капитан... Сию минуту... *(Устремляется вон с криком: «Кира! Рыжая! Ты где, чертова девка?»)*

Цупик *(Хозяину)*. Пива! Моего, черного...

Усаживается за отдельный стол. В это время в зальцу едва ли не крадучись входит закутанный в невообразимые лохмотья горбатый нищий и садится неподалеку от Будаха и Руматы. Хозяин ставит перед Цупиком кружку, подходит к Нищему.

Хозяин. Чего тебе, нищеврод?

Нищий. Мне бы пива кружечку да хлебца с требухой...

Хозяин. Деньги покажи.

Нищий. Есть деньги, почтеннейший, разве я б иначе посмел...

Выкладывает на стол несколько медяков. Хозяин сгребает их в карман и, ворча, уходит к стойке. Будах внимательно присматривается к Нищему, затем придвигает ему свою кружку.

Будах. Отпей, убогий, от моих щедрот.

Нищий. Спасибо, добрый господин, мне сейчас принесут...

Будах. Ну, раз моим пивом брезгуешь, прими хоть это... В твоих делах пригодится, бедолага...

Вынимает золотой, кладет перед Нищим. Нищий быстро взглядывает на Будаха, снова опускает голову.

Нищий. Вовек твоей щедрости не забуду...

Прячет монету в лохмотьях. Хозяин приносит Нищему пиво и еду.

Хозяин. Жри скорей да проваливай... У меня заведение чистое.
 Нищий. Да деньги разве не одни и те же, почтеннейший?
 Хозяин. Помалкивай, жри вон...

Отходит к стойке. Вбегает запыхавшийся Аба, устремляется к Цупику.

Аба. Не нашел, господин капитан, должно быть, к подруге усвисталась... Да она придет скоро, я знаю...

Цупик. Ладно, подождем. Спешить некуда. Ступай.

Аба отходит, прислоняется к стойке и только тут замечает Нищего.

Аба. Ты что же, скотина горбатая, жрать здесь расположился? А ну, пошел отсюда вон!

Нищий. Иду, иду, дорогой человек... *(Залпом допивает пиво, засовывает остатки еды в суму и поднимается.)* Иду, милый, иду...

Бормоча и постанывая, ковыляет к выходу и выходит.

Хозяин. Много нынче горбатых да увечных развелось...

Торговец. Это верно, почтенный. Пока до рынка дойдешь, все полы оборвут, все карманы обчистят...

Хозяин. Карманы... Здесь, почтеннейший, и не карманами уже пахнет. Горбатый Арата, пропасти на него нет, опять, говорят, зашевелился, уже два замка баронских сжег, под самыми нашими стенами со своими бандитами рыщет...

Торговец. Ох, не быть бы опять мятежу!

Аба. Ну, чего разнылись? Недолго уж ему рыскать! Уж попался бы он мне на глаза...

Будах вдруг раздражается громовым смехом. Все с недоумением глядят на него.

Румата. Боюсь, достопочтенный Будах, я не совсем понимаю...

Будах. Ох, не могу... Под стенами рыщет... А он по городу, как по своим лесам, прогуливается!

Румата. Простите... Кто прогуливается?

Будах. Да Арата же! Ведь нищий, который тут с нами только что сидел...

Румата. Не может быть!

Будах. Это же и был Арата! Знаменитый мятежник!

Пауза. Цупик вскакивает.

Цупик. Врете!

Торговец. Что же вы не сказали?

Аба. Хватать надо было!..

Будах. Еще чего — хватать... Мне за это не платят. Тебе надо — ты и хватай! Ну, чего стоишь? Беги, догони, хватай!

Аба. Да что ж я один-то...

Будах. А ты капитана своего с собой...

Цупик. Молчать! *(Абе.)* Губошлеп! Бегом в казармы, доложить обо всем, поднять по тревоге, прочесать город! Ж-живо!

Аба, подхватив топор, исчезает. Цупик на негнущихся ногах подходит к Будаху.

Цупик. Вот теперь вы попались наконец, почтеннейший.

Будах. Я? Ничего подобного.

Цупик. Вы оказали помощь мятежнику!

Будах. Брось. Это ты брось. Я тебе не сыщик и докладывать тебе не обязан.

Цупик. Я своими глазами видел, как вы снабдили мятежника золотой монетой!

Будах. Я своими глазами видел, как ты с ним пиво пил чуть ли не за одним столом...

Румата (*расслабленным голосом*). Что это такое? Что тут за порядки у вас в Арканаре? Почему мне мешают пить пиво и наслаждаться беседой?

Будах. Сейчас все будет улажено, благородный дон Румата.

Румата. Хорошо. Только поскорее, пожалуйста. Какие-то нищие, мятежники... Что нужно у моего стола этому господину в сером? Я готов дать ему золотой, но пусть он отойдет...

Цупик. Прошу прощения, благородный дон. Вы приезжий? Прошу предъявить подорожную.

Румата. Вам? Но я вас не знаю, дражайший! С какой стати? Кто вы такой?

Будах. Это Цупик, бакалейщик с улицы Святого Мики...

Цупик. Я канцлеру своему дону Рэбе покорный слуга и командир серых штурмовиков!

Пауза.

Румата. Не понимаю. Бакалейщик... покорный командир... Повторите, любезный, чего вы хотели?

Цупик. Предъявите подорожную!

Румата (*Будаху*). Предъявить?

Будах. А как хотите, благородный дон. Можете предъявить, можете не предъявить, все равно. Он читать не умеет...

Румата вдруг с криком вскакивает, опрокинув скамью. На лице его ужас и отвращение.

Румата. Что это?

Будах. Где? А, это? Как — что? Таракан! (*Хлопает ладонью по столешнице.*)

Румата. Гадость какая... (*Проводит ладонью по лбу.*)

Хозяин (*от стойки*). Всегда они у нас разводятся, когда торговцу пеньку привозят...

Торговец. Это уж точно. Их в пеньке видимо-невидимо...

Цупик хохочет. Все смотрят на него.

Цупик. Ай да благородный дон! Ай да храбрец! Таракана испугался! Ну распотешили вы меня! Таракана струсили!..

В одно мгновение Румата выхватывает шпагу. Цупик умолкает и шарахается в сторону.

Румата. Вы изволили назвать меня трусом, господин бакалейщик? (*Проставляя острие то к лицу, то к груди, то к животу Цупика, теснит его в глубину зальца, пока он не упирается спиной в стойку.*) Трусом? Меня? Восемнадцатого барона Румату Эсторского? Где тебе пустить кровь, серый хам? Из брюха, налитого пивом? Из гнилого и подлого твоего сердца? (*Проставляет острие к горлу.*) Или из твоей гнусной глотки?

Будах. Проси прощения, бакалейщик. Беда будет небольшая, если барон тебя ужокошит, но что-то мне стало тебя жалко...

Румата. Ты, грязная сволочь, ты всю свою жизнь спишь и жрешь с тараканами и прочей нечистью, тебе она не в диковинку, так ты решил, что и люди благородной крови таковы же, как ты?..

Цупик (*хрипит*). Не надо... Не убивайте, благородный дон... Это я не со зла... от обиды... Простите, благородный дон...

Румата. Еще раз!

Цупик. Прошу великодушного прощения, благородный дон Румата!

Румата опускает шагу, зевает.

Румата. Фу, вспотел... Хозяин, каплю ируканского на стакан воды. Идите, Цупик, и хорошенько подумайте над своим проступком. И пусть это послужит вам уроком... (*Пьет воду с вином.*)

Цупик, ни на кого не глядя, уходит.

Будах (*ему вслед*). Это тебе не грамотеям руки крутить...

Румата. А теперь... Хозяин!

Хозяин. Слушаю, благородный дон...

Румата. Завтракать! (*В этот момент в зальцу входит Кира.*) Вот очень кстати, Кира. Ты будешь за хозяйку, не возражаешь? Завтрак ко мне наверх, на двоих... (*Глядит на насупившегося Будаха, смеется.*) Мы будем завтракать с моим другом, достопочтенным Будахом...

ЗАНАВЕС

Картина вторая

По авансцене перед закрытым занавесом идут слева направо Кира и Румата. Идут медленно, не прикасаясь друг к другу.

Кира. Нет, этого я не смею, дон Румата. Я — простая девушка, я свое место понимаю... А я хочу только сказать, что как вы от нас съехали, мне совсем плохо стало. Брат зверем смотрит, того и гляди — прибьет или еще чего хуже...

Румата. Ты ему скажи, сукиному коту... Ладно, я сам скажу. Но что это он на тебя взъелся?

Кира. Цупик, командир ихний, с тех пор к нам ни ногой. Брат говорит — из-за меня...

Румата. Как это?

Пауза.

Кира. Что здесь непонятного... А Цупик, он говорит, теперь при самом канцлере, при доне Рэбе... А вы теперь в гвардии, дон Румата?

Румата. В гвардии.

Кира. При дворе всё, наверное... Дамы там красивые, нарядные...

Румата. Этого добра там полно. Но ты, Кира, красивее их всех!

Кира. Это вы просто так говорите... А насчет нарядов — так я, если захочу, тоже могу купить. На рынке один ируканский купец лавку открыл, нарядами торгует, даже

заморские есть, сама видела. Давеча ходила... Это знаете где? Вот как по улице Красильщиков на рынок выйдете, так сразу по правой руке она, недалеко от виселиц.

Румата. Ага...

Кира. Ага. Шагов сто не доходя, так что мимо них идти не приходится... Я страсть не люблю под виселицами ходить. Там теперь голых вешают, срам смотреть... Раньше, бывало, в одежде или в мешках вешали, да и то один висит, другой... А нынче целыми десятками висят, да не только мужчины, а и женщины... Так я уж стараюсь глаза в землю... А что это одна я все говорю и говорю, дон Румата, а вы все молчите... Конечно, вам, наверное, скучно со мной, да?

Румата. Нет, что ты, девочка, я слушаю...

Кира. Ну да, слушаете... А сами о другом чем-то думаете. Я же вижу...

Румата. Это верно. О другом. О тебе.

Кира. Вот уж неправда...

Румата. Вот уж правда...

Кира. Если бы вы обо мне думали...

Румата. Тогда что?

Кира. Вы бы давно... А то уже тринадцатый день как от нас съехали и ни разу не зашли...

Румата. Ты даже дни считаешь...

Пауза.

Кира. Ладно. Мне идти пора.

Румата. Погоди. Ты по мне соскучилась.

Кира. Д-да... *(Пятится от Руматы.)*

Румата. Подойди ко мне. *(Кира отчаянно трясет головой.)* Подойди же, что ты?

Кира. Я вот о чем хочу вас попросить, дон Румата. Можно?

Румата. Конечно.

Кира. Снимите с меня этот браслет ваш.

Пауза.

Румата. Почему? Не нравится тебе?

Кира. Нет, что вы... Только иначе они его мне вместе с рукой отрежут.

Румата. Кто?

Кира. Отец да брат... Четвертого дня крутили, крутили, рука даже посинела... Видите? *(Показывает.)* А уж ругались как... *(Румата молчит.)* Снимите, а? Я ведь и без браслета...

Румата. Пойдем, я тебя провожу.

Уходят, занавес раздвигается.

Апартамент дон Рэбы, канцлера герцогства Арканарского. Зала, узкие, как бойницы, окна. Обширный письменный стол, заваленный бумагами, несколько кресел. В одном из кресел, неестественно выпрямившись, сидит дон Рэба — мужчина лет пятидесяти, с деревянным лицом, в темном простом костюме. В другом кресле развалился, нога на ногу, дон Кондор. В третьем, поджав под себя ноги и привалившись к подлокотнику, располагается некая дон Окана, очень красивая дама лет двадцати пяти, в платье с очень глубоким вырезом.

Кондор. Все это очень хорошо, мой дорогой канцлер, но кто же будет покупать?

Рэба. Да кто угодно! Я, вы, она... Мужик и ремесленник должен только производить! Это о них сказано: пока склонены их вшивые головы над работой, не убивай их, но при всем том не давай им и жить. А тех, кто головы поднимет, убивай, как бешеных волков... И пожелавший переменить этот свыше установленный порядок есть смутьян и разрушитель установления, повинный смерти. Таковыми являются грамотеи, всякие там математики и сочинители, ибо это о них сказано: язык твой — враг мой...

Кондор (*смеясь*). Но вы же сами грамотей, дорогой канцлер!

Рэба. Я имел в виду грамотеев-мечтателей, грамотеев-растлителей, грамотеев-умников! Умные нам не надобны, дон Кондор! Надобны верные... Вот я собираюсь выпустить в свет рассуждение о новом государстве...

Окана. Ах, увольте нас от ваших рассуждений, милый!

Кондор. Нет-нет, прекрасная дама, это очень интересно. Продолжайте, дорогой канцлер, прошу вас...

Рэба. Суть сего рассуждения весьма проста. Она всего в трех... как бы это сказать...

Кондор. Принципах?

Рэба. Вот именно. В трех принципах... (*Перегибается к столу и что-то записывает.*) В трех принципах. А именно: слепая вера в непогрешимость власти, беспрекословное оной повиновение, а также неусыпное наблюдение каждого за каждым.

Пауза. Дона Окана зевает.

Кондор. Гм... Каждого за каждым — это хорошо. Но позвольте, дорогой канцлер, ведь это, по сути дела, государственные принципы Области Святого Ордена!..

Рэба. Совершенно справедливо, дон Кондор. В рассуждении своем я тщился лишь довести эти прекрасные... гм... принципы до простоты без всякого украшения.

Кондор. Интересно, очень интересно... И вы собираетесь ввести эти принципы в государственное устройство герцогства Арканарского?

Рэба. Я уже ввожу их.

Кондор. А как же бароны? Родовая знать?

Рэба. Вот именно. Бароны и родовая знать. Но ведь в вашей торговой республике, дон Кондор...

За окнами вдруг раздается громовой топот марширующих сапог. Гремит хриплыми глотками песня:

О чем наш серый парень может
мечтать?
О том, чтоб вещи подороже
достать!
О том, чтоб днем и ночью пиво
хлестать!
О том, чтобы в кустах молодку
зажать!..

Дон Кондор поднимается и подходит к окну, глядит вниз. Грохот сапог стихает в отдалении. Дон Кондор поворачивается.

Кондор. Высокое небо, что это за ужас?

Рэба. Мои серые роты, дон Кондор. Мой инструмент в борьбе с баронами, книгочеями и мужичьем.

Кондор. Ну и сброд!

Рэба. Ничего, зато преданны и жадны, как собаки. Главным образом, младшие отпрыски из среднего сословия — лавочников, мясников, скотовладельцев... Плодущий народ эти лавочники, и у всех у них масса младших сыновей. И все рвутся исполнить свой патриотический долг. Казне это не стоит ни гроша...

Кондор (*возвращаясь в кресло*). Казне — это вам, дорогой канцлер?

Дона Окана хохочет и хлопает в ладоши.

Рэба. Они ненавидят баронов и презирают мужиков и мастеровщину. Как раз то, что нам нужно.

Кондор. Ловко... Bravo, мой дорогой канцлер! Вы — настоящий реформатор, вы предвосхитили идеи, которыми будут пользоваться через сотни лет!

Рэба. Благодарю... Так вот. Пока они у меня учатся. Маршируют, наводят ужас, восхищают своих почтенных родителей... А в самом недалеком будущем я задам им кровавую баню. А затем я окончательно загоню их в казармы, приставлю к ним опытных капралов, и через год-другой...

Неслышно входит Монах в черной рясе с капюшоном.

Монах. Капитан Цупик, ваше преосвященство.

Рэба. Вы позволите, дон Кондор?.. Проси.

Монах выходит, и сейчас же, шумно топая, в апартамент входит Цупик.

Цупик. Будах тоже скрылся, проклятый колдун!..

Рэба. Одну минутку... Вы знакомы?

Цупик поворачивается к Кондору.

Цупик. Нет. Приветствую вас, благородный дон...

Кондор наклоняет голову.

Рэба. Дон Кондор, генеральный судья республики Соан. Капитан Цупик, командир нашей серой гвардии.

Цупик. Рад сделать знакомство. Вот у вас...

Рэба. Дон Кондор направляется в Эстор в качестве торгового посланника и по пути оказал нам честь кратковременным посещением Арканара.

Цупик. Вот у вас в Соане чтут торговое сословие, не то что у нас, у вас бы там...

Рэба. Простите, любезный капитан, вы что-то говорили о Будахе, кажется...

Цупик валится в кресло рядом с Оканой. Та брезгливо отодвигается.

Цупик. Ладно, от соанцев у нас нет секретов. Будах пропал. Не уследили мои стервецы, молоды... Только вот что я вам скажу, господин канцлер, ваша светлость: Будах — это уже шестой чернокнижник за последние два месяца, который уходит от нас сквозь пальцы. Может, им и верно нечистая сила помогает?

Рэба. А вы сами как думаете, любезный капитан?

Цупик. Не знаю, что и думать. Думать — это ваша забота. Моя забота — выследить, взять и — на кол! (*Хохочет.*) Вот это мы умеем, будьте спокойны, господин соанец...

Кондор. Не сомневаюсь, капитан.

Цупик. Вы еще нас к себе будете выписывать за большие деньги! (*Хохочет, затем обрывает смех.*) От маршала ничего нет?

Рэба. Пока ничего... (*Кондору.*) Речь идет о баронском ополчении, выступившем под командованием маршала Тоца против мятежника Араты Горбатого... Мы ждем известий о разгроме Араты с минутой на минуту...

Цупик. О разгроме... Этот дурак с железным горшком на макушке и проиграть недорого возьмет... Арата — орешек крепкий... Ладно! (*Поднимается.*) Идти надо, дел полно — три подвала мастеровщины и грамотеев не пытанно... А у меня еще одно дело, господин канцлер, ваша светлость...

Рэба. Да, капитан?

Цупик достает из-за обшлага сложенный лист бумаги.

Цупик. Желательно было бы, чтобы вы подписали, господин канцлер, ваша светлость...

Рэба (*просматривает список*). Дон Кэу... Дон Тамэо... Дон Сэра... Простите, капитан, в чем, собственно, дело?

Цупик. Список персон, превратно все понимающих и от каковых многое несчастье для...

Рэба. Ага, вот оно... «Приказ об аресте и препровождении в казармы Серых Рот нижеследующих...» Гм... Мудро, мудро... Кто здесь еще? Гм... Дон Капада... Дон Румата... (*Кондор вздрагивает, но тут же берет себя в руки.*) Дон Рипат... Гм... Короче, всё ваши обидчики, капитан?

Цупик. Извольте подписать.

Рэба. Хорошо, я подумаю.

Цупик. А чего думать? Подмахните, вот и вся недолга...

Рэба. Как же так можно, капитан! Старейшие роды и иностранные офицеры!

Цупик. Всех под одну гребенку! У меня в казармах они все одинаковы!

Рэба. Возможно, капитан. Но не так быстро. Отложим. Я рассмотрю этот список. Уверяю вас...

Входит Монах.

Монах. Маршал Тоц, ваше преосвященство.

Цупик. О! Давай его сюда!

Рэба. Проси.

Монах выходит. Слышится лязг железа, входит маршал Тоц, закованный с ног до головы в железные доспехи.

Маршал Тоц. Господин канцлер, ваша светлость! Счастлив доложить вам, что мятежные орды Араты Горбатого разгромлены, сам Арата пленен и доставлен в Арканар, дабы быть повергнутым к стопам...

Цупик. Молодец, маршал! А я-то думал, что ты у нас дурак!

Бросается к Тоцу, пытается его обнять и расцеловать. Впрочем, тот защищен панцирем.

Рэба. Иного не ожидал. От имени герцога Арканарского жалую вас кавалером Ордена Трех Начал...

Маршал Тоц (*становится на одно колено*). Слава герцогу! Слава канцлеру, орлу нашему дону Рэбе!

Рэба. Мятежника Арату, заковав, препроводить в башню. Завтра на рассвете четвертовать! *(Поворачивается к Кондору.)* Вот и конец угрозе Империи, дон Кондор...

Кондор. Одну минуту, мой дорогой канцлер. Нельзя ли мне взглянуть на прославленного мятежника?

Рэба. Взглянуть? *(Поворачивается к Тоцу.)* М-м?

Маршал Тоц. Все натурально, господин канцлер, ваша светлость. Мятежник Арата под стражей во дворе вашей канцелярии.

Рэба. Пусть введут.

Маршал Тоц *(подбегает к двери, кричит)*. Ввести сюда Арату Горбатого!

Все ждут, слышится звон цепей, двое солдат вводят Арату Горбатого. Он едва передвигается, голова замотана кровавыми тряпками.

Рэба. Как он вам кажется, дон Кондор?

Кондор молчит. Он просто смотрит на Арату и не говорит ни слова.

Окана. Ах, от него так воняет кровью!

Рэба. Что-нибудь хочешь сказать, мятежник?

Арата *(с трудом поднимая слепую голову)*. Ничего... ничего... Где казнить-то будете?

Рэба. В башне.

Арата. Жаль... На площади бы... Там бы я сказал... А здесь какой толк? *(Выпрямляется.)* Ох, Рэба, ох, сволочь, ну доберемся мы до тебя, гад, вша недодавленная, гниль недосохшая...

Один из солдат бьет его по голове, он замолкает.

Рэба. Увести. В башню. Соленую рыбу. Живо!

Солдаты увлакивают Арату. За ними уходит маршал Тоц.

Окана. Нахал...

Рэба *(Кондору)*. Как он вам?

Кондор. Да, это был опасный враг...

Цупик. Ладно, я пойду. А про списочек вы не забудьте, господин канцлер, ваша светлость. Мы на вашу подпись очень надеемся...

Рэба. Кто это — мы?

Цупик. Ну — я, скажем. Мало? *(Уходит.)*

Пауза.

Окана. Мужлан... Лавочник...

Кондор. Кандидат в покойники...

Рэба. Как вы сказали?

Кондор. Это я так... Скажите, мой дорогой канцлер... Если это не секрет, конечно...

Рэба. Пожалуйста, мой гость.

Кондор. Вот эти монахи у вас в прихожей... и вас называют «ваше преосвященство»... Разве вы приняли сан?

Пауза. Рэба ухмыляется, подмигивает Окане.

Рэба. Это вас удивило бы, дон Кондор?

Кондор. Поступки людей, стоящих во главе государств, вызывают не удивление, но либо восхищение, либо ужас.

Рэба. Да будет вам известно, дон Кондор, что я уже второй год являюсь наместником Святого Ордена в герцогстве Арканарском, епископом и боевым магистром.

Пауза.

Кондор. Поразительная новость. Я вас поздравляю, ваше святейшество...

Рэба. Благодарю.

Кондор. Я не сомневаюсь, что эта новость будет воспринята при дворах Империи с необычайным удивлением...

Рэба. Я буду рад, если эту новость сообщите именно вы.

Входит Монах.

Монах. Багаж и слуги посланника торговой республики Соан дона Кондора погружены на корабль. Отлив начнется через полчаса. Капитан просит дона Кондора явиться к этому времени на борт.

Рэба. Эскорт для господина посланника! *(Монах уходит.)* Жаль. Поужинать не успели.

Кондор. Это пустяки, поужинаю в море... Разрешите еще один вопрос, дон Рэба.

Рэба. Разумеется, дон Кондор.

Кондор. Почему вы именно сейчас и именно мне раскрываете свои карты?

Рэба. Карты?

Кондор. Я хочу сказать, почему вы именно сейчас и именно мне сообщаете, что вы — агент Святого Ордена?

Пауза.

Рэба. Дон Кондор, до Эстора восемнадцать дней морем и сорок дней сушей. И я не раскрываю карты. Я показываю зубы!

Кондор встает.

Кондор. Прошу разрешения откланяться.

Рэба. Расстаюсь с вами не без грусти.

Окана. Ах, дон Кондор, на обратном пути...

Внезапно за окнами взрывом возникает гвалт испуганных голосов. По окнам проносится голубой луч и сразу же гаснет. Крики усиливаются и вдруг смолкают. Рэба пятится к своему столу, тащит из ящика огромный арбалет. Кондор обнажает шпагу. Окана выхватывает из складок платья кинжал.

В апартамент вбегают несколько монахов и солдат. Их Начальник падает перед Рэбой на колени.

Начальник. Господин канцлер! Ваша светлость! Сам дьявол посетил нас!

Рэба. Что такое? Какой дьявол?

Начальник. Он унес Арату!

Рэба. Что-о?

Начальник. Я сам видел, собственными глазами! Он прилетел... Все залилось адским светом! Дьявол пал на башню с небес, распахнул над нами непомерные крылья, дунул горячим воздухом, схватил Арату и вместе с ним исчез!..

Окана. Подлый лжец!

Начальник. Не я один видел... Все видели!

Солдаты и монахи. Точно! Мы все видели!

Начальник. Мятежника Арату дьявол уволок с вершины башни!

Пауза.

Кондор. Разрешите откланяться. *(Уходит.)*

Рэба. Все — вон!

Монахи и солдаты, толкаясь, выбираются из апартамента. Рэба садится за свой стол, подпирает голову рукой, думает. Окана пристально смотрит на него.

Рэба. Дьявол... Дьявол. Как сказал этот дурак Цупик? «Им нечистая сила помогает...»

Окана. Страшное дело!

Рэба. Да, страшное дело... опасное дело... Если он и такое может, то опаснее не придумаешь...

Окана. О ком ты? Ты что-то знаешь, да?

Рэба. Сыск — дело великое. Вот так следишь-следишь за человеками, глядь — и на дьявола наткнешься... Да, опасно, опасно... Ах, изловить бы его да за жабры и на сковородку, а? Или оставить, пренебречь, ничего, мол, не знаем, удивляемся и только... Нет, это нельзя. Надо крючочек подыскать... Только клюнет ли? И если клюнет, то на что?

Окана. Слушай, я боюсь, перестань...

Рэба. Бойся, бойся, сейчас самое время. Ну-ка, поди сюда...

Окана подсаживается к нему вплотную. Он что-то шепчет ей, опасливо поглядывая на зрительный зал.

ЗАНАВЕС

Картина третья

Гостиная в нижнем этаже дома, где поселился Румата. Уно, слуга Руматы, мальчик лет шестнадцати, мрачноватый и угрюмый, ходит с пыльной тряпочкой и щеткой, занимается уборкой. Внезапно настораживается, бросает тряпку и щетку, спешит к дверям. Входит темный как туча Румата, молча сбрасывает на руки Уно шляпу и плащ, валится в ближайшее кресло.

Румата. Принеси воды. Вина с водой. Живо.

Уно. Может, кушать будете?

Румата. Воды, я тебе сказал! Пошел! *(Уно уходит.)* Будь оно все проклято! *(Вскакивает, принимается расхаживать по комнате.)* Люди! Это — люди? Что в них человеческого? Одних режут прямо на улицах, другие покорно ждут своей очереди... И каждый думает: вот его — за дело, а меня — не за что, я хороший... Нет, мало того, еще и приговаривает: так его, так его, режьте, чтобы другим неповадно было! Исступленное зверство тех, кто режет, и испуганная благонамеренность тех, кто смотрит... Десять человек стоят, блаженно пуская слюни от преданности, а один подходит, выбирает жертву

и режет. Души этих людей полны нечистот, и каждая капля пролитой на их глазах крови загрязняет их все больше и больше...

Румата замолкает. словно бы издалека, нарастая, накатывается рев толпы, в котором различаются истерические вопли: «Бей, бей!», «Огня! Больше огня!», «Ура, Серые Роты! Ура, дон Рэба!», «Режьте, бейте, жгите!». Рев нарастает, достигает нестерпимой громкости и разом обрывается. Румата трясет головой, словно отгоняя страшное видение.

Румата. Пулемет бы сюда, пулемет!.. Свинцом по серой сволочи, по бледненькой роже дон Рэбы, по окнам его прокисшей от крови канцелярии!.. Это было бы сладостно. Это было бы настоящее дело...

Румата возвращается в кресло, сжимается, прикрыв лицо ладонью. В гостиной темнеет. И из тьмы гулко раздается голос Кондора.

Кондор. Итак, мы хотим стрелять?

Румата. Да.

Кондор. В кого?

Румата. В этих мерзавцев. В дон Рэбу. В бакалейщика Цупика.

Кондор. За что?

Румата. Они убивают все, что мне дорого...

Кондор. Они не ведают, что творят.

Румата. Они ежедневно, ежечасно убивают будущее!

Кондор. Они не виноваты. Они — дети своего века.

Румата. То есть они не знают, что виноваты? Но мало ли чего они не знают! Я, я знаю, что они виноваты!

Кондор. Тогда будь последовательным. Признай, что придется истребить многих.

Румата. Не знаю, может быть, и многих. Одного за другим. Всех, кто поднимает руку на будущее...

Кондор. Это уже было. Травили ядом, бросали в царей самодельные бомбы. И ничего не менялось...

Румата. Нет, менялось! Так создавалась стратегия революции!

Кондор. Нам не надо создавать стратегию революции. Мы владеем ею в совершенстве, она перешла к нам от великих предков, от первых коммунаров. А тебе хочется просто убивать!

Румата. Да, хочется.

Кондор. А ты умеешь?

Румата. Не знаю... Но здесь звери ежеминутно убивают людей. И здесь все бесполезно. Знаний не хватает, а золото теряет цену, потому что опаздывает...

Кондор. Мы пришли сюда, чтобы научиться помогать этому человечеству, а не для того, чтобы утолять свой справедливый гнев. Если ты слаб — уходи. Возвращайся домой. В конце концов, ты не ребенок, ты знал, на что идешь...

Пауза. Гостиная вновь освещается. Входит Уно с подносом, на подносе сверкает чаша с водой.

Уно. Там девка какая-то пришла. А может, дон. По обращению вроде девка — ласковая, а одета по-благородному... Красивая... (Румата медленно поднимает голову, глядит на него, тот ухмыляется.) Прогнать, что ли?

Румата. Балда ты. Я тебе прогоню. Где она? (Вскакивает.) Проведи сюда, быстро!

Уно выходит и возвращается с Кирой. На Кире пышное платье «благородного» покроя, она чувствует себя в нем довольно неловко. Румата спешит к ней навстречу.

Румата. Кира! Вот кстати, вот кстати!

Кира. Здравствуйте, дон Румата.

Румата. Безобразница, мы же договорились...

Кира. Ну пусть — Румата. Просто Румата. *(Озирается.)* Вот, значит, как вы живете...

Румата. Постой, постой... *(Оглядывает ее.)* Какая ты нарядная сегодня!

Кира. Вот... Всю свою копилку в ход пустила. Продавец сказал, что все придворные дамы так теперь наряжаются... Правда, великовато оно мне было, так я к знакомой портнихе снесла... А теперь ничего, правда? Не сравнить, как я в простонародном хожу...

Румата. Гм... Да, пожалуй... Однако что же это мы? Садись. *(Он подводит ее к дивану, садится в кресло рядом, звонит в колокольчик. Вбежавшему Уно.)* Сладостей, воды фруктовой, быстренько...

Уно выбегает.

Кира. А я шла от портнихи... дай, думаю, зайду, посмотрю, как дон Румата живет...

Румата. И молодец. Могла бы и раньше зайти. Сколько мы не виделись? Постойка...

Кира. Двадцать четыре дня.

Пауза. Уно приносит на подносе угощение, ставит на стол, уходит.

Румата. Угощайся, придворная дама.

Кира. Благодарствуйте, благородный дон... *(Щепотно берет пирожное, откусывает.)* А что же вы?

Румата. Не хочу, не люблю сладостей... Как у тебя дома?

Кира. Лучше не спрашивайте. Озверели они все.

Румата. Кто?

Кира. Все они. Одно слово — «Серая Радость». В вине захлебываются, топорами размахивают, грозятся... Ах, не хочу я о них, дон Румата...

Румата *(берет ее за руку)*. Просто — Румата. Ручка у тебя маленькая, мягкая... Лапка...

Кира. Не надо... Румата. А то я...

Румата. Что?

Кира. Заплачу, вот что... *(Достает платок, отвернувшись, промакивает глаза.)* Вот всегда так... Какой-то вы...

Румата. Ну-ну, не надо, Кира, девочка...

Кира. Отец меня теперь от греха подальше к гостям не высылает, так я все дни у соседки сажу, домой только ночевать... И знаете, я у нее книгу одну прочитала, поэта Гура сочинение... Всё как есть в стихах... «Поэма о горном цветке» называется. Читали?

Румата. Угу...

Кира. Там про то, как благородный принц полюбил прекрасную, но дикую девушку из-за гор. Она была совсем дикая и думала, что он бог, и все-таки очень любила его. Потом их разлучили, и она умерла от горя.

Румата. Это замечательная книга.

Кира. Я даже плакала. Они так любили, они так любили...

Румата. Да. Любить они умели, раз умерли от любви.

Пауза.

Румата. Кира, а ты хотела бы, чтобы тебя полюбил прекрасный принц?
Кира (*со вздохом*). Что толку хотеть? Прекрасный принц меня не полюбит.

Румата. А если принц... гм... не прекрасный?

Кира. Нет. Мой принц — прекрасный.

Румата. Ага, значит, принц все-таки есть?

Кира. Есть.

Румата. Ну если он есть, то обязательно полюбит. Тебя нельзя не полюбить.

Кира встает.

Кира. Зачем вы меня мучаете? Все знаете и мучаете...

Идет к выходу. Румата бросается за нею, хватая за плечи, поворачивает к себе.

Румата. Ну прости меня... Прости. Все, все знаю. Знаю и...

С громом каблучным в гостиную вваливается Аба, краснорожий, в подпитии, с боевым топором в руке. Румата отпускает Киру.

Румата. Ты что это, любезный? Кто это тебя пустил?

Аба, не обращая на него внимания, подходит к Кире, хватая ее за руку и рывком тянет за собой.

Аба. А ну, домой, живо!

Кира. Пусти... (*Пытается вырваться.*)

Румата. Отпусти девушку, любезный!

Аба. Я вам не любезный, благородный дон! Я нынче солдат господина канцлера, его светлости! Я нынче на благородных-то поплеываю! (*Кире.*) Ну, сама пойдешь или волоком тянуть?

Кира вырывается, отскакивает от него.

Кира. Никуда не пойду!

Аба. Ах ты, шлюха, подстилка дворянская!

Делает к ней шаг, но тут Румата хватая его за шиворот и закатывает ему оглушительную затрещину. Аба, выронив топор, катится по полу, ложится ничком и замирает. Румата смотрит на свои руки, взглядывает на Киру и снова на свои руки. Медленно подходит к лежащему Абе, наклоняется.

Румата. Послушай...

Аба (*плаксиво*). Не бейтесь, благородный дон, не надо...

Румата. Ты не ушибся?

Аба. Больно же, благородный дон, не бейтесь...

Румата снова глядит на свои ладони, с гадливостью вытирает их о штаны. В этот момент вбегает запыхавшийся Уно.

Румата. Ты где был? Почему впустил?

Уно. Да коня чистил вашего, а тут сосед прибегает, говорит, серые в дом ворвались... *(Наклоняется, берет Абу за шиворот.)* А ну, поднимайся, чего разлегся?

Аба поднимается, заслоняясь локтями от Руматы.

Аба. Вы меня лучше не бейте, благородный дон...

Румата. Да не буду, не буду, не бойся...

Аба. Я ведь что? Отец сестренку ищет... Туда-сюда, к соседке — нет ее! Ну я и смекнул, где она может быть...

Румата. Вот что, любезный. Если ты еще раз схамишь Кире...

Аба. Да нет же, благородный дон, это ведь как получилось? Отец, значит, ее хватился. Ну, туда-сюда...

Кира. Я пойду, дон Румата.

Румата молчит. Кира, ни на кого не глядя, выходит.

Аба. Я, значит, что? Я, значит...

Румата достает золотой, сует ему в руку.

Румата. Ступай, любезный. И смотри мне!..

Аба *(осклабясь)*. Да ни в жисть! Покорно благодарим, благородный дон...

Подхватывает топор, выскакивает вон. Уно выходит следом. Румата стоит некоторое время, разглядывая ладони, затем подходит к столу, задумывается. Размышления его прерываются негодующими криками Уно и благодушным басистым ревом Будаха за сценой.

Будах. Пошел, пошел, мальчишка, отдавлю уши!

Уно. Нельзя к нему, говорят вам!

Будах. Брысь, не путайся под ногами!

Уно. Да нельзя же... Ох!

В гостиную вваливается Будах, волоча за собой вцепившегося в него Уно.

Румата. Отец Будах! Как вы очутились в городе, дружище? Уно, оставь отца Будаха в покое...

Будах. На редкость въедливый мальчишка... *(Приближается к Румате с распростертыми объятиями.)* Но верен, верен, ничего не скажешь... Дайте мне обнять вас! *(Они обнимаются.)* Я вижу, вы совершенно трезвы, мой друг... *(Оглядывает стол.)* Ну еще бы... Впрочем, вы всегда трезвы. Счастливец!

Румата. Садитесь, мой друг. Уно, заberi отсюда сладости и подавай обед!

Уно. Ученый человек, а дерется. Срам какой.

Будах. Па-шел, волчонок, делай, что тебе хозяин велел... Да принеси пива! Я вспотел, мне нужно возместить потерю жидкости!

Уно, ворча себе под нос, удаляется. Румата и Будах усаживаются за стол.

Румата. Как вы здесь оказались, отец Будах? Ведь вам опасно появляться в городе, капитан Цупик и дон Рэба ищут вас.

Будах. А, вздор! Мне надоело сидеть в вашей Угрюмой Берлоге. Захотелось проветриться... Между прочим, на днях мне удалось установить интереснейшую вещь. Хотя боюсь, для вас это будет не совсем...

Румата. Ничего, я с удовольствием выслушаю вас...

Входит Уно, принимается накрывать на стол.

Будах. Вы представляете себе треугольник, у которого один угол равен четверти окружности?

Румата. Гм... Представляю.

Будах с сомнением глядит на него. Уно фыркает.

Будах. Ну хорошо. Так вот, мне удалось доказать, что сумма площадей квадратов, построенных на коротких сторонах такого треугольника... Вы следите за моим рассуждением?

Румата. Самым внимательным образом.

Уно опять фыркает.

Будах. Так вот. Сумма этих площадей в точности равна площади квадрата, построенного на длинной стороне. А?

Румата *(с искренним восхищением)*. Вы молодец, отец Будах!

Будах. Значит, вы меня все-таки поняли? В жизни еще не встречал такого толкового дворянина. Как правило, все вы — непроходимое дубье. Впрочем, вы с самого начала показали мне личность незаурядной...

Уно. А зачем это?

Румата. Что — зачем?

Уно. Да вот суммы эти... квадраты...

Будах. Дубина молодая.

Румата. Я после объясню тебе, Уно. Ступай.

Уно выходит, покачивая головой и посмеиваясь.

Будах. Разрешите, мой друг... *(Разливает по стаканам пиво, залпом выпивает.)* Недурное пиво... О чем бишь я?

Румата. Вы говорили... *(Неожиданно с силой бьет ладонью по столешнице.)* Черт бы вас всех подрал!

Будах. Что с вами, друг мой?

Румата. Таракан! *(Щелчком сбивает таракана со стола.)* Весь этот город заражен тараканами. Спасенья никакого нет.

Будах. Будто у вас в Эсторе нет тараканов!

Входит Уно.

Уно. Там какая-то дона заявила, вас спрашивает...

Румата *(встает)*. Она?

Уно. Нет. Другая совсем. Настоящая сука из благородных.

Будах хохочет.

Румата. Я тебя когда-нибудь выпорю. Проси!

Уно выходит. Входит дона Окана.

Румата. Дона Окана!

Окана. Она самая, благородный дон! Отчаявшись заполучить вас к себе на вечерние блистания, отважилась посетить жилище кавалера разочарованного, обрекшего себя одиночеству...

Румата. Радость нечаянная вдвойне говорит разбитому сердцу... *(Церемонно подводит Окану к столу и усаживает в кресло.)* Осмелюсь просить вас, прекрасная дона, вкусить от скудной пищи моей и от скудного пития моего...

Будах придвигается к Окане.

Окана. От ваших щедрот готова с благодарностью сердечной принять хотя бы и яд смертельный, но — увы мне! — я только недавно из-за стола. Но вы, благородный дон, не мешайтесь моим присутствием и вновь обратите поток благоволения вашего на оставленного в небрежении друга...

Румата. Да, прошу извинения... гм... Позвольте представить вам, прекрасная дона, моего старого знакомого, высокоученого монаха...

Будах *(кладет руку на руку Оканы)*. Барон шутит. А скорее всего, ревнует. Никакой я не монах, и мне можно все, что остальным мирянам. Прекрасная дона, меня зовут Будах... *(Румата под столом с силой бьет его носком сапога по лодыжке. Будах подскакивает на месте.)* Ох! Какого дьявола, барон? Вы что — с ума спятили? *(Трет лодыжку.)* Да, я — Будах, математик и поэт, и этим горжусь, хотя гиена эта, дон Рэба, нас терпеть не может... И еще я немножко колдун, если угодно.

Окана. И немножко государственный преступник, да? Я наслышана о вас, достопочтенный Будах.

Будах. Надеюсь, вам говорили обо мне в лестном смысле...

Окана. О да. Мне говорили, что вас разыскивает капитан Цупик.

Будах. Серый хам.

Румата. Отец Будах, мой друг, позвольте представить вам прекрасную очаровательницу и первую даму Арканара дону Окану, возлюбленную наперсницу и confidentку орла нашего и канцлера дона Рэбы!

Будах отдергивает руку от Оканы. Некоторое время, раскрыв рот, смотрит на Окану, затем на Румату и снова на Окану.

Будах. Ничего себе — приятное знакомство!

Окана. Вы разочарованы?

Будах *(снова кладет руку на руку Оканы)*. Наплевать. Пусть меня сколько угодно разыскивают за стенами этого дома. В конце концов надо признать, что у этого вашего зловещего кретина совсем недурной вкус.

Окана. У какого кретина?

Будах. У зловещего. У вашего дона Рэбы. Так вот, пусть они там себе разыскивают, а мы здесь хорошенько повеселимся. Правда, мы, ученые, не в чести у благородных дур, но уверяю вас, моя красавица, я могу, я очень даже могу... Барон подтвердит.

Румата. Да, отец Будах даст сто очков вперед самому галантному кавалеру Арканара.

Будах. И постарается тут же, не сходя с места, это доказать... *(Оглядывает стол.)* Благородный дон, а нет ли в ваших погребах чего-либо более пикантного, нежели пиво?

Румата. Отличная мысль. *(Звонит в колокольчик. Вбежавшему Уно.)* Подай вина. Эсторского, моего.

Окана. Фи, эсторское... Слишком сладко и крепко.

Румата. Даме подашь ируканского. А нам с отцом Будахом — моего. И быстро.

Окана. Я согласна, будем веселиться. Но если под сень веселья беззаботного, когда забудем мы о мире горьких слез под властью поцелуев и вина, сюда явятся серые штурмовики...

Будах. Ну не советую я им являться сюда, когда я буду под властью поцелуев и вина...

Окана. Вы будете драться? Как интересно!

Будах. Мечом, правда, я владею средне, но в доме наверняка найдется что-нибудь вроде дубины. В молодости я неплохо дрался на дубинах... *(Мечтательно.)* Видели бы вы, как я проломил башку этому ослу, казначею Барканского монастыря! А он был большой мастер подраться! А как вы, барон?

Румата. Что — я?

Будах. Как вы на дубинах?

Румата. Как-нибудь мы с вами попробуем. Надеюсь в грязь лицом не ударить...

Окана. Фи, благородный дон! На дубинах!

Входит Уно с бутылками. Румата принимает у него бутылки, разглядывает.

Румата. Так... Это ируканское, для прекрасной дамы. *(Ставит перед Оканой стакан, наполняет.)* А это — эсторское, для крепких голов и грубых желудков мужчин. *(Наливает Будаху и себе.)* Итак, за прекрасную даму!

Окана. Благодарю, благородный дон... *(Пьет маленькими глотками.)*

Румата подносит свой стакан ко рту, кося глазом на Будаха. Тот крикает, набирает воздух и выпивает залпом. Лицо его вытягивается, глаза вытаращиваются. Он заглядывает в стакан, затем смотрит на Румату.

Будах. Дьявольщина! Какого черта, барон... *(Румата пинает его под столом.)* Ох! Ну... Да, крепко, крепко, ничего не скажешь. Глаза на лоб лезут... *(Осторожно ставит стакан на стол.)* Боюсь, барон, что еще один такой стакан — и мне конец.

Румата осушает свой стакан и сейчас же снова наполняет все стаканы.

Румата. Угощайтесь, отец Будах. Угощайтесь, мой славный друг.

Будах. Благодарю вас, мой друг. Дайте передохнуть.

Окана. Неужели так крепко?

Будах. Это только мы можем выдержать, очаровательница... *(Пытается обнять Окану за талию, та увертывается.)*

Окана. Вы слишком нетерпеливы, отец Будах... Лучше ответьте мне на один вопрос.

Будах. Хоть на сто, моя прелесть!

Окана. Вы ведь поэт, не так ли? Скажите, как это сочиняют стихи?

Будах. М-м? Вы слышите, дон Румата? Ее интересует, как сочиняют стихи! Нет уж, это не меня надо спрашивать. Спросите лучше барона. После того как он прочел мне несколько своих стихотворений, я не смею называться поэтом в его присутствии...

Румата. Отец Будах, вы смущаете меня, друг мой.

Будах *(залпом осушает стакан)*. Ер-рунда!

Окана. Так вы тоже поэт, благородный Румата?

Будах. И еще какой! Возьмите, например...

Белеет парус одинокий
 В тумане моря голубом.
 Что ищет он в стране далекой?
 Что кинул он в краю родном?

(Роняет голову на руки, бормочет.) Написать это и умереть...

Окана. Восхитительно!

Будах. Но и я кое-что могу! (*Берет Окану за руку, проникновенно.*) «Зачем увяли все цветы в саду таинственном любви?..» Ну и так далее. А?

Окана. Очень мило...

Будах (*отпускает ее руку*). Впрочем, разумеется, сильная сторона отца Будаха не в этом. Налейте, дон Румата.

Румата наполняет его стакан. Будах выпивает залпом.

Будах. Отец Будах кое-что может. Только больше не хочет. Да! Потому что все получается навыворот. А кто виноват, что навыворот?

Окана. Кто?

Будах. Он! Гиена наша дон Рэба! Вот смастерил я одно дело. Проволока с колючками. Скотный двор от волков. Хорошо. Еще — умнейшая штука, мясокрутка. Нежный мясной фарш. Прекрасно. А дон Рэба... Колючка, грит? Колючка. От волков? От волков. Хорошо, грит, молодец ты, отец Будах. И оплел колючкой рудники, чтобы рабы с рудников не бегали... Мясокрутка... И мясокрутку мою забрал. В башню. И теперь из грамотеев и мужиков нежный фарш делает... Очень, говорят, способствует...

Он хватается бутылку и пьет прямо из горлышка.

Окана (*тихо, Румате*). Ваш друг упился, благородный дон, я покину вас с вашего разрешения...

Румата. Ни в коем случае. Ведь вы пришли ко мне?

Окана. Да, я хотела поговорить с вами...

Румата. Я сейчас все устрою... (*Будаху.*) Отец Будах, мой друг, вам следует отдохнуть с дороги.

Будах. Отдохнуть? Мне?

Румата. Непременно.

Будах. Оставить эту прекрасную даму, эту очаровательницу?

Окана. Мы еще увидимся с вами, почтенный отец Будах.

Будах. В таком случае... Хорошо. Барон, она прекрасна, как заря. Вы верите?

Румата. Конечно, верю... (*Звонит в колокольчик.*) Уно, постели отцу Будаху наверху, в моем кабинете. Да скажи... (*Притягивает Уно к себе, что-то шепчет на ухо. Тот быстро-быстро кивает.*) Ступайте, отец Будах, отдыхайте спокойно.

Будах (*встает, пошатываясь*). Правильно. Пора на покой. Н-но! Я — отец Будах по прозвищу Будах Арканарский. Вот так. И пусть мне принесут к ложу моему кувшинчик пива. На всякий случай. Временно оставляю вас, превосходные дамы и господа...

Уно уводит Будаха. Окана пересаживается поближе к Румате.

Окана. Наконец-то мы одни. Вы рады, благородный дон?

Румата. Я рад видеть вас и наедине, и в обществе друзей...

Окана. У вас забавные друзья, мой милый Румата.

Румата. Вы находите?

Окана. Забавные и... очень опасные.

Румата. Возможно. Если дону Рэбе станет известно... Но я полагаюсь на вашу скромность, прекрасная дама.

Окана. Благородный дон, вам нечего опасаться. Конечно, доносить модно, в Арканаре все доносят друг на друга, но сейчас...

Румата. Да?

Окана. Во-первых, сейчас все обстоит наоборот.

Румата. Не понимаю, дона Окана.

Окана. Ну... неизвестно, чей донос был бы страшнее.

Румата. Я все-таки не понимаю.

Окана. Глупый мальчишка! Если дон Рэба узнает, что я была у вас, мне конец!

Пауза.

Румата. Гм... Он так ревнив, ваш дон Рэба?

Окана. А ты полагаешь, что ты недостойн ревности?

Румата. Не знаю... Никогда об этом не думал...

Окана (*грозит пальцем*). Лицемер! А дуэль с доном Сэрой из-за доны Пифы? А поединок на копьях с доном Тамэо? Да у меня пальцев на руках и ногах не хватит, чтобы сосчитать...

Румата. Я ни разу не был зачинщиком, поверьте мне, дона Окана!

Окана. Вот именно. Ты получал мои письма?

Румата. Д-да...

Окана. Ты не ответил ни на одно мое письмо!

Румата. Поверьте...

Окана. Ты вынудил меня прийти сюда, бессердечный, ты сделал это нарочно!

Румата. У меня и в мыслях не было...

Окана звонит в колокольчик.

Окана (*вбежавшему Уно*). Никого не впускай и не входи сам, пока не позовут. Ступай! (*Уно медлит, поглядывая на Румату.*) Ну? Я кому сказала?

Румата. Ступай, Уно... (*Уно уходит.*) Я преклоняюсь перед вашей красотой, прекрасная дона, но я никогда не подавал повода...

Окана. Повод подаю я. Понимаешь? (*Обнимает его.*) Какой повод тебе еще нужен?

Румата крепко целует ее.

Румата. Повод ослепительный, что и говорить... (*Вытирает губы, смотрит на пальцы.*) Почему вы все так краситесь?

Окана. Все? (*Вскакивает.*) Кто еще?

Румата. Нет-нет, не надо меня ревновать. Это я так, к слову пришлось... Все же, чем изводить столько краски, лучше бы мылись почаще.

Окана. Вы издеваетесь надо мной, кавалер?

Румата. Вовсе нет. Просто вы захватили меня врасплох.

Окана. А что мне было делать? Я устала ждать!

Румата. Вы увлекаете меня на опасный путь, дона Окана.

Окана. Для тебя я просто Окана. Ты что — боишься?

Румата. Признаться, да.

Окана. Дона Рэбу?

Румата. Признаться, нет.

Окана. Тогда чего же... (*Приникает к нему.*) Я извелась, я потеряла стыд, пожалей меня!

Пауза.

Румата. Я могу пожалеть тебя. Только...

Окана. Что?

Румата. Ты погибнешь.

Окана в ужасе отшатывается.

Окана. Как... Почему я погибну?

Румата. От любви. С непривычки. Для маленьких душ это слишком большая нагрузка.

Окана. Нет, ты все-таки издеваешься...

Румата. Прости, я просто шучу. Не бойся.

Окана. Я хочу, чтобы ты любил меня.

Румата. А! Это другое дело. Ладно, пусть будет по-твоему.

Охватывает ее левой рукой за плечи, а правой принимается вытирать ее лицо носовым платком. Окана после секундного замешательства принимается отбиваться.

Окана. Пусти!.. Что ты делаешь?

Румата. Не дергайся. Привожу тебя в человеческий вид.

Окана. Пусти! Дьявол! Дьявол!

Румата отпускает ее, отбрасывает платок и критически оглядывает ее лицо.

Румата. Вот. Теперь ты более или менее в норме.

Окана достает зеркальце, смотрится.

Окана. Что ты наделал, исчадие ада? Во что ты меня превратил?

Румата. В живую женщину. Теперь тебя, пожалуй, можно любить.

Окана. Хорошо. Люби.

Румата. Минуточку. Соберусь с силами.

Откидывается на спинку кресла, закрывает глаза. Окана смотрит на него.

Окана. Румата!

Румата. Да, дорогая?

Окана. Я не понимаю... Что я тебе, когда у ног твоих все красавицы мира?..

Румата. Ну это уж преувеличение. Это было бы ужасно, ходить по красавицам...

Окана. Ты что же — вообще не можешь... любить?

Румата (*открывает глаза, резко выпрямляется*). Ну уж нет! Не могу любить? Еще как могу! Очень даже могу, как говорит наш друг отец Будах!

Окана. Я не о том. Я о сердце. У тебя есть сердце?

Румата. Есть. И печень есть. И все остальное, что полагается. Но ты понимаешь... Как бы это тебе объяснить... В самом большом сердце умещается всего одна любовь... Нет, боюсь, тебе этого не понять.

Окана. Почему же? Я все поняла. Я ее видела... Та самая простушка в платье времен прошлого регентства, которая вышла из твоего дома два часа назад... (*Пожимает плечами.*) Право, у мужчин такие странные вкусы...

Румата. На мой взгляд она очень недурна...

Окана. Да, пожалуй... Стройенькая, личико чистое... Моется, наверное, часто...

Румата. Мне тоже так показалось...

Окана. Правда, великоваты руки... и походка как у... как у рыбачки...

Румата. Да, сегодня я тоже это заметил. Должно быть, она не привыкла к дамской обуви...

Окана. Должно быть... И этот ее наряд! Смотреть на нее было забавно и поучительно... *(Наклоняется к Румате, доверительно кладет руку ему на колено.)* Это пройдет быстро, благородный дон. А я умею ждать. Я не буду терять надежды...

Румата. Не уставай надеяться... *(Встает, берет за бутылку.)* Позвольте угостить вас, прелестнейшая донна? *(Разливает по стаканам.)* Совершенно пересохло в глотке...

Окана. Что вы делаете, кавалер? Вы наливаете мне эсторское? Я же сказала вам, что не пью крепкого...

Румата. Я тоже не пью крепкого. Это не эсторское, это клюквенный морс...

Окана. Но...

Румата. Отцу Будаху было необходимо срочно покинуть мой дом. И вообще город. Не мог же я поить его эсторским! Чего доброго, он бы свалился с лошади где-нибудь по дороге... А так он благополучно скачет сейчас по одному из двенадцати Арканарских трактов милях в двадцати от городских стен...

Окана встает.

Окана. До свидания, благородный дон. В вашем обществе я испытала истинное наслаждение, сравнимое лишь с восторгами, кои вызывает у нас пребывание под сенью райских кущ, даруемыми нам — увы! — только во снах наших...

Румата молча кланяется. Окана идет к выходу, разглядывая свое лицо в зеркальце.

Окана *(в дверях)*. Всю краску размазал, дурак... *(Выходит.)*

ЗАНАВЕС

Картина четвертая

Гостиная в доме Руматы. Входит, вытирая на ходу лицо и руки полотенцем, Румата — в цветастых штанах, в чулках и башимаках с пряжками, в расстегнутой до пупа сорочке с кружевными манжетами. За ним следует Уно с барским камзолом в одной руке и с огромным гребнем в другой.

Уно *(ворчит)*. У всех как у людей, только у нас с выдумками... Где это видано — в двух сосудах мыться? В отхожем месте горшок какой-то придумали... Полотенце им каждый день чистое... Простыни подавай накрахмаленные... А сами, не помолившись, каждое божье утро голый по комнате скачут, руками машут, ногами выше головы дрыгают...

Румата швыряет ему полотенце, берет гребень и принимается причесываться.

Румата. Я при дворе, не деревенщина вшивая. Придворный должен быть чист и благоухать.

Уно. У его малолетней светлости только и интересу, что вас нюхать. А вот дон Рэба и вовсе никогда не моются. Сам слышал, ихний лакей рассказывал.. Не моются, зато молятся, во как.

Румата. Ладно, перестань бурчать... Давай камзол... *(Облачается в камзол, неторопливо застегивается.)* Кто-нибудь заходил?

Уно. Из благородных никто не пожаловал... *(Останавливается.)* А вот приходили от рыбника, из пекарни... *(Снова останавливается. Румата вопросительно глядит на него.)* Требуют задолженности погасить. Как сговорились все. И от молочника... и кондитер...

Румата. Так-так-так, интересно... Ты расплатился с ними?

Уно. Еще чего! Будете со всеми расплачиваться — сами без штанов останетесь. Подождут.

Румата. Уно!

Уно. Ну что — Уно? Что — Уно? *(Понизив голос.)* Сами знаете, в городе нынче нехорошо. Не время сейчас долги отдавать. Видите, как они — всем скопом на нас навалились: плати, дескать! Узнали что-то такое, не иначе, заторопились...

Румата. Соображаешь, дружок, это хорошо... Ну что ж, подавай завтрак в таком случае.

Уно. Шпагу вашу я на диван положил... *(Выходит и сразу же торопливо возвращается.)* Кира пришла!

Румата. Кира? Так веди ее сюда, что же ты?

Уно выходит и возвращается с Кирой. Кира одета по-прежнему простолюдинкой, в руке маленький узелок. Румата подбегает к ней, хватая за плечи, глядит в запрокинутое лицо. Уно деликатно удаляется.

Румата. Почему ты плакала? Кто тебя обидел?

Кира. Никто меня не обидел.

Румата. Нет, ты скажи, почему ты плакала?

Кира. Уедем отсюда.

Румата. Обязательно.

Кира. Когда мы уедем?

Румата. Я еще не знаю, маленькая. Но мы обязательно уедем...

Кира. Далеко?

Румата. Очень далеко. Ко мне.

Кира. Там хорошо?

Румата. Там дивно хорошо. Там никогда никого не обижают.

Кира. Так не бывает.

Румата. Бывает.

Кира. А какие там люди?

Румата. Люди? Обыкновенные. Как ты. Как я.

Кира. Все такие, как ты?

Румата. Не все, конечно. Есть много других, гораздо лучше.

Кира. Вот это уж не бывает!

Румата. Вот это уж как раз бывает!

Кира. Почему тебе так легко верить? Отец никому не верит. Аба говорит, что все свиньи, только одни грязные, а другие нет. Но им я не верю, а тебе всегда верю...

За окнами раздается треск барабана и тяжелый грохот марширующих сапог. Кира вздрагивает и прижимается лицом к груди Руматы.

Кира. Я больше не могу дома. Я больше не вернусь домой. Страшно мне дома. Можно, я у тебя служанкой буду? Я даром, мне от тебя ни гроша не надо...

Румата. Успокойся, лапочка... Успокойся...

Усаживает ее в кресло. Входит Уно, принимается накрывать на стол.

Кира. Дом с утра до ночи полон этих... серых... Пьют, песни орут... и всё приводят, приводят... Все пьяней пива, руки у всех в засохшей крови... Вчера приволокли каких-то, семью, видно, целую... старика, двух парней, женщину молодую... Били их, так били, Румата, все кровью забрызгали... Они уж и кричать перестали... Не могу я так, не вернусь, лучше убей меня!

Пауза. Уно, застыв у стола, исподлобья глядит на Румату. Румата поворачивается к нему, негромко.

Румата. Кира будет жить у нас. Отведешь ее в угловой покой. Дашь ей мужское платье... из своего, понаряднее, вы с нею одного роста. Жить будет под видом моего пажа, имя потом придумаем... Если болтать за воротами станешь, язык вырву...

Уно. Еще чего — болтать...

Румата. Вот так-то... *(Кире.)* Ступай, маленькая, переоденься, прическу перемени и приходи сюда, будем завтракать...

Кира. В мужское? Так ведь грех это... И не сумею я...

Румата. Этот грех простится тебе... а Уно поможет.

Кира. Не хочу! Он не маленький, как он мне помогать будет?

Уно фыркает, мотает головой.

Румата. Не капризничай!

Кира. Я даже при брате родном переодеваться не стала бы, а при Уно и подавно... Не маленький он — помогать мне одеваться!

Румата. Ладно. Очевидно, самый маленький здесь — я. Пойдем, я тебе помогу.

Кира. Ой, не надо, Румата, что ты? Сама я... *(Поворачивается к Уно.)* Давай свои штаны...

Уно. Пойдем...

Кира и Уно уходят. Румата подходит к столу, барабанит по скатерти пальцами.

Румата. Все дорогое, что у нас есть, должно быть либо далеко на Земле, либо внутри нас. Чтобы его нельзя было отобрать у нас и взять в качестве заложника... Кира, ах, Кира, Кира... *(Застывает, прислушиваясь.)* Что такое?

Входит Уно, держась за щеку.

Уно *(мрачно)*. Все исполнено. Дал ей одежду.

Румата. Что случилось?

Уно. Ничего не случилось. Стал показывать, как штаны зашнуровывать... главное, сама же попросила показать... а она как вцепит!

Румата. Значит, неделикатно показывал.

Уно. Чего там — неделикатно...

Румата. Ладно, ступай. Да никого в дом не пускай. Хоть герцог, хоть черт, хоть сам дон Рэба!..

Уно уходит. В ту же секунду с другой стороны в гостиную входит сгорбленный монах в черной рясе с капюшоном, надвинутым на лицо. Румата круто поворачивается к нему.

Румата. Кто ты такой? Кто тебя пустил?

Монах (*откидывает капюшон*). Доброе утро, благородный Румата.

Румата. Ловко! Добрый день, славный Арата. Почему вы здесь? Что случилось?

Арата. Все как обычно. Моя крестьянская армия разбрелась, все делят землю, на Арканар идти никто не хочет. Маршал Тоц собирает своих недобитых латников и скоро развесит моих мужиков вверх ногами вдоль Приморского тракта. Все как обычно.

Румата. Понятно... Садитесь, Арата. (*Арата садится за стол, Румата придвигает к нему кушанья.*) Подкрепляйтесь.

Арата. Благодарю... (*Принимается за еду.*) Иногда мне кажется, что мы бессильны. Я — вечный главарь мятежников, и я знаю, что вся моя сила в необыкновенной живучести... (*В гостиную тихо входит Кира и останавливается. Арата и Румата не замечают ее. Она уже в мужском костюме, волосы подобраны под берет.*) Но эта сила не помогает моему бессилию. Мои победы волшебным образом оборачиваются поражениями. Мои боевые друзья становятся врагами, самые храбрые бегут, самые верные предают или умирают. И нет у меня ничего, кроме голых рук, а голыми руками не достанешь раззолоченных свиней, сидящих за крепостными стенами... (*Отодвигает тарелку.*) Спасибо, благородный Румата.

Румата. Как вы здесь очутились?

Арата. Приплыл с монахами.

Румата. Вы с ума сошли. Вас же так легко опознать...

Арата. Только не в толпе монахов. Половина из них юродивые или увечные, как я. Калеки угодны богу.

Румата. Ну хорошо. И что же вы намерены делать? Свести счеты с доном Рэбой?

Арата. Счеты? (*Смотрит на свои пальцы.*) Да, он вырвал мне ногти в своей канцелярии, когда я попался к нему в первый раз, и хотел четвертовать меня, когда я попался во второй... Но мало ли с кем у меня счеты? С соанскими богатеями — они выжгли мне клеймо на лбу... С каким-то бароном из метрополии — он выбил мне глаз булавой в битве под Эстором... С графом Убанским — у меня горб от его железных палок... Нет, дело не в моих счетах. Но дон Рэба зарвался. Не пройдет и года, как простой люд герцогства Арканарского полезет из своих нор с вилами и топорами — драться с серой сволочью. И снова поведу их я, чтобы они били тех, кого надо, а не друг друга и всех подряд...

Румата. Вам понадобятся деньги...

Арата. Да, как обычно. И оружие... (*Вкрадчиво.*) Дон Румата, помните, после моего чудесного спасения на ваших крыльях вы рассказали о себе... даже показали в небе звездочку, откуда вы к нам явились... Признаться, я был огорчен. Я ненавижу попов, мне было горько, что их лживые сказки оказались правдой. Но бедному мятежнику надлежит извлекать пользу из любых обстоятельств. Попы говорят, что боги владеют молниями... Дон Румата, мне очень нужны ваши молнии, чтобы разбивать крепостные стены.

Пауза.

Румата. Это невозможно. У меня нет молний.

Арата. Тогда дайте мне ваши крылья... Нет? Ладно, мы еще вернемся к этому разговору. (*Поднимается.*) Мне пора, благородный дон. Спасибо за угощение.

Румата молча достает из стола мешочек с деньгами. Арата так же молча берет мешочек, прячет за пазуху и поворачивается, чтобы идти. Останавливается.

Арата (*не оборачиваясь*). Между прочим, дон Румата...

Румата. Да?

Арата. Я знаю, богам люди не страшны... но хочу все же предупредить вас: дон Рэба что-то готовит. Надвигается гроза.

Румата. Вот как?

Арата. Монахи. В Арканар съехалось множество монахов. Большинство иноземцев.

Румата. Это интересно...

Арата. У многих монахов под рясами оружие...

Румата. Вы опасаетесь переворота?

Арата. Опасаюсь? Я? Серые или черные — не все ли равно, кого рубить?

Арата уходит. Румата глядит ему вслед, затем оборачивается и видит Киру, которая во все глаза смотрит на него. Он быстро подходит к ней.

Румата. Ну как, переделась? Ты знаешь, тебе идет...

Кира. Румата, я все слышала!

Румата. Что ты слышала?

Кира. Румата, это правда? Ты правда бог с далекой звезды?

Румата. Ну что ты, дурочка, какой же я бог?

Кира. Но он говорил...

Румата. Ты не поняла. Это было иносказание.

Кира. Но ведь он...

Румата. Про молнии и про крылья... Это он все в духовном смысле. Крылья души, молнии мысли, звезды надежды...

Кира садится в кресло.

Кира. Иногда я не могу понять, почему ты не бьешь меня.

Румата. То есть как это — почему не бью? Разве тебя можно бить?

Кира. Ты не просто добрый, хороший человек. Ты еще и очень странный человек. Ты действительно словно архангел. Без иносказаний...

Румата. Ты помнишь «Поэму о горном цветке»? Прекрасная дикарка тоже думала, что он — бог...

Кира. И все-таки любила его...

Румата садится рядом с Кирой, обнимает за плечи.

Румата. Бедная моя дикарка. Тебе так хочется, чтобы я был богом? И не страшно?

Кира. Когда ты со мной, я делаюсь смелой. Сейчас вот я смелая. И я спрашиваю тебя, Румата: ты — не сейчас, а потом, когда все уладится, — расскажешь мне о себе?

Пауза.

Румата. Да. Когда-нибудь я расскажу тебе все, маленькая.

Кира. Я буду ждать... А сейчас, если можно... *(Утыкается лицом в его грудь.)* Поцелуй меня...

Румата целует ее. С трудом отрывается, встает, трясет головой.

Румата. Не время... Кира, ах, Кира, не время сейчас... *(Звонит в колокольчик. Вбегает Уно.)* Уно, слушай меня внимательно. Быстро, собери необходимое из вещей, возьми все деньги, что есть в доме, седлай коней. Выбирайтесь с Кирой из города, скачите в Угрюмю Берлогу, там располагайтесь и ждите...

Кира вскакивает, подбегает к нему.

Кира. А ты?

Румата. Мне нужно быть здесь... Обо мне не беспокойтесь. Ждите меня четыре дня. Если не дам о себе знать, тогда... ты слушаешь, Уно?

Уно. Слушаю, хозяин.

Румата. Если через четыре дня я не дам о себе знать, полезай в подпол...

Уно пятится, выставив перед собой дрожащие руки.

Уно. Не надо, хозяин... я не смогу...

Румата. Молчи, дурак! Слушай, что тебе говорят!..

Он обрывает себя, прислушивается. За окнами гостиной возникает многоголосый рев. На стеклах вспыхивают отблески багрового пламени. Румата подбегает к окну, всматривается.

Румата. Так, дело дрянь. Похоже, началось... Уно, Кира, бегом на чердак, уходите по крышам...

Кира. Румата!

Румата. Спокойно, маленькая, спокойно... Уно, что же ты стоишь, как столб? Бегите, я прикрою... *(Хватает с дивана шпагу.)* За меня не бойтесь, бегите!

Множественный грохот сапог. Что-то с треском рушится за сценой, в гостиную вбегают штурмовики во главе с Цупиком.

Румата. Назад!

Штурмовики в замешательстве останавливаются.

Цупик. Дон Румата, вы арестованы! Именем герцога! Отдайте оружие!

Румата. Возьмите!

Цупик. Взять его!

Штурмовики разом кидаются на Румату. Кира визжит. Несколько секунд длится свалка, затем штурмовики откатываются. Румата, слегка встрепанный, стоит на прежнем месте со шпагой в руке, возле него на полу валяются несколько топоров.

Румата. Сунетесь еще раз — буду отрубать руки! А ну, прочь отсюда!

И тут Цупик одним прыжком подскакивает к Кире, хватая за плечо и упирает ей в бок шпагу. Уно пытается помочь Кире, но падает от здорового пинка и замирает ничком, подвернув под себя руки.

Цупик. Бросай оружие, благородный дон, не то я продырявлю кишки этой твоей девке в штанах!

Кира. Отпустите! Отпусти меня, подлый человек!

Румата. Отпусти ее, Цупик...

Цупик. Как бы не так! Ей и со мной хорошо...

Штурмовики гогочут. Румата делает осторожный шаг к Цупику.

Цупик. Стоять на месте!

Румата. Тебе будет плохо, бакалейщик.

Кира (*пытаясь вырваться*). Бей их, Румата! Не давайся им, они тебя убьют!

Цупик. Не дергайся, тварь!

Кира. Бей их, бей! Пусть лучше я умру! Бей!

Цупик. Бросай оружие, барон! Считаю до трех, затем кишки наружу. Ну? Раз...

Румата бросает шпагу. В ту же секунду в гостиную в сопровождении двух монахов в черных рясах входит дон Рэба — прямой, как доска, в сером узком мундире.

Рэба. Ну что тут у вас? Закончили? Связать и ко мне в канцелярию.

Штурмовики осторожно приближаются к Румате, на ходу разматывая веревки. Цупик по-прежнему крепко держит Киру, уперев ей в бок шпагу.

ЗАНАВЕС

Действие второе

Картина пятая

По авансцене перед закрытым занавесом монахи и штурмовики проводят группу связанных горожан, по виду — ремесленников. Двое штурмовиков волокут под руки дворянина в растерзанной одежде, с окровавленным лицом. Проходит с озабоченным лицом Цупик, за ним, цепляясь за полы его серого мундира, семенит Хозяин «Серой Радости».

Хозяин. Верните дочку, господин капитан, не виновата она!

Цупик. Пошел, пошел... Дочь твоя — шлюха, штаны надела, и с нею будет поступлено соответственно...

Хозяин. Ну надела... ну штаны... Я сам ее выдеру... Отпустите ее, сделайте милость, господин капитан...

Цупик. И без тебя найдется кому выдрать... Двести палок по обнаженным мягким местам, больше не на что штаны надевать будет...

Аба в сопровождении двух монахов проводит связанного и избитого Будаха.

Будах. Серая шпана... Сукины дети, мокрицы мокрые... лишай серые!

Аба (*подталкивая его в спину топорищем*). Пой, пой, книгочей, на колу еще и не так запоешь...

Проходят. Занавес раздвигается.

Сцена погружена во тьму. Посередине в луче прожектора сидит Кира, возле нее лежит избитый до бессознательности Уно. Кира держит голову юноши у себя на коленях. Слышится лязг засовов. Кира настороженно поворачивает голову, вглядывается в темноту.

Голос Будаха. Нудная сволочь... бакалейщики вшивые...

Снова лязг засовов.

Кира. Это вы, отец Будах?

Голос Будаха. Я. Кто это там? Черт, ничего не вижу. Ты где?

Кира. Это я, Кира! Сюда, сюда идите!

Связанный Будах вступает в круг прожекторного света.

Будах. Кира? Ты-то как сюда попала?

Кира. Взяли меня... У дона Руматы...

Будах неуклюже, с кряхтеньем садится рядом с нею.

Будах. Вот так так... А меня в трактире... Черт меня дернул в город притащиться... Ну и творится же в городе, я тебе доложу... Ты давно здесь?

Кира. Не знаю... Взяли в полдень...

Будах. Ну сейчас вечер уже... *(Уно стонет.)* Кто это здесь еще?

Кира. Уно. Слуга дона Руматы. Избитый весь, лежит без памяти, а я не знаю, что делать... *(Всхлипывает.)* Боюсь, помрет...

Будах. Эх, руки у меня связаны... Слушай, а ты?

Кира. Что?

Будах. Лапочка, да ты же, поди, не связана!

Кира. Нет...

Будах. Так развяжи меня, что ты сидишь? Вот уж дура, прости меня господи...

Кира принимается на ощупь развязывать Будаха. Вережки падают, Будах с наслаждением распрямляет плечи, потягивается.

Будах. Вот это славно... Вот за это спасибо... Ну мы еще теперь посмотрим, мы им еще выдадим... Ладно. Где тут этот мальчишка? *(Нащупывает голову Уно, принимается осторожно ощупывать его тело. Уно вскрикивает, стонет.)* Так... так... Видно, ребра ему изрядно попортили... Гм... Кровь здесь... Ага!

Кира. Ну что с ним, отец Будах? Он не умрет?

Будах. Не умрет. Парень жилистый, я его знаю... Оторви от юбки лоскут.

Кира. Я... У меня... Я не в юбке, отец Будах...

Будах. Как это — не в юбке? Тебя что, голую взяли?

Кира. Срам вам говорить такое... В штанах я... в мужском...

Будах. Тьфу на тебя... Мне лоскут материи нужен, рану мальчишке перевязать, а она о глупостях... От штанов оторви!.. погоди, я сам сделаю... *(Выпроставляет из штанов нижнюю сорочку, с треском отрывает подол.)* Вот так... А теперь перевяжем... *(На ощупь, но искусно перевязывает юноше рану на голове.)* Бедолага, досталось ему...

Кира. Отец Будах, что с нами будет?

Будах. Меня, наверное, на кол посадят... Или сожгут живьем, это они умеют, час назад своими глазами видел... А за себя, лапочка, не беспокойся. Ну, может, выпорют...

Кира плачет в голос, уткнувшись лицом в его плечо. Он ласково гладит ее по голове. Кира вдруг перестает плакать и выпрямляется.

Кира. Нет! Не даст он вам погибнуть!

Будах. Кто?

Кира. Румата!

Будах. Он что же — спасся? Бежал?

Кира. Нет, его взяли... Сам дон Рэба... Но все равно, он нас всех спасет!

Будах. Да-да, конечно. Дон Румата такой, он все может...
Кира. Я серьезно говорю, отец Будах! Он все может!..

Лязг засовов. Появляется монах с фонарем, приближается к узникам. Будах весь подбирается.

Монах. Мальчик из дома Руматы.

Будах. Здесь он. Только без памяти. Вы ему все ребра переломали.

Монах. Это не есть правда. Ломать ребра — не мы. Серые. Мы никогда не ломаем кость.

Будах. Ну еще бы... Вы добрые.

Монах. Ты говоришь глупое, книгочей и колдун. Ломать кость — легкая смерть. Мы не ломаем кость. Только в битве. Нет битвы — не ломаем. Мы вынимаем глаза. Снимаем кожу. Вырываем ногти. Кость — нет. Довольно болтать... *(Поднимает фонарь.)* Ты врешь, книгочей и колдун. Мальчик не есть без памяти... *(Берет Киру за плечо.)* Вставай. Иди со мной. Тебя будет видеть госпожа.

Кира. Я...

Монах. Если разговаривать, я выломаю зубы. Вставай, иди.

Будах. Ступай, Кира... Хуже не будет... Может, выпустят...

Кира встает. Монах, подталкивая ее в спину, ведет к двери.

ЗАНАВЕС

Картина шестая

Апартамент дон Рэбы. В кресле сидит, положив ногу на ногу, Окана в роскошном придворном платье, рассматривает ногти. Входит монах в черной рясе с капюшоном.

Монах. Приказание выполнено, госпожа.

Окана. Пусть введут.

Монах, поклонившись, выходит. Сейчас же другой монах, со шпагой наголо, вводит Киру.

Монах со шпагой. Мальчик из дома Руматы.

Окана взглядывает на Киру, вскакивает, подходит к ней вплотную.

Окана. Но это же не он! Это совсем другой!

Кира. Другой не может... Он без памяти... Но я тоже из дома дон Руматы.

Окана. Интересно... *(Обходит Киру кругом.)* Где-то я тебя видела, красавчик... *(Монаху.)* Иди. *(Монах уходит.)* Ну хорошо, давай побеседуем... *(Берет Киру за руку, подводит к креслам, усаживает, садится рядом.)* Значит, ты тоже из дома Руматы... Кто же ты?

Кира. Я... Я его паж...

Окана. Ах, вот как... Паж... Определенно, я где-то тебя видела. Мил, очень мил. Невинной юности пушок на розовых щеках... *(Берет Киру за подбородок, Кира отстраняется.)* Ну-ну, не дичись... Вот только глаз тебе подбили, но это пройдет... Если будешь вести себя хорошо, так и быть, возьму тебя к себе...

Кира. Я ни к кому не пойду от дон Руматы.

Окана. Ты так предан ему? (*Кира молчит.*) Ну-ка, посмотри на меня! Нет, где же я тебя видела?.. Ты знаешь, в твоём нежном возрасте лучше служить прекрасной госпоже, нежели самому прекрасному господину. У меня тебе будет хорошо. Да, решено. Беру тебя к себе. Но сначала о доне Румате. Ты у него давно?

Кира. С самого начала.

Окана. С какого начала?

Кира. Ну... с того дня, когда он приехал в Арканар.

Окана. Ого! Почему же я ничего о тебе не знаю?

Кира. Разве вы все знаете про дону Румату?

Окана. Все. И кое-что сверх всего... Но спрашивать буду я. Итак, ты все время при нем... Рассказывай, как он живет, много ли пьёт, с кем встречается?

Кира. Вы же сказали, что все о нём знаете...

Окана. Ты очень дерзкий мальчишка, но у тебя красивые глаза. Ничего, мы поладим. Итак?

Кира. Что — итак?

Окана (*топает ногой*). Не зли меня! Кто у него любовница?

Кира. У него нет любовницы.

Окана. Врешь, красавчик. Во-первых, этого быть не может. Такой превосходный кавалер, сразу видно столичное обхождение... В нашем маленьком Арканаре любая дама почтет за честь... Он же не железный, твой дон Румата!

Кира. Многие его домогались, да никому ничего не удалось...

Окана. А эта простушка, трактирщица? Я как-то видела ее, ходит в обносках моды столетней давности, ковыляет, как уточка из-под селезня... Не может быть, чтобы ты ее не знал. Выкладывай, не стесняйся. Как у него с нею?

Кира. Ничего такого не знаю... А! Вспомнилось! Дней сорок назад заявила было к нему этакая придворная фря, разодетая, как кукла, накрашена, надушена, шея от грязи и пудры серая...

Окана (*поднимается*). Что-о?

Кира. Я сама не видела, мне Уно рассказывал, наш слуга. Дон Румата очень потешался...

Окана (*пристально смотрит на Киру*). «Не видела...» Ну да, вот кто ты, оказывается... Теперь вспомнила. Ах ты сучонка! Холопка! Оскорбительница! В мужское нарядилась, так думаешь — тебя уже и не узнать?

Кира (*тоже встает*). Чего разоралась? Ну да, меня зовут Кира, и я — единственная возлюбленная благородного дона Руматы, а тебе — шиш! (*Делает оскорбительный жест.*)

Окана. Кто тебе глаз подбил? Смотри, сейчас и другой подобью! (*Хватает из-за пояса кинжал.*) Я тебе сейчас оба глаза выколю, дрянь подзаборная!

Кира (*хватает со стола дону Рэбы медную статуэтку, замахивается*). Попробуй, подойди, золоченая сволочь! Все твои мозги по стенам раскидаю!

Несколько секунд они стоят в угрожающих позах, затем Окана швыряет кинжал на пол, падает в кресло и закрывает лицо руками.

Окана. И ведь ничего не стоит — кликнуть стражу, и тебя вывезят голую вверх ногами на вершине башни... сварят живой в масле... сожгут на костре...

Кира (*аккуратно ставит на место статуэтку*). Да, ничего не стоит. Все в ваших руках, прекрасная дона.

Окана. Но к чему это все? (*Опускает руки, оглядывает Киру с новым интересом.*) Да, ты хороша собой... и мужской костюм тебе идет... И все-таки я не понимаю... Слушай, Кира, жизнь дон Руматы на волоске, ты знаешь?

Кира энергично трясет головой.

Кира. Нет. С ним ничего не случится. Правда, его взяли... подло, предательством, из-за меня... но это все равно. Я могу погибнуть, вы можете погибнуть, но он все равно всех ваших победит.

Окана. Почему? Каким образом? Никто еще не уходил живым из рук дона Рэбы!

Кира. Никто. А дон Румата — он уйдет. А дон Рэба... Ну что ж — дон Рэба... Это как паук, к которому в паутину оса попала...

Окана. Не понимаю. Ты можешь изъясняться яснее, дерзкая девчонка?

Кира. Не могу, прошу прощения.

В апартамент входят Рэба и Цупик.

Рэба. Ага. Я вижу, здесь уже ведут следствие.

Цупик. С этой стервой никакого следствия не требуется, господин канцлер, ваша светлость. Эту паршивую девку надо отправить денька на два в мои казармы, а потом врезать ей две сотни по мягкому и выгнать из города...

Рэба. Интересное предложение. Заслуживает внимания. Как вы считаете, дон Окана?

Окана. Не будем торопиться. Я забираю ее к себе.

Цупик. Вот еще! Я сам ее взял, я и буду распоряжаться, прекрасная донна! Это моя добыча! Всякие здесь будут махать кулаками после драки...

Окана. Вы пьяны, капитан Цупик. Не забывайтесь.

Цупик. Это вы не забывайтесь, донна! Кончилось придворное житье, всякие там фигли-мигли...

Окана. Молчите, бакалейщик!

Цупик. Придержали бы язычок, прекрасная донна... Был я бакалейщиком, а ныне мне только свистнуть стоит...

Рэба. Не будем ссориться, друзья. У нас дела поважнее, нежели наказание этой бесстыжей в мужском костюме... Не правда ли, капитан?

Цупик. Пусть скажут спасибо... А то как бы еще кое-кому не прогуляться в казармы...

Рэба. Вот и хорошо. Донна Окана, забирайте эту девчонку к себе и глаз с нее не спускайте. Вы поняли? Не спускайте с нее глаз.

Окана. Поняла. *(Кире.)* Идем.

Окана и Кира уходят. Рэба садится за свой стол, Цупик валится в кресло сбоку. Рэба звонит в колокольчик. Входит монах в рясе с капюшоном.

Рэба. Приведите донна Румату.

Монах исчезает. Аба и еще один штурмовик вводят связанного Румату — без камзола, в разорванной сорочке. За ними входят двое монахов.

Рэба. А вот и благородный дон Румата. Наш старый и весьма последовательный недруг.

Цупик. Раз недруг — повесить!

Штурмовики ставят Румату перед столом и, отступив, становятся справа и слева от него. Монахи застывают рядом со штурмовиками.

Цупик. Или еще лучше — сжечь! Нужно сохранять у черни уважительное отношение к высшим сословиям. *(Хихикает.)* Все-таки отпрыск древнего рода...

Рэба. Хорошо. Договорились, сжечь.

Цупик. Впрочем, дон Румата может облегчить свою участь. Вы меня понимаете, дон Рэба?

Рэба. Не совсем, признаться...

Цупик. Имущество. Эсторские Руматы — богатый род!

Рэба. Вы, как всегда, правы, почтенный капитан. Что ж, тогда начнем по всей форме...

Румата. Развяжите мне руки.

Цупик вздрагивает, отчаянно мотает головой.

Рэба. А? *(Смотрит на Цупика.)* Я вас понимаю, капитан. Но если принять некоторые меры предосторожности... Развязать его.

Один из монахов подсакивает к Румате и развязывает его. Цупик поспешно вытаскивает шпагу, штурмовики берут топоры наизготовку.

Румата *(растирая затекшие руки)*. Предупреждаю, герцог будет поставлен в известность об этом безобразии. Самоуправное вторжение в дом благородного дворянина...

Рэба. Герцогу это известно. Собственно, мы действуем по его приказу...

Цупик *(злорадно)*. Вот так-то, благородный дон!

Рэба. Итак, начнем. Ваше имя, род, звание?

Румата. Восемнадцатый барон Румата дон Эстор... *(Озирается. Повелительно Абе.)* Кресло! *(Аба обалдело роняет топор, кидается к ближайшему креслу, придвигает Румате.)* Благодарю. *(Садится.)*

Цупик *(ворчит)*. Болван...

Рэба. Продолжим. Сколько вам лет?

Румата. Двадцать пять.

Рэба. Когда прибыли в Арканар?

Румата. Год назад.

Рэба. С какой целью?

Румата. Предложить честь и шпагу герцогу Арканарскому.

Рэба. Странно. Покинуть блестящую столицу метрополии...

Румата. На то были обстоятельства.

Рэба. Какие же?

Румата. Я убил на дуэли члена августейшей семьи.

Рэба. Вот как? А в чем была причина дуэли?

Румата. Женщина.

Цупик. Врет он все, господин канцлер, ваша светлость. А вы уши развесили...

Рэба. Вы слышите, дон Румата? Мы хотим правды! Одной лишь правды!

Румата. Ага... А мне показалось...

Рэба. Что вам показалось?

Румата. Мне показалось, что вы хотите прибрать к рукам мое родовое имущество. Не представляю, каким образом вы надеетесь его получить?

Цупик. А дарственная? А дарственная?

Румата. Ты дурак, Цупик... Сразу видно бакалейщика. Тебе, конечно, невдомек, что майорат не подлежит передаче в чужие руки...

Рэба. Вам не следует разговаривать в таком тоне.

Румата. Вы хотите правды? Вот вам правда, истинная правда и только правда: ваш Цупик — дурак и бакалейщик.

Цупик. Ну, сукин сын, дворянская сволочь...

Рэба. Не будем отвлекаться, почтеннейший капитан. Ну-с, значит, вы богаты, барон?

Румата. Я мог бы скупить весь ваш Арканар, но меня не интересуют помойки...

Рэба (*со вздохом*). Мое сердце обливается кровью. Обрубить столь славный росток столь славного рода! Это было бы преступлением, если бы не вызывалось государственной необходимостью.

Румата. Поменьше думайте о государственной необходимости и побольше думайте о собственной шкуре...

Рэба. Вы правы. Сейчас самое время.

Он поднимает руку и щелкает пальцами. И сейчас же монахи за спиной Руматы бросаются на Абу и второго итурмовика, закалывают их и волокут прочь из апартамента. Цупик, онемев от неожиданности, приподнимается было, но за его спиной появляются еще двое монахов, хватают его и заворачивают руки к лопаткам.

Цупик. Ой-ёй-ёй-ёй!..

Рэба. Скорее, скорее, не задерживайтесь!

Монахи выволакивают отчаянно брыкающегося и вопящего Цупика из апартамента. Слышится тяжелый удар, вопль резко обрывается. Монахи возвращаются и становятся за спиной дон Рэбы.

Рэба. Как я их, а? Никто и не пикнул. У вас, я думаю, так не могут...

Румата. У нас еще и не так могут.

Рэба. Да? Ну что ж... Хорошо. А теперь поговорим, дон Румата. А может быть, и не Румата? И может быть, даже и не дон? А? (*Выжидает секунду, затем тычет большим пальцем через плечо.*) При них можете говорить свободно, они не знают языка... Да и языки у них с детства того... вырезаны... Ну?

Румата. Я вас слушаю.

Рэба. Вы не дон Румата. Вы самозванец. Настоящий барон Румата Восемнадцатый дон Эстор умер полтора года назад и покоится в фамильном склепе, и святые давно упокоили его беспокойную и, прямо скажем, не очень чистую душу. Вы как, сами признаетесь или вам помочь?

Румата. Сам признаюсь. Я — барон Румата дон Эстор, и я не привык, чтобы в моих словах сомневались.

Рэба (*зловеще*). Я вижу, что нам придется продолжить разговор в другом месте.

Румата. У вас что — геморрой, дон Рэба? (*Рэба вздрагивает и выпрямляется.*) Да, маху вы дали, всех врачей в герцогстве перерезали. Впрочем, если вам удастся найти отца Будаха и если он согласится лечить вас...

Рэба. Согласится. У меня все соглашаются.

Румата. Значит, он уже у вас?

Пауза.

Рэба. Итак, вы отказываетесь признаться.

Румата. В чем?

Рэба. В том, что вы самозванец.

Румата. Почтенный Рэба, такие вещи доказывают. Ведь вы меня оскорбляете.

Рэба. Мой дорогой дон Румата! Простите, пока я буду называть вас этим именем. Так вот, я никогда ничего не доказываю. Доказывают у меня в башне. Для этого я соержу опытных, хорошо оплачиваемых специалистов. Вы понимаете меня? Известное количество крови, содранной кожи, обугленного мяса... Посудите сами, ну зачем мне доказывать то, что я и так знаю? Кстати...

Румата. Да?

Рэба. Я заметил, что вас совсем не удивило, как я разделался с этим Цупиком.

Румата. А чему здесь удивляться?

Рэба. Признаться, я бы на вашем месте...

Румата. Бросьте, дон Рэба. Это же так понятно. Цупик свое дело сделал: раздавил книжечек и ремесленников, а сегодня перебил всех враждебных вам дворян... Кстати, малолетнего герцога вы не прикончили?

Рэба. Что за мысль!

Румата. Ну и вот. Цупик стал бесполезен и, следовательно, опасен. Теперь вы загоните штурмовиков в казармы, и в вашем Арканаре воцарится восхитительная могильная тишина.

Пауза.

Рэба. Скажите, дон Румата, вы не знакомы с доном Кондором?

Румата. Не имею чести.

Рэба. Соанский генеральный судья... Он сейчас в Эсторе... Нет? Ну, хорошо. Вернемся к нашему делу. Я жду вашего признания, дон Румата. Поверьте, признание ничем вам не грозит.

Румата. Мне не грозит. Оно грозит вам.

Рэба поднимается из-за стола и, заложив руки за спину, идет по апартаменту.

Рэба. Хорошо. Видимо, начать придется все-таки мне. Давайте посмотрим, в чем замечен дон Румата Эсторский за год своей загробной жизни в герцогстве Арканарском. А вы потом объясните мне смысл всего этого. Согласны?

Румата. Мне бы не хотелось давать опрометчивых обещаний. Но я с интересом вас выслушаю.

Рэба. Мною были предприняты некоторые действия против так называемых книжечек, ученых и прочих бесполезных и вредных для герцогства людей. Эти действия за последний год стали встречать некое странное сопротивление. Кто-то неведомый, но весьма энергичный выхватывал у меня из-под носа и прятал самых важных, самых отпетых и отвратительных преступников — безбожного астролога Багира, преступного алхимика Синду, мерзкого памфлетиста Цурэна и иных, рангом поменьше. Кто-то похищал, спасая от справедливого уничтожения, богохульные библиотеки, развращающие картины, отвратительные астрологические и химические приборы. Кто он?

Румата. Продолжайте.

Рэба. Кто-то при поистине фантастических обстоятельствах, заставляющих вспомнить о враге рода человеческого, освободил из-под стражи чудовище разврата и душегуба, атамана крестьянских бунтов Арату Горбатого, и тот сейчас же пошел снова гулять по восточным областям герцогства, обильно проливая благородную кровь... Ну?

Румата. Верю. Он сразу показался мне решительным человеком.

Рэба. Ага! Вы признаетесь?

Румата. В чем?

Рэба возвращается за стол.

Рэба. Я продолжаю. На спасение этих растлителей душ вы, дон Румата, по моим очень неполным подсчетам, потратили не менее пуда золота... Ваше золото! *(Он выхватывает из стола мешочек и высыпает на стол звонкие золотые кружочки.)* Одного этого золота достаточно, чтобы сжечь вас на костре! Это дьявольское золото! Человеческое искусство не в силах изготовить металл такой чистоты!

Румата. Вот тут вы молодец. Этого мы не учли.

Рэба. И вообще вы ведете себя неосторожно, дон Румата. Я все время так волновался за вас... Вы такой дуэлянт, такой задира! Три десятка дуэлей за год! Три десятка блистательных побед! И ни одного убитого... Вывихнутые руки, царапины на задних частях, синяки от ударов плашмя не в счет... Вы — мастер. Вы, несомненно, продали душу дьяволу, ибо только в аду можно научиться этим невероятным, сказочным приемам боя. Я готов даже допустить, что это умение было дано вам с условием не убивать. Хотя трудно представить себе, зачем дьяволу понадобилось такое условие...

Румата. Довольно. Хватит пустой болтовни. Где моя девушка? Где Будах?

Рэба дрожащей рукой утирает вспотевшее лицо.

Рэба. В надежном месте, разумеется.

Румата. Не морочьте мне голову. Где они? Немедленно доставьте их сюда!

Рэба. Не будем торопиться, мне они самому нужны. Геморрой, знаете ли... другие старческие слабости... Ведь ваша невеста — она, знаете ли, штучка. А? Шельмочка этакая. Цупика, знаете ли, — нехорошо говорить дурно о покойниках, но это был жестокий и мстительный человек, — за нос укусила, представляете?

Румата вскакивает. Рэба тоже поднимается. Монахи за его спиной делают шаг вперед и угрожающе направляют в сторону Руматы острия шпаг.

Румата. Слушайте, Рэба! Я с вами не шучу. Если с Кирой и Будахом что-нибудь случится, вы подохнете как собака. Я раздавлю вас!

Рэба. Не успеете.

Румата. Вы дурак, Рэба. Вы опытный интриган, но тут вы ничего не понимаете. Никогда в жизни вы еще не брались за такую опасную игру, как сейчас. И вы даже не подозреваете об этом...

Рэба. Ну что это вы, в самом деле... Сидели, разговаривали... Да живы они, целы и невредимы, ваша девчонка и Будах. Он меня еще лечить будет...

Румата. Давайте их сюда! Не сердите меня и перестаньте притворяться. Вы же меня боитесь. И правильно делаете!

Рэба. Мальчишка! Я никого не боюсь! Это я могу раздавить тебя, как пиявку! *(Слышится множественный грохот копыт, за окнами проплывают силуэты всадников в капюшонах и с копьями. Рэба кидается к окну.)* Смотри! *(Румата подходит к окну.)* Пррашу! Смиранные дети господа нашего, непобедимая конница Святого Ордена! Вы говорили о герцоге? Герцога больше нет! Малолетний герцог удалился в монастырь, отдав герцогство под покровительство Святого Ордена! И конница его святейшества высадилась нынче в порту для подавления варварского бунта возомнивших о себе лавочников!

Румата. Еще бы! Где торжествует серость, к власти всегда приходят черные...

Рэба. Что? Нет, вы еще не знаете. Мы еще не знакомы. Позвольте представиться: наместник Святого Ордена в Арканаре, епископ и боевой магистр раб божий Рэба!

Румата. Подумаешь, новость... Это давно всем известно.

Рэба. Как? Откуда?

Румата. Не ваше дело. Слушайте, Рэба. Я устал. Я хочу спать. Я хочу помыться в горячей воде и смыть с себя кровь и слюни ваших головорезов. Давайте сюда Киру и Будаха, я ухажу.

Рэба (*указывая в окно*). Их пять сотен копий!

Румата. Немного потише, пожалуйста... И запомните, Рэба, я вижу вас насквозь. Вы хоть и епископ, но все равно всего лишь предатель и дешевый интриган... Я вас ненавижу, учтите это. Я согласен вас терпеть, но вам придется научиться вовремя убираться с моей дороги. За каждую подлость по отношению ко мне или к моим друзьям вы ответите головой. Вы поняли меня?

Рэба. Я хочу одного. Я хочу, чтобы вы были при мне, дон Румата. Я не могу вас убить. Не знаю почему, но не могу.

Румата. Бойтесь.

Рэба. Ну и боюсь! Может быть, вы дьявол. Может быть, сын бога. Кто вас знает? Я даже не пытаюсь заглянуть в пропасть, которая вас извергла, у меня кружится голова, и я чувствую, что впадаю в ересь...

Румата (*зевая*). Это меня не интересует.

Рэба. А что же? Что вас интересует?

Румата. А меня ничто не интересует. Я не дьявол и не бог, я — кавалер Румата Эсторский, я обременен капризами и предрассудками и привык к свободе во всех отношениях. Запомните это. А теперь прикажите доставить сюда Киру и Будаха, и покончим с этим.

Рэба. Еще одну минуточку. Хорошо, я готов выполнить ваши требования. Я не буду становиться у вас на дороге. Я не трону ни вас, ни ваших друзей... Но почему бы нам не пойти дальше?

Румата. Что вы имеете в виду?

Рэба. Почему бы нам с вами не заключить союз? Вы и я — ведь это была бы такая сила! Соединив усилия, мы бы все перевернули вверх дном, дон Румата! Вы только представьте себе, а?

Румата. Говорите прямо, чего вы хотите?

Рэба. Власть, дон Румата! Что может быть прекраснее безграничной власти над тысячами... нет, над сотнями тысяч тел и душ? Это сладко... это слаще обладания несметными богатствами и прекраснейшими женщинами! Я чувствую, я знаю, вдвоем мы смогли бы... Что там жалкий Цупик? Ступенька, бревно! Мы могли бы подняться на такую высоту, с которой Арканарское герцогство показалось бы ничтожной кучкой грязи... А? Дон Румата! Давайте, а?

Румата. У меня на родине есть такая притча. Ворона спросила орла: «Для чего ты летаешь на такой страшной высоте?» — «Просто я люблю парить в синем небе», — ответил орел. «Врешь ты все, — сказала ворона обиженно. — Там наверняка полным-полно дождевых червей...»

Пауза.

Рэба. Понимаю. Понимаю и ценю. В конце концов вы тоже стремитесь к каким-то идеалам. И я уважаю эти идеалы, хотя и не понимаю их... А вдруг когда-нибудь пойму? Я — человек широких взглядов, я вполне могу представить себе, что когда-нибудь стану работать с вами плечом к плечу...

Румата. Там видно будет... (*Пристально глядит на Рэбу.*) Плечом к плечу...

Рэба. Именно! Плечом к плечу! Во имя идеалов!

Румата. Это мысль. Надо подумать. Хорошо. Обсудим, посоветуемся с народом...

Рэба. Что?

Румата. Ничего... (*Наклоняется к Рэбе, нюхает, брезгливо морщится.*) Господи, дон Рэба! Чем это так несет от вас? Потом протухшим и еще каким-то дерьмом... Это правда, что вы никогда не моетесь?

Рэба. Некогда, дон Румата. Государственные дела, то-се...

Румата. Ну, хорошо. Так я пойду. А вы распорядитесь — всех моих к воротам, немедленно...

Рэба. Будет исполнено...

Румата идет к выходу. Рэба, забежав вперед, предупредительно распахивает перед ним дверь.

ЗАНАВЕС

Картина седьмая

Гостиная в доме Руматы. Кира с тряпочкой и щеткой обмахивает с мебели пыль. Кира одета и причесана по-современному — по моде последней четверти двадцатого века. Входит, прихрамывая, Уно — через глаз черная повязка, на боку здоровенный палаш.

Уно. Кира, там опять эта сука пришла.

Кира. Которая?

Уно. Эта... нарядная. Которая с доном Рэбой.

Кира. Окана? Приглашай.

Уно. Так обед скоро. А хозяин ее не любит...

Кира. Ничего, я ее быстро спроважу.

Уно выходит. Входит Окана в своеобразном пышном наряде, подбегает к Кире, целует ее в щеку, оглядывает.

Окана. Какая прелесть! Милочка, кто это вас так надоумил? Ножки напоказ... верх до шеи закрыт... Это что, так теперь в метрополии носят? Кто-нибудь из Эстора к дону Румате?

Кира. Нет. Это сам дон Румата. Даже сшил сам.

Окана. Смело, смело... Только боюсь, что во дворце епископа... Вы знаете, какие у донна Рэбы строгие взгляды...

Кира. Нет, конечно, во дворец в этом нельзя... Я и дома-то стесняюсь... Но Румата сказал, что так ему нравится...

Окана. Конечно, конечно... Слово повелителя — закон... А прическа какая... Впрочем, что это я разболталась, я же спешу... Ехала к доне Сатарине, дай, думаю, загляну к моей душечке... Что у вас нового?

Кира. Так, ничего... Всё по-старому.

Окана. Как поживает дон Румата?

Кира. Жив, здоров... Что ему делается?

Окана. Я замечаю, он в последнее время почти нигде не бывает.

Кира. Ему и дома хорошо.

Окана. Конечно, конечно... Епископ не одобряет светских развлечений...

Кира. Дону Румате епископ не указ.

Окана. Это не совсем так, милочка. Просто дон Рэба благоволит к дону Румате.

Кира. Ну, кто там к кому благоволит... Дон Румата свободен, как ветер. Захочет — уедет, захочет — приедет...

Окана. Мне сказали, что у вас сейчас гостит высокоученый отец Будах...

Кира. Сегодня уезжает. Они с доном Руматой руду какую-то ищут.

Окана. Так они оба уезжают сегодня?

Кира. Оба. Дня на три.

Окана. Какая жалость! Я так хотела пригласить вас к себе...

Кира. Вы же знаете, дон Румата к дону Рэбе только в канцелярию ходит.

Окана. Да... да... Так дон Румата сегодня уезжает...

Кира. Сразу после обеда. Сейчас будет обед.

Окана. Тогда не буду мешать... Прощание влюбленных, даже на срок короче мгновенья, даже богам невместно обременять присутствием своим... Ах, какая вы счастливица!

Окана целует Киру и выходит. Кира задумчиво смотрит ей вслед. Входят Будах и Румата.

Будах. Когда торжествуют серые, к власти приходят черные... Да. Отличная мысль. Поздравляю, дон Румата.

Румата. Да мысль, в общем, банальная. Но она в какой-то степени отражает закономерности нашего мира...

Будах. До чего ловко научились выражаться эти дворяне! Не обижайтесь, мой друг...

Румата. Давайте присядем... Кира, принеси отцу Будаху пива.

Они садятся. Кира выходит.

Будах. Собственно, само наличие закономерностей мира свидетельствует о совершенстве мира.

Румата. Вот как? Вы считаете мир совершенным, отец Будах? И это после пожара в вашей библиотеке? После отсидки в подвалах дон Рэбы?

Будах. Мой молодой друг, ну конечно же! Мне многое не нравится в мире, многое я хотел бы видеть другим... Но что делать? В глазах высших сил совершенство выглядит иначе, чем в моих...

Входит Кира с кувшином и стаканами, садится рядом с Руматой.

Румата. А что, если бы можно было изменить высшие предназначения?

Будах. На это способны только высшие силы.

Румата. Но все-таки представьте себе, что вы бог...

Кира вздрагивает и прижимается лицом к плечу Руматы.

Будах. Если бы я мог представить себя богом, я бы стал им.

Румата. Ну а если бы вы имели возможность посоветовать богу?

Будах. Я всегда говорил, что у вас богатейшее воображение...

Румата. Вы мне льстите... Но что же вы все-таки посоветовали бы всемогущему? Что, по-вашему, следовало бы сделать богу, чтобы вы сказали: вот теперь мир добр и хорош?

Будах. Что ж, извольте. Я сказал бы всемогущему: «Создатель, я не знаю твоих планов, но захоти сделать людей добрыми и счастливыми. Так просто этого достигнуть! Дай людям волю хлеба, мяса и вина, дай им кров и одежду. Пусть исчезнут голод и нужда, а вместе с тем и все, что разделяет людей...»

Румата. И это все?

Будах. Вам кажется, что этого мало?

Румата. Бог ответил бы вам: «Не пойдет это на пользу людям. Ибо сильные вашего мира отберут у слабых то, что я дал им, и слабые по-прежнему останутся нищими».

Будах. Я бы попросил бога ограбить слабых. «Вразуми жестоких правителей», — сказал бы я.

Румата. Жестокость есть сила. Утратив жестокость, правители потеряют силу, и другие жестокие заменят их.

Будах. Накажи жестоких! Чтобы неповадно было сильным проявлять жестокость к слабым!

Румата. Человек рождается слабым. Сильным он становится, когда нет вокруг него сильнее его. Когда будут наказаны жестокие из сильных, их место займут сильнейшие из слабых. Тоже жестокие. Так придется карать всех, а я не хочу этого.

Будах. Тебе виднее, всемогущий. Сделай тогда просто так, чтобы люди получили все и не отбирали друг у друга то, что ты дал им.

Румата. И это не пойдет людям на пользу. Ибо когда получают они все даром, без трудов, из рук моих, то забудут труд и обратятся в моих домашних животных, которых я вынужден буду впредь кормить и одевать вечно.

Будах. Не давай им всего сразу! Давай понемногу, постепенно!

Румата. Постепенно люди и сами возьмут все, что им понадобится.

Будах (*чесет в затылке*). Да, я вижу, это не так просто. Я как-то не думал о таких вещах... Кажется, мы с вами, мой друг, перебрали все возможности. Впрочем, есть еще одна. Сделай так, чтобы больше всего люди любили труд и знание, чтобы это стало единственным смыслом их жизни!

Румата. Я мог бы сделать и это. Но стоит ли лишать человечество истории? Нужно ли подменять одно человечество другим? Это же все равно что стереть человечество с лица планеты и создать на его месте новое...

Будах. Понятно... Тогда, господи, сотри нас с лица земли и создай заново более совершенными... или еще лучше, оставь нас и дай нам идти своей дорогой.

Румата (*медленно*). Сердце мое полно жалости. Я не могу этого сделать.

Кира отшатывается от Руматы и закрывает лицо ладонями. Будах медленно поднимается из кресла.

Будах. Слушайте, дон Румата... Хотел бы я знать все-таки... (*Садится.*) Черт знает что!

Румата, пригнув голову, примеривается сбить что-то щелчком со стола.

Будах (*нервно*). Что это вы?

Румата. Таракан. (*Щелчком сбивает таракана со стола.*) О чем это мы... Да! (*Кире.*) Кто это приходил?

Кира. Дона Окана.

Румата. Что-то она зачастила... Чего ей нужно?

Кира. Так, зашла по дороге... Жалела, что ты уезжаешь, а у самой на морде полпуда краски...

Румата. Жалела, что я уезжаю? Откуда она узнала?

Кира. Я сказала... А что, не нужно было?

Румата и Будах переглядываются.

Румата. Что ты ей сказала?

Кира. Что вы будете сейчас обедать, а потом скоро уедете... с отцом Будахом... Я не так сделала?

Румата. Нет-нет, ничего...

Будах. Неосторожно...

Румата. Вообще-то пустяк, конечно...

Пауза.

Кира. Простите меня... Я не думала... Я не знала...

Будах. М-да... Ежели дон Рэба знает, что ты собираешься делать, лучше сделать все шиворот-навыворот...

Румата. Правильно. Береженого бог бережет... *(Звонит в колокольчик. Вбежавшему Уно.)* Коня для отца Будаха.

Уно. А обед как же?

Будах. Сейчас уж не до обедов, братец...

Румата. Дашь отцу Будаху в дорогу окорок и хлеба...

Будах. Эсторского во все фляги... да смотри, настоящего, а не этой кислой водицы...

Уно. А вы, хозяин, значит, не едете?

Румата. Остаюсь. Ступай, делай.

Уно выходит. Кира робко подходит к Румате, берет его за руку.

Кира. Ты не сердишься?

Румата. Вот еще, стану я на тебя сердиться из-за какого-то задрипанного епископа... Значит, сделаем так, отец Будах. Поезжайте к Угрюмой Берлоге и ждите меня там. А я здесь осмотрюсь, погляжу, что к чему...

Будах. Договорились. Гм... А может быть, мне остаться с вами?

Румата. Нет-нет. Поезжайте, мой друг. И не медлите в городе. Прямо со двора — в галоп и к северным воротам.

Будах. Хорошо, мой друг. Вам виднее...

Румата. А чтобы вам не было скучно... *(Берет Будаха под руку, отводит его на авансцену.)* Пораскиньте умом, попробуйте доказать, что отношение длины окружности к ее радиусу есть величина постоянная...

Будах. Отношение длины к радиусу... Ого! Любопытная идея! Черт подери, дон Румата, ну и голова у вас!

Входит Уно.

Уно. Все готово.

Румата. Поезжайте, мой добрый друг...

Будах. Не хочется что-то... Ладно. Берегите себя. *(Обнимает Румату.)* И ты тоже... *(Обнимает Киру.)* Ладно...

Уходит вместе с Уно. Кира и Румата стоят посередине гостиной, прислушиваясь. Слышится стук удаляющихся копыт.

Кира. Уехал... Я все-таки рада, что ты остался. А ты рад?

Румата. Я? Я всегда рад, когда я с тобой...

Кира. Помнишь, ты как-то сказал: все к лучшему... Видишь, хоть я и плохо сделала, что разболталась с этой Оканой, а получилось чудо как хорошо... Так мне не нравится, когда ты уезжаешь, если бы ты знал...

Румата. Не ври.

Кира. Я не вру! Я тебе никогда не вру!

Румата *(обнимает ее)*. А кому ты врешь?

Кира. Кому угодно. А тебе — нет. Вот только...

Румата. Что?

Кира *(освобождается из его рук)*. Пусти-ка... Вот нужно мне сказать тебе кое-что, а я не знаю, совру или нет...

Румата. Интересно.

Кира. Сказать?

Румата. Конечно. Все равно не утерпишь.

Кира. Это правда. Не утерплю. Только не знаю еще... не уверена я, правда или нет...

Румата. Понятно.

Кира. Что? Что тебе понятно?

Румата. Наверное, так начинали миллионы и миллионы женщин, которых любят.

Кира. Догадался...

Румата. Еще бы не догадаться... *(Обнимает и нежно целует ее.)* Рада?

Кира. Я-то рада. А вот ты, по-моему...

Румата. Если бы ты знала! А как обрадуется Александр Васильевич!

Кира. Алексан... Кто-кто?

Румата. Так, один мой хороший знакомый. Значит, теперь нас трое...

Кира. Да. Девятнадцатый барон Румата.

Румата. Или баронесса. Ты знаешь, я не против и баронессы.

Кира. Мужчины всегда хотят мальчиков. Сыновей.

Румата. Это смотря какие мужчины. Настоящие мужчины больше любят дочерей.

Впрочем, сыновей они тоже больше любят...

Кира. О чем ты думаешь?

Румата. Я не думаю. Я боюсь.

Кира. Ты? Боишься?

Румата. Боюсь.

Кира. Ах, да... Ты об отце Будахе... Он славный, веселый...

Румата. Нет, за отца Будаха я не боюсь. Ему что — подхватил какую-нибудь оглоблю и всех раскидал... Ты знаешь, что самое неприятное на свете?

Кира. Конечно, знаю. Это когда тебя нет со мной.

Румата. Это, конечно, неприятно. Но еще неприятней — это держать за хвост тигра. Держать тошно, а отпустить страшно.

Кира. Не понимаю.

Румата. Это я о нашем друге, о епископе Арканарском, о доне Рэбе. Видишь ли, все дорогое, что у нас есть, должно быть либо далеко на Земле, либо внутри нас. Чтобы его нельзя было отобрать у нас и взять в качестве заложника.

Пауза.

Кира. Что ты такое говоришь, я не понимаю...

В гостиную входит черный монах в рясе с надвинутым капюшоном. Румата хватается за шпагу.

Румата. Стой, сукин сын!

Монах. Осторожнее с железом, благородный дон Румата. Это опять я.

Румата. Арата? Вы?

Арата. Я. У меня срочное дело. *(Румата поворачивается к Кире.)* Ничего. Ваша подруга нам не помешает. А может быть, и поможет. Она хорошая женщина.

Румата. Садитесь, благородный Арата...

Они садятся. Кира, сжавшись в комок в кресле, во все глаза разглядывает их.

Арата. Вы знаете, что творится в стране?

Румата. Представляю.

Арата. Такого даже я еще не видел. Трупы, трупы, трупы... Людишек режут, распинают и жгут прямо на улицах...

Румата. Знаю... Я пытаюсь вмешаться, но все бесполезно. Там, где я вытаскиваю из петли одного, немедленно вешают десятерых...

Арата. Ничего. Чем хуже, тем лучше... Дон Румата, почему вы не хотите помочь мне?

В это время в гостиной появляется Уно. Он стоит у входа и слушает. Никто не замечает его.

Румата. Одну минутку. Прошу прощения, но я хотел бы знать, как вы проникли в дом?

Арата. Это неважно. Никто, кроме меня, не знает этой дороги. Не уклоняйтесь, дон Румата. Почему вы не хотите дать мне вашу силу?

Румата. Не будем говорить об этом.

Арата. Нет, мы будем говорить об этом! Я не звал вас. Я никогда никому не молился. Вы пришли ко мне сами. Или бог просто решил позабавиться?

Румата. Вы не поймете меня. Я вам двадцать раз пытался объяснить, что я не бог, — вы так и не поверили. И вы не поймете, почему я не могу помочь вам оружием...

Арата. У вас есть молнии?

Румата. Я не могу дать вам молнии.

Арата. Я хочу знать: почему?

Румата. Я повторяю: вы не поймете.

Арата. А вы попытайтесь объяснить!

Румата. Что вы собираетесь делать с молниями?

Арата. Я выжгу черную и золоченую сволочь, как клопов, всех до одного, весь их проклятый род до двенадцатого потомка. Я сотру с лица земли их монастыри, казармы и крепости. Я сожгу их армии и всех, кто будет защищать и поддерживать их. Можете не беспокоиться — ваши молнии будут служить только добру, и когда на земле останутся только освобожденные рабы и воцарится мир, я верну вам ваши молнии и никогда больше не попрошу их.

Румата. Нет. Я не дам вам молний. Это было бы ошибкой. Постарайтесь поверить мне, я вижу дальше вас. Я приведу вам только один довод. Он ничтожен по сравнению с главным, но зато вы поймете его. Вы живучи, славный Арата, но вы тоже смертны. И если вы погибнете и молнии перейдут в другие руки, уже не такие чистые, как ваши, тогда... мне страшно подумать, чем это может кончиться.

Пауза.

Арата. Зачем вы пришли к нам?

Румата. Это вам тоже трудно понять. Мы пришли учиться.

Арата. Учиться? Чему?

Румата. Учиться помогать вам.

Арата. Помогать нам... Но это так просто!

Румата. Нет. Это дело длительное и сложное. Пока мы не знаем еще даже, с какого конца взяться за него...

Арата. Так... Да, это мне не понять. Дон Румата, вам не следовало спускаться с неба. Возвращайтесь к себе. Вы только мешаете нам.

Румата. Это не так. Во всяком случае, мы никому не вредим.

Арата. Нет, вы вредите. Вы внушаете беспочвенные надежды.

Румата. Кому?

Арата. Мне. Вы ослабили мою волю, дон Румата. Раньше я надеялся только на себя, а вы сделали так, что теперь я чувствую вашу силу за своей спиной. Раньше я вел каждый бой так, словно это мой последний бой, а теперь я заметил, что берегу себя для других боев, которые будут решающими, потому что бог примет в них участие.

Румата. Славный Арата, некогда борцы за свободу на моей родине шли в бой с песней — «никто не даст нам избавленья, ни бог, ни царь и ни герой...»

Арата. Ага! Они понимали толк в борьбе! Нет, дон Румата, уходите отсюда, вернитесь к себе на небо и никогда больше не приходите... Или без оглядки переходите к нам, обнажите ваш меч и встаньте плечом к плечу с нами! *(Пауза.)* В нашем деле не может быть друзей наполовину. Друг наполовину — это всегда наполовину враг...

Кира вскакивает.

Кира. Вы не смеете так с ним разговаривать! Он добрый, он сильный! Он сильнее всех на свете! Он все-все видит и знает! Что мы ему? Муравьи! Один муравейник воюет с другим муравейником... И вы хотите, чтобы он разорил один муравейник во славу другого?

Уно. Не ври! *(Подбегает к Арате, становится рядом с ним.)* Мы не муравьи! Мы люди! Хозяин, я любил и почитал вас, вы знаете... Но великий Арата прав! Молнии... Нет? Пусть! Мы и без молний! Я уйду от вас, хозяин. Если Арата возьмет меня с собой, я пойду с ним. Если не возьмет, я пойду один. Я сам буду резать этих сволочей, один или не один...

Арата. Я беру тебя, мальчик. Пойдем. Мы не придем сюда больше. Нехорошо мешать богам учиться...

Кира. Погодите... *(Подбегает к Уно, хватая его за плечи, трясет.)* Уходишь? Покидаешь Румату? Он из тебя человека сделал, а ты его предаешь?

Уно. Отпусти меня... Не я предаю. Это он нас предает... Пусти же!

Уно вырывается из рук Киры, отходит.

Арата. Ну вот и все. Слово сказано. Прощайте, дон Румата. Пойдем, мальчик.

Он поворачивается, чтобы идти, и вдруг останавливается, прислушиваясь. Румата тоже поднимает голову. Слышится цокот множества копыт. И сразу — грубые голоса.

— Это здесь.

— Вроде здесь...

— Сто-ой!

Кира. Румата, это за нами!

В дверь ударяют кулаки. Грубый голос:

— Во имя господи! Открывай, девушка!

Румата подскакивает к окну, распахивает створку.

Румата. Эй, вы! Вам что — жить надоело?

Шум мгновенно стихает. Голоса негромко:

— И всегда ведь в канцелярии напутают. Хозяин-то дома, никуда не уехал...

— Что делать будем?

— У меня есть приказ: взять девицу в доме дон Руматы. Будем брать.

— А хозяин?

— Хозяина приведем в неподвижность.

Румата. Перебью как собак!

*Кира подбегает к нему, прижимается к его плечу. Голос за окном:
— Вывернуть столб, бить в дверь. Быстро!*

Румата (*Кире*). Ну что ты, маленькая? Испугалась? Неужели этой швали испугалась? (*Отходит от окна, обнажает шпагу.*) Сейчас я их...

Арата. Может быть, проще уйти? Я знаю потайной ход...

Румата. Уйти? Мне это как-то... Послушайте, славный Арата. Возьмите девушку и Уно и уходите. Спрячьте их где-нибудь. А я...

В раскрытом окне появляется занесенная во взмахе рука.

Кира. Не смей!

Она бросается к окну, заслоняя собой Румату. Метательный нож вонзается ей в грудь. Рука исчезает. Кира шатается, падает. Румата подхватывает ее.

Румата. Кира!

Кира. Вот... больше не боюсь... хорошо...

Румата относит Киру на диван.

Румата. Кира... Кира... Маленькая...

Пауза. Румата выпрямляется, некоторое время стоит неподвижно, затем кулаком, в котором зажата рукоять шпаги, проводит себя по глазам. Смотрит на шпагу, выходит на середину залы.

Румата. Ладно. Все. Конец.

Арата. Надо уходить, благородный Румата.

Румата. Уходить? Мне? (*Трясет головой.*) Я, видите ли, буду драться. А вы уходите, вы, оба. Это будет мой бой.

Арата. Ваш? Как бы не так! (*Извлекает из-под рясы короткий широкий меч. Уно выхватывает палаш.*) Нет, дон Румата. Нет, человек с далекой звезды! Это будет наш бой. Вероятно, последний, но НАШ!

Они стоят трое плечом к плечу и слушают, как трещит и ломается под ударами дверь.

ЗАНАВЕС

Эпилог

Поляна перед Угрюмой Берлогой. У подножия идола сидит Будах, уперев локти в колени и спрятав лицо в ладонях. Рядом стоят Кондор, Пилот и Неизвестный в широкополой шляпе с пером, закутанный в плащ.

Пилот. Они произвели целое побоище. Изрубили весь отряд и вырвались на улицу. Тут на них навалилось сразу человек пятьдесят, пеших и конных. Они не остановились. Они шли по трупам, с головы до ног в чужой и своей крови. Первым пал мальчик Уно, его

изрешетили стрелами. Арата был убит уже на дворцовой площади. А Антон добрался до канцелярии. Там, на ступеньках крыльца...

Пауза.

Кондор. Понятно. Тело?

Пилот. Мы прибыли слишком поздно...

Пауза.

Будах. Он был прав. Величина постоянная. Три и четырнадцать сотых.

Кондор. Что — три четырнадцать?

Будах. Отношение длины окружности к радиусу... *(Опускает руки, поднимает голову и обводит всех взглядом.)* Да не в этом дело! Я не знаю, кто вы — боги или демоны. Но он не был ни богом, ни демоном. Он был одним из нас. Он перестал бояться тараканов. Он был добрый и умный, он умел драться и веселиться, и он погиб за нас и как один из нас. И он любил стихи... Он очень любил мои стихи... Особенно вот эти... *(Встает, декламирует.)*

Теперь не уходят из жизни,
Теперь из жизни уводят.
И если кто-нибудь даже
Захочет, чтоб было иначе,
Бессильный и неумелый
Опустит слабые руки,
Не зная, где сердце спрута
И есть ли у спрута сердце...

Но я всегда подозревал... *(достает платок, сморкается)* что сам-то он... сам-то он знал, где у спрута... сердце... только вот не добрался... *(Вновь роняет голову на руки, плачет.)*

Кондор. Нет, он не знал... И мы пока не знаем. Ну что ж, начнем все сначала. *(Неизвестному.)* Павел Сергеевич!

Неизвестный. Слушаю вас, Александр Васильевич.

Кондор. Итак, с этой минуты вы начинаете свое существование как граф Пампа дон Бау из Ирукана. Но прежде чем пожелать вам успеха и попрощаться с вами, я хочу, чтобы вы повторили мне заповедь, вырезанную на мраморе в актовом зале нашего Института.

Неизвестный. «Выполняя задание, вы будете при оружии для поднятия авторитета. Но пускать его в ход вам не разрешается ни при каких обстоятельствах...»

Кондор. Ни при каких обстоятельствах... Ни при каких?..

ЗАНАВЕС

Из архива

Аркадий Стругацкий, Борис Стругацкий Встреча миров

Глава 1

Комната в современной квартире — не очень большая, в одно окно, впрочем, довольно широкое, обставленная с некоторой претензией на роскошь, впрочем, совершенно холостяцкого типа: раздвижная кушетка-кровать с торшером в изголовье, застекленная стенка с ровными рядками книг, ковер, низенький столик, кресло-качалка; дверь закрыта портьерой, окно занавешено цветастыми гардинами, на стене над кушеткой — семейные фотографии в красивых одинаковых рамках, на столике — большой транзисторный приемник. Вечер, за окном между гардинами — городские огни.

Портьера приходит в движение, откидывается, и в комнату несколько бочком вступает Иван Никанорович Леонов, невысокий полный человек лет пятидесяти в пижамном костюмчике и домашних туфлях. В одной руке у него стакан крепчайшего чаю с лимоном на блюдце, в другой — книга, заложенная на середине указательным пальцем.

Леонов аккуратно ставит чай на столик, грузновато опускается в качалку, поднимает стакан, отхлебывает и с довольным вздохом откидывается на спинку. Ставит стакан, раскрывает книгу и погружается в чтение. Читает он внимательно, помаргивая и время от времени оттопыривая губы дудкой. И пока он читает, в комнате начинают происходить странные вещи.

Слегка вздувается и опадает гардина на окне. Некая аморфная тень неслышно проходит по стене. На несколько секунд тускнеют и размываются фотографии, и сквозь одну из них, словно бы через иллюминатор, взглядывают на Леонова темные внимательные глаза. Невидимая рука слегка сдвигает на столике стакан с чаем и неслышно выдвигает из приемника суставчатую антенну.

На каком-то интересном месте в книге Леонов усмехается и качает головой, рука его тянется к стакану, и в этот момент негромкий, очень отчетливый голос произносит:

— Добрый вечер, Иван Никанорович.

Рука Леонова застывает, он вздергивает голову, торопливо и растерянно озирается.

— Ч-что? — говорит он.

— Прошу прощения за беспокойство, — продолжает Голос. — Но мне крайне необходимо говорить с вами, Иван Никанорович.

Леонов рывком поднимается на ноги. Книга падает на пол.

— Кто... Кто это? — сипло осведомляется он, вертя головой.

В комнате никого нет.

— Не пугайтесь, — произносит Голос.

Леонов подсакивает к портьере, рывком ее откидывает. В маленькой прихожей пусто.

— Пожалуйста, не пугайтесь, — повторяет Голос.

Леонов опускает портьеру, медленно оборачивается.

— Я здесь, в комнате, — говорит Голос. — Только вы не можете меня видеть.

Леонов возвращается к качалке и вдруг, проворно пав на колени, заглядывает под кушетку. Под кушеткой тоже пусто. Леонов медленно выпрямляется, трогает пальцами лоб.

— Годовой отчет, — бормочет он. — Это всё годового отчет.

— Ничего подобного, — возражает Голос. — Годовой отчет здесь ни при чем.

— А я говорю — годовой отчет! — упрямо произносит Леонов. — Три дня до полуночи сидел!

Он поднимается с колен и вновь блуждающим взглядом обводит комнату.

— Это не годовой отчет, — терпеливо говорит Голос. — Не волнуйтесь.

Пауза.

— Я готов на что угодно об заклад биться, — вдумчиво произносит Леонов, — что слышу чей-то голос.

— Конечно, слышите.

— Вот опять... Может быть, радио?

Леонов смотрит на приемник, наклоняется и одним движением вдвигает антенну.

— Нет, Иван Никанорович, — возражает Голос. — Радио здесь тоже ни при чем. Дело просто в том, что я — Пришелец. С вами говорит Пришелец.

— Кто? — тоненьким голосом взвизгивает Леонов.

— Пришелец. Житель другой планетной системы.

— Ничего не понимаю. Какой еще планетной системы?

— Другой. За много световых лет от вашего Солнца.

Леонов опускается в качалку, усиленно трет пальцами виски.

— Нет, — бормочет он наконец. — Этого не может быть.

— Как видите, может и даже очень, Иван Никанорович!

— И как же это вы? — стараюсь быть саркастическим, осведомляется Иван Никанорович. — Прилетели в гости, стало быть? На этих самых... на летающих тарелочках?

— Считайте, что так.

— Н-ну-с, предположим. И где же вы сейчас? Почему вас только слышно, а не видно?

— Я здесь, возле вас, Иван Никанорович. Почему вам меня не видно — долго и сложно объяснять. Я обеспокоил вас по другому делу.

— Интересно, интересно... Ну, Сашка, и надеру я тебе уши за такие штучки, попомнишь ты меня! Я тебя...

— Не то, не то всё, Иван Никанорович, — нетерпеливо прерывает Голос. — Я действительно Пришелец, и я уполномочен говорить с вами по очень важному для нас и вас вопросу...

Комната вдруг погружается во тьму, и из тьмы этой прямо в лицо Леонову уставляются пристальные горящие глаза.

— По очень важному для вас и для нас вопросу! — раскатывается громом в ушах Леонова.

Тьма рассеивается. Леонов откидывается в качалке.

— Сдаюсь, — бормочет он. — Понял. Верю. Что вам угодно?

— Постарайтесь успокоиться, Иван Никанорович, и слушайте меня внимательно, — по-прежнему негромко и внятно начинает Голос. — Мы прибыли к вам на Землю очень издалека. Как вам должно быть понятно, наша цивилизация обогнала земную на многие сотни лет. Мы уже давно странствуем между звездами и вступаем в контакты с братьями по разуму...

Леонов слушает, приоткрыв рот, время от времени изо всех сил щипая себя за ляжку.

— Но каждый контакт, — продолжает Голос, — дело очень сложное и, как вы бы выразились, многоступенчатое. Ведь нам неизвестно заранее, готовы ли к контакту наши предполагаемые партнеры, хотят ли они вступать в контакт, каковы возможные последствия и так далее... Поэтому в результате многовекового опыта у нас сложилась такая практика. На первом этапе мы ведем длительные наблюдения со стороны: определяем уровень цивилизации, изучаем языки путем записи и дешифровки радиопередач, тщательно исследуем технологию. Затем наступает второй этап: поиск посредника. Мы незаметно высаживаемся в укромном местечке, выбираем наиболее

подходящего, на наш взгляд, представителя — или нескольких представителей — предполагаемого партнера и, так сказать, открываемся ему...

Леонов произносит «гм-гм», приосанивается и принимает позу.

— Выбрали, значит, меня... — говорит он.

— Да, выбрали вас, Иван Никанорович. Из всего населения вашей прекрасной планеты мы решили остановиться на вас.

— А за какие же, разрешите спросить, достоинства? — осведомляется Леонов. — Кажется, ничего особенного, рядовой бухгалтер рядового предприятия...

— Именно за это, Иван Никанорович! — восклицает Голос. — Именно за то, что вы — самый рядовой, самый типичный, самый распространенный на Земле психологический комплекс!..

Лицо Леонова вытягивается, он пожимает плечами.

— Ну, хорошо, ну, ладно, — ворчит он. — Ладно, пусть так. Хотя я не понимаю... Можно было бы какого-нибудь космонавта... ученого... мало ли кого еще...

— В том-то и дело, Иван Никанорович! — вкрадчиво произносит Голос. — Не годятся для целей второго этапа ни космонавты, ни ученые, ни матери-героини. Здесь нужен человек массовый, типичный представитель, как учат у вас в школах... Только такой человек даст нам точную картину, как будет реагировать основная масса человечества на сам факт контакта...

— Хорошо, хорошо, я понял. Так что, собственно, от меня требуется?

— Как это — что? Согласие ваше требуется, Иван Никанорович! Согласие на эксперимент! Пожелаете ли вы вступить с нами в доверительные отношения, а если пожелаете, то на каких условиях, а если эти условия нам подойдут, то каковы будут ваши мысли и чувства в начале, в ходе и в результате общения с нами... В зависимости от всего этого мы и будем решать, как нам поступить дальше...

— Ну, хорошо... — говорит Леонов. — Положим, я согласен... дал официальное согласие...

И тут взгляд его падает на книгу, которую он читал и которая валяется на полу у него под ногами. Это «Война миров» Уэллса, и на обложке ее изображен боевой треножник марсиан, вооруженный тепловым лучом, на фоне пылающих развалин. Страшная мысль вдруг приходит в голову Леонова.

— То есть... — бормочет он. — Не то чтобы согласился... Дело не простое, надобно подумать... — Он медленно пятится к двери. — Подумать, посоветоваться, то-се... Как-то все это неожиданно, хе-хе... Никогда, понимаете, раньше не говорил с пришельцами...

— Конечно, конечно, — произносит Голос. — Подумайте, Иван Никанорович. Только не очень долго... Наше время течет по-другому, нежели ваше. Сейчас у вас половина девятого... До полуночи вам хватит?

— Хватит, хватит... — бормочет Леонов. — Как раз хватит до полуночи...

Он уже добрался до портьеры, шарит по ней трясущейся рукой.

— Если до полуночи вы не сообщите ваше согласие, мы...

Леонов больше не слушает. Он рывком отдергивает портьеру, ныряет головой вперед в прихожую и...

...сходу влетает в страшный мир вообразившихся ему ужасов космической войны. С багрового неба одно за другим валятся летающие блюдца, поднимаются на металлические треножники, обрастают щупальцами и сходу принимаются разить направо и налево лазерными пушками и газовыми бомбами. Пылают леса, с грохотом рушатся здания, в панике мечутся обезумевшие от ужаса люди. Леонов со всех ног мчится через этот огненно-дымный хаос, глаза его выпучены, рот разинут в беззвучном вопле, а вокруг него вспыхивает, взрывается, разверзается земля, и вот уже тянется к нему вдогонку страшное суставчатое щупальце с лязгающими крючьями на конце... ближе, ближе, ближе... крючья впиваются ему в плечо, он делает отчаянный рывок и...

...влетает в комнату соседей, захлопывает за собой дверь и прижимается к ней спиной, тяжело дыша, зажмурившись, дрожа всем телом.

Соседи, немолодая супружеская чета — Алевтина Андреевна Мордюкова и Сергей Петрович Сафонов, — окаменев от изумления, глядят на него. Они сидят за накрытым столом, появление Леонова застало их за ужином.

— Ты что это, Иван Никанорыч? — произносит наконец Мордюкова и поднимается. — Что это с тобой?

Леонов открывает глаза и мутным взором обводит комнату: сервант, горка с посудой, телевизор в углу на столике... кушетка с вышитыми подушечками, платяной шкаф... лампа с абажуром, сверканье посуды на скатерти... занавески на окне... приоткрытая дверь напротив, через которую видны стеллажи с книгами и край письменного стола.

— Всё... — бормочет Леонов. — Конец. Пропал.

Мордюкова, дородная и величественная, в огромном синем халате, подходит к нему.

— Да что случилось? — спрашивает она. — Смотри-ка, пижаму разорвал...

Леонов скашивает глаза на свое левое плечо. Действительно, в том месте, куда впились крючья щупальца, вырван с мясом здоровенный клоч материи.

— Это они... — бессвязно произносит Леонов. — Задержать хотели... Испугались, что выдам...

— Кто? — испуганно спрашивает Мордюкова, и Сафонов тоже поднимается из-за стола и идет к ним. (Он в брюках со спущенными помочами и в ослепительно-белой рубашке.)

— Кто, кто... — передразнивает Леонов. — Пришельцы, вот кто... — Он ощупывает дыру на плече. — Это надо же, — говорит он огорченно. — Этакую дырищу... пижама-то совсем новая...

Мордюкова и Сафонов переглядываются и снова уставляются на Леонова.

— Кто, ты говоришь? — спрашивает Мордюкова.

— Пришельцы! — орет Леонов.

Мордюкова могучей рукой отстраняет его и открывает дверь в прихожую. Что-то ощупывает в темноте.

— Так и есть, — говорит она. — Не забил.

Сафонов виновато разводит руки.

— Вчера ведь еще сказала: забей гвоздь, иначе так и будем одежду рвать...

— Да что вы со своими гвоздями? — отчаянно кричит Леонов. — Какие тут вам гвозди, когда всему конец теперь?

Глава 2

Мордюкова, Леонов и Сафонов за столом. Леонов заканчивает свой рассказ, торопливо прихлебывая из стакана остывший чай. Мордюкова слушает, недоверчиво покачивая головой. Сафонов сидит, положив подбородок на скрещенные пальцы, упираясь локтями в стол.

— Так прямо и сказал мне... — говорит Леонов, понизив голос. — Время-де у них течет по-другому, а потому сроку мне они дают только до полуночи...

Все взгляды невольно обращаются к большим настенным часам. Четверть десятого.

— А потом? — спрашивает Мордюкова.

— А потом, Алевтина Андреевна, я бежать кинулся! — повысив голос, отвечает Леонов. — А он мне вслед кричит: если до полуночи согласия не дашь... — Он запинается и смущенно умолкает.

— То что? — спрашивает Сафонов. — Что будет, если не дадите?

— Ну... как — что? Плохо, наверное, будет.

— Он так и сказал?

Леонову очень хочется ответить в том смысле, что, мол, да, так и сказал. Но честность его и серьезность положения вынуждают его к точности.

— Н-ну... так мне послышалось... — бормочет он. — Вернее, дальше я не расслышал, бежать кинулся...

— Э-эх, Иван Никанорыч! — укоризненно восклицает Мордюкова, а Сафонов сейчас же произносит:

— А может быть, он просто хотел сказать: если до полуночи не согласитесь, вынуждены будем искать другого человека... И почему вы, собственно, кинулись бежать?

— Да как же? — изумляется Леонов. — Как же? Ведь это же вторжение, Сергей Петрович! Это же нападение на Землю из Космоса готовится! Как у Герберта Уэллса!

— Ну уж так обязательно и вторжение... С какой же стати? Откуда вы это взяли? Они что — угрожали вам?

— Вот именно! — подхватывает Мордюкова. — Стали бы они с вами болтовней заниматься, если бы напасть хотели... Ударили бы — и всё!

— А вот и не всё! — кричит Леонов. — Почему мы знаем? Может быть, они у меня все выведать хотели...

— Великий вы знаток военных тайн, — насмешливо говорит Мордюкова.

— Или своим шпионом сделать... завербовать...

— Бросьте, Иван Никанорович, — произносит, морщась, Сафонов. — Ну сами подумайте, ну зачем такой высокой цивилизации война? К чему им на нас нападать?

— То есть как это — к чему? А к чему, например, испанцы на индейцев напали? И вообще колонизаторы всякие...

— Тоже мне — сравнение... Ну, давайте рассуждать здраво, Иван Никанорович. Если их технология находится на таком уровне, что они по всей нашей Галактике гуляют, как мы по собственному садику... Вы представляете себе, что такое межзвездный корабль?

— Нет, не представляю.

— И я тоже не представляю. Но зато я, как и вы, Иван Никанорович, отлично знаю: чтобы создать такое чудо, надо уметь творить множество всевозможных других чудес, которые нам и во сне еще не снятся... Ну вот, какие бы цели они могли преследовать агрессивным нападением хотя бы на нашу Землю?

— Ну... захватить еще одну планету...

— Это понятно. Но зачем? Вот вы вспомнили про конкистадоров и индейцев. Там — понятно. Религиозный фанатизм, прикрывающий самую обычную алчность, потребность в рабах, звериную жестокость...

— Ну и здесь может быть то же самое!

— А если подумать? Галактическая цивилизация — это ой-ой-ой какое новое качество! По сути дела даже наш — довольно жалкий в сравнении с ними — уровень уже не дает стимулов к подобным мерзостям. А уж они! Драгоценности? Металлы? Минералы? Так их технология, вероятно, давно уже позволяет превращать любой случайный материал в любой необходимый... даже мы понемножку учимся это делать, только пока очень дорого обходится. Рабы? Чужь собачья. Рабы даже у нас не оправдали бы себя, а уж с их свехтехникой...

— Ну, а что-нибудь вроде религиозного рвеня?..

— Побойтесь бога, Иван Никанорович! Властелинам Галактики приписывать такие побуждения!..

Леонов по существу рад, что его разубеждают. Он придвигает пустой стакан к Мордюковой.

— Н-ну, пожалуй, — ворчит он. — Действительно... Гм...

— А вот паника ваша, Иван Никанорович, весьма поучительна, — продолжает Сафонов. — Виден за нею груз предрассудков, этакое априорное предубеждение против чужаков... Живуч еще миф о грозном возмездии небесном, а?

Леонов смущен.

— Какой еще миф?

— Да обыкновенный миф об обыкновенном страшном суде. О всемогущем дьяволе, если угодно. О конце света. Признайтесь, старина, ведь была у вас мыслишка о том, что с этой вашей встречи начнется конец света? Я ведь вас знаю, за себя самого только вы бы так не испугались...

Леонов смущенно и несколько самодовольно проводит пальцем по воображаемым усам.

— Да, бывало с нами всякое. Помнится, осенью сорок четвертого на Балатоне...

Он вдруг замолкает.

— Так что, значит, соглашаться мне? — спрашивает он, переводя взгляд с лица Сафонова на лицо Мордюковой.

— Конечно, соглашаться! — убежденно говорит Мордюкова. — Чего бояться-то?

Пауза. Мордюкова и Леонов смотрят на Сафонова. Тот задумчиво поглаживает подбородок.

— М-да... — произносит он. — Бояться, конечно, нечего. И все-таки... Знаете, друзья, давайте все-таки не торопиться. Время еще есть. Хорошо бы все-таки предварительно узнать, зачем они к нам пожаловали, чего от нас хотят.

— Вот и надо соглашаться, чтобы узнать! — говорит Мордюкова. — Ясно ведь, что не с войной они к нам пришли...

— А раз не с войной, значит с миром! — бодро подхватывает Леонов. — С оливковой, значит, ветвью. Познакомиться, подружиться...

— Нас посмотреть, себя показать... — перебивает его Мордюкова с энтузиазмом. — Научить нас всяким там своим чудесам...

— Они же так много знают! — перебивает ее Леонов. — Они научат нас летать к звездам, вещества разные превращать, обучат наукам своим...

— Порядок у нас на Земле наведут, наконец! — кричит восторженно Мордюкова. — Всех накормят, напоят, оденут...

— Да мы с ними всю природу нашу переделаем! — воодушевленно вопит Леонов. — Нам с ними уже ничего страшно не будет!

— Гм... — с сомнением произносит Сафонов, и они замолкают.

— Ну чего — гм? — с досадой говорит Мордюкова. — Что, скажешь, они помочь откажутся? Закрома свои пожалеют открыть?

— Да нет... Ну-ка прикинем, что из этого может получиться.

Экран темнеет, звучит тихая ласковая мелодия. Начинается мюзикл, который в гротескном виде изображает ход и последствия благотворительной деятельности всемогущих пришельцев на нашей Земле. Охваченные благоговейным восторгом Мордюкова, Леонов и Сафонов глядят, как медленно и плавно опускаются на поверхность нашей планеты летающие блюдца. Безжизненная пустыня (видимо, Сахара). Мордюкова взмахивает рукой, и из летающего блюда выползают великолепные роботы, мгновенно прорывающие каналы, по которым немедленно устремляются изумрудные воды. Снова взмах руки Мордюковой. Из недр летающего блюда выдвигаются фантастические излучатели и заливают изрезанное каналами пространство пустыни разноцветными чудолучами. Пустыня покрывается всходами — миг, и уже шумят на ней пальмово-березово-яблочно-сосновые лесо-сады, колышутся хлебные, хлопковые, рисовые и прочие поля, а на бескрайних зеленых полях четкими подразделениями, поротно и побатальонно, маршируют стада коров, овец и прочей живности (вплоть до бегемотов). Новый взмах руки Мордюковой. Вокруг нашей троицы возникает роскошный шатер-дворец в восточном стиле, фонтаны, виноградные гроздья и прочая атрибутика, располагающая к сладкому отдохновению. Леонов, Сафонов и Мордюкова уже возлежат на пышных ложах, вереницы роботов-слуг, пританцовывая, обходят их с подносами, заставленными всевозможными яствами и напитками. Появляются новые роботы, совершенные андроиды в виде полуголых девиц, и исполняют танец живота. (Тут Мордюкова капризно хмурится,

и часть андроидов превращается в атлетически сложенных молодцов с балалайками и гитарами.) Панорама по всему земному шару, везде одно и то же: эскимосы, европейцы, китайцы, негры — все возлежат на пышных ложах, жрут, пьют и наслаждаются зрелищами, а из летающих блюд извергаются все новые и новые груды товаров широкого потребления, яств и бутылок с пестрыми наклейками. Леонов, распухший от жратвы до неузнаваемости, спит и храпит во все носовые завертки. Мордюкова, пьяная и сонная, вяло машет руками, вызывая и прогоняя роботов, стравливая их между собой в безобразных драках, и только хихикает. Сафонов, отупевший и раскисший, вдруг вздергивает голову, озирается дико и, оторвав от своего ложа роскошный декоративный шнур, делает петлю и лезет под купол шатра-дворца...

Музыка обрывается, затемнение.

Снова столовая. Сафонов хохочет, закрыв лицо руками. Леонов неодобрительно на него смотрит. Мордюкова в растерянности произносит:

— Ну уж... так уж нельзя все-таки... С какой это стати? Мы же люди все-таки...

— Вот-вот! — восклицает Сафонов. — Люди! Пока трудимся, мы люди, а ведь то, что вы предлагаете, — это похуже всякой войны, это же конец всему!

— Виноват! — с достоинством говорит Леонов. — Я ничего подобного не предлагал. Я только...

Мордюкова прерывает его, набросившись на мужа:

— Ты что же, против изобилия? Против того, чтобы все были на Земле сыты, одеты, обуты?

Сафонов поднимает руку ладонью вперед:

— Не против. Но разве тебя не убедила твоя же собственная логика? Изобилие, упавшее с неба, безо всякой затраты труда со стороны людей — это зло. Может быть, худшее зло, нежели война...

Мордюкова машет рукой и, надув губы, отворачивается.

— Позвольте, однако же, — с достоинством вступает Леонов. — Лично я, Сергей Петрович, ничего подобного в виду не имел. Я, собственно, рассчитываю отнюдь не на материальные блага, этого мы и сами добьемся в два счета. А вот получить в свои руки все достижения их наук, научиться творить чудеса...

— Нет уж! — запальчиво кричит Мордюкова. — Мы и со своими-то достижениями не знаем, куда деваться! С этой атомной энергией, с ракетами дальнобойными, с газами...

— Да, такой подарочек не менее сомнителен, чем даровое изобилие, — соглашается Сафонов. — Но дело не только в этом. Даже, пожалуй, не столько в этом. В конце концов положение в нашем мире стабилизируется, договорились насчет атомного оружия, сможем договориться и о подарочках с неба. Но есть более серьезная опасность. Представьте себе, что земная наука разом получила бы ответы не только на те вопросы, над которыми она ломает голову сейчас, но и на те, о которых она еще и представления не имеет...

[Обрыв текста.]

...Мы же сейчас сами убедились в этом... Ах, Алевтина, Алевтина! И ты туда же!

— Это куда — туда же? — вскидывается Мордюкова. — Ты это о чем?

— Да о том же самом. Вот Иван Никанорович давеча впал в дикую панику — решил, что всемогущие пришельцы непременно должны быть дьяволами во плоти. А чем лучше эти твои надежды, эти твои претензии? Тоже, между прочим, показательно. Старинная надежда на доброго всеильного боженьку, не менее старинная, чем старинный ужас перед дьяволом...

— Ну при чем здесь боженька? — смущенно бормочет Мордюкова.

— Все при том же, все при том же, Аля... — грустно говорит Сафонов. — Религия, конечно, — опиум для народа, это мы выучили, однако на себя надеяться не научились и

все ищем новых костылей, а тут подворачиваются всемогущие пришельцы, вот и готов новый миф — совершенно в духе нашей славной эпохи НТР. Пришельцы — злые дьяволы и пришельцы — добрые боги, две стороны одной и той же медали, а по существу — старинное затаенное чувство неуверенности в себе, неверия в собственные, человеческие силы...

— А если покорооче, Сергей? — угрюмо произносит Мордюкова.

— Даже если бы пришельцы прибыли сюда с такой противоестественной целью — обрушить на нас материальное изобилие, — мы должны были бы отказаться от этого подарочка. Но я не думаю, что они такие простаки.

[Обрыв текста.]

— Да, — соглашается Сафонов. — Я тоже полагаю, что опасность здесь совсем не в этом...

— Опасность? — изумляется Леонов. — Я ничего не говорил об опасности. Наоборот...

— И тем не менее, милый Иван Никанорович, опасность есть. И очень большая. Давайте предположим для простоты, что пришельцы принесли нам в дар некую эвристическую машину...

— Какую-какую?

— Эвристическую. Эта машина отвечает на любые вопросы. Наша наука получает возможность мгновенно получить ответы не только на вопросы, над которыми она ломает голову сейчас, но и на вопросы, о которых она еще и представления не имеет...

Сафонов замолкает, уставившись невидящими глазами поверх головы Леонова.

— Ну-ну? — нетерпеливо говорит Мордюкова. — Чего ты замер, Сережа?

— Уж я бы знал, что им сказать на это... — негромко произносит Сафонов.

Тяжелый медный удар. Огромная зала, погруженная в полумрак, своды ее едва угадываются в невероятной высоте. Посередине залы возвышается причудливое устройство — эвристическая машина, в чреве ее угрюмо возгораются и гаснут багровые огни. Перед нею, на постаменте, за столом, накрытым черной скатертью, восседают облаченные в черные мантии Мордюкова, Сафонов и Леонов. Леонов медленно поднимается.

[Обрыв текста*.]

* [Заметки по планируемому тексту.]

Часы — 10.15.

Показанные цели — мифические. Каковы же могут быть настоящие?

Сафонов: нам нельзя забывать, что они на многие тысячелетия обогнали нас.

Цели их могут быть столь же непостижимы, как цели ботаника на острове для дикарей, населяющих этот остров.

Эпизод с собачкой.

— Ну, для этого посредника не надо.

А зачем вообще посредник?

А именно чтобы приготовить землян к этим целям, иначе земляне могут неправильно понять.

Перечисление возможных недоразумений.

А если им нужен посредник, почему они дожидаются согласия?

Проблема дружбы. Человек и собака. Кадры из современной хроники — пони.

Сафонов призывает соглашаться.

История с Мишей Васечкиным.

Леонов: Так что же делать? Соглашаться или нет?

Сафонов: Видимо, мы неправильно ставим вопрос. Ломаем голову над их целями, а о себе, о человечестве не думаем. Почему мы взяли альтернативу — соглашаться или нет? Есть еще одно, самое правильное!

[Внизу страницы, отдельно: «Не люди, след<овательно> не могут быть добрыми и злыми, след<овательно> относиться к ним нужно, как к явлениям природы».]

.....
 Стенные часы показывают двадцать минут одиннадцатого.

Леонов, ссутулившись и засунув до отказа кулаки в карманы пижамы, бегаёт по комнате. Сафонов, помешивая ложечкой в стакане, исподлобья следит за ним. Мордюкова, пренебрежительно поджав губы, рассматривает начищенный до сияния чайник перед собой.

— Не расстраивайтесь, Иван Никанорович, — произносит наконец Сафонов. — Страхи и надежды на таком... мифологическом уровне — это ведь совершенно по-человечески. Я думаю, очень и очень многие в таком положении бросились бы в эти же крайности, что Алевтина и вы. Замечательный наш писатель Леонид Леонов правильно отметил: всегда владела человеком темная и жадная надежда выиграть истину через интуицию, кратчайшим путем. Не вы первые, не вы и последние.

Леонов останавливается.

— Ну, хорошо, ладно, — говорит он. — Я все понял. Отбросим мифы. Примем, что уничтожать нас ни силой оружия, ни грузом дарового изобилия и даровых знаний они не собираются. Будем думать логично. Каковы могут быть их цели? Просто себя показать и на нас посмотреть? Это уж, согласитесь, ни в какие ворота...

— Цели... — презрительно произносит Мордюкова. — Может, у них такие цели, что нам о них смешно и говорить...

— Ну-ка, ну-ка? — заинтересованно поворачивается к ней Сафонов.

— Да откуда мне знать?.. Да вот хотя бы...

Все готово к встрече неведомых пришельцев из Глубокого Космоса. Вот группа солидных граждан, возглавляемая Мордюковой — в руках у нее листки с приветственной речью. Вот духовой оркестр — дирижер замер с поднятой палочкой. Вот стая школьниц с букетиками и с транспарантом «Добро пожаловать!», ими командует Сафонов, облаченный во фрак при галстук-бабочке. А вот и особенно хорошо замаскированные танки и пушки; из башни переднего танка высовывается по пояс Леонов в военной форме, с биноклем в руке. Все уставились в небо. С неба медленно опускается летающая тарелка. Садится. Минута ожидания. Открывается люк. В проеме показывается Пришелец. Он о двух ногах и о четырех руках. Дирижер взмахивает палочкой, оркестр урезывает встречный марш. Под звуки марша Пришелец сходит из люка на землю, ведя на поводке шестиногую собачонку. Встречающие все как один подаются вперед, школьницы поднимают букетики и транспаранты, Мордюкова подносит к глазам приветственную речь. Марш гремит. Пришелец с собачонкой приближаются к дубу. Собачонка, подняв ножку, справляет нужду, после чего Пришелец ведет ее обратно к летающей тарелке и скрывается в люке. Крышка люка захлопывается. Минута ожидания. Летающая тарелка, постепенно набирая скорость, взмывает в небо и исчезает.

— Вот хотя бы так! — торжествующе повторяет Мордюкова.

Сафонов смеется. Леонов, махнув с досадой рукой, снова принимается расхаживать по комнате.

— Несерьезно это, Алевтина Андреевна, — ворчит он. — Вам все хиханьки да хаханьки, а время-то идет, а мы не решили ничего...

— Кроме того, заметь, Алевтина, — говорит Сафонов. — Для такого дела посредник не нужен...

— Ну, не знаю я... — произносит Мордюкова. Она очень довольна собой. — Может быть, посредник им понадобился, чтобы подходящее деревце найти. Местному, мол, виднее, где и что можно...

— Да мне-то что делать? — вопит Леонов. — Плюну я на все, пойду сейчас и откажусь. Что мне, больше всех надо, что ли?

— Вот это уже не позиция, Иван Никанорович, — укоризненно говорит Сафонов. — Впрочем, и это тоже позиция, и очень характерная. Моя-де хата с краю... Давайте не волноваться, товарищи. Кстати, Алевтина своей этой чепушинкой навела меня на мысль...

— Дурак я, удрал, не дослушал... — бормочет Леонов. — Что же он там кричал мне в догонку? Если, мол, до полуночи не сообщите согласие, то... Что? Что тогда будет?

Он взглядывает на часы — без пятнадцати одиннадцать — и в отчаянии машет рукой.

— Вот что, — произносит Сафонов и крепко хлопает ладонью по столу. — Давайте попробуем от печки. Прежде всего: примем за очевидное, что они обогнали нас на много столетий... возможно, на много тысячелетий. Таким образом, цели их могут быть нам так же непонятны, как непонятен был бы пещерному человеку интерес современного геолога к магнитным аномалиям или страсть современного альпиниста к бессмысленному ползанию по отвесным скалам... И, кстати, пещерный человек тоже не представлял бы особого интереса для целеустремленного геолога или одержимого альпиниста...

— Вот то-то и оно-то! — подхватывает Леонов. — Я-то им зачем?

— Одну минутку, одну минутку, Иван Никанорович! — словно ловя ускользящую мысль, торопится Сафонов, потрясая указательным пальцем. — Одну минутку... Сам факт, что им нужен посредник, показывает... Разумеется! Они достаточно гуманны, и посредник им нужен для того, чтобы объяснить человечеству их действия на нашей планете в правильном свете! Чтобы не возникло недоразумений!

— Не понимаю... — хмурится Леонов.

— Ну как же! Предположим, они собираются чем-то заниматься у нас на Земле, а без предварительного объяснения эти их действия могут быть восприняты как, скажем, прямая агрессия... со всеми вытекающими...

— Мудришь ты что-то, Сережа, — недовольно ворчит Мордюкова.

— Попытаюсь объяснить. Мы уже условились, что их цели могут быть нами восприняты как необъяснимые... непостижимые, что ли... даже бессмысленные. Примера я, естественно, привести не могу, но если по аналогии... Вот мы, скажем, пещерные люди, троглодиты... и вдруг появляются в наших охотничьих угодьях инженеры, рабочие, экскаваторы и начинают рыть шахту для добычи медной руды...

— Ну? — спрашивает Мордюкова.

— Ну и всё. С точки зрения этих инженеров неплохо было бы предварительно войти в контакт с одним из троглодитов и терпеливо, настойчиво, умно объяснить ему, что ничего плохого не затевается, вреда никакого племени не будет...

— Как же, не будет! — восклицает Мордюкова. — Экскаваторы эти всю дичь распугают — раз, воду в реках запакосят — два...

— Да, — произносит Леонов. — Я бы на месте этого посредника-троглодита сразу же поднял бы племя по тревоге — и в дубины этих инженеров с их экскаваторами... Нет, Сергей Петрович. Либо ваша аналогия не работает, не годится никуда, либо... это та же самая агрессия. Тех же щей, да пожиже...

Пауза.

— Я так понимаю, — дрогнувшим голосом говорит Леонов, — что надо мне соглашаться. Хоть что-нибудь выведаю, предупредить успею нашу Землю...

— Ну вот, опять, — укоризненно говорит Сафонов. — Опять мифология. Конечно, аналогия моя очень неудачна. Признаюсь, каюсь. Так ведь дело-то небывалое, товарищи дорогие, ничего подобного в истории нашей планеты не случилось, так что ошибиться ничего не стоит...

— А может, ничего им особенного от нас не надо, — задумчиво говорит Мордюкова. — Может, они просто так, подружиться с нами хотят... хобби у них такое — как найдут на какой-нибудь планете людей, так и шасть к ним: давайте, мол, дружить, а там видно будет...

— Дружил волк с кобылой... — бормочет Леонов.

— Конечно, может быть и так, — произносит Сафонов. — Нетрудно представить себе, например, что общество на их уровне развития ощущает нечто вроде потребности в постоянном контакте с обществом подобных им существ, хотя бы и более молодым, менее

упорядоченным, менее цивилизованным... ну, как вот Робинзон обрадовался, встретив Пятницу... Возможно, разумные существа, с которыми они встречались до сих пор, были совсем иной биологической организации и потому не могли удовлетворить эту их потребность... а они испытывают такой голод по общению с себе подобными, что готовы идти на любые жертвы...

— Жалко птичку, — саркастически замечает Мордюкова.

— Интересно, — угрюмо произносит Леонов, — что же это за дружба такая будет, если они на сто тысяч лет нас старше? Это же, простите, Сергей Петрович, дружба человека с собакой... или там взрослого с дитем малолетним... Это они нас вроде бы на поводке выводить в садик будут... или пеленки нам менять, так, что ли? Спасибо за таких друзей, а я еще на своих ногах стоять не разучился. Да и вообще, придумать-то все что угодно можно.

Сафонов глубоко вздыхает.

— К сожалению, далеко не все что угодно, Иван Никанорович, — отзывается он. — Но вы правы, все это предположения, ни на чем не основанные... Мы даже не знаем, какие они, чем дышат, как мыслят... они даже показаться вам на глаза не захотели... или не смогли... И ведь может быть, что они ищут в нас не друзей даже, а сотрудников... ну, вот как мы искали бы сотрудничества с дельфинами... Может быть, мы умеем что-то такое, чего они не умеют. Представляете, как расширились бы наши возможности, если бы нам удалось подружиться с дельфинами, научиться их понимать!

— Дельфины тоже внакладе бы не остались, — вставляет Мордюкова.

— Придумать что угодно можно... — мрачно повторяет Леонов.

Сафонов нетерпеливо отмахивается, его понесло.

— Или еще, знаете, что может быть? Им зеркало требуется! Об этом Лем в свое время писал. Мы им нужны как некое зеркало, взглянуть на себя со стороны, чужими глазами, попытаться, если можно так выразиться, выяснить для себя собственную свою сущность... особенно, если они не гуманоиды, то есть если они совершенно не похожи на нас, людей...

Голос Сафонова постепенно замирает, он продолжает говорить, энергично жестикулируя, но Леонов больше не слышит его. Он стоит посередине комнаты неподвижно, уставясь перед собой невидящим взглядом. В ушах его гулко отдаются слова:

«Они хотят...»

«Они ищут...»

«Им нужно...»

Стенные часы показывают десять минут двенадцатого.

— Слушайте! — кричит Леонов, и Сафонов замолкает на полуслове. — Слушайте, Сергей Петрович, Алевтина Андреевна! Вы меня сбили совсем! Что это мы ерундой занимаемся? Цели ихние, намерения... Нам-то до этого какое дело? Зачем нам гадать об этом?

— Ну, все-таки... — смущенно произносит Сафонов. — Если бы мы имели хоть какое-то представление об их целях... мы бы хоть в какой-то мере могли представить себе, добро или зло принесет человечеству контакт с ними... и, соответственно, соглашаться вам на посредничество или не брать на себя ответственность...

— Ерунда это, простите меня, Сергей Петрович, — прерывает его Леонов. — Добро, зло... Они же не люди! Добро и зло — это человеческое, это наше и только наше! А они... ну, вроде бы как море или там вулкан, тайга... явление природы, только и всего. Явление природы не может быть добрым или злым, это только люди могут быть добрыми или злыми... Контакт! Попробуйте с вулканом установить контакт...

Он останавливается, трет ладонью лоб, виновато улыбается.

— Нет, я немножко не то говорю... Но вот тут какое дело. Чего это мы время тратим, ломаем голову над их целями, их заботами? Не об этом нам думать надо!

Сафонов и Мордюкова переглядываются.

— О чем же, Иван Никанорович? — тихонько спрашивает Сафонов.

— Нам нужно думать... — Леонов в затруднении закусывает нижнюю губу. — Ну, словом, мы-то как должны к ним относиться? Наша-то позиция какая должна быть?

— Но ведь это как раз должно зависеть... — начинает Сафонов.

— Правильно, Иван Никанорович! — почти кричит Мордюкова. — В этом все дело! Плевать, чего они там хотят от нас, с чем они пожаловали! А главное — вот сам факт, что пришли они, — это как, хорошо нам или плохо?

— Именно, именно, Алевтина Андреевна! — подхватывает Леонов. — Возьмите тот же вулкан, Сергей Петрович. Как я понимаю, вулкан — это для людей всегда плохо. Лава, пепел, землетрясение. Конечно, наука со временем научится управляться с вулканами, может, даже направить их на пользу людей получится, но это когда еще будет... А с пришельцами этими и того хуже. Вот вы давеча очень точно нас с Алевтиной Андреевной разоблачили, что мыслим мы мифологически, неточно, в отсталых, так сказать, понятиях... А ведь так большинство людей мыслит! И как подумаю я, что в мире нашем начнется, когда они объявятся... Вчуже делается страшно!

Пауза.

— Хорошо, Иван Никанорович, — произносит Сафонов. — Предположим, вы правы. Да-да, я чувствую, подход у вас правильный, настоящий. Умный подход. Но что из этого следует? Дадите вы согласие или не дадите?

Леонов усмехается.

— То-то и оно, что мы этим выбором себя заморозили. Согласиться мне посредничать или уклониться. А ведь выбор здесь не из двух статей, Сергей Петрович.

Сафонов удивленно поднимает брови.

— Не из двух?

— Никак нет. Третья есть альтернативка, Сергей Петрович. И вот она-то и есть самая правильная.

Над неоглядной гористой страной, залитой ослепительным и мертвым сиянием солнца, летит вертолет. Медленно проползают под ним занесенные снегом скалистые вершины, черные бездонные ущелья, изборожденные глубокими трещинами серые склоны. Темное пятнышко — тень вертолета — скользит по нагромождениям камней, по искрящимся снеговому полям, пропадает в провалах и снова появляется, прыгая со склона на склон, с вершины на вершину. Впереди, на обширном высокогорном плато, посреди снеговой равнины лежит матово-белая чечевица — летающая тарелка. Вертолет садится рядом с нею. Он кажется крошечным, как муха рядом с перевернутой суповой миской. Из вертолета выходят трое в тяжелых меховых шубах с меховыми же капюшонами. Это Леонов, Мордюкова и Сафонов. В руке у Сафопова небольшой чемодан. Шуба на Сафонове распахнута, под шубой виден военный мундир с рядами орденских планок на левой стороне груди.

Увязая в снегу, трое идут к летающей тарелке. В матово-белом корпусе странно, словно ирисовая диафрагма фотоаппарата, возникает круглое черное отверстие люка. Бесшумно выдвигается и падает к ногам гостей волнистый трап, явно не приспособленный для ног человека. Помедлив секунду, Леонов первым ступает на прихотливо изогнутую поверхность трапа и не без труда начинает подниматься к люку. Мордюкова и Сафонов следуют за ним. Они вступают в овальный коридор с блестящими черными стенами. На стене справа появляется светящаяся стрелка, она движется, как бы показывая путь. Коридор плавно изгибается, скользит по стене светящаяся стрелка, кругом царит мертвая тишина, только шуршат по вогнутому полу обутые в унты ноги гостей. Стрелка останавливается и исчезает. В стене возникает овальная дверь. Леонов, Мордюкова и Сафонов шагают через высокий порог.

.....

— Да-да, конечно... — бормочет он. — Жаль, ах как жаль! Столько мечтали, столько ждали...

— А они, может, и не согласятся... — осторожно замечает Мордюкова. — Скажут: вы, мол, гоните нас, Иван Никанорович, так мы найдем других, которые не погонят...

Леонов молча пожимает плечами. Лицо его мрачно.

— Да нет, это вряд ли, — возражает Сафонов. — Не зря же они именно к Ивану Никаноровичу обратились... Видимо, его мнение для них решающее... с точки зрения массовой психологии хотя бы. Не варвары же они, в самом деле...

— Тогда чего же ты расстраиваешься, Сережа? Считаешь, что Иван Никанорович не прав?

— Какая разница, что именно я считаю? Отвечать-то ведь не мне. Обратились не ко мне, а к нему!

— А если бы к тебе?

Сафонов молчит.

— Правда, Сергей Петрович, — произносит Леонов. — Если бы к вам обратились, вы бы что ответили? Согласились бы?

Сафонов с силой трет ладонями лицо.

— Не знаю, не знаю, — бормочет он. — Жаль, конечно, очень жаль отказываться... Но ответственность-то какая! Нам с тобой легко, Алевтина, рассуждать: что бы мы на его месте... А ведь он-то на своем месте! И что там ни говори, резоны у Ивана Никаноровича вполне логичные... очень точные резоны... И решить вот так, самому, за все человечество сразу...

Мордюкову передергивает.

— Да уж. Здесь за одну себя или там за детей своих решаешь, и то сто раз отмериваешь. — Она вдруг взрывается. — Черт бы подрал этих пришельцев! Это надо же — какой груз на человека навалить!

Часы показывают ровно полночь.

— Пошел я, — говорит Леонов. — Спасибо. Спасибо, Алевтина Андреевна. Спасибо, Сергей Петрович.

Он поворачивается и идет к двери.

— Остановитесь, Иван Никанорович! — отчетливо и громко произносит Голос. — Никуда идти не надо!

Все вздрагивают от неожиданности. Леонов вновь поворачивается лицом к комнате и пятится. Весь вид его являет огромное изумление. Такое же изумление, смешанное со страхом, выражают физиономии Мордюковой и Сафонова. Глаза всех устремлены в сторону окна.

Там, перед окном, на подлокотнике кресла у телескопа, сидит незнакомец — красивый немолодой человек, от шеи и до ног затянутый в черное. Он ласково и приятно улыбается, кивает в знак приветствия, легко соскакивает с подлокотника и быстрым неслышным шагом подходит к столу.

— Идти никуда не надо, Иван Никанорович, — повторяет он. — Мы можем закончить нашу беседу здесь... Если, конечно, Алевтина Андреевна и Сергей Петрович не возражают.

Пауза.

Незнакомец кладет руку на спинку стула и вопросительно смотрит на хозяев комнаты.

— Прошу вас, — поспешно произносит Сафонов, откашлявшись. — Садитесь, пожалуйста...

— Да, садитесь... — столь же поспешно подхватывает Мордюкова. — Чайку, может быть? Остыл, наверное...

— Нет, благодарю вас, мне нельзя, — мягко отвечает незнакомец, усаживаясь. — Я буквально на несколько минут...

— Садитесь же, Иван Никанорович, — приглашает Мордюкова. — Не стойте в дверях...

Леонов словно во сне возвращается к столу и садится на прежнее место между Сафоновым и Мордюковой, напротив незнакомца.

— Простите, — говорит Сафонов. — С кем мы имеем честь?

— Вы и есть пришелец? — почти одновременно с мужем спрашивает Мордюкова.

Незнакомец кивает с улыбкой.

— Да, я пришелец, — отвечает он.

Сафонов шумно вздыхает.

— Приятно убедиться, — бормочет он. — Я, знаете ли, так до конца и не мог поверить. Было в глубине души сомнение. Ошибся Иван Никанорович, пригрезилось ему, мистифицировали его...

— Нет-нет, Иван Никанорович все доложил вам совершенно правильно, — говорит незнакомец. — Хотя, должен признаться, в известном смысле я его все-таки мистифицировал...

— Как это — мистифицировали? — глухо спрашивает Леонов. — В том смысле, что вы все-таки не пришелец?

Незнакомец отрицательно качает головой.

— Нет, уважаемый Иван Никанорович. Я у вас — пришелец. Только... — Он делает небольшую паузу. — Я пришелец не из Космоса. Я — пришелец из далекого будущего.

— Из далекого будущего... — тупо повторяет Леонов.

— Да. Я такой же землянин, как и вы. Но я родился на четверть тысячелетия после вас.

.....

— И для нас, историков, было чрезвычайно важно установить момент, когда начался этот гигантский перелом в массовой психологии человечества, когда эгоизм, мистицизм, иждивенчество, эти наследия нашей бурной предыстории в душе массового человека начали сдавать позиции озабоченности судьбами мира, научному мировоззрению, гордости за свою планету. О, отдельные люди, великие люди, обладавшие этими превосходными качествами, встречались во всех веках и у всех народов, начиная даже и с первобытных эпох, но то были как бы искры в сплошном мраке, искры, из которых только спустя тысячелетия суждено было возгореться пламени...

Напряженно слушают Пришельца Сафонов и Мордюкова, а Леонов даже ладонью ухо оттопырил, чтобы не пропустить ни единого слова.

— Мы давно уже научились отличать и выделять наиболее типичных носителей массовой психологии в любую эпоху, — продолжает Пришелец. — Мы общались с обитателями пещер и древними кочевниками, с горожанами древнегреческих полисов и с солнцепоклонниками Центральной Америки, с сервами феодальной Европы и чиновниками Срединной империи... И, как этого следовало ожидать, везде нас принимали либо за богов, либо за демонов, и либо бежали от нас без оглядки, либо валялись у нас в ногах, требуя и вымаливая мяса, хлеба, золота — для себя, только для себя и немедленно, сию минуту, и никому не было дела до всех остальных... И не нашлось ни одного гордого, кто бы сказал: «Уйди от нас, оставь людей в покое, мы сами разберемся в своих делах», и не нашлось ни одного доброго, который бы попросил: «Устрой мир так, чтобы все были сыты и счастливы, и чтобы никто больше не мог унижать и разорять других...»

— Да ведь были же великие гуманисты! — восклицает Сафонов. — Были великие бунтари! Сократ, Монтень, Спартак, Степан Разин...

Пришелец предостерегающе поднимает ладонь.

— Повторяю, мы обращались только к среднему человеку. К носителю самых распространенных надежд и страхов каждой эпохи.

— И вы всегда выдавали себя за пришельцев из другого мира?

— Разумеется, нет! Каждая эпоха имеет свои мифы. Концепция пришельцев из Космоса не могла прийти в голову даже интеллигенту-разночинцу девятнадцатого века, не говоря уж о народных массах. Но в ваше время миф о пришельцах — злых или добрых, дьяволах или богах — один из самых распространенных. Потому-то мы и выбрали его в качестве пробного камня для испытания вашей психологии. Что ж, мы надеемся, что вы не в обиде за этот эксперимент, Иван Никанорович. (Леонов машет обеими руками, показывая, что он не в обиде.) Кстати, заверяю вас, Иван Никанорович, что на психическом здоровье вашем он несколько не отразится, меры нами приняты... (Леонов прижимает ладони к груди и кланяется, прикрыв глаза, показывая, что он в этом не сомневается.) Так вот, товарищи, должен сказать вам следующее. Я с огромным интересом следил за приключениями вашей мысли на протяжении всей дискуссии, протекавшей за этим столом. И теперь объявляю вам: Иван Никанорович Леонов — первый во всей истории массовый человек, который нашел правильное решение. Да, вначале он впал в панику, затем ударился в другую крайность, но решение все-таки нашел. Он совершенно правильно рассудил, что не комнатной собачкой, не попрошайкой, не стадом грызущихся между собой зверей должно встретиться земное человечество со сверхцивилизациями Космоса, а объединенной, могучей, коллективной силой, равноправным партнером, способным не только брать, но и давать, не только учиться, но и учить, не только подвергаться влияниям, но и влиять самому...

Сафонов и Мордюкова смотрят на Леонова. Леонов красен, он старается сохранить равнодушно-внимательный вид, но лицо его против воли раздвигается польщенной улыбкой.

— Собственно, мы давно уже предполагали, что момент этот надо искать именно в вашем времени и в вашей стране. Ведь именно здесь весь народ впервые запел: «Никто не даст нам избавленья — ни бог, ни царь и ни герой». Именно здесь и в ваше время народ впервые начал воспитывать в себе уверенность в собственных силах, научное мировоззрение, высокий гуманизм... Ну что ж, наши предположения оправдались. А теперь мне пора. Прощайте, дорогие предки.

Пришелец из будущего поднимается. Сафонов торопливо вскакивает на ноги.

— Погодите! — почти кричит он. — Как же так? Вы ничего нам не расскажете? Так и уйдете?

Пришелец улыбается, слегка разводит руками.

— Не могу, — говорит он. — К сожалению, не имею права.

— Да-да, — бормочет Сафонов. — Понимаю.

Аркадий Стругацкий **[Подборка об исчезновении Евг. Сазонова для** **«Литературной газеты»]**

Исчезновение модного прозаика и поэта Евг. Сазонова вызвало огромный интерес не только отечественной, но и зарубежной общественности. Многочисленные поклонники людоведа и душелюба в странах обоих полушарий активно включились в поиски своего любимца и в построение всевозможных догадок относительно его судьбы. Мировая пресса, как и следовало ожидать, с приличествующей ей объективностью и барометрической точностью (хотя, к сожалению, и не без привкуса дешевой сенсационности) отражает ход и результаты этих благородных устремлений. Внештатные корреспонденты «Литгазеты» С. Бережков и С. Витин составили подборку газетных материалов, которая, по мнению администрации Клуба «12 стульев», достаточно полно характеризует направление беспокойных умов, занятых прогремевшим на весь мир «феноменом исчезновения».

1. «Известный тосканский скотовод-любитель Генрих Фогаццаро на пресс-конференции в Ливорно продемонстрировал нижнюю челюсть безрогого млекопитающего со стальным мостиком на месте правого коренного зуба, утверждая, будто это челюсть Евгения Сазонова, с которым он встретился в прошлом году в Риме на ипподроме. Сеньор Фогаццаро нашел эту челюсть в прошлую среду в Пизе на берегу Арно и выразил мнение, что Евг. Сазонов пал жертвой знаменитого мафиозо Алерамо за отказ уплатить последнему карточный долг. Присутствовавший на пресс-конференции епископ Пизанский попытался опровергнуть догадку Фогаццаро на том основании, что он якобы опознал в демонстрируемом предмете ослиную челюсть, которой некий первобытный христианин избил батальон филистимлянских латников».

(«Аванти Вольтерра», 12 апреля с. г.)

2. «Группа норвежских альпинистов, совершавших восхождение на гору Улугмузтаг, сообщила по радио, что ими найдены следы Евг. Сазонова. Следы имели место в снегу, представляли собой отпечатки босых ступней с далеко отстоящими босыми пальцами, причем след правого большого пальца перекрывался отчетливым отпечатком обручального кольца. Впрочем, спустя двое суток норвежцы передали вторую радиogramму, из которой явствовало, что, к сожалению, обнаруженные следы никакого отношения к Евгению Сазонову не имели, а были оставлены пресловутым снежным человеком, каковой как личность наполовину мифическая никакого интереса не представляет».

(«Калькутта дэйли ньюс», 4 мая с. г.)

3. «В Мастодонтовой пещере (США, штат Невада) юные спелеологи Джим Гаррис и Клод Моргенау обнаружили на стене загадочный чертёж, выполненный мелом: [Изображение большой буквы «С», перечеркнутой горизонтальной стрелкой.]

Поскольку мальчики изучают в школе русский язык, они сразу решили, что знак этот оставил Евг. Сазонов, давая понять, в какую сторону он двигался перед тем, как исчезнуть в подземном лабиринте. В редакции местной газеты, куда мальчики обратились со своим открытием, резонно предположили, что в темноте они не разглядели чертёж как следует и что по-настоящему он выглядит так: [Изображение букв «WC», перечеркнутых горизонтальной стрелкой.]

На это юные энтузиасты не менее резонно возразили: «Мы проторчали возле этой надписи три часа. Если вы правы, то что там мог делать мистер Сазонов столько времени?»»

(«Сакраменто пост», 11 мая с. г.)

4. «Наш корреспондент обратился к одному из руководителей Скотланд Ярда, сэру Дэвиду Хоуку с просьбой высказать мнение по вопросу, куда и почему мог исчезнуть знаменитый русский писатель Евг. Сазонов. Сэр Дэвид пожал плечами. «По-моему, — заявил он, — вопрос ставится неправильно. Следует спрашивать не "куда" и "почему", а "зачем". Или даже "за чем"».

(«Эллери Куин», 4 <мая> с. г.)

5. «Студент-филолог Токийского университета Хасуда Итиро выступил с предположением, будто Евг. Сазонов был убит наемными гангстерами (якудза), когда явился в правление известной аптекарской фирмы «Кэнко» с требованием гонорара за название нового мочегонного средства «Рарю». Здесь явное недоразумение: Хасуда-сан слишком вольно истолковал японское «Рарю» как «Бурный поток»».

(«Токё нити-нити», 16 мая с. г.)

6. «19 мая на международном съезде русистов в Амстердаме имело место загадочное происшествие. На одном из семинаров шла горячая дискуссия по поводу того, где нужно ставить ударение в слове «недолга». В самый разгар дискуссии в помещение вошел замаскированный незнакомец и, перекрывая голоса споривших, провозгласил: «Не «недолга» и не «недолга», нет такого слова! Есть «недолго»! Например, «недолго барахталась старушка», смотрите восьмой том сборника «Достоевский в воспоминаниях

наших современников», страница 256». Сказавши это, незнакомец удалился. Пораженные дискуссанты в один голос провозгласили, что это был Евг. Сазонов».

(«Линга Руссо», 5 <мая> с. г.)

Тексты подготовлены: С. Бондаренко

Варианты рукописей и изданий

«За миллиард лет до конца света»

«За миллиард лет до конца света» принадлежит к числу тех немногих произведений, которые сами Стругацкие неизменно выделяли в своем творчестве как самые удачные и любимые. Как вспоминал в «Комментариях к пройденному» БНС, «...это был как бы кусочек нашей жизни, очень конкретной, очень личной жизни, наполненной совершенно конкретными людьми и реальными событиями». Проблема выбора, затронутая во многих книгах АБС, является здесь основным двигателем сюжета, причем на нескольких уровнях — как на очевидном, открытом для всех, так и на менее явных, требующих от читателя определенной квалификации и, если угодно, активного сомыслия с Авторами и их героями.

Когда появилась возможность высказаться откровенно, БНС пояснил в офлайн-интервью (16.07.2004): «Конфликт, описанный авторами в ЗМЛДКС, взят из реальной жизни того времени, — когда люди вынуждены были жить и работать под непрерывным воздействием неодолимой и тупой силы (олицетворяемой пресловутыми «органами»), подчиняться этой силе, зависеть от нее всецело, принимать Причастие Буйвола (как писал Генрих Бёлль). Так что эта повесть на самом деле — притча, «современная сказка», где вместо ГБ — таинственное и всемогущее Гомеостатическое Мироздание, а вопрос один, главный, совсем не сказочный: «Как вести себя под непереносимым давлением, чтобы остаться порядочным человеком?» Интересно, что в позднем романе БНС «Поиск Предназначения, или Двадцать седьмая теорема этики», имеющем некоторые черты сходства с ЗМЛДКС, сила, противостоящая главному герою, его друзьям и знакомым, названа точно — Государственная Машина. Может быть, конечно, здесь случайное совпадение, но аббревиатура у этого термина и у Гомеостатического Мироздания — одна и та же.

Разумеется, в ЗМЛДКС столь явные формулировки использованы быть не могли, поэтому мысли Авторам пришлось маскировать внешней фабулой. Прием этот для творчества Стругацких не нов: достаточно вспомнить, например, повести «Трудно быть богом» (где этот прием удалось использовать без серьезных последствий для текста) и «Обитаемый остров» (где борьба редакторов и цензоров с аллюзиями и параллелями, напротив, отразилась на повести далеко не лучшим образом). Однако в новом произведении проявлено поистине виртуозное умение работать с подтекстом. Да, кто-то воспринимал только первый смысловой слой, что не мешало ему с пользой и удовольствием читать повествование о неравной борьбе ученых с самим Мирозданием. БНС 16.11.2000 писал по этому поводу в офлайн-интервью: «Чисто «научно-фантастическое» толкование событий тоже имеет право на существование. Такое «двухслойное» понимание повести было изначально задумано авторами, ибо «главная» идея была в те времена нецензурна и нам приходилось маскировать ее чисто НФ выдумками».

Но находились — и в немалом числе — те, кто сумел «вычитать» из этой истории, внешне не выходящей за рамки тогдашней советской фантастики, совсем другие вопросы — тем более что указанными уровнями прочтения проблематика повести отнюдь не исчерпывается. Да, из текста может быть извлечена, словами БНС в офлайн-интервью (23.12.2001), «реалистическая советская история — интеллигентов, которых душит власть». В то же время трактовать основную идею произведения исключительно как обличение «происков КГБ» было бы крайним упрощением. (Далее пойдет речь о том, что вынужденное общение одного из Авторам с этим учреждением обогатило сюжет повести, однако придуман он был гораздо раньше.) Да, Стругацкие, выбирая модель непостижимой и непреодолимой силы, основывались на собственном жизненном опыте и уже в силу этого не могли не подразумевать определенные реалии окружающей их жизни. Но это касается самых разных структур, облеченных властью что-то остановить, отменить, прекратить, и самых разных людей, олицетворяющих эти структуры. Чаще всего эти знакомые Авторам организации и люди не имели прямого отношения к органам госбезопасности, что не мешало им, однако, эффективно и слаженно действовать на своем «участке фронта». Например, в «Хромой судьбе» — еще одном произведении с немалой долей автобиографичности — появление некоего эпизодического околосредового персонажа наводит Феликса Сорокина на мысли, вполне созвучные основному конфликту ЗМЛДКС: «Ты перешел улицу на красный свет — и тварь откусывает тебе ноги. Ты вставил в рукопись неуместное слово — и тварь откусывает тебе руки. Ты выиграл по облигации — и тварь откусывает тебе голову. Ты абсолютно беззащитен перед нею, потому что не знаешь и никогда не узнаешь законов ее охоты и целей ее существования».

Впрочем, реализация замысла повести оказалась шире и глубже как внешней сюжетной «обертки», так и обозначенного выше подтекста. Если отвлечься от социальной персонификации, ЗМЛДКС — блестящее исследование общей модели поведения умного и совестливого человека, которому внешние обстоятельства мешают нормально жить, мыслить, работать. Если обойти

преграду невозможно, остается либо пытаться преодолеть ее (даже при ощущении полной безнадежности таких попыток), либо сдаться (для чего может найтись множество причин). Авторам были хорошо известны слова А. Белинкова: «...если ничего нельзя сделать, то нужно все видеть, все понимать, не дать обмануть себя и ни с чем не соглашаться». Это минимальное условие достойного поведения. А решаться ли на что-то наперекор тому, что «ничего нельзя сделать» — это каждый должен выбирать только сам.

Неудивительно, что разные люди находили в повести то, что оказывалось наиболее созвучно именно им, включая и удивительные порой совпадения с подробностями их собственной жизни. В офлайн-интервью БНС (27.04.2000) говорится: «Многие из читателей утверждали, что события, описанные в ЗМЛДКС, происходили именно с ними, и приводили соответствующие примеры. Совпадение — случайное. Однако же, видимо, это типичная ситуация, когда человеку не дают делать его дело самые разнообразные привходящие обстоятельства, зачастую на вид просто-таки фантастические».

О том, что побудило Стругацких начать работу над ЗМЛДКС, достаточно подробно рассказано в предыдущем томе при рассмотрении вариантов «Парня из преисподней». Судьбы этих произведений на некоторое время оказались тесно связаны, и то, что касается предыстории одной повести, во многом касается и другой. Вкратце следует напомнить, что в первой половине семидесятых годов положение Авторы как профессиональных писателей было крайне тяжелым. Публиковать их книги вроде бы никто однозначно не запрещал, но и добиться этих публикаций не удавалось. За исключением «Детской литературы» с ее неизбежной возрастной спецификой, советские издательства вообще не проявляли интереса ни к новым книгам АБС, ни к переизданию их прежних произведений. Где-то отказы были прямыми, где-то что-то бесконечно переносилось и согласовывалось... Редкие исключения (в первую очередь это касается журнала «Аврора») лишь подтверждали тенденцию: со Стругацкими избегали связываться — когда по сознательному убеждению, когда ради элементарного самосохранения. Не было публикаций, не было денег, непонятно было, чем можно и нужно заниматься дальше. Заработки «на стороне» оставались делом ненадежным и, конечно, не могли принести морального удовлетворения. Писать новые произведения, не имея сколько-нибудь обоснованных надежд на их выход в свет, тоже не хотелось, а многолетняя работа над рукописью заведомо непроходимого «Града обреченного» примером для подражания служить не могла: это был очень важный для Авторы, но все-таки однократный поступок.

Весной 1973 года АБС, поставив задачей публикацию новой повести в «Авроре», тщательно проанализировали все более или менее пригодные для этого сюжетные заготовки, придуманные ранее. Критериев оценки было придумано много, находились они в сложной взаимосвязи. (В письме БНС брату от 6 апреля 1973 года был сформулирован, например, парадокс: «...чем лучше получится повесть, тем меньше шансов, что ее опубликуют».) От большинства идей, изложенных в письмах и рабочих дневниках того времени, впоследствии остались лишь беглые упоминания в более поздних произведениях («Хромая судьба», «Волны гасят ветер»); сюжет, связанный с «мальчиком из преисподней», был реализован, помимо одноименного сценария, еще и в повести «Парень из преисподней» А замысел, вызвавший к жизни ЗМЛДКС, если и походил чем-то на будущую повесть, то скорее не общей идеей, а сопутствующими деталями.

Сюжет под условным названием «Июль с пришельцем» описывался в упомянутом выше письме БНС 1973 года так: «История одного математика, который взял в июле академический отпуск, сидит в квартире один (семья на даче) и вдруг обнаруживает пришельца, который вперся на своем корабле к нему в детскую. Целый месяц они проводят вместе, спасаясь от преследования соседей, дворников, милиции и приятелей как математика, так и его сына — очень реалистическая ситуация: представь мою квартиру. Масса забавных и трагикомических приключений. Элемент новизны: пришелец оказывается туристом; хотя он и житель суперцивилизации, но ни хрена о ней не знает — существо жалкое и ничтожное — современный инкассатор, у которого пытаются выяснить, как устроен мир, в котором он живет, или, хотя бы, магнитофон, которым он пользуется». А в недатированной апрельской записи в рабочем дневнике 1973 года БНС представил эту идею следующим образом: «Пришелец-турист вперся в детскую. Продавец, ничего не знает, жалкая личность, запуганная, боится подслушивания. Запах духов. Милиция (из-за соседней квартиры). Дворник. Соседи. Гости. Подозрения. Проблема питания. Мучения без всякой научной пользы».

На основной сюжет ЗМЛДКС эти наброски не особо похожи, хотя мелких соответствий — немало, начиная с июля как времени действия, отпуска главного героя и того, что его квартира — это фактически квартира БНС. Позже решающим для выбора Авторы стал, видимо, не «элемент новизны», а как раз фоновые подробности, из которых и вырос новый стройный сюжет.

После всех обсуждений и подсчетов выяснилось, что наиболее предпочтительными для разработки выглядят «Мальчик из преисподней» и «Июль с пришельцем». 16 апреля БНС пишет:

«Картина в общем, как видишь, получилась сходная, но формальный вывод: писать надо ИсП. Во-первых, ИсП по обоим методам выходит на первое место; во-вторых, по ИсП у нас НАИЛУЧШАЯ сходимость оценок — мы, не сговариваясь, дали ИсП почти одинаковое кол-во баллов. Впрочем, сам понимаешь, такие вещи статистикой не решаются». Решено было, что окончательный выбор Авторам следует сделать при ближайшей встрече.

Ровно через неделю, 23 апреля, эта встреча происходит в Ленинграде. Уже в первый день удается не просто выбрать сюжет, но и, отказавшись от идеи с пришельцем-туристом, довольно ясно представить, о чем на самом деле пойдет речь в новом произведении. В «Комментариях к пройденному» БНС вспоминает: «Редкий случай, когда «скелет» повести нам удалось построить фактически за один-единственный рабочий день».

Вот как выглядят самые ранние записи по этому «скелету».

Арк приехал писать заявку в «Аврору».

1. «Фауст, XX век». Ад и рай пытаются прекратить развитие науки.

2. «За миллиард лет до конца света» (до Страшного суда).

Диверсанты.

Дьявол.

Пришельцы.

Спруты Спиридоны.

Союз Девяти.

Вселенная.

а) Явления чисто бытовые, вполне вероятные: соблазнительная подруга жены.

б) Явления бытовые, но чрезвычайно маловероятные: коньяк в холодильнике.

γ) Явления мистического плана: привидение.

δ) Явления н/ф плана: пришельцы, замедление хода времени.

ε) Явления внецелевые: кусок мяса.

Motto¹: наш долг перед человечеством, а не перед Вселенной.

В тот же день написан черновик заявки для журнала «Аврора».

Предлагаем вашему вниманию новую фантастико-приключенческую повесть «За миллиард лет до конца света» (название условное).

Действие повести разворачивается в наше время в одном из крупных городов Советского Союза. Герои повести — молодые ученые, специалисты в практически не связанных между собой областях науки. Каждый из них, работая в своей области, стоит на пороге небезынтересного (хотя и не блестящего) открытия. И тут все они начинают ощущать себя в центре каких-то странных, зачастую фантастических событий. Проходит немного времени, и они осознают, что какая-то мощная сила старается помешать им закончить работу. Сопоставляя свои наблюдения и догадки, они приходят к выводу, что работа каждого из них является частью некоего надвигающегося открытия огромной важности, и этого открытия боятся и не хотят представители иного, нечеловеческого разума. Преодолев (не без потерь) все трудности, наши герои не только заканчивают свою работу, но и, обративши зло в добро, вплотную принимаются за поиск этой неведомой, но уже витающей в воздухе идеи, которая, может быть, поднимет человечество на новый уровень знания и могущества.

Повесть видится нами как увлекательное, полное загадочных происшествий повествование. С другой стороны, это будет рассказ о неизбежности и неостановимости научно-технического прогресса, о мужестве и бесстрашии настоящего ученого, о верности его долгу перед человечеством.

Ожидаемый объем повести — 7–8 авторских листов. Рукопись может быть представлена в ноябре-декабре 1973 г.

¹ Здесь: девиз (англ.).

Здесь почти не прописаны какие-то конкретные сюжетные линии, а многое из того, что все-таки обозначено, приняло позже иной вид (это особенно касается того, как герои преодолевают все трудности и заканчивают свою работу). Подобные несовпадения предварительного замысла на уровне заявки с окончательным текстом — дело вполне обычное, а вот обещание предоставить готовую рукопись до конца 1973 года нарушать не следовало, и как раз здесь позже возникли большие проблемы.

Впрочем, на тот момент все казалось ясным и не внушающим беспокойства. Сюжет новой повести был Авторам интересен и при этом выглядел — при должной тщательности обработки — приемлемым для публикации. Времени до конца года на завершение новой рукописи, как представлялось, хватало. С альтернативным сюжетом по «Мальчику из преисподней» вопрос, казалось бы, был закрыт: предпочтение отдавалось не повести, а сценарию.

Однако уже вскоре пришлось существенно корректировать эти планы — и чем дальше, тем больше. Можно сравнить последующую цепочку событий с действиями Гомеостатического Мироздания — с той лишь оговоркой, что исход оказался благоприятным: замысел ЗМЛДКС был реализован хотя и позже, но — в силу рассматриваемых далее причин — на более высоком уровне. Кроме того, стало возможным появление на свет и повести «Парень из преисподней», хотя Авторы недолюбливали ее в немалой степени как раз из-за «внеплановости» написания, вынужденной замены на эту работу другой, куда более их привлекавшей.

Но это было потом, а с конца апреля 1973 года началась подготовка к будущей работе. О ней дают представление рабочие дневники и некоторые сохранившиеся архивные материалы.

Черновик заявки написан 23 апреля, на следующий день подготовлен ее окончательный вариант, который БНС 25 апреля отвез в «Аврору». До 27 апреля Авторы продолжают сюжетную разработку. В их рабочем дневнике за эти дни довольно много записей, относящихся к ЗМЛДКС. Основная их часть далее приведена.

Баба (подруга жены с запиской; оч<ень> соблазнительная).

Коньяк в холодильнике.

Странное (само)убийство соседа.

Странное поведение следователя (Кафка).

Дьявол: копыта на подоконнике.

Агент Союза Девяти.

Агент пришельцев.

Внезапное повышение по службе, требующее отказа от работы.

Коллекционерские находки (монеты, марки).

Нашествие сладострастных баб.

Фальшивые идеи (Ньютон — пойман на Апокалипсис; Ферма никогда не доказывал своей теоремы, почерк не его).

Телефонные звонки (телефон соединился с бюро разных справок).

Подкинут мальчика, 4-х лет («Больше воспитывать не могу, воспитай сам»).

Застрял в лифте.

Раздражение — удивление — страх — I понимание (все это не случайно) — ужас, поиск поддержки.

Губарь — электронщик, знакомый Вайнгартена, 29 л. Захар Захарович, бабник.

Малянов — 1-е лицо, астроном. Дмитрий Алексеевич.

Вечеровский — математик. Филипп Павлович.

Лубнева Софья Марковна — баба.

Вайнгартен — биолог, генетик. Валентин Анатольевич.

Глухов — лингвист-историк, знакомый Губаря. Владлен Семенович.

Снеговой — сосед убитый, физик из ящика. Арнольд Петрович.

Малянов Дмитрий Алексеевич, астроном, 30 лет, кандидат наук, Институт теоретической астрофизики, м<ладший> н<аучный> с<отрудник>, 170 р. в месяц, рядовой науки, без собственной темы, на подхвате, озарен темой «Распределение плотности в газопылевом облаке под воздействием звезд разных светимостей». Жена и ребенок у

родителей жены в Одессе. Жена работает, в отпуске (она из того же института). Отец погиб, мать живет у брата в этом же городе. Хобби — фотослайды. (Обнаружил в своей слайдотеке снимки, кот<орых> никогда раньше не видел.) Похож на Б. Н. С.

Жена — Ирка.

Сын — Бобка.

Вечеровский Филипп Павлович, математик, учился вместе с Маляновым в матмехе, 30 лет, доктор наук, профессор университета, тема — ?, разведен, купил квартиру в этом кооперативе. Родители в другом городе. Хобби — Брассанс, Пит Сигер и десятки др<угих>, крутит на магнитофоне, и поэзия. Похож на Шилейко. Читает стихи, хе-хе-хе, чисто физиологическое удовольствие — довольное уханье уэллсовских марсиан, когда они напиваются кровью.

Вайнгартен Валентин Анатольевич, биолог-генетик, учился вместе с Маляновым в школе, 5 лет на одной парте, 30 лет, кандидат, без пяти минут доктор, работает в Институте защиты растений АН, зав<едующий> отделом (изранец), женат, двое дочек. Страстный коллекционер марок, монет, значков, пуговиц, а также кактусов. Похож на Громова: преждевременно постаревший, почти лысый, горбоносый, очень болезненного вида, тощий, но с брюшком. Привычки: у всех спрашивает «покажи мелочь», грызет обгорелые спички, очень язвительен, полностью под каблуком жены, в науке — фантастический эрудит, знает всю биологию. Сын очень крупного биолога.

Губарь Захар Захарович, электронщик, одно время учились вместе с Вайнгартеном на биофаке, 30 лет, МНС в ящике, готовит кандидатскую. Холост, большой бабник, ничего не кончал, а работает где угодно, стал конструктором без диплома à la Мирер или Копылов. Мастерит проигрыватели, карманные приемники, миниатюрные телевизоры. Похож на Ревича.

Глухов Владлен Семенович, италист, познакомился с Губарем в больнице, 40 лет, сотрудник Института Европы, кандидат, разрабатывает тему «Практика и последствия культурного влияния США на Италию. Количественная и качественная оценка», заведует группой, ст<арший> науч<ный> сотрудник. Женат, сын-студент (пьют вместе). Одна из лучших в СССР коллекция детективов (читает только какой-то памятник, малоизвестный широкой публике, и детективы в переводе на итальянский). Пишет в ЛГ статьи о зарубежном детективе, но никто их не печатает. Похож на Томашевского: маленький, курносый, красноглазый, суетливый, в очках, очень не дурак выпить, говорит быстро, готовыми формулировками.

Снеговой Арнольд Петрович, сосед по лестничной площадке, 63 года, физик, работает в ящике, живет один. Большой, грузный, совершенно седой, обожженное лицо. Часто отсутствует — уезжает на несколько месяцев, оставляет ключ Малянову, но ключ никто ни разу не попросил. За 2 месяца очень интересовался работой Малянова, когда работа еще была в математическом тупике.

Список имен персонажей получился достаточно точным, только иначе названа пока гостя Малянова, а у двух персонажей — пока что другое отчество: Снеговой превратится а Арнольда Павловича, Вайнгартен станет сначала Валентином Андреевичем, затем — Артуровичем.

В кратких характеристиках персонажей первоначально было указано, что Малянов похож не на БНС, а на «Севку Ревича». Некоторое сходство с Ревичем затем передано Губарю, но, как можно понять из черновых разработок, это касалось лишь специфики общения. Как и все прочие, этот образ — собирательный. БНС, например, писал в офлайн-интервью (10.03.2005): «Да, у Губаря был прототип. И это именно был «бабник фантастический, но при этом никак не грязный тип». В остальном, впрочем, Губарь на него похож мало».

О прототипе Вечеровского БНС говорил в офлайн-интервью (27.01.2005) так: «У Вечеровского не один, а даже два прототипа, оба крупные ученые. Один математик, другой физик. Оба люди исключительного ума, но вовсе не идеальные». В другой части того же интервью (11.09.2005) уточнялось: «...оба друг на друга удивительным образом не похожи, и если и есть у них какое-то сходство, то — неуловимое». Хотя имена здесь не названы, из подготовительных материалов к ЗМЛДКС ясно, что имеются в виду Ю. Манин и А. Шилейко.

В биографиях писателя-фантаста А. Меерова есть слова: «Послужил прототипом Снегового в повести А. и Б. Стругацких «За миллиард лет до конца света» (1976)». БНС подтвердил в офлайн-интервью (4.06.2003): «Да, это действительно так. Наш Снеговой внешне да и некоторыми своими биографическими черточками очень похож на Александра Александровича».

В качестве частичных прототипов Глухова и Вайнгартена выше упоминаются литературовед Ю. Томашевский и биолог-генетик Б. Громов. Облик Вайнгартена позже был уточнен, а некоторые особенности его внешности и манер позаимствованы у режиссера А. Германа.

Малянов унаследовал не только определенные внутренние черты одного из Авторов, но и некоторые его, так сказать, бытовые обстоятельства. Действие происходит в квартире БНС на улице Победы (в повести это улица Героев). Калям — его кот или кошка, что в данном случае не имеет значения. В офлайн-интервью (29.12.2006) сказано: «Калям — это наследственное имя всех моих котов, независимо от их пола, возраста и времени появления в доме». И даже тема работы не выдумана. Снова обратимся к офлайн-интервью (16.09.2008): «Вся (почти вся) терминология, используемая Маляновым, взята из моей работы о движении звезды в газопылевых облаках Галактики. Только Малянову повезло сделать там какое-то открытие, а я просто рассчитал динамику процесса и получил кое-какие теоретические выводы, годные для сравнения с наблюдениями. Есть (коллективная) статья на эту тему в «Астрономическом журнале» году этак в 58–60-м». (Статья «Об одном признаке взаимодействия звезд с диффузной материей», авторами которой указаны, помимо БНС, еще четыре человека, действительно была опубликована в «Астрономическом журнале» в 1956 году.)

Несколько позже БНС вносит в рабочий дневник еще несколько записей о Малянове, среди которых наиболее любопытна явно указанная «аналогия с писательством».

Именно ему предлагают повышение; приезжает жена, напуганная его письмом, — они вдвоем, в темноте, прижавшись друг к другу, борются со страхом.

Следователь: Кто это там у вас?

Я: Да... так... подруга жены.

Смотрят — а там никого, только Калям, уронивший цветок.

— Гордиться надо, что на нашу работу обращают такое внимание! (Аналогия с писательством.)

Ужас за жену и ребенка. Приезжает жена, получив фальшивое письмо. Он всё скрывает, чтобы уберечь ее от страхов. Она находит лифчик — он вынужден рассказать. Потом всё рвет и пытается забыть.

<...>

Сила навалилась на человека — мнет, лепит, ломает, плющит, делает то, что хочется Ей, а не ему. Не все ли равно, какая сила? Если она заведомо превышает силы человека. Тля под кирпичом или тля под гривенником. Судьба человека и его борьба — главное здесь.

БНС отмечал позже в офлайн-интервью (12.04.1999): «Вечеровский, насколько я помню, цитирует Аполлинера, Ёсано Акико, Кипплинга, Окуджаву... Некоторые стихи цитирует абсолютно точно, некоторые «приспосабливает» к ситуации». И действительно, Вечеровский много и охотно изъясняется стихами этих и других авторов — иногда точно, иногда с изменениями, а иногда так, что стихотворение трудно отличить от прозы. (Любопытно, что те же цитаты из Аполлинера и Кипплинга несколькими годами позже будет произносить Профессор в ранних вариантах сценария «Сталкера».) В рабочие дневники вошли многие заготовки цитат, хотя востребованы они лишь частично. Все использованные источники описаны в комментариях к данному тому, здесь же укажем, что обе найденные БНС цитаты из Г. Аполлинера включены полностью, а у Б. Окуджавы из трех предполагавшихся отрывков использован один («Он умел бумагу марать...»). От пятистишия Ёсано Акико «Трусость» в дневнике дано лишь самое начало со ссылкой на сборник «Японская поэзия» 1956 года, откуда заимствовались стихотворные строки и для многих других произведений АБС. (В повесть оно вошло не в виде танка, а сплошным текстом с маленьким изменением: «повернул обратно» вместо «повернула вспять».)

Помимо дневниковых записей, в архиве Авторов сохранился и ряд других подготовительных материалов по ЗМЛДКС. Это, например, две страницы с кратким описанием развития сюжета (буквально по дням) и с характеристиками основных героев повести.

Малянов Дмитрий Алексеевич, астроном.
 Вечеровский Филипп Павлович, математик.
 Вайнгартен Валентин Анатольевич, биолог.
 Губарь Захар Захарович, инженер-самоучка.
 Глухов Владлен Семенович, японист.
 Снеговой Арнольд Павлович, секретник, мертвец.

Время 0: момент, когда все сели писать отчеты. 15 июля 19.. года.

Первое совещание, оптимистическое — 14 июля.

События до момента 0 с точки зрения Малянова:

13 июля.

Уже три дня он в отпуске, мучается со статьей. В обед 11-го его осеняет. Начинаются помехи сейчас же: телефонные звонки, в т. ч. Вайнгартен — вокруг да около, «Доставка на дом». Появление бабы. Вечером чаек. Странное появление соседа — Снегового.

14 июля.

Садится было за работу, но появляется следователь. Узнает, что Снеговой убит. Звонит Вайнгартен. Почему-то спрашивает о Губаре. К вечеру Малянов идет к Вечеровскому. Отпечатки копыт на подоконнике. Малянов с ужасом замечает, что ведет себя, как вчера сосед Снеговой: мнется и вокруг да около. Возвращается домой, застает там Вайнгартена и Губаря, пьющих водку. Губарь с мальчиком. Обмениваются информацией о помехах. Малянов зовет Вечеровского, а Губарь зовет Глухова. Военный совет.

Варианты объяснений:

Диверсанты (Снеговой).

Пришельцы (Вайнгартен).

Союз Девяти.

Дьявол (Вечеровский).

Самозащита Вселенной.

Спруты Спиридоны (иной разум на Земле).

Судьбы остальных:

Вечеровский: напустили дьявола (его данных в повести не будет, но Малянов в конце начинает подозревать, что он и есть таинственный агент неведомой силы).

Вайнгартен: пользуются его коллекционерством-тиффоzi, а когда это не помогает (ящик монет на чердаке у тетки), пытаются купить (предлагают пост директора, академик Сидоренко убеждает его бросить бесперспективную тему и взяться за более важную для нар<одного> хоз<яйства>), а когда это не помогает — грубый, как пришелец из плохого романа, нажим: появление агента, кот<орый> угрожает и шантажирует, утверждает, что Малянов и Губарь тоже на крючке и удаляется, бросив ему на колени конверт с золотыми античными монетами. Мистификация? Но золотые монеты? И в КГБ идти нельзя из-за фантастических деталей: вошел и вышел сквозь стену и т. д. Это — последняя капля, и он звонит Малянову. А когда слышит странный голос Малянова (у того в это время следователь), да еще является Губарь с выпученными глазами и мальчиком, то кидается к Малянову.

Губарь: нашествие баб (все женщины, с которыми он когда-либо имел дело, вдруг ринулись к нему), подкинутый мальчишка. Но впоследствии — крупный выигрыш, путевка за рубеж, давно желанная женщина. На этом кончается его работа. Сам не знает, какое именно его изобретение им мешает.

Глухов: он уже сломлен: месяца два назад у него начинались страшные головные боли, едва принимался за свою любимую работу. Его ввели в поле зрения наших героев

замечания Вечеровского о том, что к ним применяются слишком громоздкие меры — проще было бы заражать головной болью при попытке работать. Тогда Губарь вспоминает Глухова, с которым лежал в больнице. Непонятно, совпадение ли это, или психическое заболевание, имеет ли Глухов отношение к делу. Впрочем, какая-то тайна у него есть, что-то с ним было — раскалывает Вечеровский. Говорить и думать о теме он может, но писать и читать нет, начинаются головные боли. Увлекается литературой ужасов, читает Эдогаву.

Нетрудно видеть, что наброски по некоторым персонажам достаточно точно отражают их место в будущем повествовании. А вот психологические портреты Малянова и Вечеровского здесь практически отсутствуют, да и роль последнего в повествовании пока мыслится совсем не так, как это будет сделано в повести.

Сохранилась подробная разработка биографии Губаря. Он не является главным героем, но можно видеть, сколь тщательно АБС уясняли для себя подробности жизни даже второстепенных персонажей, хотя значительная часть этих построений вообще не попала в текст повести.

ГУБАРЬ ЗАХАР ЗАХАРОВИЧ

Родился в 1932 году, в Котовске. Отец — кадровый офицер, тогда — капитан; впоследствии погиб под Секешфехерваром. Мать — домохозяйка, овдовев, вышла замуж вторично, снова за офицера, интенданта. Теперь оба на покое.

Губарь не кончил школы, был большой лентяй, прогульщик и с детства сексуально озабочен. Ушел из девятого класса, в 1950 году, поступил работать в больницу санитаром, потом получил автоправа, стал шоферить на скорой помощи. Работал также в Университете, на химфаке, лаборантом; теперь работает в ящике, связанном с электроникой и радиотехникой. Страстный радиолюбитель, увлекается стереофонией, золотые руки. Не знает ни одного языка, но читает спецжурналы на всех и понимает почти все радиопередачи (если речь идет о музыке и о певцах и исполнителях). По натуре сибарит и ужасный эгоист. Любит и умеет очаровывать. Действует так: на первом этапе знакомства всячески (но тонко!) расхваливает партнера, дает ему понять его — партнера — превосходство над собой, а затем начинает обнаруживать перед партнером свои золотые кладовые — какой он умелый шофер, как он здорово работает руками, как он много знает о литературе при своей кажущейся неинтеллигентности, что он неплохой спортсмен и вообще весьма силен физически и т. д. Причем действует отнюдь не сознательно, и поэтому его шарм оказывается особенно неотразимым. Гедонист. Никогда ни в чем себе не отказывает, из всего старается извлечь максимум приятного — ест с огромным вкусом и умением, одевается изысканно и всегда по моде, транзистор у него — новейший, комната его отделана (собственными руками) в соответствии с последними идеями дизайнера и т. д. Поэтому — всегда в долгах, это его привычное состояние, к которому он, впрочем, никак не привыкнет: долги его тяготят, он человек совестливый. Просто его желания — первый закон для него, прочее — второстепенно. Бабник фантастический. Любит говорить о женщинах, смотреть на них, знакомится при каждом удобном и неудобном случае. (Однажды в тесно набитом автобусе он оказался рядом с приятной девушкой. Простите, сказал он. Нет ли у вас листочка бумаги и карандаша. Да, пожалуйста, сказала она, извлекая просимое из сумочки. Спасибо, сказал он. А теперь напишите, ради бога, ваш телефон и как вас зовут. Свидание состоялось.) К любовницам, впрочем, весьма требователен — внешность, манеры, гигиена, зубы и пр. Разборчивый бабник. Был женат, прожил полтора года с женой — развелся. С тех пор ужасно боится детей и принимает строжайшие меры безопасности.

Физически безукоризненно здоров. Внешность имеет хотя и не блестящую, но чем-то привлекательную. Есть что-то симпатичное в его облике. С женщинами говорлив и блестящ, равно как и в тех случаях вообще, когда хочет понравиться. В остальное время его манера говорить, как у Ревича.

Сейчас работает над каким-то грандиозным проектом (гигантский радиотелескоп для военных целей). Дело пахнет лауреатством. В процессе работы натолкнулся на

изобретение, о котором говорит смутно — что-то связанное с полезным использованием федингов. С этого изобретения и начались его неприятности.

Очень хлопочет о своем физическом здоровье. По поводу малейшей болячки бежит к врачу — европейское отношение к болезням. Однажды у него обнаружилось что-то с кровью, он срочно лег в академическую больницу и там познакомился с Глуховым, лежавшим по поводу предынфарктного состояния. (У обоих, впрочем, все кончилось благополучно.) С Вайнгартеном знаком давно и близко, потому что долгое время работал в ИЗРАНе лаборантом в середине и конце 50-х годов.

Политических убеждений у него по сути нет. Инстинктивно придерживается тех убеждений, которые наиболее безопасны в данный момент. Политикой интересуется только в аспекте слухов и анекдотов. Любит ругать безалаберность, бесхозяйственность, восхищается западным образом жизни и тамошней организацией исследований и производства, но всегда помнит, что нигде и никогда у него не было бы таких возможностей сачковать, когда ему хочется сачковать.

Неприятности у него начались, во-первых, с того, что пошла по ногам сыпь, а во-вторых, с нашествия баб. Кончилось появлением мальчика-сына, очень странного пятилетнего существа, время от времени произносящего речи о высоких материях, заканчивающиеся словами типа: «Писить хочу».

На полях этой биографии есть еще пара рукописных добавлений: «Обеспеченное детство; Германия; увлечение автомото. С детства страшно интересуется конструированием» и «Человек, который бережно и обстоятельно относится к своим желаниям».

На май 1973 года намечалась работа над черновиком. БНС пишет 2 мая: «С договором в «Авроре» всё ОК. <...> Приеду я, вероятно, числа девятого-десятого. (Заранее, конечно, телеграфирую.) Поработаем дней 12–14. Очень хотелось бы хоть начать ЗМЛДКС. Хоть страниц 40–50 накатать бы! Ты думай об ей, думай! Проникайся. Например, мне кажется, что а) надо, чтобы большинство — подавляющее — происшествий носило совершенно реалистический характер; б) неплохо бы ввести сюда полусон-полуявь на тему загубленной планеты с машинами времени, перебрасывающими в будущее; в) герой наш должен в конце отступить (жена, ребенок, страх за них), и остаться на позиции должен только “Манин”».

Информация в рабочем дневнике о следующей встрече Авторов начинается 12 мая записью АНС: «Б. приехал в Москву писать ЗМЛДКС, но писать, кажется, придется совсем другое». Основное время уходит на доработку сценария для мультфильма «Конец Планеты Негодяев» (прототипа «Экспедиции в преисподнюю») и внесение поправок в повести «Дело об убийстве» и «Пикник на обочине» с учетом редакционных замечаний по сборнику «Неназначенные встречи».

На черновик новой повести остается совсем немного времени, но кое-что до 21 мая сделать удается. В архиве АБС сохранились два ранних варианта начала повести. Первый из этих текстов занимает чуть меньше трех страниц и обрывается сценой, где посыльный уходит, вручив главному герою коробку. Следует обратить внимание, что фамилия персонажа — то Малянов, то Малявин, что кота при нем еще нет, а обо всем случившемся с ним за последнюю пару дней «рядовой науки» рассказывает на магнитофон.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Раз, два, три, четыре... Четыре, три, два, один... Проверка... Га-га-га... Бу-бу-бу... Так, все в порядке. Значит, с чего мы начнем... Меня зовут Малянов Дмитрий Алексеевич, сорок лет. Работаю в Институте теоретической астрофизики, астроном, младший научный сотрудник... так сказать, рядовой науки. Кандидат. Жена и сын. Сейчас их здесь нет, и слава богу. Уехали в Одессу к теще. Так. Ну, что еще... Пять дней назад уехали, одиннадцатого. Отец погиб в сорок втором, мать живет у Кольки... Ладно, ближе к делу.

Значит, началось все с того, что Ирка уехала с Барбосом, а я взял за свой счет, чтобы написать наконец статью. Тема: «Распределение плотностей в газопылевом облаке под воздействием звезд разных светимостей»... Теперь, наверное, надо рассказать, в чем там соль. Честно говоря, неохота мне рассказывать. Во-первых, по-моему, никакого это отношения к делу не имеет. А во-вторых, я уже давно заметил: расскажешь кому-нибудь идею — и ни черта потом не получится... В общем, задача ставится так. Имеется облако

газопылевой материи. Имеется звезда с заданными параметрами. Звезда попадает в облако. Вопрос: что будет с облаком и что будет со звездой. Задача эта сама по себе, конечно, не новая, но мне удалось получить кое-какие новые результаты, довольно неожиданные. Ну, например, что планетарные туманности — это не сброшенные оболочки звезд, а наоборот, такие пузыри внутри пылевых облаков... В общем, я вожусь с этим уже года два, набрал кое-каких результатов, что-то там подтвердил, что-то там опроверг... Одним словом, на статью материал набрался... причем на хорошую статью, крепкую. Во-от... Ну, и поскольку Ирка взяла отпуск, я и решил... Засяду, думаю, дома один, в тишине, дней на десять, сделаю статейку — и Вася-кот... и будет она у меня шестнадцатая.

Значит, Ирка уезжает одиннадцатого, а двенадцатого я сажусь за работу. Сначала все идет нормально, только уж очень жарко в квартире... Небывалая жара в этом году, говорят, за два последних столетия такой не было. Над крышами марева стоят, все окна в городе настезь, старухи на скамеечках потеют, плавятся и безмолвны, только рты разевают, как рыбы... Ну, двенадцатого, кажется, ничего особенного не произошло, а началось все тринадцатого.

Мне как раз пришла в голову моя Главная Идея. Я ее все-таки рассказывать не буду, я ее все-таки хочу сначала добить... Впрочем, идея чисто математическая. Я вроде бы придумал, как всю задачу мою обобщить самым общим образом... воображение заработало, что ли... Помню, я весь даже похолодел от внутреннего восторга: очень уж красиво все получалось, на самом высоком уровне. Звездный, так сказать, час Дмитрия Малянова. И тут в первый раз зазвонил телефон. Было, по-моему, около двух, только-только я ухватил суть этой своей идеи, как он заорал, подлец, на диване у меня за спиной... Я даже подпрыгнул от неожиданности. Звонок был похож на междугородний, и я подумал, что это Ирка из Одессы. Но оказалось — вовсе не Ирка, а спрашивали овощную базу номер восемнадцать... или девятнадцать, не помню. И вот с этого момента все у меня пошло вразнос. Некоторое время я только и делал, что бегал к телефону. Спрашивали базу. Спрашивали какого-то товарища Волдырина. Спрашивали, какая погода в Анадыре... Еще что-то там спрашивали. Тогда я озверел и позвонил в ремонтное бюро. Меня там, как водится, сначала обложили, однако потом смилостивились. «Положите, — говорят, — трубку. Проверим». Ладно. Положил я трубку, сел за стол. Только сел, ручку еще не взял — опять звонок. В дверь.

С цепи сорвались, думаю. Открываю дверь. За дверью стоит плюгавый мужичок в кургузом пиджачке неопределенного цвета, небритый и потный, держит на животе большую картонную коробку, и, едва ему открыли, попер он этой коробкой прямо на меня. Я говорю, пардон, мол, вам кого? Он что-то бурчит и прет как танк, и таким вот порядком — ведя арьергардные бои — отступаю я по коридору в кухню. Я, помнится, решил, что это водопроводчик наконец явился — чинить кран в ванной. «Вы из ЖЭКа?» — спрашиваю. Он опять бурчит, ставит коробку на табурет и вытаскивает из нагрудного кармана пачку каких-то квитанций. Отслюнивает одну и сипит: «Распишитесь...» Я беру эту квитанцию и тут же вижу, что это бланк стола заказов. Коньяк — две бутылки. Водка — одна бутылка. Колбаса краковская... осетрина... Я обалдел. А когда увидел сумму, то прямо-таки душевно заметался. Мое охваченное паникой воображение моментально построило удручающую последовательность всевозможных сложностей: оправдываться, извиняться, одеваться, тащиться в сберкассу... там душно, вентиляция никогда не работает... и вообще закрыто на обед... Но тут я обнаружил в углу квитанции фиолетовый штамп «Оплачено». Это меня, конечно, сильно подбодрило. Взял я у мужичка огрызок карандаша и расписался, куда он тыкал своим корявым траурным ногтем.

В общем, он ушел. Остались от него ящик да пыльные следы на линолеуме в прихожей. Конечно, никакой высокой науки, никаких там «полостей Малявина» и «конформных отображений» в голове у меня уже не осталось. Я, сами понимаете, изучал

копию квитанции и копался в коробке. Все было правильно. Адрес мой, фамилия заказчика — Малявина И. Е., подпись ее же... Но объяснить все это было невозможно.

Видимо, Авторы довольно быстро решили, что для ЗМЛДКС не годится манера изложения, напоминающая то ли «Второе нашествие марсиан», то ли первую главу «Пикника на обочине». Отказываются они и от явной демонстрации того, что «все сели писать отчеты». Решено было ничего не говорить о том, как и когда Малянов взялся за свое повествование, а события излагать ровно в том порядке, как их переживает главный герой.

Составляется новый план первых четырех глав, где гораздо больше совпадений с повестью, хотя кое-что по первоначальной схеме происходит много раньше (например, следователь на самом деле появится в третьей главе, Губарь — в пятой, Глухов — в седьмой, а упоминание обожженного подоконника, хотя и без отпечатка копыта, вообще перейдет в последнюю главу).

Гл. 1:

а) Калям — рыба, баба, тел<ефонные> звонки, жара, водка из стола заказов, соблазны, белая ночь;

б) тел<ефонный> звонок от Вайнгартена, сосед — разговоры вокруг да около, все напуганы.

Гл. 2:

а) следователь, несколько раз просит документы, читает и каждый раз забывает, убийство, исчезновение бабы, звонок о сдаче преступника;

б) тел<ефонный> звонок от Вайнгартена, опять вокруг да около, спросил почему-то о Губаре. В конце — звонит Вечеровскому.

Гл. 3.

Беседа с Вечеровским. Отпечатки копыт на подоконнике. Вокруг да около, и он вдруг с ужасом замечает, что ведет себя как вчера сосед. Бежит домой — на кухне Валя Вайнгартен и Губарь, пьют водку. Дверь была открыта. Выясняется, что им мешают. Зовут Вечеровского. Губарь зовет Глухова. Губарь явился с мальчиком-подкидышем.

Гл. 4.

Военный совет. Глухов появляется в середине.

Масса помех житейского типа.

Губарю — хотел запатентовать изобретение, с этого все и началось: младенец и засилие девиц, сломал чистый страх (агент Союза Девяти).

Вайнгартену — монеты и марки, его сломила административная должность.

Малянову — семья. Сначала соблазны, неразбериха, затем угроза.

Глухову — разочарование и апатия.

Определившись с планом событий и со стилем повествования, Авторы успевают довести новый вариант черновика до конца десятой страницы (это сцена в начале второй главы, где главный герой выясняет, не мог ли он раньше встречаться с Лидочкой). Сюжет развивается примерно так, как в будущем полном черновике, только отсутствует второй телефонный звонок Вайнгартена (выяснение, кто приехал к приятелю) и более кратко описано общение Малянова с Лидочкой. Имя основного персонажа по-прежнему «плавает»: сначала он Малянов, после разборки коробки из стола заказов — уже Малявин, в ходе разговора с Вайнгартеном — снова Малянов, а в конце первой главы — опять Малявин. Действие происходит не в июле, а в июне. Малянов, общаясь с посыльным, представляет, как придется отправляться в сберкассу, чтобы расплатиться за заказ («...оправдываться, одеваться, тащиться в сберкассу, задыхаться там в очереди задыхающихся людей, а этот плюгавый все время будет отираться рядом, ворчать, нить...»). В полной рукописи это скорее попытка отказа от доставленной коробки: «...оправдываться, отпираться, возмущаться, призывать к здравому смыслу... звонить, наконец, куда-нибудь придется, может быть, даже ехать...» Никаких разрывов изложения в этой версии черновика нет — как, впрочем, и в полном черновике: эта идея будет реализована Авторами уже при подготовке чистой рукописи.

Ранее намеченный график работы над повестью нарушен, к этому добавляются другие события — как предвиденные, так и неожиданные. Значительная часть времени с мая по август уходит на попытки разрешить всяческие конфликты — то со сборником в «Молодой гвардии», то с мультфильмом. Кроме того, у АНС имеются неотложные сценарные обязательства, в первую

очередь по «Мальчику из преисподней», а в квартире БНС идет ремонт, мешающий активной работе над повестью. Впрочем, пока сохраняется надежда, что все удастся сделать в срок или с совсем небольшой задержкой. 1 июня 1973 года БНС пишет брату: «Боюсь, что надо нам будет ориентироваться все-таки на осень. В конце концов, получается не так уж и плохо. Встречи будут: 1) в сентябре, 2) в конце октября — начале ноября, 3) в конце ноября. Если трех встреч окажется мало, я уверен, нетрудно будет попросить пролонгацию в «Авроре» хоть до февраля. <...> Опять же, если мне удастся отвертеться от летнего отпуска, можно будет встретиться и в августе — у тебя или у меня. А пока давай думать о ЗМЛДКС и регулярно переписываться». АНС в ожидании ближайшей встречи в Ленинграде отмечает 13 июня: «А поговорить надобно настоятельно, и, кроме всего прочего, мне требуются согласованные и утвержденные данные по ЗМЛДКС — фамилии, момент начала действия, содержание ретроспекций».

Но реальным результатом проделанной за эти месяцы работы над ЗМЛДКС являются только недатированные записи БНС в рабочем дневнике, сделанные в два приема — видимо, в начале и в конце лета 1973 года.

Герой — не Саша Привалов; это человек нашего круга, знающий, критически мыслящий и т. д. (М<ожет> б<ыть>, сделать его старше — 37–40 лет.)

Текст первых глав — описательный, с юмором, с реминисценциями. Настроение — отчаянная, бесшабашная решимость, когда холодок в груди, но и гордость собой, и интересно, что же будет, и все это — на более подсознательной уверенности, что все кончится хорошо. («Я не бросал это дело потому, что мне смешно...»)

Вайнгартена писать с Лешки <Германа> — большой, толстый, веселый — этакий Фальстаф. Остриг напропалую, все рассказы гротескны... «Нетленка», «Социалка».

<...>

Провести идею: субъективно никто из отступников не отступник. Каждый убедил себя, что поступает не только разумно, но и с пользой для общества и для науки. «Что, черт возьми, важнее: закончить мою работу по анаэробным или как следует организовать работу в новом большом институте». Но в самой глубине души каждый знает, что подлец, трус, отступник.

Дать рассуждения Малянова о своей работе, когда он пытается уяснить, кому она может помешать.

30 августа БНС сообщает брату о планах на середину сентября: «Мы могли бы: а). обсудить ЗМЛДКС — я, конечно, продвинулся чрезвычайно мало и вообще имею серьезные по поводу этой повести соображения, каковые надобно обсудить; б). быстренько подшлифовать МиП-С — на пару мы покончили бы с первым вариантом моментально и эффективно». Предполагалось поработать дней десять в Москве, а потом встретиться «уже для основательной работы, в Комарово где-нибудь в первых числах октября», чтобы заняться черновиком ЗМЛДКС.

Но сентябрьская встреча, как и более ранняя июньская, полностью уходит на доработку сценария МИП. Непонятно, как за оставшееся до конца года время можно закончить хотя бы черновик повести не в ущерб другой, еще более ограниченной сроками работе. В довершение всего, в конце сентября выясняется, что АНС должен взяться за сценарий фильма «Город будет» («Семейные дела Гаюровых») — проект не особо привлекательный в творческом плане, но очень хорошо оплачиваемый и попутно увеличивающий шансы на публикацию произведений Авторов в таджикских изданиях.

К началу октября 1973 года уже очевидно, что представить в «Аврору» ранее заявленную повесть ни в договорные сроки, ни даже с небольшим их превышением не удастся. Желая и далее сохранить добрые отношения с редакцией, Авторы решают работу над ЗМЛДКС приостановить, а для журнала с приличествующими извинениями предложить другую повесть, сопоставимую по объему, но требующую существенно меньшего времени на написание. Выбор падает на уже неплохо разработанный сюжет для сценария «Мальчик из преисподней». С редакцией «Авроры» удастся договориться об изменении договора и о небольшой отсрочке по времени. К началу марта чистовик повести «Парень из преисподней» завершен, а недоразумение с журналом, куда по-прежнему предполагается отдать по готовности ЗМЛДКС, улажено.

15 марта 1974 года БНС пишет брату письмо, где содержится очень важная установка на будущее: «Знаешь, что: хватит нам бодягой заниматься. Давай за этот год напишем ЗМЛДКС, а? <...> ВЕШЩЬ надо нам выдать сейчас. Для поддержания духа. А там, вдруг, и опубликуют. Давай, а? Уж больно ситуация сочная у нас придумана. Таких людей можно вывести, такого бреда

страшненького подпустить. И состояние эмоциональное у нас соответствующее. Давай, а? Распутаемся вот со сценариями и займемся. Не спеша. Понемногу. <...> Вдохновись! Вспомним былое! Ведь есть же еще порох в пороховницах. Чувствую, что есть. Ведь обрыдли же все эти малыши, парни, преисподни, сценарии... <...> Накопилось же в душе всякого, пора выплескивать. Сыграешь Глухова — разочарованного, апатичного, пьющего италиста, всего понюхавшего, на все наср...го, а? А я сыграю за Диму Малянова. Берусь. А?»

Немного позже БНС вносит в рабочий дневник недатированную запись по разработке образа Вечеровского: «В конце Малянову приходит в голову страшное: именно-то Вечеровский, собравший у них все материалы, самый герой из них и орел — он-то и есть последний решительный агент, закончивший операцию». Но Авторы не догадываются пока, что образ этот будет переосмыслен — как и многое другое, потому что самим им совсем скоро придется узнать и прочувствовать нечто полезное для повести, хотя и крайне неприятное для них самих.

Улаживание неотложных дел со сценариями заняло несколько месяцев, и завершился этот этап работы заявкой на сценарий сказочного телефильма под названием «Повесть о дружбе и недружбе» (повестью этот сюжет станет много позже). Она записана в рабочий дневник 26 июня, а днем раньше там сделана короткая запись: «Б. был <в> ГБ».

С изменениями, продиктованными интересами сюжета, эта история запечатлена в романе БНС «Поиск предназначения»: он сам выступает в качестве Стаса Красногорского, а под именем Сени Мирлина выведен Михаил Хейфец (тот самый, который ранее послужил прототипом Изи Кацмана в «Граде обреченном»). Есть, однако, необходимость изложить реальную фабулу дела, важную для понимания того, с какими мыслями и чувствами Авторы писали далее новое произведение.

В беседе с Р. Арбитманом, В. Казаковым и Ю. Флейшманом, опубликованной в ленинградской газете «Смена» в 1990 году под названием «Я хочу говорить то, что я думаю...», БНС вспоминал: «Ленинградское КГБ тогда пыталось создать мощный процесс, с явным антисемитским уклоном, конечно. «Во главе» этого процесса должен был идти Ефим Григорьевич Эткинд, профессор Герценовского института, вместе с ним — писатель Марамзин, а «на подхвате» должен был быть Миша Хейфец. <...> Он имел неосторожность написать статью о Бродском. Написал, имея целью переправить ее за границу, и там она должна была стать предисловием к десятитомнику Бродского. Будучи человеком чрезвычайно легкомысленным, он дал почитать эту статью десяти или двенадцати знакомым, кончилось все это арестом. Это была чистая 70-я: «клеветнический текст», «изготовление, хранение и распространение». Клеветнического там было вот что: доказывалось, что дело Бродского состряпал ленинградский обком, и несколько раз употреблялась фраза «оккупация Чехословакии в 1968 году». Этого вполне хватило. <...> Сначала я говорил, что ничего не знаю, ничего не читал (как было, естественно, и договорено). Мне предъявляли собственноручно написанные Хейфецом показания, а я говорил: откуда, мол, я знаю, его это рука или нет. Потом я стал требовать очной ставки, два или три часа мне очную ставку почему-то не давали, мы со следователем беседовали о литературе. <...> Потом нам дали очную ставку, пришел веселый Миша, сильно похудевший, сказал, что свои показания подтверждает, что все так и было. Я сказал: раз Хейфец говорит, что было, то и я говорю, что было. Это была, разумеется, ошибка. <...> КГБ только и надо было — набрать как можно больше людей, которые это читали. Чем больше людей, тем крепче дело об антисоветской клевете и о распространении... <...> Мне намекнули, что я теперь у них на крючке, потому что дал ложные показания, а за ложные показания полагается срок... После чего меня отпустили, причем перед тем, как выпустить, следователь попросил сделать автограф на книжке «Понедельник начинается в субботу»».

15 июля 1974 года в Москве начинается работа над черновиком ЗМЛДКС. Сделанные больше года назад начальные десять страниц критически пересматриваются, рукопись печатается заново. Многие сюжетные построения (особенно общение Малянова со следователем), которые раньше выглядели достаточно умозрительно, теперь пропущены через личный жизненный опыт Авторов, особенно БНС.

В рабочем дневнике появляются новые наброски, по большей части уже узнаваемые. Гостя Малянова здесь почему-то опять называется Соней, как в ранних записях 1973 года, хотя в прежней версии начала черновика она уже Лидочка — и ею же потом останется.

1. Соня знает про коньяк.
2. Соня вроде бы знакома со Снеговым и очень его не любит. Угрожающие намеки.
3. Снеговой, уходя, отбивает половой аппетит у Димы.

<...>

«Умру в 88-м г<оду> в Австралии».

<...>

Я принялся поспешно собирать свои бумаги и запихивать их в стол.

<...>

Вайнгартен относится к Веч<еровскому> с повышенным пиететом: он тоже очень хочет быть лауреатом Лен<инской> премии.

<...>

...что двери были на задвижке. Потом...

— Он ушел сквозь стену.

— Фиг — растворился в воздухе. А я глотал валерьянку, бром и еще какую-то сволоочь. Потом позвонил Митьке...

24 июля работа временно прерывается (к этому моменту написаны шесть глав повести), а с 5 сентября Авторы пишут в Комарово вторую половину черновика. По мере готовности текста в дневник продолжают записываться всякие мысли, реплики, сюжетные ходы.

Пока пришельцы не опустятся до уровня землян и не начнут бросать бомбы на бреющем полете, в них просто не поверят.

<...>

Ирка бредит о Бобке, кот<орый> гибнет.

Ирка затихла в ванне.

Впереди жизнь, полная этого ужаса. Ни минуты покоя.

Но ведь до конца света еще миллиард лет. Много можно успеть за миллиард лет, если не сдаваться.

<...>

Законы сохранения — проявление гомеостазиса Вселенной. Какой механизм обеспечивает закон сохранения? Неизвестно. Просто все происходит так, чтобы некая величина не менялась.

В записях за 9–10 сентября сообщается о перерыве в работе и его причине: «Б. в суде по М<ихаилу> Х<ейфецу>». Далее работа над рукописью продолжается. Попутно разрабатывается схема финальных глав.

1. Причины рассказать Ирке:

a. Нечестно оставлять ее под огнем и в неведении.

b. Слишком высокий уровень неприятностей.

c. Попытка разделить моральную ответственность за выбор.

2. Рассужд<ение> о слепоте силы.

3. Это уже удар по Ирке.

4. Последствия выбора: превращение в Глухова, смена друзей, семьи, образа жизни.

5. Мгновенное облегчение, что Ирка с ним, и ругань за эту мысль; решение спроводить Ирку обратно.

6. Соскакивает на рассуждение о теории Вечеровского. Подтверждение: слепота и неточность силы. М<ожет> б<ыть,> есть и другие удары, только я о них не знаю.

Рассуждение о кучности.

7. Происшествие с паспортом и спящей Ирккой.

8. Утром Ирка находит лифчик. Сцена. Записка пропала, но уцелела квитанция.

9. Дерево на площадке.

Порядок:

Вайнгартен с двумя папками и рассуждением о людях XIX в.

Захар (без мальчика), ищет Вайнгартена, идет к Вечер<овскому>.

Сон.

Звонок Вечеровскому.

Собирает папку, идет к Вечер<овскому>.

Встречает на лестнице Глухова. (Сидит, лица на нем нет: «Не ходите туда!»)

Для пункта 8 сделана пометка: «Приход Ирки. Лифчик. Откровенный разговор. О Бобке».

13 сентября после сообщения о числе сделанных за день страниц (это почти конец девятой главы) появляется запись: «М<ихаилу> Х<ейфецу> дали 4+2». А 16 сентября Авторы завершают черновик на 133-й странице.

26 сентября 1974 года БНС в письме брату подводит своеобразный итог этого этапа работы: «Я тут перечитал с трепетом ЗМЛДКС, удивился и от удивления в тот же вечер прочитал Адке. <...> Читали до четырех утра и потом еще час обсуждали. Адка заявила, что это первая наша вещь, написанная на уровне УНС. Мы молодцы и орлы. Я, между прочим, тоже был несколько поражен. Пока мы писали, мне все казалось, что это, собственно, даже не черновик у нас выходит, а так — что-то вроде развернутого изложения сюжета, этакое либретто, сухое изложение фактов в определенной последовательности, болванка для будущей работы. Черта с два! Получилась вполне законченная и в своем роде совершенная штука. Хоть завтра в набор».

Хотя черновик полностью готов, наученные горьким опытом Авторы на сей раз решают не спешить с заявками. В том же письме БНС пишет: «Я тут пока еще ничего не предпринимаю. Жду, что ко мне обратятся». Если же обращений не будет, предполагалось обратиться в первую очередь в «Аврору», затем в «Неву», то есть в издания, где Стругацкие уже печатались.

26 ноября в Комарово Авторы начинают писать чистовик. Одного захода оказывается достаточно. Некоторые пометки для будущих дополнений и правок к этому моменту уже сделаны в черновой рукописи, отдельные дописки вносятся в рабочий дневник. В течение 10 дней работа завершена, 5 декабря сделана запись о ее окончании.

Обе рукописи ЗМЛДКС — черновая и чистовая — сохранились. Если последняя из них отличается от окончательного текста не так уж сильно, то первая заслуживает обстоятельного рассмотрения. В некоторых случаях потребуются сравнить черновик не только с более поздней рукописью, но и с публикациями — от журнала «Знание — сила» до новейших изданий.

В плане композиции существенных отличий черновика от чистовика и последующих изданий два — и они тесно взаимосвязаны. Согласно первоначальному замыслу вся рассказанная в повести история начиналась и заканчивалась тогда же, когда начинался и заканчивался текст, никаких намеков на последующие события не было, подзаголовок «Рукопись, обнаруженная при странных обстоятельствах» отсутствовал. Текст был разбит, как и в чистовике, на одиннадцать глав, но развитие сюжета было связным, без малейших пропусков.

Появление в чистовике подзаголовка потребовало определенных изменений в тексте. Каким образом была обнаружена рукопись, читатель не знает, но догадывается, что рассказанная история имела продолжение и, скорее всего, добром для последнего хранителя рукописи не кончилась. А чтобы заставить читающего повесть ощущать тревожный дискомфорт, используются дополнительные приемы, в том числе умышленные сбои в стилистике повествования, его разбиение на «рванные» главы.

БНС в офлайн-интервью (21.04.2000) пояснял этот замысел так: «Подзаголовок оставляет вдумчивому читателю полную и неограниченную свободу домысливать, как там у них все произошло, кто уцелел, кто нет, и вообще — при каких именно «странных обстоятельствах» была обнаружена эта рукопись. А то, что судьба Вечеровского была трагична, я гарантирую Вам независимо от подзаголовка». Через несколько лет в офлайн-интервью последовало фактическое продолжение предыдущего ответа (26.05.2009): «Я не знаю деталей. Могу сказать только, что Вечеровский потерпел сокрушительное поражение, его судьба была исполнена разочарований и потерь. Предполагаю, что Гомеостатическое Мироздание отняло у него самое ценное: талант исследователя и стремление исследовать. Для Вечеровского это было хуже гибели. Впрочем, он знал, на что идет. Не надо иллюзий. В столкновении с грубой неодолимой силой можно только погибнуть, либо уступить. Третьего не дано. Подозреваю, что это и не плохо, и не хорошо, это — ТАК. Sorry». Впрочем, это всего лишь версия, хотя и авторская, к тому же БНС случалось представлять и альтернативную гипотезу (19.02.2001): «Ясно, что Вечеровскому пришлось нелегко. Но я надеюсь, он — выдержал. Сахаров же выдержал!»

«Странные обстоятельства» предопределили и другие изменения в подаче материала. На переходы с первого лица на третье и обратно читатели обращали внимание неоднократно, и Авторы объясняли, что это сознательный прием. В черновой рукописи все рассказывается строго от первого лица, но в чистовике повествование начинается от третьего лица («он», «Малянов») и лишь потом постепенно переходит к рассказу от первого лица («я»). Как объяснял БНС в офлайн-интервью (30.09.2005), задумка Авторы, появившаяся уже после написания черновика, была такова: «Малянов сначала пытается рассказывать свою историю как бы отстраненно, пытается писать о себе как о постороннем человеке... потом срывается, переходит на первое лицо...

спохватывается, возвращается к третьему, но ненадолго, и потом уж до самого конца, отказавшись от отстраненности, пишет, без затей, от первого лица». В чистовике и журнале «Знание — сила» рассказ в третьем лице шел до начала пятой главы, потом рассказчик забывался, начинал употреблять везде «я» вместо «Малянов», вскоре поправлялся, но в восьмой главе все-таки бросал эту затею и дальше говорил от собственного имени. В книжных изданиях это представлено еще более зримо: в начале пятой главы примеры такой нервной забывчивости идут сплошь, включая замечательную в своем роде фразу: «Малянов протянул руку красавцу, и он тоже протянул мне руку, но в ней были зажаты осколки»...

Итак, в чистовике возникла надобность в делении текста на главки, каждая из которых стала внутренне непрерывным отрывком, ограниченным кавычками. Это дополняется имитацией того, что какие-то фрагменты текста вообще были утеряны: почти везде в начале и конце отрывков нет цельных фраз, недостающие части обозначены многоточиями. Между тем в черновике все эти пропущенные части текста присутствуют и далее будут представлены читателю.

Переходы между главками сделаны несколькими способами. Изредка новый отрывок продолжает предыдущий без купюр, но чаще от прежнего фрагмента оставлены начало и конец, а все прочее (от нескольких слов до нескольких абзацев) изъято. Впрочем, в большинстве случаев там либо нет ничего принципиально важного, либо о содержании отсутствующих фрагментов легко догадаться. Надо учесть при этом, что в разных изданиях ЗМЛДКС по-разному оформлялись и некоторые переходы: в ранних книжных публикациях текст порой оказывался полнее, чем в журнале, а в восстановленном варианте здесь делались еще некоторые дополнения по черновику.

Ниже сделана попытка подробно показать, как был организован текст в ту пору, когда разделение на главы уже было, а разбиение на главки еще не делалось, и во что эти связки превращались на разных этапах редактирования ЗМЛДКС. Номера главок по мере рассмотрения связок будут указываться. Следует также учесть, что в черновике некоторые события описывались с несколько другими деталями или от другого лица.

Начало первой главы и, соответственно, первой главки в чистовике осталось прежним, хотя обрыв текста имитирован и здесь: «1. «...белый июльский зной, небывалый за последние два столетия, затопил город»».

То место, где сейчас идет переход ко второй главке, в черновике выглядело так.

Может быть, у них в отделе какой-нибудь банкет должен быть? Только чего ради за десять дней все заказывать? Да и не может быть у них никакого банкета, все они сейчас разъехались...

Калям ужасно заорал. Что-то он там учуял в этой коробке. Так. Колбаса краковская... Лосось в собственном поту — это я люблю. Ого! Икра! Ну, ребята... Ага, вот оно что — филе хека...

— Ладно, ладно, не ори на меня, — сказал я Калямму. — Сейчас.

Я быстренько сполоснул кастрюлю, положил в нее филе, залил водой и поставил на газ. Калям неистовствовал.

— Кушать хочет Каляммушка бедненький... — бормотал я совершенно машинально, потому что думал, естественно, совершенно о другом. — Рыбочки захотел Каляммушка...

Пока мне ясно было только одно: в магазин можно не ходить. Все остальное представлялось как бы в тумане. День рождения? Нет. Годовщина свадьбы? Вроде бы тоже нет. Точно — нет. День рождения Барбоса? Зимой. Ах ты, Иришка-животишка, ну и загадочку мне загадала!

Я переложил продукты в холодильник, поставил туда же водку, а коньяк и красное вино отнес в бар. Пустую коробку я выставил на балкон. Ладно, икру я пока трогать не буду, и этот обалдительный коньяк — тем более. А вот баночку лосося я, пожалуй, сейчас опростаю. Из Каляммовой кастрюли потекло, зашипело на огне, завоняло рыбой. Я торопливо выключил газ и сказал Калямму:

— Придется потерпеть. Придется Каляммушке еще немножко пострадать, пока остынет.

Я съел банку лосося с лежалой горбушкой и принялся мыть посуду.

Часть этого фрагмента была просто убрана, размышления о магазине и днях рождения перенесены чуть выше, а предложение Калямму потерпеть, — в следующую главку, где еда для

него уже сварена. Кстати, наличие филе хека в наборе поясняется только в пропущенном тексте, поэтому читатель остается в неведении, чем же дальше Малянову удастся накормить кота.

Первая главка завершается в чистовике так: «Калям ужасно заорал. Что-то он там учуял, в этой коробке...» Далее следует: «2. "...лосося в собственном поту и ломоть ветчины с лежалой горбушкой"». (О том, что сделали с лежалой горбушкой в журнале, будет рассказано отдельно.)

Концовка первой главы была в черновике точно такой же, как в чистовике: Вайнгартен говорил «С-сукин сын!» — и вешал трубку. А вот вторая глава начиналась по-другому.

Чистое белье у меня, к счастью, нашлось, а вот за хлебом и за сахаром пришлось-таки смотаться, а потом она подробно рассказала про Ирку и про Бобку и заодно об Одессе вообще. В восемь часов сели ужинать. Солнце ушло за двенадцатиэтажник, но легче не стало. Отсиживались на кухне, пили чай. Мне пришлось облачиться в джинсы и рубашку, а она сменила свой мини-сарафан на мини-юбочку и мини-кофточку.

Здесь осталась только часть последней фразы: «3. "...а она сменила свой мини-сарафан на мини-юбочку и мини-кофточку"».

В середине второй главы разбиение появилось в сцене, где Лидочка отказывается дальше пить чай. В черновике следовал такой диалог.

— Кофе, — предложил я с готовностью.

Она была категорически против кофе. В жару, да еще на ночь, не следует пить кофе. Я рассказал ей, что на Кубе только и спасался кофе, а там жара тропическая. Я объяснил ей действие кофеина на вегетативную нервную систему. Заодно я рассказал ей, что на Кубе из-под мини-юбки должны быть видны трусики, а если трусики не видны, то это уже не мини-юбки, и у кого трусики не видны, та считается монахиней и старой девой. При всем при том, добавил я, мораль там, как ни странно, очень строгая. Ни-ни! Революция.

— А какие там пьют коктейли? — спросила она.

— Хайбол, — ответил я гордо. — Ром, лимонад и лед.

— Лед, — сказала она мечтательно. — Димочка, я хочу хайбол.

Тут я вспомнил. Я кинулся к холодильнику и с торжеством извлек бутылку ледяного рислинга.

— А? — сказал я.

— О! — отозвалась она.

Я мигом притащил фужеры, и мы выпили за встречу и знакомство. Стало хорошо. Мы поговорили о Моне Лизе, потом о предстоящем солнечном затмении, потом я налил еще по фужеру.

В журнале от всего этого осталась только начальная реплика про кофе, а прежняя концовка фрагмента стала началом новой главки: «4. "...потом он налил еще по фужеру"». Между тем в чистовике разговор про кофе имел продолжение (с заменой «я» на «он» или «Малянов») и завершился словами: «...что на Кубе из-под мини-юбки должны быть видны трусики, а если...» В таком виде фрагмент долгое время приводился в книжных публикациях повести. Для многотомника АБС в издательстве «Сталкер» здесь была сделана дописка по черновику (с уточнением в прежнем тексте, что трусики должны быть видны обязательно), и теперь третья главка кончается словами: «Лед, — сказала она мечтательно...»

Вторая глава завершалась в черновике более подробным описанием разговора Снегового с Маляновым.

А он поднялся и сказал:

— Теперь вот что, Дмитрий Алексеевич. Я завтра опять уезжаю, утречком занесу ключ. Не возражаете?

Я только плечами пожал. Он проводил меня до двери и, уже пожимая мне руку, сказал, понизив голос:

— А с этой женщиной вы все-таки поосторожней, Дмитрий Алексеевич. Как говорится, впредь до выяснения... Черт ее знает, что это за женщина...

В чистовике от этого осталось только начало.

А Снеговой поднялся и сказал:

— Теперь вот что, Дмитрий Алексеевич. Я завтра опять...

В журнале и в новейших изданиях, начиная с собрания «Сталкера», фрагмент публикуется в том же виде, а в ранних книжных изданиях были опущены слова, что Снеговой поднялся.

Третья глава первоначально начиналась так.

Как это ни странно, но спал я в эту ночь самым мертвецким образом. Часов в восемь проснулся было, хотел встать, но башка так трещала, что я махнул на все рукой, повернулся на другой бок и заснул снова.

В двенадцать часов дня башка моя уже не трещала. Некоторое время я полежал на спине, не спеша очухиваясь.

В чистовике здесь оставлено: «5. "...полежал на спине, не спеша очухиваясь"».

Следующий переход приходится на отсутствующую в чистовике и публикациях весьма любопытную сцену, где следователь поспешно покидает квартиру Малянова, прихватив не только свою папку, но и коньяк.

Вдруг входная дверь распахнулась, и в прихожую ворвался еще один тонтон-макут, только не в черной рубашке, а в цветастой, очень потный и рассерженный.

— Петрович! — гаркнул он возбужденно. — Ты долго будешь тут копаться?

— А что? — испугался Игорь Петрович.

— Видали? — сказал цветастый тонтон-макут, обращаясь ко мне. — Он еще спрашивает, разгильдяй! — Он снова повернулся к Игорю Петровичу и заорал: — Василий Иванович икру мечет! Девки же уедут, и всё!

— Так позвонить же надо было! — отчаянно вскричал Игорь Петрович. — Телефон же есть в доме... Сейчас, подожди, папку только возьму!

Он кинулся в большую комнату.

— Давай, я лифт пока вызову! — крикнул ему вслед цветастый тонтон-макут и исчез.

Через несколько секунд следом за ним промчался, не обратив на меня никакого внимания, Игорь Петрович. В одной руке он сжимал папку, в другой — початую бутылку коньяка. На площадке грохнула дверь лифта, загудел мотор. Я остался один.

В чистовике оставлено начало первой фразы («Вдруг входная дверь распахнулась, и в прихожую...»), завершающий фрагмент переходит в следующую главку: «6. "...дверь лифта, загудел мотор. Малянов остался один"».

Дальнейшее содержание этой короткой главки в черновике и в чистовике мало различается. Интересно отметить только, что в черновике после ухода следователя оставались «две синие рюмки на столе, «одна пустая, другая наполовину полная», а в чистовике и во всех публикациях — три рюмки, «две пустые и одна наполовину полная». Видимо, у Авторов с предыдущими сценами были связаны еще какие-то идеи, от которых осталась только эта измененная подробность.

Переход от третьей главы к четвертой в чистовике сделан без купюр и — редкий случай! — даже без многоточий. Последняя фраза предыдущей главы: «Гражданин Советского Союза Арнольд Павлович Снеговой ушел из жизни». А следующая глава начинается в чистовике: «7. "Он помыл и поставил на место рюмки, убрал черепки в Бобкиной комнате и дал Калямю рыбы"».

Эта главка, как и шестая, очень невелика, но интересна ее вторая половина, в которой при доработке рукописи многое изменилось. Вот как выглядели в черновике действия и рассуждения Малянова после того, как он решил, что с Лидочкой не все понятно.

Подозрение сформировалось мгновенно и совершенно отчетливо, но я его тут же отогнал. А отогнав, пошел в прихожую, поискал под вешалкой и нашел записку от Ирки. Нет, ерунда. Все правильно. И почерк явно Иркин, и манера ее... Этот тонтон-макут все намекал насчет Ирки и Снегового... Я бы вот что хотел понять. Насчет пятнадцати лет.

Это он в плане, так сказать, технической революции или на самом деле? Да нет, чушь все это собачья... Параша... Ушел, не попрощался и бутылку унес... Даже не ушел, а попросту удрал. Вот возьму сейчас и позвоню... туда... к ним. И я двинулся из прихожей, но свернул не направо, в большую комнату, а налево, на кухню.

Наверное, все-таки надо было сказать ему, что Снеговой явно чего-то опасался вчера. И пистолет у него был в пижаме наготове. Да когда мне было говорить-то? Он же мне слова не давал сказать, все выпендривался... Нет, они меня теперь затаскают. Они мне теперь жить не дадут... А почему левша не может застрелиться правой рукой? Вот я, например, правша, в правой руке у меня телефонная трубка. Занята у меня правая рука. А в левой пистолет... Вполне! Кому это он звонил, вот что интересно бы узнать... Звонил он кому-то, что-то хотел сказать, объяснить... Меня передернуло. Я поставил в мойку грязный стакан — эмбрион будущей кучи грязной посуды. Здорово Лидочка кухню убрала, все так и сверкает... Она, по-моему, даже тарелки пастой перемыла... Точно! А вы говорите. Вы подумайте: на кой ляд убийце мыть посуду?.. Да, я же Вальке обещал позвонить!

Телефон у Вальки был занят.

От этого фрагмента осталось только: «Малянов вдруг бросился в прихожую, поискал под вешалкой и нашел записку от Ирки. Нет, ерунда. Все правильно. И почерк явно Иркин, и манера ее... И вообще, вы подумайте: ну на кой ляд убийце мыть посуду?..» А далее следует: «8. "...у Вальки был занят"».

Следующему переходу внутри четвертой главы соответствует такой фрагмент черновика.

— Слушай, Фил, — сказал я. — Какие тут к чертовой матери функции Гартвига? У меня голова винтом, а ты — функции Гартвига!

— Да, мне показалось сразу, что ты сегодня сам не свой. Что случилось?

И я ему все рассказал: про Лидочку, про Снегового с пистолетом и про нашествие тонтон-макутов. Пока я говорил, он дважды подливал мне кофе, но не задал ни одного вопроса и никак не показал, что все это его хоть сколько-нибудь интригует. Когда я кончил, он помолчал минуту, поглаживая двумя пальцами гладко выбритую скулу, а затем продекламировал:

Здесь лакуна невелика и ничего важного не содержит. Оставлена часть фразы «У меня голова винтом, а ты...», затем следует (с последующей цитатой из Кипплинга): «9. "...помолчал минуту, поглаживая двумя пальцами гладко выбритую скулу, а затем продекламировал..."».

А вот как эта глава в черновике завершилась.

В квартире кто-то был. Бубнил незнакомый мужской голос, и что-то отвечал ему незнакомый детский голос. И потом вдруг раздалось ржание в два мужских голоса, а затем что-то с дребезгом разбилось.

Я стиснул зубы и шагнул через порог.

В начале пятой главы описывается, что же увидел Малянов.

Не помню, да, наверное, и не знаю, что или кого я ожидал увидеть у себя в доме. Оказалось, слава богу, ничего страшного. На кухне за столом восседал сияющий, как блин, Валька Вайнгартен, а рядом с ним сидел на корточках незнакомый мужчина и подбирал осколки разбитой рюмки.

В чистовике концовка главы ограничивается словами «Бубнил незнакомый мужской голос, и что-то отвечал незнакомый детский голос...», а новая глава начинается так: «10. "...сидел на корточках незнакомый мужчина и подбирал осколки разбитой рюмки"».

Сцена, соответствующая следующему переходу, была в черновике гораздо подробнее.

И тут мальчик сказал:

— Подумаешь! Это ничего не значит.

Мы опять вздрогнули, а Захар распрямился и стал смотреть на сына с какой-то надеждой, что ли...

— Слушай, малыш, — сказал я. — Тебе тут, наверное, скучно... Ты походи в ту комнату...

— Это просто случайность, — сказал мальчик, не обращая на меня никакого внимания. — Вы телефонную книгу посмотрите, там этих Губарей штук восемь...

У меня волосы зашевелились на макушке, но я посмотрел на Губаря и обнаружил, что тот снова ожил: и лицо порозовело, и даже какая-никакая улыбка наметилась. Он протянул красивую, истинно мужскую руку и неуверенно потрепал мальчишку по затылку. Вайнгартен снова крикнул и сказал:

— Ну ладно, поехали...

Мы поехали. Мальчик проследил взглядом за тем, как мы это сделали, и причмокнул. Вайнгартен закусил рольмопсом, облизал палец и спросил меня:

— А почему у вас разговор о Захаре зашел?

— Я не помню — почему... Да и разговора никакого не было. Просто он спросил, знаю я такого или нет...

— Может, действительно совпадение... — робко произнес Захар.

Вайнгартен посмотрел на него с жалостью.

— Может быть, — сказал он. — Тут, отец, все может быть... Ну, ладно. Значит, теперь моя очередь...

Вальку Вайнгартена я знаю с шестого класса. В седьмом мы подружились и просидели до конца школы за одной партой.

Предыдущая главка заканчивается словами: «Вы телефонную книгу посмотрите, там этих Губарей штук восемь...» А вот начало новой главки: «11. "...Малянов знал с шестого класса. В седьмом они подружились и просидели до конца школы за одной партой"».

Следующий переход сделан в рассказе Вайнгартена о своих злоключениях с последующей демонстрацией марок.

— <...> Никогда со мной такого не бывало — добрался кое-как до тещиной комнаты, хватил валерьянки — не помогает. Смотрю, у нее бром стоит. Я бром ухватил. Вроде стало легче...

— Подожди, — сказал я с раздражением. — Хватит трепаться. Ей-богу, мне сейчас не до трепа... Что было на самом деле? Только пожалуйста, без этих рыжих пришельцев!

— Отец, — сказал Вайнгартен, выкатывая глаза до последнего предела. — Отец, вот те крест, честное пионерское! — Он неумело перекрестился с явно выраженным католическим акцентом. — Мне самому было не до шуток... Это я сейчас отошел немножко... А тогда сел в кресло, глаза закрыл, вспоминаю его слова, а у самого все дрожит внутри мелкой дрожью, как поросычий хвост. Совсем было решил, что это виденьица у меня от жары, открываю глаза — пакет передо мной на столе. А когда глянул на эти марочки, понял я, отцы: нет, не виденьица это. Там, понимаешь, оба «маврикия», чистые... можешь себе это представить или нет? И еще пара на конверте... — Он махнул рукой. — Эх, отцы, если бы вы в этом понимали! Но ведь Губарь вообще дубина, а ты...

Он вдруг полез в задний карман джинсов и извлек свою огромную записную книжку.

— Гляди, только руками не лапай...

Я поглядел. Между страницами книжки, уже упакованные в аккуратные клеммташи, лежали марки. Я когда-то собирал марки, и довольно энергично. Остатки моей юношеской коллекции Вайнгартен когда-то отобрал у меня с довольным урчанием. Так что кое-что в марках я понимал. И на какое-то время я лишился языка.

Да, конечно, в королевской коллекции все это было. У господина Стулова в Нью-Йорке кое-что из этого было тоже. Но если, скажем, взять нашу госколлекцию... и я не говорю уже о простых коллекционерах...

— Фальшивки... — сказал я наконец.

В чистовике, журнале и ранних изданиях предыдущий отрывок заканчивался словами «Я брому хватил...», а новый начинался фразой Малянова про фальшивки. В версии «Сталкера» и последующих публикациях рассказ Вайнгартена продолжен по черновику до слов «Мне самому было не до шуток...», а новая глава начинается позже: «12. "...собирал марки, и довольно энергично"».

Пятая глава в черновике заканчивалась не рассказом Вайнгартена о том, к кому и в каком порядке он обращался, а следующим за этим приглашением к разговору Губаря.

— Надо бы нам все-таки в этом деле разобраться, отцы, — вяло закончил он. — Захар, ты расскажи, только покороче, пожалуйста. А то ты всегда тянешь...

В чистовике и в книжных публикациях рассказ Вайнгартена завершается словами: «...к нему пришел Губарь со своими неприятностями...» В журнале соответствующий фрагмент сокращен, поэтому и обрыв текста сделан много раньше: «Ну, и что теперь? — спросил он, чувствуя, как сердце его опять куда-то проваливается...»

В начале шестой главы давалась общая оценка Маляновым рассказа Захара.

Рассказывать коротко Захар Захарович Губарь явно не умел. Мало того, что он тянул, мямлил, повторялся, экал и мекал, он еще вдобавок то и дело отвлекался в пространные экскурсы по своей биографии. Причем оказалось, что большинство событий в его жизни так или иначе связано с любовью в ее самом примитивном смысле. Так что я почувствовал необходимость постучать ногтем по столу и сказать укоризненно: «Деван лезанфан!..»

Не знаю, понял ли мой французский Захар Захарович, но Губарь-младший понял и заявил неожиданно: «Чего там деван, мне эти его сексуальные упражнения давно известны...» После этих его слов нас постигло уже привычное остолбенение, а затем Захар, сказавши сыну неуверенно: «Тише, тише...», продолжил свой рассказ.

Среди всего прочего я узнал о Губаре, что он с детства был большой лентяй и прогульщик и с тех же пор был сексуально озабочен.

В чистовике почти все это убрано, а новый отрывок начинается так: «13. "...узнал о Губаре, что он с детства был большой лентяй и прогульщик. И с тех же пор был сексуально озабочен"».

Конец шестой главы (про то, как «Захар отправился звонить Глухову, и мальчик сейчас же слез с табурета и, как приклеенный, последовал за ним») в чистовике оставлен прежним, только добавлено многоточие. А седьмая глава раньше начиналась так.

К восьми часам вечера положение у нас сложилось таким образом.

Мы перебрались в большую комнату, потому что в кухне стало невыносимо тесно. И еще потому, что мне было как-то неловко перед Вечеровским за тот свинарник, который мы там развели до него. В большой комнате я расставил раскладной стол и, поскольку решено было больше не пить, заварил чаю. Чай пили в молчании. То есть не совсем, конечно, в молчании. Малолетний сын Захара, устроившись на тахте в углу, время от времени принимался улаживать наш слух чтением избранных мест из ПМЭ, которую я сунул ему второпях по ошибке.

В чистовике начало стало следующим: «14. "...сын Захара, устроившись на тахте в углу, время от времени принимался улаживать общество чтением избранных мест из популярной медицинской энциклопедии, которую Малянов подсунул ему второпях по ошибке". (В новейших публикациях добавлено еще — «вместо Брема».)

Завершается седьмая глава в чистовике и в черновике почти одинаково. По окончательной версии это слова Глухова: «Прошу прощения, друзья мои, но мне пора идти. Уже поздно...» В черновике было обращение «товарищи», в чистовике — «друзья».

Практически совпадает с черновиком и начало восьмой главы: «15. "...Может быть, хочешь переночевать у меня? — спросил Вечеровский"».

В следующей лакуне сокращения минимальны. В черновике там было: «Малянов ощутил даже смутный интерес к этому полулитературному персонажу: получил он в конце концов свои пятнадцать лет или все у него объяснилось. И тут я вспомнил Снегового, и пистолет в пижаме, и печать на двери». В чистовике прежняя главка завершается словами «или все...», а новая начинается так: «16. "...вспомнил Снегового, и пистолет в пижаме, и печать на двери"».

Очередной переход касается болезни Вечеровского. Вот что говорилось в черновике.

И я вдруг вспомнил, что года три назад Вечеровского положили в больницу, но ненадолго, скоро выписали, и все стало по-прежнему, я даже внимания не обратил, и только потом, много спустя, мне рассказали, что у Вечеровского нашли рак и положение казалось безнадежным, и даже уже самому Вечеровскому сказали, что рак и что безнадежно, и отпустили его домой умирать, и только через год оказалось, что это, слава богу, была ошибка, какая-то совершенно неизвестная ранее форма доброкачественной опухоли.

От этой фразы остались начало («И тут я вспомнил ни с того ни с сего, что года три назад Вечеровского положили в больницу, но ненадолго, скоро выписали...») и конец («17. "...неизвестная ранее форма доброкачественной опухоли"»).

В конце восьмой главы черновика диалог Малянова с Ирккой был существенно полнее.

— Господи, да что же он, подшутил надо мной так? — сказала Ирка беспомощно. — Что он — с ума сошел?

— Какие шутки... — пробормотал я, изо всех сил борясь с новой волной этого отвратительного черного ужаса. — Какие шутки? — заорал я. — Он же застрелился вчера ночью! Какие могут быть девять часов с минутами?

— Это какое-то ужасное недоразумение, — сказал Вечеровский.

Я спохватился. Ирке-то зачем все это знать... Совершенно незачем все это знать! Вот от этого я должен ее избавить.

— Застрелился? — проговорила Ирка, снова опускаясь на табуретку. — Снеговой?

— Да нет, это слух только... — забормотал я. — В общем-то, он умер, это правда... чистил оружие, наверное... неосторожность...

— Кто же телеграмму послал? — бесцветным голосом спросила Ирка. — Какая шутка жестокая...

— Да ну, идиоты какие-нибудь, — сказал я.

Она встала и принялась стягивать с себя пыльник.

— А на самом деле у тебя все в порядке? — спросила она устало.

— Ну, конечно! — сказал я. — Все в полном порядке...

От всего этого осталась только часть первой фразы: «Господи! Да что же он — подшутил надо мной так? — сказала...»

А вот как выглядит по черновику начало девятой главы.

Ирка быстро уснула. День у нее был действительно сумасшедший, почище, чем у меня. Билета на аэровокзале она, конечно, не достала. Прорвалась, размахивая телеграммой, к начальнику, тот выдал ей какую-то бумажку, но толку от этой бумажки было чуть, самолетов не было, а когда они появлялись, то летели не туда. В конце концов она в отчаянии села в самолет, который доставил ее в Харьков. Там все началось сначала, но плюс ко всему в Харькове шел проливной дождь, и только под вечер ей удалось добраться до Москвы на грузовом самолете, который вез холодильники и гробы. В Москве дело пошло легче. Из Домодедова она помчалась в Шереметьево, и в конце

концов ей удалось добраться до Ленинграда в пилотской кабине. За все это время она не съела ни крошки, и половину всего этого времени она проревела. Даже засыпая, она всё грозилась, что завтра же с утра отправится на почту, призовет на помощь милицию и уж выяснит, чья это работа, какие гады это натворили. Я, естественно, поддакивал, что да, конечно, мы этого так не оставим, за такие штучки нужно морду бить, и даже не морду бить, а просто сажать, и, конечно, я не стал ей говорить, что почта такие телеграммы без соответствующих справок не принимает, что пошутить таким вот образом в наше время, слава богу, просто невозможно и что, скорее всего, эту телеграмму вообще никто не посылал, а телетайп на почте в Одессе отпечатал ее совершенно самостоятельно.

Я заснуть не мог. Собственно, было уже утро.

В журнале здесь остались только слова «18. "...заснуть не мог. Собственно, было уже утро"». В книжных изданиях текст печатается по чистовой рукописи, где с черновиком есть мелкие стилистические расхождения, и начинается словами: «18. "...чем у меня"».

Следующий переход в девятой главе приходится на тот момент, когда во дворе дома Малянова появляется огромное дерево. В черновике это описано очень подробно.

Уронив табуретку, я выскочил на балкон. И обмер.

Прямо посередине двора на детской площадке, среди всех этих качелей, турников и песочницы стояло огромное дерево — дуб или там ясень, не знаю, я в этом ничего не смыслю, но здоровенное такое дерево лет под пятьдесят или, может быть, под сто, с обширной густой кроной аж до третьего этажа. Двор был полон народу, на балконах тоже торчали, и все разом галдели, и в общем хоре, как водится, раздавались возгласы: «Хулиганство!» и «Милицию вызвать!». Под деревом решительно расхаживал наш домоуправ по прозвищу Кефир в сопровождении дворничихи, которая отчаянно махала руками — очевидно, оправдывалась. И еще я заметил сквозь крону вал свежесывороченной земли вокруг ствола, не выкопанной, не набросанной лопатами, а именно вывороченной, словно дерево выперло из-под почвы в одночасье, как шампиньон сквозь асфальт. Во дворе галдели, и Ирка что-то вскрикивала над ухом, а я смотрел на это дерево и повторял про себя: «На этот раз мимо... На этот раз промазали...»

— Да не знаю я ничего, — сказал я наконец Ирке. — Ничего я не слышал. Я работал!

Мы вернулись на кухню, я поспешно собрал свои бумаги, черновики сунул в тетрадь, тетрадь сунул под мышку и стал думать, куда все это девать или, может быть, прямо сразу выбросить, сжечь например, а Ирка тем временем хлопотала насчет кофе, с веселым негодованием излагая мне, как все это могло произойти: как подрядчики не поладили с субподрядчиками, перепутали накладные, выкопали дерево в одном месте, где выкапывать было не надо, и посадили в другом месте, где не надо было сажать, а теперь, вот увидишь, они его снова выкопают, и пока они его будут выкапывать и снова сажать, оно умрет, а у нас во дворе, вот увидишь, еще лет пять посередине детской площадки будет красоваться безобразная яма...

Во дворе зазвучали милицейские свистки, и я закрыл балкон. Мы сели пить кофе.

Уже в черновике этот фрагмент намечен к удалению, так что от него позже остались только самое начало («Я выскочил...») и самый конец («19. "...пить кофе"»).

Завершалась девятая глава словами Губаря: «А у меня все кончилось! — радостно выкрикнул он, шагнул через порог и захлопнул дверь». Убрана была только концовка, отрывок завершается словами «шагнул через порог и...». А вот в журнале, поскольку там полностью снята большая сцена с последним появлением Губаря у Малянова, глава обрывалась намного раньше — словами: «Но ничего этого не происходило, я увлекся, и тут снова позвонили в дверь...»

Начало десятой главы не очень изменилось. Прежде оно было таким: «Ирка вернулась в начале восьмого, мы поужинали, и Ирка попыталась подвигнуть меня на генеральную уборку "этого свинарника"». В новом варианте отрывок начинается: «20. "...подвигнуть меня на генеральную уборку этого свинарника"».

И, наконец, последний переход — от десятой главы к одиннадцатой. Концовка десятой главы (с поправкой на добавление многоточия) осталась практически такой же: «Заходи, — сказал он хрипло и посторонился, давая мне дорогу...» А начало последнего, 21-го отрывка выглядело в черновике так.

— Ты все-таки принес, — сказал Вечеровский, когда я положил свою папку на край стола.

— Бобка, — сказал я.

Он кивнул и грязной рукой размазал сажу по грязной щеке.

— Я этого ждал, — сказал он. — Правда, не так быстро...

В журнале этот текст был сокращен, от него осталось только: «21. "...Ты все-таки принес, — сказал Вечеровский. — Я этого ждал, правда, не так быстро"». В книжных изданиях начало последней главы немного полнее и отличается от черновика стилистической правкой, но сами реплики персонажей («Ты все-таки принес» Вечеровского и «Бобка» Малянова) не изменялись.

А теперь рассмотрим прочие особенности черновика ЗМЛДКС. Обильной правки, как это случалось со многими другими черновиками АБС, в этой рукописи нет, но исправления и пометки время от времени встречаются.

Иногда изменения и уточнения вносились еще в процессе машинописи — прежние слова забивались текстом, иногда над строкой печаталось что-то другое. Так, например, на реплику Малянова «Коньяк он мой пьет с девками, а не на операции...» Вечеровский отвечает: «Это уже неважно. Важно, что он существует». В черновике у него первоначально была еще фраза «Кстати, откуда у тебя в доме взялся коньяк?», но она убрана сразу же. Вот еще пример с Вечеровским. При описании ответа Вечеровского на реплику Малянова «Что будет? Что будет?..» чтению стихов Аполлинера предшествует фраза, где Авторы не сразу нашли наилучший глагол. В черновике правка делалась несколько раз: первый вариант забит машинописью до полной нечитабельности, вместо него указано «разразился», затем «оживился», а в чистовике стало: «Тогда Вечеровский вдруг откликнулся». А разгром в квартире Вечеровского описывался сначала так: «У комнаты был такой вид, словно здесь жгли дымовую шашку». Но тут более точное сравнение было найдено быстро: «...словно здесь взорвался картуз черного пороха».

Гораздо более рациональной была сначала в черновике мотивация того, почему Малянов рассказал Ирке обо всем, что с ним случилось: «Я с огромной радостью раскрыл было рот, чтобы все объяснить, потому что я ведь мог объяснить, я ей мог все объяснить, но... Я остановился. Я ей мог все объяснить, только если бы объяснил все. Потому что за Лидочкой здесь все сцеплено одно с другим. И я рассказал ей все». Авторы, напечатав этот текст, тут же отказались от него, заменив на известный по всем публикациям вариант: «И это был последний камушек. Я больше уже не мог. Я больше не захотел держать это при себе. И я обрушил на нее всю лавину ужаса и сумасшествия последних двух дней».

Цитируемый мальчиком фрагмент из Популярной медицинской энциклопедии был вписан в черновик от руки позже. Сначала для этого было зарезервировано место, а наиболее подходящий отрывок вставлялся, видимо, уже когда кто-то из Авторы смог подержать книгу в руках.

На обороте отдельных страниц черновика делались заметки для будущего включения каких-то слов или фраз не в чистовик, а в ближайшие сцены того же черновика. Это, например, наброски будущих слов Губаря о том, что Снеговой как военный не мог бросить тему, вопроса Малянова Вечеровскому, находится ли тот под давлением, или реакции Вайнгартена на предположение о том, что его сломали. Изменения для чистовика записаны лишь единожды. Объяснения Малянова Вайнгартену по содержанию своей работы были первоначально другими.

— Над чем я работаю? — переспросил я со злорадством. — Изволь, могу рассказать во всех подробностях. У меня секретов нет, слушайте, детишки. Тебе как биологу это будет страшно интересно. Вчера утром я наконец слез с мертвой точки. Оказалось, что все мои уравнения можно очень изящно записать в векторной форме. Тогда все интегрирования по объему проводятся моментально, и получается очень изящная штука...

Черновой набросок нового пояснения на обороте страницы с его ехидным многословием и наукообразием был позже использован в чистовике без особых изменений. А вот фразу «У меня секретов нет, слушайте, детишки» в измененный ответ решено было не включать.

Предназначенных для чистовика пометок на полях немного, почти все они использованы. Запись про двор в начале четвертой главы вошла в чистовик точно в приведенном виде: «Даже деревья не удосужились посадить. Хоть одно». Еще одна пометка указывает место, где в

чистовике на реплику Вечеровского «Я всегда знал, что никаких сверхцивилизаций не существует» Малянов стал отвечать более эмоционально — добавились слова «Я разозлился». Есть и более обширные маргиналии. Рядом со словами о том, что отказ Малянова от его работы — немалая утрата, дописано на полях и включено позже в чистовик несколько фраз, несомненно, отражающих жизненный опыт Авторов: «Ведь я десять лет шел к этому. Даже не десять лет — всю жизнь. С детства, со школьного кружка, с самодельных телескопов, с подсчетов чисел Вольфа по чьим-то наблюдениям...» А вот пометка «Молоко задумалось», относящаяся к содержимому холодильника и продублированная в рабочем дневнике, в дальнейшем учтена не была.

Иногда, чтобы не забыть планируемые мелкие изменения, Авторы вносили их прямо в прежний текст. Далее приведены примеры именно таких исправлений, а те фактические и стилистические поправки, которые появились только в чистовике, будут рассмотрены особо.

В первоначальном рассказе Малянова следователю о Снеговом была допущена ошибка — рассказ шел в прошедшем времени («Он заходил к нам иногда... брал книги, приносил книги... чаек, бывало, пили... А когда он уезжал в командировки, отдавал нам ключи...»), Поскольку главный герой еще не знает, что сосед умер, прошедшее время заменяется настоящим.

О том, чем закончатся лично для него попытки предать дело гласности, Губарь в черновике говорил: «Санитары приедут и заберут! <...> И вам-то еще ничего, а мне ведь сексуального маньяка еще приклеят... А какой я сексуальный маньяк?» Фрагмент выправлен в рукописи, повтор «еще» заменен на «вдобавок», риторический вопрос убран, а к фразе про санитаров добавлено: «Это ж ясно». Он же говорил: «А у меня и вовсе шеф — баба. Очень милая, умная, но как я ей все это буду рассказывать?» Здесь «баба» выпадает из общей стилистики и уже в черновике заменена «женщиной», а дописка «Про себя...» сделана позже, в чистовике.

Прежние слова Малянова «Когда эта сверхцивилизация опустится до нашего уровня и начнет на нас с бреющего полета кидать бомбы» тоже переписаны прямо в черновике: «Когда эта сверхцивилизация снизойдет до нашего же уровня и примется с бреющего полета валить на нас бомбы». Когда же Вечеровский поясняет, что сверхцивилизация — это слишком просто, Малянов в ужасе думает: «Еще сложнее? Еще, значит, хуже? Куда же больше?..» В черновике здесь вычеркнута менее удачная фраза: «Что же более худшее и сложное может происходить с нами?»

В черновике сказано: «А кому понадобилось, — лениво произнес Вечеровский, — чтобы вблизи поверхности Земли камень падал с ускорением в девять и восемьдесят одна сотая метра в секунду за секунду?» Конец фразы в черновике вычеркнут, остается только «в девять и восемьдесят один». Кроме того, в чистовике «лениво» заменяется словами «с этакой ленцой».

Вечеровский первоначально говорил: «А ты все-таки постарайся отказаться от эпициклов, попробуй все-таки поставить в центр планетной системы не Землю, а Солнце». Формулировке придается более общий смысл, поэтому слова о «планетной системе» в черновике убираются.

О пришельцах в ранней машинописи Вечеровский говорил: «Действительно, никто еще не додумался до того, что они будут похожи на следователя угрозыска с неправильным поведением». Этот фрагмент переделывался многократно. Первая правка сделана в черновике, где уточняется: «...с абберациями поведения». В чистовике и во всех книжных изданиях пришельцы похожи уже на «милиционера с абберациями поведения». А в журнальной публикации следователь угрозыска менялся на работника прокуратуры, поэтому абберации поведения решили приписать Лидочке — вместо «милиционера» появилась «девица».

Про Одессу уточняется, что туда понаехало много народу не «в этом году», а «нынешним летом». В прежних словах про то, что «мама все равно собиралась в Ленинград в конце августа», «собиралась» исправлено на «намеревалась».

О смерти Снегового Малянов сначала рассказывал Ирке то, «что знал со слов тонтон-макута», но в данном контексте уместнее точное обозначение персонажа — «Игоря Петровича». При этом Малянову вспоминается Лидочка, и далее в черновик внесена правка — «я совсем было раскрыл рот, но вовремя спохватился» (вместо прежнего варианта: «...я совсем было раскрыл рот, чтобы попенять Ирке на странное поведение ее подружки»).

Делалась правка и в последней сцене повести. Предупреждение Малянова Вечеровскому, что того убьют, имело другое продолжение — на ответ «Не думаю. Промахнутся» следовали слова Малянова: «Повадилса кувшин по воду ходить... В конце концов попадут». Затем первая фраза была заменена в черновике другой: «Торопиться им некуда». Но в чистовик и в ранние публикации эти слова не попали и позже были восстановлены по черновику в собрании сочинений «Сталкера».

Исправлялись и явные ошибки. Например, в квартире Малянова кухня находится слева от прихожей, а комната — справа, но в четвертой главе черновика расположение было перепутано.

Отметок, касающихся будущих обрывов в рукописи, в черновике нет, а вот некоторые переходы от первого лица к третьему Авторы обозначить пытались, но изредка и бессистемно — в том числе и там, где позже это было сделано иначе. Например, несколько замен «я» на «он» или «Малянов» сделано в первой главе, но не в начале ее, а уже по ходу событий.

Теперь рассмотрим, что же нового появилось по сравнению с черновиком в чистовой рукописи. Некоторая часть этих правок уже упоминалась при анализе разбиения рукописи на главы, теперь же речь пойдет о других фрагментах.

В черновике есть немало такого, что в чистовике и последующих изданиях было убрано или заменено чем-то совсем другим — чаще всего безвозвратно, хотя некоторые фрагменты в новых изданиях все-таки удалось вернуть к исходному состоянию.

В начале первой главы была убрана оценка главным героем беспорядка на кухне: «Никто не помыл и ничто не помыто, — сказал Малянов вслух». В повести и без того хватало рискованного подтекста, и раздражать цензоров и редакторов по пустякам было ни к чему. Этот фрагмент был восстановлен много позже в собрании издательства «Сталкер». То же касается и слов Малянова: «Чтобы в конце пионер Вася все эти происки разоблачил и всех бы победил... и водрузил над Землю что-нибудь славное...» (В черновике первоначально было «пионер Вася или Коля», но затем последние два слова вычеркнуты.) В чистовике и во всех изданиях до «Сталкера» аллюзии на концовку песни «Смело, товарищи, в ногу!» не было.

В черновике главный герой говорил о предсказаниях так: «Очень удобно, сказал я, а вот мне цыганка предсказала крупное открытие в области астрофизики и что я первым высажусь на Марсе». В чистовике Марса нет, а результат гадания соответствует теме работы Малянова: «...крупное открытие относительно взаимодействия звезд с диффузной материей в Галактике».

Пригласив Малянова к себе в квартиру, его сосед вел себя очень решительно и даже агрессивно: «Молча, не выпуская моего локтя, Снеговой нашарил свободной рукой в кармане ключ и, открыв дверь, втолкнул меня в прихожую». В чистовике Снеговой дает Малянову возможность зайти самостоятельно.

Когда следователь спрашивает, знает ли Малянов Снегового, далее в черновике даются мысли главного героя: «Хотите верить, хотите — нет, но этот вопрос я предчувствовал. Насчет предчувствий я вообще силен. Еще глаза не продрал, я уже предчувствовал, что будут у меня сегодня неприятности, и вот сейчас, когда я еще ничего, ну абсолютно ничего не понимал, я уже ожидал, что спрашивать меня будут либо про Вальку Вайнгартена, либо про Арнольда Павловича». В чистовике общий смысл сохранен, но про предчувствия ничего нет.

В окончательном тексте Малянов говорит Вечеровскому о Снеговом: «Сроду мы с ним о работе никогда не говорили...» В черновике — подробнее: «Сроду мы с ним о работе никогда не говорили. Я его не расспрашивал, потому что догадывался ... А он... Ему, наверное, было просто не интересно...»

Вечеровский хочет выяснить у Малянова, «кто звонил (мужчина? женщина? ребенок?)» в чистовике и «кто звонил (мужчины? женщины? дети?)» в черновике. В черновике были также вопросы: «Звонил ли я куда-нибудь? И куда?»

Когда Малянов приходит домой и видит там Вайнгартена и Губаря, он отмечает на столе наполовину опорожненную бутылку экспортной «Столичной» и «всякие яства из стола заказов». Первоначально эти яства описывались подробно — на столе «красовалась розовая ветчина из стола заказов и благоухала вскрытая банка рольмопсов оттуда же».

Реакция Губаря и Вайнгартена на рассказ Малянова в черновике описывалась так.

Я и сам не заметил, как разошелся. Вайнгартен то и дело всхохатывал, обнажая мочуе желтоватые клыки, а я прямо-таки целью жизни своей положил заставить рассмеяться и красавца Захара, но мне это так и не удалось — он только растерянно улыбался, а когда я рассказал о самоубийстве Снегового, он и улыбаться перестал. Вообще к концу моего рассказа они оба стали вести себя как-то странно. У Вайнгартена брови лезли все выше и выше на потный лоб, а Захар то и дело взглядывал на него и непроизвольно пожимал плечами. Когда я кончил и взялся за бутерброд, Вайнгартен сказал нетерпеливо:

— Подожди, отец... А дальше?

— Что — дальше? Дальше я пошел к Вечеровскому... Вот только что вернулся.

Они переглянулись.

Этот фрагмент был в чистовике основательно переписан. Дослушав Малянова, Вайнгартен говорит, что тот врет, потом идет смотреть опечатанную дверь в квартиру Снегового, а мальчик в это время заставляет Захара откусить от обмусоленной шоколадки. Дальше события и реплики опять становятся более или менее похожи, только в чистовике Вайнгартен, например, называет Лидочку не «этой девкой», а «этой девицей» и спрашивает о рыжем «нетерпеливо», а не «как-то обескураженно», а Малянов требует рассказа от Вайнгартена, добавляя не «Теперь твоя очередь», а «Честное слово, третий допрос за день...».

Согласно черновику, Вайнгартен одно время увлекался коллекционированием того, что в чистовике названо экскрементами, а в черновике просто дерьмом. Способствовал пополнению его коллекции Женька Сиверцев, в чистовике ставший Женькой Сидорцевым.

Рассказ Вайнгартена о произошедших с ним странностях Малянов в черновике мысленно комментировал так: «История, которую он мне рассказал, до такой степени не лезла ни в какие ворота, что я поначалу испугался, а потом вдруг с огромным облегчением понял: врет ведь все. От первого до последнего слова все врет сукин сын. Это само по себе было непонятно, зачем ему понадобилось врать, но к непонятым поступкам людей я как-то уже привык за последние сутки...» Когда Вайнгартен в своем рассказе доходил до визита рыжего карлика, Малянов опять вспоминал о вранье: «Именно в этот момент мне пришло в голову, что Валька все врет, и интересовал меня с этого момента только один вопрос: зачем это ему понадобилось». А когда Вайнгартен делал эффектную паузу перед уточнением, куда же делся рыжий пришелец, в исходном варианте следовало предположение Малянова: «Ушел сквозь стену, — сказал я, насколько мог, саркастически». В чистовике выдвигается другая версия: «Вылетел в окно... — сказал Малянов сквозь зубы». Рассказывая об исчезновении карлика, Вайнгартен был первоначально более вульгарен: «Я, отцы, скрывать не буду: штаны у меня были полные...»

Содержащая неприличный намек реплика Вайнгартена «Идиот! Все об ёй!» в чистовике выглядит более пристойно: «Тьфу, болван! Да я не об этом!..» Для собрания «Сталкера» позже взят комбинированный вариант: «Тьфу, болван! Все об ёй!»

Явившиеся к Губарю женщины раскололи у него не «голубую японскую мойку», а унитаз. Изменены были и некоторые другие нюансы истории с Губарем. Про одну из явившихся к нему женщин говорилось: «Она ломала руки, и видно было, что она считает свое поведение подлым и преступным по отношению к своему мужу». В чистовике ничего про «отношение к мужу» нет.

В черновике Захар говорил: «В Большой дом, например, надо заявить! В этот, как его...» Но в чистовике прямой намек на КГБ Авторы решили не давать, и там появилось: «В органы, например, надо заявить...»

А вот присутствовавшая в черновике и исправленная в чистовике смысловая неточность: «К тебе вообще никто не приходит... то есть приходит, конечно, но не представляется». Имелось в виду, что гости Малянова не представлялись ему каким-то экзотическим образом, а не то, что они не делали этого вообще. Поэтому в окончательной редакции говорится: «То есть приходят, конечно, но, так сказать, в скрытом виде».

Резко возражая против приглашения Глухова, Малянов в черновике добавлял, что «это свинство — беспокоить занятого человека».

От мальчика в чистовике следуют «назидательные цитаты о болезнях разных деликатных органов». В черновике было конкретнее: «...о болезнях мочеполовых органов».

Последствия речи Вайнгартена, раскритиковавшего предложения Вечеровского, Малянов описывает в чистовике так: «Вечеровский скорчился в кресле, опустив лицо в ладони». В черновике его якобы полный моральный разгром был явлен иначе: «Вечеровский сидел, подобрал ноги и опустив лицо в ладони».

В чистовике говорится: «Легко видеть, что в точно такой же тупик заводят нас гипотезы легендарного Союза Девяти, таинственного разума, скрывающегося в безднах Мирового океана, и вообще любой разумно действующей силы». В черновике часть фразы была гораздо длиннее и при этом ничуть не информативнее: «...нас заводит и предположение о том, что мы находимся в сфере действия легендарного Союза Девяти...»

В черновике Малянов иронизирует над планами сверхцивилизации: «...на исследование кольчатых червей мы бросим сто мегаватт, на проталкивание романа Шевцова — семьдесят пять гигаватт, меньшим не обойдешься, а на запрещение Малянова хватит и десятки». По понятным цензурным обстоятельствам того времени без упоминания столь одиозной фигуры, как И. Шевцов, лучше было обойтись. (Позже Авторы мельком обозначили свое отношение к этому сочинителю погромно-графоманских опусов в романе «Отягощенные Злом».) В чистовике фрагмент стал таким: «...на исследования кольчатых червей мы бросим сто мегаватт, на проталкивание такого-то проекта — семьдесят пять гигаватт, а на запрещение Малянова хватит и десятки».

В черновике Вечеровский говорил: «Я совершенно не в состоянии вообразить то, чего, по моему глубокому убеждению, не существует». В чистовике эта формулировка сделана менее категоричной: «Я совершенно не в состоянии вообразить то, чего, по-моему, не существует».

Во время семейного скандала из-за найденного лифчика Ирка говорила сначала не «какая благородная скотина», а «какой благородный мерзавец», и продолжала: «Не захотел осквернять супружеское ложе... развлекался в комнате у сына... всего лишь у сына...» В чистовике Ирка издевательски обыгрывает тему благородства еще раз: «Не захотел, значит, осквернять супружеское ложе... Ах, как благородно... У сына в комнате развлекался...»

Не вошел в чистовик и добавлен в новые издания повести по черновику маленький фрагмент последнего разговора Малянова с Вечеровским.

— Спасибо, Дима, — сказал Вечеровский.

— За что? — спросил я.

Но немало было и такого, что в чистовике не убиралось, а, напротив, добавлялось.

Часть правок потребовалась в связи с изменением в некоторых главах манеры повествования — то в первом лице, то в третьем. То, что вполне годилось для прежнего варианта, в чистовике приходилось переделывать — когда сокращать, а когда и дополнять. Например, вместо фразы «Мы кое-как вытерли стол» появилось: «Рассуждая об этом, Малянов кое-как вытер стол». Прежняя характеристика шеи Лидочки («Созданная для поцелуев, я бы сказал») разворачивается: «У Малянова создалось еще одно впечатление, а именно, что эта шея создана для поцелуев». Фраза «Я молчал» заменяется на «Малянов молчал, чувствуя, что лицо его заливаешь краской». А вот пример, когда глагол просто заменяется более удачным: вместо «завопил я» появляется «возопил он».

В сцене, где Малянов пытается заниматься расчетами, сначала говорилось: «Совсем он не ноль, этот мой интегральчик». Позже описание расширено: «То есть он до такой степени не ноль, мой интегральчик, что величина вовсе существенно положительная...»

В рассуждениях Малянова «Что такое, по-твоему, брак? Настоящий брак. Интеллигентный брак» последняя фраза введена уже в чистовике.

В словах Лидочки о том, что она это место помнит, не было прежде фрагмента про то, что во дворе было дерево.

О Снеговом Малянов думает: «Ясно, что человек работает в глубоком ящике, лицо вон все обожжено, руки... и манеры соответствующие... и то, что уклоняется от разговоров о работе...» В черновике этот фрагмент заканчивался словом «манеры».

Следователь говорит Малянову, что хочет выяснить, откуда его жена «знала, что Снеговой не женат». После вопроса Малянова «А она знала?» в чистовике следует: «Он пристально смотрел на Малянова, и зрачки его странным и зловещим образом то сужались, то расширялись». В черновике же Игорь Петрович отвечал «Да», затем следовала фраза: «Мы опять устали друг на друга».

Дополняется описание парочки у лифта: слова «кандидат в рядовые с четвертого этажа, второй год никуда поступить не может» заменяются на «кандидат в рядовые необученные из семнадцатой квартиры, второй год никуда поступить не может и не хочет...».

Несколько сцен перенесено в чистовик из рабочих дневников. Это часть диалога про то, что Вайнгартен по телефону спрашивал Малянова о Снеговом, и описание панического состояния Малянова, слушающего рассуждения Вальки (с упоминанием Черного Страха). Из этого же ряда и следующая измененная. На реплику Малянова «Кошмар какой-то...» в черновике давался ответ: «Ну разве это кошмар? — сказал Игорь Петрович. — Вот, я помню, был случай...» В чистовике следователь в этот момент как бы ненадолго приходит в себя: «И тут легкий сквознячок потянул по комнате, шевельнул сдвинутую штору, и яростное полуденное солнце, ворвавшись в окно, ударило Игоря Петровича прямо по лицу. Он зажмурился, заслонился растопыренной пятерней, подвинулся в кресле и торопливо поставил рюмку на стол. Что-то с ним случилось. Глаза часто замигали, на щеки набежала краска, подбородок дрогнул. «Простите... — прошептал он с совершенно человеческой интонацией. — Простите, Дмитрий Алексеевич... Может быть, вы... Как-то здесь...»

Когда Калям разбивает кувшин (с «глиняным дребезгом» в черновике и с «длинным дребезгом» в чистовике), к описанию реакции на этот звук следователя — с учетом предыдущего его поведения — добавляется в исправленном тексте фраза: «Души человеческой снова не было в его голосе».

Суть работы Вайнгартена была связана по чистовику «с обратной транскриптазой, она же РНК-зависимая ДНК-полимераза, она же просто ревертаза, это такой фермент в составе онкорнавирусов». В черновике определение было коротким и при этом неточным: «...с гипотезой обратной ревертазы...» (термин «ревертаза» пояснения «обратная» не требует).

В чистовике есть также фраза: «Так что перед нами стоит задача защитить не просто вашу, Валя, теорию ревертазы, но судьбу всей нашей планетной биологии вообще...» Вместо «защитить» прежде было «спасти», а ревертаза и здесь ошибочно называлась «обратной».

На предположение Захара, что их истории и история Малянова не связаны, Вайнгартен не просто говорит «Брось, отец!», а теперь еще и «весь перекосялся». Малянов, в свою очередь, сначала говорил просто «Ну давай. Давай, рассказывай», в чистовике же он требует уточнения: «Кто это меня назвал? Что еще за новости?»

Один из примеров непреодолимого для Малянова препятствия по Вайнгартену: «Женщину твою кто-нибудь клеит...». Прежде здесь было: «За твоей невестой кто-то ухаживает...»

В число простых средств, которыми мог бы обойтись с Маляновым и его знакомыми кто-то всемогущий, в чистовик добавлено «заразить чем-нибудь».

К словам о том, что Захар «вообще никогда ни с кем не конфликтует», в чистовике добавлено: «...такой уж у него характер». Не было в черновике упоминания, что мальчик Захара разглядывал Малянова как какое-то редкостное животное. Малянов просил Захара в черновике достать из холодильника икру и масло, а в чистовике также «и вообще все, что там есть».

В чистовике сравниваются «тля, на которую упал кирпич, или тля, на которую упал двугривенный», в черновике монетка поменьше номиналом и полегче — гривенник.

Не было в черновике той подробности, что Малянов выкидывает со стола в мусорное ведро не только бланк стола заказов и записку про Лидочку, но и «паспорт Сергеенко И. Ф.».

В черновике говорилось: «А с краю лежала моя новенькая белая папка. Я взял ее и положил себе на колени». Так же было и в журнальной публикации. В чистовике и многих книжных изданиях стало «на колени». Но папка — не листок бумаги, ее удобнее класть именно на оба колена, поэтому в собрании «Сталкера» и далее слово восстановлено по черновику.

Думая, как Вечеровского на Памире будут атаковать привидения, альпинистки и шаровые молнии, Малянов добавляет в чистовике: «...то-то удивятся метеорологи...»

В офлайн-интервью (13.11.2006) БНС заметил: «Мастерство — это, прежде всего, стиль. Нарботка мастерства — открытие в себе и постепенная шлифовка вкуса и стиля». Стилистике повести при доработке рукописи было уделено серьезнейшее внимание, подобных исправлений в чистовике множество. Некоторые прежние примеры дополним специальной подборкой.

Солнце в черновике не «простреливает всю квартиру навывлет», а «расстреливает».

Вместо «Вы, голубчики мои, что себе думали?» было: «Вы, товарищи, что себе думали?»

В сцене с Лидочкой вместо прежнего оборота «Имела место неловкость» появился более удачный: «Словно заело что-то». Далее «абсолютно неподходящие и ничемные темы для возобновления разговора» заменены на «абсолютно неподходящие и бездарные начала новых разговоров». Лидочка при попытках Малянова расспросить ее о планах выглядит еще более растерянной и косноязычной — вместо «Да есть кое-какие планы... Так как-то...» ей удается произнести лишь: «Н-ну... конечно... А как же?»

Про отношения жены Малянова со Снеговым Игорь Петрович спрашивал сначала «прежним бесцветным голосом», а затем «прежним вежливым до бесцветности голосом». В чистовике Малянов думает: «На глисту ты похож очкастую, а не на человека-невидимку». В черновике вместо «глисты очкастой» была «свинья очкастая». А Вечеровский, проверяя, есть ли такой следователь, спрашивает его по телефону голосом не «металлическим», а «вялым начальственным».

Рыжий карлик говорил, что Вайнгартену не следует думать, будто происходящее с ним — случайность. В чистовике акцент усилен — «не следует заблуждаться». О стоимости врученных ему марок Вайнгартен в чистовике говорит, что их совокупную ценность «человек, не являющийся филателистом-профессионалом, представить себе просто не может». В черновике речь шла о марках, «общую стоимость которых Вайнгартен отказался нам назвать под тем предлогом, что мы все равно не поверим». Свою историю Валька в черновике излагал «выпячивая губы», а в чистовике — «выпячивая челюсть». Об отношении сотрудников Вайнгартена к его открытию в черновике говорилось: «Большинству, как это всегда бывает, было наплевать». В чистовике здесь использован оборот «до лампочки». Вайнгартен требует от Малянова рассказать, что с ним произошло, в черновике «переставши улыбаться», а в чистовике — «переставши сглотить как масляный блин». Мысль Малянова «Ведь нет чтобы просто и честно сказать: дядя, заблудились, выведи...» об очередной напыщенной тираде Вайнгартена усилена: «дядя, голубчик».

На предложение изложить свою историю Малянов в черновике реагировал кратко: «Чего здесь излагать особенно...» В чистовике ответ обстоятельнее: «Голова у меня на самом деле как пробкой набита, — проговорил он. — Излагать мне нечего. Это же все бред какой-то».

Ребенок Захара в этой сцене и далее довольно часто называется в черновике не «мальчик», а «дитя». А Малянов в какой-то момент называет в черновике мальчика Захара не «кошмарным ребенком», а — не совсем по возрасту — «ужасным младенцем».

Вечеровский в черновике говорил, что поведение Глухова его бесит, в чистовике выражается несколько мягче — «злит». При описании поведения самого Вечеровского несколько раз используется слово «медленно». Чтобы употреблять его не столь часто, в одном месте (про раскуривание трубки) вводится другое слово — «неторопливо».

Слова Вечеровского о необходимости «выйти, таким образом, на контакт с правительством» были при правке этого фрагмента для чистовика существенно уточнены добавлением всего одного слова: «Таким образом, мы косвенно выходим на контакт с правительством». При пересказе апофеоза речи Вечеровского про «отпор сверхцивилизованным нахам» в чистовике подчеркнута нереальность этих идей — и опять же путем минимальной правки, с заменой «нахам» на «супостату». Обсуждая позже ситуацию, Вечеровский говорил в черновике, что ему в голову не

приходил «смешной аспект положения». В чистовике вместо «смешной» использовано более подходящее по смыслу слово «юмористический».

Во всех изданиях ЗМЛДКС сказано: «Это ведь на самом деле смешно: такая мощь, такие энергии — и все это, чтобы воспретить человеку разобраться, что бывает, когда звезда попадает в облако пыли...» В черновике было простонародное «этакая моща», а в чистовике — «такая моща». В то же время вместо «воспретить» сначала было традиционное «запретить».

Про Ирку в черновике говорилось: «Она когда чего-нибудь боится, то прямо-таки опрометью бросается именно навстречу опасности». В чистовике сказано точнее: «...навстречу своему страху».

Действия Малянова, обнаруживающего в квартире непонятно чей паспорт, описывались сначала: «Я осторожно положил паспорт на край стола, поднялся и на цыпочках вернулся в комнату». В чистовике найден более удачный глагол — «прокрался». А далее во фразе «Я стер с лица холодный пот, потом спохватился и снова полез в Иркину сумку» меняется определение — пот здесь противный, ибо пот уже упоминался раньше и как холодный, и как ледяной.

Ассоциации с действием Гомеостатического Мироздания у главного героя возникали такие: «...летят с полок сбитые стаканы, обрушивается торшер, гибнут ни в чем не повинные ночные мотыльки, задрав хвост, забивается под диван кошка, которой наступили на лапу...» Тут сделано несколько мелких, но точных изменений: на полках уместнее смотрятся вазы, да и кошке с задраным хвостом удобнее удирать, а не забиваться под диван.

О «жаворонках» Малянов думал: «...и никакая сила на свете не заставит их провалиться, скажем, до полудня». Позже слишком общее слово «сила» было заменено более удачной «мерихлюндией» — это известное по чеховским пьесам словечко обозначает плохое настроение, хандру, то есть внутреннее состояние самого человека.

Результат попытки расспросить Ирку про Лидочку Малянов оценивал так: «Пробный шарик мой получился на поверку несколько громоздким и угловатым». В чистовике формулировка стала лучше: «Мой маленький пробный шарик получился на поверку несколько великоват и щербат».

Туча в черновике «торопливо свертываясь, уходила на север». В чистовике стало совсем иначе, там туча «неторопливо свертываясь, уплывала на север».

Вечеровский, согласно черновику, «надвинул брови на глаза». Но выше говорилось, что «брови и ресницы у него сильно опалены», поэтому в чистовике уточняется: «...надвинул на глаза остатки бровей». В той же сцене Вечеровский предполагал: «Может быть, со временем мы научимся отводить это давление в безопасные области, а может быть, даже использовать в мирных целях...» Вообще-то здесь важен не мирный или военный характер целей, а то, чьи они, поэтому в чистовике сделано маленькое, но существенное уточнение — «в своих целях».

При подготовке чистовика сделано еще много более или менее мелких стилистических исправлений. Например, Вечеровский не «резко хохотнул», а «коротко хохотнул», Губарь возвращался не из нужника, а из уборной, «бессмысленно» заменено на «не имеет никакого смысла», «нехорошо похолодело внутри» — на «снова окатило нехорошим холодком», а «высшей степени двусмысленно» — на «мягко выражаясь, двусмысленно».

Что же получилось после всех этих изменений? В архиве Авторов есть две чистовых рукописи: первый чистовик, заверченный в конце 1974 года (повторяющая черновик дата «Июль–сентябрь 1974 г.» исправлена рукописно на «Июль–декабрь»), и более поздняя перепечатка того же текста. Во второй рукописи учтены единичные мелкие изменения, сделанные рукописно в первом чистовике. В обоих этих источниках есть также, на первый взгляд, чисто техническая деталь, работающая при этом на авторский замысел, по которому границы уцелевших частей маляновской рукописи не равны пространству сюжета. Это завершающие слова «КОНЕЦ РУКОПИСИ» (вместо обычного «КОНЕЦ»), которые не попали ни в одно издание повести.

Следов редактуры в раннем чистовике совсем мало, ее можно вполне уверенно разделить по времени на две части. Несколько правок явно сделаны до журнальной публикации ЗМЛДКС: это упомянутое исправление даты создания повести и исправление пары противоречащих черновику слов («начало второго» на «начало третьего» в первой главе и «спину двенадцатиэтажника» на «темя двенадцатиэтажника» — в десятой). Остальные правки — более поздние, не вошедшие в журнал «Знание — сила», но учтенные в последующих книжных изданиях. Исправлены мелкие опечатки; добавлено ударение в слове «вполсвиста́» (нигде, однако, потом не использованное); отчество Вайнгартена «Андреевич» исправлено на «Артурович», в паре его реплик «отец» заменен «стариком», а вместо «расплавленного золота окон» указано «дрожащее». В более поздней белой машинописи правки нет вовсе.

Об отличиях чистовика от тех или иных публикаций будет сказано по мере их рассмотрения. Первой из таких публикаций было журнальное издание, и к нему как раз пора перейти после рассказа об истории и текстологии рукописей ЗМЛДКС.

Никаких серьезных перспектив книжной публикации у завершенной в конце 1974 года новой повести Стругацких в обозримом будущем не было, надеяться можно было только на журналы. Наиболее предпочтительным вариантом представлялась Авторам уже трижды публиковавшая их произведения «Аврора», не исключались также «Нева» и «Знание — сила», а в более поздней переписке АБС одно время упоминалась возможность публикации ЗМЛДКС в минском «Немане».

Следует упомянуть и еще одно обстоятельство, имеющее прямое отношение к публикации как этой повести, так и других произведений Стругацких — но не в СССР, а за рубежом. Речь идет о работе ВААП — Всесоюзного агентства по авторским правам. Да, из зарубежных гонораров советским писателям после отчислений в пользу государства оставалась лишь весьма малая часть, но и эти деньги серьезно помогали Авторам — тем более что их книги были востребованы, издавались часто, а сотрудники ВААП активно способствовали их продвижению на мировом издательском рынке. Особенно велики заслуги Белы Клюевой, перешедшей в ВААП после разгрома, учиненного в прежней редакции фантастики «Молодой гвардии», и сохранившей самые добрые отношения с Авторами.

Почти все произведения АБС, написанные в семидесятые годы, появились в виде книг за рубежом много раньше, чем это случилось в Советском Союзе. Это касается и «Отеля...», и «Пикника...», и «За миллиард лет до конца света». Более того, переговоры о зарубежных изданиях этой повести начались еще тогда, когда она существовала только в рукописи. Дело это было для Авторам новым, и они не сразу разобрались, например, должна ли вообще редакция «Авроры», куда БНС в мае 1975 года передал рукопись во исполнение договора двухлетней давности, разрешать ВААП работу с произведением. В письме брату от 26 мая БНС проясняет и этот вопрос, и то, как отнеслись в редакции к повести: «Никакого разрешения на ЗМЛДКС «Аврора» дать не может, пока вещь не будет опубликована или, по крайней мере, одобрена. <...> И как, черт побери, редакция может что-нибудь разрешить или запретить, если еще неизвестно, будет ли вообще печататься данная вещь? <...> ЗМЛДКС сейчас «читают». Судя по всему, эта вещь их сильно ошарашила, и они полны сомнений. Ясно совершенно, что если повесть и пойдет, то только после основательной чистки. Андрей <Островский> сказал мне, что решение будет вынесено, скорее всего, на редколлегии в середине июня».

В «Комментариях» БНС говорилось: «Замечательно, что подтекст этой повести, казалось бы тщательно замаскированный, все-таки неуправляемо выпирал наружу и настораживал начальство без промаха. Так, «Аврора», с нетерпением ждавшая эту нашу повесть, фактически заказавшая ее и даже заплатившая за нее аванс, — несмотря на хорошие рецензии, несмотря на совершенную невозможность придраться к чему-то определенному, несмотря на изначально доброе к авторам отношение, — несмотря на все это, сразу же потребовала перенести действие в какую-нибудь капстрану («например, в США»), а когда авторы отказались, тут же повесть и отвергла — с сожалением, но решительно».

23 августа 1975 года в очередном письме БНС сообщает соавтору: «Рецензии (Дмитревского и Никольского) вполне положительны, но на словах замглавного высказал (самым дружеским образом) ряд существенных замечаний, являющихся необходимыми условиями публикации. Я сказал, что подумаю и что надо посоветоваться с тобой. Ради бога, сказали мне, время терпит. В этом году повесть все равно уже не пойдет, а до следующего года времени много... В общем, надобно будет нам об этом посоветоваться. Я склоняюсь к тому, чтобы никаких переделок не делать, а сесть и написать новую небольшую повестушку — тем более что все равно желательно иметь таковую для Мосдетгиза. Что-нибудь незамысловатое, про Горбовского». Некоторые попытки договориться с «Авророй» по ЗМЛДКС делались и позже, возможности каких-то взаимных уступок сохранялись, но необратимо уродовать тщательно выверенный и, в буквальном смысле слова, выстраданный текст Авторы не захотели. Ничего «небольшого и незамысловатого» для этого журнала написано тогда не было, попытка позже предложить туда «Повесть о дружбе и недружбе» успеха не имела, так что больше повести Стругацких «Аврора» не печатала.

Авторам ясно, что после неудачи с «Авророй» круг возможностей очень мал. 27 сентября БНС пишет брату: «У меня к тебе большая просьба: форсируй как-нибудь свой контакт с «Неманом». Очень хочется понять, есть там хоть какие-нибудь шансы или такой же нуль, как и везде. Если окажется нуль, я все-таки решусь на заход в «Неву». Но это уже будет, сам понимаешь, жест отчаяния». А несколько раньше, 1 сентября, в дневнике АНС появляется лаконичная запись: «Ревичам дал экз<емпляр> ЗМЛДКС». Работавшая в журнале «Знание — сила» Татьяна Чеховская, жена журналиста и критика Всеволода Ревича, сыграла значительную роль в последующих событиях — именно ей читатели в немалой степени обязаны тем, что журнальная публикация повести вообще состоялась.

Какие-то предварительные переговоры по этому изданию в последующие месяцы, видимо, шли, но в сохранившихся архивных материалах это не отражено. То, что публикация ЗМЛДКС в «Знание — сила» реальна, хотя и потребует изменений текста, становится окончательно ясно весной 1976 года, когда этот вопрос начинает активно обсуждаться в переписке Авторам.

15 мая АНС пишет: «Чеховская едет к тебе работать над рукописью зМЛдКС. Поправок, как я понимаю, четыре: лифчик, полковник, следователь угрозыска, еще какое-то г... Валяй, соглашайся, исправляй, я уж в эти дела мешаться не буду, у самого дел по горло». Далее на полях письма сделана приписка: «Вспомнил. Четвертая поправка — заменить шибко иностранное слово «гомеостазис» на русское понятное «равновесие». А?» А 23 мая БНС сообщает о результатах проделанной работы: «Сократили страницы для первых двух номеров (на большее у меня просто духу не хватило), выбросили слово «гомеостазис» (которому они придают некое социально-мистическое значение), заменили его на Сохранение Структуры (или что-то вроде) и добрались почти до конца, где у нас застопорило. После долгих рассуждений договорились, что надо в последней речи Вечеровского сделать вставку, где подчеркивался бы тезис о том, что все неприятности проистекают из-за необычного «антропоморфного», «псевдоантропогенного» проявления Закона Сохранения Структуры. Танька уехала, а я засел за эту вставку. Сiju уже второй день. Сделать надо лаконично, но ясно».

25 мая БНС высылает брату вставку, которая затем присутствовала только в журнальной версии и не включалась ни в одно последующее издание. Как отмечено в письме, этот абзац должен следовать в последней главе за словами Малянова: «Не понимаю, — сказал я».

— Мы привыкли, что Мироздание предельно неантропоморфно. Что нет ничего менее похожего на человека, чем Мироздание. И мы не привыкли, чтобы законы природы проявлялись таким странным образом. Природа умеет бить током, сжигать огнем, заваливать камнями, морить чумой. Мироздание проявляет себя полями и силами, полями сил. Мы не привыкли видеть среди орудий природы рыжих карликов и одурманенных красавиц. Когда появляются рыжие карлики, нам сразу начинает казаться, что действуют уже не силы природы, а некий Разум, социум, цивилизация. И мы уже готовы усомниться в том, что бог природы коварен, но не злонамерен. И нам уже кажется, что скрытые тайны природы — это сокровища в сейфах банка, оборудованного по последнему слову воровозащитной техники, а не глубоко зарытые тихие клады, как мы думали всегда. И все это только потому, что мы никогда прежде не слыхивали о полях, имеющих своим квантом рыжего карлика в похоронном костюме. А такие поля, оказывается, существуют. Это придется принять и понять. Мы все искали «достаточно безумную теорию». Мы ее получили... — Он вздохнул и посмотрел на меня. — То, что происходит с нами, похоже на трагедию. Но это ведь не только трагедия, это — открытие. Это — возможность взглянуть на Мироздание с совершенно новой точки зрения. Постарайся, пожалуйста, понять это.

Работа по изменению и сокращению текста для журнала завершается в июне 1976 года в Москве, на сей раз с участием АНС. Он записывает 15 июня в дневнике: «Вечером была Татьяна <Чеховская>. Вычеркнули из рукописи больше страницы, она удовлетворилась». А 23 июня АНС сообщает брату важнейшую по тем временам новость: «Только что звонила Таня Чеховская: зМЛдКС благополучно прошел Главлит». Это была удача: цензура терзать повесть не стала, а журнальная редакция позволила, пожертвовав отдельными частностями и сгладив некоторые острые углы, донести до читателей замысел Авторов достаточно точно.

Первопубликация зМЛдКС заняла пять номеров журнала «Знание — сила». Четыре из них пришлись на 1976 год (№№ 9–12), а завершающий фрагмент перешел уже в первый номер следующего, 1977 года.

Тех читателей, которые вполне разобрались, что на самом деле скрывалось здесь под научно-фантастическим сюжетом, могли бы заинтересовать два вопроса: как это вообще в таком виде удалось напечатать и что сотрудникам журнала потом за эту публикацию было. На первый вопрос БНС в офлайн-интервью (24.08.2012) отвечал: «Главной Аллюзии либо не заметили, либо не захотели связываться, — никому этого не надо было в редакции, а Высокое Начальство пропустило повесть «мимо ух»: пора бескомпромиссной борьбы с АБС явно шла на убыль. А уж собственно цензуре (Главлиту) вообще было не до того — они, видимо, сражались с нарушителями гостайны, имевшими дерзость писать: «Мы разожгли костер на берегу и лакомились печеной молодой треской», негодяи, когда СССР только что подписал международную конвенцию о невылавливании молодой трески. <...> Судьба конкретной повести зависела (почти всегда) от совершенно случайных обстоятельств, а вовсе не от взрывоопасности текста и саперских талантов редактора».

Что касается второго вопроса, то совсем уж без последствий не обошлось, но их удалось в значительной мере нейтрализовать. В дневнике АНС есть несколько записей, имеющих к этому прямое отношение. 18 апреля 1977 года: «Звонила Чеховская. Руководство З–С вызывают в

оргокомитет «Знания» по поводу зМЛДКС». А 17 мая: «...3–С в августе подвергнется нападению комиссии по номерам 2 годов. Конкретно зМЛДКС не указывается, бьют за какие-то ошибки по оформлению и др<угим> вещам. Подоплека — доносы». А вот что сообщил АНС брату на следующий день: «Туча над ЗС появилась не из-за нас — во всяком случае, формально. Комиссия состоится в августе, при обсуждении, конечно, и в наш огородик камень бросят». Проверок этих было несколько, об одной из них АНС писал брату уже тремя годами позже, 26 мая 1980 года: «По фантастике назначили В. Щербакова из МолГв, но его почему-то заменил ст<арший> редактор той же МолГв некто Родиков. Общие выводы комиссии были вполне благожелательными. Но кто-то потребовал зачитать заключение Родикова — оказалось, он написал по Роману Подольному и по зМЛДКС и ЖвМ и нес грязную фашистскую демагогию чисто в духе МолГв. Ученые, говорят, страшно разозлились и облили Родикова помоями тут же на месте». А поскольку, как известно из «Сказки о Тройке», солидарность научной общественности в таких делах — могучая сила, тем все и закончилось.

Журнальная публикация была, конечно, важнейшей вехой в истории этой повести и долго являлась единственным источником текста зМЛДКС (первое книжное издание произведения появилось в СССР только в 1984 году). Понятно, что в силу самой специфики научно-популярного издания для молодежи определенные сокращения (вызванные вовсе не только «политикой») были неизбежны, да и без правки потенциально рискованных мест обойтись не удавалось. Однако идеализировать этот вариант не следует: здесь можно найти достаточно примеров и чрезмерных редакторских вольностей, и обычной неаккуратности, о чем далее будет сказано подробнее.

В тексте много сокращений. Иногда менее значимые для сюжета фрагменты опускались просто из-за недостатка места, иногда для этого приходилось жертвовать целыми абзацами. Где-то достаточно было убрать одно или несколько слов, где-то приходилось жертвовать целыми абзацами.

Вот краткий обзор того, что отсутствует в журнале (в некоторых случаях с пояснениями — почему именно).

Уже в самом начале повествования из текста изъяты кое-какие подробности. Убрано все про беспорядок на кухонном столе и невытую посуду. От описания содержимого холодильника осталось только упоминание, что там «и того не было», и фраза про морозильник. Убрано ощущение Малянова, «как голый бок, прижатый к ворсу, неприятно подмокает потом». Убрано упоминание того, что после звонка в дверь Калям путается под ногами у хозяина. При описании квитанции не упоминалась улица Героев.

Одним из категорических требований редакции было изъятие всего, что касалось лифчика Лидочки. Фрагмент про то, что «она начисто не признавала лифчиков» был из начала второй главы просто удален. Со сценой, где чужой лифчик обнаруживает Ирка, дело обстояло сложнее — выбросить этот сюжетообразующий момент было нельзя. (Нет этой находки — нет повода для истерики Ирки и рассказа Малянова обо всем случившемся.) В результате лифчик превратился в «тюбик с губной помадой», а инвективы Ирки по поводу того, чем муж занимался в ее отсутствие, и что еще можно обнаружить теперь в доме, сократились до минимума, требуемого интересами сюжетной связности (и, к сожалению, в ущерб психологической убедительности событий).

Сокращена изрядная часть разговоров Малянова с Лидочкой, в том числе про Кубу, нет сцены с кипящим чайником. Кроме того, впечатление Малянова, что шея и плечи Лидочки созданы для поцелуев, не имело продолжения: «Не говоря уже об остальном». Нет и приходящего на ум Малянову сравнения своей гостью с Цирцеей. Про «абсолютно неподходящие и бездарные начала новых разговоров» лишь упомянуто, все примеры убраны. Короче стали разглагольствованию Малянова о браке как договоре, убрана фраза: «При этом он держал Лидочку за голую коленку и для убедительности встряхивал».

При появлении Снегового не повторялось определение «шибко секретный», которым ранее Малянов характеризовал своего соседа в телефонном разговоре с Вайнгартеном. Отсутствует в журнале сцена, где вслед за Снеговым анекдоты рассказывают Малянов и Лидочка. Нет и воспоминаний Снегового о предсказании своей смерти и о попытке его опровергнуть.

Пришедший к Малянову следователь и его коллеги в черных очках не сравниваются с тонтон-макутами, при необходимости используются другие слова (например, «молодой человек»). Опущена и часть диалога об уместности такого сравнения (включая фразу «Странное у вас представление о наших органах следствия...»), а Малянов сравнивает в журнале следателя всего лишь с продавцом. Убраны прямые намеки на «Комедиантов» Г. Грина. Без упоминания надписи «Управление Министерства внутренних дел» описано удостоверение Игоря Петровича.

Сильно сокращена сцена допроса. Например, следователь не пытается выяснить, что знал Малянов о поездках Снегового, его друзьях и родственниках. Оценивая перспективы дела, Игорь Петрович не ссылается на свой опыт, нет также его комментариев про лимончик и рюмочки при сервировке стола. Сведены к минимуму расспросы про Лидочку, убрано финальное резюме: «С этими бабами одна морока». После поспешного ухода следателя нет слов Малянова про

коньяк и размышлений о новых методах следствия, мазуриках и спектакле ради полбутылки коньяка.

В очередном телефонном разговоре (как раз во время визита следователя) Вайнгартен не делает предположений, будто Малянов развлекается с бабой, и не произносит завистливо: «Если б моя Светка поставляла мне своих подружек!..» И дальше Вайнгартен спрашивает о том, кто сейчас у Малянова, по-другому — не «Баба эта?», а «Девица?».

Сокращен фрагмент, когда Малянов пытается перезвонить Вайнгартену, с размышлениями о семейных неприятностях Вальки, о том, на кого похож Игорь Петрович (с упоминанием «глисты очкастой» и «гада»). Нет и последующей сцены с милующейся парочкой на лестнице.

При описании внешнего вида Вечеровского от прежнего «словно он собирается в консульство Нидерландов на прием в честь прибытия ее величества» осталось только «словно он собирался на прием». Убрано описание странной реакции Вечеровского на анекдот о двух петухах. Нет предположения Малянова о Зыкине «Коньяк он мой пьет с девками, а не на операции...» и ответа Вечеровского, что это неважно. Нет последующей реплики главного героя «Тут того и гляди загремишь в лагерь...» и многих подробностей, которые он пересказывает Вечеровскому (в том числе про интерес Вайнгартена к Снеговому). Не говорилось, что после этих расспросов Малянов впал в тоску и начал представлять свое будущее в совсем уже мрачном свете.

Убраны планы Малянова на ближайший вечер (с чаем и Калямом), а также его сожаление об отсутствии в доме телевизора и мысли о пасьянсе. Вернувшись в квартиру и застав там гостей, Малянов не говорит, что водку пить не будет, а вино предпочитает коньяк. Далее убрана часть его диалога с Вайнгартеном про то, что рыжего карлика Малянов не видел, о следователе больше разговаривать не хочет, а Лидочка ему не делала никаких предложений.

Когда Захар скрылся со своим ребенком в уборной (а не в сортире, как в рукописи), не уточняется: «Было слышно, как они гонят рассевшегося в унитазе Каляма». И позже нет сцены, где странный мальчик Захара в очередной раз громогласно перечисляет свои естественные потребности. Нет разговора о месте работы Захара и о том, военный ли он. Нет слов, что пришедшие к Захару женщины «были неутомимы и невероятно требовательны в любви». Нет упоминания того, что Захар выслушивал от сына «назидательные цитаты о болезнях разных деликатных органов».

Не рассказывается, что Вайнгартен коллекционировал экскременты. Убраны почти все подробности о том, каким он был треплом и как общался с женщинами. Описание решительных действий Вайнгартена в лаборатории не сопровождалось словами «Отцы, выгнал всех в отпуск к чертовой матери!..». Из упрека Вайнгартена Малянову «Ты даже сунуть на лапу кому следует и когда следует не умеешь...» убрано «когда следует», а из примеров непреодолимых препятствий — «Женщину твою кто-нибудь клеит...».

Отрицательное отношение к идее Вайнгартена позвонить Глухову Малянов в рукописи и других изданиях подкрепляет словами: «Насосался как зюзя...» Кроме того, в журнале фигурирует атмосфера не «сумасшествия, страха и алкоголя», а только «сумасшествия и страха».

В возражениях Вайнгартена отсутствовал пассаж «Неизвестно, как там обстоят дела у Вечеровского, но он, Вайнгартен, совершенно не имеет целью провести остаток дней своих даже в самой роскошной психолечебнице...» и последующее продолжение «Ну, предположим даже, что разговоры о клиниках — это некоторое преувеличение».

Из слов Вечеровского «А что мне оставалось делать? Самому вам доказывать, что ходить по начальству бессмысленно?» убрана фраза про начальство. Фраза «Не о том вам надо думать, каким именно прессом вас давят, а о том, как вести себя под давлением» упрощена: «Вам надо думать о том, как теперь вести себя». А из слов о том, что никто за собравшихся ничего не решит — «ни академики, ни правительство, ни даже все прогрессивное человечество...», убрано «правительство».

Не упоминается, что Вечеровский во время уборки умудрился даже не вспотеть, и что думает Малянов про мокрое брюхо и про мужа-пьяницу. Полностью удален телефонный разговор с пьяным Вайнгартеном.

Из журнальной публикации изъято понятие Гомеостатического Мироздания, равно как и все производные от него (например, «гомеостазис» и «гомеостатичность»). БНС комментирует в офлайн-интервью (24.08.2012) эту правку: «Мы смело спросили: а почему, собственно? С ответом замялись, но каких-то (мелких, помнится) корректив все-таки потребовали. Видимо, их смущала «чистая философия», никак не увязывающаяся с диалектическим материализмом». Естественно, в первую очередь был удален абзац, где этот термин упоминается впервые («Вечеровский вводил понятие Гомеостатического Мироздания...» и так далее), а далее это определение, если связанные с ним фрагменты нельзя было убрать из текста, заменяется псевдонимами (например, «законом Вечеровского», «Мирозданием» без всякого определения или «равновесием»). Разумеется, нет и слов о том, что «Гомеостатическое Мироздание сокрушает микрокрамолу».

В словах Вечеровского «От бога отказались, но на своих собственных ногах, без опоры, без какого-нибудь мифа-костыля стоять еще не умеем» убрано совсем не лишнее тут слово «мифа».

Нет слов Малянова о том, что соблюдение законов социума у него «уже успело войти в привычку». Его же фраза «А так я буду погибать у всех на глазах, и никто ничего не заметит, а когда я погибну, когда меня сотрут в порошок, все очень удивятся и пожмут плечами» в журнале оборвана после слов «никто не заметит».

Мысли Малянова после рассказа Ирки о ее возвращении либо убраны совсем (как абзац, начинающийся словами «Сначала, когда Ирка вдруг замолкла на полуслове»), либо сокращены (например, за счет фразы «Если неприятности покрупнее, то говорить о них просто не по-мужски»). Отсутствует в журнале и рассуждение Малянова о совах и жаворонках. Нет в журнале слов Ирки: «Если Вселенная, то нужно сдаваться, а если пришельцы, то нужно бороться?» В рукописях Малянов спрашивает Ирку про Лидочку напрямую, в журнале делает выводы только из того, что Ирка про подругу ни разу не упомянула.

Заявление Вайнгартена «Я не дерусь за слова! У меня заботы поважнее!» дано без предшествующей фразы «К чертовой матери!». А финальная часть оправданий Вайнгартена, содержащая совсем уж нефантастические параллели (включая «паршивого чиновника»), просто опущена. Нет и его слов о свободе научного любопытства: «В двадцатом веке все равно этой свободы ни у кого нет».

Сцена с получением телеграммы из Одессы в журнале сохранена, но не говорится, что это телеграмма от тещи Малянова. Нет также текста самой телеграммы и адресованных Ирке слов мужа: «Мама с Бобкой приезжают завтра...» От того, что последующее решение Малянова вообще как-то связано с Бобкой, остались только косвенные намеки в последней главе.

А серьезная дописка в журнале всего одна — и выше эта вставка в последнюю главу уже приводилась. Видимо, слова Вечеровского должны были добавить в финал повести хоть малую толику оптимизма и разъяснить прямым текстом для особо непонятливых, что героям повести противостоит не «Разум, социум, цивилизация», поэтому нечего пытаться искать параллели между предыдущими событиями и действиями определенных институтов этого самого социума.

Не менее интересны многие сделанные для журнала замены. О некоторых из них совершенно точно известно, что они внесены по категорическому настоянию редакции, хотя мотивы этого не были понятны Авторам в то время и уж тем более непонятны читателям сейчас. Так, в рукописи говорилось: «На спинке стула висел китель с полковничьими погонами и с целой коллекцией орденовских планок». В чем тут был усмотрен криминал, неизвестно, но в журнальном варианте (и только в нем!) китель описывается с «серебряными погонами инженер-полковника». Кстати, хотя большинство упоминаний того, что Снеговой — полковник, в журнале сохранено, пара фрагментов все же убрана («ну, вижу — полковник...» и «полковник и загадочный человек»). Из той же серии и другая замена: Игорь Сергеевич по неким соображениям стал следователем прокуратуры, а не уголовного розыска.

Кое-что исправлено, чтобы еще немного поднять градус оптимизма в финале. Вечеровский в авторской рукописи практически уверен, что Малянов свой выбор уже сделал, потому и отвечает на вопрос, к чему все эти объяснения: «Может быть, тебе станет легче». В журнале главному герою (в конце концов, папка еще при нем) оставлена альтернатива: «Может быть, ты передумаешь». Понятно, что в тексте не могли остаться жесткие и точные слова Малянова: «Через десять лет я стану ни на что не годен. А через двадцать лет мне будет на все наплевать». Да и о ближайших его планах после фактически подписанной уже капитуляции здесь нельзя было упоминать: «А я останусь дома, встречу завтра Бобку с тещей, и мы все вместе пойдем покупать книжные полки». Поэтому в журнале сказано совсем иначе: «А если я не останусь дома? Но я не доверял сейчас сам себе...» Из тех же соображений, надо полагать, противостоящая персонажам повести неодолимая сила называется всего лишь могучей.

Кроме того, несколько правок связано с «облагораживанием» лексики. Вот пара примеров в дополнение к уже приведенным ранее. Когда у Малянова сдают нервы, ему кажется, что в квартире кто-то кашлянул, однако ни в каких помещениях никто не обнаруживается. В журнале в числе этих помещений кладовка, в прочих версиях текста — сортир. Губарь, согласно журналу, работал шофером не на дерьмовозе, а на мусоровозе.

Несколько иначе изъяснялся следователь в минуту случайного просветления: «Простите... — проговорил он, озираясь с выражением какого-то мучительного недоумения на лице. — Дмитрий Алексеевич! Да что же это такое? Где я?.. — Он взглянул на рюмки, глаза его расширились. — Послушайте, что вы здесь?..»

В журнальном варианте довольно много правки, внесенной из-за того, что какие-то слова или словосочетания показались сомнительными редактору или корректору. Но случаи, когда такая правка основательна, единичны: например, в самом начале повести слово «маята» исправлено на более распространенный вариант «маета», который использовался и во всех последующих

изданиях. Гораздо чаще обнаруживаются примеры, когда непросто даже понять, что здесь — лишенная смысла и логики правка или просто опечатка.

Солнце в этом издании не «простреливает всю квартиру навывлет», а «просверливает».

Очень не повезло фразе, где говорилось про «лосося в собственном поту и ломоть ветчины с лежалой горбушкой».оборот «в собственном поту» редактору не понравился, так что появился «лосось в собственном соку». Это, безусловно, было насилием над авторской стилистикой, но хотя бы не ошибкой. С горбушкой вышло хуже. В тексте ранее упоминались лосось и ветчина, и в этом контексте «лежалая горбушка» (повторное упоминание «обкусанной горбушки со следами оплавившегося масла» из ранее сокращенного фрагмента) была, видимо, тоже сочтена авторским своеволием («горбуша» — «горбушка») и заменена достаточно нелепой «лежалой горбушей».

Наведя порядок на кухне, Малянов отправился затем «по коридорчику, по прохладному, липнущему к пяткам линолеуму в густой желтый жар, к столу, к авторучке». Это описание, видимо, показалось редактору нелогичным (везде жарко — а линолеум прохладный). После правки прилагательное было заменено на «проходному» и отнесено, очевидно, уже к коридорчику. Впрочем, не менее вероятно, что это просто пропущенная корректором ошибка набора.

Когда Малянов мысленно представляет себе картину своих гипотетических пузырей, которые «начинали светиться», он добавляет: «Бог знает, что там начиналось...» В журнале «что» заменено на «чем», и мысль от этого, разумеется, яснее никак не стала.

В словах Снегового «Я же обещал вам эту книгу...» была усмотрена, вероятно, логическая несообразность (никакая книга раньше не упоминалась). В журнале появляется «одну книгу», а во всех прочих изданиях это проявление излишней «правильности» отсутствует.

Слово «двенадцатиэтажник» было сочтено неверным и заменено на «двенадцатиэтажку».

Пресловутое «Вы-с!» Игорь Петрович произносил в журнале не «гнусаво-вкрадчивым голосом Порфирия», а «гнусно-вкрадчивым». И губы оттопыривал он в журнале при разговоре с Маляновым «брезгливо», а не «брюзгливо» (это весьма чтимое Авторами слово и в других повестях порой воспринималось редакторами как описка).

Видимо, то, что «Вайнгартен судорожно вытер лицо полрой рубашки», показалось редактору неэстетичным, и в журнале он вытирает лицо ладонью. У Глухова неточное, но яркое определение «межзвездный газ» заменено на правильное, но банальное — «межзвездный газ».

В стихотворении Ёсано Акико «Трусость» во всех рукописях ЗМЛДКС и публикациях повести, равно как и в оригинальном русском переводе В. Марковой, последние строки — «окольные тропы» и лишь в журнале почему-то трижды повторяются «окольные пути».

Есть немало случаев, когда изменения похожи именно на неисправленные опечатки, ибо смысла в такой правке не видно, а текст от нее лучше не стал. Вайнгартен требовал рассказа о случившемся с Маляновым не «упрямо», а «упорно». То, что рассказывала одна из женщин про Союз Девяти, обозначалось в журнале как «непонятные вещи», а в других источниках как «невероятные вещи». Мальчик говорил Вечеровскому «Ты хитрец!» не «торжествующе», а «торжественно». В описании состояния Вечеровского допущено искажение, которое можно считать как опечаткой, так и примером редакторского своеволия: «Рыжее лицо его успокоилось» (вместо «усмехалось»). Про лицо Вечеровского в другом месте сказано, что на нем «проступило жесткое яростное упрямство», а в журнале появляется похожее, но малоподходящее слово «жестокое». И говорит этот персонаж в журнале не «бедные мои барашки», а «бедные мои братишки».

Есть и несомненные опечатки. Это, например, обращение Лидочки к Малянову «Дмитрий Андреевич», а не «Дмитрий Алексеевич». Для некоторых реплик используются пояснения к чужим словам из соседних строк. Во фразе «Малянов и сам заметил, как разошелся» должно быть «не заметил». Фраза «Но очень хотелось, чтобы все было хорошо, дружно, чтобы все всем нравилось» тоже неверна по смыслу — должно быть «нравилась». Когда Вайнгартен взялся собирать монеты, то приставал к окружающим, якобы «требуя мелочь», хотя тут должно быть «требуя показать мелочь». «Аморфный деревенящий ужас» превратился в журнале в «аморфный деревянный ужас». Вайнгартен в журнале сидел с сигаретой не «отрешенно скосив глаза на огонек», а «совершенно скосив». Вечеровский удалился не в большую комнату, а в «общую». На реплику Вечеровского, что Глухов не смеет оставаться один, Малянов везде отвечает «Не понимаю», и только в журнале — «Понимаю».

А вот ошибка другого рода: фрагмент убрали, а позднейшее его упоминание — нет. Хотя сцена с целующейся на лестнице парочкой в четвертой главе журнального варианта удалена, отсылка к ней в десятой главе почему-то сохранилась: «На площадке шестого этажа, где в нише у мусоропровода целовались давеча те двое, я остановился и посмотрел вниз». Впрочем, многое можно при желании списать на фрагментарность рукописи...

Даже в самые сложные времена Авторы не теряли надежд на книжное издание ЗМЛДКС. Но напечатать повесть было практически негде. В «Молодой гвардии» (единственном издательстве, официально призванном выпускать «взрослую» фантастику) достиг апогея конфликт вокруг

сборника «Незначенные встречи». «Детская литература»? Сообщая брату о нежелании стать составителем нового детгизовского сборника, БНС 30 марта 1976 года добавлял: «Кроме того, я не знаю, что давать им нашего. ЗМЛДКС? Смешно». Другие издательства? Здесь не упускались из виду даже самые мизерные шансы (вроде попытки дать повесть в Гидрометеиздат для сборника на тему охраны окружающей среды). Предлагалась повесть для очередного «Сборника научной фантастики» в издательство «Знание», но там от нее отказались.

Наиболее вероятным, хотя и очень нескорым, представлялся выход сборника АБС в «Советском писателе». Предварительные переговоры шли с весны 1976 года. 13 ноября 1977 года АНС записывает в дневник, что подготовил сборник с ЗМЛДКС в качестве заглавной повести, куда войдут еще ОУПА и ПНО. А 27 декабря 1978 года АНС записывает: «Борис звонил. Сообщил, что подписывает договор на сборник ПНО+ОУПА+ЗМЛДКС в ленинградском СовПисе». Договор был заключен в начале 1979 года. Но ПНО уже должен был войти и в «молодогвардейский» сборник «Незначенные встречи». Борьбу за его выход Авторы много лет продолжали из принципиальных соображений, хотя в благополучный исход давно перестали верить, чем и объясняется, что повесть предлагалась другому издательству. Когда выяснилось, что сборник в «Молодой гвардии» все-таки выйдет, единственным способом разрешить проблему оказалось расторжение договора с «Советским писателем». Таким образом, выход книжного издания ЗМЛДКС оказался отложен еще на несколько лет.

В октябре 1981 года Авторы готовят для «Советского писателя» (но уже в Москве, а не в Ленинграде) заявку на новый вариант сборника, включавшего также «Улитку на склоне» и «Сказку о Тройке». Репутация двух последних вещей была вполне определенной — не удивительно, что рецензенты их ругали, а ЗМЛДКС, напротив, хвалили. Между тем времена для АБС стали более благоприятными. Они могли ссылаться, например, на решение Секретариата СП СССР, где «Советскому писателю» рекомендовалось «включить в план выпуска 84-го года фантастические произведения А. и Б. Стругацких». Оставалось определить, какой состав сборника устраивает и Авторы, и издательство. «Сомнительные» произведения постепенно были заменены другими: из сборника убрали СОТ, а затем УНС, добавив в окончательном варианте ПНО и ТББ, но к заглавной повести руководство издательства по-прежнему относилось хорошо. Окончательно содержание сборника было согласовано осенью 1983 года, договор подписан в марте 1984 года. Половина тиража в ноябре 1984 года вышла в обложке, половина в переплете, а в 1985 году в переплете вышел дополнительный стотысячный тираж книги.

В конце декабря 1986 года БНС отправил в Лениздат заявку на сборник в серии «Повести ленинградских писателей», куда опять планировалось включить ПНО и ЗМЛДКС, а третьей повестью на сей раз была «Далекая Радуга». Эта книга вышла в 1988 году. Текст ЗМЛДКС там использован практически тот же, что в «Советском писателе». По тому же источнику печаталась повесть с июля 1988 года по июль 1989 года и в малоформатном журнале «Человек и природа».

С наступлением «перестроечных» времен Стругацких все чаще публиковали, а они не упускали возможности предложить разным издательствам те свои работы, которые сами считали лучшими, включая и «За миллиард лет до конца света». Несколько раз эта повесть издавалась вместе с романом «Град обреченный». В числе таких книг можно назвать второй том двухтомника АБС, вышедшего в 1989–1990 годах в издательстве «Московский рабочий», два издания (в переплете и в обложке) сборника «Град обреченный» («Молодая гвардия», 1991) и второй том двухтомника избранных произведений (СПб., ТОО «Журнал „Нева“» и КПО «Кронверк», 1992). Кроме того, ЗМЛДКС включалась во второй том трехтомника, изданного тем же «Московским рабочим» совместно с СП «Вся Москва» (1990), в сборник «За миллиард лет до конца света; Пикник на обочине; Гадкие лебеди» (СПб., «Полисофт» и «Альянс», 1993), а также в антологию «Фантастика века», изданную в серии «Итоги века» в Минске («Полифакт», 1995).

Том собрания сочинений АБС, содержащий это произведение, выпустило в 1993 году московское издательство «Текст». Позже «текстовская» версия перепечатывалась еще несколько раз: во втором издании того же собрания в 1995 году, в трехтомнике АБС 1996 года, а также в нумерованном десятитомнике издательства «Эксмо» (1996 и 1997).

Все перечисленные книжные издания достаточно похожи и в целом гораздо ближе к авторской рукописи, чем журнальная публикация. За основу везде брался вариант «Советского писателя» (с сохранением при этом и почти всех неточностей, о которых далее будет сказано подробнее), прочие разночтения очень невелики. Бывало, что текст перепечатывался из какого-то прежнего издания вообще без дополнительной редактуры, что приводило иногда к неприятным последствиям. Например, издание «Текста» в целом подготовлено достаточно аккуратно, но ЗМЛДКС там содержит большую лауну: при наборе явно потеряна страница, а предыдущий и последующий фрагменты следуют так, что этот огрех бросается в глаза не сразу. Это сцена в седьмой главе, где Вайнгартен в ответ на рассуждения Вечеровского о гласности устраивает тому разнос. После фразы «Потому что, знаете ли, пиетет пиететом, а когда человек несет околесицу, то уж тут никакой пиетет ему не поможет» вместо инвектив Вальки, реплики Губаря и мыслей

Малянова по этому поводу сразу идут слова: «Вечеровский скорчился в кресле, опустив лицо в ладони». Невнимательный или не очень хорошо знающий повесть читатель этот «перескок» может даже не заметить, однако в пропущенном фрагменте говорятся достаточно важные для сюжета вещи. Во всех перепечатках «текстовской» версии этот дефект имеется тоже.

В отличие от журнального, во всех книжных изданиях за основу была взята уточненная версия чистовика (с верным отчеством Вайнгартена и с иной упоминавшейся уже мелкой правкой). Но по сравнению с чистовиком здесь обнаруживаются еще некоторые изменения. Часть их — действительно результат небольшой дополнительной правки, сделанной для «Советского писателя». Но есть и разночтения, вызванные, скорее всего, просто ошибками набора. Те исправления, которые оказались удачными и выдержали проверку временем, сохранены в новейших изданиях, но многое при восстановлении канона (в издании «Сталкера» и далее) возвращено к версии чистовика.

Приведем некоторые отличительные особенности книжных изданий по сравнению с рукописью. Вот примеры изменений, которые оставлены и в новейших изданиях ЗМЛДКС.

Как уже отмечалось, в пятой главе для передачи волнения и забывчивости Малянова Авторы решили использовать более сильный прием: главный герой несколько раз меняет форму изложения, путая первое лицо с третьим (один раз это происходит даже в пределах одной фразы). В чистовике в этой части повествования везде использовался рассказ от первого лица.

Малянов в рукописи и журнале намеревался попробовать «конформное отображение». В книжных изданиях стало использоваться множественное число — «конформные отображения».

В книгах приведены к стандартному написанию (со строчной буквы) имевшиеся в рукописях и в журнале сочетания наподобие «Маляновской работы» и «Вайнгартеновской ревертазы».

Вечеровский стал говорить не «Посвятить в события своих знакомых», а «Известить о событиях своих знакомых».

А вот примеры тех изменений, которые позже были отвергнуты — с возвратом к версии чистовика — в собрании «Сталкера».

По всему тексту прежние «листки» заменялись «листочками». (В «Сталкере» при обратной замене было пропущено одно вхождение «листочков», в настоящем Собрании это исправлено.)

В книгах Калям проследовал к своей тарелке не под плиту, а почему-то под плитку.

Появление Снеговой нетрезвый Малянов встречал в рукописи и журнале репликой «Пр-рашу!» В книжных публикациях развязность была несколько поубавлена — «Пр-рошу!».

Малянов говорил следователю, что Снеговой «берет книги, просит книги», вместо «берет книги, приносит книги». А в книгу, которую разглядывает следователь, он в рукописи хотел бы заглянуть «одним глазком», а в книгах «одним глазом».

Вместо «огненно-рыжий человечек» в книгах было «огненно-рыжий человек».

У Вайнгартена с Ирккой когда-то «не вышло» (по ранним изданиям). По рукописи лучше — «слава богу, не заладилась».

Во фразе «Снеговой, пришипившись, крутил на столе свой пустой бокал между огромными коричневыми ладонями» в книжных публикациях долго не было слова «пришипившись».

Мальчик говорил Вечеровскому в книжных изданиях не «Ты хитрец!», а «Ты хитрый!».

В черновике говорилось: «Появился Калям, тихонько мрякнув, вскочил Вечеровскому на колени, устроился, заурчал». Звукоподражательное слово «мрякнув» в публикациях не прижилось — там появлялось то «мякнун», то «мякнун», а в окончательном виде фраза стала такой: «Появился Калям, тихонько мякнул, вскочил Вечеровскому на колени, устроился и заурчал».

Любопытная история произошла с одним из слов в полученной Маляновым телеграмме. В окончательной версии ее текст выглядит так: «ВЫЛЕТАЕМ С БОБККОЙ ЗАВТРА ВСТРЕЧАЙТЕ РЕЙС 425 БОБКА МОЛЧИТ НАРУШАЕТ ГОМЕОПАТИЧЕСКОЕ МИРОЗДАНИЕ ЦЕЛЮЮ МАМА». А далее приводится пояснение телеграфистки на дополнительной полоске: «ГОМЕОПАТИЧЕСКОЕ МИРОЗДАНИЕ ТАК». В части книжных изданий (например, в «Советском писателе» и «Мирах братьев Стругацких») одно слово в телеграмме печаталось с перестановкой букв: «НАРУШАЕТ ГОМОЕПАТИЧЕСКОЕ МИРОЗДАНИЕ». В книгах, выпущенных «Московским рабочим», тоже была неправильность, но другая: «ГОМЕООПАТИЧЕСКОЕ». Были также издания, где слово писалось точно (например, в собрании «Текста» и в «Молодой гвардии»). К обычному написанию оно было возвращено и при подготовке собрания АБС в «Сталкере», однако при подготовке исправленного издания многотомника возник вопрос, действительно ли это опечатка. Делались предположения, что поправка телеграфистки понадобилась потому, что какое-то слово в телеграмме было с опечаткой, так что отдельно указано правильное написание. Было запрошено мнение БНС, в письме которого (21.02.2008) дано пояснение: «Обычно телеграфистка ставила «ТАК» (чаще — «ТК»), если какое-то слово в телеграмме вызывало у нее сомнение. Тогда она выясняла у отправителя, правильно ли у него написано и, если правильно, ставила «ТК». Именно эта ситуация имела место с телеграммой тещи. <...>. И никаких опечаток там (у авторов) не было, опечатка появилась уже в наборе. Или — у машинистки, а авторы не заметили».

Были тут и явные смысловые ошибки. Например, в ранних книжных изданиях говорилось, что женщина, рассказавшая про Союз Девяти, «умоляет Губаря сопротивляться» (правильно, конечно, «не сопротивляться»). А во фразе «Он ушел, а я присел на ручку кресла и огляделся» последним словом было «оглянулся».

Основной объем работы по приведению произведений АБС к наиболее точному и полному виду приходится на подготовку собрания сочинений издательства «Сталкер», но отдельные исправленные тексты появились впервые в серии «Миры братьев Стругацких» или даже еще раньше, а затем канон лишь уточнялся. Для ЗМЛДКС мелкие стилистические поправки готовились БНС до выхода «Миров», но значительная их часть по неясным причинам не была востребована ни в этом издании, ни в последующих. Далее приведено несколько примеров такой правки, сохранившейся сейчас только в рабочих текстологических материалах составителей.

История с проверкой предсказания должна была завершаться словами Снегового «Осечка. Случилась осечка» (вместо «Была осечка»).

Состояние Малянова при общении со следователем предполагалось обозначить как «вспотевший и злой» вместо «потный и злой». Там, где Игорь Петрович упрекает Малянова за превратное мнение «о наших органах следствия», предполагался иной вариант — «о наших органах правосудия».

Вайнгартен должен был говорить «Женщину твою кто-нибудь кадрит...» (вместо «клеит»).

Мысли Малянова про Ирку должны были принять такой вид: «Бедная моя девочка, ласочка моя, сколько ей пришлось пережить из-за этих гадов». А о том, как его запугивают, Малянов думал бы с более натуралистическими подробностями: «Нервы мои бедные пополам с кишками на катушку наматывают».

Последней в ряду изданий, предшествующих появлению окончательной версии ЗМЛДКС, стала публикация повести в серии «Миры братьев Стругацких». Впервые содержащий эту повесть том вышел в 1997 году, а затем многократно перепечатывался. От предыдущих книжных изданий вариант «Миров» отличается мелкими разночтениями на уровне отдельных слов или пунктуации, многие из которых заставляют в первую очередь думать о небрежной подготовке тома к печати, хотя там, несомненно, делалась и сознательная правка — правда, очень редкая. Поскольку при восстановлении текста в «Сталкере» как исходная использовалась версия «Миров», а некоторые имеющиеся там разночтения были явно неудачными, от них пришлось избавляться.

В издательстве «Сталкер» включающий повесть том увидел свет в 2001 году. Все появившиеся здесь изменения можно разделить на несколько групп. Прежде всего, как указано выше, устранялись наиболее явные недочеты «Миров»: дописывалось то, что было случайно или намеренно пропущено (например, в цитате из Ёсано Акико было восстановлено «с полпути», а во фразе «Малянов осведомился ужасно фальшивым голосом» — «невыносимо»), исправлялась пунктуация и разбивка на абзацы.

Еще более серьезного внимания потребовали довольно многочисленные поправки, которые были внесены — и далеко не всегда удачно и обоснованно — в ранние книжные издания «За миллиард лет до конца света». Некоторые примеры разночтений с рукописью, отмененных в позднейших изданиях, ранее уже приводились.

Третья группа правок, достаточно небольшая, была связана с решением вернуть некоторые наиболее интересные и удачные фрагменты, присутствовавшие в черновике, но не включенные в чистовую рукопись. Все существенные примеры (это в первую очередь расширение текста в некоторых связках между главами и пара шуточек Малянова с «политическими» параллелями) также уже рассматривались.

Наконец, четвертая группа изменений, примеры которых будут приведены далее, — мелкая стилистическая или, реже, фактическая правка, впервые сделанная именно для «Сталкера». Когда Малянов с нарочито-занудной обстоятельностью излагает Вайнгартену суть своей работы, прежнее «интегрирование по объему» меняется на «интегрирование по всему объему», а вместо «вся проблема» говорится «вся математика». Уточняется, что рассказывать анекдоты Лидочка не просто не умела, а «не умела вовсе». Малянов при общении со следователем думает не только о том, что он старший научный сотрудник, но и о том, кем он никак не является — «не ширмач, черт их всех подери, форточник...». Следователь положил на колени не «свою папку», а «желтую кожаную папку, которая у него вдруг откуда-то объявилась», и книгу Снегового он не «взял», а «придвинул к себе». Малянов реагирует на бесцеремонное поведение Игоря Петровича, не просто приподнимаясь, а «приподнимаясь за похищенным черновиком». О времени заезда шофера за Снеговым говорится не «как обычно», а «как у них заведено». Вместо тривиального «у него было предчувствие» появляется «тлело в нем предчувствие». Малянов прежде выпивал рюмку коньяку, не почувствовав «никакого вкуса», теперь же — «ни вкуса никакого, ни запаха». За его собственную работу Вечеровского, по его словам, не просто лупят, а «лупят почему зря».

Небольшое число изменений решено было дополнительно внести в ЗМЛДКС уже после выхода собрания «Сталкера». Обычно исправлялись очевидные фактические ошибки. Например,

в цитате из Ёсано Акико фрагмент «С тех пор всё тянутся передо мною кривые глухие окольные тропы...» дважды повторялся в тексте повести правильно, а в третий раз — с искажениями («...с тех пор все тянутся передо мной глухие кривые окольные тропы...») Малянов и Глухов должны оказаться не «ласточками грядущих катаклизмов», а их «первыми ласточками». А Вечеровский, конечно же, должен был говорить «Я никого не осуждаю» вместо «Я никогда не осуждаю». Слегка правилась и стилистика. Например, во фразе «Придется Калямужке еще немножко пострадать, пока остынет...» слово «немножко» куда лучше подходит к общему стилю, чем прежнее «немного».

Но и после этого в повести порой обнаруживались случаи неудачной правки, внесенной в какое-то издание, а потом не замеченной. Самые новые предложения по восстановлению текста ЗМЛДКС были рассмотрены и — после тщательного сравнения различных публикаций и авторских рукописей — утверждены редколлегией данного Собрания сочинений.

Один из примеров относится к самому началу повести и на первый взгляд кажется сущей мелочью. Начиная с чистовика первый отрывок начинался строчной, а не заглавной буквой: «...белый июльский зной, небывалый за последние два столетия, затопил город». Но в «Мирах братьев Стругацких» первая буква стала заглавной, и есть все основания объяснять эту новацию либо опечаткой, либо тем, что редактор просто не понял авторский замысел: первая фраза должна намекать на какое-то другое начало, то ли поврежденное, то ли утерянное.

Вайнгартен говорил, что его шеф — «человек еще вовсе не старый, отнюдь не закоснелый и сам склонный к некоему благородному сумасшествию в науке». Непонятно, зачем для собрания «Сталкера» понадобилось менять «склонный» на «склонен», но лучше от этого текст не стал.

В черновике была фраза: «Это же черт знает как человека должно припечь, чтобы он на это рискнул!» Слово «припечь» тут совершенно на месте, именно так обычно и говорят. В чистовике и последующих изданиях здесь появилось несколько странное, но все же не являющееся грубой ошибкой «прижечь», а в «Сталкере» откуда-то возникло совсем уже нелепое «прожечь». Наилучшим способом правки был сочтен возврат к черновику.

Когда Глухов описывает прелести пасторальной жизни, то употребляет оборот «я сейчас смотрю на дерево». Вечеровский уточняет «Сейчас?», а Глухов, запнувшись, переспрашивает: «Простите?» Начиная с «Миров», вместо недоуменного вопроса появилось немотивированное извинение: «Простите, — пробормотал он».

Пьяный Вайнгартен, плохо выговаривающий некоторые слова, сообщает Малянову по телефону: «З-заехали в «Авс... Австорию»... В «Аустерию», понял?..» В «Мирах», видимо, было решено, что эти оговорки грамотнее будет разнести по разным кавычкам с добавлением лишнего многоточия. Результат выглядел ужасно: «З-заехали в «Авс...»... «Австорию»... В «Аустерию», понял?..» Все эти ненужные излишества решено было устранить.

О Вайнгартене говорилось: «Ответ у него заранее был записан на пленку — не только в жестах, но и вербатим тоже». Вербатим — «дословно». От перевода в «Мирах» этого слова в латиницу («verbatim») степень его понятности ничуть не увеличилась, к тому же такая форма записи иностранных слов в художественных текстах Авторам просто не свойственна.

Следующий фрагмент по версии «Миров братьев Стругацких» (а следом и более поздних изданий) являл собой пример стилистической эклектики: «Договорились, что я сяду заканчивать работу, а Ирка, раз уже ей совсем нечего делать, раз уже ей, понимаешь, так неймется, раз уж она совсем не в состоянии полежать в ванночке с последним номером «Иностранной литературы», — пусть разберет белье и займется Бобкиной комнатой». Здесь трижды должна повторяться одна и та же конструкция: в чистовике и в журнале это «раз уже», в черновике и в ранних книжных публикациях — «раз уж». Текст восстановлен по черновику.

Бывает, что об адекватности правки приходится задуматься после замены всего-то одной буквы. В рукописях и многих книжных изданиях Малянов говорил Лидочке: «Позвольте, я ваш чемодан...» (где далее подразумевалось «отнесу», «возьму» и так далее). В журнале появилось: «Позвольте, я вам чемодан...» Есть ощущение, что при наборе просто невнимательно прочитали машинопись, но этот вариант почему-то был вновь использован в собрании сочинений «Сталкера». Для настоящего издания фрагмент приведен к исходной авторской версии.

А вот пример того, сколь опасно слишком вольное обращение со знаками препинания. Во фразе «Я потряс головой, чтобы отогнать видение, тихонько слез с тахты и, как был, в одних трусах прошлепал на кухню» всего лишь первая запятая была заменена в «Мирах» на точку с запятой. После этого смысл фразы изменился радикально: Малянов отгонял видение, слезая для этого с тахты...

Такова текстологическая история — от самых ранних, очень примерных замыслов до новейших времен — одного из лучших произведений братьев Стругацких, основную мысль которого БНС определил в свое время в офлайн-интервью (25.09.2002): «Это повесть о том, что жизнь — чертовски трудная штука, если относиться к ней со всей серьезностью. И зачастую приходится делать выбор между жизнью удобной и жизнью достойной. И выбор этот сложен, неприятен и болезнен. Как и всякий выбор, впрочем».

«Без оружия» («Трудно быть богом» для театра и кино)

В сентябре 1963 года братья Стругацкие закончили писать чистовой вариант повести «Трудно быть богом». В сентябре 2013 года фильм с тем же названием был завершён после смерти режиссера Алексея Германа его родными и единомышленниками. Между событиями — ровно полвека, а история экранизаций и инсценировок этого произведения насчитывает лишь немногим меньше времени: уже 18 ноября 1965 года Авторы написали первую заявку на сценарий ТББ. Таких попыток было потом много — и с киносценариями для разных режиссеров, и с пьесами, порой довольно интересным образом связанными с какими-то сценарными работами по той же повести. А случалось и так, что по тем или иным причинам Авторы вместо того, чтобы что-то писать самим, предпочитали просто продать права на экранизацию или инсценировку...

Почитатели творчества какого-либо писателя порой настороженно относятся к киноверсиям или театральным постановкам по любимой книге даже при неизменном авторстве. Подобный скептицизм можно понять: определенные упрощения и даже смысловые потери при переводе произведения на язык экрана и — тем более — сцены практически неизбежны. С другой стороны, отличия таких адаптаций от первоисточника позволяют не только увидеть, насколько вообще язык литературы отличается от языка кино или театра, но и оценить, что является для самого писателя самым существенным (и потому не допускающим изменений), как менялись его взгляды за время, прошедшее после выхода книги. Кроме того, тем, кто любит и ценит литературное произведение, но не вполне согласен с каким-то сюжетным поворотом или, скажем, развязкой, интересно будет посмотреть, как может их «переиграть» при появлении такой возможности сам творец «вторичной реальности». Это, разумеется, в полной мере относится и к Стругацким.

Основная часть представленного далее материала будет посвящена нескольким версиям пьесы «Без оружия», а также другим театральным проектам на основе ТББ. Однако составители решили также, не проводя жестких границ между театральными инсценировками и экранизациями, рассмотреть в единстве и развитии всю историю различных адаптаций ТББ для кино и театра, хотя, разумеется, с разной степенью детализации.

Многие читатели считают «Трудно быть богом» одним из лучших произведений Стругацких, а по некоторым суждениям — и самым лучшим. Авторы, однако, среди особо любимых своих книг эту повесть не числили, хотя признавали весьма удачной. Еще в ходе работы над чистовиком АНС написал брату 26 августа 1963 года: «Насчет «лучшей нашей вещи» ты тоже серьезно не воспринимай. Только размах хороший, настоящий, а исполнение пока все-таки детское». Да, как полагали Авторы, повесть получилась хорошо, однако при более тщательной проработке могла бы стать лучше. Многократные случаи возвращения АНС к этому сюжету (по собственной воле или из чисто материальных соображений) были и попытками пересказать рассказанное как-то иначе: с другими подробностями, с другой психологией и мотивацией персонажей. Переделывалась и развязка: повторение в пьесах и фильмах оригинального финала (Румата остался жив и эвакуирован на Землю) — скорее редкое исключение, чем правило.

Первые попытки Авторов написать для киностудии «Ленфильм» сценарий по ТББ кратко упоминались в томе 18, где рассказывалось, как Стругацкие пришли в кинематограф. Далее будут приведены еще некоторые подробности этого нереализованного проекта.

В первой половине 1966 года шла работа над ранним вариантом сценария. Методом проб и ошибок, с посильной помощью доброжелательных, но строгих киноработников текст постепенно принял приемлемый вид. О дальнейших перспективах работы в студийном письме к Авторам от 6 июля этого года говорилось так: «Дело в том, что редакторский этап наших взаимоотношений, во время которого было написано два принятых и два промежуточных варианта сценария, себя исчерпал. Наступило время, когда только вмешательство режиссера, заинтересованного и увлеченного этой своеобразной темой, может сдвинуть и плодотворно завершить начатое дело. Поэтому сценарий, который редакционный совет объединения принимает как второй вариант, в настоящее время вступает в стадию консервации. <...> Как только появится возможность вновь вернуться к работе над сценарием, т. е. возникнет убедительная кандидатура режиссера, мы тотчас известим Вас об этом».

Когда выбор пал на молодого, но многообещающего режиссера А. Германа, совместная работа с ним над сценарием продолжалась БНС как представителем Авторов.

В «Комментариях в пройденному» БНС вспоминал: «Сценарий добрых два года влачил по всем ленфильмовским инстанциям (от редсовета к худсовету), не пропуская ни единой. В обсуждениях его принимало участие множество людей, причем не только редакторы и кинокритики, «широко известные в узких кругах», но и литераторы знаменитые — Вера Федоровна Панова (выступавшая «против» с резкостью и жесткостью, меня, помнится, поразившими) и Александр Моисеевич Володин, заступавшийся за сценарий решительно, блестяще и неизменно.

Но в результате этих редакционных перипетий все без исключения экземпляры (очень, на мой взгляд, недурного) сценария, который писался вместе с Алексеем Германом и специально для Алексея Германа, пропали безвозвратно».

Поскольку в архиве АБС от этого сценария сохранились лишь разрозненные листки (причем относящиеся, похоже, к промежуточным версиям), интересна любая информация, проливающая свет на особенности тогдашнего сюжета. Некоторые детали приведены в письме к Авторам главного редактора 3-го творческого объединения «Ленфильма» Я. Рохлина от 12 февраля 1968 года: «Необходимо драматургически осложнить отношения Руматы с Кирой, введя в них конфликтные мотивы и, может быть, также какой-то элемент приключенческой игры. В линию Араты необходимо ввести экспозиционный эпизод, а в решающей сцене развязки надо попытаться найти более органичный прием непрямого, воображаемого диалога. (Может быть, это диалог молчащих людей, субъективно заполненная вполне объективная пауза, когда между друзьями легла тяжелая тень и ничего нельзя объяснить, а молчание наполняется отчужденностью?) <...> При композиционной перестройке сценария, очевидно, отпадет сцена в Патриотической школе. Возможно, напротив, возникнет необходимость в привлечении материала романа, до сих пор не использованного в сценарии, — например, эпизода с Вагой Колесом. Впрочем, сейчас это предусмотреть трудно и такие вопросы придется решать в ходе работы».

А работа эта шла в условиях все более сильного идеологического «похолодания». Его последствия Авторы ощущали явственно: продолжались разносы в печати уже вышедших произведений, все сложнее становилось издать что-то новое. Вот дневниковая запись БНС, сделанная 25 мая 1968 года: «А времена все тяжелеют. У всех полные штаны. Собеседования. Вызовы на профилактику. Отменена цензура, и стало еще хуже — редакторы превратились в идиотов. Сегодня еду к Герману на дачу доделывать сценарий. Перспектив — никаких».

19 июля БНС сообщает брату о новом варианте сценария: «Его прочла главред студии мадам Головань. Сценарий ей дико не понравился. Произошел скандал между нею и Рохлиным. Она нападала, он отбивал атаки. Все было совсем как на Курской дуге. Когда мадам растеряла все свои танки и понесла уже с Волги и с Дону («это же все про Чехословакию и Польшу написано!...»), Рохлин перешел в наступление сам и добился, что сценарий был пропущен на худсовет. <...> Ожидается, что на худсовете против будет выступать только мадам, остальные будут либо молчать, либо — «за». Посмотрим».

В письме БНС от 27 июля 1968 года перипетии худсовета описаны подробно. Полностью этот текст дан в томе 14 настоящего Собрания, так что далее приведены самые существенные выдержки: «Итак, сценарий ТББ принят худсоветом объединения как законченный и рекомендован к скорейшей режиссерской разработке. <...> Кроме Пановой, приславшей письменный отзыв, и главреда студии Головань, выступавшей устно, все были КАТЕГОРИЧЕСКИ за. <...> Короче говоря, сценарий прошел на ура. Но более того! По мнению ряда опытных товарищей это был первый в истории «Ленфильма» худсовет, где был публично, тщательно, со вкусом и бесповоротно разложен и выпорот главный редактор мадам Головань Ирина Павловна. <...> Она пришла на худсовет, совершенно уверенная в том, что поставит в тупик всех своей демагогией и ядовитыми вопросами типа: «Разве нельзя изменить историю? А мы? Разве надо было чего-то ожидать, чтобы раздавить фашизм у нас, на Земле? Что это такое — бескровное воздействие?..» Она произнесла свою речь, выждав, пока будет спета главная песня (Володин), и это была хорошая, отточенная речь, умная, ловко построенная и изящная. Тогда выступил Лешка и выпорол ее. Но она еще дралась, она еще резала его контрвопросами и ловила его на ошибках и оговорках. Тогда выступил я и стал, по обыкновению, орать. Сначала она все еще извивалась, все пыталась сделать вид, что я отвечаю не на те ее вопросы, но я, не дрогнув, ответил и на те, я был очень маркичен, я цитировал классиков, я взывал к светлomu будущему и революционному прошлому, и она замолчала, ей нечего было сказать, она еще улыбалась чуть презрительно — мол, ладно-ладно... ясно, мол... Но тут выступил Рохлин и принялся ее, уже разложенную, пороть. С наслаждением. Неотразимо. Отечески. И это был конец».

Но победа легко могла обернуться полным поражением. В том же письме БНС прогнозирует действия Головань: «Она может просто не подписать решение о посылке сценария в главк, и всё. Или даже подпишет, но при этом небрежно заметит (вскользь) директору студии, что ОНА НЕ УВЕРЕНА. И директор ни за что не пошлет такого сценария в госкомитет. <...> Но многие из наших друзей настроены оптимистически. Они полагают, что такой худсовет бесследно пройти не может, что нельзя просто так, без скандала, зарубить сценарий, принятый худсоветом большинством 15:1. <...> Ну а что будет в госкомитете, не знает никто. Но это еще не скоро, это еще — через этап, это будет — через полтора-два месяца».

Все закончилось, однако, уже через месяц. Улучив удобный момент, главред своей властью прекратила работу над сценарием, а дирекция студии утвердила ее решение. Повод для закрытия фильма был выбран идеально: 21 августа 1968 года началось военное подавление Пражской весны, и к прежним демагогическим рассуждениям насчет аллюзий и ассоциаций добавился

беспроектный козырь — параллели между вторжением советских войск в Чехословакию и агрессией Святого Ордена в Арканаре.

Впрочем, в официальных бумагах ни о чем подобном, конечно, и речи не было. В письме, подписанном 26 августа, директор 3-го творческого объединения Г. Малышев, в частности, сообщал Авторам: «Руководство студии не поддержало рекомендацию художественного совета объединения, указав на слабость драматургического решения сценария «Трудно быть богом». Условность и приблизительность композиции лишают читателя (а следовательно, и зрителя) возможности с доверием и интересом следить за развитием сюжета. «Несущая конструкция» этого сюжета — поиски и спасение ученого Будаха — не только малозанимательна сама по себе, но и невыгодна для характеристики главного героя сценария, Антона, или донна Руматы. Миссия этого посланца Земли на другой планете представляется в конечном счете весьма неясной. Многие его действия лишены логики, а его размышлениям явно недостает того земного опыта и знания законов развития общества, которыми он, представитель совершенной коммунистической цивилизации, казался бы, должен быть вооружен». И так далее, вплоть до финала: «Полагая, что опыт экранизации романа «Трудно быть богом» удачным признать нельзя, руководство студии не сочло возможным принять предложенный нашим объединением сценарий».

О тех же событиях А. Герман в беседе с П. Вайлем весной 2000 года рассказывал: «Мы начали писать сценарий с Борисом Стругацким, написали первый вариант, его приняли, закончили второй вариант 20 августа 1968 года. <...> Там, в «Трудно быть богом» королевство и так довольно хреновенькое, а в финале вторгается Черный Орден, который уже задушил все, и герою остается только одно: браться за меч и рубить эту погань всмятку, что невозможно, потому что ее столько, что все равно никогда не вырубить. Такое государство фашистского типа. Чуть-чуть нас напоминает, но не очень. Никаких прямых ассоциаций у нас не было. 21 августа 68-го я прибываю в Крым, в Коктебель, там очень красиво, и поступают первые сообщения, что вот этот город — Прагу, где мы сейчас с тобой разговариваем, — навестили триста тысяч солдат. <...> Я тут же позвонил на студию, и мне сказали: «Алексей, забудьте думать про это кино. Мы вам советуем даже книгу куда-нибудь выкинуть, потому что — вы сами понимаете». То есть ничего не объясняли» (журнал «Искусство кино», 2012, № 8).

На попытки Авторам оспорить это решение последовало разъяснение того же Малышева, кто на самом деле принимает решения на киностудии: «Вы знаете, что Художественный совет объединения, на одном из заседаний которого был принят Ваш сценарий, — орган совещательный, его функции ограничиваются рекомендациями в адрес руководства студии. Окончательное же решение вопроса о судьбе сценария и возможности постановки по нему фильма — прерогатива директора студии».

Но и после того, как на этот кинопроект упала Большая Круглая Печать, оставались другие студии и режиссеры. Попытки пристроить куда-то сценарий ТББ продолжались. 17 марта 1969 года БНС пишет брату о других вариантах совместной работы с Германом, сообщая при этом: «С передачей ТББ другому лицу Лешка смирился, но сказал, что этим сценарием сейчас очень заинтересовался один ленфильмовский режиссер. Фамилию я его забыл (какой-то Файнбург-Рабинович), известно, что он молодой, талантливый и только что отснял фильм по Амосову — хороший фильм. Ему предложили работать на студии им. Горького, и он возжелал взяться за ТББ. По-моему, нам, впрочем, надобно держаться Шерстобитова, это вернее, хотя и халтура». АНС сообщает 4 мая: «Ходил на свидание с Журавлевым, а свидание состоялось у его друга, главного редактора «Мосфильма» <...>. Зовут Соловьев Василий Иванович, это наш мосфильмовский Головань, так я понял. Он там ненадолго, всего на годик, но хочет за этот год выпустить Стругацких, просит сценарий на что угодно фантастическое. Я что подумал? Дам-ка я им ТББ, а?» Еще одно письмо — от 25 мая: «Поскольку Журавлев так и не дал о себе знать, я плюнул на этику и отдал ТББ Юре Борецкому, чему он страшно обрадовался. <...> Коротко говоря, вот что он мне сообщил через два дня: <...> ТББ подан в Студию киноактера как заявочный столб, сперва его будут ставить в Театре киноактера — на сцене (тоже деньги!), а затем и в Студии, как кино».

Все эти идеи адаптации ТББ для кино или театра ничем существенным не завершились. Причину неудачи проекта с Е. Шерстобитовым АНС объяснял, например, 5 июля 1969 года так: «...на Довженковской студии не разрешили ставить ТББ не потому, что ТББ, а потому, что Шерстобитов — после «Туманности» ему не разрешают ставить фантастику».

И в следующем году в переписке АБС в связи с ТББ упоминаются то кино, то театр, порой причудливо пересекаясь. 28 апреля 1970 года АНС пишет об уже существующем сценарии: «Один экз. у меня просит на ознакомление худрук театра Вахтангова. Тоже дам, не жалко». В мае он рассказывает в нескольких письмах о выходе через Ю. Борецкого на заместителя председателя Госкино СССР Б. Павленка. Еще одну попытку — теперь при содействии А. Германа — 16 июня 1971 года упоминает БНС: «Тут недавно вдруг позвонил Лешка с идеей: он рассказал о сценарии ТББ Ролану Быкову, тот заинтересовался, и есть мысль попробовать его как таран. Сейчас дали ему прочесть последний вариант, если бы ему понравилось, можно было бы понадеяться на его

быкову пробивную силу». Но и это не имело никакого продолжения. А попытка возобновить в 1972 году кинопроект по ТББ с самим Германом была сочтена несвоевременной: у режиссера как раз запретили к показу фильм «Операция “С Новым годом!”» (тот самый, который много позже получит под названием «Проверка на дорогах» Государственную премию СССР). БНС пишет 2 ноября 1972 года: «Повидался с Лешкой Германом. Он слегка уже оклемался, повеселел. <...> Очень хотел бы снимать ТББ, но полагает, что сейчас сочетание Герман–Стругацкие может привести только к приступу падучей у начальства».

К сожалению, из написанных до Германа и вместе с ним вариантов сценария ТББ в архиве Авторов не осталось почти ничего. Когда-то экземпляров было предостаточно, но с каждой новой попыткой предложить текст очередному режиссеру (включая в какой-то момент и самого Германа) число рукописей убывало, пока они не исчезли совсем. Сейчас осталось только шесть страниц какого-то черного, судя по правке, варианта — четыре из начала сценария, а еще две — ближе к концу. Наряду со знакомыми по повести фрагментами там встречаются и любопытные изменения, но подробнее на этом останавливаться не будем — отрывки можно прочитать в томе 10 Собрания. (Найдена была и пара страничек с ранней версией сценария, но отличия от сюжета повести там настолько невелики, что никакого специального интереса этот текст не представляет.)

А вот первая попытка обсудить фильм по ТББ с представителями западного кинематографа. АНС пишет брату 17 октября 1974 года о письме французского режиссера и продюсера Паскаля Обье: «Андрон Кончаловский передал мне письмо насчет сценаризации ТББ во Франции. <...> Несколько дней пришлось потратить, чтобы найти в ВААПе человека, который бы знал, как на это письмо ответить. В конце концов вышел я все на того же Панова, который <...> порекомендовал, чтобы французы сразу же обозначили в своем предложении условия — финансовые, относительно нашего участия и прочее». БНС на это ответил 22 октября: «Предложения французов по поводу адаптации ТББ для кино весьма интересны. <...>. Не знаю, стоит ли право адаптации, а вот право экранизации на Западе стоит очень дорого — по крайней мере, судя по литературе, каждый писатель, продавши право на экранизацию своего опуса, немедленно покупает виллу. (Причем, заметь, речь идет лишь о продаже права, а не о написании сценария и прочей тяжелой работе.) Хорошо бы также сохранить и право вето, дабы не позволить превратить нашу благородную повесть в слякучую киноисторичку». Что там тогда не получилось и почему — неизвестно, но суждения БНС особенно интересны с учетом событий, которые в восьмидесятые годы развернутся вокруг фильма П. Фляйшмана...

Легко заметить, что абсолютное большинство описанных выше попыток представить ТББ в какой-то иной форме касается кинематографа. Если кино привлекало Авторов всегда, то театр они ценили невысоко. В офлайн-интервью (15.04.2011) БНС обосновывал это так: «Увы, театрами ни я, ни АНС не были никогда. Мы — с молодых ногтей истовые поклонники максимальной достоверности в искусстве, и та мера условности, которую приемлет и допускает для себя театр, нас не устраивала никогда. <...> Но мы, оба, с огромным пиететом всегда относились к драматургии. Имена замечательных драматургов, будь то Чехов или Шоу, Шварц или Пристли, Вампилов или Дюрренматт, мы всегда произносили с придыханием, мы снова и снова перечитывали их, и много-много лет подряд мы вынашивали затаенный замысел — написать пьесу. Несколько раз начинали. Пытались делать инсценировки собственных романов, — но все это было «не то». И только в самом, можно сказать, конце, уже на излете, написали мы наших «Жидов», не имея, впрочем, ни малейших намерений увидеть это на сцене».

Первый серьезный повод обсудить переделку ТББ для театра появился, видимо, в 1971 году. 23 июня АНС рассказал брату про очень любопытное предложение: «Мы с тобой получили приглашение на инсценировку или написание самостоятельной пьесы для театральной студии «Жаворонок». <...> Они намекают на смесь ТББ и ОО. А театр очень оригинальный — актеры, маски и куклы». Буквально через несколько дней уже пошла речь о заявке, договоре, авансе и прочих практических предметах. БНС, впрочем, проявлял скептицизм, оценивая 29 июля этот замысел так: «Что касается смеси ТББ и ОО в театре, то я, честно говоря, плохо представляю себе эту смесь. Вероятно, имеется в виду обстановка ТББ при легковесности ОО. Иначе говоря, Максим в Арканаре. Что ж, деньги не пахнут, мертвые не кусаются. Даю тебе опять же карт-бланш. <...> Как ни напишешь — всё ладно, лишь бы договор заключили. А потом будем думать вместе, посоветовавшись с режиссером». 28 сентября АНС сообщил: «Вчера закончил и отправил в студию «Жаворонок» заявку на пьесу «Человек спускается в преисподнюю» (название условное) на 5 страницах. Это дело решится, я думаю, к концу октября». Но 13 ноября 1971 года он пишет брату: «Замреж, с которым я имел дело, Борис Наумович Лондон, разругался со студией и ушел от них. Поэтому ничего мне сказать не может. А других телефонов и имен у меня нет, затерялись где-то». Больше, видимо, со стороны театра никаких инициатив не последовало.

Впрочем, кое-какие существенные следы этот замысел оставил. Условное название пьесы несколько лет спустя с небольшим изменением («Человек спускается в ад») было использовано в

заявке на новый сценарий по ТББ для кинорежиссера Ирины Тарковской, первой жены Андрея Тарковского, известной также как Ирма Рауш. (Об этом варианте экранизации ТББ далее будет рассказано подробнее.) Не была забыта и идея связать ТББ с ОО: так решено было поступить при написании первого варианта пьесы «Без оружия».

А вот следующая пьеса по повести «Трудно быть богом», где в качестве одного из соавторов фигурировал, помимо АБС, Андрей Зинчук, действительно была написана, но известно об истории ее возникновения немного. Она была заказана одним из дальневосточных театров, а фактически написал ее (с одобрения БНС и, возможно, при его небольшом участии) сам Зинчук, делавший тогда самые первые шаги в драматургии. (Позже он закончил ВГИК, выступал как драматург и сценарист, а будучи участником Семинара БНС, писал и фантастическую прозу.)

Текст пьесы сохранился, но здесь не приводится — это произведение «по Стругацким», но не Стругацких, хотя формально фамилии Авторов и указаны. А вот краткий пересказ сюжета ниже дается, чтобы показать, чем эта работа отличалась от следующих пьес и от первоисточника, и как в принципе могли делаться такие адаптации при минимальном участии АБС или вовсе без него.

В списке действующих лиц часто несколько ролей исполняет один актер. Собственно, это касается всех поименованных персонажей, кроме Антона-Руматы («разведчика на практике») и Будаха («крупного ученого местного значения»). Вот примеры пояснения функций. Отец Цупик и Пига-разбойник — «отрицательные герои», отец Кин и Трактирщик — «еще более отрицательные герои»; Вага Колесо и Лекарь — «человек вне закона», а король и дон Кэу — «люди, для которых закон не писан». Следует также отметить, что интерьер Арканара задуман как многоярусная композиция: ее частями являются площадь с оружейной лавкой, монастырская школа, пивная «Серая Радость», дом Руматы и дворец.

В прологе резиденты Земли обсуждают арканарские дела. Здесь, как и далее, часто «разложены на голоса» мысли и реплики, взятые из разных глав ТББ, но немало и фрагментов, не имеющих в повести аналогов. Например, Александр Васильевич пеняет Антону: «Ты помогаешь крестьянам и добился того, что за тобой установлена постоянная слежка». Антону вручают для постоянного ношения обруч-передатчик «повышенной светосилы», на что герой реагирует словами: «Я, значит, там, а вы, значит, здесь, перед экраном телевизора...» В прологе, как и во всей пьесе, видно стремление оживить действие и разбавить его некой долей юмора, но делается это далеко не всегда к месту. Например, Румата чуть было не отправляется в Арканар в «тренировочном костюме эпохи расцвета социализма», а затем исполняет, вопреки серьезности момента, песенку про старого шкипера Вицлипуцли.

Первая картина — площадь. Перебранка дона Тамэо со штурмовиком и попытка Руматы пройти в оружейную лавку — гибрид из нескольких сцен повести. Гаук никак не может ни отмыть, ни оттереть с пальцев чернила, а Румата цитирует «Быть или не быть?». На площади маршируют штурмовики. Глашатай сообщает о разгроме восставших крестьян: «Разбит бунтовщик Арата, от рождения горбатый! Который честных грабит и убивает и кровь благородную проливает! А орел наш дон Рэба — такого благородного министра у нас никогда не было! Всех чернокнижников он в петле удавит, а разбойника Арату, как клопа, раздавит!» Дон Кэу в этой картине почему-то всего лишь преданный серому делу обыватель, у которого и сын — штурмовик.

Вторая картина — «Серая Радость». Трактирщик рассуждает о вреде книгочеев (как потом и в пьесе «Без оружия»), а Румата идет на бандитскую сходку. Румата предлагает Ваге найти Будаха и обещает за это вылечить от болезней, а в доказательство простым движением руки убирает рубец с лица Пиги. Вага тут же передает Румате за условленную плату двух отловленных книгочеев. У Ваги есть картотека, содержащая много полезного, включая досье на Будаха.

Третья картина — Патриотическая школа отца Кина. Румата сообщает о Будахе как о новом наставнике. В репликах наказанного школяра довольно эклектично соединены более или менее подходящие фрагменты из нескольких глав повести.

Четвертая картина — дом Руматы. Сцены с Уно наполовину состоят из дописок. В частности, слуга Руматы весьма вольно обсуждает интересующихся хозяином женщин — сначала Окану, потом Киру. Далее следует перенесенный сюда из другого места повести разговор с Аратой, причем история о том, как Арата из Красивого стал Горбатым, излагается им с Руматой на пару, а пафосный диалог о царстве свободы написан дополнительно. С появлением Пампы Арата исчезает, а Румата вскоре уходит с бароном развлекаться.

Пятая картина — опять «Серая Радость». Тут все более или менее похоже на трактирную сцену с Руматой и бароном, только штурмовиков возглавляет лично Цупик. Пампа лишь угрожает серым без демонстрации своих боевых умений и как-то умудряется вспомнить, что встреченного им книгочея звали Будах. Вместо безденежных донов появляются Сэра и Тамэо.

Шестая картина — покои дворца. Разница с известными событиями в повести в том, что король не встает, а отходит ко сну, завтрак превращен в ужин, вместо Гура Сочинителя при королевской особе состоит Цурэн, лже-Будаха называют просто Лекарь, а среди прочих донов есть и дон Кэу, наконец-то представленный аристократом.

Седьмая картина очень короткая и снова происходит в доме Руматы. Его диалог с Кирой, являющийся прелюдией любовной сцены, более или менее соответствует повести, только там все это происходит гораздо раньше.

Дальше нумерация картин начинается заново: это уже второй акт или второе действие, хотя никаких явных указаний на такую разбивку в пьесе нет.

Первая картина — на площади. Отец Гаук убит, Румата читает стихи про сердце спрута. Штурмовики ведут захваченных книгочеев. Появляется глашатай, сообщающий, что король отравлен, но горевать нечего, ибо правил он плохо, о чем дон Рэба вскоре расскажет всю правду.

Вторая картина — в «Серой радости». Почти все разбежались, деморализованный Румата пьет с некой шлюхой. Кроме нескольких реплик, взятых в повести из сцены с Оканой, этот разговор придуман специально для пьесы. Затем являются серые и вяжут Румату.

Третья картина — Патриотическая школа, где Рэба, Цупик и Кин допрашивают Румату. Допрос начинается по нормам совсем другой эпохи (в результате Антон представляется как «Эсторский Румата Руматович» и называет годом своего рождения «тысяча девятьсот шестьдесят четвертый»), но тут дон Рэба замечает, что ему подсунили неправильную форму. Чуть позже Рэба называет Румате его настоящее имя (пьяный Антон упоминал его в разговоре со шлюхой), а затем говорит, что «в настоящее время Арата вновь вербует холопов для своих террористических актов» (опять-таки пример умышленного смешения стилей). После ликвидации Цупика и Кина появляется Вага Колесо, обвиненный в отравлении короля (это явный аналог сцены со лже-Будахом). Рэба ободряет Вагу, но после его ухода распоряжается: «Кончайте скорее. Всех кончайте! Всех!»

Пятая картина (хотя она вообще-то должна быть четвертой, отсюда и далее в нумерации картин идет ошибка) — дом Руматы, который охраняют монахи. Уно серые до прихода монахов убить не успели. Снова появляется Арата, собеседники не находят общего языка, Уно собирается уйти с Аратой, а Кира безуспешно пытается его остановить. (Подобная сцена, кстати, есть и в пьесе «Без оружия», только там Уно и Арата уйти не успевают.) Дальше практически по повести идет разговор Киры с Руматой, которому опять нужно уходить из дому.

Шестая картина — канцелярия, размещенная в «Серой Радости». Трактирщик уже в чиновничьей форме, бандит Пига ему помогает. В очереди стоят в том числе поэт Цурэн и шлюха. Есть там также ремесленник, аналог кузнеца Кикуса из повести, и разговор с ним Румата ведет примерно тот же. Цурэн получает знак очищения (справку для ношения в нагрудном кармане, а не браслет), ибо «ни в чем не замечен перед его преосвященством». Румата влезает без очереди, получает вместо приказа пропуск, а затем самовольно заполняет для шлюхи справку и велит идти домой. Донам Тамэо и Сэра выписывают розги за невесторженный образ мыслей.

Седьмая картина — во дворце (он же теперь — тюрьма). Монах за конторкой грамотнее книжного прототипа и видит, что ему дают вовсе не приказ об освобождении. Впрочем, с помощью золота проблема быстро решается. Освобожденный Будах тут же затевает с Руматой известную философскую дискуссию, следом появляется голый барон Пампа, разгуливающий по тюрьме в поисках пива. Затем приходит Рэба и предъясняет Румате амулет, который тот перед уходом оставил Кире. Румата снимает обруч, свет гаснет, в темноте дерутся...

В эпилоге происходит «разбор полетов» после эвакуации Антона. Что стало с Кирой — неизвестно. Говорится, что «доктора Будаха отправили сразу за пределы Империи». Александр Васильевич говорит: «Епископ Сэра, на мой взгляд, лучше дон Рэбы. Но он фанатик, а Рэба просто грязный интриган». А лаборантка сообщает про нового епископа: «Личность выясняется». Присутствует человек в плаще, намеренный внедриться в Орден. Земляне смотрят кинолентку, где Тамэо и Сэра (дон, а не епископ!) рассуждают про обновленный Арканар. Потом появляется городская площадь, куда выходит человек в плаще...

Вот такое получилось сценическое зрелище. То, что АНС имел к нему лишь номинальное отношение, сомнений не вызывает. Каков реальный вклад БНС, не совсем ясно, но в тексте есть несколько более или менее точных совпадений со сценарием, писавшимся для Германа. В немногих уцелевших его кусках и в более поздней версии, написанной А. Германом вместе с С. Кармалитой (1999), можно найти кое-какие черты сходства с пьесой — например, совпадение речовки об Арате у глашатая в пьесе и торговца лубками в сценарии 1999 года.

Приведенные далее мнения о неудачности этой пьесы представляются справедливыми. На самодеятельной сцене подобная постановка могла бы выглядеть достаточно прилично, но для серьезного театра годится вряд ли: ряд огрехов очевиден не только для умудренных опытом театралных критиков, но и для потенциальных зрителей средней квалификации. Это касается и общей композиции, и обработки известных по повести фрагментов, и многого из того, что было привнесено дополнительно. Впрочем, слова поддержки и одобрения у некоторых ленинградских театралных деятелей эта работа получила, что позволило АБС некоторое время рассматривать ее как материал, пригодный для представления в какой-либо театр с неплохими шансами на постановку.

Очередной этап этой истории связан с театральным режиссером Иосифом Копытманом. АНС познакомился с ним в июле 1974 года и вынес из общения, как отмечено в дневниках того времени, «сюжет шлягера с переодеваниями». Эта задумка получила название «Операция «Маскарад»». Но АНС не удалось продвинуться дальше первых двенадцати страниц, затем он потерял к идее интерес. (Начало пьесы представлено в томе 20 нашего Собрания.)

Новый совместный замысел касался уже воплощения на сцене известной книги Стругацких. 27 сентября 1975 года в дневнике АНС появляется запись: «Встретился с Копытманом. Он предлагает незамедлительно инсценировать ТББ. Быстро-быстро. Я же полагаю заставить сделать это его самого». Судя по всему, далее решено, что над пьесой будет все-таки работать АНС. Уже через два дня он записывает: «Был у Копытмана, разрабатывали инсценировку ТББ. Изрядно сделали 1-й акт, начали 2-й. Всего будет 2 акта». Следующая запись — 1 октября 1975 года: «Встретился с Копытманом. Расписали инсценировку ТББ очень здорово». Далее добавлено, что пьесу надо представить режиссеру к концу ноября.

Несколько начальных страниц сохранившихся рабочих записей АНС по инсценировке «Трудно быть богом» посвящено первому варианту пьесы. Заметки эти делались, надо полагать, по результатам общения с режиссером — до середины октября (хотя что-то могло добавляться и в мае 1976 года, когда уже шла непосредственная работа над текстом произведения).

Определить реальную хронологию этих записей сложно. В подобных случаях АНС, открыв пустой разворот страниц общей тетради, мог, например, начать что-то писать на правой странице, оставляя левую для позднейших добавок и поправок, но бывало и так, что начатая справа запись просто продолжалась на обороте этой страницы, то есть уже слева. Кроме того, дописки делались в самое разное время: это видно и по меняющемуся цвету чернил, и по особенностям почерка АНС. Далее сделана попытка выстроить материал в порядке, наиболее соответствующем его внутренней логике, хотя не везде, возможно, это удалось сделать безукоризненно точно.

Прежде всего, имеется набросок порядка будущих действий — еще с разбивкой событий на три акта. Ссылки даются на страницы сборника «Далекая Радуга» (1964).

ТББ, инсценировка.

Нач<ато> 12.10.75.

1 акт.

Монолог Руматы: Абеляр, стр. 159, 281.

Кира.

Будах. Начало диалога с Будахом.

Рэба, Рипат, Аба, арест Будаха.

Кондор — стр. 172.

Арата.

Монолог Руматы: Хемингуэй, 260+261 (мысленный диалог с Кондором). +

2 акт.

Монолог Руматы: 197–8, 235.

Королевская приемная: разговоры придворных, Гур Сочинитель (его стихи — о спруте и «велик и славен король»).

Король, Рэба, попытка Руматы разоблачить, лже-Будах.

Румата один.

Кудета, захват и допрос Руматы.

Вталкивают Киру, захваченную монахами.

Приводят Будаха.

К заметкам по первым двум актам на соседней странице делается дописка с именами некоторых действующих лиц. Первоначально тут был отдельной строкой указан и Пампа, затем это имя вычеркнуто (оно использовано для эпизодического персонажа в самом конце пьесы), а запись приняла нынешний вид. Будах объединяет в себе трех персонажей ТББ, включая и Пампу. Для Киры, помимо тождества с Уно (это здесь всего лишь ее «псевдоним»), указана и ассоциация с Зоей Монроз из «Гиперболоида инженера Гарина» А. Н. Толстого, то есть в пьесе Кира мыслилась более решительной и деятельной, чем возлюбленная Руматы в повести.

Кондор.
 Будах + Пампа + Кабани.
 Кира + Уно + Зоя Монроз (оруженосец Руматы).
 Арата.

Заметки по третьему акту немного отличаются от предыдущих цветом чернил.

3 акт
 Румата возвращается домой. Сцена с Кирой.
 Привезли мертвого Будаха. Стихи о спруте.
 Диалог с мертвым Будахом.
 Кондор.
 Где-то Арата. Его последние слова ненависти. Умирает.
 Кира и Румата.
 Конец.

На соседней странице ниже списка персонажей добавляется строка: «Рэба со штурмовиками уводит Будаха», а чуть ниже сделаны еще некоторые заметки для начала третьего акта.

После ухода Будаха — монолог Руматы о Рэбе, затем Арата. Кира — спит? На диване.

— Как они догадались, что вы здесь?
 — Ну... я оставил следы, признаться. Побил, разорил, набедокурил.

В основной части записей в это же время добавляются наброски по началу пьесы.

1. Пролог: у отца Кабани (Будаха) Румата-Максим встречается с Кондором и Павлом (один в средневековом, другой в модерновом костюме). Разговор, из коего выясняется, что Максим здесь случайно, что его предшественник погиб, Максим был ранен... и пр. и пр. С кем связался: Арата и пр. И насчет Уно.

Затем: затемнение, выходит Максим в черном, произносит Абеяра, голос — Хемингуэя. Затем — 1-е действие. Все в апартаментах Максима.

Вычеркнутое позже продолжение записей по прологу (уже другими чернилами) выглядит так.

Кондор пытается Максима вытурить. Тот не желает. Будах его выходил после ранения, Киру он полюбил.

Павел: по моим сведениям, он сидит хорошо, другого сейчас посадить трудно, а он освоился и действует как надо.

Следующая часть заметок — явно более поздняя. Почти все записи сделаны черными чернилами. Исключений очень мало: это, например, еще одно заимствование из А. Н. Толстого — взятая из «Аэлиты» цитата «Спаси, спаси нас! Нам бы хоть как-нибудь да пожить!» (зеленые чернила). Изменяется характер и порядок следования событий, разделенных на два акта. Далее часть позднейших дописок включена, где это возможно, в текст основных записей.

После ухода Рэбы и монахов (2-й акт). (Румата между прочим сообщает Рэбе, что покидает город и увозит Будаха.)

Румата остается с Будахом и Кирой.

Будах: Кира перегрызла зубами веревки.

Бойня в подвале, куда сбрасывали убитых штурмовиков. Один вылезает раненый, Муга его притаскивает. Кира перевязывает.

Штурмовик затем становится в ряд с бойцами.

Разговор с Будахом — о боге. Затем Будах напивается.

Кира: ехать нельзя.

Отводят Будаха спать, сами остаются, разговор о Ленинграде.

2-е появление Араты. Кира хочет уходить с Аратой.

Раненый штурмовик упоминается еще в одном кратком наброске, где расписан порядок событий в последней сцене с Руматой.

Будах.

Арата (Кира вмешивается).

Тревога.

Драка (выход штурмовика).

Кратко фиксируется содержание обоих актов (в пьесе — действий). Основная часть упомянутых событий попала в пьесу, однако там с требованием выдать Будаха к Румате является вместо Рэбы Цупик, а король вообще ни разу не появляется.

2-й акт:

Судилище.

Развязка с Будахом и Кирой.

Закончено: Арата, Будах и Румата плечом к плечу готовы к драке.

1-й акт:

Румата и Муга.

Кира.

Арата.

Будах — появление донна Рэбы, требование выдать Будаха. Отказ.

Король.

Убийство и сражение. Румата сдается, когда копы и мушкеты приставлены к горлу Киры и Будаха.

Есть и разработки по разным вариантам эпилога. Иногда они довольно близки к будущей пьесе, иногда не имеют с ней ничего общего (как, например, запись «Эпилог! Пьяная берлога. Румата остается, с Будахом»).

Вот заметки, добавленные на ту же страницу тетради, где приводились имена персонажей.

Эпилог: Румата погиб. Пьяная Берлога. Арата плачет: что вы понимаете, боги? Он так дрался, он был наш! Будах: он так любил! Когда все уходят: Кондор — замаскированной фигуре, сидевшей неподвижно в углу: эпилог из Хемингуэя.

Кондор, Пилот, Арата, Будах, неизвестный.

Будах и Арата перебинтованы.

— Я узнал о вашем Пугачеве, Разине, Жакерии... Ну и что? Мы бьемся, потому что ненавидим. Смерть угнетателям!

А следующая часть записей по эпилогу уже достаточно похожа на окончательный текст.

Эпилог.

Будах: Я не знаю, кто вы — боги или дьяволы, но он был одним из нас. Он умел драться, и он погиб как один из нас... Он тоже не знал... Не знал...

Теперь не уходят из жизни
Теперь из жизни уводят...

Плачет.

Кондор: Мы знаем, где у спрута сердце. Саша, ты теперь барон Пампа дон Бау. Смотри же... Ты будешь при оружии. Но (Хемингуэй).

Еще одна порция заметок также предназначена для финальных сцен пьесы.

Будаха с Мугой усылает. Переправа в Метрополию. С пистолетами. Спор: Может, я провожу? Нет, Муга. Отбирает у Муги пистолеты.

Сцена с Кирой — рассказ о Ленинграде.

Арата: Ну что, бог? Деремся?

Румата: Баррикады! Не знаешь, что это? Вали стол, стулья, мы им покажем, к бою!

— Уходите, благородный Арата. Это — мой бой.

— Ваш? Как бы не так! Нет, дон Румата, нет, человек с далекой звезды! Это наш бой!

Число π. Румата дает на прощание, а Будах в эпилоге сообщит...

Никто не даст нам избавленья, ни бог, ни царь и ни герой...

Отлично сказано...

С числом «пи», кстати, в обоих вариантах пьесы вышла никем вовремя не замеченная накладка: там несколько раз утверждается, что это отношение длины окружности к радиусу, а не к диаметру. При подготовке настоящего Собрания обсуждалось, следует ли ввести отсутствующее во всех рукописях и предыдущих публикациях правильное определение, однако решено было оставить исходный текст без изменений, а на наличие ошибки указать здесь.

В разных местах записей (порой просто там, где нашлось место) делаются также краткие дополнительные пометки по самым разным эпизодам. Записанная синими чернилами реплика «Чего вы хотите? Власти! Так разделим ее!» принадлежит дону Рэбе и относится к сцене переворота (в пьесе формулировка чуть иная, но похожая по смыслу, во втором варианте она смягчена). Менее понятно, к чему должна была относиться запись «Дон Кондор раскланивается: сражайтесь, дон Румата» — в основных событиях пьесы этот персонаж воочию не участвует и подобных слов, строго говоря, произносить по данному сюжету вообще не должен...

Параллельно с разработкой сюжета пьесы обсуждалась в переписке Авторов сама ситуация с инсценировкой. Итоги уже сделанной работы АНС подвел 2 октября 1975 года так: «Иосиф Копытман, талантливый режиссер театральный <...> прочитал ТББ и воспылал невероятно. Мы с ним посидели два дня и набросали план спектакля «по мотивам». В сущности, если взяться, то дело свелось бы к перепечатке отрывков из повести страниц на сто. Начать и кончить. Он уверен, что любой областной театр ухватится и прибыли будут большие. Утверждать пьесу надобно будет не в Минкультуры, а на месте, в области, где, по его словам, цензор только узнает, что уже издана книга, как тут же, не читая, подпишет. Требуется твое мнение».

Как оказалось впоследствии, в этих планах было учтено не все: и подготовка пьесы отнюдь не свелась к перепечатке отрывков, и потратить времени на эту работу пришлось куда больше, чем хотелось, и с утверждением на местном уровне возникли проблемы... Кроме того, на тот момент для БНС необходимость заниматься этим проектом не была очевидна, ибо одна пьеса по ТББ, как указано выше, уже имелась. 5 октября он отвечает: «По-видимому, ты забыл, что уже существует инсценировка ТББ, написанная нами в соавторстве с молодым способным Андреем Зинчуком. По-моему, я тебе даже давал ее читать. Эта инсценировка сделана по заказу главрежа какого-то дальневосточного театра (забыл какого). Послана ему в конце прошлого года. Насколько мне известно, ни гласа от него не было, ни воздыхания, но если ты будешь серьезно вести дело с Копытманом, то все должен ему по-честному изложить». На это АНС 9 октября 1975 года довольно резонно возражает: «Дальневосточники год чешутся, они нам не указ, а Копытману и подавно на это начхать. Его план инсценировки совершенно оригинальный, ничего общего с зинчуковским не имеет, а вместе с тем не требует никакой выдумки — только печатанье на машинке, вернее, списывание с книги». БНС 12 октября поясняет, как обстоит дело с альтернативным вариантом: «Дальневосточный режиссер уже полгода бьется как лев, то есть абсолютно без толку. В Ленинграде Зинчук сунул пиесу на телевидение, и совсем было уже все в шляпе, он уже карман приготовил, но тут пиеса дошла до главной инстанции и последовал отказ, решительный и

бесповоротный. Так что, пожалуй, можно только пожелать Копытману твоему успехов и удачи. Особенно, если все это будет совсем не похоже на зинчуковский вариант».

Видимо, Авторы далее выработали единую позицию: работу по новой пьесе приостановить (о чем сообщить заинтересованным в инсценировке московским режиссерам), а ориентироваться в первую очередь на версию, уже подготовленную А. Зинчуком. На протяжении нескольких месяцев никакие важные события вокруг пьесы в письмах и дневниках не отражались, однако затем к ней проявил интерес Московский областной драматический театр имени Островского, и 27 марта 1976 года АНС сообщает: «Говорил с Мулей Левиным, изложил ему, как мы договорились, положение с инсценировкой ТББ. 27-го (сегодня?) приезжает ихний главред, после чего будет встреча, письмо, заявка и договор (если, конечно, новое положение с Мин<истерством> культуры по поводу свежих постановок не исказит эту чудную картину)».

Несколько дней занимает оформление заявки, а 5 апреля АНС пишет брату: «Дело с инсценировкой ТББ совершенно на мази. Отдел идеологии Московского обкома обеими руками ЗА. Нынче мы с главрежем идем к зав<едующему> отделом театров Мособлисполкома, познакомиться и обговорить официальности. Как только там будет «добро», <...> заявка идет в Министерство культуры и быстро утверждается, после чего следует договор с авансом. <...> Подготовь все для того, чтобы в кратчайшие сроки извлечь текст из вашего задрипанного театра, а то они ее, может быть, вообще затеряли, тогда придется восстанавливать. Я ведь похвалился, что у нас все почти готово и понадобится всего две-три недели». БНС отвечает, что до подписания договора ничего нигде отменять пока не будет, а с копиями имеющейся пьесы проблем нет.

События развиваются успешно, и АНС пишет 18 апреля: «Отдел культуры облисполкома ознакомился с заявкой и в течение последующих трех минут дал полное одобрение, а позавчера выдал уже и представление в Мин<истерство> культуры РСФСР на предмет заключения договора. На неделе иду туда представляться и, видимо, подписывать договор. <...> Рукопись пьесы держи наготове. Видимо, нам будет положено дать ее в театр в течение мая».

Во время этих переговоров Авторы пребывали в полной уверенности, что качество имеющегося варианта инсценировки не может вызвать никаких особых претензий. Во всяком случае, БНС полагал так, а АНС прежде имел возможность эту рукопись разве что бегло пролистать. Однако 15 мая он, внимательно прочитав готовый текст, сообщает брату в письме, что с заявкой-то все в порядке, а вот с имеющейся пьесой — нет: «Прочитал ее сам, ужаснулся, глазам не поверил. Дал почитать старому театралу Борю Завьялову. Тот прочитал, потом молчит, не смотрит в глаза. Короче говоря, извинись перед Зинчуком, скажи ему, что ничего у него не получилось. Пьесу напишу я сам, от себя и тебя, от двоих, без соплей. Из зинчуковской возьму разве что только одну тираду глашатая (если)».

АНС начинает работу над пьесой с 15 мая, а днем раньше записывает в дневнике: «Заявка на редколлегии министерства прошла блестяще. <...> Теперь надо приниматься за пьесу. ТББ, ТББ, ТББ! Без оружия!» А БНС сообщает 23 мая: «С Зинчуком я поговорил, изложил ему ситуацию. Парень страшно огорчился (его все, в том числе и Александр Володин, убедили, что пьеса — блеск!), но тут уж ничего не поделаешь. Но учти, ради бога: либо мы Зинчука из соавторов исключаем — и тогда в пьесе не должно остаться НИЧЕГО зинчуковского, ни слова, ни реплики; либо мы что-то от его инсценировки оставляем, и тогда надо оставлять и фамилию в договоре. Это дело деликатное, отнесись к нему самым серьезным образом».

Текст невелик по объему, в дело идут многие сделанные прошлой осенью наработки, поэтому работа спорится. 20 мая АНС записывает в дневник: «Пьеса «Без оружия» («Человек с далекой звезды») закончена. 38 стр<аниц> конторской книги». 1 июня он сообщает брату о заключении договора и получении аванса, добавляя при этом: «Разумеется, из Зинчука там никто не ночевал, если не считать тех мест из ТББ Стругацких, которые у Зинчука используются».

После перепечатки первый вариант пьесы «Без оружия» занял 49 страниц машинописи. Вот как выглядит этот текст после исправления некоторых очевидных оговорок и опечаток.

БЕЗ ОРУЖИЯ (Человек с далекой звезды) Пьеса в 2 действиях

Действующие лица:

Румата (он же Максим).

Кира (она же Уно).

Будах.

Арата.

Рэба.

Муга, камердинер Руматы.
 Кондор (он же Александр Васильевич).
 Пилот.
 Цупик.
 Штурмовики, монахи.

ПРОЛОГ

По авансцене перед закрытым занавесом под грохот барабана маршируют серые итурмовики — серые рубахи до колен, серые штаны, черные сапоги, на правом плече — топор, на правом предплечье — знак: белая повязка с черной треххвостой свастикой. Последние два итурмовика волокут на веревке связанного избитого человека в партикулярном платье.

За занавесом на фоне шума толпы — крики:

— Братья! Вот они, защитники! Разве эти допустят? Да ни в жисть!

— А мой-то, мой-то... На правом фланге! Вчера еще его порол!

— Да, братья, это вам не смутное время! Прочность престола, спокойствие! Ура, серые роты!

— Ура, дон Рэба! Слава королю нашему!

— Книгочеев — на кол!

— Грамотеев — на фонарь!

— Ура, орел наш дон Рэба!

Штурмовики проходят, шум стихает, занавес раздвигается. На сцене внутренность Пьяной Берлоги, убогое помещение с корявыми бревенчатыми стенами, крошечное окошко, одна дверь на выход, вторая — в соседнюю «комнату». Стол, две длинных скамьи. За столом над грудой обглоданных костей и кусков вареной брюквы, прочно ухватив огромную глиняную кружку, восседает пьяный Будах. Седой красавец в растерзанном платье средневекового горожанина, он немзыкально мурлыкает какую-то мелодию. Слышится стук копыт, стихает. В Берлогу входит Румата — лет двадцати, в дворянском одеянии, при шпаге и пистолетах.

Румата. Добрый вечер, отец Будах!

Будах (хрипло). Я вас приветствую, дон Румата!

Румата подходит к столу, бросает на стол перчатки и садится на скамью напротив Будаха.

Будах. Ящик... Это мы говорим, будто мы выдумываем. На самом деле все давным-давно выдуманно. Кто-то все выдумал, сложил все в ящик, провертел в крышке дыру и ушел... Тогда что? Приходит отец Будах, сует руку в дыру. Х-хват! Выдумал! Я, грит, это самое и выдумывал! Сую руку — раз! Проволока с колючками. Скотный двор от волков... Молодец. Сую руку — два! Умнейшая штука — мясокрутка. Нежный мясной фарш... Молодец! Сую руку — три! Горючая вода... сырые дрова разжигать...

Будах замолкает, голова его клонится к столу. Румата берет кружку, заглядывает в нее, с отвращением отшатывается, трясет головой. Наливает несколько капель на тыльную сторону ладони, брезгливо принюхивается, затем тщательно вытирает руку платком. Будах выпрямляется.

Будах. Кто сложил все в ящик — он знал, для чего это выдуманно... Колючки от волков? Это я, дурак, — от волков... Рудники, рудники оплетать этими колючками! Чтобы рабы с рудников не бегали! А я не хочу! А меня спросили? Спросили! Колючка, грят?

Колючка! От волков, грят? От волков... Хорошо, грят, молодец! Оплетем рудники... Сам дон Рэба и оплел. И мясокрутку мою забрал. Молодец, грит! Голова, грит, у тебя!.. И теперь, значит, из грамотеев нежный фарш делает... Очень, говорит, способствует...

Будах хватает кружку и с рычанием припадает к ней. Сует кружку на стол и засовывает в рот кусок брюквы. По щекам его текут слезы.

Будах. Или вот — горячая вода... Для растопки костров и производства веселых фокусов. А ее в пиво ежели — цены пиву не будет. А я ее и без пива... День пью. Ночь. Опух весь. Падаю все время. Давеча, дон Румата, не поверишь, к зеркалу подошел — испугался... Смотрю — помощи господи! — где же отец Будах? Морской зверь спрут — весь цветными пятнами иду. То красный. То синий. Выдумал, называется, воду для фокусов... *(Будах сплевывает, затем спрашивает.)* Какой нынче день?

Румата. Канун Каты Праведного.

Будах. А почему нет солнца?

Румата. Потому что ночь...

Будах *(с тоской)*. Опять ночь...

Он падает лицом в объедки. Румата обходит стол, берет Будаха под бока и уволкивает в соседнюю «комнату». Возвращается, оглядывает помещение. Берет со стола кружку, выливает содержимое в угол, в крысиную нору. Затем берет веник, смахивает мусор со стола и подметает пол. За это время из соседней «комнаты» доносятся сонные возгласы Будаха: «Гиена вы, дон Рэба, вот вы кто!» и, на игривый мотивчик, начало песенки: «Ты как цветочек аленький в моей ладошке маленькой», затем густой храп.

Прибрав помещение, Румата садится к столу и задумывается, подперев голову ладонью. И вдруг настораживается, прислушиваясь. Слышно нарастающее характерное жужжание вертолета. Жужжание усиливается, перерастает в оглушительный грохот и смолкает. Румата встает (видно, что он очень волнуется). И в Берлогу входят двое.

Первый — сухощавый, пожилой, с бородкой клинышком, в обтягивающем бархатном костюме средневекового вельможи, при шпаге и в шляпе с пером. Второй — в серебристом рабочем комбинезоне землянина 22-го века, моложавый, курносый, в пилотском шлеме.

Румата, протянув к ним руки, делает шаг вперед, но пожилой срывает шляпу, делает глубокий поклон, согнув ногу в колене, усаживается на скамью, поставив шпагу между колен.

Пилот. Благородные доны, прошу познакомиться. Генеральный судья и хранитель больших государственных печатей торговой республики Соан, вице-президент Конференции двенадцати негоциантов и кавалер имперского Ордена Десницы милосердной дон Кондор.

Пожилой важно наклоняет голову.

Пилот. Дон Румата Эсторский Восемнадцатый, единственный отпрыск и наследник рода герцогов Румат Эсторских.

Румата кланяется Кондору и садится.

Пилот. А по-нашему, по-земному, — резидент Института экспериментальной истории в Соане на Гиганде Александр Васильевич Симонов и курсант Ленинградской школы высшей космогации Максим Литвинчев.

Румата (*бормочет*). Бывший курсант...

Пауза.

Кондор (*резко*). Как ты сюда попал?

Румата. Вышел в первый самостоятельный рейс. Предельно простая программа — Земля — система ЕН 22. Дурацкая случайность, уникальный случай: на втором промежуточном выходе из подпространства врезался в голову кометы. Киберпилот не успел сработать — у него время релаксации полторы секунды, — получил две пробоины под индикаторное кольцо. Два месяца блуждал на планетарных двигателях по местной системе, пока не добрался до Гиганды. Благополучно и скрытно сел в тридцати километрах от Эстора.

Кондор. Потом?

Румата (*пожимает плечами*). Вживался, изучал язык... Здесь очень ценится золото, а у меня был полевой синтезатор... настроил его на производство золота из морского песка... Скитался, долгое время не знал, как быть... насмотрелся здесь всякого. Думаю: надо вживаться. Я же не знал, что на Гиганде есть наши, земляне... Год назад попал в плен к ируканским пиратам. Соседом по веслу оказался Румата Эсторский, его захватили за месяц до меня. Хороший парень, но совершенно безмозглый... Пираты его убили, и тогда я...

Кондор. Ну?

Румата (*опустив голову*). Мне не хотелось бы говорить об этом. Короче говоря, мне удалось освободиться, я привел галеру к берегам Арканара, распустил пленников, а сам под видом Руматы пустил корни в столице...

Пилот. Замаскировался он превосходно. Орловский так и не заподозрил его. И если бы не это несчастье, мы бы тоже проглядели его...

Кондор поднимается и в раздумье прохаживается по Берлоге. Останавливается перед Руматой.

Кондор. Тосковал по Земле?

Румата. Да. Очень. Думал, что никогда больше не увижу...

Кондор. Увидишь. И очень скоро. Отправишься на Землю сегодня же... (*Поворачивается к Пилоту.*) Субмарина на месте?

Пилот. Так точно, Александр Васильевич.

Кондор (*снова поворачивается к Румате*). Вот так. Полчаса лету до Зеленой бухты, там на субмарину, через два часа будешь на полярной базе и — домой.

Румата (*отступает на шаг*). Погодите... Как это — домой?

Кондор. На Земле мать по нему с ума сходит... Отец работу забросил... девицы какие-то звонят непрерывно...

Румата. Погодите, Александр Васильевич... Это невозможно. Я не могу отсюда уехать...

Кондор. То есть как это — не можешь?

Румата (*решительно трясет головой*). Не могу. Я здесь столько увидел... столько узнал... Нет, мое место здесь. Отныне и навсегда — мое место здесь.

Пилот и Кондор переглядываются.

Румата (*страстно*). Поймите, я ведь не историк... Когда я оказался на Гиганде, я подумал, что здесь происходит что-то ужасное... какое-то стихийное бедствие, что ли... И только потом убедился: здесь просто своя жизнь, здесь так живут, вот и все... Но так же нельзя жить, как они... А уж здесь, в Арканаре...

Кондор (*недовольно*). Тихо, тихо, не так темпераментно...

Румата. Простите... Вот сейчас этот орел наш, министр охраны короны, дон Рэба... Ведь он сознательно натравливает всю серость в королевстве на каждого, кто хоть немного поднимается над средним серым уровнем! Если ты умен, образован... да просто не пьешь вина, наконец! — ты под угрозой. Любой лавочник вправе затравить тебя хоть насмерть. Сотни и тысячи людей объявлены вне закона. Их ловят штурмовики и развешивают вдоль дорог. Голых, вверх ногами...

Кондор (*криво усмехаясь*). И ты, разумеется, возмущен тем, что мы здесь сидим и бездействуем...

Румата (*после короткого молчания*). Нет. Не возмущаюсь. Я не историк, но кое-что знаю. Знаю о Совете Галактической Безопасности. И знаю немного о вашем Институте экспериментальной истории. Знаю о тех, кто отдает свою жизнь, свой талант за счастье гуманоидных рас во Вселенной... Знаю, каким ужасом может обернуться бездумное вмешательство в чужие истории...

Кондор. И все-таки?

Румата. Месяц назад дон Капада, командир роты мушкетеров его величества... это, конечно, был наш, вы его называли... Орловский, кажется? Во время публичной пытки восемнадцати ведьм он приказал солдатам открыть огонь по палачам, зарубил королевского судью и двух судебных приставов и был поднят на копьё дворцовой охраной. Он корчился в предсмертной муке и кричал: «Вы же люди! Бейте их, бейте!» И его едва было слышно за ревом толпы: «Огня! Еще огня!»... (*Помолчав.*) Я кинулся к нему на помощь, и тогда этот негодяй, главарь серых рот Цупик, выстрелил мне в грудь из пистолета... Отец Будах подобрал и выходил меня...

Кондор. Ты твердо решил остаться здесь?

Румата. Да. И мне все равно, примете вы меня к себе или нет...

Пауза.

Кондор. Ты должен твердо понять, что никто из нас реально ощутимых плодов своей работы не увидит. Мы не физики, мы историки. У нас единица времени не секунда, а век, и дела наши — это даже не посев, мы только готовим почву для посева...

Румата. Я понимаю.

Кондор (*горько*). Ничего ты не понимаешь. И наладил бы я тебя отсюда в два счета, да только вот с гибелью Орловского никого у нас в Арканаре не осталось. А ты как-никак здесь уже год, легенда у тебя — не подкопаешься... И пусть случай с Орловским будет тебе уроком. Твое дело — наблюдение, изучение, спасение культурных ценностей... (*Он вскакивает, подходит к Румате вплотную и хватает его за плечо.*) Кто спас Арату Горбатого?

Румата. Простите, я, Александр Васильевич...

Кондор. Мальчишка... Как ты это сделал?

Румата. Я познакомился с ним еще в метрополии... Его схватили и посадили в башню. А у меня был ранцевый птицелет. Ну, вот я и... гм...

Кондор (*с отвращением*). Невиданная безответственность...

Пилот (*смеясь*). Легендой больше, легендой меньше, Александр Васильевич! Представляю, какое это произвело впечатление на стражников!

Румата (*тихонько*). На Арату тоже...

Кондор. Ладно. Еще одно, Максим. Еще одного бойся — самого страшного. Ты — Румата Эсторский, благородный подонок до восемнадцатого предка. Так вот, бойся войти

в роль. В каждом из нас благородный подонки борется с коммунар. И всё вокруг помогает подонку, а коммунар — один-одинешенек, до Земли тысяча лет и тысяча парсеков. Ладно. Мне с тобой еще не раз беседовать. А теперь пора.

Он пожмает Румате руку и двигается к выходу. Пилот тоже обменивается с Руматой крепким рукопожатием. В дверях Кондор вдруг останавливается.

Кондор. Да, чуть было не забыл... *(Возвращается к Румате.)* Я бы... э-э... не хотел быть бестактным, и не подумай, будто я... э-э... вмешиваюсь в твои личные дела...

Румата. Я вас слушаю.

Кондор. Все мы разведчики. И всё дорогое, что у нас есть, должно быть либо далеко на Земле, либо внутри нас. Чтобы его нельзя было отобрать у нас и взять в качестве заложника.

Румата *(медленно)*. Я вас понял, Александр Васильевич.

Сцена погружается во тьму.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

На темной сцене в луче прожектора появляется Румата — в черном трико от ног до шеи.

Румата. То были дни, когда я познал, что значит: страдать; что значит: стыдиться; что значит: отчаяться...

Мужской голос из темноты. Должен вас предупредить вот о чем. Выполняя задание, вы будете при оружии для поднятия авторитета. Но пускать его в ход вам не разрешается ни при каких обстоятельствах. Ни при каких обстоятельствах. Вы меня поняли?

Женский голос из темноты. Спаси, спаси нас! Нам бы хоть как-нибудь да пожить!

Луч прожектора гаснет. Сцена освещается. Зала в доме Руматы.

Входит, вытирая на ходу лицо и руки полотенцем, Румата — в цветастых штанах с пуфами, в чулках и башмаках с пряжками, в расстегнутой до пупа сорочке с кружевными манжетами. За ним в двух шагах позади следует его камердинер Муга — длинный, тощий, с барским камзолом в одной руке и с огромным гребнем в другой.

Муга *(ворчит)*. У всех как у людей, только у нас с выдумками. Где это видано — в двух сосудах мыться. В отхожем месте горшок какой-то придумали... Полотенце им каждый день чистое... А сами, не помолвившись, каждое божье утро голый по комнате скачут, руками машут, ногами выше головы дрыгают...

Румата швыряет ему полотенце, берет гребень и принимается причесываться.

Румата. Я при дворе, не какой-нибудь барон вшивый. Придворный должен быть чист и благоухать.

Муга. Только у его величества и забот, что вас нюхать... А вот дон Рэба и вовсе никогда не моются. Сам слышал, ихний лакей рассказывал...

Румата. Ладно, не ворчи... Кто-нибудь дожидается?

Муга. Девка какая-то. А может, дона. По обращению вроде девка — ласковая, а одета по-благородному... Красивая...

Румата застывает с гребнем в руке.

Муга. Прогнать, что ли?

Румата. Балда ты... Я тебе прогоню!.. Где она? (*Сует гребень Муге, торопливо застегивает сорочку.*) Проводи сюда, быстро!

Муга подает ему камзол, уходит и возвращается с Кирой — хорошенькой девушкой лет семнадцати, в строгом, темного цвета платье. Румата подбегает к ней, обнимает, погружает лицо в ее пышные золотые волосы. Муга деликатно удаляется. Румата отстраняется от Кире, смотрит в ее запрокинутое лицо.

Румата. Почему ты плакала? Кто тебя обидел?

Кира. Никто меня не обидел.

Румата. Нет, ты скажи, почему ты плакала?

Кира. Увези меня отсюда.

Румата. Обязательно.

Кира. Когда мы уедем?

Румата. Я еще не знаю, маленькая. Но мы обязательно уедем...

Кира. Далеко?

Румата. Очень далеко. Ко мне.

Кира. Там хорошо?

Румата. Там дивно хорошо. Там никогда никого не обижают.

Кира. Так не бывает.

Румата. Бывает.

Кира. А какие там люди?

Румата. Обыкновенные. Как я.

Кира. Все такие?

Румата. Не все. Есть много других, гораздо лучше.

Кира. Вот это уж не бывает...

Румата. Вот это уж как раз бывает!

Кира. Почему тебе так легко верить? Отец никому не верит. Брат говорит, что все свиньи, только одни грязные, а другие нет. Но им я не верю, а тебе всегда верю...

За окном раздается треск барабана и тяжелый марширующий грохот сапог. Кира вздрагивает и прижимается лицом к груди Руматы.

Кира. Я больше не могу дома. Я больше не вернусь домой. Страшно мне дома. Можно, я у тебя служанкой буду? Даром...

Румата подводит ее к креслу, усаживает.

Кира (*с отчаянием*). Отец каждый день доносы переписывает... А бумаги, с которых переписывает, все в крови. Ему их в канцелярии дон Рэбы дают. И зачем ты только меня читать научил? Каждый вечер, каждый вечер... Перепишет пыточную запись — и пьет. Так страшно, так страшно! А брат придет из патруля — пьяней пива, руки все в засохшей крови... Отца допрашивает, почему, мол, грамотный... Нынче ночью с приятелями затащил в дом какого-то человека... Били его, все кровью забрызгали. Он уж и кричать перестал. Не могу я так, не вернусь, лучше убей меня!

Пауза. Румата берет со стола колокольчик, звонит. Входит Муга.

Румата. Эта дона будет жить у меня. Отведешь ее в угловой покой. Переоденешь в мужское платье. Жить будет под видом моего пажа... имя ей будет Уно. *(Подходит к Муге вплотную.)* Если болтать за воротами станешь — язык вырву, понял? *(Возвращается к Кире.)* Ступай, маленькая, переоденся, прическу перемени и приходи сюда, будем завтракать.

Кира хватается его руку, целует и убегает из залы. Муга невозмутимо следует за нею.

Румата *(ему вслед)*. Да никого в дом не пускать! Хоть король, хоть черт, хоть сам дон Рэба!..

Оставшись один, Румата принимается расхаживать по зале, опустив голову. Останавливается.

Румата. Пулемет бы сюда, пулемет!.. Свинцом по серой сволочи, по бледненькой роже дон Рэбы, по окнам его прокисшей от крови канцелярии!.. Это было бы сладостно. Это было бы настоящее дело. Но вот потом... *(Он с силой трет ладонями лицо.)* Ах, они в Институте правы. Прав дон Кондор, дорогой Александр Васильевич. Потом — кровавый хаос в стране. Орды баронских наемников, отлученных всеми церквами, насильников, убийц, растлителей... Огромные толпы слепых от ужаса крестьян и горожан, бегущих в леса, горы, пустыни... и твои сторонники — веселые люди, смелые люди! — которые будут резаться в жесточайшей борьбе за власть и за твой пулемет после твоей неизбежно насильственной смерти...

Размышления Руматы прерываются негодующими криками Муги и благодушным басистым ревом за сценой.

— Пошел, пошел, старый хрыч, отдавлю уши!

— Не велено, говорят вам!

— Брысь, не путайся под ногами!

— Да не велено же... Ох!

В залу вваливается Будах, волоча за собой вцепившегося в него Мугу.

Румата. Отец Будах! Как вы очутились в городе, дружище? Муга, оставь отца Будаха в покое...

Будах. На редкость въедливая старая песочница... *(Приближается к Румате с распростертыми объятиями.)* Но верен, верен, ничего не скажешь... Дайте мне обнять вас! *(Они обнимаются.)* Я вижу, вы совершенно трезвы, мой друг. Впрочем, вы всегда трезвы. Счастливцев!

Румата. Садитесь, мой друг. Муга, подавай завтрак! И скажи, чтобы... э... Уно шел сюда.

Муга. Ученый человек, а дерется. Срам какой.

Будах. Па-шел, старый черт, делай, что тебе хозяин велел... Да принеси пива! Я вспотел, мне нужно возместить потерю жидкости!

Муга, ворча что-то под нос, удаляется. Румата и Будах усаживаются за стол.

Румата. Как вы здесь оказались, отец Будах? Ведь вам опасно появляться в городе, дон Рэба ищет вас.

Будах. А, вздор! Мне надоело сидеть в Пьяной Берлоге. Захотелось проветриться... Между прочим, вчера ночью мне удалось установить интереснейшую вещь. Хотя боюсь, для вас это будет не совсем...

Румата. Ничего, ничего, я с удовольствием выслушаю вас...

Входит Муга с подносом, принимается накрывать на стол.

Будах. Вы представляете себе треугольник, у которого один угол равен четверти окружности?

Румата. Гм... Представляю.

Будах с сомнением глядит на него.

Будах. Ну, хорошо. Так вот, мне удалось доказать, что сумма численных выражений коротких сторон такого треугольника, помноженных сами на себя... Вы следите за моим рассуждением?

Румата. Самым внимательным образом.

Будах. Так вот, эта сумма в точности равна численному выражению длинной стороны, тоже помноженной на саму себя! А?

Румата *(с искренним восхищением)*. Вы молодец, отец Будах!

Будах. Значит, вы меня все-таки поняли? В жизни еще не встречал такого толкового дворянина. Как правило, все вы — непроходимое дубьё. Впрочем, вы с самого начала показались мне личностью незаурядной... Кстати, как ваша рана?

Румата. Зажила как на собаке.

Будах. Как на собаке... Оригинальное выражение. Разрешите, мой друг... *(Берет кувшин, наливает Румате и себе пива, одним глотком осушает свой стакан и наливает снова.)* Недурное пиво... О чем бишь я?

Румата. Вы говорили...

Входит Кира в костюме пажа, волосы подобраны под берет с пером. Румата машинально вскакивает, но сейчас же снова садится.

Румата. Позвольте представить вам, мой друг, этого мальчика. Мой родственник, прибыл вчера из Эстора. Зовут его... э... Уно. Я взял его к себе пажом. Уно, это отец Будах, знаменитый поэт, механик, астролог и математик... Муга, можешь идти, нам будет прислуживать Уно.

Муга уходит. Уно-Кира подходит к столу и принимается было прислуживать, но Румата останавливает ее.

Румата. Я думаю, отцу Будаху приятнее есть и пить без посторонней помощи. Садись и завтракай с нами.

Кира. Благодарю вас, господин мой... *(Садится.)*

Будах с благожелательным любопытством разглядывает ее.

Будах. Превосходный цвет лица. Впрочем, у вас тоже, дон Румата. Видимо, это фамильное...

Румата. Несомненно. Еще пива, отец Будах?

Будах. Охотно... Кстати, мне припомнился анекдотец... игривого такого свойства историйка...

Румата *(поспешно)*. Простите, мой друг, я забыл спросить вас...

Будах. Да?

Румата. Э-э... Как это... Ага, вот. Меня страшно интересует состав мази, которой вы столь блистательно залечили мою рану...

Будах. Я непременно напишу рецепт и вручу его вам, мой друг. Так вот, анекдот...

Кира. Разрешите обратиться к вам с вопросом, высокоученый отец Будах...

Будах. Пожалуйста, дитя мое.

Кира. Как сочиняют стихи?

Будах (*удивленно*). М-м? Как сочиняют стихи? Ты что — грамотен? Удивительное семейство! Но с таким вопросом тебе уместнее было бы обратиться к твоему родственнику. После того как дон Румата прочел мне несколько своих стихотворений, я не позволяю себе именоваться поэтом в его присутствии.

Румата. Отец Будах, вы смущаете меня, друг мой!

Будах. Но это так, мой друг! Возьмите, например, это ваше...

Белеет парус одинокий
В тумане моря голубом.
Что ищет он в стране далекой...

За сценой вдруг слышится шум, возня, затем из-за кулис вылетает в залу как бы от сильного толчка старый Муга, падает и катится по полу. Все вскакивают. В залу стремительно входит с обнаженной шпагой в руке командир серых штурмовиков Цупик — в узком сером мундире при белой нарукавной повязке с треххвостой свастикой. За ним вваливаются два здоровенных штурмовика с топорами наизготовку.

Румата. Какой приятный сюрприз! Никак это Цупик, бакалейщик с улицы Святого Мики?

Цупик (*злобно*). Придет время, я поднесу вам сюрприз еще приятнее, дон Румата. В прошлый раз я промахнулся, но уж в следующий — не промахнусь... Но хватит болтать... (*Поворачивается к Будаху.*) Опасный книгочей, колдун и шпион Будах, ты арестован!

Будах (*с невыносимым презрением*). Арестован? Я? Ах ты серая шпана, как ты смеешь так со мной разговаривать?

Он медленно надвигается на Цупика, тот пятится, выставив перед собой шпагу.

Цупик. Ну-ну-ну! Без этих... безо всяких... Проткну как кабана!

Румата, опершись ладонями на стол, с интересом наблюдает эту сцену. Кира прячется за его спину. Муга проворно отползает в другой угол залы. Штурмовики начинают обходить Будаха сзади.

Будах (*продолжая надвигаться*). Я тебе проткну, сукин сын... Я тебя на мыло пуцу, мокрица ты мокрая...

Обходя Будаха, штурмовики оказались между ним и столом спиной к Румате. Румата хватает их сзади за загривок и со страшной силой бьет друг о друга головами. Пороняв топоры, штурмовики валятся на пол. В ту же секунду Цупик делает выпад. Будах с неожиданной ловкостью отбивает шпагу левой рукой, а правой закатывает Цупику оглушительную затрецину. Цупик кубарем катится по полу. Будах подбирает шпагу и осматривает ее.

Будах (*презрительно*). Тупая... Тоже мне вояка! (*Бросает шпагу под ноги Цупику, который уже поднялся на ноги и, пошатываясь, очумело оглядывается по сторонам.*)

Румата. У вас все, господин бакалейщик? Можете идти, вы свободны.

Цупик уже пришел в себя. Он молча подбирает шпагу, сует ее в ножны и, ни на кого не глядя, идет к выходу. Штурмовики тоже поднимаются и, поддерживая друг друга, бредут за ним. На пороге Цупик останавливается и обводит всех холодным пристальным взглядом.

Цупик. Мы еще встретимся, благородные доны. Клянусь спиной святого Мики, мы еще встретимся, я надеюсь всласть побеседовать с вами, и это будет очень скоро...

Будах. Ползи, ползи отсюда, лишай серый!

Румата. Муга, вынеси им эти... инструменты, отдай с вежливостью.

Муга неохотно подбирает топоры штурмовиков и выносит их.

Будах. Ну вот, теперь настало время как следует выпить и закусить! (*Возвращается к столу.*)

Румата. А не кажется ли вам, мой добрый друг, что настало вам время бежать из города и скрыться?

Будах (*разливая пиво*). Вздор, мой друг. Я знаю этих лавочников. Пока они соберутся да пока решатся...

Румата. Однако ваши мастерские они взяли одним ударом...

Будах. Это потому, что я их не ждал... и меня захватили сонного, а то я бы напек из них пампушек... Полно, мой благородный друг, уж не испугались ли вы их?

Румата. Испугался? Нет, разумеется. Во всяком случае, не за себя...

Будах. А за меня не бойтесь. Мечом, правда, я владею средне, но в доме, наверное, найдется что-нибудь вроде дубины... В молодости я неплохо дрался на дубинках... (*Мечтательно.*) Видели бы вы, как я проломил башку этому ослу, казначею Барканского монастыря! А он был ба-альшой мастер подраться! А как вы?

Румата. Что — я?

Будах. Как вы на дубинках?

Румата (*бодро*). Как-нибудь мы с вами попробуем. Надеюсь в грязь лицом не ударить...

Будах (*Кире*). А ты, дитя мое?

Кира. Я? Что вы, отец Будах... я в жизни никогда...

Румата. Он у меня очень робкий мальчик. Драться не любит.

Будах. Жаль. Напрасно. Впрочем, с таким цветом лица... (*Внезапно широко зеваает.*) Извините меня, мой друг. Я провел всю ночь в седле...

Румата. Понимаю, мой друг. И казню себя за недогадливость... Муга! (*Звонит в колокольчик.*)

Входит Муга.

Румата. Муга, постели отцу Будаху у меня в кабинете...

Будах. И принеси туда кувшинчик пива... на всякий случай.

Он встает. Румата и Кира тоже встают.

Будах. Временно оставлю вас, благородные доны.

Румата. Отдыхайте, мой добрый друг.

Будах, отчаянно, с прискуливанием зевая и потягиваясь, уходит вслед за Мугой. Румата глядит ему в спину. Кира подходит и прижимается к нему.

Кира. Румата, мне страшно...

Румата. Мне тоже, маленькая...

Кира отшатывается, глядит с изумлением.

Кира. Тебе?

Румата. Да. Мне.

Кира. Ах, да... Ты все-таки боишься за отца Будаха... Он славный, веселый...

Румата. Нет, за отца Будаха я не боюсь. Он отличный вояка... и вообще... *(Он прижимает к себе Киру, бормочет.)* Все дорогое, что у нас есть, должно быть либо далеко на Земле, либо внутри нас. Чтобы его нельзя было отобрать у нас и взять в качестве заложника...

Кира. Что? Что ты такое говоришь?

Румата. Ничего, это я так... Ты бы тоже отдохнула... Ведь тоже ночью не спала.

Кира. Я не хочу уходить от тебя. Можно я прилягу здесь, на диване?

Румата. Конечно... Ложись, я прикрою тебя...

Кира ложится на диван. Румата достает из шкафа плащ, накрывает ее.

Кира. Сядь рядом со мной, посиди минутку... *(Румата садится.)* Дай руку. Вот так... Так хорошо...

Они молчат. Сцена погружается в темноту. Прожектор освещает только Румату, который сидит сгорбившись, подперев подбородок кулаком.

Румата. Дон Рэба, дон Рэба! Что же ты задумал на этот раз, цепкий и беспощадный гений посредственности? Взять Будаха. Это понятно. Будах — известный книгочей. Книгочей — на кол. С треском, с помпой, чтобы все знали. Но где же треск? Приходит командир серых штурмовиков с двумя болванами. Не мог же ты ожидать, что благородный дон позволит без боя арестовать в своем доме своего лучшего друга? Значит, что-то другое. Что? *(Румата поднимается и выходит на середину залы.)* Что? Значит, Будах был не целью, а поводом. А целью был — я? Визит Цупика — разведка?

Сцена освещается. Румата поворачивается и видит: у стола в кресле сидит сгорбленный монах в черной рясе с капюшоном, надвинутым на лицо.

Румата *(резко)*. Кто ты такой? Кто тебя пустил?

Монах *(откидывает капюшон)*. Добрый день, благородный Румата.

Румата. Ловко! Добрый день, славный Арата. Почему вы здесь? Что случилось?

Арата. Все как обычно. Моя крестьянская армия разбрелась, все делят землю, на юг идти никто не хочет. Герцог собирает своих недобитых латников и скоро развесит моих мужиков вверх ногами вдоль Эсторского тракта. Все как обычно.

Румата. Понятно. *(Садится к столу, придвигает Арате кушанья и бутылки.)* Подкрепляйтесь, Арата.

Арата. Благодарю. *(Принимается за еду.)* Иногда мне кажется, что мы бессильны. Я — вечный главарь мятежников, и я знаю, что вся моя сила в необыкновенной живучести... *(На диване Кира приподнимается на локте, слушает. Арата не замечает этого.)* Но эта сила не помогает моему бессилию. Мои победы волшебным образом оборачиваются поражениями. Мои боевые друзья становятся врагами, самые храбрые

бегут, самые верные предают или умирают. И нет у меня ничего, кроме голых рук, а голыми руками не достанешь раззолоченных свиней, сидящих за крепостными стенами... *(Отодвигает тарелку, выпивает стакан вина.)* Спасибо, благородный Румата.

Румата. Как вы здесь очутились?

Арата. Приплыл с монахами.

Румата. Вы с ума сошли. Вас же так легко опознать...

Арата. Только не в толпе монахов. Половина из них юродивые или увечные, как я. Калеки угодны богу. *(Усмехается, глядя Румате в лицо.)*

Румата. Ну, хорошо. И что вы намерены здесь делать? Свести счеты с доном Рэбой?

Арата. Счеты? *(Смотрит на свои пальцы.)* Да, он вырвал мне ногти в своей канцелярии... Но мало ли с кем у меня есть счеты? С генеральным прокурором Соана — он выжег мне клеймо на лбу... *(Касается лба ладонью.)* С каким-то бароном в метрополии — он выбил мне глаз булавой в битве под Эстором... *(Касается пустой правой глазницы.)* С герцогом Убанским — у меня горб от его железных палок... Нет, дело не в моих счетах. Но дон Рэба зарвался. Не пройдет и года, как здешний люд полезет из своих каморок с топорами — драться на улицах с серыми. И поведу их я, чтобы они били тех, кого надо, а не друг друга и всех подряд.

Румата. Вам понадобятся деньги.

Арата. Да, как обычно. И оружие... *(Вкрадчиво.)* Дон Румата, помните, после чудесного спасения на ваших крыльях, вы рассказали о себе... показали даже в небе звездочку, откуда вы к нам явились... Признаться, я был огорчен. Я ненавижу попов, мне было горько, что их лживые сказки оказались правдой. Но бедному мятежнику надлежит извлекать пользу из любых обстоятельств. Попы говорят, что боги владеют молниями... *(Румата вздрагивает.)* Дон Румата, мне очень нужны ваши молнии, чтобы разбивать крепостные стены.

Пауза.

Румата. Это невозможно. У меня... у меня нет молний.

Арата *(спокойно)*. Тогда дайте мне ваши крылья...

Румата молчит.

Арата. Ладно, мы еще вернемся к этому разговору... *(Поднимается.)* Мне пора, благородный дон. Спасибо за угощение.

Румата молча достает из стола мешок с деньгами, протягивает Арате. Тот так же молча прячет мешок за пазуху и поворачивается, чтобы идти.

Румата. Кстати... вы говорите, что приплыли с монахами...

Арата останавливается.

Арата. Да.

Румата. Монахи, монахи... За последнее время их стало заметно больше в городе...

Арата. Вы думаете... *(Быстро.)* Это точно?

Румата. Что бы это могло значить?

Несколько секунд они молча глядят друг на друга. Затем Арата надвигает капюшон.

Арата. Попробую выяснить... Счастливо оставаться, дон Румата. *(Выходит.)*

Румата глядит ему вслед, затем оборачивается и видит, что Кира сидит на диване и во все глаза смотрит на него. Он быстро подходит, садится рядом.

Румата. Проснулась, маленькая?

Кира. Я не спала... Румата, я все слышала!

Румата. Что ты слышала?

Кира. Румата, это правда? Ты правда бог с далекой звезды?

Румата. Ну что ты, дурочка, какой же я бог?

Кира. Но он говорил...

Румата. Ты не поняла. Это было иносказание...

Кира. Но ведь он...

Румата. И про молнии, и про крылья... Это он все в духовном смысле... Крылья души, молнии мысли, звезды надежды...

Кира ложится навзничь, смотрит в потолок.

Кира. Иногда я не могу понять, почему ты не бьешь меня.

Румата (*растерянно*). То есть как это — почему не бью? Разве тебя можно бить?

Кира (*не слушая*). Ты не просто добрый, хороший человек. Ты еще и очень странный человек. Ты действительно словно архангел. Без иносказаний... Когда ты со мной, я делаюсь смелой. Сейчас вот я смелая... И я спрашиваю: ты — не сейчас, а потом, когда все уладится — расскажешь мне о себе?

Пауза.

Румата. Да. Когда-нибудь я расскажу тебе все, маленькая.

Кира. Я буду ждать. А сейчас, если можно, поцелуй меня...

Румата наклоняется над ее лицом, целует. Она обнимает его за шею, и вдруг за окнами залы возникает многоголосый вой. Слышится залп из мушкетов, еще один залп, окна озаряются багровыми бликами. Румата вскакивает, подбегает к окну, всматривается. Поворачивается к Кире.

Румата. Похоже, дело дрянь. Быстро, беги в свою комнату... Муга!

Вбегает растерянный Муга.

Румата. Бегом, бери ее, полезайте на чердак, уходите по крышам...

Кира. Румата!

Румата. Спокойно, маленькая, спокойно... возьми себя в руки... Муга, что же ты стоишь как столб? Бегите, я прикрою... (*Он торопливо достает из стола пистолет, хватая со стены шпагу.*) Кира, за меня не бойся! Я...

Множественный грохот сапог раздается под окнами. Крики:

— *Ломай дверь!*

— *Открывай, именем короля!*

— *Давай лестницы! К окнам!*

Румата. Поздно. Ну, хорошо, сделаем все, что можем.

Что-то с треском рушится за сценой, в залу вбегают штурмовики во главе с Цупиком. Распахивается окно, на подоконник взбираются штурмовики.

Румата стоит, загорюндившись столом, угрожая шпагой и пистолетом.

Румата. Назад!

Штурмовики, выстроившись вокруг него полукругом, останавливаются. Цупик направляет на Румату пистолет.

Цупик *(задыхаясь)*. Дон Румата! Вы арестованы. Отдайте оружие.

Румата *(оскорбительно смеется)*. Возьмите!

Цупик. Взять его!

Штурмовики разом кидаются на Румату.

Кира. Боже мой! Румата! Оставьте его, вы, подлые люди!

Несколько секунд длится свалка. Румату не видно за спинами. Слышатся вскрики, задавленные вопли, шумные вдохи и выдохи. Затем штурмовики откатываются. Румата, слегка встrepанный, стоит на прежнем месте со шпагой в руке. Возле него на полу валяются несколько топоров. Двое штурмовиков со стонами, держась за ушибленные места, отползают в сторону.

Румата. Сунетесь еще раз — буду отрубать руки! А ну, прочь отсюда!

В зале появляется Будах со здоровенной доской в руках.

Будах. Держитесь, благородный Румата! Мы сейчас славно отделаем эту серую сволочь!

И тут Цупик одним прыжком подскакивает к Кире, хватая ее за плечо и упирает ствол пистолета ей в бок.

Цупик. Только троньтесь с места, и я продырявлю кишки этой девке в штанах!

Будах и Румата замирают.

Румата. Отпусти ее, бакалейщик!

Цупик *(злорадно хихикнув)*. Ей и со мной хорошо, благородный дон.

Штурмовики регочут.

Будах. Благородный Румата!

Румата. Подлец...

Кира. Бей их, Румата! *(Пытается вырваться.)* Не давайся им в руки! Они убьют тебя!

Цупик. Не дергайся, тварь!

Кира. Бей их! Бей! Забудь про меня! Я тебя...

Цупик стискивает ей горло, и она замолкает, запрокинув голову.

Цупик *(злбно)*. Бросайте оружие. Считаю до трех, затем стреляю. Ну? Раз...

Румата бросает шпагу. Будах, поколебавшись, бросает свою доску. В залу в сопровождении двух монахов в черных рясах и с капюшонами, надвинутыми на лица, входит дон Рэба — небольшой, полненький, в сером мундирчике.

Рэба. Ну, что тут у вас? Закончили? Свяжите их.

Штурмовики осторожно приближаются к Румате и Будаху, на ходу разматывая веревки.

Занавес

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

На темной сцене в луче прожектора сидит, привалившись спиной к стене, связанный Румата — без камзола, в разорванной сорочке.

Румата. Я просчитался. Ах, как я просчитался! Мне надо было убить их!

Голос Кондора (*гулко, из тьмы*). Кого?

Румата. Этих мерзавцев. Дона Рэбу. Бакалейщика Цупика.

Голос Кондора. За что?

Румата. Они убивают все, что мне дорого...

Голос Кондора. Они не ведают, что творят.

Румата. Они ежедневно, ежечасно убивают будущее!

Голос Кондора. Они не виноваты. Они — дети своего века.

Румата. То есть они не знают, что виноваты? Но мало ли чего они не знают! Я, я знаю, что они виноваты!

Голос Кондора. Тогда будь последовательным. Признай, что придется убивать многих.

Румата. Не знаю, может быть, и многих. Одного за другим. Всех, кто поднимает руку на будущее...

Голос Кондора. Это уже было. Травили ядом, бросали самодельные бомбы в царей. И ничего не менялось...

Румата. Нет, менялось! Так создавалась стратегия революции!

Голос Кондора. Нам не надо создавать стратегию революции, мы владеем ею в совершенстве, она перешла к нам от великих предков наших, первых коммунаров! А тебе хочется просто убивать!

Румата. Да, хочется.

Голос Кондора. А ты умеешь?

Румата молчит.

Голос Кондора. Мы пришли сюда, чтобы помочь этому человечеству, а не для того, чтобы утолять свой справедливый гнев. Если ты слаб, уходи. Возвращайся домой. В конце концов, ты не ребенок, ты знал, на что идешь.

Пауза.

Румата (*тихо*). А Кира? А Будах? А мятежный Арата?

В кругу света появляются двое монахов. Молча и бесшумно они поднимают Румату, в ту же секунду сцена освещается. Зала в доме Руматы, обстановка прежняя, только за

столом в креслах восседают дон Рэба и Цупик, а позади них — двое итурмовиков с топорами. За окнами — ночь, озаряемая колеблющимися отблесками пожаров. Монахи ставят Румату перед столом и, отступив, застывают рядом со итурмовиками.

Рэба. А вот и благородный дон Румата! (*Цупик злорадно скалится.*) Наш старый и весьма последовательный недруг.

Цупик. Раз недруг — повесить!

Рэба. Что ж, пожалуй...

Цупик. Или еще лучше — сжечь. Нужно сохранять у черни уважительное отношение к сословиям. (*Хихикает.*) Все-таки отпрыск древнего рода...

Рэба. Хорошо, договорились. Сжечь.

Цупик. Впрочем, дон Румата может облегчить свою участь. Вы меня понимаете, дон Рэба?

Рэба. Признаться, не совсем...

Цупик. Имущество! Руматы — сказочно богатый род!

Рэба. Вы, как всегда, правы, почтенный Цупик. Что ж, тогда начнем по всей форме...

Румата. Развяжите мне руки.

Цупик вздрагивает, отчаянно мотает головой.

Рэба. А? (*Смотрит на Цупика.*) Я вас понимаю, почтенный. Но если принять некоторые меры предосторожности... Развяжите ему руки.

Один из монахов неслышно подскакивает к Румате и развязывает его. Цупик поспешно достает из-под стола и кладет перед собой два пистолета.

Румата (*растирая затекшие руки*). Предупреждаю, его величество будет поставлен в известность об этом безобразии. Самоуправное вторжение в дом благородного дворянина...

Рэба. Его величеству об этом известно. Собственно, мы здесь действуем по королевскому приказу...

Цупик (*злорадно*). Вот так-то, благородный дон!

Рэба. Итак, начнем. Ваше имя, род, звание?

Румата. Румата, из рода Румат Эсторских, благородный дворянин до восемнадцатого предка... (*Он оглядывается, садится на диван, продолжая массировать кисти рук.*)

Цупик, заснеп, поворачивает к нему стволы пистолетов.

Рэба. Сколько вам лет?

Румата. Двадцать два года.

Рэба. Когда прибыли в нашу страну?

Румата. Год назад.

Рэба. С какой целью?

Румата. Ознакомиться с состоянием наук и искусств в этом городе.

Рэба. Странная цель для молодого человека вашего положения.

Румата. Мой каприз.

Рэба. Вы уверены?

Румата. Как в самом себе.

Рэба. Мы хотим правды! Одной только правды.

Румата. Ага... А мне показалось...

Рэба. Что вам показалось?

Румата. Мне показалось, что вы хотите прибрать к рукам мое родовое имущество. Не представляю, каким образом вы надеетесь его получить.

Цупик. А дарственная? А дарственная?

В эту секунду, совершенно неожиданно для Руматы, за спинами Рэбы и Цупика происходит следующее. Монахи одновременно бьют своих соседей-штурмовиков чем-то тяжелым по головам, подхватывают тела и бесшумно уволакивают их из залы, а на их место сейчас же становятся двое новых монахов.

Цупик (*торжествующе*). Ну, что вы молчите, дон Румата? Как насчет дарственной?

Румата (*с наглым смехом*). Ты дурак, Цупик... Сразу видно бакалейщика. Тебе, конечно, невдомек, что майорат не подлежит передаче в чужие руки...

Разъяренный Цупик хватается за пистолеты.

Рэба (*строго*). Вам не следует разговаривать в таком тоне.

Румата. Вы хотите правды? Вот вам правда, истинная правда и только правда: ваш Цупик — дурак и бакалейщик.

Цупик (*сдерживаясь*). Что-то мы отвлеклись, как вы полагаете, дон Рэба?

Рэба. Вы как всегда правы, почтенный Цупик. Ну-с, так вы богаты, благородный дон?

Румата. Я мог бы скупить весь ваш город, но меня не интересуют помойки...

Рэба (*со вздохом*). Мое сердце обливается кровью. Обрубить столь славный росток столь славного рода! Это было бы преступлением, если бы не вызывалось государственной необходимостью.

Румата. Поменьше думайте о государственной необходимости и побольше думайте о собственной шкуре...

Рэба. Вы правы. (*Он поднимает руку, щелкает пальцами.*)

Монахи за его спиной мгновенно и бесшумно смыкаются над все еще грозно хмурым брови Цупиком, хватают его и заворачивают руки к лопаткам.

Цупик (*кривясь от боли*). Ой-ёй-ёй-ёй!..

Рэба. Скорее, скорее, не задерживайтесь...

Монахи выволакивают отчаянно брыкающегося и вопящего Цупика из залы. Слышится тяжелый удар, и вопль обрывается. Двое новых монахов бесшумно появляются и становятся за спиной дон Рэбы. Рэба встает, осторожно спускает курки пистолетов и прячет их под стол.

Рэба (*довольно улыбаясь*). Как я их? А? Никто и не пикнул... У вас, я думаю, так не могут...

Румата молчит.

Рэба. Да-а... Хорошо! Ну что ж, а теперь поговорим, дон Румата... А может быть, не Румата? И может быть, даже и не дон? А? (*Выжидает секунду, затем тычет большим пальцем себе через плечо.*) При них можно говорить свободно, они не знают языка... Ну?

Румата. Я вас слушаю.

Рэба. Вы не дон Румата. Вы самозванец. Капитан пиратской галеры Кэу показал под пыткой, что Румата Эсторский был зарезан полтора года назад и пошел на корм рыбам.

И святые давно упокоили его мятежную и, прямо скажем, не очень чистую душу. Вы как, сами признаетесь, или вам помочь?

Румата. Сам признаюсь. Меня зовут Румата Эсторский, и я не привык, чтобы в моих словах сомневались.

Рэба (*зловеще*). Я вижу, что нам придется продолжить разговор в другом месте.

Румата. У вас что, геморрой, дон Рэба?

Рэба вздрагивает и выпрямляется.

Румата. Вам следует обратиться к отцу Будаху. Отличный специалист.

Рэба. Итак, вы отказываетесь признаться.

Румата. В чем?

Рэба. В том, что вы самозванец.

Румата. Почтенный Рэба, такие вещи доказывают. Ведь вы меня оскорбляете!

Рэба. Мой дорогой дон Румата! Простите, пока я буду называть вас этим именем. Так вот, я никогда ничего не доказываю. Доказывают у меня в канцелярии. Для этого я содержу опытных, хорошо оплачиваемых специалистов, которые могут доказать все, что угодно. Вы понимаете меня? Известное количество крови, содрванная кожа, обугленное мясо, ломаные кости... Посудите сами: зачем мне доказывать то, что я и так знаю? (*Помолчав.*) Дон Румата, признание ничем вам не грозит...

Румата. Мне не грозит. Оно грозит вам.

Пауза.

Рэба. Хорошо. Видимо, начать придется все-таки мне. Давайте посмотрим, в чем замечен дон Румата Эсторский за год своей загробной жизни в нашем королевстве. А вы потом объясните мне смысл всего этого. Согласны?

Румата. Мне бы не хотелось давать опрометчивых обещаний. Но я с интересом вас выслушаю.

Рэба. Мною были предприняты некоторые действия против так называемых книжечеев, ученых и прочих бесполезных и вредных для королевства людей. Эти акции встретили некое странное сопротивление. Кто-то неведомый, но весьма энергичный выхватывал у меня из-под носа и прятал самых важных, самых отпетых и отвратительных преступников — безбожного астролога Багира, преступного алхимика Синду, мерзкого памфлетиста Цурэна и иных, рангом поменьше. Кто-то похищал, спасая от справедливого уничтожения, богохульные библиотеки, развращающие картины, отвратительные астрологические и химические приборы. Кто он?

Румата. Продолжайте.

Рэба. Кто-то при поистине фантастических обстоятельствах, заставляющих вспомнить о враге рода человеческого, освободил из-под стражи чудовище разврата и душегуба, атамана крестьянских бунтов Арату Горбатого, и тот сейчас же пошел гулять по восточным областям метрополии, обильно проливая благородную кровь... Ну?

Румата. Верю. Он сразу показался мне решительным человеком.

Рэба. Ага! Вы признаетесь?

Румата (*удивленно*). В чем?

Пауза.

Рэба. Я продолжаю. На спасение этих растлителей душ вы, дон Румата, по моим очень неполным подсчетам, потратили не менее пуда золота... Ваше золото! (*Он выхватывает из-за пазухи кошелек и высыпает на стол звонкие золотые кружочки.*)

Одного этого золота достаточно было бы, чтобы сжечь вас на костре! Это дьявольское золото! Человеческое искусство не в силах изготовить металл такой чистоты!

Румата. Вот тут вы молодец. Этого я не учел.

Рэба. И вообще вы ведете себя очень неосторожно, дон Румата. Я все время так волновался за вас... Вы такой дуэлянт, такой задира! Три десятка дуэлей за год! Три десятка блистательных побед! И ни одного убитого... вывихнутые руки, царапины на задних частях, синяки от ударов плашмя не в счет... Вы — мастер. Вы, несомненно, продали душу дьяволу, ибо только в аду можно научиться этим невероятным, сказочным приемам боя. Я готов даже допустить, что это умение было дано вам с условием не убивать. Хотя трудно представить себе, зачем дьяволу понадобилось такое условие...

Румата. Довольно. Хватит пустой болтовни.

Дон Рэба замолкает, дрожащей рукой утирает вспотевшее лицо.

Румата. Где моя невеста? Где Будах?

Рэба (*хихикнув*). В надежном месте, разумеется.

Румата. Не морочьте мне голову. Где они? Немедленно доставьте их сюда!

Рэба. Ну зачем же так срочно? Мне они самому нужны. Геморрой, знаете ли... Другие старческие слабости... Признаться, ваша... гм... невеста — она, знаете ли, штучка! А? Шельмочка этакая! Цупика, знаете ли, — нехорошо говорить дурно о покойниках, но это был очень жестокий человек, — за нос укусила, представляете?

Румата вскакивает. Дон Рэба тоже поднимается. Монахи за его спиной делают шаг вперед и направляют на Румату стволы мушкетов.

Румата (*бешено*). Слушайте, Рэба! Я с вами не шучу! Если с Кирой или Будахом что-нибудь случится, вы подохнете, как собака! Я раздавлю вас.

Рэба. Не успеете.

Румата. Вы дурак, Рэба. Вы опытный интриган, но вы ничего не понимаете. Никогда в жизни вы еще не брались за такую опасную игру, как сейчас. И вы даже не подозреваете об этом...

Рэба (*пятясь, плаксиво*). Ну что вы, в самом деле... Сидели, разговаривали. Да живы они, целы и невредимы, ваша девчонка и Будах. Он меня еще лечить будет... Сидят под стражей в подвале. Будах, поди, бочонок эсторского почал...

Румата. Давайте их сюда! Не сердите меня и перестаньте притворяться! Вы же меня боитесь. И правильно делаете.

Рэба (*взволнованно, плюясь слюной*). Мальчишка! Я никого не боюсь! Это я могу раздавить тебя, как пиявку!

Слышится множественный грохот копыт. За окнами проплывают силуэты всадников с копьями. Рэба кидается к окну.

Рэба. Смотри!

Румата идет к окну, монахи-мушкетеры следуют за ним.

Рэба. Пр-рошу! Смиранные дети господа нашего, конница Святого Ордена! Вы говорили, кажется, о короле? Короля больше нет! Слабый монарх отрекся от престола и отдался под власть Святого Ордена! И армия его святейшества высадилась в порту для подавления варварского бунта возмнивших о себе лавочников. Святой Орден владеет городом и страной, отныне областью Ордена!..

Румата. Вот это провокация!

Рэба. Мы еще не знакомы. Позвольте представиться: наместник Святого Ордена в королевстве, епископ и боевой магистр раб божий Рэба!

Румата. Эх, историки, так вас и не так... Можно же было догадаться: там, где торжествует серость, к власти всегда приходят черные...

Рэба. Что? *(После паузы.)* Ну? Все еще молчите?

Румата *(брезгливо)*. Я устал. Я хочу спать. Я хочу помыться в горячей воде и смыть с себя кровь и слюни ваших головорезов. Убирайтесь отсюда и дайте мне покой.

Рэба *(кричит, указывая в окно)*. Их двадцать тысяч!

Румата. Немного потише, пожалуйста. И запомните, Рэба, я вижу вас насквозь. Вы хоть и епископ, но все равно всего лишь грязный предатель и неумелый дешевый интриган... Я вас ненавижу, учтите это. Я согласен вас терпеть, но вам придется научиться вовремя убираться с моей дороги. За каждую подлость по отношению ко мне или моим друзьям вы ответите головой. Вы поняли меня?

Рэба. Послушайте, дон Румата... Я тоже вижу вас насквозь. Ведь чего хотите вы? Того же, что и я. Власти! Безграничной власти! Так давайте разделим с вами власть, а? Давайте разумно считаться друг с другом!

Румата. У меня на родине есть такая притча. Ворона спросила орла: «Для чего ты летаешь на такой страшной высоте?» — «Просто я люблю парить в синем небе», — ответил орел. «Врешь, — сказала ворона. — Там наверняка полным-полно дождевых червей...» Где уж вам понимать меня, Рэба...

Рэба. Я хочу одного. Я хочу, чтобы вы были при мне, дон Румата. Я не могу вас убить. Не знаю, почему, но не могу.

Румата. Бойтесь.

Рэба. Ну и боюсь! Может быть, вы дьявол. Может быть, сын бога. Кто вас знает? Я даже не пытаюсь заглянуть в пропасть, которая вас извергла. У меня кружится голова, и я чувствую, что впадаю в ересь... *(Кричит.)* Но я тоже могу убить вас! В любую минуту! Сейчас! Завтра! Вчера! Вы это понимаете?

Румата. Это меня не интересует.

Рэба. А что же? Что вас интересует?

Румата. А меня ничего не интересует. Я развлекаюсь. Я не дьявол и не бог, я — кавалер Румата Эсторский, веселый благородный дворянин, обремененный капризами и предрассудками и привыкший к свободе во всех отношениях. Запомнили?

Рэба *(утирает лицо платочком и приятно улыбается)*. Я ценю ваше упорство. В конце концов, вы тоже стремитесь к каким-то идеалам. И я уважаю эти идеалы, хотя и не понимаю их... а может быть, когда-нибудь и пойму. Я — человек широких взглядов, я вполне могу представить себе, что когда-нибудь стану работать с вами плечом к плечу...

Румата. Там видно будет. А сейчас я очень прошу вас, господин епископ. Освободите мой дом. Повторяю, я очень устал.

Рэба. Сию минуту... Действительно, мне пора в канцелярию. Вы — счастливец, будете отдыхать и нежиться в кругу друзей, а мне — увы! — предстоит столько забот...

Он достаёт свисток и издает три пронзительных трели. Слышится топот, монахи в черных рясах, с надвинутыми капюшонами, вооруженные пиками и мушкетами, пробегают через залу и скрываются за выходной дверью.

Рэба. А вот и ваши друзья!

Входят Кира, Будах и старый Муга. Кира молча бросается Румате на шею. Будах, в изодранном камзоле, слегка пошатывается и опирается на плечо Муги, который и сам нетвердо стоит на ногах.

Румата (*бормочет, лаская Киру*). Кира, девочка моя... маленькая моя...

Рэба. Ну, я оставляю вас. Счастливого отдыха.

Румата. Отдыхать вряд ли придется. Я сегодня же увезу отца Будаха из города. А то вы с вашим геморроем...

Рэба. Ну что вы, что вы... мы же договорились... Откланиваюсь.

Рэба выходит. За сценой слышится ржание коней, затем удаляющийся цокот копыт.

Будах. Вот это приключение! Ничего не понимаю!

Румата (*протягивает к нему руку*). Мой бедный друг!

Будах. Бедный? Ничего я не бедный... Просто у вас в погребке оказался бочонок... Кстати, мой друг, у вас отличные маринованные грибы, а уж окорок копченый — превыше всех похвал... Но ваша девочка, ваша Кира! Подите сюда, дитя мое! (*Отрывает Киру от Руматы и звучно целует ее в лоб.*)

Муга. Дозвольте к ручке... (*Целует Кире руку.*)

Румата. Да что произошло?

Будах. Вы не поверите, мой благородный друг. Нас связали и всех троих швырнули в погреб. Ну, там были всякие эксцессы... Нас с Мугой лупили, как в барабан. Этот подлец... Цупик, кажется?... полез к Кире, она его укусила, ей тоже вломили. Да... Потом оставили в покое, ушли. Сидим в темноте. Слушайте, мой друг, у меня ужасная жажда от этого окорока...

Муга. Сию минуту... (*Уходит, покачиваясь.*)

Будах. Да, сидим в темноте, готовимся к бесславной гибели... И вдруг, представьте, я чувствую, что меня кто-то грызет!

Румата. Вас, мой друг?

Будах. То есть не совсем меня, конечно... Но я чувствую... Короче говоря, эта наша прелесть, эта наша ласточка... Подите сюда, дитя мое! (*Снова отрывает Киру от Руматы и звучно целует ее в щеку.*) Одним словом, она перегрызла на мне веревки! Ну, тут уж пошло другое дело. Я освободился от пут, развязал ее и Мугу, и мы стали готовиться к драке...

Муга (*входит с кувшином*). Извольте, отец Будах.

Будах. Благодарю тебя, друг мой. (*Залпом выпивает кувшин.*) О чем бишь я? Ну, ждем. Тянется время. Вы знаете, как тянется время в темноте, мой друг? И тут наша красавица... Подойдите сюда, дитя мое!

Румата. Вы так избалуете ее, мой друг. (*Отстраняет руки Будаха.*)

Будах. Да? Гм... Ну, хорошо. В общем, она нашла в погребке бочонок пива, окорок, грибы и еще что-то... Стыд и позор тебе, Муга, это было твое дело!

Муга. Я был убит горем и ничего не соображал...

Будах. Так или иначе, мы основательно подкрепились, и тут дверь распахивается. Я схватил бочонок, чтобы проломить башку первому же негодяю, но... этого негодяя бросают к нам с уже проломленной головой. Вы представляете, дон Румата?

Румата. Продолжайте...

Будах. За несколько минут какие-то монахи накидали нам в погреб десяток дохлых штурмовиков, после чего снова заперли дверь.

Муга. Я чуть не помер от страха.

Будах. Да, это было неприятное соседство. Я совершенно потерял аппетит и мог только пить. А потом дверь снова открыли, гаркнули: «Выходи! Свободны!», и мы перелезли через трупы и вышли. Так что же произошло все-таки?

Румата (*устало*). Повторилась история с капитаном Рэмом.

Будах. Простите, не понял.

Румата. Да ничего особенного. Дон Рэба спровоцировал серые роты на мятеж, ввел в город войска Святого Ордена и перерезал штурмовиков, а короля низложил. Сейчас он во главе королевства.

Пауза.

Будах. Ловкая скотина. Такого даже я не ожидал от него... Ну, а как уцелели вы, мой друг? И мы тоже?

Румата. Я договорился с доном Рэбой. Временно, во всяком случае. Вам надлежит сегодня же покинуть город, отец Будах. Я отвезу вас.

Будах. Но мой благородный друг!..

Румата. Сейчас ни слова, мой друг. Идите все, приведите себя в порядок. Муга, обед через час... вернее, завтрак.

Сцена погружается в темноту. Только окна светятся розовым рассветом. На фоне одного из окон — черный силуэт Руматы. Слышится карканье ворон.

Румата. Город поражен невыносимым ужасом. Солнце озаряет пустынные улицы, дымящиеся развалины, содранные ставни, взломанные двери. Кроваво сверкают в пыли осколки стекла. Неисчислимые полчища ворон спустились на город, как на чистое поле. На площадях и перекрестках по двое и по трое торчат всадники в черном — медленно поворачиваются в седлах, поглядывая сквозь прорези в глухих черных шлемах. С наспех врытых столбов свисают на цепях обугленные тела над погасшими углями. Кажется, что ничего живого не осталось в городе — только орущие вороны и деловитые убийцы в черном...

Румата поворачивается и идет в луче прожектора к авансцене, останавливается лицом к зрительному залу.

Румата. В будущих учебниках истории этой планеты ученики прочтут: «В конце года Воды — такой-то и такой-то год по новому летоисчислению — центробежные процессы в древней Империи стали значимыми. Воспользовавшись этим, Святой Орден, представлявший, по сути, интересы наиболее реакционных групп феодального общества...» А как пахли горящие трупы на столбах, вы знаете? А вы видели женщин со вспоротыми животами, лежащих в уличной пыли? А вы видели города, в которых люди молчат и кричат только вороны? Вы, еще не родившиеся девочки и мальчики за партами в школах грядущей Коммунистической Республики Гиганды?

Прожектор гаснет. Сцена освещается. Зала в доме Руматы. Все более или менее прибрано, в креслах и на диване сидят Кира, Румата и Будах, умытые, причесанные, хорошо одетые.

Будах. Когда торжествуют серые, к власти приходят черные. Да. Отличная мысль. Поздравляю, дон Румата.

Румата. Мысль, в общем, банальная. Но она в какой-то степени отражает закономерности движения нашего мира.

Будах. До чего же ловко научились выражаться эти дворяне! Не обижайтесь, мой друг. Мне очень приятно, что вы совершенно самостоятельно пришли к выводу о существовании закономерностей в нашем мире. Оно свидетельствует в свою очередь о совершенстве мира, не так ли?

Румата (*удивленно*). Неужели вы серьезно считаете этот мир совершенным? После ваших бесед с доном Рэбой, после погребов с трупами...

Будах. Мой молодой друг, ну конечно же! Мне многое не нравится в мире, многое я хотел бы видеть другим... Но что делать? В глазах высших сил совершенство выглядит иначе, чем в моих...

Румата. А что если бы можно было изменять высшие предначертания?

Будах. На это способны только высшие силы...

Румата. Но все-таки представьте себе, что вы бог...

Кира вздрагивает и прижимается лицом к плечу Руматы.

Будах (*смеется*). Если бы я мог представить себя богом, я бы стал им!

Румата. Ну, а если бы вы имели возможность посоветовать богу?

Будах. У вас богатое воображение, мой дорогой друг. Это хорошо.

Румата. Вы мне льстите... Но что же вы все-таки посоветовали бы всемогущему? Что, по-вашему, следовало бы сделать всемогущему, чтобы вы сказали: вот теперь мир добр и хорош?

Будах, посмеиваясь и покачивая головой, встает и проходится по зале.

Будах. Что ж, извольте. Я сказал бы всемогущему: «Создатель, я не знаю твоих планов, но захоти сделать людей добрыми и счастливыми. Так просто этого достигнуть! Дай людям вволю хлеба, мяса и вина, дай им кров и одежду. Пусть исчезнут голод и нужды, а вместе с тем и все, что разделяет людей».

Румата. И это всё?

Будах. Вам кажется, что этого мало?

Румата. Бог ответил бы вам: «Не пойдет это на пользу людям. Ибо сильные вашего мира отберут у слабых то, что я дал им, и слабые по-прежнему останутся нищими».

Будах. Я бы попросил бога оградить слабых. «Вразуми жестоких правителей», — сказал бы я.

Румата. Жестокость есть сила. Утратив жестокость, правители потеряют силу, и другие жестокие заменят их...

Будах останавливается и снова садится.

Будах. Накажи жестоких! Чтобы неповадно было сильным проявлять жестокость к слабым!

Румата. Человек рождается слабым. Сильным он становится, когда нет вокруг никого сильнее его. Когда будут наказаны жестокие из сильных, их место займут сильнейшие из слабых. Тоже жестокие. Так придется карать всех, а я не хочу этого.

Будах. Тебе виднее, всемогущий. Сделай тогда просто так, чтобы люди получили все и не отбирали друг у друга то, что ты дал им.

Румата. И это не пойдет людям на пользу. Ибо когда получают они все даром, без трудов, из рук моих, то забудут труд и обратятся в моих домашних животных, которых я вынужден буду впредь кормить и одевать вечно.

Будах. Не давай им всего сразу! Давай понемногу, постепенно!

Румата. Постепенно люди и сами возьмут все, что им понадобится.

Будах (*чешет в затылке*). Да, я вижу, это не так просто. Я как-то не думал о таких вещах... Кажется, мы с вами, мой друг, перебрали всё. Впрочем, есть еще одна возможность. Сделай так, чтобы больше всего люди любили труд и знание, чтобы это стало единственным смыслом их жизни!

Румата. Я мог бы сделать и это. Но можно ли лишать человечество его истории? Можно ли подменять одно человечество другим? Это же все равно, что стереть это человечество с лица планеты и создать на его месте новое...

Будах. Понятно... Тогда, господи, сотри нас с лица земли и создай заново более совершенными... или, еще лучше, оставь нас и дай нам идти своей дорогой.

Румата (*медленно*). Сердце мое полно жалости. Я не могу этого сделать.

Пауза.

Кира отшатывается от Руматы и закрывает лицо руками. Будах медленно поднимается из кресла.

Будах. Слушайте, дон Румата... Я хотел бы...

Торопливо входит старый Муга, что-то шепчет Румате на ухо. Тот встает.

Румата. Все готово, отец Будах, мой благородный друг. Вам пора.

Будах. Хорошо. Я иду. Но вы...

Румата. Я много бы дал, чтобы проводить вас...

Будах. Ни в коем случае. Давайте прощаться. Подите сюда, дитя мое.

Румата смеется. Кира подходит к Будаху и целует его.

Румата. До свидания, мой друг. Муга, проведешь отца Будаха до Зеленой бухты, сядешь вместе с ним на галеру и перевезешь через залив. Потом вернешься. Вот деньги. (*Протягивает Муге кошелек с деньгами.*)

Муга. Будет исполнено.

Румата (*достает из-под стола пистолеты*). Возьми, Муга, и в случае чего — бей без пощады...

Будах. К чертям. Муга стар. Дайте-ка их сюда. (*Забирает оружие.*) Уж я-то не промахнусь. Ах, дон Румата...

Румата. Прощаемся. Да, минутку... (*Отводит Будаха на авансцену, шепотом.*) Вот одна идея. Обратите внимание, отношение длины окружности к ее радиусу должно быть числом постоянным...

Будах. Как? Отношение длины к радиусу окружности... Слушайте, дон Румата!..

Румата. Пора, мой добрый друг. Ступайте.

Они обнимаются. Будах, засовывая на ходу пистолеты за пояс, уходит следом за Мугой. Румата и Кира остаются одни. Он садится на диван, Кира ложится, положив голову ему на колени.

Кира. Ты, наверное, очень хочешь спать. Ты спи.

Румата. Нет-нет, ты говори, я слушаю...

Кира. Ты сейчас заснешь, я знаю...

Румата. Я все равно слушаю. Я, правда, очень устал, но еще больше я соскучился по тебе. Мне жалко спать, маленькая...

Кира. Давеча я прибирала твой кабинет. Нашла одну книгу, отца Гура сочинение. Там про то, как благородный принц полюбил прекрасную, но дикую девушку из-за гор. Она была совсем дикая и думала, что он бог, и все-таки очень любила его. Потом их разлучили, и она умерла от горя.

Румата. Это замечательная книга.

Кира. Я даже плакала. Мне все время казалось, что это про нас с тобой.

Румата. Да, это про нас с тобой. И вообще про всех людей, которые любят друг друга. Только нас не разлучат...

Кира. Ты увезешь меня отсюда?

Румата. Обязательно.

Кира. И я все буду знать?

Румата. Конечно, маленькая. Я увезу тебя в чудесный город Ленинград...

Кира. Ле-нин-град...

Румата. Я сам поведу корабль. А ты будешь сидеть рядом, и я буду все тебе объяснять. И ты будешь...

В залу входит черный монах в рясе с надвинутым капюшоном. Румата вскакивает, хватаят шпагу.

Румата. Стой, сукин сын!

Монах. Осторожно с железом, благородный дон Румата. Это опять я.

Румата. Арата? Вы?

Арата. Я. У меня срочное дело.

Румата нерешительно поворачивается к Кире.

Арата. Ничего. Девушка нам не помешает. А может быть, и поможет.

Румата. Садитесь, благородный Арата.

Они садятся. Кира на диване во все глаза разглядывает их.

Арата. Вы знаете, что творится в стране?

Румата (*мрачно*). Представляю...

Арата. Такого даже я никогда не видел. Трупы, трупы, трупы... людишек режут, распинают и жгут прямо на улицах... (*Пауза.*) Дон Румата, почему вы не хотите помочь мне?

Румата. Одну минутку. Прошу прощения, но я хотел бы знать, как вы проникли в дом.

Арата. Это неважно. Никто, кроме меня, не знает этой дороги. Не уклоняйтесь, дон Румата. Почему вы не хотите дать мне вашу силу?

Румата (*устало*). Не будем говорить об этом.

Арата. Нет, мы будем говорить об этом! Я не звал вас. Я никогда никому не молился. Вы пришли ко мне сами. Или бог просто решил позабавиться?

Румата. Вы не поймете меня. Я вам двадцать раз пытался объяснить, что я не бог — вы так и не поверили. И вы не поймете, почему я не могу помочь вам оружием...

Арата. У вас есть молнии?

Румата. Я не могу дать вам молнии.

Арата. Я хочу знать: почему?

Румата. Я повторяю: вы не поймете.

Арата. А вы попытайтесь объяснить.

Румата. Что вы собираетесь делать с молниями?

Арата. Я выжгу черную и золоченую сволочь, как клопов, всех до одного, весь их проклятый род до двенадцатого потомка. Я сотру с лица земли их монастыри и крепости. Я сожгу их армии и всех, кто будет защищать и поддерживать их. Можете не беспокоиться — ваши молнии будут служить только добру, и когда на земле останутся только освобожденные рабы и воцарится мир, я верну вам ваши молнии и никогда больше не попрошу их...

Румата. Нет. Я не дам вам молний. Это было бы ошибкой. Постарайтесь поверить мне, я вижу дальше вас... Я приведу вам только один довод. Он ничтожен по сравнению с главным, но зато вы поймете его. Вы живучи, славный Арата, но вы тоже смертны; и если вы погибнете и молнии перейдут в другие руки, уже не такие чистые, как ваши, тогда... мне страшно подумать, чем это может кончиться...

Пауза.

Арата. Вам не следовало спускаться с неба. Возвращайтесь к себе. Вы только вредите нам.

Румата (*мягко*). Это не так. Во всяком случае, мы никому не вредим.

Арата. Нет, вы вредите. Вы внушаете беспочвенные надежды...

Румата. Кому?

Арата. Мне. Вы ослабили мою волю, дон Румата. Раньше я надеялся только на себя, а вы сделали так, что теперь я чувствую вашу силу за своей спиной. Раньше я вел каждый бой так, словно это мой последний бой, а теперь я заметил, что берегу себя для других боев, которые будут решающими, потому что вы примете в них участие...

Румата. Славный Арата, на моей родине борцы за свободу шли в бой с песней... «Никто не даст нам избавления, ни бог, ни царь и ни герой...»

Арата. Ага! Они понимали толк в борьбе! Нет, дон Румата, уходите отсюда, вернитесь к себе на небо и никогда больше не приходите... Или без оглядки переходите к нам, обнажите ваш меч и встаньте плечом к плечу с нами! (*Помолчав, тихо.*) В нашем деле не может быть друзей наполовину. Друг наполовину — это всегда наполовину враг.

Кира (*вскакивает*). Вы не смеете с ним так разговаривать! Он добрый, он сильный! Он сильнее всех на свете! Что мы ему? Муравьи! Один муравейник воюет с другим муравейником... И вы хотите, чтобы он разорил один муравейник во славу другого?

Арата (*сурово*). Мы не муравьи, девушка. Мы — люди. (*Поднимается.*) Прощайте, дон Румата.

Он идет к выходу и вдруг останавливается, прислушиваясь, повернув лицо к окнам. Румата тоже поднимает голову. Явственно слышится цокот множества копыт. Грубые голоса:

— *Здесь, что ли?*

— *Вроде здесь...*

— *Сто-ой!*

Кира (*прижимает кулаки к груди*). Это за мной... Я так и знала!

В дверь ударяют кулаки. Грубый голос:

— *Во имя господи! Открывай, девка! Взломаем — хуже будет!*

Румата подскакивает к окну, распахивает створку.

Румата. Эй, вы! Вам что — жить надоело?

Шум мгновенно стихает. Негромкие голоса:

— *И ведь всегда они в канцелярии напутают. Хозяин-то дома, никуда не уехал...*

— *А нам что за дело?*

— *А то дело, что он на мечах первый в мире.*

— *Эх, а сказали, что уехал и до утра не вернется...*

— *Испугались?*

— *Мы-то не испугались, а только про него ничего не велено, не пришлось бы убить...*

— *Свяжем! Покалечим и свяжем! Эй, кто там с мушкетами?*

— *Как бы он нас не покалечил...*

— *Ничего не покалечит. Всем известно: у него обет такой — не убивать.*

Румата (*страшным голосом*). Перебью как собак!

*Кира подбегает к нему, прижимается к его плечу. Скрипучий голос:
— Ломай, братья! Во имя господи! Тащи бревно, тараном ее!*

Румата (*Кире*). Ну что ты, маленькая? Испугалась? Неужели этой швали испугалась? (*Отходит от окна, берет шпагу.*) Сейчас я их...

Арата. Может быть, проще уйти? Я знаю потайной ход...

Румата. Уйти?.. (*Колелется, оглядывается на Киру.*) Мне это как-то... Послушайте, славный Арата. Возьмите девушку и уходите. Спрячьте ее где-нибудь. А я...

*Окна озаряются тремя багровыми вспышками, гремят три мушкетных выстрела.
Кира у окна медленно сползает на пол, цепляясь за портьеру.*

Румата. Кира!

Подбегает к ней, подхватывает на руки, переносит на диван.

Кира (*слабым голосом*). Вот... больше не боюсь... хорошо...

Румата (*шепотом*). Кира... Кира... Маленькая...

Пауза.

Румата выпрямляется, некоторое время стоит, шатаясь. Затем кулаком, в котором зажата рукоять шпаги, проводит себя по глазам. Смотрит на шпагу, выходит на середину залы.

Румата. Ладно. Все. Конец.

Арата. Надо уходить, благородный дон Румата.

Румата. Уходить? Мне? (*Трясет головой.*) Я, видите ли, буду драться. А вы уходите, славный Арата. Это будет мой бой.

Арата. Ваш? Как бы не так! (*Извлекает из-под рясы короткий широкий меч.*) Нет, дон Румата. Нет, человек с далекой звезды! Это будет НАШ бой. Вероятно, последний, но НАШ!

Они стоят плечом к плечу и слушают, как трещит и ломается под ударами входная дверь. Сцена погружается в темноту.

Занавес

ЭПИЛОГ

Внутренность Пьяной Берлоги. На скамье у стола, упершись локтями в столешницу и прикрыв ладонями глаза, сидит Будах. На другой скамье сидит дон Кондор — шпага меж раздвинутых колен, ладони скрещены на рукояти. Рядом неизвестный в широкополой шляпе с пером, закутанный в плащ. Посередине помещения стоит Пилот в серебристом комбинезоне и пилотском шлеме.

Пилот (*негромко*). Они произвели целое побоище. Изрубили весь отряд и вырвались на улицу. Тут на них навалилось сразу человек пятьдесят, пеших и конных. Они не остановились. Они шли по трупам, с ног до головы в своей и чужой крови. Первым пал Арата. Его изрешетили пулями. Максим дошел до дворцовой площади. И там, перед самым входом во дворец... (*Замолкает.*)

Кондор (*глухо*). Понятно. Тело?

Пилот (*разводит руками, вздыхает*). Мы прибыли слишком поздно.

Пауза.

Будах. Он был прав. Величина постоянная. Три и четырнадцать сотых...

Кондор. Что — три и четырнадцать?

Будах. Отношение длины окружности к радиусу... *(Опускает ладони на столешницу, поднимает голову, обводит всех взглядом.)* Да не в этом дело! Я не знаю, кто вы — боги или дьяволы. Но он не был ни богом, ни дьяволом. Он был одним из нас. Он был добрый и умный, он умел драться и веселиться, и он погиб за нас и как один из нас. И он любил стихи... Он очень любил мои стихи... Особенно вот эти... *(Встает.)*

Теперь не уходят из жизни,
Теперь из жизни уводят.
И если кто-нибудь даже
Захочет, чтоб было иначе,
Бессильный и неумелый
Опустит слабые руки,
Не зная, где сердце спрута
И есть ли у спрута сердце...

Но я всегда подозревал... *(Достает платок, сморкается.)* что сам-то он... сам-то он знал, где у спрута... сердце... *(Падает на скамью, плачет.)*

Кондор. Да, он знал. И мы знаем... Ну что ж, начнем все сначала. *(Встает.)* Павел Сергеевич!

Неизвестный в плаще тоже встает. Плащ распахивается, под ним — кольчуга и перевязь с мечом.

Неизвестный. Слушаю вас, Александр Васильевич.

Кондор. Итак, с этой минуты вы начинаете свое существование как барон Пампа дон Бау. Но прежде чем пожелать вам успеха и попрощаться с вами, вспомним заповедь, вырезанную на мраморе в актовом зале нашего Института.

«Пампа дон Бау». «Выполняя задание, вы будете при оружии для поднятия авторитета. Но пускать его в ход вам не разрешается ни при каких обстоятельствах...»

Кондор. Ни при каких обстоятельствах.

Занавес

Как нетрудно убедиться, это далеко не буквальное повторение исходной повести даже в некоторых принципиальных для сюжета моментах. Многие пришлось убрать вовсе, многое — основательно переделать, многое — дописать с нуля либо позаимствовать с определенными изменениями из других текстов АБС. Время действия в этой версии сценического Арканара — не средневековье, а скорее «мушкетерская» эпоха, в которой на смену мечам, лукам и арбалетам приходят шпаги и пистолеты с мушкетами. Для выстраивания места действия и подробностей биографии главного героя использован антураж трех произведений: «Трудно быть богом», «Обитаемого острова» и (в очень малой степени) «Парня из преисподней». Здесь действует не Антон из Института экспериментальной истории, а поневоле надевший личину Руматы Эсторского курсант Ленинградской школы высшей космогации, получивший имя Максим от главного героя ОО, а фамилию Литвинчев — от матери Авторов. Предыстория Максима-Руматы — достаточно сложная комбинация отдельных сюжетных ходов из ТББ и ОО. Кстати, параллели с последней повестью встречаются не только в прологе: например, подлый, но эффективный способ, которым Цупику удастся взять Румату без боя, напрямую заимствован из сцены захвата Максима гвардейцами ротмистра Чачу.

Для этой сценической трактовки ТББ важно, что Максим — непрофессионал. С одной стороны, он не обладает многими знаниями и умениями тех, кто специально подготовлен для

работы на этой планете, с другой — не столь безоговорочно связан жесткими императивами, включая пресловутый запрет на вмешательство. Впрочем, его предшественник Орловский не раз упоминается в этой версии пьесы в подтверждение того, что и опытным экспериментальным историкам трудно удержать разум и чувства в рамках предписанных установок. В некоторых упомянутых далее переделках «Трудно быть богом» на язык драматургии и кино эта мысль будет не только подтверждена, но даже и усилена.

Можно спорить об удачности объединения нескольких персонажей повести в одном лице, но с Будахом этот прием сработал неплохо — образ вышел ярким. (Правда, соединение в одном персонаже сразу трех — это многовато, и в поздней версии пьесы линия отца Кабани сведена к минимуму.) Сложнее получилось с Кирой. Во-первых, объединение ее с Уно привело к тому, что часть функций настоящего Уно перешла (не всегда удачно) к камердинеру Муге. Во-вторых, прием с переодеванием, если он и предполагался значимым для сюжета, в конечном итоге выглядит не особо нужным; во втором варианте, где есть и Кира, и Уно, все это сделано куда лучше.

В начале июня 1976 года готовая пьеса предоставляется для ознакомления режиссеру И. Копытману и актеру Э. Левину. 3 июня в дневнике АНС появляются три последовательных записи: «Звонил Муля. Ему пьеса НЕ понравилась», «Был у Копытмана. Он разнес пьесу вдребезги» и «Будем ждать решения театра». 25 июня в дневнике АНС появляется запись «Новые идеи относительно пьесы по ТББ». А на следующий день приходят новости из театра: «Был в Химках. Просят окончательный вариант пьесы к 25 июля».

АНС берется за переработку пьесы. Новая редакция уже не имеет подзаголовка «Человек с далекой звезды». Румата здесь — Антон Малышев, новый резидент Института экспериментальной истории в Арканаре. Явных заимствований из ОО и ПИП больше нет, но на смену им пришли другие, менее заметные аллюзии. Сцена гибели Киры, закрывающей Румату от метательного ножа, очень похожа на один из эпизодов сценария «Бойцовый Кот возвращается в преисподнюю». А аттестация, которую Румата дает Будаху («немножко поэт, немножко колдун, немножко мистификатор», а в черновых набросках еще и «отчаянный задира»), восходит к разговору Максима с прокурором («немножко химик, немножко физик... немножко подпольщик»), та же конструкция с несколько другим текстом есть и в сцене с Оканой. Впрочем, АНС не отказал себе в удовольствии взять кое-что и из совсем других книг АБС. Реплика Цупика «Молодец, маршал! А я-то думал, что ты у нас дурак!» — это, конечно, слегка измененные слова реплики Витьки Корнеева в финале «Понедельника...».

Из текста убирается огнестрельное оружие. Правда, полного возврата к атрибутике повести не происходит: стрелы упоминаются единственный раз в эпилоге, шпаги на мечи обратно не заменяются. Между прочим, в сцене захвата Руматы пистолет следовало бы заменить кинжалом — крепко держать заложника, одновременно оперев ему в бок шпагу, как-то несподручно...

По сравнению не только с прежней версией пьесы, но и с повестью существенно расширена сюжетная линия Киры — от первого ее знакомства с Руматой до гибели. Кое-какие идеи взяты даже из черновиков повести, только в пьесе Кира сама сообщает, что ждет ребенка, а прежде Румате говорил это пронизывающий Будах.

Дон Рэба выведен в новом варианте не как бездарный, хотя и удачливый, выскочка-министр при самодуре-короле, а как несколько более сложный типаж. Неплохо знающий исторические реалии разных стран АНС мог вспомнить немало политических деятелей, предпочитавших до поры реальную власть номинальной и жестоко подавлявших сопротивление как восставших смердов, так и родовитых аристократов. Касалось это не только Запада, но и Востока: из японской истории можно вспомнить, например, Тоётоми Хидэёси, который, помимо всего прочего, получил придворный ранг, по европейским меркам равный канцлеру, и при этом никак не мог похвастать аристократическим происхождением. А говоря о простолюдниках «Это о них сказано: пока склонены их вшивые головы над работой, не убивай их, но при всем том не давай им и жить», дон Рэба цитирует другого выдающегося японского диктатора — Токугава Иэясу.

Сделанные ранее наброски к пьесе АНС продолжил в той же тетради рабочими записями ко второму варианту. Прежде всего, подробно разрабатывается сцена, происходящая во второй картине первого действия в апартаментах дон Рэбы. Прямо указано, что участвующие в этом разговоре герцог и герцогиня — не местные правители, а гости из метрополии, эмиссары императорского двора. Герцогиню, судя по всему, предполагалось вывести как хитрую и ловкую интриганку. Возможно, дальше предполагалось обозначить и собственный интерес этой дамы в арканарском перевороте, но этот сюжетный ход развития не получил.

В пьесе дон Рэба остался канцлером, а герцог там только один — малолетний правитель Арканара (его даже не убили при перевороте — монастыря оказалось достаточно), а вместо заезжей герцогини появилась — в совершенно ином амплуа — дон Окана. Собеседником же Рэбы в весьма содержательной и любопытной для обеих сторон беседе стал дон Кондор.

Вот черновые наброски к этой сцене, а изредка — и к другим сюжетным линиям.

— Плодущий народ эти лавочники, и у всех у них масса младших сыновей. И все рвутся исполнить свой патриотический долг. Казне это не стоит ни гроша.

— Казне — это вам, почтенный канцлер, не так ли?

Канцлер (не отвечая): Они ненавидят баронов и презирают мужичье. Как раз то, что нам нужно. Пока они учатся. Маршируют, наводят ужас, восхищают своих почтенных родителей... В угодный императорскому величеству момент переворота я задам им кровавую баню. А затем я загоню их в казармы, приставлю к ним опытных капралов, и через год-другой...

Герцог: Да вы настоящий реформатор, почтенный канцлер!

Канцлер: К услугам императорского величества.

Герцог: Ну что ж, мой повелитель вами доволен. И вот первый знак его благоволения.

Герцог подходит к окну, канцлер за ним.

Герцог: Бог мой, что это за ужас?

Канцлер: Мои серые роты, герцог. Мой инструмент в борьбе за интересы императорского дома.

Герцог (брезгливо): Ну и сброд...

Канцлер: Ничего, зато преданны и жадны, как собаки. Главным образом, младшие отпрыски среднего сословия — лавочников, мясников, скотовладельцев...

Народ. Мужики и ремесленники — о них же сказано: пока склонена их нечесаная голова над работой, не убивай их, но при всем том не давай и жить. А коль скоро головы поднимут, убивай без пощады, как бешеных волков. Их удел от рождения и до смерти — работа на господина, болезни и невежество. И кто пожелает переменить этот свыше определенный порядок, тот повинен смерти как смутьян и разрушитель установления. А таковыми являются грамотеи, математики и сочинители, особенно последние, ибо о них сказано: язык твой — враг мой...

Герцогиня (смеясь): Но ведь вы тоже грамотей, почтенный канцлер!

Канцлер (смущенно, затем находится): Не всякий грамотей — враг установления, прекрасная дама. Врагом является грамотей-мечтатель, грамотей-растлитель, грамотей-умник! Умные нам не надобны. Надобны верные!.. Вот и я собираюсь повергнуть к стопам императора рассуждения о новом государстве...

Герцогиня: Увольте нас от ваших рассуждений, канцлер. Давайте лучше...

Герцог (внезапно заинтересовавшись): Одну минутку, милая дама. Что это вы там о новом государстве, почтенный?

Канцлер (оробев): Собственно... Суть моего рассуждения весьма проста, мой герцог. Она в трех установлениях, если благоугодно это будет моему повелителю... (Останавливается.)

Герцог (подпирает голову рукой, возводит очи горе): Ну?

Канцлер: Их всего три: слепая вера в непогрешимость императорской власти, беспрекословное оной повиновение, а также неусыпное наблюдение каждого за всеми.

Герцог: Гм... Каждого за всеми — это вы хорошо... Гм... Впрочем... Хорошо, пока оставим это. Мой повелитель...

Проходят серые роты.

Новости:

1) Что магистр.

2) Что герцога нет.

Эмиссар императора (как Альба).

Герцогиня.

Канцлер (Рэба).

При дворах Империи эта новость будет встречена с удивлением. Почему вы раскрываете карты?

Я не раскрываю карты. Я показываю зубы.

Приводят Арату: Сволочь! Предатель! — В башню его. Пытать. Завтра утром — сжечь живьем на углях. Императору будет любопытно взглянуть на знаменитого разбойника. — Нет. Я его возьму с собой в столицу.

Так вы знакомы? О да. В юности мы были даже друзьями.

Сцена с награждением Орденом Трех Начал. — Но, принимая во внимание все обстоятельства, орден останется у нас, пока наместник императора в Княжестве Арканарском не займет подобающее ему место. Сами понимаете, появляться с таким орденом в опочивальне князя было бы опрометчиво. А вот и более существенное: золото.

— Какие затруднения?

— Видите ли... → переход к вопросу о Румате.

Шум. Окна озаряются вспышкой.

Что такое? Арату утащил дьявол! Все залилось адским светом, сверкающее чудовище пало с небес, распахнуло над нами непомерные крылья, подхватило мятежника и вместе с ним исчезло...

Герцог задумчиво глядит на канцлера.

Канцлер (задыхаясь, прижимая руки к груди): Нет, нет, мой герцог... Клянусь жизнью... Я ни при чем... Для меня это тоже как гром с ясного неба!

Герцог: Хорошо. Впрочем, я еду.

Герцогиня: Я остаюсь.

Несколько секунд они смотрят друг на друга.

Герцог: Правильно. Я доложу повелителю о вашей преданности.

Выходит. Канцлер бросается его проводить, стук копыт. Канцлер возвращается.

Герцогиня (Канцлеру): Так вы говорите, дон Румата Эсторский? Женщина против дьявола? Что ж, посмотрим, кто кого...

1) Будах.

2) Приближение свержения узурпатора.

Где-то в 1-м акте — появление землянина-разведчика. Его сношения с Руматой.

Герцогиня под видом дочери Цурэна просит убежища у Руматы.

Канцлер признается, что он, кроме всего прочего, еще и Боевой Магистр Святого Ордена, но у Ордена мало сил, и приходится стараться обойтись своими.

Проскрипционный список, в т. ч. барон Румата Эсторский.

1) Проскрипционный список.

2) Арата разбит.

3) Почему ваше преосвященство — секрет раскрыт, показывает зубы.

4) Кондор собир<ается> уезжать.

5) Бегство Араты.

6) Шлюха.

Далее выстраивается последовательность событий от инструктажа до похищения Араты. На будущую пьесу похожи первый, второй и последний эпизоды. Наиболее подробно прописанная

сцена с Цурэнном и Аратой в Пьяной Берлоге не понадобится, да и сам Цурэн в пьесе введен не будет. Останется за кулисами и то, как и когда Румата узнал о пленении Араты: совместных сцен Руматы, Киры и Будаха будет даже несколько, но они посвящены более поздним событиям.

«Пьяная берлога».

1. Инструктаж: Кондор, Румата, Пилот.
2. Харчевня в постоялом дворе: Хозяин, Будах (алхимик?), Цупик, Кира, Румата, Арата под видом нищего.
3. «Пьяная берлога»: Румата приводит Цурэна, знакомство с Аратой. (В «Пьяной берлоге» Арата нападает на Румату (у Руматы золото), беседа, разбойники приводят беглого Цурэна. А Румата пришел в «Берлогу», чтобы переправить Цурэна! Румата договаривается с Аратой, что в «Берлоге» укроется Будах.)
4. Комната Руматы: Муга, Румата, Кира, Будах, известие о взятии Араты.
5. Резиденция Рэбы: Герцог, Рэба, Арата, похищение Араты.

В записях есть также схема (см. с. 12 вклейки), где на горизонтальной линии (времени действия) помечены по краям: слева «бог», справа «человек», линия разделена на «1-й акт» и «2-й акт»; в 1-м акте последовательно — «вмешательство (Арата)», «знания (Будах)», «любовь (Кира)», во 2-м — «осквернение рук (Цупик)», «кровь (последняя схватка)».

Намечены добавления в сцену инструктажа. Поскольку Антон здесь — вновь назначенный резидент, которому еще предстоит внедрение в Арканар, вводятся подробности, не имевшие смысла в варианте с Руматой-Максимом. Пьяная Берлога позже станет Угрюмой Берлогой. Про Цурэна уже говорилось выше, не появится в новой пьесе и Муга.

Инструктаж, «Пьяная берлога».

1. В избе под полом сейф. В нем найдешь: ранцевый птицелет, полевой синтезатор, приемо-передатчик для прямой связи с нашей полярной базой и с Землей. Все на случай бегства, на случай бедности, на случай сомнений.
2. Нельзя: вмешиваться, опускаться до ненависти, проливать кровь, обзаводиться чем-либо дорогим. Вмешиваться — помогать местной науке и местной социологии.
3. НЕ СОЗДАВАТЬ ЛЕГЕНДУ!

Цурэн без памяти боится Арату: тот пытается, сжигает живьем.

Муга становится слугой Руматы, из пособников Араты, бывший камердинер какого-то барона, у него заповороли сына, самого повесили за ноги.

Последние страницы заметок посвящены еще одной новой сцене — появлению Руматы на постоялом дворе «Серая Радость». Брат Киры пока что выведен под прозвищем Рябой, он же требует первоначально у Руматы подорожную. Такое прозвище носил один из штурмовиков в пьесе Зинчука, но там это совсем другой персонаж. Видимо, чтобы избавиться от заимствования, сын трактирщика получит потом имя Аба, оказавшееся свободным, ибо оригинальный персонаж в пьесе не вводился. Интересно, что погибает потом рядовой штурмовик Аба в пьесе примерно при тех же обстоятельствах, что и брат Аба в повести.

Хозяин.

Его сын — штурмовик Рябой.

Его дочь — служанка Кира.

Рябой подсовывает Киру Цупику.

Горбатый нищий с клюкой и в лохмотьях.

— Ты что это, скотина горбатая, жрать здесь расположился? Пшел вон!

Горбатый (Кире): Мне бы пивка кружечку да хлебца с требухой...

Хозяин: Много нынче горбатых да увечных развелось. Арата вот тоже горбатый, опять, говорят, зашевелился, уже два замка баронских сжег, под самой столицей рыщет.

Рябой: Ничего, поймаем, недолго ему рыскать...

Рябой (Румате): Подорожную предъявите. (Он недоволен, что Румата любезничает с Кирой.)

Будах: Ты же неграмотный, хам! Зачем тебе подорожная?

С самого начала беседуют Хозяин, Лавочник и Рябой.

Лавочник сдает Румате дом. Верхний этаж.

После ухода нищего Будах хохочет: Это же и был Арата!

— Что ж ты не сказал?

— А мне за это не платят — мятежников ловить!

— Дурак, тыщу золотых награды!

— Ну и подавись своими золотыми...

Не сразу АНС определяется с тем, кто, собственно, является на постоянный двор — сам Рэба или сошка помельче — Цупик. Поэтому отсутствующая далее первая реплика снабжена пометкой: «Или это с Цупиком? Или это с Будахом?»

Рэба:

Румата: Имею рекомендательные письма. Надеюсь быть представлен ко двору великого герцога и быть принятым в гвардию.

Рэба (Цупик): Письма давайте мне. Герцогу нужны верные люди. Зайдите через недельку в мою канцелярию.

Румата (с удивлением): Вам? Но я вас не знаю, дражайший. С какой стати?

Затем следует возврат к сцене инструктажа: целую страницу занимает разработка беседы Руматы с Кондором о Будахе. Пробуется множество вариантов отдельных фраз, пока буквально по кусочкам не собирается текст, который включен в пьесу. Фрагмент, связанный с Орловским, содержал убранные позже подробности и выглядел сначала так.

Румата: Да, знаю. Орловский переводил его... «Как лист увядший, падает на душу...» Но он, конечно, не подозревал...

Кондор: Ты все-таки не считай Орловского за сосунка, Антон. Для Будаха он был капитаном роты арбалетчиков, и только...

Далее продолжается разработка событий на постоянном дворе.

Эпизод с колечком для Киры:

— Золотое! Настоящее, хвостом тя по голове!

— Дай-ка... И верно! И камушек, хорош камушек, ох, хорош.

— Ужинать буду у себя, наверху. И прислуживать мне будет... (Смотрит на Киру, та опускает голову, нервно перебирает передник.) Вот ты и будешь прислуживать. Вместе с папашей. Ты будешь блюда подавать, а он тараканов будет отгонять. А братец твой пусть здесь с гостями...

Эпизод с тараканами. Начинает Будах.

И наконец, на обложке содержащей все эти материалы общей тетради фиксируется новый список действующих лиц в порядке выхода на сцену — практически полный. В окончательном виде персонажи будут размещены по их значимости в пьесе, к ним добавится Неизвестный из эпилога.

В архиве Авторов сохранились также два любопытных материала. Первый — это подробные рекомендации кого-то из театральных работников по начальным сценам нового варианта. Уцелели первые три странички (их явно было больше), где довольно подробно изложен новый вариант начала пьесы. Под приветствия толпы через зрительный зал на сцену входят штурмовики. Далее появляется Румата с цитатой из Абеяра, следом идет сцена с доном Кондором (здесь акцент сделан на психологический рисунок диалога, в том числе на предупреждение о «предельном напряжении совести»). После этого на краю сцены для штурмовиков проводится что-то вроде политзанятий, а обрываются заметки началом сцены в «Серой Радости».

Второй материал — результат попыток АНС учесть эти предложения и замечания, хотя события идут не совсем в предложенном порядке. Позже этот текст был сильно сокращен: от сцен со штурмовиками осталось буквально несколько строк, а в диалоге Руматы с Кондором опущены некоторые любопытные детали.

Пролог второго варианта пьесы выглядел сначала так.

ПРОЛОГ

По проходам через зрительный зал под «Марш Серых рот» шагают два отряда штурмовиков. Это разнокалиберные молодцы в возрасте от 16 и выше, красные от старания идти в ногу, одетые в форменные серые рубахи ниже колен, подпоясанные веревками, с голыми голеньями, в громадных башмаках-говнодавах, с ухватистыми мясницкими топорами на правом плече.

Крики толпы:

— Любо, любо, Серые роты!

— Любо!

— Братья! Вот они, защитники! Разве эти допустят?

— Да ни в жисть! Любо!

— Любо, орел наш дон Рэба!

— А мой-то! На правом краю! Вчера еще его порол!

— Да, братья, это вам не смутное время! Прочность престола, спокойствие!

Любо, Серые роты!

— Любо, дон Рэба! Слава доброму герцогу нашему!

— В нос твоего герцога! В монастырь молокососа! Любо, дон Рэба!

— Любо!

— В монастырь герцога! Любо, орел наш дон Рэба!

— Любо, Серые роты!

Хором декламация:

— Мужичье — в кровь!

— Мастеровщину — в угол!

— Баронов — на фонарь!

— Грамотеев — на кол!

— Любо, орел наш дон Рэба!

— Любо! Любо! Любо!

Штурмовики поднимаются к порталам, сбиваются в две кучи и с чем-то возятся. И вот над их головами поднимаются двое повешенных — страшно истерзанных полуголых тела.

Занавес раздвигается.

На середине сцены стоит Румата в современном костюме: в спортивных брюках и свитере. Руки сложены на груди, голова опущена. За его спиной отблески пожаров, отдаленный гул толпы.

Румата: То были дни, когда я познал, что значит: страдать; что значит: стыдиться; что значит: отчаяться...

Штурмовики с топотом проходят мимо него и исчезают за кулисами. Под повешенными собираются несколько растрепанных женщин, старых, молодых и совсем девочек. Они плачут, рвут на себе волосы, раздирают одежды.

Зарево пожаров становится ярче, гул толпы громче.

Рядом с Руматой появляется истерзанный Гаук в цепочной петле на шее, с разбитым в кровь лицом.

Гаук:

Теперь не уходят из жизни,
Теперь из жизни уводят.
И если кто-нибудь даже
Захочет, чтоб было иначе,
Бессильный и неумелый
Опустит слабые руки,
Не зная, где сердце у спрута
И есть ли у спрута сердце...

Все ярче зарево пожаров, все громче гул толпы, слышны истерические крики: «Огня! Еще огня! Больше огня! Любо!»

К ногам Руматы подползает Кира в длинной ночной сорочке. В груди у нее арбалетная стрела, наконечник высовывается из спины между лопаток.

Кира: Спаси, спаси нас! Нам бы хоть как-нибудь да пожить!

Зарево меркнет, рев толпы постепенно стихает, и тогда из тьмы раздается мужской голос, тяжелый и усталый:

— Должен вас предупредить вот о чем. Выполняя задание, вы будете при оружии для поднятия авторитета. Но пускать его в ход вам не разрешается ни при каких обстоятельствах. Ни при каких обстоятельствах. Вы меня поняли?

Сцена погружается во тьму.

Занавес

На авансцену выходит десяток штурмовиков, топоров при них нет, зато у каждого в руке книжечка в сером переплете. Они садятся по-турецки в ряд, раскрывают книжечки, одни принимают нервно перелистывать, другие задирают глаза к потолку и бормочут наизусть, раскачиваясь, двое затевают свару — толкают друг друга пудовыми кулаками. Среди них Аба, громадный детина с инфантильной физиономией.

Входит лейтенант Серых рот в узком сером мундирчике и широких серых штанах, заправленных в щегольские сапожки. В одной руке у него трость, в другой — серая книжечка. При его появлении все замирают.

Лейтенант: Ну-с, начнем. Выучили?

Штурмовики отзываются испуганным нестройным хором, что да, выучили.

Лейтенант (берет трость под мышку и раскрывает книжечку): Рад. Но проверим. Итак: кто есть герцог?

Хор: Светлое величество!

Лейтенант: Кто есть министры?

Хор: Верные, не знающие сомнений!

Лейтенант: Кто есть дон Рэба?

Хор: Горный орел наш... *(менее уверенно)* ...ослепительный твердостью и непреклонностью... *(совсем вразнойой)* ...ведущий к блистательной цели... *(упавшими голосами вразноголосицу)* ...не шадящий... не садящий... не водящий...

Лейтенант: Стой! Молчать!

Тишина. Лейтенант неторопливо берет трость в правую руку и идет вдоль строя. Головы штурмовиков втягиваются в плечи, спины сгибаются в дугу.

Лейтенант *(тихо, но отчетливо)*: Кретины. Подонки. Безмозглые скоты. *(С силой опускает трость на голову одного из штурмовиков. Тот взвизгивает и хватается за ушибленное место.)* Сколько буду повторять вам, что титулование есть начало и конец преданности и усердия? Орел наш дон Рэба из грязи вас поднял, возвеличил неимоверно до преданнейших слуг своих, вы бы без него сгнили бы за вонючими прилавками своими, нечистые отцы ваши запороли бы вас вусмерть, а вы... Ты! *(Бьет тростью по согбенной спине Абы.)* Кто есть дон Рэба? Живо!

Аба *(обморочным голосом)*: Горный наш орел...

Раздается тревожный звук трубы. Штурмовики с облегчением вздыхают, спины распрямляются.

Лейтенант: Тревога. Встать! *(Штурмовики вскакивают на ноги.)* По местам бегом... марш!

Со страшным топотом штурмовики убегают за кулисы. Лейтенант неторопливо следует за ними.

Занавес поднимается.

Разговор Руматы с Кондором в раннем варианте начала пьесы довольно близок к окончательному виду, но есть и некоторые любопытные различия. Помимо мелких разночтений (вроде того, что отдельные реплики Антона позже отданы Кондору, поскольку в его устах выглядят убедительнее), в пьесе сокращены два фрагмента, которые ниже приводятся в исходном виде.

Кондор не только давал Румате рекомендации по месту временной остановки, но и снабжал подорожной.

Кондор: Коня я тебе приготовил... *(Достает из кармана под плащом сложенный лист бумаги.)* Вот твоя подорожная: «Следует из Соана в Арканар по собственным надобностям...» и так далее. Подписано имперским консулом и мною. В Арканаре не устраивайся сразу капитально. Есть там постоянный двор, «Серая Радость» называется. Как тебе такое название? Остановишься первоначально там. Оглядишь, послушай, немножко себя покажи... так, самую малость...

В свою очередь Антон, получив информацию об оборудовании, сообщал резиденту Земли, что привез еще кое-что полезное.

Румата: Понятно. Спасибо. Ну, и я вас кое-чем обрадую...

(Достает из коврового мешка массивную золотую цепь с крупным изумрудом, вправленным в среднее звено, и тонкий золотой обруч с граненым алмазом посередине.)

Кондор *(без особого интереса)*: Что это?

Румата: Новинка. Скрытые телекамеры. *(Протягивает цепь Кондору.)* Это вам, для ношения на груди. *(Надевает обруч себе на голову поверх волос, поправляет алмаз над*

переносицей.) А это мне. Все, что видит и слушает носитель, фиксируется, передается на Полярную базу, а оттуда — на Землю, прямо на телескоп Института. Изрядно придумано, правда?

Кондор (*прячет цепь за пазуху*): Чего только они там в Институте не придумают... Если бы это хоть немного помогало...

Румата: Что?

Кондор: Ничего, я так... Деньгами тебя снабдили?

В процессе работы АНС над вторым вариантом пьесы Авторы обмениваются мнениями и о ней самой, и о своих планах в драматургии. АНС 12 июля 1976 года пишет: «Мой вариант принят за основу, но просят его расширить за счет лирической части (у меня 50 страниц, они просят по меньшей мере 80)». Далее приводится мнение Ю. Смелкова как театроведа о первом варианте «Без оружия»: «Очень не Шекспир, но на уровне современной серятины». БНС на это отреагировал 18 июля: «Мы в Шекспиры и не лезем. Наше дело в театре пока (я подчеркиваю — ПОКА) маленькое. СБТ тоже было, прямо скажем, не Уэллс». 23 июля АНС высказал мысли о каких-то других пьесах по произведениям Авторов, но эта часть письма не сохранилась, в отличие от ответа БНС, датированного 26 июля: «Пьесой мы с тобой еще займемся обязательно! Найти бы желающего на инсценировку зМЛДКС. По-моему, это очень камерно и сценично. А пока как-нибудь уж добей ТББ-С. Хрен с ним, с Шекспиром — были бы наличные!»

30 июля АНС записывает в дневнике, что пьеса закончена на 85-й странице. Именно эта редакция и представлена в первом разделе данного тома Собрания. Но история самой инсценировки еще далека от завершения.

В дневнике АНС появляется несколько записей с мнениями тех, кто читал второй вариант пьесы. 13 августа: «Да, вчера вечером звонил Муля, сказал, что пьеса удалась. <...> Только что звонил Смелков. Его не удовлетворяют в пьесе три момента: а) в диалоге Рэбы и Руматы так и нет попытки продать душу дьяволу; б) донна Окана по существу лишняя; в) Арата не может быть таким дураком, чтобы погибнуть впустую. Любопытно, что я испытываю такие же ощущения, хотя воспринимал это как чисто сюжетные недостатки. Переправлять или не стоит? Подождем».

А дальше началась обычная для советских культурных учреждений эпопея с уточнениями, согласованиями и — как следствие — требованиями новых переделок. В дневнике АНС в этой связи мелькают имена Копытмана, Соколова, Левина, Ларина, предполагаются поправки с учетом приведенных выше замечаний Смелкова, упоминается некая рецензия из Министерства культуры (видимо, не особо доброжелательная). Вот несколько дневниковых записей за последние месяцы 1976 года. 25 октября: «Сейчас Ларин звонил: Жоре Соколову ставить дадут. Самому ему пьеса не нравится. Рецензию считает глупой. 28-го совещание не у них, а он сам ни слова против пьесы не проронит. И предлагает новый договор». 6 ноября: «Только что закончил сокращения и переделку пьесы. 8-го утром к Соколову, будем читать». 30 декабря: «Вчера был у Жоры Соколова. Пьесу нач<али> репетировать. Сдал ее в Детгиз на распечатку до 5-го. 6-го идем в Мин<истерство> культуры РСФСР к Подгородинскому».

Все это продолжается и в 1977 году. 5 января АНС записывает, что считал 3-й вариант пьесы «Без оружия». Поскольку он не сохранился, судить о его особенностях удастся только по записи от 10 января: «Звонил Подгородинский Валерий Васильевич. Не в восторге от пьесы, но кое-что он дал понять: а) Цупика надо сделать более серьезной фигурой, б) Румату менее наглым по отношению к Будаху (с его подсказками)». А когда пьеса уходит в Главлит, там увязывают свое разрешение с получением одобрения из Управления культуры Мособлисполкома, где работает некая Соловьева, которую в пьесе что-то категорически не устраивает. Чтобы внести исправления, нужны внятные претензии, а их месяц за месяцем не удается добиться...

21 декабря 1977 года АНС записывает в дневнике: «Звонил новый худлит из театра. Сообщил (по поручению Жоры, конечно), что получены наконец ценные указания от этой твари из облисполкома: не нравится ей, видите ли, что советский человек Румата равнодушен к судьбам угнетенных в Арканаре. Я потребовал, чтобы взяли у облисполкома письменное подтверждение этого требования, а тогда будем говорить. Впрочем, и тогда не будем говорить, пока не утрясется с деньгами». 4 января 1978 года появляются новые подробности: «Только что были у меня из театра — главреж, режиссер-постановщик, худрук и художник. <...> Они принесли претензии от облисполкома. Чепуха, конечно, работы на два дня. Но отвратно, что тянули почти полгода. Договорились, что числу к 10-му сделаю им требуемые вставки, тогда они перепечатают, и, надо надеяться, облисполком пошлет пьесу в Главлит». АНС готовит, согласно дневнику, семь с половиной страниц вставок, а 13 января пишет брату: «Сделал для пьесы вставки, которые требовали кретины из отдела культуры облисполкома. Сделал, понукаемый отчаянными воплями театралов, уже позавчера. Но тут как раз вопли смолкли, и никто за вставками не является. Обыкновенная история».

Что стало потом с этими дописками — неизвестно, но еще несколько месяцев проходит в попытках добиться, чтобы пьесу разрешили хотя бы репетировать, а Авторы получили те деньги, которые им положены по договору. 9 сентября АНС записывает: «Звонил вчера Подгородинский Валерий Васильевич из Мин<истерст>ва культуры по поводу пьесы. Обещался все выяснить — заставить театр заплатить, а также отдать пьесу в Лит и на размножение для ТЮЗов». 27 декабря 1978 года сообщается, что пьеса наконец прошла Главлит, и лишь в конце апреля 1979 года министерство переводит деньги в Московский областной драмтеатр, а через несколько недель следует окончательный расчет с Авторами.

Это можно считать формальным завершением основной части театральной истории, хотя и в последующие годы время от времени в дневниковых записях АБС появлялись сообщения, что тот или иной режиссер заинтересовался инсценировкой ТББ и просит рукопись. Насколько можно судить, в подобных случаях предлагался второй вариант — последний, который можно без особых натяжек назвать авторским. Впрочем, БНС изначально не особо жаловал эту инсценировку (в онлайн-интервью от 28 мая 2002 года он открыто говорил, что «перечитывать не хочется — я никогда не любил этой пьесы»), да и у АНС о связанных с этой работой событиях остались, надо думать, не лучшие воспоминания. Так или иначе, полноценной Авторы считали единственную пьесу — «Жиды города Питера», написанную не ради денег, а по внутренней потребности.

А теперь следует отступить по времени немного назад и возвратиться из театра в кино.

Первые упоминания о том, что в сотрудничестве со Стругацкими заинтересована киностудия имени Горького, появляются в дневнике АНС в ноябре-декабре 1976 года. А 7 января 1977 года АНС записывает: «Был в студии им. Горького. Предлагают писать заявку на ТББ. Режиссер — Ирина Яковлевна Тарковская — 1-я его жена». Заявка эта была подготовлена на следующий день под рабочим названием «Человек спускается в ад» (в прежнем варианте названия для театра «Жаворонок» фигурировала «преисподняя», но у Авторов вышло уже два произведения с названием, содержащим это слово). В течение пары недель ситуация остается неопределенной (как записывает АНС 21 января, «на студии из-за ТББ трясутся, но надежды еще не утрачены»), но 25 января в дневнике появляется запись: «Договор сегодня подписан, «Человек спускается в ад». Уже есть кое-какие наброски. Начало: испытание Руматы в полярной пустыне — и выстрелы, и белый медведь, и ледяная вода».

В начале февраля возникают серьезные разногласия между самими Авторами, которые как раз съехались для работы над новой повестью. БНС настаивает, что приоритетным должен быть возврат к работе над ТББ с А. Германом, АНС дает себя уговорить, но ситуация ему не нравится. Представление об этих спорах дает дневниковая запись АНС от 6 февраля: «...4-го вообще не работали, ибо 3-го получился из студ<ии> Горького договор на ТББ, а мы такие морально-высокие, что нам стыдно перед Германом, и потому тогда же, 3-го, послана была телеграмма на ст<удию> Горького с просьбой аннулировать договор. 4-го утром встревоженно позвонила Погожева, договорились по моему возвращению попробовать «Малыша». Провалиться всему этому. Нет уж, сценарии буду отныне писать один. <...> Теперь если совместно, то только классику. «Малыш» — пожалуйста. Все вне программы — мое». Пишется заявка на «Малыша», но через несколько дней конфликт удается преодолеть. 15 февраля АНС записывает: «Самое главное — по моему звонку Борис говорил с Германом и сообщил, что писать ТББс можно. <...> С Ириной встречаемся в четверг с утра и начинаем работать». Начало этой работы запланировано на середину марта, а тем временем БНС в письме брату от 24 февраля подробнее излагает мнение Германа: «Он, конечно, ни на чем не настаивал, ибо считает, что в нынешнем виде ТББ-С невозможен. Возможен только облегченный («пионерский») вариант (с красными галстуками и митингом). О студии, как я тебе уже говорил, он мнения крайне низкого, но считает, что надо «хватать и рвать когти»».

В марте получен аванс. При работе над новым сюжетом требовалось взять все лучшее из предыдущих попыток адаптации ТББ, но не переписать буквально, а придумать что-то новое. Это удается не сразу, и 9 марта АНС записывает: «Есть отдельные мыслишки, а в целом — не получается». Непростым оказалось и совместное обсуждение сюжета с Тарковской и оператором Сергеем Приймаком. 15 марта АНС записывает: «4 часа с Сергеем втроем ломали голову над сюжетом ТББ-С». Далее следует примечательная пометка: «Завтра, 16-го, к Тарковск<ой> с пьесой». Видимо, идея обратиться к пьесе оказалась плодотворной, ибо дальше дело идет более успешно. 23 марта АНС отмечает: «Написал план ТББ-С — первый день Руматы». А с начала апреля начинается уже подготовка самого сценария.

Рабочие материалы АНС по сценарию, фигурирующему в официальных документах то под названием повести, то под двойным заголовком «Трудно быть богом» («Человек спускается в ад»), размещены на нескольких страницах записной книжки. Здесь, как и в случае с набросками к пьесе, формальный порядок записей далеко не всегда соответствует времени их появления. Более того, не всегда удается понять, к какой версии сценария сделаны конкретные заметки, поскольку полностью сохранилась всего одна — и достаточно поздняя. Далее эти наброски просто

выстроены в наиболее приемлемой логической последовательности, а при их чтении надо учитывать, что представления АНС о сюжете по ходу работы неоднократно менялись.

Самая первая по порядку запись озаглавлена «Подвиги Руматы». В последующем списке под первым пунктом нет ничего, а прочие выглядят так.

2. Спасение лаборатории Будаха (покупает ее на глазах у Цупика).
3. Освобождение Араты.

Далее АНС начинает записывать, начиная с пролога, порядок развития событий. У главного героя — новое имя, не совпадающее ни с какими прежними адаптациями ТББ (позже, впрочем, он станет Антоном Ковалевым).

Пролог: пиратская галера подбирает Саню Головина, его заковывают и ставят на весло рядом с Уно.

На соседней странице уточняется, что из себя представляет Уно.

Уно — Татик.

Слуга и товарищ по пиратскому плену — человек со шрамом, лет 20-ти, увалень, деревенщина.

После слова «ТИТРЫ» АНС начинает расписывать конспект сюжета, но прерывается, добавляя следующий текст.

Сразу трое в одном месте: Канцлер, дон Кондор и Румата. Дон Кондор в качестве нового полномочного посла от Торговой Республики.

План основного действия разбит на отдельно пронумерованные блоки. Нетрудно убедиться, что здесь немало заимствований из второго варианта пьесы «Без оружия», причем не только из окончательного текста, но и из предварительных набросков.

1. Саня Головин въезжает в Арканар с Уно. Столкновение с серыми, которые тащат вешать мастерового. Встреча с доной Оканой. Она, кокетничая с Руматой, отпускает мастерового и дает по монете штурмовикам. Один из штурмовиков — Аба, брат Киры.

2. В кабаке. Почти по пьесе. Знакомство с Будахом. Будах приглашает Румату к себе в лабораторию.

3. Канцлер, Окана и Кондор. Штурмовики.

4. Румата представляется юному герцогу и канцлеру. Поимка Араты.

5. В лаборатории Будаха. Селитра, сера, уголь.

К первому пункту на соседней странице дается пояснение, где вместо Оканы упоминается сестра герцога. (В окончательном сценарии все-таки осталась Окана.)

а) Герой освобождает схваченного ремесленника от штурмовиков.

б) Встреча с сестрой-любовницей герцога.

в) Разгром книжной лавки.

Ниже здесь следует помета: «Духовое ружье».

На новой странице приведен другой план начала сценария.

1. Проезд ген<ерального> посла.

2. Герой смотрит со второго этажа, встречаются взглядами, оба недоумевают: где я его видел?

3. Посол у герцога. Беседа, сообщение о разгроме мятежников. Парад серых.

4. Вечер, встреча с Будахом. Освобождение ремесленника. Трактир «Серая радость». Драка с серыми. Прервана шестивьем: ведут закованного главаря мятежников.
5. Герцог и главарь мятежников.
Приход девушки из трактира.
6. Освобождение мятежника и заодно мятежного барона.
7. Посол находит во дворе остаток снаряда.
8. Полярная база. Разговор с руководителями о пилоте, погибшем год назад.
9. Первый разговор с мятежником. Он отсиделся у героя, подлечился и уходит.
10. Сестра герцога подстраивает опасность, от которой герой ее спасает.

Под не прописанные пока пункты оставляется место, последний пункт нумеруется условно.

n) Ночь длинных ножей. Истребление баронов в городе. Захват героя.

Еще ниже подписано: «После освобождения мятежника герцог и посол начинают охоту за героем. Каждый со своей целью».

На следующих страницах — более поздний план, где дано и дальнейшее развитие сюжета.

1. Сцена освобождения Араты. Рэба лично сменяет караул. Вид кольца планеты. Стражник плюет через парашют. Внизу — далеко внизу — фигурки стражников. Вертолет, ослепительный свет фар. Румата сбивает замок подобием электрической паяльной лампы.

2. Кладбище землян на полярной станции. Стальные плиты с именами. Комментарии Кондора. Инспектор-теоретик. Слушает, расспрашивает, уверен в своей правоте. Диалог. В частности, о государстве Ордена. Инспектор уходит в подземелье, а Кондор — в люк субмарины.

3. Румата на большой дороге. Виселица, женщина, обнимающая основание виселицы.

Титры.

4. Марш штурмовиков. Толпа, воет. Дон Рэба инкогнито. Бьют человека, кот<орый> кричит, что у нас есть герцог. Монахи за спиной дон Рэбы.

5. Пробуждение Руматы от грохота сапог. Утро Руматы. Уно.

6. Дуэль. Дон Рэба смотрит из укрытия.

7. Дон Румата у Гаука. Посылает Уно с запиской к Будаху. Развлечение с Киной и Гауком.

8. Штурмовики громят лабораторию, уводят Будаха. Дон Рэба наблюдает.

9. Уно прибегает, сообщает о Будахе. Румата спешит. Взрыв. Румата и Рэба. Рэба: «Я восхищен, дон Румата». Уходит. По дороге замечания по поводу повешенных (слишком низко).

10. А м<ожет> б<ыть,> между <пунктами> 5 и 6 первое посещение Араты.

Тогда встречные монахи привлекают внимание Руматы, он замечает, что они вооружены.

10-а. Окана?

11. Появление Пампы. Пьянка.

Несколько разрозненных записей касаются сцен, до которых предыдущий план не доведен. Для разговора Руматы с юным герцогом в ранней версии сценария кое-что взято из пьесы, только там Румата разговаривал с Киной.

В сцене с юным Герцогом:

а). Сказка (вот это уж не бывает).

б) Почему я вам все время верю?

в) Прощание с герцогом, которого вызывает вдовствующая герцогиня.

Про сказку поясняется: «Ту, которую вы всегда рассказывали». А ниже часть будущего диалога расписана подробнее.

— Вы ее кому-нибудь рассказывали?

— Нет... Никто не поверит...

— А разве вы верите?

— Но это же совсем другое дело. Я тоже знаю, что это сказка, но... одно дело, когда рассказываете вы, а другое — когда я. Вы рассказываете, как будто вы сами из этой сказки.

Есть и еще один набросок к какой-то сцене с герцогом.

Герцог: Я постараюсь поскорее вернуться, благородный дон Румата.

Румата: Прощайте, ваше высочество.

Герцог с удивлением смотрит, пожимает плечами, машет рукой и уходит.

В сохранившейся версии сценария никакого герцога в Арканаре уже нет — ни заезжего, ни местного, там это королевство, как в повести.

Еще несколько записей, сделанных, видимо, уже на более позднем этапе работы, относятся к общей проблематике сценария и к его концовке.

В предпоследней сцене на планете остаются не только Румата и Кондор, но и множество другого народа.

«Прощайте, земляне».

1. Эксперимент над экспериментатором.

3. Совесть против долга.

3. Этот эксперимент не вовремя. Слишком рано? Нет, слишком поздно.

4. Кондор же выдержал!

Боюсь, что нет. Только по-другому.

Чувство долга прорвало все табу, построенные в душе коммунистическим воспитанием, и он покатился в социальном смысле назад, к психологии наших великих предков, людей огня и железа.

И, наконец, АНС сделал пометки по рассмотрению сценария, причем, судя по тексту, эта «шпаргалка» предназначалась для кого-то из участников обсуждения.

1) Я знаю сценарий, и у меня высокое мнение.

2) Если проявит интерес, то сказать, что Ларин гонит и превышает объем по манере записи и даже Ларин просил меня отредактировать, хотя для первого чтения лучше читать так как есть.

3) Если не проявит, то молчать.

Главным и, если не считать приведенных выше заметок, единственным текстологическим источником по сценарию является копия полной чистой машинописи одного из вариантов. Но он был далеко не первым, и его появлению предшествовала работа, занявшая несколько месяцев.

14 апреля 1977 года АНС записал: «Закончил 1-й (или 0-й?) вариант ТББ(с) на 66-й стр<анице>». 17 апреля он сообщает брату: «15-го отвез режиссеру, а 16-го она мне позвонила и сказала, что все сносно, есть даже отдельные удачи, но слишком обнажена концепция в избытке разговоров. Договорились, что она даст конкретные замечания, а я (или мы) по этим конкретным замечаниям быстренько пройдемся, дадим машинистке на распечатку и затем сдадим на студию. Впечатление такое, что студия очень заинтересована в сценарии и желает получить его поелику возможно скорее».

В мае 1977 года Авторы совместно работали над несколькими сценариями, в том числе и по ТББ. 15 мая АНС в дневнике АНС записано: «Вчера был у Ирины Тарковской. То, что мы сделали с Борисом, подвергнуто разгрому. Присутствовал Сережа. <...> Сегодня написал эпизоды № 1 и № 3

(пьяная берлога). Завтра повезу Ирине». 18 мая АНС сообщает брату: «ТББ(с) творю. То, что мы сделали, пришлось наполовину похерить. Все-таки это самая трудная сцена — в Пьяной Берлоге. Теперь она, кажется, получилась, слава богу. Во всяком случае, режиссер больше претензий не имеет, и я двигаюсь дальше». Дневниковая запись от 22 мая: «На сегодня сделано 19 эпизодов — включит<ельно> до побоища в опочивальне и пленения Руматы. На этом сделать бы конец 1-й серии». 27 мая подведен итог: «Сегодня закончил сценарий ТББ на 31-м эпизоде. Банзай!»

Но у режиссера опять есть претензии (хотя, по словам АНС, она считает, что «легко все довести»). Исправленный вариант сценария завершён 8 июня 1977 года. Дальше, как водится, начинаются обсуждения на уровне студийного руководства. Итоги состоявшегося 20 июня худсовета АНС на следующий день охарактеризовал так: «Ублюдочное редсовещание: <...> Много слов и ни слова правды. Любопытно, что из существенного все замечания именно те, против которых восставала Ирина: подальше от книги и т. д.». Сценарий предложено сократить (в первую очередь за счёт избыточных диалогов), цели появления Руматы на планете уточнить, а приключенческий элемент — усилить.

АНС 21 октября пишет брату: «Вчера закончил второй официальный вариант ТББс, сегодня несу к режиссеру. Надоел он мне (сценарий), больше работать над ним не стану». БНС 28 октября ответил, что при необходимости готов помочь: «По поводу ТББ-С не отчаивайся. Приедешь к нам, посидим недельку, и все будет ОК».

9 ноября в дневнике АНС появляется важная запись, которая приводится без сокращений: «Был у Тарковской. Просидели с нею и Сережей Приймаком не два часа, как я рассчитывал, а более четырех. Всё, что они сделали и предложили, — дерьмо. Впрочем, перестановка сцены в «Серой Радости» из середины сценария в начало мне приглянулась. Главное препятствие — совершенно непонятно, зачем Рэба устраивает спектакль с королем и лже-Будахом. От этого все недоразумения и колебания. Я ушел разочарованный и рассерженный, и вдруг, уже в метро, меня осенило: Рэба устраивает Румате ловушку. Показывает ему лже-Будаха в «Серой Радости», затем — во дворце, изрядно потрепанного и побитого (якобы), и как бы между прочим «проговаривается», что держит «Будаха» в Веселой Башне. Он рассчитывает, что дьявол-Румата решится освободить Будаха тем же путем, как Арату. И Румата, возможно, так и поступил бы, но Рипат неожиданно предупреждает его, что это не Будах. И вот ночь, Веселая Башня, настороженные самострелы и баллисты, монахи-охранники... лже-Будах, прикованный цепью, жрет поросенка и пьет винцо... ночь проходит, и ничего не случается. Румата спит у себя в доме. Впрочем, ему известно, что настоящий Будах все-таки в руках у Рэбы... Завтра по телефону предложу эту схему. Если согласятся, хорошо. Нет — надо думать, как выбраться из этой истории». Задумка излагается режиссеру и получает одобрение, однако затем вносятся коррективы: сначала провокация развивается по плану, но затем Румата, не решившись нарушить полный запрет руководства на действия, «выходящие за пределы сил и средств среднего обитателя этой планеты», идет на дежурство, где его и захватывают — как в повести.

19 ноября АНС записывает: «Добил ТББс. Выкинул сцену с Киуном (экономия места) и сцены с Гуrom и прокуратором (идеологические соображения)». Доработанный второй вариант — это как раз те 92 страницы машинописи, которые сохранились в архиве Авторов и представлены в томе 22 данного Собрания.

Поскольку работа над сценарием в целом завершена, теперь нужно, чтобы он успешно преодолел всяческие инстанции, предшествующие запуску фильма в производство. АНС пишет брату 5 декабря 1977 года: «ТББс читает начальство. Обещают дать ответ к концу недели. Судя по голосу и тону Тарковской (я говорил с нею по телефону), дело не очень хорошо». В ожидании худсовета БНС 20 декабря года замечает в письме: «Жду информацию. Полагаю, во всяком случае, что нам кобениться сейчас, пожалуй, не пристало. Скажут переделывать, надо переделывать, особенно, если подкинут денег. Понадобится — приеду».

В редзаклучении от 21 декабря говорится: «Мы прочитали Ваш сценарий «Трудно быть богом» и считаем, что Вами проделана определенная работа — точнее обозначился жанр, приключенческий, повествования, выявились ситуации, в которых герой может проявить себя как человек смелый, ловкий, сильный, развитие событий приобрело некоторую последовательность. Это позволяет нам принять этот вариант сценария как второй». Разумеется, были и замечания. Вот некоторые из них: «Требование невмешательства не объяснено ни с научной, ни с философской, ни с нравственной точки зрения. Правильность этого требования не только не подтверждена дальнейшим ходом событий, но и опровергается действиями Руматы и в особенности поступком Кондора в финале. <...> Румата меньше всего выглядит в сценарии как ученый-исследователь. Он действует как некий резидент, засланный в какую-то отнюдь не дружественную страну, задача которого до поры до времени ничем себя не выдать (отсюда требование невмешательства) и побольше разузнать (требование наблюдать). <...> Образ Будаха, борьба за которого составляет сюжет сценария, опять-таки только декларирован. <...>. Кроме

этого в сценарии больше действует, следовательно, и запоминается лже-Будах. Непонятно неожиданное появление Киры, да и вся лирическая линия требует разработки и уточнения».

24 декабря 1977 года после общения с И. Тарковской АНС записывает: «Предложено претензии официального письма во внимание не принимать; делать сразу режиссерскую разработку в качестве 3-го варианта (ее либо примут на студии, либо Тарковская пошлет ее на свой страх и риск в Госкино)». На следующий день уточняется: «Третий вариант договорились писать сразу как режиссерский и на две серии, причем отвечать за него будем уже не столько мы, сколько И. Тарковская. Я буду писать диалоги и сценические повороты, этим наша ответственность и ограничивается».

Дневниковых записей АНС, касающихся сценария, в 1978 году было сделано много, и вот лишь малая их часть. 14 февраля: «Был у Тарковской. Там боль-мень просто. Черти ее мучают относительно первой трети сценария и сцены во дворце. Дала свой (с Сережкой) черновик и план. Полагаю, работы на неделю. Ну, дней на десять». 7 марта: «Встретился с Тарковской и С. Приймаком. Договорились: они будут писать киносценарий по 2-му варианту с внесением «приключенческих» поправок, к концу марта покажут мне, я исправлю орфографические ошибки, и они представят сценарий Бирюкову и Ростоцкому. Есть шансы, что сценарий в таком виде будет принят как окончательный вариант». 26 апреля: «Звонила Тарковская. <...> Она дала сценарий (какой? мой? или они с Сергеем все же что-то намалевали?) Ростоцкому, тот одобрил и прямо передал Павленку». 15 мая: «Звонила Тарковская. Студия приняла сценарий, о чем будет письмо. Сценарий перепечатывается и отдается в ГосКом для приказа на запуск».

Сценарно-редакционная коллегия действительно одобряет третий вариант, о чем сообщает Авторам 30 мая 1978 года: «Мы ознакомились с третьим вариантом Вашего сценария «Трудно быть богом» («Человек спускается в ад») и считаем возможным принять его как литературную основу для киносценария (новая форма работы над сценарием, предшествующая написанию режиссерского сценария). Необходимую дополнительную работу — сокращения, некоторые уточнения и др. — которую мы должны подробно оговорить с Вами, будем Вас просить провести в процессе написания киносценария». Это означало, кстати, что за сценарную работу Авторы получают деньги полностью.

А судьба фильма решается летом 1978 года — и здесь повторяется история с «Бойцовым Котом...». До вторжения в Афганистан еще год с лишним, но у тех, кому это положено по должности, решимость пресекать аллюзии всегда на высоте. 18 августа АНС записывает: «Сегодня звонила Тарковская. <...> ТББс сняли с производства, в лучшем случае на план выпуска 1981». Год спустя продолжается то же самое, и АНС 14 июня 1979 года записывает: «Звонил Борецкий. Поручил узнать, почему Павленок вычеркнул второй раз ТББ из плана студии Горького. Он в свою очередь предложил сходить к Павленку». 24 августа АНС пишет брату: «Борецкий сообщил, что Павленок отвергнул (вычеркнул из плана) не только ТББ, но и «Бойцовый Кот возвращается в преисподнюю». Придется, наверное, идти — выяснять отношения». БНС, впрочем, к этой новости отнесся философски, ответив 30 августа: «Что Павленок отвергнул ТББ-С и «Бойцового Кота» — в конце концов, плевать. Жила эта вычерпана, а какого-нибудь ах!-фильма из этого все равно не получилось бы. Конечно, потиражные...»

Собственно, на этом история фильма закончена, а больше Стругацким сценарной работой по ТББ заниматься не пришлось. А вот вопрос, получилось бы что-то или нет из данного сценария, довольно интересен. Да, любой придирчивый зритель или читатель всегда найдет во всяком фильме или сценарии то, что не устраивает лично его. (Кому-то может не понравиться, например, что в этом сюжете более скромное место занимает Кира, а кто-то, напротив, сочтет это правильным.) Да, история кино являет множество примеров того, как изначально удачный сценарий бывал безнадежно испорчен в процессе съемок по разным причинам, включая личные амбиции режиссера. Да, отечественное кинопроизводство являло собой структуру громоздкую, заорганизованную и подверженную множеству нелепых запретов, так что даже от хорошо снятого фильма после «доведения до кондиции» могли остаться рожки да ножки. И тем не менее...

Можно ли представить фильм по этому сценарию кассовым блокбастером мирового уровня, как это тщился сделать П. Фляйшман? Едва ли. Можно ли вообразить его выдающимся образцом авторского кино, восторженного принятым гурманами-кинокритиками? С трудом. А вот в то, что он мог бы оказаться яркой и любимой зрителями экранизацией Стругацких, поверить можно.

Поскольку сценарий публикуется в следующем томе Собрания, скажем несколько слов лишь о финале этой несостоявшейся киноверсии ТББ, отличающейся от всех прочих сценариев и пьес, равно как и от обоих снятых фильмов. Именно такая концовка — без попыток неуместного «хэппи-энда», но и без скатывания в грязь — выглядит, возможно, самой близкой к книге не по букве, а по духу. Эстафету после гибели Руматы принимает Кондор — но уже не как землянин, и весь Мировой Совет не в силах ему воспрепятствовать. «Господин генерал, разрешите доложить! Кавалерия Святого Ордена блокировала Приморский тракт, пехота укрепляется на берегу Серебрянки! Арата приказал передать, что готов ударить им во фланг точно в условленное

время!..» Это, разумеется, не канонические Стругацкие, но здесь по-прежнему их мир и их герои. Очень жаль, что мы не увидим этого на экране. И очень хорошо, что это можно хотя бы прочитать.

Этот проект закрывается в 1979 году, а меньше чем через год неожиданно возникает новый: за дело энергично берется режиссер Карен Шахназаров. АНС сообщает брату 27 марта 1980 года: «Горьковский сценарий закрывают, в «Мосфильме» открывают — максимально приближенный к тексту повести. Режиссер соответственный, протащил это дело мгновенно через Ермаша, Сизова и др. <...> Учти: сценарий новый, независимый, финансово полностью свежий». В письме АНС от 5 мая ситуация излагается подробнее: «“Мосфильм” выкупает у студии Горького сценарий, новый вариант пойдет как доработка, нам ничего не платят. Однако Шахназаров САМ будет писать сценарий, нам остается только литобработка (редактирование, дополнения, сомнения и прочие целевые указания). В случае же перезаключения договора на двухсерийный фильм мы получаем за вторую серию. Полагаю, справедливо. <...> Честно говоря, я рад: ужасно не хотелось снова браться за ТББ». БНС отвечает 9 мая: «Ситуация с Шахназаровым меня вполне удовлетворяет. Мне тоже не больно-то хотелось бы опять засаживаться за ТББ-С». Позже, 11 июля, БНС пишет: «Обязательно напиши впечатления от шахназаровского сценария. Эх, сделать бы ТББ по-нашему! Эти режиссеры ни хрена не понимают все-таки ни в фантастике, ни в нашей работе». 19 июля АНС сообщает брату: «Впечатление о ТББс — самые приятные. Шахназаров сделал поистине великолепную штуку: взял текст ТББ и, практически не прибавив ни слова, изъял из него текст ТББс — не изъял, конечно, а извлек. Эффект при чтении получился ошеломляющий. Сейчас он распечатывает и передает Алову и Наумову (это руководство студией 4 «Мосфильма»). Уверяет, что единственный уровень, где сценарий может застрять, — это Госкино».

Однако ближе к осени все тормозится. 28 августа АНС записывает: «Прислали отписочное заключение, что сценарий не принят, с сопроводителькой, что это ничего не значит». Еще несколько месяцев неразберихи — и запечатленный 29 декабря в дневнике АНС финал: «Звонил Шахназарову. Сценарию конец. Признано, что несвоевременно. Надо писать о расторжении договора». Чуть позже, 7 января 1981 года, в письме соавтору АНС поясняет: «С «Мосфильмом» (ТББс) все объяснилось проще, чем я думал: там у них какие-то нелады со студией Горького, а также кто-то опять объявил ТББ опасным произведением (там же на «Мосфильме»)». Удивляться тут особенно нечему: дело происходит вскоре после начала афганской войны...

В 1982 году обсуждаются два проекта экранизации ТББ — многосерийные телефильмы на творческом объединении «Экран» и на киностудии «Беларусьфильм». С «Экраном» дела не складываются, а приступить к работе с минскими кинематографистами не удастся из-за того, что интерес к экранизации ТББ проявляет руководитель западногерманской кинофирмы «Аллилуйя» Петер Фляйшман, и руководство Госкино СССР решает это начинание всячески поддержать.

Углубляться в подробности последующей длинной и, без преувеличения, скандальной истории нет необходимости, достаточно обозначить лишь самые существенные моменты. Сначала Авторы не допускали до работы над сценарием, позже они уже отказались от этого сами, ограничившись продажей права на экранизацию. Им очень хотелось бы воспрепятствовать этой затее, но попытка расторгнуть навязанный договор успехом не увенчалась. Дальше Стругацкие сочли за благо от этого проекта убраться, пытаясь по мере возможности следить только за тем, чтобы фильм снимался по хотя бы относительно вменяемому сценарию.

Получив в конце ноября 1983 года первый вариант сценария, АНС оценил его в дневнике так: «Сценарий оказался совершенно неприемлем для советского зрителя — по жестокости, натурализму, смакованию зверств — и совершенно неприемлем для Стругацких-сценаристов по полной безыдейности и беспроблемности». Об одном из более свежих вариантов АНС записал 26 ноября 1984 года: «Вчера прочитал сценарий ТББ Петера Фляйшмана и Даля Орлова при участии Жан-Клода Карьера и Марио Кребса. Сценарий — г..., однако придраться идеологически не к чему. Впрочем, будем уповать на мастерство Фляйшмана».

Кстати, сам фильм как образчик кинопродукции определенного типа АНС понравился, и после предварительного просмотра 3 ноября 1989 года он написал: «Могучая картина. Фляйшман — мастер, это несомненно». Что касается БНС, он эту историю позже излагал в офлайн-интервью (9.01.1999) так: «АБС очень хотели и настаивали, чтобы фильм делал советский режиссер, желательно Алексей Герман, но <...> им было сказано, что снимать будет немец Фляйшман, а если они будут трепыхаться дальше, все пути в отечественную кинематографию им будут перекрыты навсегда. И они (после нескольких месяцев бесплодных склок и переговоров с начальством некоей организации под названием Совинфильм) сдались. Единственное, что им удалось — отразить сценарий, написанный крупным киношным чиновником Далем Орловым. Сценарий, написанный Фляйшманом, был дерьмецо, но он в то же время был шедевром Возрождения в сравнении со сценарием Д. Орлова». Конечный же результат БНС оценил в том же интервью (29.06.2002) следующим образом: «Фляйшман попытался сделать триллер вместо

философской притчи, это во-первых. А во-вторых, вкуса у него в изображении «будетлян» явно не хватило, — получилась лажа и лабуда».

Видимо, это все, что следовало сказать о западногерманской киноленте. Более или менее приличные кассовые сборы фильм получил, у определенной части зрителей интерес вызвал, а катастрофического урона репутации Авторов не нанес. Кроме того, исполнение давней мечты Авторов (особенно БНС) об экранизации «Трудно быть богом» с участием Алексея Германа представлялось возможным даже тогда. Однако, если изложить ситуацию кратко, закрыть проект Фляйшмана в пользу своего Герман не смог, о совместной работе не договорился, а снимать собственный фильм параллельно с фляйшмановским не стал. И дело было не только в несопоставимом финансовом обеспечении проектов. Вот запись в дневнике АНС 28 ноября 1987 года: «Приехали Германы. Беседа о ТББ-С. <...> Нерешительность, не знают они, что положить в основу сюжета, как и где строить декорации». Предполагалось, что Герман и Кармалита напишут сценарий, а БНС окажет им помощь. Но использовать старые наработки с косметической правкой режиссеру было уже неинтересно, а новая концепция еще не сложилась.

Возврат к идее этого фильма стал возможен только в конце девяностых годов, когда Герман смог определиться, что же он хочет снимать и какие силы и средства способен привлечь. В 1999 году был готов новый сценарий, сохраняющий, несмотря на все изменения, еще многие узнаваемые черты первоисточника, но к этой работе АБС не имели уже никакого отношения.

Информация со съемочной площадки не раз заставляла задуматься, что получится в итоге и много ли в фильме останется от Стругацких. Однако БНС неизменно надеялся на лучшее. Вот пример из офлайн-интервью (26.06.2000): «Что же касается Германа, то я уверен, что он создаст произведение значительное, — хотя, может быть (и даже наверняка!), достаточно далекое от нашего романа». А на вопрос, есть ли юридическая возможность при необходимости запретить работу над фильмом, БНС отреагировал в офлайн-интервью (8.07.2000) достаточно благодушно: «Во-первых, я не верю, что Герман способен так уж прямо изуродовать роман. Во-вторых, отношения наши таковы (все-таки мы знакомы больше 30 лет), что ни при каких обстоятельствах не стану я затевать против него судебную тяжбу. В крайнем случае, обматерю его вполне по-дружески, — на том все и закончится».

Представления режиссера о будущем фильме претерпели большие изменения и в процессе занявших несколько лет съемок. Сценарий Германа и Кармалиты, опубликованный в 2008 году под названием «Что сказал табачник с Табачной улицы», отличался от их же предыдущего сценария значительно, а от первоисточника — принципиально. Новый вариант названия, кстати, не вызвал энтузиазма у БНС, прокомментировавшего это в офлайн-интервью (8.02.2009) так: «В нашем сценарии его и в помине не было. Плохое название. Теперь он еще называет это кино как-то вроде «Арканарской резни». Лучше, но тоже плохо. И чего ему неймется? Чем ТББ нехорошо?»

Основные съемки завершились в 2006 году, монтаж и озвучка заняли еще несколько лет, а экранную версию не успели увидеть ни БНС, ни сам режиссер. В окончательном виде фильм опять получил название «Трудно быть богом», но, если отвлечься от сходства имен и сюжетных линий, мало похож на повесть. Это не экранизация, а оставшаяся полностью внятной, видимо, только самому режиссеру притча, безжалостная к зрителю и к литературному первоисточнику. Последнюю работу Германа можно считать сколь угодно значительной, но, если судить по мнениям о фильме не критиков, а обычных читателей и зрителей, он не пришелся по душе тем, кого интересует, что сказали Стругацкие, а не табачник с какой-то улицы.

И еще немного — о публикациях. Что касается сценариев, к написанию которых Авторы реально имеют отношение, то уцелевшие фрагменты раннего варианта сценария, делавшегося в шестидесятые годы для «Ленфильма», ранее печатались только в первом томе серии «Неизвестные Стругацкие» (2005), а сценарий, написанный десять лет спустя для Ирины Тарковской, не публиковался до настоящего времени вообще.

О публикациях пьес БНС в офлайн-интервью (12.01.2004) говорил: «На самом деле мы написали только одну полноценную пьесу: «Жиды города Питера, или Невеселые беседы при свечах». <...>. Все прочее писалось (если писалось) главным образом для денег, и нигде, насколько я знаю, не публиковалось». Это не совсем так — публикации были. Другое дело, что Авторы к ним интереса не проявляли, так что практически все издания пьес по ТББ — результат инициативы поклонников творчества Стругацких, в том числе и составителей этого раздела.

Первый вариант пьесы был напечатан — во избежание путаницы с более поздним вариантом — под измененным названием «Человек с далекой звезды (Без оружия)» в 1991 году в специальном выпуске новокузнецкой газеты «Пресс-курьер» (№ 10). Здесь не обошлось, к сожалению, без досадных лакун, и если во второй картине отсутствует только предшествующая эпилогу ремарка, то в конце первой картины потери гораздо больше — здесь нет части разговора Руматы с Аратой и всей сцены с Кирой перед нападением штурмовиков. Полностью этот вариант публиковался всего один раз — в упомянутом выше томе серии «Неизвестные Стругацкие».

Второй вариант пьесы впервые увидел свет в журнале «Народное творчество» в 1991 году (№№ 7–11), а затем в томе «Киносценарии» серии «Миры братьев Стругацких» (1998, с несколькими последующими перепечатками). Интересных разночтений там не было — мелкие опечатки (в каждом случае свои собственные), и не более того.

Больше ни в одном книжном издании АБС пьеса представлена не была. Утверждая состав томов собрания сочинений «Сталкера», БНС вычеркнул «Без оружия» из перечня предложенных к публикации пьес и сценариев, чем подверг, между прочим, сомнению свою же фразу о «наиболее полном собрании сочинений». Впрочем, о том, что к разным вариантам адаптаций ТББ для кино и театра Авторы относились далеко не одинаково, речь уже шла. Можно полагать, например, что ранний сценарий для А. Германа, сохранись его текст полностью, был бы в собрание «Сталкера» включен. Но публикационная история, как и всякая другая, не знает сослагательного наклонения. А то, что сохранилось и может быть представлено читателю сейчас, входит в различные тома нынешнего Собрания как пусть не основная, но важная и достойная уважения часть творческого наследия братьев Стругацких.

Подготовлено: С. Бондаренко, В. Казаков

II. Публицистика

Опубликованное

1975

Аркадий Стругацкий Завтра утром выпадет снег

Молодой дальневосточник (Хабаровск). — 1975. — 29 нояб. — Интервью Ю. Шмакова.

Недавно гостем нашей редакции был писатель-фантаст Аркадий Натанович Стругацкий. Творчество братьев Стругацких хорошо известно любителям фантастики. Сегодня мы публикуем интервью с А. Н. Стругацким.

Наверное, у каждого любителя фантастики (и литературы вообще) есть свой любимый писатель, за творчеством которого внимательно следишь, очередной книги которого ждешь с нетерпением. Мир, созданный воображением писателя, становится и твоим миром, ты свободно ориентируешься в нем, тебе понятна образная система писателя, ты получаешь наслаждение от стиля, герои писателя реальны для тебя и близки, быть может, не менее, чем для их создателя. Книги любимого писателя становятся для тебя, в определенном смысле, своеобразными учебниками жизни.

Такими вот «своими» писателями для меня являются Аркадий и Борис Стругацкие.

В выпуске «Фанта» этого года мы уже публиковали интервью с А. Н. Стругацким, присланное по нашей просьбе Иланом Полоцком, ведущим «Клуб любителей фантастики» на страницах латвийской газеты «Советская молодежь».

Поэтому я старался, чтобы мое интервью не повторяло интервью И. Полоцка, но как бы дополняло его.

1. — Ну, начнем с главного. Аркадий Натанович, ваша формулировка термина «фантастика»?

— Скажем, такая: «Фантастика — это литература о столкновении вчерашнего человека с завтрашним днем, который он сегодня творит». Автор этой формулировки не я, а известный литературный критик, доктор исторических наук Бестужев-Лада. Согласитесь, точнее не скажешь. Я могу только вкратце расшифровать. У большинства людей психология «вчерашняя» просто потому, что она меняется медленнее, чем развиваются наука и техника.

— Следовательно, задача фантастики...

— ...В том, чтобы подготовить его, подвинуть «вчерашнюю» психологию. Никто — и фантасты тоже — не знают, что ждет нас в будущем. Не только в космосе, но и на Земле. Может быть, перевернется вверх фундаментом здание МГУ, может быть, мы узнаем, что привидения существуют... Это шутка, но я просто хочу сказать, что в будущем нас могут ждать совершенно неожиданные явления... Можно предложить формулировку Лема — задача фантастики в том, чтобы подготовить человека к чудесам грядущего. Чтобы человек более мягко ощутил столкновение с новым миром. Самая мягкая реакция здесь — удивление. Кстати, немного не по поводу разговора — не правы те, кто утверждает: «Самое прекрасное в человеке — способность удивляться». Если только одно

удивление — он пропал! Интерес, пытливость, стремление познать, объяснить — вот что должно быть! Вот что мы должны воспитывать в человеке.

— *Аркадий Натанович, мы говорили о человеке со «вчерашней» психологией. А есть ли люди с психологией «сегодняшней», которые подготовлены к будущему, хотя бы в небольшой мере?*

— На мой взгляд, такие люди есть. Крупные научные работники, например. Сфера интересов этих людей широка, они эрудированы в области гуманитарных наук, у них очень высок культурный уровень.

— *Крупные научные работники — это люди старшего поколения. А молодые — могут ли они быть «сегодняшними» — в том смысле этого слова, о котором мы говорим?*

— Молодые люди должны готовиться к этому. Задача может быть поставлена так: человек в возрасте 20–30 лет должен твердо не бояться огромного мира знаний, стремиться урывать время от узкопрофессиональной деятельности для выработки широкого взгляда на мир, для постижения того гигантского духовного богатства, которое создано.

— *Если я вас правильно понял, главное место в образе «сегодняшнего» человека должны занимать духовные ценности?*

— Да.

— *И давний спор между «физиками» и «лириками»...*

— Безусловно, это все не серьезно.

— *А спор в периодической печати о том, что такое интеллигентность?*

— Интеллигентность — это мировоззрение, а не принадлежность к какому-то профессиональному слою. Характерные черты интеллигента — стремление к знаниям, практическое бескорыстие, неуспящая забота о судьбах общества, к которому он принадлежит, стимулом деятельности которого он является.

Из этих высказываний писателя можно составить хотя бы общее представление о том, каким братья Стругацкие хотели бы видеть человека сегодняшнего и будущего, какого человека воспитывают они своими книгами. Поговорим о книгах.

2. Я читаю книги Стругацких около десяти лет. И вижу, как уверенно идут писатели от «приключений тела» к «приключениям духа», как усложняются проблемы и образная система, как меняется главный герой книги. Сильный, все понимающий и ироничный Горбовский... Антон-Румата, многого не понимающий, но в критической ситуации выбора между долгом и человечностью предпочеший человечность...

— *Что думает Аркадий Натанович по этому поводу? Кто самый любимый из героев для братьев Стругацких сегодня?*

— Все-таки Горбовский. Для меня главное в нем вот что — при всех обстоятельствах он верен одному — не стратегии, не тактике, а любви к людям, к Земле. Да и не расстались мы с ним — он вновь появился в «Малыше». А смена героев, о которой вы говорите, — как-то не задумывались над этим. Выбор личности главного героя диктуется замыслом книги.

— *Продолжение вопроса. Какие из произведений наиболее дороги вам сегодня?*

— Сейчас это «Пикник на обочине» и наша новая книга «За миллиард лет до конца света», которая готовится к печати.

— *А почему именно «Пикник»?*

— В «Пикнике» нам важен не сам фантастический «пикник пришельцев» и связанные с ним загадки, а вполне земной Рэдрик Шухарт. Жизнь его мяла, до того домяла, что человек потерял способность формулировать — что ему нужно, чтобы он стал счастливым. Он достоин огромной жалости — ведь он человек! Кстати, элементы необычных ситуаций работают на Рэдрика, на раскрытие его образа, воскресшие мертвецы, например, понадобились, чтобы показать трогательную любовь Рэдрика к отцу.

— *Есть в «Пикнике» один, на мой взгляд, интересный персонаж — Красавчик. Он дошел до точки, противоположной «точке» Рэдрика. От сытой, благополучной жизни к пониманию «счастья для всех. И чтоб всем досталось поровну». Стоит ли за Красавчиком какой-то конкретный тип современной западной молодежи? «Хиппи», например?*

— Нет. Я не люблю «хиппи». Красавчик — просто мальчик, от скуки, от давящей мерзости жизни пришедший к пониманию — если не все вокруг счастливы, не можешь быть счастливым и ты. Вот и все, без каких бы то ни было аналогий.

— *А «За миллиард лет...», ваша новая работа — о чем она, в нескольких словах?*

— Мы стоим на пороге великих открытий. Возникают силы космического характера, которые препятствуют работе героев книги, могут раздавить героев и их близких в случае, если они будут противиться и продолжать работу. Их выбор?

(Замечу в скобках, что проблема выбора всегда была для героев Стругацких очень важной — вспомним «Попытку к бегству», «Трудно быть богом», «Далекую Радугу», «Отель “У погибшего альпиниста”» и многие другие вещи.)

— *Значит, и в новой работе верность теме?*

— Да, для нас эта проблема по-прежнему важна и интересна.

— *Мы говорим, в основном, о ваших недавних работах. Но между «Пикником» и «За миллиард лет» вышла еще одна повесть — «Парень из преисподней». По мнению многих любителей фантастики и литературных критиков, эта повесть слабее предыдущих вещей, в чем-то повторяет уже найденное.*

— Возможно. Вообще-то сначала был сценарий, хотя повесть в нынешнем виде никакого отношения к нему не имеет. Как обманутый, задурманенный мальчишка из «Гитлерюгенда» поведет себя в мире, о котором он представления не имеет, в мире иных отношений. Это «Трудно быть богом» наоборот. И вот он возвращается на родную планету. Помните, чем кончается повесть — Кот помогает вытаскивать из грязи санитарную машину.

— *Но, может быть, это еще не осознанная Котом необходимость переустройства всего общества, а движение души, проблеск...*

— Тот, кто пытался вытащить машину, увязшую по оси в вязкой грязи, поймет, что это. Это не проблеск, это уже суть.

— *Аркадий Натанович, чтобы закончить разговор о ваших последних работах и перейти к следующей теме, о которой мне с вами хочется поговорить, — о сегодняшнем состоянии современной фантастики, задам традиционный вопрос — над чем вы сейчас работаете?*

— Сейчас мы с братом пишем новую книгу. Называться она будет «Стояли звери».

— *И о чем она?*

— Говорить о незаконченной работе — плохая примета.

3. *В последнее время среди любителей фантастики все чаще можно услышать разговоры о кризисе (очередном?) этого вида литературы. Меньше стало выходить фантастических сборников, да и те, что выходят, не очень интересны. Наши издательства выпустили почти все шедевры зарубежной фантастики XX века: лучших ее представителей — Брэдли, Азимов, Саймак, Лема и др., и сейчас выходят переводы их ранних или не очень значительных произведений, например, «Город» К. Саймака, который после зрелых вещей «Все живое...», «Заповедник гоблинов» кажется несколько слабее. Многие наши фантасты пишут вещи развлекательные — приключения на неизвестных планетах, космические конфликты, роботы и т. п., т. е. на темы, достаточно отработанные в фантастике. Скажем, в этом году, кроме «Завтрака для чемпионов» Курта Воннегута, опубликованного в журнале «Иностранная литература», просто не о чем говорить.*

— *Что думает по этому поводу Аркадий Натанович?*

— Расчленим предмет разговора на «мало выходит книг» и «кризис жанра». Книг действительно выходит мало. У фантастики нет своего издательства, изданием ее занимаются и «Мир», и «Молодая гвардия», и «Детская литература». В идеале, хорошо, если было бы специализированное издательство, литературно-художественный журнал фантастики и киностудия научно-фантастических фильмов. Но это уже из области фантастики, а жаль — ведь интерес читателей, особенно молодых, к фантастике огромен, а удовлетворить его мы не можем.

Что же касается «кризиса жанра», что ж, слабые, мелкотемные книги писались и выходили во все времена и в скором времени забывались. Не стоит уделять им большого внимания. Но ни о каком кризисе не может быть и речи. Мнение это обусловлено крайней неосведомленностью. Как у нас в стране, так и за рубежом существуют когорты писателей-фантастов, которые углубленно разрабатывают проблемы личности и общества, философии и науки в их самом общем виде.

За окнами редакции глубокий вечер. Пора кончать разговор. Мы выходим на улицу, сияют огни, закончился последний сеанс в «Совкино», люди торопливо спешат на автобусные остановки, на ходу обсуждая «Афоню», огромное черное небо над нами, и я вдруг на секунду ощущаю себя частичкой этого необъятного, загадочного и все-таки великолепного мира, о котором нам известно так много — и так мало. Легкий морозец. Завтра утром выпадет снег, но мы еще не знаем об этом...

Ю. Шмаков

Аркадий Стругацкий Времена чудес добрых и «жестоких»

Тихоокеанский комсомолец (Владивосток). — 1975. — 23 дек. — Интервью М. Никитина.

Пожалуй, нет нужды представлять читателям, особенно любителям фантастики, творчество братьев Аркадия и Бориса Стругацких. Оно стало неотъемлемой частью фантастики не только советской, но и мировой. Согласно опросу, проведенному несколько лет назад, «Трудно быть богом» является самым популярным фантастическим произведением в нашей стране.

Итак, Аркадий Натанович Стругацкий, один из крупнейших советских мастеров, работающих в самом, наверное, молодом жанре литературы...

— Не говорите так: «самом молодом». Все-таки именно с фантастики началась вся мировая литература. На заре цивилизации, когда науки как таковой еще не было, люди не могли объяснить мир рационально. И придумывали свои объяснения — сказки, мифы, легенды. Кстати, некоторые исследователи считают, что сегодня фантастика выполняет несколько сходную функцию.

Да-да, не удивляйтесь. Сейчас человечество переживает сложное время — научно-техническую революцию. И создается парадоксальная ситуация. С одной стороны, люди делают потрясающие открытия, строят удивительные машины. С другой — большинство понятия не имеет, как устроены простейшие бытовые электроприборы, не говоря уже о телевизоре... В век НТР мир вокруг нас меняется с такой ужасающей быстротой, что современному человеку трудно разобраться в нем до конца. И тут на помощь приходит фантастика — литература, которая напоминает нам о том, что существует гигантский мир — мир завтрашнего дня. Она непрестанно, назойливо утверждает мир грядущего в нашем сознании, готовит нас к нему. Помните, как закончил Станислав Лем свой блестящий роман «Солярис»: «Я твердо верил в то, что не прошло время жестоких чудес».

— *Следовательно, писатели-фантасты, опять же говоря словами Лема, должны не только «рассуждать о будущих розах»? Ведь в будущем человечество может столкнуться с трудностями, о которых сейчас даже не подозревает?*

— Сталкивается уже сейчас. «Жестокие» чудеса — оборотная сторона НТР. Кто сорок лет назад думал о мегатонных атомных бомбах, тридцать лет назад — о радиоактивном заражении океанских вод, двадцать лет назад — о таких страшных темпах засорения окружающей среды? вспомните, каких усилий стоило спасти от загрязнения Байкал. Не случайно проблема сохранения экосферы волнует не только советских и зарубежных ученых, но и всю мировую общественность. А задача писателя-фантаста — написать книгу о том, например, как в некоторой галактике мыслящие существа превратили в помойку целую планету. Причем так написать, чтобы люди переживали не за какой-то далекий мир, а за свой собственный.

— *Получилось, что мы сразу заговорили о проблемах фантастики. И все же я задам вопрос, который принято задавать литераторам в первую очередь: как вы начали писать?*

— Честно говоря, мне надоело рассказывать эту историю, немного похожую на анекдот. Писать мы начали... на пари. В 1956 году, после демобилизации из армии, я был у брата в Ленинграде. В тот день мы гуляли по Невскому — моя жена, Борис и я. Причем, мы с Борисом дружно ругали фантастику того времени — и ненаучная она, и ситуации в ней нежизненные... Наконец жене моей надоело нас слушать, и она заметила, что ругать-то мы все мастера, а вы попробуйте сами написать лучше! Мы с Борисом вызов приняли, и через некоторое время появилась «Страна багровых туч». Отнесли в «Детгиз». Год ничего не слышно, второй... И вдруг мы узнаем, что «Страна» стоит в плане, нам нужно срочно вычитывать гранки. И с тех пор, как говорится, пошло...

— *Значит, «Страна багровых туч» была вашим дебютом?*

— Не совсем так. Это был наш первый с Борисом научно-фантастический роман. Я же начал писать еще раньше, на Дальнем Востоке, где в начале 50-х годов служил переводчиком с японского языка. Коренные дальневосточники, наверное, помнят трагедию рыбацкой шхуны «Счастливый Дракон», попавшей в зону испытания американской водородной бомбы. Японских рыбаков накрыло радиоактивным пеплом. В моем распоряжении были материалы об этом случае, и мы в соавторстве с Львом Петровым написали повесть. Она называлась «Пепел Бикини» и была опубликована в журнале «Дальний Восток», в 6-м номере за 1956 год.

— *Вопрос, может быть, тривиальный: как обычно рождаются ваши произведения, что служит толчком к написанию книги?*

— Бывает по-разному. Иногда тема рождается сразу. К примеру, повесть «Малыш» — ведь кроме темы «космического Маугли» в ней ничего нет. А получилась эта вещь так. Мы с братом однажды размышляли о лучших сюжетах в мировой литературе. Вспомнили «Гаргантюа и Пантагрюэля», «Дон-Кихота», потом что-то еще, потом «Маугли» Киплинга. И сразу стало интересно — каким был бы человеческий детеныш, воспитанный не диким зверем, а представителями чужой негуманоидной цивилизации?

Но чаще тема приходит не сразу, а «ступеньками». Как-то мы с Борисом на загородном шоссе увидели чуть в стороне от дороги свалку, такую, какую оставляют после себя некоторые туристы. Борис постоял, подумал и сказал: «Интересно, как на все это смотрят муравьи». Через некоторое время эта мысль всплыла, трансформировалась, приобрела более законченную форму, и мы сели за работу. Получился «Пикник на обочине» — повесть о том, что фантасты называют Посещением. На Землю прибыли космические пришельцы, очень скоро и по неизвестной причине покинули ее, оставив в разных местах планеты Зоны Посещения, то есть попросту кучи инопланетного барахла. Причем все эти «пустышки», «комариные плешки», «черные брызги», «смерть-лампы» — вещи, совершенно непонятные земной науке, вообще не похожие ни на что земное. Но это не мешает им оказывать столь же непонятное, губительное действие на человека.

Небольшую повесть «Отель “У погибшего альпиниста”» мы написали просто потому, что нам хотелось написать добротный, крепко закрученный детектив.

— А «Улитка на склоне»?

— «Улитка» была своего рода экспериментом. Мы писали ее на свободной игре воображения, руководствуясь только интуицией... Что вышло из этого — трудно сказать, так как даже наши друзья, писатели и критики, мнением которых мы дорожим, отказались однозначно истолковать эту повесть.

— Какую тему в вашем творчестве вы считаете главной?

— Если термин «тема» понимать более расширенно, то она у нас одна была и есть: тема выбора. Сумеешь ли ты в самой тяжелой ситуации остаться Человеком? Кем ты можешь и хочешь быть — коммунарком или подонком? Эти вопросы мы ставим перед всеми нашими героями. В «Попытке к бегству» узник фашистского концлагеря Саул Репнин попадает в далекое коммунистическое будущее (техническую сторону вопроса мы специально не затрагивали — просто Саул бежит из лагеря, его окружают, он отстреливается и, когда у него почти не остается уже патронов, оказывается в будущем).

Но он начинает понимать, что в коммунизм нельзя попасть просто так, его нужно выстрадать, завоевать в борьбе... И Саул делает выбор — возвращается в свое время, пусть только для того, чтобы выстрелить в фашистов последней пулей и погибнуть...

Разными сторонами этой большой темы выбора являются темы мещанства и «духовного ожирения» в «Хищных вещах века» и «Втором нашествии марсиан», проблема воспитания — в «Обитаемом острове».

— Вы уже упомянули Станислава Лема. Кто из мастеров мировой фантастики нравится вам еще?

— Прежде всего ныне покойный Иван Антонович Ефремов, чудесный писатель и большой ученый. С его утопии «Туманность Андромеды» началась самая мощная волна в развитии советской фантастики.

По пути, проложенному Ефремовым, в советскую фантастику пришли молодые, талантливые авторы — А. Днепров, А. Полещук, В. Савченко, Е. Войскунский, И. Лукодянов, В. Журавлева, С. Гансовский. В жанре фантастики стали работать Геннадий Гор и Вадим Шефнер. Очень интересно писал и пишет Генрих Альтов, освоивший совершенно новый в литературе жанр, который лишь приблизительно можно назвать научно-философской фантастикой.

Из зарубежных фантастов мне нравятся Р. Шекли, сказочник Рэй Брэдбери, малоизвестный у нас Дж. Боллард. Есть сильные вещи у Курта Воннегута — прежде всего «Колыбель для кошки» и «Бойня № 5».

Когда наша беседа уже подходила к концу, я попросил Аркадия Натановича написать что-нибудь на титульном листе многократно читанной еще в детстве «Страны багровых туч». После недолгого раздумья он написал: «Неплохо придумано. Только в атмосферном давлении ошиблись».

Оказывается, описание Венеры в этой книге оказалось более, чем в других книгах, близким к истине. Это можно было частично проверить после мягкой посадки на «утреннюю звезду» советской автоматической станции «Венера-10». А в то время, когда Стругацкие начинали «Страну багровых туч», в космос еще не было запущено ни одного искусственного спутника.

Как все-таки быстро в наш век туманное «завтра» становится реальностью. И это не только доставляет приятную возможность любоваться и пользоваться «чудесами НТР», но и возлагает на нас непрерывно возрастающую ответственность за завтрашний день.

Интервью вел М. Никитин

1976

Аркадий Стругацкий Глазами фантаста

Труд (М.). — 1976. — 10 янв. — Интервью С. Пархомовского.

На этой неделе в Москве в Центральном Доме литераторов проходило Всесоюзное совещание по приключенческой и научно-фантастической литературе. Наш корреспондент С. Пархомовский взял короткие интервью у его организаторов и участников.

<...>

Аркадий Стругацкий. Проблемы, которые нас интересуют и над которыми мы сейчас работаем, — нравственно-моральные. Проблема выбора в ситуации, очень часто неожиданной, интересует нас больше всего. Ее мы с моим братом и соавтором поставили в своей повести «Трудно быть богом» лет десять назад, над ней мы будем работать, по-видимому, всю жизнь.

Недавно мы, например, написали повесть. В ней речь идет о пути, который должен выбрать ученый. Ему предлагается либо отречься от своей работы, либо продолжать ее, подвергаясь некоему давлению... Опять проблема выбора.

Сейчас мы главным образом будем работать в области кинофантастики. Собираемся писать сценарий художественного фильма, какого — пока секрет. Кроме того, мы заканчиваем работу над сценарием для одной из лучших киностудий научно-популярных фильмов в стране — Киевской. Это должен быть фильм о возможности контактов с внеземной цивилизацией. Предполагаемое название фильма — «Встречи миров». Вначале нас интересовала, так сказать, технология осуществления идеи: как посылать и принимать сигналы, каким образом вступать в контакт с иными мирами. Но потом мы пришли к выводу, что самым интересным было бы представить себе массово-психологический аспект этой проблемы: как будет вести себя человек при неожиданном контакте с иной цивилизацией.

<...>

Аркадий Стругацкий Послушная стрелка часов

Комсомольская правда (М.). — 1976. — 20 марта. — Интервью Г. Жаворонкова и Л. Загальского.

— *Аркадий Натанович, представьте, на наших руках — волшебные часы. Время — шестнадцать часов ноль-ноль минут. Вам шестнадцать лет...*

— *Дайте мне вспомнить... Ленинград. Канун войны. У меня строгие родители. То есть нет: хорошие и строгие. Сильно увлечен астрономией, математикой. Обработываю наблюдения Солнца обсерватории Дома ученых за пять лет. Определяю так называемое число Вольфа по солнечным пятнам. Пожалуй, все. Хотя нет, не все. В шестнадцать лет я влюблен.*

— *Выходит, Вы ничем не отличались от сегодняшних шестнадцатилетних.*

— *Нет, отличался. Сегодняшние мне нравятся гораздо больше, чем мы были в шестнадцать. Ребята более развиты, круг их интересов шире, они умнее и, самое главное, тоньше.*

— *Но Вы, вероятно, были решительнее?*

— Это определялось тогдашней ситуацией: ждали войны. Все это чувствовали. Нам приходилось больше преодолевать...

— *Значит, взросление — это преодоление?*

— Конечно.

Детство — пора сложная. Не знаю, кто это выдумал, что детство — легкая пора. Ребята и сами не должны так считать. Иначе взрослеть будет еще труднее. Ежегодно, может быть, ежемесячно в человеке происходит ломка. Детство, как и вся жизнь, — время проблем, время решения проблем, в этом и состоит прелесть нашего существования. Представляете, если бы вы с пеленок существовали безмятежно? И разница от двух до пятнадцати была только в том, что сначала вам меняли пеленки, а потом вы бы научились менять себе пеленки сами. Преодоление происходит не только в поступках, но и в мыслях. Мечта — это тоже преодоление. Если человек не мечтает — он болен.

Над родителями иногда тяготеет старая идея: раз дети накормленные, вымытые, чистенькие — можно отвернуться от них и заняться настоящим делом, — скажем, судьбой княжества Гоа.

— *В шестнадцать Вы были так же категоричны?*

— Гораздо сильнее. Я все знал, все умел, лучше всех понимал существующее положение. Только удивлялся, почему не понимают другие.

— *Были ли Вы в шестнадцать личностью?*

— «Неличностей» не бывает. Каждый человек — личность, иногда закрытая, страшно закомплексованная, особенно в шестнадцать лет. Только не все это понимают или понимают неправильно. Человек в 14–16 лет звучит для себя гордо, а ему звучать гордо подчас не дают. Или, наоборот: его уже с пяти лет считают выдающейся личностью, и получается из него дурак невероятный.

— *Мы и не заметили, как стрелки наших часов стали показывать время настоящее. Давайте передвинем их еще немного вперед. Школа будущего...*

— Ну откуда я могу знать, как там будет. Я могу только представить. Не менее одной десятой, а то и одной седьмой всего человечества будут преподавателями.

Каждый преподаватель будет работать с небольшой группой учеников, которую он поведет с самого начала до самого конца. Методы — телевизионный, гипнопедический — предсказывать не берусь. Но вот то, что педагог станет вторым родителем, утверждаю. Потому что будет авторитетнее нынешних учителей, ибо прожил большую и, главное, интересную, значительную жизнь, потому что будет добрее, умнее, необходимее.

— *А у ребят возникнет неизменное желание учиться?*

— Видите, в чем дело, дорогие товарищи, если сегодня школьник не хочет учиться, то это вина школы, а не его. Вы думаете, он сейчас не знает, что учиться надо? Знает. Другое дело, он не понимает, зачем его учат именно ботанике, а не вождению автомашины.

— *А сами ребята изменятся?*

— Изменятся ли они... Да, конечно. Какие-то перемены произойдут. Потому что исчезнут одни проблемы — появятся новые.

— *Какие исчезнут?*

— Например, я точно уверен, не будет «проблемы» длины волос и юбок. Это я, как фантаст, могу вам гарантировать.

— *Аркадий Натанович, что Вы хотите пожелать ребятам на будущее?*

— Что я могу сказать с высоты своих пятидесяти лет?... Скромность. Выдержка. Терпеливость. Но это только советы...

— *Простите, Аркадий Натанович, у нас кончается диктофонная пленка. А мы хотели бы задать Вам еще один вопрос. Ведь в самом Вашем сотрудничестве с братом есть что-то от будущего. Как можно обдумывать грядущие книги на расстоянии?*

— Очень просто. Нужно только...

На этом запись нашего разговора обрывается: пленка все-таки кончилась. Мы так и не получили ответа на вопрос, уже сотни раз заданный журналистами. Не помогли нам и волшебные часы. И вдруг мы поняли, что никаких необыкновенных часов и не было. Время было, как говорят дикторы, московское, не будущее, не прошлое, а настоящее.

Мы были дома у Аркадия Стругацкого на проспекте Вернадского. Но ощущение волшебства и некоторой необыкновенности не исчезло. Потому что все-таки было что-то очень загадочное и некоторым образом таинственное в духовной связи двух братьев, друзей, единомышленников, живущих на расстоянии шестисот километров друг от друга.

Наверно, нам не дано уловить эту связь. Даже если просидеть целый вечер в маленьком кафе под вывеской «У Бори и Аркаши» в городе Бологое — точно посередине между Москвой и Ленинградом. В кафе, где были написаны книги «Трудно быть богом», «Понедельник начинается в субботу», «Пикник на обочине», «Шесть спичек», «Улитка на склоне» и еще многие другие...

*По прошлому, настоящему и будущему вместе с А. Стругацким бродили
Г. Жаворонков и Л. Загальский*

И еще шесть «жгучих» вопросов.

Хорошо ли быть на кого-нибудь похожим?

— Хорошо. Но нужно привносить свое, неповторимое. В юности хотел быть похожим одновременно на капитана Немо и Дон Кихота. Один был таинственным, другой — добрым. Но главное — оба стремились к справедливости.

Во что надо верить?

— Нужно знать, а не верить. А если верить, то в то, что справедливость восторжествует.

Какой должна быть жизнь в шестнадцать: «в себе» или «из себя»?

— Что можно отдать в шестнадцать лет? Наверно, только добро. А копить все.

Опасна ли в шестнадцать лет «вещная» болезнь?

— Это смертельная опасность даже в шестьдесят. Наша цивилизация создает новые потребности, которые человеку не только не нужны, но и вредны. Например, барахло всякое.

Можно ли вмешиваться в жизнь взрослых?

— Можно. Но вмешательство некомпетентно.

Можно ли мечтать о собственном памятнике?

— А почему нет? Если помогает работать — можно. А если не помогает, то лучше не стоит.

Аркадий Стругацкий Борис Стругацкий. А + Б = Ф

Ленинские искры (Л.). — 1976. — 24 марта. — Интервью Д. Даниловой.

Аркадий и Борис Стругацкие — писатели-фантасты. Их книги с увлечением читает и стар и млад. «Стажеры», «Трудно быть богом», «Понедельник начинается в субботу», «Хищные вещи века», «Мальши» — эти и многие другие повести братьев Стругацких известны миллионам читателей не только в нашей стране, но и за рубежом. Произведения Стругацких изданы в Болгарии и Венгрии, в Польше и Чехословакии, в Англии и Франции, в США и Японии, переведены на множество языков. Таким образом, шутовское уравнение, которое вы видите в заголовке, — это, можно сказать, уравнение с двумя очень известными, и расшифровывается оно таким образом: Аркадий + Борис = Фантастика.

Интересно, а как сами писатели относились в детстве к фантастике?¹ Сегодня у нас есть возможность спросить об этом наших гостей, братьев Стругацких, чье творчество хорошо знакомо ребятам.

Итак, слово — Аркадию Натановичу и Борису Натановичу².

¹ Вопрос интервьюера был сформулирован иначе: «Так как наша беседа с Вами посвящена «Неделе детской книги», у меня будет несколько совсем «детских» вопросов. Один из них: увлекались ли Вы фантастикой в детстве?»

² Первыми парами вопросов интервьюера и ответов БНС, опущенными в издании, были следующие: «Что Вы можете сказать о значении фантастики в литературе и жизни, особенно в наши дни?»

Известно два направления фантастической литературы: техническая фантастика и фантастика, поднимающая морально-социальные, нравственные проблемы человеческого общества. Какое направление Вам кажется сейчас важнее?

Фантастика, как и всякая литература, удовлетворяет, на наш взгляд, множество самых разнообразных осознанных и неосознанных запросов читающей публики. Однако главная ее роль в наши дни — подготовить читателя к социальным последствиям научно-технической революции. Когда в начале нашего века писались «Война миров», «Остров доктора Моро», «РУР», это казалось игрою ума, страшными сказками или ядовитыми притчами. На самом деле все это оказалось гениальными предчувствиями огромных социальных потрясений. Благодаря НТР и проблема контакта человечества с иным Разумом, и переделка человека как биологического вида, и создание искусственного, машинного интеллекта становятся сегодня реальными задачами. Из области безудержного теоретизирования они грозят перейти в область повседневной практики. Готов ли сегодняшний человек к такому вторжению будущего? Традиционная реалистическая литература, во всяком случае, почти ничего не делает (да и не может, пожалуй, сделать) для того, чтобы подготовить сегодняшнюю психологию к «жестоким чудесам грядущего». Выполнять эту важнейшую задачу выпало фантастике.

Разделение фантастики на научную и социальную в какой-то мере условно, но такое разделение отражает разный подход писателей к окружающему миру. Научная фантастика трактует, главным образом, проблемы взаимодействия человека и Природы, а социальная — проблемы человека и общества. Каждая из разновидностей имеет свои плюсы и минусы, и объявить одну из них «важнее» другой мы никогда бы не решились, тем более что нам-то приходилось писать и первую, и вторую.

По мнению некоторых ученых, техническая фантастика плетется сейчас в хвосте за наукой и техникой. Что вы можете об этом сказать?

Разговоры о том, что фантастика-де отстает от реальных достижений науки и техники, представляются нам не более чем фигурой речи. Авторы подобных высказываний просто хотят таким образом выразить свой восторг стремительным развитием естественных наук. Правильнее было бы говорить, что реальные достижения науки все чаще совершаются в областях, где ранее хозяйничали только писатели-фантасты.

Многих ученых и писателей-фантастов интересует сейчас проблема бессмертия человека. Если бы Вы писали, то о чем: как будет выглядеть это бессмертие (в виде биологического мозга или еще как-то) или какие моральные, нравственные изменения в человеке и в обществе вызовет это бессмертие?

Почему я об этом спрашиваю? В Ваших произведениях бессмертных людей еще нет, но люди, живущие в XXII веке — долгожители, а к романтике относятся, как их прапрадеды, то есть мы: среди них есть романтики, жаждущие бурь, подземных взрывов, жаждущие строить города на болотах, и есть люди, выступающие против «примитивной» романтики, они за меньшие жизненные потери, за автоматические заводы на других планетах, например, такой Ваш Кондратьев из «Полдня XXII века». Но и он, глядя на Венеру, вдруг думает, а не попытаться ли ему на нее, все равно кем, хоть землекопом. Не значит ли это, что разум будет всегда подвластен чувству? Как Вы сами относитесь к романтике будущих, но все-таки не очень благополучных людей на очень благополучной Земле?

Проблема бессмертия неоднократно исследовалась фантастами, например, Свифтом в «Путешествиях Гулливера». Мы бы сказали, что в этой области сейчас трудно было бы найти свежий поворот сюжета или оригинальную идею. Разумеется, наиболее интересными являются именно социальные последствия практического бессмертия. Означает ли бессмертие человека смерть романтики? В каком-то смысле,

— Фантастикой мы увлекались не только в детстве, но и в более позднем возрасте. В конце сороковых — начале пятидесятих годов книг этого жанра выходило мало и выпускались они ничтожным тиражом около пятнадцати тысяч экземпляров. Энтузиазм же наш был так велик, что мы даже пытались переписывать (с собственными иллюстрациями!) любимые редкие книги. Так, Аркадий «переиздал» своими средствами некогда очень популярный роман Гребнева «Арктания», а Борис пытался проделать то же самое с «Островом доктора Моро» Уэллса¹.

Тогда и созрела у нас отчаянная мысль: а если нам самим попробовать сочинить что-нибудь такое, что было бы интересно читать и нам, и нашим друзьям, тоже горячим поклонникам фантастики? Пусть будет много приключений, будут сильные, отважные, умные герои, сражающиеся во имя Человечества с жестокой, слепой, беспощадной стихией. Так возник замысел первой нашей повести «Страна багровых туч»².

— *Итак, это был первый опыт. И до сих пор вы остались верны этому жанру.*

разумеется, да, ибо достижение практического бессмертия автоматически означает сильное падение рождаемости, а следовательно, огромное уменьшение доли молодых людей в обществе. Романтика же — достояние молодости.

¹ Ответ в оригинале был продолжен: «Фантастика конца сороковых — начала пятидесятих годов нам очень не нравилась. Было невыносимо скучно (после А. Беляева, Уэллса и А. Толстого) читать однообразные опусы об изобретениях “на грани возможного”».

² Следующими парами вопросов интервьюера и ответов БНС, опущенными в издании, были такие: «Если бы «машина времени» перенесла Вас опять в седьмой или в восьмой класс, а потом опять какие-то чудеса забросили бы Вас на необитаемые острова (почему — острова, а не остров? — Чтобы Вы были не вместе), какие бы книги Вы захватили с собой?»

Нам пришлось бы, наверное, брать с собой свои домашние библиотеки: там собраны только те книги, которые мы любим регулярно перечитывать. Речь идет всего лишь о пяти-шести сотнях томов, но перечислять их здесь нет никакой возможности.

Любите ли Вы читать детективные повести и романы?

Да, несомненно.

Я спросила Вас об этом потому, что среди Ваших книг есть одна детективно-приключенческая повесть: «Отель “У погибшего альпиниста”». В Вашем творчестве это — случайность, или Вы еще думаете написать в таком плане?

«Отель» вовсе не случайность в нашем творчестве. Уже много лет нам хотелось написать детектив, и «Отель» — есть осуществление давнего желания.

В таджикском журнале «Памир» печаталась приключенческая сказка «Экспедиция в преисподнюю» С. Ярославцева. Манера письма, многие ее герои, проблемы, стоящие в этой сказке, — все напоминает Ваши произведения. Что Вы об этом можете сказать?

Ничего.

Мужественные Атос, Портос и Арамис, борьба с космическими пиратами, фантастические приключения с героями — это же очень интересно ребятам. Не будет ли переиздания этой «современной сказки»?

Не знаем.

Какие еще Ваши книги были изданы в других советских республиках, на русском и на местных языках, издавались ли за рубежом, особенно в соцстранах?

Ряд наших книг издан в Эстонии, Латвии, Литве и Молдавии на языках этих республик. Во всех европейских социалистических странах, а также в ряде капиталистических и развивающихся стран нас также издавали неоднократно. Сведения о такого рода публикациях поступают довольно нерегулярно, но у нас на полке стоят наши книги, изданные в Польше, ГДР, Болгарии, ЧССР, Румынии, Венгрии, Югославии, США, Англии, Испании, Италии, Швеции, ФРГ, Франции, Аргентине, Японии и т. д. (Список сей приводить <...> вовсе необязательно: я пишу это просто для сведения.)

Нам стало известно, что один из школьников, прочитав Ваш «Пикник на обочине», придумал игру «Зона» и теперь в нее играет весь класс. Было бы очень интересно услышать об этой игре от Вас, как авторов повести, которая оказалась таким прекрасным творческим контактом с юным читателем.

Очень интересная игра. Мы и сами с удовольствием сыграли бы в нее, да очень трудно выбрать для этого время».

— Фантастика привлекает нас своей особой способностью заинтересовать читателя, заставить его воспринять мысли и чувства автора. Фантастика успешно вводит читателя в круг самых современных проблем, которые выпадают из поля зрения иных видов литературы: место человека во Вселенной, сущность и возможности разума, перспективы развития человечества и так далее. Темпы научно-технической революции непрерывно нарастают. Она все сильнее влияет на жизнь общества. Реальной задачей сегодня становится то, что совсем недавно представлялось игрой ума, чистой теорией: проблема контакта с иными цивилизациями, создание искусственного мозга, переделка человеческого организма, использование роботов. И поэтому главная роль фантастики в наши дни — подготовить человека к «чудесам грядущего», к колоссальным последствиям научно-технической революции.

— *Вы упомянули проблему контакта со внесемными цивилизациями. Помнится, Уэллс тоже ставил ее в романе «Борьба миров». А как вы относитесь к этой проблеме?*

— Контакт человечества с чужим разумом, без сомнения, стал бы поворотным пунктом в истории Земли. Трудно, даже невозможно представить себе все последствия этого события.

Фантастика разрабатывает два основных варианта контакта: вторжение враждебного разума (эта линия как раз и восходит к Уэллсу) и союз, основанный на близости психологии и биологии («Великое кольцо» Ивана Ефремова, к примеру). Нам лично более правдоподобным кажется третий вариант, столь блестяще раскрытый в работах Станислава Лема: принципиальная невозможность контакта человечества с высокоразвитым, но нечеловеческим Разумом.

Представьте себе, что где-то в глухом уголке Земли сохранился первобытный человек, такой же, каким были наши предки миллион лет назад. И вот его обнаружили. Вряд ли наши с ним отношения могли бы называться контактом — во всяком случае, с его точки зрения. А теперь вообразите внесемную цивилизацию, обогнавшую нас в своем развитии на миллион лет... Какие тут могут быть точки соприкосновения?

К тому же число высокоразвитых цивилизаций в нашей огромной Вселенной, похоже, невелико, а расстояния между ними громадны. Ничего существенного не дали пока и попытки отправить и получить межзвездные сигналы¹.

¹ Эта пара вопросов интервьюера и ответов БНС в оригинале формулировалась иначе (далее приводим опущенные в издании пары вопросов и ответов): «*Как этого и требует фантастика, Вы переносите часто действие на другие планеты. Почему у Вас такие крайности в изображении разумной жизни на других планетах: либо это люди, а не моделирование людей, как у прочих фантастов, кроме Стан. Лема, либо это необъяснимые явления: летающая пиявка, которую никому не удастся разглядеть, усы, лес... Как в таком случае Вы относитесь к проблеме контакта?*»

Контакт человечества с чужим Разумом, если бы он состоялся, без сомнения оказался бы поворотным пунктом в истории Земли. Вся история человеческого общества разделилась бы сразу же на то, что было ДО, и то, что стало ПОСЛЕ. Мы уверены, что сегодня никакой человек на Земле (и даже никакие человеческие коллективы) не в состоянии представить себе даже самых существенных последствий такого события, особенно если учесть, что многообразие возможных вариантов Контакта не поддается описанию. Фантастика создала два основных стереотипа: вторжение чужого, беспощадного и враждебного Разума (линия, восходящая к Уэллсу) и основанный на близости психологии и биологии апофеоз гуманности и добра (Великое Кольцо Ивана Ефремова). Оба этих варианта представляются нам чрезвычайно маловероятными крайностями. Гораздо более вероятным кажется третий вариант, ставший стереотипом благодаря, главным образом, блестящим работам Станислава Лема: принципиальная невозможность контакта человечества с высокоразвитым, но нечеловеческим Разумом. Однако все это — лишь основные, наиболее очевидные варианты. Современная фантастика обыгрывает десятки и сотни других, иногда очень интересных и замысловатых вариантов.

Развитие науки и техники сделало сейчас возможным если не полеты к другим звездам, то во всяком случае получение и посылку сигналов на космические расстояния.

В связи с этим вопрос о «радиоконтакте» уже несколько лет стоит на повестке дня сегодняшних ученых. Организуются конференции с участием крупнейших астрономов, биологов, психологов, самым серьезным образом и на самом высоком уровне обсуждающих так называемую «Проблему SETI» — (сокращение от Search for Extraterrestrial Intelligence, что означает «Связь с внеземным разумом»). Исследуются потоки излучений от некоторых, «подозрительных на разумность» звезд. Посылаются мощные радиосигналы в космос, чтобы дать знать о существовании на Земле достаточно высокоразвитой цивилизации. Пока, впрочем, наука не может похвастаться какими-либо существенными достижениями в этой области.

Проблему иного Разума можно рассматривать по крайней мере с двух различных точек зрения: с точки зрения научно-философской и с точки зрения, так сказать, чисто литературной. Так вот, с первой точки зрения мы склонны предполагать, что контакт вряд ли состоится в сколько-нибудь обозримом будущем. Число высокоразвитых цивилизаций, похоже, слишком мало в нашей огромной Вселенной, расстояния между ними слишком велики. Нет никаких серьезных оснований предполагать, что носители иного разума окажутся человекообразными, и сколько угодно оснований предполагать, что их цивилизация обогнала нашу не на сотни и тысячи, а на миллионы лет. В любом случае контакт оказался бы невозможным. На самом деле: миллион лет назад появился первый человек, *Homo habilis* (Человек Умелый). Он умел пользоваться орудиями и создавать их. Возможно, у него был какой-то примитивный язык. Предположите, что мы сегодня обнаружили где-то в глухом уголке Земли его стоянку. Вряд ли возникшие между нами отношения могли бы называться Контакт — во всяком случае, с его точки зрения. И представьте себе теперь, каких невообразимых высот способно достигнуть наше человечество еще через миллион лет! Не в XXII веке, о котором так любят писать фантасты, и даже не в Тысячном, а через МИЛЛИОН лет... Мы склонны полагать, что у столь отдаленных потомков будет с нами, нынешними, гораздо меньше точек соприкосновения, чем между нами и столь же отдаленными предками.

А вот как литераторы мы видим в проблеме Контакта массу разнообразных возможностей. Описывая встречу сегодняшнего человека с чужой цивилизацией, писатель может сказать очень много интересного о человеке и человечестве. Чужая цивилизация играет в этом случае роль некоего Волшебного Зеркала, позволяющего человеку как существу космическому, как представителю планеты Земля, посмотреть на себя со стороны. И, наверное, именно потому, что нас интересует прежде всего Человек, мы никогда не утруждаем себя выдумыванием разумных летающих спрутов с астероида Гу-Гу, а сталкиваем Человека Земного с Человеком же, но Инопланетным, или с негуманоидным Разумом, действующим где-то за кулисами событий. О летающих разумных спрутах писать неинтересно и выдумывать их поэтому тоже неинтересно.

Я согласна, Ваша сказка «Малыш» это и есть попытка решить проблему контакта. Но в ней, на мой взгляд, важнее получилось другое: Ваш космический Маугли напомнил мне Маленького принца. Одна суть: «Тебе плохо без меня, мне плохо без тебя». Разговор об ответственности человека за «приручаемое» существо. Ставили ли Вы такое своей целью?

Конечно же, «Малыш» это не повесть о Контакте. Это рассказ о людях, проводящих уникальный эксперимент, и об их отношении к происходящему. Если в «Малыше» есть какая-то мораль, то звучит она так: самое ценное во Вселенной — человек (не гигантские идеи, и не зубодробительные открытия, а — человек, особенно если он ребенок). Звучит банально, но ведь все морали банальны.

Расскажите о своей деятельности помимо фантастики. Как сказывается она на Вашем творчестве? Как Вы стали писать?

Аркадий Стругацкий по специальности переводчик. Много переводил с японского (Акутагаву Рюноске, Нацумэ Сосэки и пр.) и с английского (главным образом, фантастику). Борис Стругацкий — астроном, работал в Пулковской обсерватории, область интересов — звездная астрономия. Вероятно, наши специальности как-то сказываются в литературной работе, но мы затрудняемся сказать, как именно.

Кого из современных писателей-фантастов у нас и за рубежом считаете Вы интересными?

Мы предпочли бы ответить на другой вопрос: каких ныне живущих писателей-фантастов мы считаем наиболее значительными? Станислав Лем, Курт Воннегут, Рэй Брэдбери.

Обращаетесь ли Вы в своем творчестве к опыту мастеров, работающих в других видах искусства?

— *Еще один вопрос, который неизбежно задают всем соавторам: как вы пишете вдвоем?*

— За 20 лет совместной работы мы, кажется, перепробовали все мыслимые варианты. Оказалось, что самый лучший способ работать вдвоем — это именно работать вдвоем. Один сидит за машинкой, другой рядом. Кто-то предлагает фразу. Фраза обдумывается, критикуется, исправляется и¹ заносится на бумагу. И так фраза за фразой, абзац за абзацем, страница за страницей — каждое утро. А по вечерам мы обычно обсуждаем подробный план на завтра. С 1960 года все наши повести написаны таким образом.

— *А скоро ли увидят юные читатели вашу новую повесть?*

— Недавно мы закончили работу над повестью «За миллиард лет до конца света». Правда, она, скорее всего, заинтересует только старшеклассников.

Беседу вела Д. Данилова

Аркадий Стругацкий, Борис Стругацкий От чего не свободна фантастика...

Литературное обозрение (М.). — 1976. — № 8. — Интервью Г. Силиной.

Вряд ли будет преувеличением сказать, что братья Стругацкие — одни из самых читаемых писателей-фантастов. За их творчеством внимательно следили и следят люди самых разных профессий и возрастов — от Главного конструктора космических кораблей С. П. Королева, в архиве которого были найдены стихи, выписанные им из книги «Страна багровых туч», до школьников и студентов, от писателя Станислава Лема до домохозяйек-пенсионеров.

Обширна и разнообразна почта братьев Стругацких. Лаконичные вопросы типа «а где достать такую-то Вашу книгу?» чередуются с довольно объемистыми письмами-рецензиями и с размышлениями о природе и назначении фантастической литературы. Читатель соглашается, не соглашается, вступает в спор, выдвигает встречные гипотезы, предлагает, предполагает...

Специальный корреспондент «ЛЮ» Г. Силина, ознакомившись с письмами, адресованными Аркадию и Борису Стругацким, попросила писателей принять участие в очередном занятии нашего «факультета». Здесь следует сделать небольшую оговорку: хотя собеседников у нашего корреспондента было два, писатель все же был один — Стругацкие. Именно к этому писателю обращаются читатели в своих письмах, к нему же обратилась с вопросами и наш специальный корреспондент.

Корреспондент. *Разрешите познакомить читателей журнала с некоторыми письмами и для начала процитировать одно из них — от вашего юного читателя Калинина из Москвы. Как вы, наверное, помните, он задает вопрос «Почему вы так мало пишете?». И — помните? — продолжает: «Пишите как можно больше! Возьмите, к примеру, Жюль Верна, Дюма, Бальзака. Они писали хорошо и много. Пусть у вас будет много «балласта», но зато у читателя продлится удовольствие от общения с вашей книгой».*

Тот же читатель в другом письме высказывает такую мысль. Поскольку, на его взгляд, фантастика свободна от тех «запретов и ограничений», от тех законов, которым подчиняется литература «нефантастическая», заключенная «в узкие рамки

Сознательно — никогда».

¹ В оригинале было добавление: «...уже приглашенная, причесанная, согласованная...»

действительности», неплохо было бы любимым авторам написать «интересный роман на 2–3 тысячи страниц».

Здесь, может быть, в несколько наивной форме высказано желание иметь остросюжетное, захватывающее и почти нескончаемое произведение. По-видимому, читатель полагает, что фантастика тем и отличается от прочей литературы, что автор может, не сковывая себя ничем, пуститься в свободное космоплавание по разным галактикам, а поскольку фантазии, как и галактикам, нет предела, то и произведение может быть беспредельным. Это, конечно, не так. Другое дело, что фантастика действительно отличается от «нефантастики».

В чем же на самом деле состоит это отличие? Какие «запреты и ограничения» диктует сам жанр?

Стругацкие. Над этими вопросами вот уже пятнадцать, а то и двадцать лет бьются профессиональные литературоведы, профессиональные писатели-фантасты и целая армия поклонников фантастики — читатели всех уровней квалификации.

По сути, речь идет о создании такой теории, которая отыскала бы истоки фантастической литературы, разработала бы классификацию разновидностей фантастики (простым глазом видно, что фантастика не едина) и — практически! — дала бы возможность, коль скоро речь идет о некоем конкретном произведении, строго определить: а) фантастическое ли это произведение и б) хорошее это фантастическое произведение или плохое.

(Весьма велик соблазн заметить, хотя бы и в скобках, что массовый читатель, который, разумеется, по сути своей эмпирик, даже не располагая вышеупомянутой теорией, тем не менее ухитряется как-то с удивительным постоянством отделять «плевелы от злаков». Анкетные опросы, проведенные в середине 60-х годов, показали, во-первых, что дисперсия вкуса у различных социальных групп читателей фантастики совсем не так велика, как этого можно было ожидать. И во-вторых, что эти вкусовые различия и вовсе исчезают, когда оцениваются «хорошие» фантастические произведения. Иначе говоря, произведение хорошее с точки зрения одной социальной группы является хорошим и с точки зрения всех прочих социальных групп. Интересно, что это простое правило не распространяется на «плохие» и «средние» произведения: то, что «плохо» для одной социальной группы, может быть «удовлетворительно» — но не «хорошо»! — с точки зрения другой. Перефразируя известную поговорку: «Хорошее всегда хорошо, но плохое не всегда плохо».)

Наша точка зрения состоит в том, что фантастика не стоит особняком, а занимает место в общем потоке художественной литературы — со всеми вытекающими отсюда последствиями. Все, что хорошо для реалистической литературы (полнокровие и достоверность образов, искренность, глубина мысли, эмоциональность, ясность и яркость языка), хорошо и для фантастики. Все, что противопоставлено реалистической литературе (штампы, скудомыслие, пошлость, искажение правды человеческих отношений), противопоставлено и фантастике. И даже основной принцип работы писателя-реалиста: «Пиши только о том, что знаешь хорошо», формулируется для писателя-фантаста в точности так же, но с маленьким добавлением: «...либо о том, чего никто не знает».

Мы не признаем никаких «скидок на жанр», хотя жанровая специфика фантастики, безусловно, существует. В известном смысле она сродни специфике исторического романа. Исторический роман, как правило, рассказывает о том, что было или, по крайней мере, могло бы быть в рамках определенных исторических и социальных представлений. Фантастический роман тоже рассказывает о том, что и как могло бы произойти, но в рамках определенной фантастической гипотезы или фантастического допущения. Для обоих жанров характерно возрастание меры и роли условности (по сравнению, скажем, с бытовым романом), что объясняется, во-первых, принципиальным недостатком информации у автора и, во-вторых, необходимостью приблизить описываемые события к читателю-современнику, к его реальной жизни, его мировоззрению и мироощущению.

Может быть, литературоведам следовало бы обратить внимание на эту «параллельность» жанров и попытаться использовать в разработке теории фантастики результаты, полученные литературоведением для жанра исторического романа?

Корреспондент. *Кто из вас придумывает сюжеты? Оба? Вместе? Как вы вообще делите работу? Эти вопросы встречаются в огромном большинстве писем.*

Стругацкие. Мы работаем вместе уже 20 лет и за это время перепробовали, кажется, все мыслимые варианты «разделения труда». Как выяснилось, самый эффективный метод работы вдвоем состоит в том, чтобы работать именно вдвоем. Один сидит за машинкой, другой — рядом. Кто-нибудь предлагает фразу. Фраза обдумывается, критикуется, исправляется и — уже приглаженная, причесанная, согласованная — наносится на бумагу. Кто-то предлагает следующую фразу... Фраза за фразой, абзац за абзацем, страница за страницей, и так каждое утро. По вечерам обычно обсуждается подробный план завтрашних страниц и обдумываются идеи и сюжеты будущих повестей. С 1960 года все наши повести написаны именно так.

Корреспондент. *Итак, произведение закончено, напечатано, прочитано. Прочитано, разумеется, разными читателями по-разному, по-разному понято. Вот отрывки из двух писем.*

«Хотя место действия книг «Трудно быть богом», «Обитаемый остров» и других удалено от Земли, — пишет читатель из Москвы, — проблемы, которые вы ставите, связаны в основном с земными делами, с человеческим обществом, с человеческими чувствами и нашей современностью. Главное для человека не в космических безднах, а на Земле...»

Предлагая авторам объединить повести «Трудно быть богом», «Попытка к бегству» и «Обитаемый остров» в одну книгу, другой читатель советует: «Было бы хорошо, если бы вы написали серию таких книг о чужих населенных планетах».

Можно, по-видимому, говорить о чересчур буквальном понимании ваших произведений автором последнего письма. Конечно же, фантастика связана множеством нитей с нашей Землей, сегодняшней действительностью, и «чужие планеты» — это своего рода условность. Но фантастическая идея, гипотеза, допустим, о формах жизни на другой планете — разве не способна она сама по себе «зарядить» писателя, заставить взяться за перо?

Стругацкие. Когда в начале нашего века писались «Война миров», «Остров доктора Моро», «РУР», они казались читателю игрою ума: страшными сказками или ядовитыми притчами. На самом деле, как мы это теперь понимаем, все это были гениальные предчувствия огромных социальных потрясений. Благодаря НТР и проблема контакта человечества с иным Разумом, и совершенствование человека как биологического вида, и создание искусственного машинного интеллекта становятся сегодня реальными задачами. Из области безудержного теоретизирования они грозят перейти в область повседневной практики. Готов ли сегодняшний человек к такому вторжению будущего? Традиционная реалистическая литература, во всяком случае, почти ничего не делает (да и не может, вероятно, сделать) для того, чтобы подготовить сегодняшнюю психологию к «чудесам грядущего». Выполнять эту важнейшую задачу выпало фантастике, и в этом смысле, конечно же, земные, человеческие проблемы волнуют нас больше всего.

Корреспондент. *А как меняется фантастика в нашем быстромеменяющемся мире? Этим интересуется ваш читатель Беляков из Ленинграда. «Техника и наука, — пишет он, — развиваются столь стремительно, что, вероятно, фантастике трудно угнаться за скоростями действительной жизни?»*

Стругацкие. Разговоры о том, что фантастика-де отстает от реальных достижений науки и техники, представляются нам не более чем фигурой речи. Авторы таких высказываний, по-видимому, хотят подобным образом просто выразить свой восторг перед стремительным развитием естественных наук. Правильнее было бы говорить, что

реальные открытия и изобретения все чаще совершаются в областях, где ранее безраздельно хозяйничали только писатели-фантасты.

Фантастика вообще не претендует на роль «второй науки». Фантаст не обязан создавать новые теории, выдумывать новую технику. Его задача скорее в том, чтобы улавливать новые тенденции и модели, в которых эти тенденции получили свое развитие. Если фантаст и изобретает, то изобретает он будущее — множество вариантов будущего. Дело фантастов — больше и глубже исследовать человека.

Корреспондент. Многие читатели, кстати, отмечают ваше пристальное внимание к человеку, вашу сосредоточенность на нравственном смысле его деятельности. «Мы с мужем высоко ценим вашу литературную деятельность и вашу нравственную позицию», — говорит читательница Орлова из Москвы. Цитирование подобных писем можно продолжать и продолжать, но хочу остановиться на одном — от секретаря-машинистки Тамары Моргулис: «Сегодня перечитала «Возвращение». Я читала эту повесть и раньше, но поняла до конца, как мне кажется, только сегодня. Главное — люди. Люди в коммунистическом обществе. Но мне еще никогда не встречались такие люди. Только в книгах читала, да и сама стараюсь быть похожей на них... Ведь если нам сейчас хочется видеть людей будущего такими, как в «Возвращении», — мы же должны что-то делать? Что?»

В ряде писем читатели спрашивают: а что же конкретно писатели могут предложить?

Стругацкие. Мы видим свою цель в том, чтобы поставить проблему, передать читателям свои мысли и чувства по поводу этой проблемы. А дальше надеемся на восприятие читателей. Безусловно, мы хотим вызвать у своих читателей сопереживание. Без этого, без их участия воздействие литературного произведения сведется к нулю. Сопереживание невозможно без работы читательского воображения, и чем активнее работает читатель, тем лучше.

Разумеется, много зависит от того, насколько удачна наша работа. Но иногда непонимание той или иной книги фантастического жанра объясняется тем, что читатель ждал чего-то иного, не того, что получил. Ведь читателей интересует разное. Как показали социологические исследования последних лет, одни ищут в фантастике увлекательный сюжет, оснащенный новейшими научными идеями; другие — парадоксальность мышления, столкновение несопоставимых в обычном смысле понятий и представлений; третьи — фактическую достоверность, точную прогностику, логически безупречный анализ сущего... и так далее. И каждый по-своему прав, и каждому должна быть обеспечена возможность найти искомое.

Корреспондент. Если вообще это можно разделить — к чему апеллируете вы: к разуму (уму) читателя или его сердцу?

Стругацкие. Вы хотите спросить — к рациональному или эмоциональному в человеке мы обращаемся?

Вообще каждое произведение литературы и искусства непременно имеет две стороны: рациональную и эмоциональную. Читатель должен воспринять обе стороны, иначе нельзя сказать, что автор выполнил свою задачу.

Фантастика, если рассматривать лучшие ее образцы, обладает способностью заставить читателя и думать и чувствовать.

Борис Стругацкий Путешествие в фантастику

Смена (Л.). — 1976. — 14 авг. — Интервью О. Любина.

— *Борис Натанович, судя по письмам, приходящим в редакцию, среди читателей «Смены» много поклонников научно-фантастической литературы. Чем вы объясняете возросшую в последние годы популярность фантастики у молодежи?*

— По-моему, популярность фантастики в молодежной читательской аудитории всегда была высока. Изменились лишь притягательные имена: если раньше с огромным удовольствием и азартом читали книги Герберта Уэллса и Карела Чапека, то теперь точно так же читают произведения Станислава Лема и Рэя Брэбери.

Вот почему литературные критики пытаются объяснить не столько возросшую популярность фантастики, сколько резкое, сравнимое со взрывом, увеличение количества самих фантастических произведений.

О том, что все большее число входящих в литературу молодых писателей обратило свое внимание на этот жанр, свидетельствует хотя бы организация I Всесоюзного совещания по приключенческой и научно-фантастической литературе, которое состоялось в начале года в Москве. Там много говорилось о подрастающей литературной смене. Принято решение организовать при Литературном институте имени Горького двухмесячные курсы повышения квалификации молодых писателей-фантастов.

А «фантастический взрыв», скажем так, который происходит сейчас в литературе, критики связывают с развитием научно-технической революции и с возрастанием роли науки в жизни человечества.

— *Фантастика готовит людей к «чудесам грядущего», к новым открытиям, которые лавиной обрушивает на нас научно-техническая революция. И, чтобы хоть как-то ориентироваться в этом бескрайнем море, фантасты выбирают главные, как они считают, проблемы будущего и исследуют их. В одной из статей известного фантаста Станислава Лема содержится признание, что для него главная проблема будущего — это вопрос о сосуществовании двух разумов: человеческого и нечеловеческого, биологического и искусственно созданного интеллекта. А какую проблему будущего считаете главной вы, братья Стругацкие?*

— Проблема, названная Станиславом Лемом, очень интересна. Но нас гораздо больше волнуют проблемы ближайшего будущего, проблемы ближайших десятилетий. Нам кажется, что самой главной проблемой является сейчас установление контактов внутри человечества на нашей маленькой Земле. Если людям не удастся решить проблему мирного сосуществования разных социальных систем, то не будет и никаких других проблем, скажем, XXI века.

— *Борис Натанович, а сейчас я хочу предложить отправиться в прошлое, в котором два десятилетия назад вы начали писать свои книги...*

— Мы с братом с детства любили фантастику. Решили попробовать написать что-нибудь сами. И сели писать нашу первую повесть под названием «Страна багровых туч». Мы мучились над ней несколько лет и страшно удивились, когда она была принята Детгизом и затем опубликована. Так мы почувствовали в себе силы и взялись за писательское дело со всем азартом молодости.

— *И каков ваш творческий итог сегодня?*

— Мы опубликовали около двадцати повестей и примерно столько же рассказов.

— *Читателям братья Стругацкие могут представиться как братья-близнецы. А между тем вы на восемь лет моложе, очень различны ваши профессии, и уж совсем*

неожиданным может показаться тот факт, что один брат живет в Москве, а другой — в Ленинграде. Как же вы пишете совместно?

— Этот вопрос нам задавали уже неоднократно. Казалось бы, пора выработать какой-нибудь остроумный ответ. Но в отличие от Ильфа и Петрова мы его еще не придумали, поэтому отвечать буду абсолютно серьезно.

Мы перепробовали самые разные методы. Вначале писали порознь, а вместе обрабатывали только черновики. Пытались писать по очереди одно и то же произведение, а в дальнейшем соединять, беря за основу лучшее. Но в конце концов остановились на самом эффективном для нас способе. Мы работаем теперь только вместе. Съезжаемся в один город: в Ленинград или в Москву. Один садится за машинку, другой — рядом (план обычно готовим заранее) и, слово за словом, строчку за строчкой начинаем писать. Пишем обычно в первой половине дня. Во второй — обсуждаем то, что написано, намечаем, что надо сделать завтра. Причем не забываем и о более далекой перспективе. Поэтому планы наших новых вещей рождаются обычно заранее: за год или за два до того момента, когда мы садимся писать.

— Пользуюсь моментом, чтобы задать вопрос традиционный, но всегда очень интересный. Над чем работаете вы сейчас?

— Сейчас больше всего времени занимает у нас работа над киносценариями, в том числе и научно-художественного фильма под названием «Встреча миров». В этом фильме мы попытаемся рассказать о проблеме контакта человечества с другими цивилизациями.

— Если раньше писатели-фантасты придумывали, каким способом попасть на другие планеты, рассказывали о фантастических тогда межпланетных полетах, то сейчас, когда нога человека ступила на Луну, когда в космосе происходят международные эксперименты, когда на околоземной орбите постоянно находятся научные станции, когда космонавты берут в полет книги с научно-фантастическими повестями, не кажется ли вам, что возможности фантазирования, придумывания новых чудо-машин уменьшились?

— В последнее время писателей-фантастов гораздо меньше интересуют так называемые чудеса техники, их намного больше занимают проблемы взаимодействия между развивающейся наукой и жизнью общества. Именно здесь для фантастов открываются самые широкие перспективы. Мне сейчас вспоминается интересное высказывание знаменитого американского писателя Айзека Азимова, который сказал, что для современного фантаста не так интересно написать роман о том, как был изобретен автомобиль (представьте на минуту, что его еще предстоит изобрести), как о том, во что это изобретение выльется. Попытаться представить, как это неуклюжее, странное на вид, ни на что не похожее, уродливое и опасное устройство изменит образ жизни десятков и сотен миллионов людей. Как оно перестроит психологию отдельного человека и экономику огромных стран...

Фантастика сегодняшнего дня развивается именно в этом направлении. Не выдумывая, как правило, новых идей, она берет уже существующие научные, технические или социальные идеи и пытается фантазировать именно в области стыковки этих идей с жизнью человеческого общества. Такое направление фантастики, которую я назвал бы уже социальной, а не просто научной, мне представляется чрезвычайно плодотворным.

— Вы считаете, что это фантастика будущего?

— Думаю, что социальная фантастика, рассказывающая о взаимоотношениях между людьми, как и вся реалистическая литература, будет существовать столько же, сколько будет существовать человеческое общество.

Беседу вел О. Любин

Аркадий Стругацкий

Новые человеческие типы

Вопросы литературы (М.). — 1976. — № 11.

Как литератор-практик, я более всего интересуюсь следующим аспектом НТР: привнесла ли она в наш пестрый и сложный мир какие-либо новые объекты отражения? Позволю себе обратить ваше внимание на некое весьма существенное следствие этого небывалого в истории человечества процесса — на появление новых типов массового человека.

Прежде всего это массовый научный работник. Напоминаю, что только в нашей стране численность работников, непосредственно занятых научной деятельностью, перевалила за миллион человек. Я помню те времена, термина НТР еще не существовало, когда многие с надеждой взирали на растущее племя «научников», племя умных, умелых, целеустремленных людей. Но, как подчас бывает, увеличение количества привело к снижению качества. И ныне в миллионном научном работнике обнаружилось все те недостатки, которые по-человечески свойственны всем другим общественным прослойкам. В их среде помимо передовых, беззаветно преданных делу первооткрывателей оказались и лентяи, и халтурщики, и бюрократы, и в этом смысле литератор, который ставит перед собой такую частную цель, как отображение наиболее типических характеров и наиболее типических конфликтов именно в этой среде, ничего принципиально нового не откроет. Другое дело, конечно, что массовый научный работник, как и всякий иной массовый работник, развивается и прогрессирует вместе с обществом, но именно — как всякий иной. Мне представляется, что отпечаток, накладываемый на его личность спецификой условий научной работы, прекрасно соизмерим с формирующим влиянием, скажем, обстановки крупного промышленного предприятия на личность квалифицированного рабочего. Итак, появление массового «научника» — фактор большого социального значения, однако для наших целей этот фактор, по-видимому, значит не очень много.

Если представить массового научного работника как некий горизонтальный пласт общества, то ниже речь пойдет о пласте (или срезе, если угодно) по вертикали. Эпоха НТР породила новый тип массового человека, уже не связанного принадлежностью к определенным профессиональным или социальным группировкам, а объединенного признаками совсем иного рода. Я имею в виду Массового Сытого Невоспитанного Человека — болезнь, которой страдают многие капиталистические страны и к микробам которой мы тоже не должны быть беспечны.

Да, на огромных территориях нашей планеты населению едва хватает материальных благ, чтобы не умереть с голоду и прикрыть наготу, — в результате ли вековой отсталости или авантюристической политики неумных правителей. Но в наиболее развитых буржуазных странах определенные слои населения достигли невиданного ранее уровня материального благосостояния, который и вызвал к жизни Массового Сытого Невоспитанного Человека, явление столь же небывалое и, я бы сказал, неожиданное в истории, как и сама НТР. Явление это не только небывалое, оно еще и чревато многими опасностями.

Сравнительно недавно маститые моралисты были убеждены, что как только массовый человек будет полностью удовлетворен материально, он неизбежно и автоматически начнет отдавать все силы беспредельному духовному развитию. Но оказалось, что это не так. В схеме «работа — материальное насыщение — духовный рост» был упущен (или игнорирован) чрезвычайно существенный момент. Дело в том, что пределы материального насыщения есть функция не только и не столько физиологии, сколько психологии. Аппетит к материальным благам человек получает при рождении.

Аппетит к благам духовным возникает только при правильном воспитании. Скачок в уровне материального обеспечения, вызванный НТР, не был подкреплён колоссальной и кропотливой воспитательной работой и застал население многих развитых стран врасплох. Так появился Массовый Сытый Невоспитанный Человек.

Для писателя этот человеческий тип представляет огромный интерес. Его появление вызвало к жизни все прелести «черного лица досуга», вплоть до фактов совершенно уже зоологического разложения. Вероятно, его можно даже поставить в один ряд со всеми прочими апокалипсическими угрозами, нависшими сейчас над человечеством: ядерная война, нарушение экологического баланса и т. д. Главное, однако, мне кажется, не в этом. Главное — в возникновении массовой психологии потребления ради потребления, массовой психологии потребления как цели существования. (Интересно сравнить этот психологический тип с психологией наживы, характерной для мещанина, но здесь, как говорится, не время и не место.) И все эксцессы, связанные с хиппизмом, сексуальными аномалиями, увеличением числа немотивированных преступлений, бледнеют, на мой взгляд, в сравнении с потребительством как с духовной инфекцией, расползающейся сейчас по земному шару.

Вот этот новый и неожиданный результат НТР должен непременно оказаться в поле зрения современного литератора. В том числе и в нашей стране, где решения XXV съезда КПСС вооружают нас на борьбу с вирусом потребительства — упорным противником всего, что нам дорого, врагом того будущего, для которого мы работаем. Борьба с этим врагом надо всеми средствами, и не последними из этих средств являются литература и искусство.

Из архива

1975

Аркадий Стругацкий [Рекламная листовка на «Парня из преисподней» для ВАОП]

Братья Стругацкие — известные советские писатели-фантасты. Аркадий Стругацкий (род. в 1925 г.) — специалист по японскому языку, ему принадлежат переводы нескольких произведений классической и современной японской литературы. Борис Стругацкий (род. в 1933 г.) — звездный астроном и инженер-программист, проработал несколько лет в вычислительной лаборатории Главной астрономической обсерватории в Пулково (ГАО). Их первое крупное произведение научной фантастики — повесть «Страна багровых туч» — было опубликовано в Москве в 1959 году. С тех пор они написали и опубликовали в Советском Союзе 18 повестей и более двух десятков рассказов научной фантастики, завоевав широкую популярность среди советских читателей. Особенной известностью пользуются их повести ТББ, ДР, ПНвС, УнС, ВМ, СоТ, ОО, М, ПнО. Часть этих произведений была переведена и издана в ФРГ, США, Японии, Франции, Швеции, а также в большинстве стран социалистического лагеря.

Для повестей Стругацких характерны острые ситуации, необычные обстоятельства, сильно и тонко чувствующие герои. Стругацких интересуют самые общие и насущные социально-философские проблемы современности, в частности — проблема нравственного выбора, поэтому очень часто они строят основные конфликты своих произведений на столкновении человека с обществом: либо современного человека при его морально-этическом «бэкграунде» середины 20-го века с современным же социумом эпохи мировых политических потрясений и научно-технической революции; либо человека, проникнутого утопической (коммунистической) идеологией, с жестокими режимами фашистского, утилитарного типа; либо человека, пропитанного фанатизмом и темными предрассудками воинствующего мещанства, с идеальным (коммунистическим) обществом...

Мы предлагаем иностранному читателю новую фантастическую повесть Стругацких «Парень из преисподней» (англ. «A Chap from the Limbo», японск. [иероглифами «Парень из ада»]), опубликованную в №№ 11–12 ленинградского журнала «Аврора».

На далекой планете Гиганде, во всем подобной нашей Земле, но отставшей от Земли на несколько веков социального развития, идет кровопролитная мировая война. В ожесточенной схватке за безвестную деревушку смертельно ранен парень, почти мальчишка, по имени Гаг, солдат полицейско-истребительного соединения «Бойцовых Котов». Случившийся на поле боя разведчик-землянин подбирает его и переправляет на Землю.

На Земле 25-й век, медицина этого отдаленного времени в несколько дней возвращает Гагу жизнь и здоровье. И вот воинствующий фанатик, аналог гитлерюгендовца начала 40-х годов, оказывается в мире невообразимого для него технического могущества, невообразимой для него морали, невообразимых для него отношений между людьми... Изумление, ужас, недоверие, уязвленное самолюбие, подозрительность... Как поведет себя Гаг в этих фантастических обстоятельствах? Покорится? Взбунтуется? Приспособится? Братья Стругацкие разворачивают «приключения духа» юного фанатика в блистательном мире, опираясь на точное знание психологического типа своего героя.

Повесть «Парень из преисподней», несомненно, найдет своего читателя в зарубежных странах, как нашла и в Советском Союзе.

Аркадий Стругацкий [Ответ Р. Орловой]

Какую роль сыграла американская литература в Вашей жизни?

Вы интересуетесь, какую роль сыграла американская литература в моей жизни. Полагаю, речь идет о моей литературной жизни? Или о формировании моего мировоззрения?

Так или иначе, боюсь, мне придется Вас разочаровать. И в моем формировании как человека и как литератора американцы играли, по-видимому, весьма скромную роль. Во всяком случае, куда более скромную, нежели русская, английская и немецкая литературы.

Исключение составляет, пожалуй, Хемингуэй. Я имею в виду его изумительное умение игнорировать читателя, его лаконизм, блестящие диалоги и, разумеется, его «айсберговую» методологию. Я не знаю, что написал Вам мой брат, но мне представляется, что доскональное знакомство с творчеством Хемингуэя явилось одним из определяющих факторов, влиявших на нас на ранних этапах нашей работы. И наряду с Гоголем, Щедриным, Достоевским, А. Толстым, Уэллсом, Фейхтвангером и Кафкой этот писатель был и остается моим учителем в литературе.

Вот, пожалуй, и всё, что я могу сказать. (Это, конечно же, не значит, что у меня нет любимцев среди американских писателей. Но вопрос ведь ставился не о любимцах...)

Борис Стругацкий [Ответ на письмо читательницы С. Мордашевой, посланное в «Комсомольскую правду»]

Здравствуйте!

Я уже несколько лет подряд выписываю «Комсомольскую правду». Больше всего мне нравится рубрика «Приглашаем к разговору». Я тоже хочу предложить тему разговора: о людях будущего.

Мы живем в переходный период. Поэтому нас естественно занимает вопрос — как будут жить люди будущего через много лет, в XXI, XXII веках. Меня, например, больше всего интересует, как будут жить люди при коммунизме и особенно какими они будут.

Мне кажется, что основной чертой их будет честность. Я вовсе не хочу сказать, что сейчас нет честных людей, они, конечно, есть. Но не все.

А давайте представим на минуту, что бы было, если бы вдруг сейчас все стали честными.

Девушка любит парня. Но он ее не замечает. А она боится признаться ему первой. Вдруг на ее признание он засмеется в ответ. Но если бы все были честными, девушка бы не побоялась сказать «Я люблю» первой, в крайнем случае она бы услышала честный ответ. Честный шофер не сел бы за руль частной автомашины и не начал шишать рубли.

Честный продавец не обсчитал бы в магазине. В школьном буфете не стали бы продавать черствые пирожки. Можно бы было ничего не бояться, смело одной идти ночью по городу. Ведь в будущем бы не было ни бандитов, ни грабителей.

Как бы было это все здорово!

До свидания

Света МОРДАШОВА, 10-й класс

Дорогие товарищи!

Поскольку А. Стругацкий в отъезде, Ваши материалы переслали мне. Я внимательно прочитал и обдумал письмо Светы Мордашовой, и у меня создалось впечатление, что на базе этого письма трудно будет организовать сколько-нибудь серьезное обсуждение в Вашей уважаемой газете.

Дело в том, что главный вопрос Светы: «Каковы будут люди будущего?» можно понимать по-разному.

Во-первых, его можно понимать так: «Каким ДОЛЖЕН стать человек будущего? Каким мы ХОТЕЛИ БЫ его увидеть?» Ответ на этот вопрос фактически содержится в Моральном Кодексе строителя коммунизма, а также в таких, скажем, широко известных фантастических романах, как «Звезда КЭЦ» А. Беляева, «Туманность Андромеды» и «Сердце Змеи» И. Ефремова, «Плеск звездных морей» И. Лукодянова и Е. Войскунского и т. д. и т. п. Мы тоже писали об этом и в повести «Полдень, XXII век», и в других наших повестях о будущем. Согласитесь, что в любых заметках рубрики «Приглашаем к разговору» трудно будет сказать больше и яснее, чем это сказано в десятке повестей и романов самых разных авторов.

Во-вторых, вопрос Светы можно понимать и так: «Каким НА САМОМ ДЕЛЕ, вне зависимости от наших желаний и наших надежд, станет человек будущего?» Такая постановка гораздо серьезнее, но и гораздо сложнее. Именно сейчас, в переходный, как справедливо пишет Света, период, в эпоху НТР особенно ясно стало, что путь к светлому, чистому, желанному будущему утопических романов тернист и изобилует опасностями и угрозами. Угроза ядерной катастрофы; опасность всемирного экологического кризиса; тупиковый путь «цивилизации досуга»; безмерное усложнение жизни в условиях «информационного взрыва»; неясные, но грандиозные последствия развития генной инженерии — вот только некоторые из ряда существеннейших факторов, способных даже в одиночку заметно исказить ЖЕЛАЕМЫЙ путь человечества. И если, скажем, ядерная катастрофа, благодаря усилиям правительств СССР и США, становится сейчас все менее вероятной; если проблемы «цивилизации досуга» и «информационного потопа» представляются пока второстепенными и разрешимыми хотя бы в принципе; то, скажем, проблема экологического кризиса встала сейчас перед человечеством во весь свой гигантский рост, выход из создавшегося положения пока еще, к сожалению, не совсем ясен, и возможные последствия такого кризиса для будущего трудно сейчас оценить сколько-нибудь точно и достоверно. Проблемы типа перечисленных выше уже довольно давно обсуждаются в мировой печати — обсуждаются на самом высоком профессиональном уровне, со всей серьезностью, какая только возможна. Мнения разных специалистов расходятся, оптимизм и пессимизм переплетаются самым причудливым образом, сколько-нибудь определенных выводов и решений пока нет. В этих условиях ни я, ни, как мне кажется, А. Стругацкий не взялись бы участвовать в дискуссии, которая по плечу лишь специалистам по экологии, социологии, генетике.

Я надеюсь, что Вы сочтете мои соображения достаточно обоснованными и не посетуете на нас. Что же касается письма Светы, то я не возражал бы, если бы это мое письмо было передано ей в качестве ответа.

Аркадий Стругацкий **Рецензия на роман К. Такахаси «Сосуд печалей»**

(Японск., 316 стр.)

Осенью то ли 60-го, то ли 61-го года (судя по дате написания романа) в Токио начинается громкий и скандальный судебный процесс над преподавателем университета профессором Масаки, 55 лет от роду. Процесс громкий, потому что профессор — личность не рядовая, талантливый ученый, крупный специалист в области юридических

наук, весьма заметная величина в научном мире столицы. Процесс скандальный, потому что речь идет о нарушении брачного обещания, причем иск вчинен маститому профессору его сорокалетней домоправительницей, некоей Мики Ёнэяма, а между тем как раз перед этим профессор обручился с двадцатилетней особой из приличной, тоже профессорской, семьи.

Процесс длился два с лишним месяца; независимо от его результата сама скандальность его оказалась, разумеется, роковой для matrimониальных поползновений пятидесятипятилетнего вдовца — двадцатилетняя особа с негодованием отвернулась от жениха, опозоренного такой тяжбой в давно забытом духе дела «Бардл против Пиквика». И так, уже и одной только скандальности достаточно было бы, чтобы непоправимо огорчить профессора Масаки, а тут еще суд удовлетворяет иск вероломной домоправительницы и приговаривает несчастного ответчика к выплате истице крупной неустойки.

Мало того. В эти два с лишним месяца обрывается и преподавательская карьера Масаки. И вовсе не из-за процесса, вернее, не только из-за судебного скандала. В университете происходят беспорядки; к профессору является студенческая делегация, и профессор отказывается ее принять; в результате стороны обмениваются резкостями, профессор вызывает полицию, студенты объявляют профессору бойкот, и тому приходится оставить университет.

Вот, собственно, и весь незамысловатый сюжет романа Такахаси. Домоправительница подает в суд, Масаки тщетно пытается отговорить ее и замять дело, от Масаки уходит невеста, Масаки «уходят» из университета, и под занавес — последнее судебное заседание.

Сюжет, прямо скажем, незамысловатый. Но не одним сюжетом живо произведение художественной литературы (если это не детектив и не роман приключений), и пример «Сосуда печали» отлично иллюстрирует сие банальное и тем не менее совершенно справедливое утверждение. Роман написан от первого лица, от лица главного героя, самого профессора Масаки. Причем это не тихая жалоба японского Акакия Акакиевича, оказавшегося жертвой хитросплетения жизненных обстоятельств. И не горькая повесть-исповедь человека, совершившего в своей жизни массу несправедливых дел, осознавшего свою вину перед людьми и обществом и раскаявшегося в этих своих ошибках. Со страниц «Сосуда печали» гремит страстное и гневное обвинение в адрес неправильно устроенного мира с точки зрения чрезвычайно редкой в мировой литературе (напоминаю: роман написан от первого лица!) — со стороны героя явно отрицательного, героя, погрязшего в эгоизме и консерватизме, грубо говоря — субъекта, валящего с больной головы на здоровую.

Описывая перипетии своего несчастного судебного дела и университетских неприятностей, Масаки стремится оправдать себя в собственных глазах (и в глазах читателей), и сила его убежденности, эмоциональное напряжение, уверенность в том, что он всегда и во всем был прав и только враги согласились меж собою погубить и погубили его, заставляет читателя то и дело ловить себя на сочувствии этому человеку. А сочувствовать ему не хочется!

Кто же он такой — профессор Масаки? Он не скрывает ничего. Его ретроспекции раскрывают перед нами все основные моменты его жизни. Основная движущая сила — служение науке. Он глубоко уверен, что в служении науке все средства хороши. Он с пренебрежением говорит о друзьях молодости, которые ударились в политику вместо того, чтобы заниматься наукой, и оказались один — в застенке, другой — в сумасшедшем доме. Он женится на родственнице своего научного руководителя — конечно, не по любви, а чтобы обеспечить себе расчищенную дорогу в научной деятельности. Собственные дети мало интересуют его — ведь они совершенно несовместимы с наукой. Связь с пресловутой домоправительницей еще при жизни тяжелобольной жены — не более чем гигиеническое мероприятие. Во время войны он занимает пост прокурора,

опять же, отнюдь не из политических симпатий или антипатий, а из-за открывшегося доступа к уникальным юридическим казусам верховного суда. Столкновение его со студентами — как же, ведь он — наставник юношества, он должен вести их по пути чистого знания, он должен предотвратить их уход в политику, его долг — отделить плевелы от злаков и оные плевелы от соблазна вырвать с корнем... И вот расплата за все его служение высоким идеалам: он — у разбитого корыта. Наука отвергла его, семейная жизнь не удалась, подлая баба ободрала его как липку.

Профессор Масаки — банкрот. Банкротству материальному и духовному обречен человек, пытающийся соединить несоединимое: эгоизм, реакционность, конформизм со служением высоким идеалам — будь то в науке, в политике, в отношениях с женщиной. А если расшифровать Масаки до конца — автор дает читателю для этого все возможности, — тот, кто пусть даже бессознательно пытается прикрыть высокими идеалами нравственное убожество свое.

Полагаю, роман «Сосуд печалей» будет с большим интересом встречен советским читателем.

1976

Борис Стругацкий
Выступление на секции научно-фантастической
и научно-художественной литературы на тему
«Национальное и интернациональное в современной
научно-фантастической литературе»

Проблема национального и интернационального в литературе и культуре — это одна из сложных проблем. Мне приятно отметить, что если говорить о советской фантастике, то этой проблемы, по-видимому, в ней нет. Советскую фантастику ругали много за разнообразные грехи, я не помню только, чтобы какой-нибудь критик ругал фантастов за проявление национализма. Я думаю, что это проистекает не только из идеологических основ, о которых говорил Владимир Иванович <Дмитревский>, я думаю, что это просто следствие определенного подхода к проблемам будущего. Ведь каждый практически работающий фантаст, размышляя о будущем, видит только два выхода. Первый выход — это война на уничтожение, глобальный маразм и гибель общества, либо если не это, то объединение Земли. Поэтому, когда человек садится с намерением написать что-то о будущем, и если в его намерения не входят какие-то предсказания или стремление предупредить человечество об угрозах, он неизбежно вынужден описывать Землю, на которой проблем национального просто больше не осталось.

Я вспоминаю, как в конце 50-х годов мы обдумывали первую фантастическую повесть «Страна багровых туч». Речь там шла об освоении космического пространства, которое в те годы только-только начиналось, и вот мы, обдумывая возможную проблематику, совершенно не сговариваясь пришли к выводу, что космос должен осваиваться объединенными усилиями человечества. Это для нас было настолько ясно, что этот вопрос просто не обсуждался, поэтому появление в нашей повести французов, американцев, китайцев было однозначным. Такая гигантская проблема, как освоение космоса, доступна только представителям всех национальностей.

Когда мы взялись описывать большое будущее XXII века, то мы описывали объединенную Землю, и здесь никакой проблемы быть не должно, раз объединенная Земля, раз коммунизм, раз светлое будущее, значит рука об руку действуют и американцы, и русские, и японцы. Нам казалось, что пигмеи с Конго — это будут хорошо развитые люди.

Как-то, я помню, — в разговоре с Войскунским, — он сказал, что в произведениях Стругацких действуют совместно представители самых разнообразных национальностей. Ему это казалось естественным так же, как и нам. Поэтому мне кажется, что проблема интернационализма в советской фантастике, которая пишет о будущем, она, по-моему, утвердилась раз и навсегда. Я не думаю, что тут могут возникнуть какие-то вопросы, если о коммунистическом будущем начнут писать армяне, эстонцы или азербайджанцы. Я думаю, что у них получится общество людей самых разнообразных национальностей, работающих над одним делом. И если армянский фантастический роман будет носить окраску национальную по форме, социалистическую по содержанию, если окраска будет армянской и если главным героем этого произведения будет Арутюнян, а все остальные герои будут второстепенные — от этого, я думаю, интернационализма в книге не станет меньше. Ведь в конце концов важно отношение к национальному вопросу.

Если такой вопрос по книге возникнет, значит у автора что-то не в порядке, значит национализм где-то просочился. Если же этого вопроса не возникнет, то, значит, с интернационализмом все хорошо.

Я всячески приветствую выступление Руслана Сагабаляна, и я рад был услышать, что в Армении шесть действующих фантастических писателей.

Я надеюсь, что у нас в этом направлении будет все в порядке, и я совершенно спокоен за интернационализм в советской фантастике.

Аркадий Стругацкий

«Стенограмма выступления на «круглом столе» «Взаимодействие науки и искусства в условиях НТР» в редакции журнала «Вопросы литературы»

Конечно, я с большим вниманием и интересом слежу за выступлениями товарищей, и у меня нет никаких сомнений в том, что во время таких мероприятий, как нынешнее наше мероприятие, зарождается новый раздел теории отражения и самый раздел, который в конце концов устанавливает закономерности взаимодействия между наукой и искусством как видами отражения, который дает нам, видимо, какие-то теоретические основы для успешного рассмотрения влияния этого фантастического процесса на искусство, как и на отражение.

Мы все далеки от понимания истинного механизма воздействия научно-технической революции на искусство вообще и литературу в частности. Но как марксисты, как диалектики, люди, которые считают, что ничего непознаваемого в природе не существует, мы должны с уверенностью предсказать, что этот механизм будет вскрываться, но до конца вскрыт не будет.

Но я не теоретик, у меня мало знаний, чтобы рассуждать, как это делается, как происходит это воздействие. Я практик теории отражения, вернее, практик литературного отражения. В связи с этим я хотел бы поставить вопрос, который несколько отличается от вопросов, которые рассматривались здесь другими товарищами.

Меня давно уже — и моего брата, соавтора — интересовал такой вопрос: что, собственно говоря, научно-техническая революция принесла в наш мир нового в смысле объекта отражения? Несомненно, принесла она очень много, но когда я буду говорить об объекте, я буду иметь в виду художественное отражение. Меня заинтересовало такое следствие НТР — появление двух новых типов массового человека. Это массовые люди в нескольких разных плоскостях, в плоскости суждения массового научного сотрудника, а вне науки — это появление массового сытого невоспитанного человека.

Вопреки многим ожиданиям, со времен, когда не существовало термина «научно-техническая революция», многие с надеждой взирали на растущее племя научных сотрудников, племя умных, умелых, знающих свои цели людей. Научный сотрудник стал

явлением массовым, и пришло разочарование, или, впрочем, разочарование скорее вызвано было эмоциями, потому что практически всем было известно, что как только что-то начинают производить в большом количестве — качество немедленно ухудшается. И действительно, мы получили в массовом научном работнике все те пороки, которые господствовали и в других социальных слоях. Мы обнаружили с удивлением и горечью, эмоциональная сторона наша восприняла, что и среди научных сотрудников есть тунеядцы, хитрецы, братоубийцы, кого только нет! Я думаю, что в этом смысле писатели, которые занимаются и будут заниматься некоторыми выводами и видами массового человека, вряд ли столкнутся с чем-нибудь новым, хотя специфика научной работы отличается от среды ранее существовавших социальных слоев.

Несколько по-другому обстоит дело с массовым человеком второго рода — массовым человеком сытым. Не секрет, что научно-техническая революция обещает в ближайшее десятилетие дать такое повышение уровня, что весь земной шар будет сытым, одетым, обутым и иметь кров над головой. Я беру самый оптимистический вариант, не вдаваясь в обсуждение других возможностей.

И вот здесь обнаруживается ужасная вещь: моралисты считают, что как только человек будет удовлетворен материально, он все силы отдаст развитию своего духа. На примере населения сытых стран мы видим, что это не так. По-видимому, здесь моралисты упустили какие-то вещи. Это упустили не мы, а наши учителя: это момент воспитания. Сытый невоспитанный человек — это ужасное существо, и можно ждать от него больших бед. Но не на эти беды будет ориентироваться писатель, который займется исследованием этого нового вида человека: действительно, апокалиптический ужас «черных часов досуга», так же как ужасы ядерной войны и разрушения экологии — это удел публицистики, а писатель должен заниматься исследованием этого сытого человека.

Я думаю, что не ошибусь, если выскажу такое предсказание. Глупо говорить, что НТР ставит перед писателем задачу исследования этого человека. Писатель сам ставит свои задачи, но писатели как отражающий контингент все больше будут заниматься психологией массового сытого невоспитанного человека. Я думаю, что в ближайшем будущем надо ожидать массовой литературы, занимающейся этим человеком.

Далее, массовый сытый невоспитанный человек имеется, естественно, и у нас в стране, — по крайней мере мы отлично сознаем это, это мы впитываем из лекций по социальным дисциплинам в наших учебных заведениях. Противовесом этого человека может служить только хорошая воспитательная закалка, и отсюда, по-видимому, в рамках нашего социалистического реализма должны появляться литературные произведения, которые будут подчеркивать роль воспитания этого массового человека, а отсюда можно ожидать все большего возрастания роли преподавателя, роли учителя в нашем обществе.

Вот примерно все, что я хотел сказать. Я обращаю ваше внимание, что интересно было бы послушать от вас, специалистов, что вы думаете — что непосредственно дает НТР как пища для искусства.

Борис Стругацкий **[Об интернационализме в фантастике]**

Я вспоминаю, как мы с А. Стругацким разрабатывали в середине 50-х годов план нашей первой повести «Страна багровых туч». Сейчас знаток фантастики читает эту повесть не без улыбки — ничего не стоит найти в ней множество промахов, банальностей, заведомо устаревших и неверных гипотез. Однако по крайней мере одну важную тенденцию нам удалось уловить тогда и передать совершенно точно. Повесть посвящена освоению космоса, и в этом освоении принимают у нас участие представители самых различных национальностей, граждане самых разных стран. Космонавты и ученые СССР, Индии, США, Франции делают одно общее дело, вместе, плечо к плечу.

Еще не был запущен первый спутник, и никто не знал, как выглядит обратная сторона Луны. Разработка проектов «Восток» и «Джемини» находилась в самом зародыше. Никто, естественно, не мог бы предсказать тогда, что итальянский спутник «Сан Марко» будет доставлен на орбиту американской ракетой так же, как канадский «Альюзтт» и спутники серии «Европа», что советская ракета-носитель выведет в космос индийский спутник «Ариабата» и — плод работы ученых социалистических стран — спутники серии «Интеркосмос». До исторической стыковки «Союза» и «Аполлона» оставалось ждать еще 20 лет. Но уже тогда было совершенно ясно, что такая грандиозная задача, как изучение, освоение и покорение Космоса, по плечу только объединенным усилиям людей разных стран и народов.

Нужно быть очень недалеким человеком или уж совершенно зоологическим националистом, чтобы представлять будущее человечества (я имею в виду, разумеется, ЖЕЛАЕМОЕ будущее) иначе, нежели арену интернационального сотрудничества, взаимоподдержки и единения всех народов и рас. Слишком много проблем стоит перед человечеством, слишком они грандиозны и важны, чтобы люди могли позволить себе роскошь разъединения и разобщения.

Фантастика — литература, имеющая, как правило, дело с проблемами глобальными, общечеловеческими, — не может не быть проникнута духом интернационализма и международного сотрудничества, идет ли речь об освоении Космоса, разрешении экологического кризиса или о перспективах генной инженерии. Именно поэтому дух интернационализма присущ современной фантастике и легко прослеживается не только у И. Ефремова и С. Лема, Г. Альтова, Е. Войскунского и И. Лукодьянова, М. Емцева и Е. Парнова, но и у лучших представителей западной фантастики, будь то А. Кларк, А. Азимов, Р. Брэдбери, Ф. Браун, К. Саймак и многие, многие другие.

Аркадий Стругацкий **Отзыв на научно-фантастическую повесть** **«Река Галис» Р. Подольного**

С творчеством Романа Подольного — как в области научной фантастики, так и в области исторической публицистики — я знаком давно и с большим интересом встречаю каждое его новое произведение. Сразу же замечу, что ни разу до сих пор он не обманывал моих ожиданий. Не обманул он моих ожиданий и на этот раз. Характерные черты его писательского почерка: смелость проблематики, резкость и неожиданность суждений, литературная занимательность — проявились и в повести «Река Галис».

Здесь, как и почти всегда у Р. Подольного, тема располагается в пограничной полосе между обширной территорией Достоверности и не менее обширной территорией Фантастики, — в полосе фактов и явлений, которых опасливо сторонится современная позитивная наука, но которые признаны и даже систематизированы инстинктивной тысячелетней общечеловеческой мудростью. Наука пока только осторожно запускает в эту полосу щупальца теории вероятностей и математической статистики (и убеждается, что да, «в этом что-то есть»), но не имеет еще аппарата для ее позитивного исследования, не имеет сколько-нибудь определенных относительно нее теорий, не выставляет даже первоначальных гипотез и предположений.

Итак, прогностика. Ясновидение. Предчувствия и системы народных примет. Вещие сновидения. Всякий непредубежденный человек знает (или чувствует), что «в этом что-то есть», но поставить это «что-то» на службу народному хозяйству? Соединить это неведомое «что-то» с современной производственной практикой? Руководствоваться этим «что-то» при решении вопросов, от которых зависят судьбы миллионов людей и миллиардные капиталовложения? Нет уж, увольте, говорит деловой человек. У меня есть

план, у меня есть научные консультанты, а паче всего я боюсь потерять репутацию делового человека.

В такой обстановке начинает работать лаборатория прогностики в повести Р. Подольного. Автор умело заостряет конфликт, введя в повесть с самого начала активного противника всего этого «честного шарлатанства», мастера теории игр, совершенного стратега и абсолютного знатока человеческой природы... Впрочем, будем исходить из того, что содержание «Реки Галис» в редакции «Памира» известно. Пересказывать не стоит.

Я хочу сказать только следующее: повесть несомненно удалась; читается она с захватывающим интересом; несомненно, она являет собой совершенно новое слово в советской (да и в мировой, насколько я знаю) фантастике. Попробую в доказательство этих утверждений перечислить основные достоинства повести.

1. Чрезвычайно удачен подбор героев — очень разных, разнохарактерных, очень современных; это позволило автору вводить их в естественные и современные взаимоотношения.

2. Сюжет повести на удивление прост; собственно, внешнего сюжета как такового вообще нет, зато есть движение мысли и движение отношений, поэтому ничто не отвлекает внимание читателя от того главного, зачем повесть написана.

3. Едва ли не треть текста составляют авторские отступления; обычно это скучно и легко пропускается, но отступления Р. Подольного настолько насыщены интереснейшей и разнообразной информацией, что оторваться от них трудно; вместе с тем эти отступления органически связаны не только с темой повести, но и с поступками и мыслями героев и неотделимы от «собственно повести».

4. Особую прелесть «Реке Галис» придает новизна и необычность темы (как и необычность литературной структуры): именно это я имел в виду, когда утверждал, что «Река» является новым словом.

Полагаю, сказанного достаточно. Повесть «Река Галис» может украсить страницы любого печатного органа в нашей стране. Я как патриот «Памира» очень желал бы увидеть ее на страницах именно нашего журнала.

Тексты подготовлены: Ю. Флейшман

III. Письма. Дневники. Записные книжки

Аркадий Стругацкий, Борис Стругацкий
Переписка, 1975–1976

1975

Борис — брату, 3 января 1975, Л. — М.

Дорогой Аркаша!

Ниже следует текст заявки на «Встречу миров».

Предлагаем заявку на сценарий полнометражного научно-публицистического фильма «Встреча миров» (название условное). Тема фильма: один из аспектов проблемы контакта земного человечества с инопланетными цивилизациями.

Бурный научно-технический прогресс последних десятилетий привел к тому, что целый ряд вопросов, еще недавно казавшихся чрезвычайно далекими от человеческой практики, встал буквально на повестку дня. В частности, благодаря стремительному развитию электроники, радиотехники и лазерной техники успешно решаются задачи сверхдальней космической связи, а это означает, что технически человечество уже сегодня способно дать знать о себе гипотетическим разумным жителям дальних миров, равно как и принять и попытаться расшифровать сигналы иного разума. В последние годы вопрос о контакте с инопланетными цивилизациями оживленно дебатруется уже не только в фантастических произведениях и философских эссе, но и в серьезных научных статьях, на международных научных конференциях, специально этому вопросу посвященных, в выступлениях крупных специалистов по радиоастрономии, биологии, математике, лингвистике, психологии и социологии. Совсем недавно в Бюракане (Армянская ССР) состоялось международное совещание, посвященное проблематике контакта. На северном Кавказе заканчивается строительство гигантского радиотелескопа РАТАН, в научную программу которого совершенно официально вписан пункт о необходимости специальных поисков сигналов от иных цивилизаций. И т. д. и т. п.

Проблематика Контакта имеет много аспектов. Сама проблема внеземной жизни: существует ли она вообще; каковы ее возможные формы; каковы пути ее эволюции; каковы условия возникновения разумной жизни; возможные формы прогресса этой разумной жизни — от самых примитивных до сверхцивилизаций. Проблема связи с иными цивилизациями: возможность межзвездных перелетов; техника поиска чужих сигналов и передачи своих; методика кодирования и расшифровки своей и чужой информации; и многое, многое другое.

Нас более всего интересует аспект философско-социологический: как будут развиваться отношения между человечеством и инопланетной цивилизацией, коль скоро контакт будет достигнут. Каковы возможные пути развития контакта? Каковы вероятные последствия контакта для земного человечества, для его науки и техники, для массовой психологии, для истории вообще? Какие конкретные формы может принять контакт в зависимости от уровня развития биологии, психологии, социального устройства конкретных носителей иного разума? Наконец, каких целей может добиваться земное человечество, ища контакта?

Точка зрения крайних оптимистов сводится к тому, что Разум един. Разумные существа с разных концов Галактики всегда найдут друг друга, цели их одинаковы — бесконечное изучение и покорение бесконечной Вселенной, — а потому с неизбежностью контакт приведет к обмену информацией, взаимопомощи, взаимному ускорению

прогресса разных миров. Даже встретившись со сверхцивилизацией, далеко обогнавшей человечество на пути прогресса (а сейчас, пока проблема межзвездных перелетов человечеством не решена, речь может идти только о таком партнере по контакту), земляне только выиграют во всех отношениях — человечество совершит гигантский технологический скачок, само выйдет в межзвездные просторы и окажется способным, может быть, даже разрешить свои социально-политические противоречия сегодняшнего времени. Вывод: контакт в высшей степени желателен; человечество уже теперь должно активно посылать сигналы в Космос, заявляя о своем существовании и стремлении войти в контакт.

Крайние пессимисты, напротив, исходят из идеи принципиальной агрессивности Разума и, ссылаясь на исторические примеры беспощадного угнетения отсталых народов Земли более развитыми, рассматривают Контакт в терминах колонизации, угнетения, эксплуатации. С точки зрения крайних пессимистов контакт человечества со сверхцивилизацией — это трагедия безнадежного, бесперспективного сопротивления, гибели земной культуры и низведения человечества до уровня рабочих животных, а может быть, и мясного скота. Вывод: контакт в высшей степени нежелателен, все попытки заявить Вселенной о своем существовании — преступны, по крайней мере до тех пор, пока земная цивилизация сама не выйдет на галактические просторы и не превратится в партнера равного по мощи.

Очевидно, разумный подход к проблеме Kontakта находится где-то посередине. Фильм мыслится как раз как столкновение крайних точек зрения и поиск оптимального решения. Хотелось бы рассмотреть разнообразные мыслимые условия Kontakта — контакт с гуманоидными цивилизациями, т. е. с существами, хотя бы внешне похожими на людей, и контакт с разумными существами иной биологической и биохимической организации; контакт с существами, близкими человеку по своей психологии, и с Разумом, для которого человеческая психология так же чужда, как для нас, скажем, психология спрутов. Контакт с цивилизацией, цели которой понятны человечеству (покорение природы, экспансия в космос и микромир, непрерывное совершенствование своих социально-политических характеристик), — и контакт с Разумом, эволюция которого сильно отличалась от человеческой, например — с биологической цивилизацией, в основе которой лежит не технологический прогресс, а расширение в первую очередь биологических и этологических знаний, не покорение природы, а, так сказать, слияние с нею, поиски и использование ее скрытых резервов, непрерывное совершенствование биологических характеристик носителей разума...

Насколько нам известно, фильмов на такую тему ни в советской, ни в мировой кинематографии еще не было, а между тем интерес широкого зрителя к этой тематике необычайно велик. Нам кажется несомненным, что в случае удачи такой фильм должен неизбежно выйти на мировой экран.

Фильм мыслится как органическое сочетание художественных, публицистических и познавательных элементов с широким использованием как игровых эпизодов (в т. ч. кадров советской и зарубежной кинофантастики), так и мультипликации, комбинированной съемки и документального материала.

Сценарий может быть представлен через 6 месяцев после заключения договора.

Что касается аннотации на зМЛДКС, то по размышлении это дело показалось мне не совсем простым. Давай-ка не будем торопиться, а соберемся вот с тобой через пару недель и всё тщательнейше обсудим.

Новостей у меня, натурально, пока еще никаких нет. Жду письма с новостями от тебя. И обязательно с максимально возможной точностью напиши: какой гонорар мы получили во Внешпосылторге, сколько, от кого и за что.

Целую, твой [подпись].

Привет Леночке <Воскресенской> и Машке <Стругацкой>!

Аркадий — брату, 8 января 1975, М. — Л.

Дорогой Борис.

Особых новостей нет.

1. Нам прислано было за ТББ и ОО из ФРГ что-то вроде 629 руб с копейками. Вычеты: 25% в банк и подоходный налог согласно, видимо, имеющемуся у тебя табелю. Внешпосылторг больше, видимо, не грабит. Получено каждым из нас по 163 р. 22 коп.

2. Получено письмо из США от Роберта Реджинальда с благодарностью за заполненные анкеты. Сообщает, что в США у ТББ хорошая пресса, он может прислать вырезки, а также экзы нового издания ТББ в ДОУ-букс. Ну, экзы у нас уже есть, а насчет вырезок надо бы написать. Да всё руки не доходят.

3. Некто Дарко Сувин из университета МакГилл (Канада) прислал оттиск своей статьи «Литературные произведения братьев Стругацких», напечатанной в журнале «Кэнэдиен-Эмерикен Слэйвик Стадиз», VIII, 3. Ничегё, многое заимствовано у наших критиков, но есть и свои идеи. Просит просмотреть и прислать замечания и исправления.

4. Из МолГв, Сцен<арной> студ<ии> и пр<очих> — ничего.

5. Бела <Клюева> работает в ВААПе, заезжал к ней, отвез листовку (рекламную) на ПиП, пропотел над этой листовкой целый день. Только мне и дела, что с этим г... возиться.

6. Прошу:

а. Выслать мне хоть десяток «Аврор» с ПиПом.

б. Сообщить, как с ПХХПВ+М.

в. Кто мне прислал перевод: Детгиз или «Аврора».

Жму, целую, Арк.

Привет Адке и Андрею <Стругацким>.

Борис — брату, 25 февраля 1975, Л. — Кисловодск

Дорогой Аркаша!

Ау! Как ты там? Есть ли еще порох в пороховницах? Знаю, что писать тебе противопоказано, но если все-таки соберешься, то обязательно отпиши: что говорят врачи? Что с тобой делают врачи? Что обещают врачи? Что ты сам по этому поводу полагаешь?

Новостей особенных нет, но кое-что все-таки поднакопилось.

1. Был в Лендетгизе. Получил одобрение за ПиП (255 р.). Тебе обещали перевести вскорости. Корректоры затащили к себе, якобы чтобы выяснить, почему у нас семигранная гайка, но на самом деле чтобы поглазеть. Они читают уже чистые листы нашего сборника ПХХПВ+М. И в журнале «Квант» этот сборник уже подан как выходящий в ближайшее время.

2. Получил из ВААПа таинственные 38.50 (обычных рублей). В сопроводилровке сказано: «гонорар из ГДР. (Полиграф<ический> оттиск)» Что это может означать — представления не имею.

3. Письмо из «Комсомолки» получил и обдумал. Имею мнение: статьи не писать (сославшись на твой отъезд), а просто написать коротенький ответ самой девочке. Что и сделаю в ближайшее время.

4. Каждый день печатаю по несколько страниц главы из ГО для «Невы». Должен сказать тебе, что работа скорее приятная, чем тяжелая. Уж больно хорош исходный материал. Жалко только некоторых абзацев, кои приходится выбрасывать. Звонил Саша <Лурье>, дабы меня подтолкнуть. Между прочим сказал, что главу из незаконченного романа они, оказывается, публиковать не могут. Надо это подать как самостоятельную повесть из цикла повестей о. По сути, это, конечно, без разницы, но возникают некоторые

чисто практические проблемы. Все-таки повесть это повесть, а глава это глава. В общем, я чувствую, что в конце мне придется попотеть, чтобы все это повествование как-то закруглить (завязка, кульминация, развязка).

5. Получил письмо от Миши Ковальчука. Благодарит за зМЛдКС. Все это очень приятно, но ведь он трепло. Он же болтает сейчас везде направо и налево.

6. Роттенштайнер (из ИНЗЕЛЬ-ФЕРЛАГ) прислал письмецо и очередную вырезку про ПНвС. Пишет, в частности, что ИНЗЕЛЬ хочет издать ПнО. И правда: давеча звонили из ВААП, просили разрешения. Сказали, что ИНЗЕЛЬ предлагает 2% (т. е. насколько я понимаю — четверть обычного гонорара). Я, натурально, спросил: а нельзя ли поторговаться? Мне печально ответили, что, конечно, можно, но неловко как-то, потому что повесть-то неконвенционная, и, строго говоря, ИНЗЕЛЬ вообще не обязан что-либо платить. Я сказал: ладно. И послал в ВААП соответствующее письмо (предупредив, что повесть сокращенная).

7. Буквально сию минуту принесли бандероль — польское издание «Малыша». НичеГё! Но эквивалентное название Ирена <Левандовска>, видимо, так и не нашла: называется — «Конец акции АРКА» (дословный перевод). Т. е. вероятно, «Конец операции “Ковчег”». Ну, ладно. Я тебе уже, кажется, говорил, что Лем в Кракове издает (редактирует) что-то вроде молодогвардейского 25-томника и хочет пустить в наш том ПнО, «Лес» и, возможно, ДР. Так вот, Роттенштайнер уже нацеливается все это переводить на немецкий. Он, кстати, еще пишет, что ИНЗЕЛЬ собирается выпускать в пейпербеках УнС и ПнО.

8. Ну, что еще? Вчера выступал у нас тов<арищ> Ю. Медведев. Как он пел — о достойнейший из учеников Базиля! Впрочем, все было очень мило. Трижды или более он во всеуслышание объявил о том, что в этом году выходит сборник Стругацких в таком-то составе. Когда же в кулуарах я спросил, а как там насчет одобрения, он значительно ответил: «Скоро! Скоро! Вот новый редактор прочтет, и тогда уже скоро!» Памятуя твое напутствие, я не стал усложнять. Постарался только быть с ним предельно милым и гостеприимным.

Такие вот дела. Скорее поправляйся — потрепаться охота.

Твой [подпись].

Большой привет от мамы и Адки.

Аркадий — брату, 2 марта 1975, Кисловодск — Л.

Дорогой Борик.

Спасибо за письмо.

Врачи говорят: сильнейшая неврастения, усталость. Дают: одиночество, нарзанные ванны, ограничение в чтении и работе. Обещают: месяца два осторожного жития поставят меня на ноги. Сам полагаю, что пора домой в Москву и посидеть дома как следует и в меру думать о делах. М<ожет> б<ыть> придется еще куда-нибудь закатиться — лечиться одиночеством.

Насчет письма в «Комсомолку». Жаль, что не получилась статья. Наши фамилии в этой газете — это было бы полезно. Впрочем, как знаешь.

Полагаю 10–15 марта вернуться в Москву. Позвоню или напишу.

Обнимаю, привет Адке и Андрею.

Сообщи маме, что письмо я ее получил, скоро напишу.

Твой Арк.

Аркадий — брату, 21 апреля 1975, М. — Л.

Дорогой Борик.

Не писал долго гл<авным> обр<азом> потому, что имеющиеся новости пока всё какие-то неопределенные и имеют некий злокачественно-тухловатый оттенок. Впечатление такое, будто все застывает и погружается в спячку на долгое зимнее время. Но все-таки кое-что есть.

1. Был Тарковский. Обсудили заявку. Он высказался в том смысле, что заявка ему нравится, но не слишком ли она политическая? Он боится, что потом, когда фильм будет готов, ему заметят, что он не выполнил данных в заявке авансов. Я ему возразил, что это же наша заявка, а не его. В общем, разошлись довольные друг другом, но передать заявку Соловьеву я до сих пор не могу, т. к. Соловьев разъезжает по бесчисленным пленумам и конференциям. Впрочем, это — дело дней.

2. Приезжали из Киева руководители украинского научпопфильма. Наша заявка на «Встречу миров» везде протолкнута и принята. На днях ожидаю договор. Картина будет из пяти частей (50 мин.), из них 3.5 части мыслятся как мультипликации и комбинашки из мультя и природы. Режиссер по мультикам нам уже назначен, режиссером общим будет, вероятно, сам их главный режиссер. Срок — четыре месяца, цена — 3 тыс. По подписании договора я приглашаюсь в Киев дня на три для обговорения подробностей с обоими режиссерами, «чтобы потом не возиться с вариантами», как мне было сказано.

3. Сценарий ПиП на студию сдал, но результатов пока не слышно. Возможно, сегодня сообщат. Либо сам съезжу.

4. В МолГв ничего сделать не удалось. Можешь себе представить, эти гниды там все время заседают! Прорваться для разговора решительно невозможно. Но телефонный разговор я все-таки имел. Мне было сказано, что ТББ и М не вызывают сомнений, если не считать легкой редакторской правки, а вот с ПнО есть затруднения, ибо получена рецензия от кандидата филнаук, которая (кандидат) доказывает, что Стругацкие плохо владеют русским языком. Это повергло меня в состояние некоторого ступорического изумления, и я даже забыл сказать, что дело-то не в рецензиях, а в том, что сроки одобрения прошли. Мы условились встретиться на следующий день (моя ошибка!), и так я на до сих пор потерял Медведева из виду. Впрочем, дело наше все-таки правое. Рассматривать филологические проблемы и, тем более, пересматривать состав сборника я отказываюсь, пока не получу одобрение — точнее, суммы по оному. А после разговора, в случае если в недельный срок одобрение не поступит, придется идти в ВААП. Пусть они там этим займутся. Они за это деньги получают.

5. С ВА<А>Пом, напротив, все идет как надо. Во-первых, Панкин поехал с делегацией в ФРГ и повез туда ПиП. Во-вторых, шведы запросили и получили нашу фотографию. Бела настроена весьма оптимистично. Впрочем, она всегда настроена оптимистично.

Таковы пока наши общие дела.

Обнимаю, жму. Привет Адке и Андрею.

Маме пишу. Твой Арк.

Борис — брату, 24 апреля 1975, Л. — М.

Дорогой Аркаша!

Наконец-то от тебя пришло письмо, а то я уже начал беспокоиться.

В Ленинграде пока всё боль-мень. Пришел сигнал ПХХПВ+М, но тиража пока нет. зМЛдКС я сдал на распечатку, на той неделе получу, прочитаю и сдам. Пришли деньги из Мосдетгиза — 523 р., как я понял — аванс за переиздание ПНвС. Получил письмо от

Ротгенштайнера (литагент ИНЗЕЛЬ-Ферл), пишет, что получил ПиП, который я ему послал, подтверждает намерения издать ПнО, УнС, ХВВ, а также ДР и М, лицензию на которые они купили у ГДР; сообщает между прочим, что существует покетбуковское издание СБТ в изд<ательст>ве Гейне и французское издание УнС+ПНвС (о коих я раньше не слышал).

На один из моих семинаров завалился вдруг инкогнито Жора Гречко. Мы познакомились и протрепались потом до половины второго ночи у него в гостинице.

На секции был мой самоотчет. Набежала кодла народу. Час я трепался о том о сем, развлекал почтеннейшую публику, а потом полчаса читал кусок из ПНвС. Публика разошлась неудовлетворенная — ждали бог весть чего.

Деятельность твою полностью одобряю. Мы с удовольствием займемся филологическими дискуссиями по получении одобрения. Но надо быть готову к серьезным боям — по-моему, этот гад копает под ПнО. Надобно будет стоять насмерть. Тем более что наше дело абсолютно правое. А кандидат филнаук — это, по-видимому, та самая <...>, которая написала о нас вонючую статейку в журнале не то «Детская лит<ерату>ра», не то «Русский язык» — помнишь? У кого-то из нас эта статейка есть.

Затея со «Встречей миров» — это, конечно, прекрасно, но когда мы всем этим будем заниматься, ума не приложу. У нас же еще эта повесть в Мосдетгиз! Бр-р-р! А сценарий ВМ надо делать серьезно, это не халтура.

Я по-прежнему рассчитываю приехать к тебе, как только получу экзы из Лендетгиза. Надо будет всё ТЩАТЕЛЬНОЙШЕ обсудить.

А что слышно насчет шведских экзов? Я уже не говорю о кронах и прочих тугриках. Пока всё. Обнимаю, [подпись].

Аркадий — брату, 30 апреля 1975, М. — Л.

Дорогой Борик.

1. Получил твое письмо и одновременно — договор из Киевнауцфильма. Всё честь по чести, все подписи и печати, один экземпляр по подписании вернуть, сумма 3 тыс. руб, аванс, срок исполнения — 1 сентября. Ничего, успеем. Студийный экз я подписал и отослал, наши экзы у меня.

2. Был у Медведева. Тошнило, но я держался молодцом. Суть свелась к следующему. Одобрение они согласны хоть сейчас же дать — но только по М и ТББ, а по ПнО у них есть «серьезные сомнения». Насколько я понимаю, сомнения эти имеют источником редактора нашего Зиберова, ибо он а) кандидат философских наук и опытный идеологический работник и б) был на БАМе и выяснил, что современной молодежи необходимы произведения о БАМе без всяких там глупостей. Что ж, памятуя, что с паршивой овцы бери, что дают, поставил условием немедленную выплату одобрения по М и ТББ и присылку официального письма от издательства с перечислениями претензий. Полагаю, это самый верный путь. Клянчить одобрения на ПнО — унинительно. Упрямитесь и отказываться от одобрения на М и ТББ — глупо. А когда получим суммы и обещанное письмо — там видно будет.

3. В Сценарной студии к 4 мая закончат перепечатку ПиПс, затем вручат Орлову, который по возвращении из отпуска немедленно отправился на праздники то ли в Венгрию, то ли в ГДР и вернется к 5-му. Во всяком случае, наш редактор уверен, что к середине мая эта затянувшаяся возня (три года!) будет наконец так или иначе закончена.

4. Звонила Бела из ВААПа. Панкин прочитал зМЛдКС, ему очень понравилось. Бела очень рада. Если теперь даст добро Главлит, они смогут торгануть рукописью. Бела просила достать еще два экза для этого дела. У меня, кажется, только один. Может быть, им хватит. А нет — будь готов прислать.

5. Из ВААПа пришли дополнительные экзы ТББ из США, а также — к моему огромному изумлению — два экза издания в Англии, изд<ательст>во Эйр Мэтьюэн

Лимитэд, с правом распространения только в Соединенном Королевстве. Очень красивая суперобложка. Памятуя, что ты скоро приедешь, не пересылаю.

6. Кстати о твоём приезде. Сообщи, как у тебя с планами. Хотелось бы, конечно, чтобы ты прихватил хотя бы десяток экзов М+ПХХІВ, но если это дело затянется, придется наплюнуть. Дело в том, что надлежит нам разработать этакий меморандум для Киевнауча, чтобы было от чего отталкиваться в предполагаемой встрече с режиссерами (чтобы избежать возни с вариантами). Так что — отпиши.

Пока все дела.

Приветы Адке и Андрею. Поцелуй мамочку.

Жму, целую, твой Арк.

Борис — брату, 5 мая 1975, Л. — М.

Дорогой Аркаша!

Получил твое письмо. Ну что ж, с паршивой овцы (я имею в виду Медведева) и такой клок урвать будет не вредно. А за ПнО еще поборемся.

Я вчера сдал зМЛдКС в «Аврору». Сейчас у меня остался один экз (кроме оригинала), но третий по счету. Годится для ВААП? Я на всякий случай его захвачу, когда приеду.

А приеду я, вероятно, числа 12–13-го. Я тут звонил в Лендетгиз, и мне объяснили: тираж ПХХІВ+М печатается в Калининне, оттуда его повезут в Москву и только потом — в Ленинград. Так что это, вероятно, дело затяжное. Меня просили еще позвонить 11-го, я позвоню, попытаюсь урвать хотя бы сигнальный экз, но в любом случае тогда же возьму и билет. Взявши билет, дам телеграмму.

Мысль о сценарии «Встреча миров» наводит на меня ужас. Да еще — к 1 сентября! Это же гора работы, если взяться серьезно.

ТББ в лондонском издании — очень интересно! До меня доходили какие-то смутные слухи, но я им не верил. Похоже, что и на самом деле по миру бродят гораздо больше изданий наших повестей, чем мы знаем.

Ну, пока всё. Целую, твой [подпись].

Аркадий — брату, 23 мая 1975, М. — Л.

Дорогой Борис.

1. Доверенность переслал. Впредь, однако, заверяй свою подпись у себя. Здесь соглашаются заверять только мою. Уломал с трудом.

2. Разрешения от «Авроры» на публикацию зМЛдКС через ВААП так и не дождался. Рискнул передать Беле на словах, что таковое получено, тем более что на первых порах они в письменном разрешении не нуждаются. С устным разрешением они передали рукопись в Главлит. Озаботься прислать и письменное на всякий случай.

3. Из Госкино относительно ПиПс пока ничего: все начальство было на Волгоградском фестивале. Сейчас начнут читать.

4. Был просмотр (самый первый) моего таджикского фильма на Центральном телевидении. Начальство одобрило, директор «Экрана» даже всплакнул. Мне тоже понравилось. Очень странная получилась картина. Принимать ее будут после незначительных поправок через месяц.

5. На остальных фронтах без перемен.

Обнимаю, твой Арк.

Привет Адке и Андрею. Поцелуй маму.

Борис — брату, 26 мая 1975, Л. — М.

Дорогой Аркаша!

Очень ловко принесли твое письмо — как раз в тот момент, когда я заканчивал телефонный разговор с Андреем Островским из «Авроры» и уже прикидывал, что я тебе сейчас напишу.

1. Никакого разрешения на зМЛдКС «Аврора» дать не может, пока вещь не будет опубликована или, по крайней мере, одобрена. «Аврора» весьма удивлена самой постановкой вопроса. «Аврора» не понимает, почему за разрешением обращаются к ней через авторов, а не непосредственно. «Аврора» готова рассмотреть письменный (или даже устный) запрос непосредственно из ВААПа, а мне, автору, ничего определенного сейчас сказать не может. Такова в общих чертах была реакция «Авроры». И, надо сказать, они по-своему несомненно правы. Почему мы с тобой должны заниматься выяснением таких деликатных вопросов? Почему все это делается устно, а не в общепринятой письменной форме, заверенной печатями и подписями? И как, черт побери, редакция может что-нибудь разрешить или запретить, если еще не известно, будет ли вообще печататься данная вещь? Согласись, вопросы резонные, и ответов на них нет. По крайней мере, у меня.

2. зМЛдКС сейчас «читают». Судя по всему, эта вещь их сильно ошарашила, и они полны сомнений. Ясно совершенно, что если повесть и пойдет, то только после основательной чистки. Андрей сказал мне, что решение будет вынесено, скорее всего, на редколлегии в середине июня. В этих условиях, сам понимаешь, мой запрос от имени ВААПа выглядел весьма странно, и я чувствовал себя дурак дураком. Неужели Бела не понимала деликатности ситуации, когда просила меня испрашивать это разрешение? И вообще ситуация мне стала теперь совсем непонятна. Ну а если «Аврора» откажется от публикации вообще — что тогда будет делать ВААП? Ты спроси об этом у Белы. Вообще, если будут недоразумения с этим якобы полученным устным разрешением, надо жать на плохую слышимость по телефону. Я тебе передал следующие слова Островского: «Если повесть будет опубликована, мы, наверное, не будем возражать против перевода ее ВААПом на другие языки; НО пока об этом говорить еще преждевременно, ибо одобрения еще нет». Ну, а ты расслышал только начало фразы. По'л?

3. Очень рад за твое таджик-кино. Надо ли понимать так, что тебе подкинут еще деньжат? Если да — рад вдвойне и втройне.

4. Очень прошу тебя послать один экз ПиП в Венгрию по адресу: ВЕНГРИЯ, Будапешт-1, Аттила утца 35, Петер Куцка (Kuczka). Это же живые деньги! С Венгрией у нас прямое соглашение! Кстати, Островский сказал мне, что неделю назад из ВААПа звонили им и испрашивали разрешения на ПиП, но он не знает, для какого государства.

5. Все время, как конфетку на языке, поворачиваю в голове сюжеты про летальные гены и про марсиан, принявших человечество за неразумную жизнь. Тут что-то есть, ей-богу! Надо тщ-щательно продумать!

6. Не звонили тебе насчет ГДРского гонорария? Если еще раз позвонят, пошли их в задницу и скажи, чтобы переводили советскими рублями. Туда и сюда их с ихней бюрократией.

Вот пока и всё. Жму руку, твой [подпись].

P. S. Ленуське и Машке — привет!

Аркадий — брату, 16 июля 1975, М. — Л.

Дорогой Борис.

1. Был во Внешпосылторге. Нами получено по 201 рѣб (из них 186 из Швеции, остальное из ФРГ). Свои я получил, а твои мне не дали. Срок действия доверенности

кончился, и вообще впредь тебе придется всякий раз писать им заявление с тем, чтобы деньги переправили тебе домой по почте. Такой теперь порядок для иногородних. Впервые слышу, чтобы сертификаты пересылали по почте, но так мне объяснили. Дали адрес: Москва, 121200, Смоленская-Сенная пл., 32/34, В/О «Внешпосылторг», Контора сертификатов. Напишешь заявление типа: прошу переслать мне такому-то туда-то причитающийся мне гонорар из Швеции и ФРГ в сертификатах. Они уверяют, что вышлют сразу же. Такие дела.

2. С Пекелисом еще хуже. Удалось выяснить, что у него в квартире ремонт и сам он почти никогда не бывает дома. Я попросил этого маляра (или кто это там), чтобы он записал мою фамилию и передал Пекелису. Возможно, это подействует, а я дам Машке инструкции. Хотя это бесполезно, потому что она через дней десять поедет за нами на Десну.

3. Деньги по сценарию и книгу перешлю с мамой.

4. Так и не получил от тебя дополнения и исправления для ПнО для ГДР. В чем дело? Тогда уж сам переправь их прямо в «Ное Берлин» Клаусу. Адреса его у меня нет, но может быть, тебе он известен. Это то издательство, которое собирается выпустить компиляцию из ПХХПВ и С.

5. Есть некоторые новости относительно Совета по фантастике и приключениям, но, по-моему, ничего особенного. Совет состоит из 73 человек, нас с тобой среди них нет.

Вот пока всё.

Обнимаю, Аркадий.

Борис — брату, 23 августа 1975, Л. — М.

Дорогой Аркаша!

Твое письмо от 15.08 мама получила только сегодня. Поэтому и пишу я тебе только сегодня.

1. «Аврора» завернула зМЛдКС. Рецензии (Дмитревского и Никольского) вполне положительны, но на словах замглавного высказал (самым дружеским образом) ряд существенных замечаний, являющихся необходимыми условиями публикации. Я сказал, что подумаю и что надо посоветоваться с тобой. Ради бога, сказали мне, время терпит. В этом году повесть все равно уже не пойдет, а до следующего года времени много... В общем, надобно будет нам об этом посоветоваться. Я склоняюсь к тому, чтобы никаких переделок не делать, а сесть и написать новую небольшую повестуху — тем более что все равно желательно иметь таковую для Мосдетгиза. Что-нибудь незамысловатое, про Горбовского.

2. МолГвардейский сборник я честно обработал и <s> соответствующим письмом отослал Медведеву еще в конце июля. С уведомлением о вручении. Согласно вернувшемуся уведомлению, бандероли были вручены 25 июля, т. е. почти месяц назад. С тех пор ни гласа, сам понимаешь, ни вздыхания.

3. Труд, завещанный мне богом, я благополучно закончил 31.07 и с тех пор блаженно бездельничаю, размышляя, главным образом, о новой повестухе.

4. Ездил в ленинградский ВААП, подписал разрешение на публикацию в ГДР ПнО и ВНМ. Замдиректора (чертовски симпатичный и очень расположенный к нам мужик) очень просил у нас что-нибудь новенькое, особенно нажимая на то, что желательны вещи НЕ опубликованные у нас. Оказывается, это весьма выгодно и ВААПу (почему-то), и нам, т. к. при опубликовании за границей НЕ опубликованной у нас вещи налог с нас взимается не в размере 50%, а в обычных человеческих размерах — 6–8%. Все это чертовски приятно, но абсолютно непонятно... Далее, этот мужик перед разговором со мною заготовил по данным ВААПа список договоров, заключенных в 1975 году на наши вещи. Среди известных нам наименований (ТББ в Швеции, УнС в США, ПнО в ФРГ и т. д.) там оказалось и нечто для меня совершенно новое, именно: ПХХПВ в Польше и ПнО в

Аргентине! Ты об этом ничего не слыхал? Ведь, по идее, все эти договора должны были пройти через наши руки...

5. Поправки к ПНО для ГДР отправил уже давно. Я там не стал мудрствовать лукаво и копать в мелочах — исправил только наиболее исковерканную сцену со стариком Шухартом.

6. Пришли в наш Детгиз наконец экзы ПХХПВ+М. И конечно, заказанного количества мне, гады, не дали. Получил половину — 25 штук. Впрочем, обещали со временем еще, да есть надежда, что и через Лавку что-нибудь отломится.

7. Как видишь, я оскоромился — купил за сертификаты новую машинку, голландскую. Машинка неплохая, но скверно отрегулирована — некоторые знаки дwoятся. Например: ???? или йййй. Кажется, впрочем, это исправимо.

Вот, пожалуй, и все мои дела. Письма, которые были, — неинтересны. С начальством никаким не виделся.

Да! Получил сертификаты — ценным письмом, в конверте, украшенном пятью могучими сургучными печатями. И получил остаток денег за переиздание — 940 руб. с копейками. Деньги твои через маму тоже получил. Но для чего же не написал ты полный финансовый отчет — положено столько-то, за долги изъято столько-то? Мнится мне, вычеты ты произвел неправильно, и я еще у тебя в долгу есть. (Именно, должен ты был вычесть $386 + 25 = 411$ руб. А ты сколько вычел?)

Мама (и я) интересуется, где будешь ты праздновать юбилей: у себя или у нее, как собирался? Отпиши срочно.

Целую и обнимаю, твой [подпись].

P. S. Леночке и Машке — приветы!

Да не забудь связаться с Пекелисом! Душа же у меня горит!

Аркадий — брату, 18 сентября 1975, М. — Л.

Дорогой Борис.

Новостей особенных нет. Был у Пекелиса, взял тощую картонку с марками и какие-то плоские длинные штуки — то ли это клемташи, то ли дертыши, словом, что-то филателистическое, судя по наклейкам на чехольчиках. Марки вчера послал тебе заказной бандеролью, то бишь ценной, в пятнадцать рублей.

Звонили из ВААПа, пришли деньги из США — сказали, по сотне рублей за ТББ и УнС. Еще спросили, что делать с гонорарами из соцстран, и я ответил, как договорились, чтобы переводили на сберкнижку в советских. Ты свои получишь в своей конторе, а на сертификаты придется тебе посылать такое же письмо во Внешпосылторг, как и в прошлый раз. Форму ты знаешь, адрес тоже.

Звонили из Детгиза, предлагают написать около листа для второго сборника «Вслух о себе», где юношеские писатели помещают воспоминания и соображение, как они дошли до жизни такой — стали писать для детишек. Форма произвольная. Подумай и отпиши, будем ли братья. Написать что-нибудь вроде «Мой брат и я».

Получил приглашение (формальное, на многих бумагах с приложениями) из САО АН СССР на школу-семинар в Ставрополье по проблеме «ЦЕТИ». Начало 16 октября, конец — 25-го. Подписал некто Копылов, директор САО. Не родственник ли он?

Вот все дела. Одолели родственники — Матильда <Аннинская> с девчонкой.

Поцелуй маму, привет твоим.

Жму, целую. Арк.

Борис — брату, 23 сентября 1975, Л. — М.

Дорогой Аркаша!

Наконец-то! Ура! Спасибо! Сколько удовольствия! Сколько восторгов! А благодаря кого? Благодаря брата и соавтора! Благодарю и ура!

Я надеялся одновременно с марочками получить и письмо от тебя, но, видимо, новостей у тебя нет. Не удивительно. У меня их тоже нет.

Звонил Дмитриевский. Сделал вид, что не знает, как обстоят дела в «Авроре». (А может, и в сам-деле не знает — все лето разъезжал по границам.) Обещал этот вопрос еще раз провентилировать, но сам понимаешь...

Вчера звонила Ирена. Там всё ОК. Идут уже репетиции ДоУ для телевидения. Идут переговоры по поводу сценария по ПиП для телевидения же. Запрос по поводу издания ПиП послан из издательства в ВААП. Правда, Ирена говорит, что теперь, по слухам, платить станут меньше.

Получил письмо от секретаря Клуба АБС (сам понимаешь, «А. и Б. Струг-е»). Клуб сей обосновался в славном болгарском городе Пазарджик. Среди всего прочего секретарь пишет, что было болгарское издание «Отеля...». Ты о нем слышал? И не помнишь ли, деньги мы за него получали? Впрочем, пардон. Посмотрел в свои записи: да, получали — еще в начале прошлого года. Но где экзы? Я попросил этого секретаря прислать.

Размышляю о СЗод. У нас там остались неясными кое-какие общие вопросы, так я их, кажется, боль-мень уладил. Вообще надо сказать, все это выглядит очень изящно, но как копнешь... Масса будет мелких трудностей.

Отпиши мне все-таки о своих делах и планах.

Да! На меня напала корреспондентка (очень милая, впрочем) — писать статью для ЛитОбоза на тему: «Стругацкие и их переписка с читателями». Я сунул ей в зубы письма за последние 2.5 года — пусть думает.

Вот и всё пока. Еще раз большое спасибо.

Твой [подпись].

P. S. Ленуське и Машке — приветы!

Борис — брату, 27 сентября 1975, Л. — М.

Дорогой Аркаша!

Получил наконец и твое письмо. Долгонько оно до меня добиралось — 8 дён. Путешествие из П<етербур>га в Москву.

Письмо в ВААП послал (точнее — во ВНЕШПОСЫЛТОРГ). Сертификатики — это хорошо! Как раз Адкин день рождения надвигается... Значит, тебе сказали, что это за ТББ и УнС? За ТББ понятно, а вот почему вдруг за УнС? Может, книжка-то уже вышла? А? Посмотреть бы! Не совсем ясно: договаривались же, что Пол напишет предисловие и пришлет нам на просмотр. Никто ничего не присылал.

По поводу сборника «Вслух о себе» могу сообщить, что я изучил материалы для «Вопросов философии» и, по размышлении, отверг. Ну их всех на хер с ихней НТР. А написать что-нибудь вроде «Мой брат и я», в принципе, можно было бы — порезвиться, похохмить, — но когда? Повесть нам писать надо! СЗод писать, а не хохмочки. Да и сценарий этот висит. Не знаю, не знаю... В общем, если это детгизовское дело терпит, если этот самый лист можно им будет дать месяцев через шесть-семь, тогда — ладно, не возражаю. Но если это им надо в ближайшие полгода, то лучше не связываться. Пока мы хотя бы черновик СЗод не напишем, душа у меня не будет спокойна.

Сейчас, по-моему, пора решать вопрос об очередной встрече дней на 12 — писать СЗод. Я относительно свободен, слово за тобой (на тебе — сценарий). Прикинь и напиши:

когда, где? Хоть бы страничек 30 отмолотить — для затравочки. А то — темно в глазах и как-то все до лампочки.

Мне никто никакого приглашения в Зеленчук не присылал. Гм. Странно. Я, разумеется, все равно бы не поехал, но ведь договаривались, кажется... Гм. А Копылов Иван Михеевич — не только не родственник нашему Сашенции, но, наоборот, его начальник, сильно пьющий человек и вообще, по слухам, не сахар.

У меня к тебе большая просьба: форсируй как-нибудь свой контакт с «Неманом». Очень хочется понять, есть там хоть какие-нибудь шансы или такой же нуль, как и везде. Если окажется нуль, я все-таки решусь на заход в «Неву». Но это уже будет, сам понимаешь, жест отчаяния.

Получил письмо от Миши Ковальчука. Он там все восторгается подарком, который сделал тебе на юбилей. «Вам Аркадий Натанович, наверное, рассказывал...» А я, хоть убей, не помню, что это за подарок и почему я должен так тебе завидовать. Или это ты забыл мне рассказать? Даже любопытно стало. Люблю со вкусом позавидовать.

Перечитал здесь ни с того ни с сего «Малыша». Ей-богу, очень недурная повестуха, оказывается. Зря я ее ругал. Молодцы мы все-таки: из заказного дерьма сделать такую конфетку... Орлы!

Так что, Аркашенька, тщ-щательнейше продумай вопрос: когда и где — и мне отпиши. Срочности никакой нет, но я хотел бы иметь конкретный план на будущее.

За сим, Ваше Превосходительство и благодетель, остаюсь Вашего Превосходительства и благодетеля покорнейшим слугой...

Или как к Кардиналу:

Имею честь быть Вашего Преосвященства покорный слуга...

Или как к восточному патриарху:

Остаюсь Вашего Блаженства покорный слуга...

Или как к архиепископу английской церкви:

Остаюсь, Милорд Архиепископ, Вашей светлости покорный слуга...

Это я сейчас изучаю очень забавную, словно из другого века, книгу: «Дипломатический церемониал и протокол». «§ 527. Основные трудности при рассадке почетных гостей за столом между официальными должностными лицами возникают по соображениям вежливости...» Нам бы ваши заботы!

Вот пока и всё. Твой [подпись].

P. S. Леночке и Машке поцелуи.

Аркадий — брату, 2 октября 1975, М. — Л.

Дорогой Борис.

Новостей предостаточно.

1. Из Театра им. Моссовета обратились с просьбой инсценировать ПиП. Навел справки. Мне посоветовали уклониться. Что я и сделал, предложив моссоветовцам заниматься инсценировкой без нас, уверив, что мы подмогнем.

2. Говорил с Ниной Берковой. Если мы не хотим потерять печатную площадь, надобно хотя бы к 1 января сдать ПНвС плюс новую повесть, хотя бы первый (даже черновой) вариант СЗод.

3. Получил от Тарковского два письма с призывом поскорее начать работу над ПНО, для чего снова поговорить с Соловьевым и условиться, что инициатива исходит не от него, Тарковского. Ну, ты помнишь, как мы договорились проталкивать это дело. Беда вся в том, что Соловьева нет в Москве. Впрочем, на днях он приедет. В этом духе я и отписал Тарковскому, призвав его по получении письма приехать в Москву и повидаться со мной. Он прозябает где-то в Рязанской области и уже четыре месяца в Москве не был.

4. Иосиф Копытман, талантливый режиссер театральный (он сейчас таскается со своей труппой по городам Союза, а в труппе четыре человека, из коих имеет место Даль,

Дворжецкий и Джигарханян, самые звезды сцены и экрана), прочитал ТББ и вспыхнул неимоверно. Мы с ним посидели два дня и набросали план спектакля «по мотивам». В сущности, если взяться, то дело свелось бы к перепечатке отрывков из повести страниц на сто. Начать и кончить. Он уверен, что любой областной театр ухватится и прибыли будут большие. Утверждать пьесу надобно будет не в Минкультуры, а на месте, в области, где, по его словам, цензор только узнает, что уже издана книга, как тут же, не читая, подпишет. Требуется твое мнение.

5. За сертиками еще не ходил. А ты послал им письмо-требование?

6. Мой таджикский фильм «Семейные дела Гаюровых» показывали в Тбилиси на каком-то фестивале и выдвинули на какую-то премию. Отзывы очень хорошие, не официальные, а от знатоков. Так что можешь успокоиться, фамилия наша не посрамлена.

7. В воскресенье встречаюсь с Катасоновым, редактором Центрального телевидения. Он требует у меня заявку на инсценировку. Хочу предложить ему Малыша и ПНвС. Серий на шесть. А?

Такие вот дела.

Обнимаю, жму. Привет Адке и Андрею.

Поцелуй маму. Тебя мои целуют и всё спрашивают, когда приедешь.

Твой Арк.

Да! Обратись в свой отдел ВААПа или что там у вас есть. Насчет денег из соцстран.

Аркадий — брату, 2 октября 1975, М. — Л.

Дорогой Борька.

Только что отправил тебе письмо, а тут по возвращении обнаружил в почтовом ящике твое и мамино.

Будем считать, что в очередь следующим пишешь ты.

Насчет встречи. Я сейчас бешено занимаюсь сценарием. Получил отсрочку до 3 ноября, но думаю, что закончу число к десятому. Октября, конечно. Беспокоит немного, что по листажу получается довольно куцо — страниц на 35, не больше. Но зато достаточно содержательно, и мульты займут много времени.

Встретаться будем, скорее всего, в конце октября — начале ноября. Там договоримся. Все равно мне пятнадцатого ехать — я как раз кончу и перепечатаю и отправлю сценарий. В основу своего выступления положу наши предположения насчет возможных целей пришельцев и предложу немедленно прекратить посылы сигналов в космос. На ближайшую сотню лет. Возможно, со мной поедет Тарковский, ему тоже послали приглашение — через меня. Я ему об этом отписал. Полагаю, ты меня в этом намерении — воззвать к прекращению сигнализации — поддерживаешь, а если нет — отпиши немедленно резоны. Мне лично эти шуточки не нравятся.

С тем тебя и обнимаю и целую,

оставаясь Вашества покорнейшим слугой и тем не менее братом,

А. Стругацкий.

Борис — брату, 2 октября 1975, Л. — М.

Дорогой Аркаша!

Пишу тебе внеочередное, так как получились некоторые новости. (Пишу от мамы и потому — на старой машинке.)

В. И. Дмитриевский устроил некоторый шум на последнем заседании редколлегии «Авроры»: «Что за чепуха? Да разве можно известным писателям предлагать такие требования? Ведь они же согласны удовлетворить требования рецензентов, каковые требования полностью отражают мнение редакции. Чего нам еще? И т. д. и т. п.» Вопль

возмущения и негодования был ему ответом. «Да разве мы чего-нибудь требуем, кроме?.. Да ради бога! Да мы ждем не дождемся!.. И т. д.» Андрей <Островский> молчал. Молчал до редколлегии, когда В<ладимир> И<ванович> утрясал вопрос с главредом. Молчал во время редколлегии. Молчал и после. В<ладимир> И<ванович> делает из этого вывод, что Андрей перестраховался и теперь от всего этого отстраняется. Короче, обстановка складывается как будто благоприятная. При прочих равных я бы уже взялся за дело, ибо удовлетворить большинство требований не так уж сложно (берусь — за два дня) и заняться этим стоит, хотя бы ввиду возросших шансов отхватить одобрение. Но! Но у меня нет, как тебе известно, экзов. Как известно, последний экз ты забрал в Москву. А посему имею предложить:

1. Если ты еще не начал форсировать Минскую операцию — пришли экз мне;
2. Если же начал — срочненько отпечатай и опять же пришли (печатать рано или поздно все равно придется — для разных будущих вариантов).

Вот и все мои дела.

Твой [подпись].

Р. С. Леночке и Машке (отлеживающимся после налета родственников) — приветы и поцелуи!

Борис — брату, 5 октября 1975, Л. — М.

Дорогой Аркаша!

Получил сразу два твоих письма. Спешу ответить.

1. Значит, договорились: встречаемся в конце октября — начале ноября. Оч<ень> хор<ошо>. Что будем писать, выясним на месте, но я полагаю, что все-таки СЗод. Работа с Тарковским, конечно, дело святое, но это же все пока на соплях! А СЗод и наша прямая обязанность, и дело также святое, и зависит только от нас.

2. Ты меня удивил! Вот уж не думал, что ты серьезно намерен ехать в Зеленчук! Впрочем, если ты поедешь туда с Тарковским — это будет хорошо. Выступая, не увлекайся, будь сдержан и в меру ироничен. Ничего не утверждай, всё излагай в сослагательном наклонении. Помни, что они там — профессионалы, а ты — дилетант, аматер, так сказать. Имей в виду, что там будут присутствовать очень, по слухам, ядовитые и ехидные люди, вроде Шкловского или Озерного, им палец в рот не клади, да и далеко не все ученые настроены к нам доброжелательно. Поэтому постарайся не говорить ничего такого, чего не мог бы немедленно при необходимости обосновать. Основа, конечно, наша старая: скорее всего, никакого иного Разума — во всяком случае, в человеческом смысле этого слова — во Вселенной нет. Но рисковать не имеет никакого смысла. В лучшем случае, наш сигнал это глас вопиющего в пустыне, а в худшем — будет с нами как с елочкой, которая высокая и стройная в лесу себе росла, а после много-много радостей детишкам принесла. Дуй до горы! Но если Тарковский не поедет, то лучше и ты не езжай. К тому два соображения: а. Польза рекламы, б. Если Тарковский поедет, то ты заведомо будешь не самым смешным в этой банде ядовитых умников и сухих ненавистников любой фантазии.

Такие вот будут мои тебе заветы.

3. Насчет инсценировки ПиП в театре — тебе виднее. Конечно, возиться с этим дерьмом неохота, но ведь и пеньензы упускать неохота! Проследи там.

4. Насчет ТББ. По-видимому, ты забыл, что уже существует инсценировка ТББ, написанная нами в соавторстве с молодым способным Андреем Зинчуком. По-моему, я тебе даже давал ее читать. Эта инсценировка сделана по заказу главрежа какого-то дальневосточного театра (забыл — какого). Послана ему в конце прошлого года. Насколько мне известно, ни гласа от него не было, ни воздыхания, но если ты будешь серьезно вести дело с Копытманом, то все должен ему по-честному изложить. Тем паче

что инсценировка уже есть, лежит у меня в папке, и по устной договоренности две трети в этом бизнесе — наши.

5. Письмо по поводу сертиков послал уже давно. Пока — ничего.

6. Рад за твоих «Гаюровых». В добрые отзывы, натурально, не верю, но, может быть, тебе еще денжат подкинут?

7. Инсценировка для телевидения серий на десять (а не на жалкие шесть, о коих ты пишешь) — это было бы прекрасно! Договаривайся. Но нельзя ли вместо М и ПНвС предложить, все-таки, ДоУ. Детектив! Фантастический! Труп! Потом — бах! — оживает! А? Загадки, бля! Тайны! А? И уничтожающая критика буржуазной идеологии.

8. О каких деньгах из соцстран ты намекаешь столь таинственно? Нет чтобы прямо написать! Я, конечно, позвоню в свой ВААП, но что мне там спрашивать?

9. Надеюсь, ты уже получил мое последнее внеочередное письмо и уже выслал папочку с зМЛдКС. Хочу все-таки это дельце довести до конца. Чем черт не шутит. Читатели говорят, что «Аврора» сейчас такое печатает — один пьет, семерых, гляючи, рвет. После такой порции ипекакуаны им наверняка захочется дать читателю чего-нибудь освежающе-возбуждающего.

Целую, твой [подпись].

P. S. Леночке и Машке привет!

Аркадий — брату, 9 октября 1975, М. — Л.

Дорогой Борик.

1. Совершенно согласен с тобой: работать будем над СЗод. Дело не только в священных обязанностях и прочих сантиментах. Дело еще и в том, что я больше не верю в затею с Тарковским. Он надолго погиб во мнении начальства: Ермаш получил за «Зеркало» выговор и таким образом освободился от всякого чувства вины перед Андреем. Конечно, надежды терять не следует, но все это явно откладывается в долгий ящик.

2. Сценарий для Киевнаучфильма я закончил (наконец-то!), сдал на машинку, в будущий вторник отошлю. Прочел его Ленке и Машке, они в восторге, но единогласно объявили, что ставить его никто не решится. Может быть. Во всяком случае, аванс я отработал, а там, глядишь, передадим его в ВААП, пусть торгуют.

3. Инсценировка ПиПа в Театре Моссовета никаких пеньензев дать нам не может. Договор, и то проблематично, они заключают только по получении и одобрении готовой пьесы. Нужны нам эти условия как прыщи на голове у невесты.

4. Ничего я про ТББ не забыл. Дальневосточники год чешутся, они нам не указ, а Копытману и подавно на это начхать. Его план инсценировки совершенно оригинальный, ничего общего с зинчуковским не имеет, а вместе с тем не требует никакой выдумки — только печатанье на машинке, вернее, списывание с книги. И по договоренности — наши будут не две трети, а все три.

5. Я лично сертики получил (два дня назад). Рекомендую: немедленно напиши (или даже телеграфируй) напоминание.

6. О деньгах из соцстран я не намекаю таинственно, а сообщаю, дубина ты эдакая. Когда мне позвонили из ВААПа насчет сертиков, то спросили, как быть с суммами из соцстран. Я сказал, чтобы переводили совзнаками. Мне, они сказали, переведут на книжку (не знаю, перевели ли), а тебе надлежит обратиться в твою ленинградскую контору.

7. зМЛдКС выслал дней пять назад. Ты, верно, уже получил.

8. Хотел уже кончать письмо, да тут позвонил мой редактор из Сценарной студии. Зашевелились в Госкино. ПиПс прочитал Павленок (еще раз) и одобрил. Теперь надо бороться Даля Орлова, главреда. 22-го надо быть у него с Соловьевым. Соловьев просил получить на сценарий рецензию «видного теоретика фантастики», но я постараюсь его уговорить не делать таких глупостей. Что Орлову Бритиков или Кагарлицкий? Сами управимся.

9. Так что ехать в Зеленчук мне, видимо, не придется.
Целую, твой Арк.
Всех целуй.

Борис — брату, 12 октября 1975, Л. — М.

Дорогой Аркаша!

Получил и письмо твое, и бандероль. Над бандеролью сижу, глубоко задумавшись. Перечитываю рецензии, набираюсь национального самосознания. Уже тошнит, но еще не рвет. В ближайшие дни дойду до кондиции и примусь за дело. Работы там, честно говоря, не на два дня, а на два часа, но сначала я еще хочу прощупать настроения замглавного. Завтра, наверное, съезжу.

Насчет зинчуковского ТББ известия такие. Дальневосточный режиссер уже полгода бьется как лев, то есть абсолютно без толку. В Л<енингра>де Зинчук сунул пиесу на телевидение, и совсем было уже все в шляпе, он уже карман приготовил, но тут пиеса дошла до главной инстанции и последовал отказ, решительный и бесповоротный. Так что, пожалуй, можно только пожелать Копытману твоему успехов и удачи. Особенно, если все это будет совсем не похоже на зинчуковский вариант. Ты держи меня в курсе, пожалуйста.

Сертики мои уже пришли, лежат пока на почте, завтра за ними зайду. А что касается гонораров за социздания, то я так и не понял, за что нам полагается, и что именно. Тебя в ВААПе спросили **ВООБЩЕ** или о каких-то конкретных гонорарах? Вот что неясно в твоём письме. Чувствуешь, как я ставлю вопрос: гонорары уже есть или только будут когда-нибудь? Что мне, так и не так, спрашивать в моем ВААПе? **ЧТО?!!!** «Нет ли там у Вас денежек для меня, хе-хе-хе-с?...» Или: «Так мне пришли деньги за то-то и то-то. Разрешите получить?» Ощущаешь разницу?

Что ты не поедешь в Зеленчук — потеря невеликая. Все это — болтовня.

Меня тут избрали снова членом бюро секции («как руководителя семинара молодых и одного из выдающихся фантастов современности...»). На перевыборном собрании была прелестная сценка. Брандис делает отчет и в конце перечисляет, сколько книг членов секции вышло в разных странах («...В Англии — одна, в Польше — шесть, в США — две...» и т. д.). Есть у товарищей вопросы к докладчику?

ШАЛИМОВ: Да. Можно узнать, а чьи книги вышли в США?

БРАНДИС: Братьев Стругацких.

ШАЛИМОВ: Спасибо. А в Англии?

БРАНДИС: М-м... Братьев Стругацких. (Смех в зале.)

ШАЛИМОВ (обиженно задирая брови до корней волос): В Швеции, вероятно, тоже братьев Стругацких?

БРАНДИС: Да. Тоже. (Одобрительный смех присутствующих.)

Должен тебе сказать, мы действительно абсолютно всех забили по переводам, даже великого Успенского. Я составлял список для Брандиса — наши издания за 73–75-й гг. — обалдеть! И ведь это еще не всё! Ведь что-то еще в Испании выходило, и в Австрии (деньги мы получили, а за что — неизвестно)! Да, это была победа сил разума, братец ты мой! (Впрочем, по изданиям в СССР мы занимаем весьма скромное место в сравнении, скажем, с Дмитревским, который за этот срок выпустил не то три, не то даже четыре книги.)

Тут ко мне здорово пристают, и душа горит, что дать нечего! Балабуха собирает сборник для Гидрометеоиздата — фантасты об охране окружающей среды. Категорическое требование редакции: обязательно должны быть Стругацкие, иначе и говорить не будем. Ну что им дать? Причем в пределах 2 листов. Ну, предложил им «Благоустроенную планету»...

Томилини, составитель сборника «Хочу все знать», тоже просит. «Начальство согласно печатать в сборнике ф<антасти>ку, но требует, чтобы открыли эту новую полосу Стругацкие. Иначе — ни в какую! Ну, Борис, ну напишите что-нибудь листа на три!..» Второй год уже просит, а что я ему могу предложить? Не зМЛдКС же...

Ну ладно. Целую, твой [подпись].

P. S. Ленуське и Машке поцелуй!

Борис — брату, 4 ноября 1975, Л. — М.

Дорогой Аркаша!

Пишу внеочередное, потому что позвонил вот в Литфонд и выяснилось: в декабре Комарово еще закрыто, откроется после Нового года, заявления принимаются с декабря. В связи с этим у меня есть предложение отложить встречу до 10 декабря и встретиться у тебя. Во-первых, Ленке будет все-таки чуть поменьше хлопот, а во-вторых, я только что сообразил, что намеченная ноябрьская встреча получается уж очень куцая. Дело в том, что 10 ноября у меня первое заседание моего семинара (совершенно из башки вылетело, а вчера мне напомнили), значит, у тебя я буду только вечером 11-го, а уехать мне придется 16-го: всего чистых четыре дня для работы, ни то ни се. Так что давай отложим до 10 декабря, а там уж поработаем вовсю.

Теперь насчет Комарово. Как ты относишься к тому, чтобы в декабре я подал заявление на январь, число этак на 12-е? Отпиши.

В остальном ничего нового.

Целую, твой [подпись].

Аркадий — брату, 10 ноября 1975, М. — Л.

Дорогой Борис.

Заявление на Комарово подавай. Пусть будет с 12-го, хотя лучше было бы числа с 15-го, ибо могу попасть под разъезд со школьных каникул.

Нового ничего. Звонит тут некий Мкртчян из 4-го объединения «Мосфильма», предлагает что-нибудь заявить. Я намерен предложить ему экранизацию «Малыша». Надеюсь встретиться с ним с тобой вместе, но придется, видимо, одному.

Всем приветы. Обнимаю, твой Арк.

Борис — брату, 24 декабря 1975, Л. — М.

Дорогой Аркаша!

Имею сообщить:

1. Пришло наконец уведомление о вручении з<аказной> бандероли. Всё, по-видимому, ОК. Теперь руки развязаны и можно приступать к дальнейшим действиям. Следующее мое письмо я перешлю сначала тебе — для ознакомления и одобрения, ибо это будет некий шаг. Но это — уже после праздников: во-первых, ДО никто ничего читать не будет, а во-вторых, я жду кое-какой дополнительной информации.

2. Получил из ВААПа некие 116 руб. с копейками. Мол, гонорар из ВНР. За что? Может быть, за главу из ПНО?

3. Теперь — координаты Иосифа Самуиловича Шкловского. К сожалению, удалось выяснить только адреса мест работы, но зато — домашний телефон. Итак: <...>

Я полагаю, проще всего будет, если ты позвонишь ему домой и выяснишь, куда именно лучше выслать ему материалы, а может быть — договоришься о встрече. Впрочем, действуй по усмотрению.

4. Вечер с Ковальчуком прошел интересно. Если он будет тебе звонить, очень прошу: встретиться с ним и побеседуй, о чем я с ним беседовал. Весьма интересный человек, оказывается. Я, честно, не предполагал. Сильненький союзник в борьбе с медведевщиной!

5. Вряд ли я поеду на заседание Совета 6 января. Поэтому если тебя будут туда приглашать, обязательно сходи. Если не будут приглашать — позвони Риму Парнову и пригласить вынуди. Говорить там тебе все равно не дадут, но узнать, что и как там будет говориться, по-моему, важно. Очень тебя прошу: не поленись и не заведись — сходи тихонечко, посиди в уголку с Ниночкой <Берковой>, и все дела.

6. Если встретишься с Андреем <Тарковским>, обязательно напиши мне о результатах.

7. Сейчас должен примчаться Кан, обливающийся слюною!

Целую, твой [подпись].

P. S. Девкам — привет и поцелуи!

1976

Борис — брату, 3 января 1976, Л. — М.

Дорогой Аркаша!

Прилагаю письмо заведующему сектором печати отдела пропаганды ЦК ВЛКСМ тов. Полещуку. Имя-отчество установить не удалось — точнее, имя известно (Александр), а вот отчество...

Прочти его внимательно, если захочешь — подправь, да и посылай (заказным) с богом! Я нарочно поставил на письме дату с запасом. Подумай также, какой поставить обратный адрес. (Может, он захочет, скажем, тебя вызвать для беседы?)

Этот шаг представляется мне верным: Полещук — главный начальник Медведева и, по слухам, уже драл последнего за неуклюжесть и неумелость. А сейчас, вдобавок, назревает, кажется, скандал с венерианским сборником. Так что — с богом, ура!

Путевки нам уже дали: с 12-го на 12 дней, комнаты, кажется, 21 и 22. Как только получу путевки на руки, дам тебе телеграмму, а ты будь готов.

Целую, твой [подпись].

Аркадий — брату, 1 февраля 1976, М. — Л.

Здравствуй, Борик.

Все у нас больны гриппом, что вообще-то сейчас обыкновенно. Однако кое-что успелось.

1. Тарковский прочитал. Пришел, получил от меня деньги и выразил ФЕ. Понять его было чрезвычайно трудно, однако смысл его претензий в следующем:

А. Ему не надо, чтобы был атомный взрыв. Гл<авным> обр<азом> потому, что а) это значит, что ученый вышел с заранее обдуманном намерением и оно претворил в жизнь, пронеся идею невредимой и неизменной через всю Зону; вот если бы он вышел с этой идеей и в ходе перехода ее изменил, тогда другое дело (или если бы он вышел с другой идеей, а в конце пришел к выводу о взрыве, тогда тоже другое дело). б) Зону вообще не надо взрывать (я сказал ему, что речь идет о Машине Желаний, но он возразил, что это все равно), ибо она, Зона, есть квинтэссенция нашей жизни. Тут, естественно, у меня глаза на лоб полезли.

Б. Для него сценарий очень пестр, его надо ускучивать. Больше всего ему понравился телефонный разговор (только содержание должно быть другое) и сцена, где двое спят, а один на них смотрит. Эту сцену (сна) он хочет сделать очень длинной.

Впрочем, ближайшее его действие будет: утвердить это на худсовете как первый вариант, а потом все обсудить заново и дать нам конкретные указания. На чем и порешили. Этим он будет заниматься сам.

2. Пришло из ЦК ВЛКСМ письмо след<ующего> содержания:

«Уважаемый Аркадий Натанович! Ваше письмо рассматривается в Отделе пропаганды и агитации ЦК ВЛКСМ. О результатах Вы будете информированы. Зам<еститель> зав<едующего> Отделом пропаганды и агитации ЦК ВЛКСМ Л. Паршин». Подпись неустоявшимся почерком.

3. У меня к тебе вопрос. Пошел я на книжку за деньгами и обнаружил, что после 10 ноября прошлого года у меня всего два поступления: 118 р. из ВНР и 704 из Студии. Кажется, должны были быть еще. Или я ошибаюсь? Посмотри у себя и сообщи.

Вот пока все.

Жму, обнимаю. Твой Арк.

Приветы Адке и Андрею.

Борис — брату, 6 февраля 1976, Л. — М.

Дорогой Аркаша!

Очень интересное письмо! Что ж, ничего неожиданного, согласись, не произошло. Конечно, хотели бы мы другого, но ведь мы имеем дело с титаном — что с него взять? Я вполне удовлетворен развитием событий. Пусть он выбивает очередные проценты, и пусть он предлагает конкретное. Ему теперь есть над чем подумать. Два вопроса по этому разделу:

1. Сколько ты ему вручил (т. е. сколько я теперь тебе должен)?

2. А как он отнесся к повороту с Шухартом? К рюкзаку с деньгами? Безотносительно к атомному взрыву?

Письмишко, значит, в ЦК ВЛКСМ наше дошло. Что ж, посмотрим. Ответ, надо сказать, холодноватый, но, с другой стороны, я и такого не ждал.

Теперь по поводу гонораров. С 10 ноября 1975-го у меня, кроме тобою перечисленного, имеют место следующие поступления:

Из ВААПа 598 р. с копейками за «Малыша» в ГДР и ПНР (ноябрь).

Из ВААПа же 350 р. с копейками... впрочем, пардон, деньги пришли на книжку без сопроводительной бумажки, так что это только я лично предполагаю, что они из ВААПа и выданы за ДоУ на эстонском языке (самый конец декабря). Больше ничего не поступало.

Когда пойдешь в ВААП выяснять про эти деньги, обязательно спроси, какова судьба денег из ГДР, которые мы попросили (помнишь?) перевести в банк в виде валюты. Это было, по-моему, в мае прошлого года, когда я приезжал в Москву. (Речь шла о паре сотен рублей, кажется.)

У меня никаких новостей нет, только ужасно одолевают посетители. Я гоню их в шею, прямо с порога, но они валят валом со своими слюнявыми объятиями.

Написал наше с тобой интервью для «Ленинских искр». Отослал.

Да! Может, к тебе еще раз нагрянет поляк из Варшавы с марочками для меня. Ты уж извини, Христа ради, но вся беда в том, что командировочные все едут в Москву и почти никто — в Ленинград.

16 февраля Севка <Ревич> будет у нас на секции выступать с сообщением о положении в критике ф-ки. Заодно хочу с ним кулуарно поговорить о Медведеве и Ко.

Вот пока и все. Жму руку, твой [подпись].

P. S. Девочкам — поцелуй!

Аркадий — брату, 18 февраля 1976, М. — Л.

Дорогой Борис.

Я здесь обратно сильно приболел и по сей день вынужден сидеть дома, однако некоторые новости все же имеются.

1. Пришел договор из ВААПа по «Дас Нойе Берлин» на издание «Сборника рассказов» (наш именной сборник: как я понял, туда будут включены рассказы из П22В, отрывки из «Стажеров» и «Частные предположения»). Договор на двух параллельных языках и на 6 стр. плюс 3 стр. приложений. Подписываю и отсылаю два экза, а два (если не ошибаюсь — лень ворошить эту грудку бумаги) остается у нас.

2. С совершенно неожиданной стороны проявился Тарковский. От него до сих пор нет ни гласа, ни послушания, и я, потеряв терпение, позвонил в контору Эксперимент-студии. И что же? Сценарий распечатали еще на той неделе. Но! Тарковский хочет порвать с Эксперимент-студией и перейти в объединение Райзмана (все это, конечно, «Мосфильм», и что лучше — я понятия не имею, однако мог же Андриюшенька-душенька хотя бы в известность меня поставить обо всем!).

3. В последний день моего здорового состояния — прошлую пятницу — я встретился с неким Эриком Симоном все из того же «Дас Нойе Берлин». Милый парнишка, он будет писать предисловие для вышеупомянутого «Сборника рассказов». Привез мне экз ДР в их издании. Очень мило.

4. Как только смогу выходить, иду в гонорарный отдел ВААПа. Какая-то там путаница, надо разобраться. Я им звонил, но с телефоном шутки плохи, и мы договорились встретиться и посмотреть — это по ГДР. Заодно попробую выписать данные и по Польше, Чехии и др.

5. Касательно встречи — ничего неизвестно. Пока не будет худсовета по сценарию, работать не имеет смысла, да и сценария у нас нет. Будем ждать.

6. Звонила Бела. Они опять требуют журнальный вариант ДоУ — через Главлит-де слишком долго (это для Лундвала). Так что пятьдесят рублей за перепечатку ушли в трубу. А откуда у меня экз? Все давно им же скормил. Буду сопротивляться.

7. Звонили из Детгиза и потребовали определенности. Я им твердо сказал: сборник будет ПНвС плюс ПиП. И продиктовал аннотацию.

Такие дела. Обнимаю, жму, твой Арк.

Привет Адке и Андрею.

Борис — брату, 22 февраля 1976, Л. — М.

Дорогой Аркаша!

Что же это ты, братец, все болеешь? Нехорошо! А мне доносили, что ты вроде бы оклемался... Значит, снова схватило. Ну, все мы в руке божией. Вот у меня, скажем, печенка с самого утра сегодня болит...

Насчет Тарковского — ну что тут скажешь? Гений, он гений и есть. Надобно потрафлять, я понимаю. Тем более что, глядишь, — и подкинут еще что-то там. Ты уж, брат, терпи. Такая наша в данном случае доля.

Эрика Симона я (как и ты, впрочем) знаю уже много лет. Это тот самый мальчик, с которым ты не пожелал переписываться в свое время. Он был физиком, а потом вдруг выгрелся в редакторы «Ное Берлин». Сборник этот, договор на который тебе прислали, он составил по моему совету (о чем я тебе в свое время докладывал).

Что касается ДоУ для Лундвала, то пошли их всех в задницу. Главлит им, видите ли, долго... Да эта бодяга уже три месяца тянется. Сразу бы отдали в Главлит, все было бы уже ОК. Коекакеры, мать их... Стой как скала: деньги, мол, на перепечатку потрачены, а экзов-де давным-давно не осталось! Тем более что все это — истинная правда.

Сборник для Детгиза (ПНвС + ПиП) одобряю. Баба с возу...

Насчет встречи, действительно, пока неясно. Давай уж сначала разберемся с Тарковским, а там — видно будет.

У меня новостей пока никаких нет. Сборник в нашем Детгизе (с ПиП) застрял. В «Аврору» я пока не суюсь. Сижу больше дома, читаю семинарские рукописи и помогаю Адке по работе. Давеча вот принесли проект очередного интервью — для ЛитОбоза. Плохо получилось, надо исправлять. Ужо.

Был тут Севка, делал доклад у нас на секции. Все было очень мило. Оказывается, Бритиков разразился еще одной статьей об основаниях фантастики. Хорошая, между прочим, статья, хотя в основу фантастики он и кладет принцип научности. О нас в этой статье много. Общий смысл: талантливые писатели, лидеры совфантастики, но уклонились от принципа научности (загипнотизированные собственными доморощенными теориями) и стали писать такие вещи, как ОО, ДоУ (очень увлекательно, но лишено глубины) и УнС (пессимизм, аллюзии и опять же нет научной глубины). В общем, я читал с любопытством.

Вот пока и все.

Обнимаю, твой [подпись].

Р. С. Ленке и Машке — приветы!

Аркадий — брату, 1 марта 1976, М. — Л.

Дорогой Борис.

1. Даю текст письма из ЦК ВЛКСМ:

«Уважаемый Аркадий Натанович! Ваше письмо рассмотрено в Отделе пропаганды и агитации ЦК ВЛКСМ. Сообщаем, что мы внимательно ознакомились с рукописью повести «Пикник на обочине». На наш взгляд, она требует определенной доработки. Издательству ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия» поручено согласовать с Вами вопросы, связанные с осуществлением доработки, а также принять необходимые меры к выпуску сборника «Незначенные встречи», с тем, чтобы не были ущемлены Ваши материальные интересы. Желаем Вам всего хорошего. Зам<еститель> зав<едующего> Отделом пропаганды и агитации ЦК ВЛКСМ (подпись) Л. Паршин».

Штамп: № 04/с-89. 20.02.76 г.

Как мы с тобой договорились, ждем до 10 марта. Если МолГв не откликнется, пиши и присылай текст письма главреду Синельникову и текст письма тому же Паршину.

2. Вчера был у Тарковского. Любопытные новости. Во-первых, экспериментальная студия переведена с коммерческого на общий режим, и наш сценарий остается там. Это тем более хорошо, что директор объединения — друг Тарковского, а главред Замошкин — мой старый знакомый и доброжелатель. Завтра или послезавтра состоится худсовет, где сценарий должны утвердить в качестве первого варианта.

Далее. Перед самым съездом Ермаш вдруг вызвал к себе Тарковского. Разговор шел по поводу работы Тарковского со Стругацкими и по поводу возможности работы Тарковского над «Идиотом» и над фильмом «Уход Толстого» (к юбилею великого старца). Вторая часть для нас не очень существенна, а вот по поводу нас Ермаш выразился: «Имейте в виду, что Стругацкие — сложные люди. В сценарии для детской киностудии (имеется в виду «Бойцовый Кот») они протаскивают сионистскую идею о том, что все евреи должны вернуться к себе на родину и воевать за ее интересы». Оставляю в стороне эмоции Тарковского. Он считает: а) что этим Ермаш хочет сказать, что в любой момент может зарезать наш сценарий (договор с нами заключил директор «Мосфильма» и один из замов Ермаша Сизов, большой ненавистник Ермаша, а окончательный вариант по существующим ныне правилам утверждается Госкомитетом) и б) что все это работа главреда Госкома Даля Орлова. Независимо от этого Тарковский написал жалобы в

Президиум съезда на действия Ермаша, который не дает ему работать, и письмо Ермашу, в котором объявляет ему войну.

Наконец. Много говорили по поводу сценария. Как всегда, все туманно и зыбко. Как бы то ни было, переделки предстоят основательные — боюсь, что придется весь сценарий переписывать заново. Более определенно будем говорить с Тарковским после худсовета, тогда смогу и более определенно написать о сути переделок.

3. «Конец планеты негодяев» в мультстудии «Экрана» принят благосклонно. Попросят только уменьшить количество персонажей, но это будет делаться уже только после заключения договора и при работе с режиссером. Фильм будет многосерийный.

4. Звонила Бела.

а) Макмиллан прислал контракт на перевод ХВВ. Бела просила экз для микрофильмирования.

б) На днях ДоУ возвращается из главлита и будет отослано в Швецию. Бела просила зайти и отметить места, которых нет в журнальных вариантах, дабы увеличить наш (и ВААПовский) гонорар. Не знаю, что она имеет в виду.

Вот пока всё.

Жму, целую, Арк.

Привет твоим.

Борис — брату, 5 марта 1976, Л. — М.

Дорогой Аркаша!

Очень рад твоему письму. Масса интересного.

Из МолГв пока ничего. Жду 10-го и вышлю тебе варианты писем.

Было бы здорово, если бы ты все-таки уговорил Тарковского хоть часть своих (то есть его) соображений изложить ПИСЬМЕННО. Пусть он изложит на бумаге ну хотя бы план сценария, как он его видит. Если все опять ограничится разговорами, мы не сможем действовать последовательными приближениями. А ведь нужно, грубо говоря, чтобы в первом варианте было, скажем, две подходящие сцены, во втором — пять, в третьем 10 и т. д. Попробуй убедить его взять в ручки перышко и перышком по бумажечке тят-тят-тятоньки и чего-нибудь натяпать. И у него станет в голове яснее, и у нас.

У меня из новостей только то, что пришли гранки ПиП из Лендетгиза. Я их исправил и понесу в ближайшие дни обратно. Так что дело движется помаленьку.

У нас тут готовится семинар молодых писателей Северо-Запада, так что я завален рукописями и читаю их, будто г... ем. Между прочим, есть и повестуха твоего знакомого — Полоцка из Риги, — но она как раз интересная.

Прочитал в НФ отрывки из нового романа Альтова о коммунизме. Был разочарован. То есть написано все это вполне прилично и даже хорошо, но я-то ждал позднего Альтова, а получил ранних Стругацких. Зато «Человек-компьютер» Крайтона меня вполне утешил. Молодец Крайтон! Страшно пишет... бр-р-р!

Вот пока и все. Жму руку, твой [подпись].

P. S. Ленуське и Машке — привет!

Борис — брату, 10 марта 1976, Л. — М.

Дорогой Аркаша!

Из МолГв — ничего. В соответствии с договоренностью посылаю тебе варианты писем Паршину и Синельникову. Однако полагаю правильным выждать еще десяток дней, чтобы срок манкирования Медведевым указаний ЦК ВЛКСМ сделался круглым — месяц. Исходя из этого, я и составлял тексты.

Уважаемый тов. Паршин!

Разрешите прежде всего поблагодарить Вас за письмо от 20.02.1976. Это письмо возродило в нас надежду, что неблагоприятное положение, сложившееся в редакции, возглавляемой тов. Медведевым, будет наконец урегулировано.

Однако мы вынуждены констатировать прискорбный факт. Несмотря на то, что в Вашем письме прямо говорилось: «Издательству ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия» поручено согласовать с Вами вопросы, связанные с осуществлением доработки, а также принять необходимые меры к выпуску сборника «Неназначенные встречи...», несмотря на это, мы ДО СИХ ПОР не слышали от указанного Издательства, как говорится, «ни гласа, ни вздыхания».

Нам приходится снова просить Вас вмешаться и прекратить волокиту.

С уважением

Уважаемый тов. Синельников!

В ответ на наше письмо в ЦК ВЛКСМ по поводу неблагоприятного положения, сложившегося в редакции фантастики и приключений Вашего издательства, замзавотделом пропаганды и агитации ЦК ВЛКСМ тов. Паршин известил нас 20.02 с. г., что (цитируем) «Издательству ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия» поручено согласовать вопросы, связанные с осуществлением доработки, и также принять необходимые меры к выпуску сборника «Неназначенные встречи...»

С тех пор прошел месяц, однако мы до сих пор не получили от тов. Медведева, ответственного за издание нашего сборника «Неназначенные встречи», ни одной строчки.

Мы настаиваем на прекращении этой бесконечной волокиты с изданием нашего сборника и просим Вас принять необходимые меры.

К сему прилагаем копию письма тов. Паршину, которое посылаем одновременно с настоящим.

С уважением

Я думаю, что Синельникову надо также послать и копию письма в ЦК ВЛКСМ. Так что дожись 20.03 и, если дело не сдвинется, действуй!

Жму руку, твой [подпись].

Аркадий — брату, 27 марта 1976, М. — Л.

Дорогой Борик.

1. Позавчера по согласованию с Тарковским передал рукопись МЖс его ассистентке Маше <Чугуновой>, которая прибыла к нам специально за этим.

2. Звонила Бела, сообщила, что пришли контракты: из Франции от Дэ Нуэль (?) на ПиП и из Польши на ПиП же. Только что из ВААПа пришел договор из Польши, коий я подписал и тут же отправляю. (Изд. «Читательник», 24 месяца, 20 тыс. экз., по 10 злотых за шт., нам 7% от стоимости каждого экз.)

3. Пришло письмо из Киевнауцфильма, подобрали режиссера, сейчас обсуждают с ним подробности, затем вызовут меня.

4. Был Ковальчук, рассказал много интересного. Видимо, написали мы в ЦК ВЛКСМ вовремя, а затем надо будет писать Зимянину. Но это еще впереди.

5. Звонили из мультстудии «Экрана», попросили продиктовать аннотацию на «Конец Планеты негодяев» для темплана и изменить название. Я продиктовал, а название дал — «Нехмурые ребята».

6. Говорил с Мулей Левиным, изложил ему, как мы договорились, положение с инсценировкой ТББ. 27-го (сегодня?) приезжает ихний главред, после чего будет встреча, письмо, заявка и договор (если, конечно, новое положение с Мин<истерством> культуры по поводу свежих постановок не исказит эту чудную картину).

Вот, кажись, и всё.
Жму, обнимаю. Твой Арк.
Привет Адке и Андрею.

Борис — брату, 30 марта 1976, Л. — М.

Дорогой Аркаша!
Получил твое письмо и в темпе отвечаю.

Из новостей у меня только что, кажется, все реальнее становится наш детгизовский сборник на 78-й год. Сейчас дело, как я понимаю, только в том, чтобы найти составителя. Они хотят меня и не хотят Брандиса. Я же всячески уклоняюсь, ибо отнюдь не хочу нашего Е<вгения> П<авловича> подводить таким гнусным образом. Кроме того, я не знаю, что давать им нашего. зМЛдКС? Смешно. Сказку? Нет сказки. Сказку надо писать, вот что я тебе скажу.

Звонила Ирена. Беспокоится, почему не заключают с нею договор на ПиП и зМЛдКС. Теперь ясно, что виноваты поляки — задерживают посылку договоров. Ты там будешь в ВААПе — наведи справки: запрашивали ли поляки зМЛдКС?

Был 29-го в сберкассе. Никаких поступлений нет — ни из «Мосфильма», ни из ВААПа. Напомни мне, пожалуйста, за что мы еще должны были получить из ВААПа. У тебя все это было очень красиво записано в какой-то тетрадке (или записке?).

Издательство Де Ноэль (Рождество) — это то самое, что издавало ТББ и ПНвС.

Держи меня в курсе событий по поводу инсценировки ТББ. Я пока ничего не буду предпринимать. Они, гады, не звонят, так пусть же им будет хуже.

Ирена говорила, что телепостановка по ДоУ прошла благополучно, но сценарий дико изуродован режиссером. Надо бы съездить в Польшу, посмотреть.

Вот пока и все. Жму руку.

Твой [подпись].

Да! Помни, что 18–20 апреля у меня семинар писателей Северо-Запада! Я должен обязательно присутствовать.

Прилагаю вырезку из «Ленинских искр». Пустичок, а приятно. Сократили здорово, но почти не коверкали.

P. S. Леночке и Машке привет!

Аркадий — брату, 5 апреля 1976, М. — Л.

Дорогой Борик.

1. Письмо от Паршина.

«№ 04/С–89, 30.ИИ.1976 г. тов. Стругацкому А. Н. Уважаемый Аркадий Натанович! В связи с Вашим письмом от 24.03.1976 года сообщаем, что заведующему редакцией фантастики, приключений и путешествий издательства ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия» т. Медведеву Ю. М. поручено в ближайшее время обсудить с Вами вопросы, связанные с подготовкой сборника «Незначенные встречи». Желаем Вам всего хорошего. Зам. зав. Отделом пропаганды и агитации ЦК ВЛКСМ Л. Паршин».

На мой взгляд, это отписка. Во-первых, о том, что ему поручено, было сказано в прошлом письме. Во-вторых (и главных) — что такое «ближайшее время»? Как бы то ни было, предлагаю тебе (если, конечно, от Медведева ничего нет) быстренько составить письмо в высшие инстанции. Не надо имени (обращения), только суть и историю вопроса с просьбой об аудиенции. Я посоветуюсь с Мишей <Ковальчуком>, и мы решим, посылать ли письмо Зимянину или новому секретарю ЦК ВЛКСМ по идеологии (очень, говорят, сильный и умный мужик).

2. В Швеции вышла ТББ. Поляки запрос на зМЛдКС не присылали, зато прислали на «Лес» (?) из «Эллинского секрета» и на ПНО. Издательство — не «Искра». Я Белке сказал, что уже вышло в «Искре», она записала, будет отвечать. Макмиллан раскачался, будет издавать ОО, СоТ и ХВВ. Аванса нет, потому что соглашение генеральное, на всю советскую фантастику.

3. Деньги из «Мосфильма» ты, вероятно, уже получил. Я их получил 31.03 и сразу отнес Андрюшке. С тебя 95 руб. Андрюшка болеет, но бодр и весел. Больше возиться с литературным сценарием не желает, вернул в текст «временную петлю» в качестве «собаки» для бюджета и сам послал на машинку. За шесть часов беседы два раза принимал решение сам играть роль Алана и два раза кричал, что ему не под силу быть одновременно режиссером и играть главную роль. В общем, оптимистичен. Познакомил меня с Солоницыным (?), игравшим Андрея Рублева, будет у нас писателем. Расписывал его в этой роли, а бедняга Солоницын сидел и хлопал глазами, ибо понятия не имел, о чем идет речь — сценария не читал и вообще ничего не знает.

4. Положено нам еще по триста сорок из ВААП. Я тоже не получил, звонил к ним в расчетный отдел. Там удивлены, ибо послали распоряжение в Госбанк еще 27 февраля. Обещались выяснить. Посмотрим.

5. Дело с инсценировкой ТББ совершенно на мази. Отдел идеологии Московского обкома обеими руками ЗА. Нынче мы с главрежем идем к зав<едующему> отделом театров Мособлсполкома, познакомиться и обговорить официальности. Как только там будет «добро», моя (наша с Зенчуком) заявка идет в Министерство культуры и быстро утверждается, после чего следует договор с авансом. Договор, поскольку наша пьеса «БЕЗ ОРУЖИЯ» идет как юношеская (и не инсценировка, а самостоятельная вещь, имей в виду), стоит 3000 руб. Подготовь все для того, чтобы в кратчайшие сроки извлечь текст из вашего задрипанного театра, а то они ее, может быть, вообще затеряли, тогда придется восстанавливать. Я ведь похвалился, что у нас все почти готово и понадобится всего две-три недели. Затягивать нам тоже нет смысла.

6. Звонил Катасонов из ЦТ, предлагал свести с режиссером, который жаждет ставить ПНвС. Это серьезный мужик, он поставил восхитительный телефильм «Буратино» и сейчас весьма в фаворе (телефильм шел по Союзу уже три раза за четыре месяца, и конца этому не видно).

7. Ах, хороши прянички на меду! Здорово интервьюшка в «Комсомолке» работает! А тут еще беседа с космонавтом Гречко, опубликованная в «Соц<иалистической> индустрии», подоспела. Я не читал, но мне уже трое звонили и рассказывали. Твою интервьюшку уже читал, тоже приятно.

Кончаю. Обнимаю и жду. Твой Арк.

Семейству приветы, мамочку поцелуй.

Борис — брату, 9 апреля 1976, Л. — М.

Дорогой Аркаша!

Оч-чень оптимистическое от тебя пришло письмо. Любо-дорого читать. Но ведь и в самом деле: интервью в КомСПравде, интервью в ЛенИскрах, Жора <Гречко> давеча выступал по Лентелевидению (сам видел), он же вчера хвалил нас по Ленрадио (рассказывают), сохраняются шансы на интервью в Смене, а вчера я отнес материалы для интервью в ЛитОбозе... Силы мира и прогресса — в наступлении! Да! И Социндустрия, конечно же!..

1. С письмом к начальству полагаю еще немного погодить. Ямщик, не гони лошадей, а также — не спеш, кривая, в баню. Начальство, это, братец... Дадим Медведю еще 20 дней — это и будет «ближайшее время». 20 апреля вышлю тебе текст очередной жалобы.

2. Тыщу раз тебе объяснял: Лем в Кракове выпускает наш томик, содержащий «Лес» и переиздание ПНО. Так что пусть Бела ничего никуда не пишет, а поскорее дает добро. И так все договора затягиваются, а тут еще эта дополнительная переписка... А зМЛдКС, значит, оказалось Макмиллану не по зубам? Жаль, жаль...

3. Кстати, что слышно насчет зМЛдКС в З-С? Танька <Чеховская> молчит?

4. Денег никаких и ниоткуда не получал. Последний раз был на книжке 5 апреля.

5. Из Андрея, между прочим, получился бы ВЕЛИКОЛЕПНЫЙ Алан! Я имею в виду — типаж. Но вряд ли он потянет сразу все... У меня, кстати, появилась, по-моему, неплохая идея для сценария. Надо сделать Алана калекой или уродом (однорукий, или горбатый, или с жутким шрамом, или бельмастый, или одноглазый и пр.), чтобы он вернулся от Круга не с деньгами дурацкими, а — красавцем (затаенная мечта всей его жизни!) Это было бы гораздо точнее! Посоветуйся с Андреем.

6. Рад, что «Без оружия» (БО) на мази. Но я пока тревожить свой театришко не стану. Договор будет на руках — тогда пожалуйста. А насчет текста не беспокойся: у Зинчука есть копия, и я велю ему ее размножить и держать наготове.

7. Экранизацию ПНвС серьезным мужиком, поставившим «Буратино», всячески поддерживаю. Сценарий, кажется, у тебя, так что — действуй.

8. Детгизовский сборник на 78-й год уже собирают, а нам дать нечего. Вот проклятье! Ведь — просят! Простят!!!

9. ОБЯЗАТЕЛЬНО встретиться с Жорой — обласкай, одари и вообще. ОБЯЗАТЕЛЬНО!!!

Ну вот, пока и все. Жму руку, твой [подпись].

P. S. Леночке и Машке — привет!

Борис — брату, 16 апреля 1976, Л. — М.

Уважаемый тов.

Настоящим письмом мы просим Вас обратить внимание на явно неблагоприятное положение, сложившееся в редакции научно-фантастической и приключенческой литературы издательства ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия».

В октябре 1974 года издательство «Молодая гвардия» заключило договор на издание нашего сборника «Неназначенные встречи». В сборник включены научно-фантастические повести «Трудно быть богом», «Малыш» и «Пикник на обочине», посвященные проблеме контакта человечества с чужим Разумом во Вселенной.

К этому времени сборник уже два года лежал в издательстве, был неоднократно положительно отрецензирован, а все повести, включенные в него, были уже давно опубликованы и получили положительные оценки прессы и читателей.

Однако тов. Медведев, возглавляющий редакцию НФ и приключенческой литературы, счел необходимым затеять волокиту и затормозить издание нашего сборника — вопреки духу и букве договора. Он выдвинул целый ряд совершенно нелепых, субъективных, немотивированных требований к повести «Пикник на обочине». Никакая наша ответная аргументация в расчет им не принимается. Он выдумывает все новые и все более нелепые замечания, и нам теперь совершенно ясно, что им движут побуждения, не имеющие никакого отношения к литературе и издательской работе.

Мы обратились за помощью в сектор печати отдела пропаганды ЦК ВЛКСМ, там обещали помочь, но вот прошло уже четыре месяца, а дело по-прежнему находится в мертвой точке.

Мы хотели бы подчеркнуть здесь, что наша повесть «Пикник на обочине» выполняет чрезвычайно важную идеологическую задачу: показать конкретно, в зримых художественных образах, как буржуазная идеология, капиталистический образ жизни ежедневно и ежечасно пожирают мозг и души людей мира свободного предпринимательства.

Журнальная публикация этой повести получила широкую популярность. Мы имеем сотни отзывов (школьников, студентов, военнослужащих, рабочих, научных сотрудников и даже летчиков-космонавтов СССР), устных и письменных, свидетельствующих о высокой оценке повести «Пикник на обочине». В журналах «Литературное обозрение» № 2, 1973 и «Юность» № 7, 1974 были опубликованы положительные рецензии на нее. Повесть переведена и издана в ПНР, ВНР, ЧССР, готовится к печати в других социалистических странах. Один только тов. Медведев ухитряется быть против ее опубликования!

Мы убедительно просим Вас, тов. _____, разобраться в этом деле и принять необходимые меры. Мы 15 лет сотрудничаем с издательством «Молодая гвардия», но никогда еще не встречали подобного безответственного подхода к нашей работе. В деятельности советского редактора не должно быть места вкусовщине и субъективности, и всякий прецедент такого рода совершенно нетерпим. Мы абсолютно убеждены в своей правоте и в идейно-художественной доброкачественности нашей повести «Пикник на обочине» и просим Вас восстановить справедливость.

Подписи.

Дорогой Аркаша!

В день моего рождения Медведь преподнес мне подарочек. Письмо его прилагаю. По-видимому, пора начинать большое наступление. Посоветуйся с народом и — айда!

Я лично полагаю, что сначала надо все-таки послать письмо Деревянко. Будем действовать по инстанциям.

Прилагаю:

1. Письмо Медведева (сохрани и при случае верни мне — в Дело).
2. Ответ Медведеву (отправь побыстрее. М. б., послать копию Паршину?).
3. Проект письма наверх.

В прочем

остаюсь Вашего пр-ва покорнейший слуга.

Аркадий — брату, 18 апреля 1976, М. — Л.

Дорогой Борик.

Прежде всего, «во первых строках», так сказать, — наилучшие тебе пожелания в равномерной смеси с поздравлениями по поводу и в связи с твоей годовщиной от семейства моего и от меня лично.

Задержался я с письмом потому, что ждал со дня на день результатов стыковки нашего сценария с Ермашом. Вчера все выяснилось.

1. В пятницу Андрей был приглашен к Ермашу, и там в течение всего 15 минут дело решилось. Ермаш дал полное добро (если не считать трех пустяковых замечаний — все касаются имен собственных), и сейчас готовится соответствующий приказ министерства на студию, а студия, не дожидаясь приказа, уже ведет калькуляцию денег и сроков. В течение недели, видимо, будет с нами окончательный расчет, затем для работы над режиссерским мы будем прикреплены с оплатой 150 в месяц на три-четыре месяца подготовительного периода. Вчера Андрей в три пополудни явился ко мне, сообщил все это, потребовал, чтобы мы не умывали руки и все время были возле него, сетовал, что никому, кроме себя, не может поручить главную роль, вдохновился и новую интерпретацию роли Алана выдал, и все это время мы втроем (с Ленкой) обильно возливали и угощались. В результате Ленка обожгла пальцы на сковороде с жареным мясом и завалилась спать, а Андрюха ушел, вернее, уполз домой, томимый самыми мрачными предчувствиями по поводу встречи, которую ему устроит супруга, в десять вечера. Я прибрал посуду и тупо смотрел какой-то бесконечный хоккейный матч. Дождался Машку и лег спать. Да, еще детали. Фильм будет называться «Сталкер». Это

раз. Второе. Павленок взял Андрея под руку и торжественно заявил в присутствии многих, что его особенно радует, что Стругацкие наконец прочно входят в советское кино. При этом многие искательно улыбнулись.

2. По поводу конфликта с МолГв. Нина Беркова, с которой я встречался на днях, тоже требует погодить. Причем — аж до 1 мая. Привела какие-то соображения, кои я не совсем уразумел. Ладно. Будем ждать до первого. Кстати, она считает, что лично никуда ходить не надо. Только через письма.

3. Нина же предложила для нашего детгизовского сборника не ПиП, а ДоУ. Это было очень неожиданно для меня, но я пришел в энтузиазм. Получается превышение объема, но это можно уладить. Нина сама взялась за это дело. Для начала затребовала у меня рукопись, каковую я ей уже отнес. Она прочтет и займется.

4. Дела театральные на мази. Отдел культуры облисполкома ознакомился с заявкой и в течение последующих трех минут дал полное одобрение, а позавчера выдал уже и представление в Мин<истерство> культуры РСФСР на предмет заключения договора. На неделе иду туда представляться и, видимо, подписывать договор. На всякий случай высылай мне все данные на Зенчука, включая адрес его сберкнижки. Не задерживай, хотя срочности специальной, кажется, нет. Рукопись пьесы держи наготове. Видимо, нам будет положено дать ее в театр в течение мая.

5. Дела денежные. Тебе сейчас должны быть деньги только за 10% по сценарию, 290 с мелочью, зачисленные где-то в самом конце марта или (для тебя) в начале апреля, и из них ты мне отдашь 95 руб. — твою долю на Тарковского. Больше тебе не положено пока ничего. Там произошла путаница: в январе нам зачислили по 345 с копейками, так это и есть за ПНО и ТББ из ГДР. А то, что мне не доплатили — это из Эстонии за ДоУ! Днями позвонила девица, извинялась, что задержала мне эту выплату, сказала, что тебе выслала давно, и взяла у меня данные по сберкассе. Впрочем, пока я допытывался насчет всего этого, мне сообщили, что из ГДР пришла очередная сумма и что скоро нам ее перечислят. За что — пока не знают: только видели список, в котором значатся наши фамилии и сумма, а конкретные документы еще не пришли из ГДР. Это, как я понимаю, тоже руб по 300.

6. О перспективах. Полагаю, мне пока надобно быть здесь, а вот сразу после праздников я бы приехал и мы бы поработали над сказкой для Лендетгиза. Напиши соображения.

Пока всё. Обнимаю, желаю всю эту информацию переварить благополучно. Привет твоим. Арк.

Борис — брату, 22 апреля 1976, Л. — М.

Дорогой Аркаша!

Спасибо за поздравления.

Очень рад, что дела в кино оборачиваются благополучно. Но что за кретины! Стоило заставлять нас вычеркивать из сценария «сталкеров», заменяя их на идиотских «браконьеров», чтобы потом назвать картину «Сталкер»!

ДоУ вместо ПиП в детгизовский сборник — это было бы превосходно! Правда, придется вычеркивать кое-какие смачные места, но — все равно. Эх, если бы это прошло!

Инсценировка для театра по ТББ уже лежит у меня в столе наготове. Как только ты ее затребуешь, вышлю незамедлительно. Данные на Зинчука (ЗИнчук, ЗИнчук, ЗИнчук, мать твою за ногу, а не ЗЕнчук!):

ЗИНЧУК Андрей Михайлович, Ленинград М-105, Благодатная ул. <...>. Паспортных данных у меня, разумеется, нет. Нужны? А сберкнижки нет у Зинчука — молод еще.

Разумеется, ждем тебя в начале мая. Не забывай — маме 75! Тогда же и поработаем. Наверное, надо писать именно сказку, хотя детгизовская редакторша, очень просившая у

меня что-нибудь для будущего сборника, приняла сообщение о сказке довольно кисло. Впрочем, может быть, мне это только показалось.

Теперь о деньгах. Я НЕ получал ни в январе, ни позже суммы 345 р. с копейками (за ПнО и ТББ) из ГДР. В этом году я из ВААПа вообще еще ничего ни разу не получал в соврублях. Выясни, пожалуйста, ситуацию поточнее и сразу же отпиши, какие мне предпринимать действия. (На всякий случай, последние деньги, полученные мною из ВААПа: ноябрь 1975, 598 <р.>, М в ПНР и ГДР; декабрь 1975, 116 р., что-то из ВНР; декабрь 1975, 350 р., ДоУ на эстонском. ВСЕ!)

У меня никаких новостей нет. Занимаюсь, главным образом, математикой, а также рукописями своих семинаристов.

Жму руку, твой [подпись].

P. S. Привет Леночке и Машке.

Аркадий — брату, 15 мая 1976, М. — Л.

Дорогой Борик.

1. Пока все смутно и неопределенно. Между прочим, Смелков допустил в статье ошибку: приписал Детгизу книгу Тупицына, которая там никогда не издавалась. Ну, я думаю, это большого значения иметь не будет.

2. Письмо Синельникову я послал на следующий же день — 11-го. Прочитировал его Беле и ее мужу, а также Мише К<овальчуку>, и они отозвались с похвалой. Ковальчук настаивает, чтобы мы послали еще одно письмо — опять Паршину, с изложением того положения, что Медведева предупреждали, писали ему, а он не внимал и вообще мудака. Я думаю, что письмо Паршину пошлю, но только относительно нас самих. А валить Медведева будем уже после.

3. С Тарковским не виделся, возможно, увижусь сегодня или завтра. Насколько я могу судить, письмо из Госкома еще не поступило, так что расчет с нами пока откладывается.

4. Вчера была коллегия Министерства культуры, где нашу заявку на ТББ приняли на ура и сразу перечислили театру деньги. Договор будет в среду, там же и деньги где-то рядом.

5. Пьеса Зинчука А. М. — абсолютное дерьмо. Прочитал ее сам, ужаснулся, глазам не поверил. Дал почитать старому театrorаботнику Боре Завьялову. Тот прочитал, потом молчит, не смотрит в глаза. Короче говоря, извинись перед Зинчуком, скажи ему, что ничего у него не получилось. Пьесу напишу я сам, от себя и тебя, от двоих, без соплей. Из зинчуковской возьму разве что только одну тираду глашатая (если).

6. Чеховская едет к тебе работать над рукописью зМЛдКС. Поправок, как я понимаю, четыре: лифчик, полковник, следователь угрозыска, еще какое-то г... [На полях приписка: «Вспомнил. Четвертая поправка — заменить шибко иностранное слово «гомеостазис» на русское понятное «равновесие». А?】 Валяй, соглашайся, исправляй, я уж в эти дела мешаться не буду, у самого дел по горло.

7. Выступил я на круглом столе в Воплях, по-моему, очень удачно. Когда зашел разговор о массовом человеке сытом, невоспитанном, все дико заржали и стали выставлять мне большие пальцы. Очень ржали Волькенштейн с Лифшицем, а также Марк Галлай, и очень хихикала прелестная наша И. Грекова.

8. Сейчас жду Марика Ткачева, буду искать выход на Константина Симонова. А в СовПис надо идти не куда-нибудь, а прямо к Лесючевскому с экзом дарственной книги. Все точно известно. А если перед этим еще звонок от Кости... М-м-м-м-м!

Всё. Обнимаю и жму, твой Арк. Привет жене и детям.

Борис — брату, 23 мая 1976, Л. — М.

Дорогой Аркаша!

Не ответил тебе сразу, потому что ждал Таньку. Она приехала, и мы просидели с нею полдня над рукописью. Сократили страницы для первых двух номеров (на большее у меня просто духу не хватило), выбросили слово «гомеостазис» (которому они придают некое социально-мистическое значение), заменили его на Сохранение Структуры (или что-то вроде) и добрались почти до конца, где у нас застопорило. После долгих рассуждений договорились, что надо в последней речи Вечеровского сделать вставку, где подчеркивался бы тезис о том, что все неприятности проистекают из-за необычного «антропоморфного», «псевдоантропогенного» проявления Закона Сохранения Структуры. Танька уехала, а я засел за эту вставку. Сижу уже второй день. Сделать надо лаконично, но ясно. Трудно. Хотел сегодня кончить — не выходит. Буду возиться и дальше, а потом отошлю вставку Таньке, а копию тебе, на просмотр и утверждение.

С Зинчуком я поговорил, изложил ему ситуацию. Парень страшно огорчился (его все, в том числе и Александр Володин, убедили, что пьеса — блеск!), но тут уж ничего не поделаешь. Но учти, ради бога: либо мы Зинчука из соавторов исключаем — и тогда в пьесе не должно остаться НИЧЕГО зинчуковского, ни слова, ни реплики; либо мы что-то от его инсценировки оставляем, и тогда надо оставлять и фамилию в договоре. Это дело деликатное, отнесись к нему самым серьезным образом.

Судя по Танькиным рассказам, сейчас имеет место некое послабление. Надо пользоваться случаем и заключать договора. Ради бога, не оттягивай походов в редакции, о коих мы договаривались. Жми на все рычаги. Трезво глядя на вещи, приходится допускать, что МолГв, несмотря ни на что, ПНО все-таки зарубит. Поэтому смело вставляй ПНО в потенциальные сборники.

С МолГв будем сражаться до конца. Натравим на них всех, кого только можно придумать. Хрен с ним, со сборником — тут уж дело пошло на принцип! Никаких уступок до самого-самого конца, когда натравливать уже станет некого.

Получил из ВААПа какие-то 33.0 сертификатами. Интересно бы понять — за что?

Устал как собака. Эта проклятая конференция молодых меня совершенно сжевала и выплюнула. Три дня подряд скучнейших чтений вслух и еще более скучных словопрений! А я при сем — председателем. Правда, познакомился с Иланом Полоцком. До чего же милый парень! Чем-то на Шурку Мирера похож.

Вот, пожалуй, и все дела.

Целую, твой [подпись].

P. S. Ленуське и Машеньке — привет!

Борис — брату, 25 мая 1976, Л. — М.

В последней главе после слов:

«...Вот единственно возможный подход. Этим я и собираюсь заняться.

— Не понимаю, — сказал я».

должно следовать:

— Мы привыкли, что Мироздание предельно неантропоморфно. Что нет ничего менее похожего на человека, чем Мироздание. И мы не привыкли, чтобы законы природы проявлялись таким странным образом. Природа умеет бить током, сжигать огнем, заваливать камнями, морить чумой. Мироздание проявляет себя полями и силами, полями сил. Мы не привыкли видеть среди орудий природы рыжих карликов и одурманенных красавиц. Когда появляются рыжие карлики, нам сразу начинает казаться, что действуют уже не силы природы, а некий Разум, социум, цивилизация. И мы уже готовы усомниться

в том, что бог природы коварен, но не злонамерен. И нам уже кажется, что скрытые тайны природы — это сокровища в сейфах банка, оборудованного по последнему слову воровозащитной техники, а не глубоко зарытые тихие клады, как мы думали всегда. И все это только потому, что мы никогда прежде не слыхивали о полях, имеющих своим квантом рыжего карлика в похоронном костюме. А такие поля, оказывается, существуют. Это придется принять и понять. Мы все искали «достаточно безумную теорию». Мы ее получили... — Он вздохнул и посмотрел на меня. — То, что происходит с нами, похоже на трагедию. Но это ведь не только трагедия, это — открытие. Это — возможность взглянуть на Мироздание с совершенно новой точки зрения. Постарайся, пожалуйста, понять это.

Дорогой Аркаша!

Таньке я посылаю первый экземпляр. Ты просмотри и, если будут поправки, позвони ей.

Только что была Наташка <Фошко>, передала мне марочки. Большое спасибо.

Новостей никаких нет. Жду их от тебя.

Целую, твой [подпись].

Аркадий — брату, 1 июня 1976, М. — Л.

Дорогой Борик.

1. Договор в театре заключен, получен аванс: я и на тебя получил, каждому вышло по 347 р. 90 к. Привезу. Вчера Ленка привезла с машинки пьесу, где-то на днях буду читать ее Соколову и Левину, а может, и актерам. Разумеется, из Зинчука там никто не ночевал, если не считать тех мест из ТББ Стругацких, которые у Зинчука используются.

2. Тронулось дело в мультстудии ЦТ. На днях заключается договор — вернее, три договора на три двухчастевки каждый, составляющие три серии, а точнее — главы полнометражного телемультфильма «Приключения в Космосе». Это будет по «Погоне в Космосе», никаких мюзиклов, «побольше Хичкока», никакой пародийности, тайны, погони, загадки и полная опасностей погоня за космическими негодьями. Почему три договора — я не совсем понял, но это выгодно а) режиссеру, б) студии и в) нам (в матотношении).

3. Идут переговоры с Бромберггом, режиссером, который хочет ставить по «Злоумышленникам». Это пока довольно дальняя перспектива, но не дальше месяца-двух.

4. По МолГв — пока ничего. Встречался со Смелковым, устроил ему операцию <...> у моего Крейдлина. Смелков советует жать теперь прямо на самые верха в Большом ЦК. Посмотрим, посоветуемся.

5. 33 р. сертификатами ты получил из ФРГ за ВМ и ПНвС.

6. Получились экзы ТББ из Швеции. Ужо привезу.

7. С издательствами пока только подготовка и прощупывание. Вгонит меня все это в гроб, вот что я тебе скажу. От всех их мя тошнит, от своих, чужих, друзей и врагов.

8. Приеду на несколько дней числа девятого-десятого.

Обнимаю, жму, твой Арк.

Поцелуй маму, привет Адке и Андрею.

ПС. Письмо твое со вставкой в зМЛдКС тоже получил. Сойдет.

Борис — брату, 4 июня 1976, Л. — М.

Уважаемый тов. Синельников!

Ваше письмо от 1.06.1976 мы получили.

Из предложенных Издательством вариантов мы безусловно выбираем первый, а именно: издание сборника «Неназначенные встречи» в его нынешнем (договорном) виде — «Малыш», «Пикник на обочине», «Трудно быть богом».

Что касается доработки повести «Пикник на обочине», то наша точка зрения по этому поводу излагалась нами неоднократно. Мы всегда готовы в соответствии с духом и буквой договора учитывать все аргументированные, обоснованные и объективные замечания. Мы уже учли достаточное количество таких замечаний. В целях ускорения затянувшегося не по нашей вине издания сборника мы сочли возможным учесть даже и многие неаргументированные, необоснованные, субъективные и зачастую нелепые требования т. Медведева, если эти изменения не затрагивали сколько-нибудь существенно идейно-художественной ткани нашей повести. Однако всему есть предел. Мы вовсе не намерены в угоду личным вкусам т. Медведева исказить и уродовать свою повесть, которую считаем идейно и тематически весьма важной и способной сыграть свою положительную роль в идеологической борьбе. Статья Ю. Смелкова в центральной «Правде» от 8.05.1976 (а также его же статья в «Юности», № 7, 1974) лишний раз подтверждает нашу правоту в этом вопросе. Ведь получается так, что наша повесть заслужила положительную оценку Центрального Органа именно в той части, на изменении которой с поразительным упорством настаивал (и, видимо, продолжает настаивать) т. Медведев! Не есть ли это лишнее — и весьма авторитетное! — доказательство субъективности и необоснованности требований т. Медведева? Не доказывает ли это, что редподготовка рукописи «Пикника» на самом деле уже давным-давно завершена, а то, чем занимается т. Медведев, это уже не борьба за качество издаваемого произведения, а пресловутая «борьба за честь мундира»?

Что касается Ваших претензий по поводу повести «Трудно быть богом», то мы их не понимаем и не принимаем. Мы никогда не настаивали на издании именно этой повести и никогда не навязывали ее Издательству. Когда т. Медведев попросил нас вынуть из сборника нашу (действительно новую) повесть «Дело об убийстве», мы пошли ему навстречу (ибо он обещал в этом случае не предъявлять никаких претензий к «Пикнику») и предложили взамен ряд наших повестей на выбор. Издательству было угодно выбрать именно «Трудно быть богом» (вещь заведомо не новую, издававшуюся дважды в Вашем Издательстве). В чем же теперь виноваты мы, авторы? Почему выбор Вашим Издательством именно данной повести, сделанный совершенно добровольно, Вы называете теперь «отклонением от условий договора со стороны авторов»? Видимо, это какое-то недоразумение.

В заключение мы пользуемся случаем снова просить Вас, т. Синельников, взять на себя труд лично проследить за прохождением нашего сборника, ибо, повторяем, т. Медведев продемонстрировал совершенно очевидную некомпетентность и необъективность в данном вопросе.

С уважением

Дорогой Аркаша!

Просмотри, посоветуйся, если надо, и отправляй с богом. Меня смущает неожиданный выпад против ТББ, я его не понимаю. Надеюсь, ответил я на него правильно.

Синельников, видимо, не хочет связываться с этим делом и намерен перевалить его обратно на Медведева, чтобы тот начал новый тур. Хорошо бы этому воспрепятствовать.

Выясни, пожалуйста, его имя-отчество и напиши в письме уважительно, по-сыновьяму.

Договорчику в театре, натурально, рад. Но что-то ты ничего не пишешь о Тарковском. Видимо, дело заело (судя по ЛитГаз, борьба Ермаша с Тарковским перешла в новую фазу).

Был в ВААПе (не по нашим делам) и видел там, что пришли какие-то 400 р. из ГДР. Надо ждать их в ближайшие недели на сберкнижку.

Роттенштайнер прислал ТББ на французском и СБТ, изданную в Зап<адном> Берлине. За исключением выходных данных и текста на обложке, это — почти точная копия ГДРского издания «Атомвулкан Голконда». (Между прочим, книжка, видимо, из антиквариата — читаная-перечитаная.)

Я тут всю сдаю экзамены на аттестат зрелости. Очень нервное и вредное занятие.

Лендетгиз зарезервировал за нами 3 листа. Я не стал отказываться. А сборник пока еще не вышел. Ждут.

Ходить в издательства тоска, это я понимаю. Но будет очень грустно, если твой начальный энтузиазм выдохнется. В этом вопросе время — главное. Я все не теряю надежды, что в самое ближайшее время ты таки преодолеешь себя и сходишь в СовПис и ХудЛит. Не говоря уже о прочем.

У нас тут Ларионику завалили на приеме в СП. Наше бюро затевает по этому поводу скандал в Секретариате. Интересно, что получится. Имя Жоры <Гречко> поминутно сверкает в воздухе, подобно Зевсовым молниям.

Вот пока и все. Обнимаю, твой [подпись].

P. S. Привет Леночке и Машке.

Наталья была у нас один раз и у мамы — один. Все у нее было ОК.

Аркадий — брату, 19 июня 1976, М. — Л.

Дорогой Борис.

Конечно же, опять задержал первое письмо. Что поделаешь — все как-то неопределенно.

1. Приходил Тарковский, объяснил, что заканчивает режиссерский сценарий для начальства и что скоро нам с тобой потребуются ему помочь с деловым режиссерским. А по поводу гонорара он только возмущался нерасторопностью Госкомитета и обещался поторопить. С чем мы и расстались.

2. Сунулся я было в Детгиз, но, как назло, у нашего редактора опасно заболел муж, встреча наша (и предоставление ей для ознакомления ДоУ и ПиП) откладывается на неопределенное время. Впрочем, это-то дело как раз терпит — мы в плане 78-го года.

3. Стало известно, что Казанцев и Колпаков написали чудовищно мракобесные доносы на «Правду» самому Зимянину. Суть — сионисты в фантастике заедают православных, с одной стороны, а с другой — интеллектуалы отлучают от издательств партийных. Бред, но отвратно.

4. Днями приезжают наши приятели из театра, начнем работать над пьесой.

5. Днями же решается вопрос о заключении договоров на мультяшку на ЦТ.

6. Из ВААПа просят согласия на издание ПиПа во французском изд-ве «Деноэль».

Даю.

Все в отпусках, никого нет, говорить не с кем.

А пока — кончаю. Обнимаю, жму, твой Арк.

Привет Адке и Андрею. Надеюсь, у него все хорошо.

Борис — брату, 25 июня 1976, Л. — М.

Дорогой Аркаша!

Получил было твое письмо от 19.06 и тут же хотел сесть отвечать, но нагрянула Ант<онина> Ник<олаевна> <Карпелюк>, и пришлось отложить.

Надеюсь, ты сейчас уже подуспокоился после тех поганых писем. Очень ты был нервный, что, впрочем, понятно. Кто-то чрезвычайно ловко и элегантно почти целиком

уничтожил влияние статьи в «Правде». Интересно, кто? Кому выгодно? — так, кажется, спрашивали древние. Медведев, Колпаков... кто еще?

Как я заметил, в отчетном докладе Маркова, вопреки ожиданиям, ни слова о фантастике. Может быть, и это — результат поганых писем?

Получил и я письмо от Синельникова. Что ж, самое время: а). Подавать в суд, и б). Писать Деревянко. Я полагаю все-таки, что сначала — Деревянко: во-первых, получится по инстанциям, а во-вторых, останется еще один резервный и последний ход в запасе.

Надо иметь в виду, что Синельников обязательно постарается ограбить нас при выплате: в договоре указано — 300 р/лист, а он будет считать гораздо меньше, ссылаясь на то, что это переиздания. Будешь говорить с юристом ВААП, обязательно спроси, можно ли настаивать на выполнении хотя бы этого пункта.

Новостей у меня никаких нет, но есть просьба: напиши, пожалуйста, по-аглицки следующий текст (забыл тебя попросить в твой приезд):

Дорогой сэр,

большое спасибо Вам за присланные книги. Особенно обрадовало нас издание АТОМВОЛКАН ГОЛКОНДА на немецком. Книга эта издана в 60-м году и сейчас, вероятно, является библиографической редкостью.

Пользуемся случаем сообщить Вам, что мы полностью закончили работу над повестью ЗА МИЛЛИАРД ЛЕТ ДО КОНЦА СВЕТА и передали рукопись в ВААП. Ваше издательство при желании может обратиться в ВААП с просьбой выслать рукопись для ознакомления.

Еще раз большое спасибо,
с уважением...

Аглицкий текст либо пришли мне, либо отправь сам по адресу: Franz Rottensteiner, Marchettigasse <...>, Wien, Austria. Учти только, что посылать авиаписьмо надо в спецконверте за 16 коп.

Вот, собственно, и все. Да! Андрюха сегодня сдал последний экзамен. Общий результат: 8 пятерок и одна четверка (по физике). Орел!

Обнимаю, твой [подпись].

P. S. Леночке — поцелуй, а Машке — ни пуха, ни пера!

Аркадий — брату, 29 июня 1976, М. — Л.

Дорогой Борик!

1. Андрей Тарковский улетел в Ср<еднюю> Азию искать натуру для фильма, вернется 5–6 июля. По его словам, на прощание Госкомитет уже прислал на «Мосфильм» утверждение сценария, так что с гонораром задержка по местным обстоятельствам.

2. В Детгиз иду завтра — с ДоУ и ПиПом.

3. Сегодня иду к юрисконсульту в ВААП.

4. Вчера послал письмо Синельникову с негодованием и недоумением. Через недели полторы надо независимо ни от чего писать Зимянину. Прошу выслать схему письма. Это — последний этап.

5. Ни одна газета, ни Президиум Съезда копий фальшивки не получили, либо скрывают от нас. Сотруднику «Комсомолки», который сообщил мне и показал фальшивку, видимо влетело «за разглашение редакционной тайны».

Всё. Приветы и поздравления Андрюшке. Молодец. Адке привет.

Обнимаю, Арк.

Борис — брату, 2 июля 1976, Л. — М.

Дорогой Аркаша!

Письмо к Зимянину, я полагаю, должно выглядеть примерно так:

Уважаемый тов. (Обязательно имя-отчество!)

Настоящим письмом мы просим Вас обратить внимание на явно неблагоприятное положение, сложившееся в издательстве ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия».

В октябре 1974 года это издательство заключило договор на издание нашего сборника «Незначенные встречи». В сборник были включены научно-фантастические повести «Трудно быть богом», «Малыш» и «Пикник на обочине», посвященные проблеме контакта человечества с чужим Разумом во Вселенной.

К этому времени сборник уже два года лежал в издательстве, был неоднократно положительно отрецензирован, а все повести, включенные в него, были уже давно опубликованы и получили положительные оценки в прессе.

Однако завредакцией научно-фантастической литературы т. Медведев счел необходимым затеять волокиту и затормозить издание сборника. Вопреки букве и духу договора он выдвинул целый ряд совершенно нелепых, субъективных, немотивированных требований к повести «Пикник на обочине».

Мы хотели бы подчеркнуть здесь, что наша повесть «Пикник на обочине» выполняет чрезвычайно важную идеологическую задачу: показать конкретно, в зримых художественных образах, как буржуазная идеология, капиталистический образ жизни ежедневно и ежечасно пожирают мозг и души людей мира свободного предпринимательства.

Журнальная публикация этой повести получила широкую популярность. Повесть переведена и издана в ПНР, ВНР, ЧССР, готовится к печати в других социалистических странах. В журнале «Литературное обозрение» № 2, 1973 и «Юность», № 7, 1974 были опубликованы положительные рецензии на нее. Наконец, совсем недавно, 8.03.1976, опубликован положительный отзыв о повести «Пикник на обочине» в таком авторитетном органе, как центральная «Правда».

Однако никакая сколь угодно разумная и авторитетная аргументация не способна, по-видимому, преодолеть необъяснимого упорства т. Медведева. Очевидно, им движут побуждения, не имеющие никакого отношения к литературе и издательской деятельности, и борьба, которую он ведет с нами вот уже полтора года, давно перестала быть борьбой за качество литературной продукции, превратившись в борьбу за пресловутую «честь мундира». Подключившийся к этой борьбе главный редактор издательства «Молодая гвардия» тов. Синельников в своем письме от 18.06.1976 объявил нам, что повесть «Пикник на обочине» вообще изымается из нашего сборника.

Уважаемый ____! Мы обращались за помощью в сектор печати отдела пропаганды ЦК ВЛКСМ, а затем и в отдел культуры ЦК. Теперь мы просим защиты у Вас, убедительно просим Вас разобраться в этом деле и принять необходимые меры.

Вот так, примерно, я это себе представляю. И полагаю, между прочим, что сначала надо бы все-таки послать письмо Деревянко, а уж потом — Зимянину. Посоветуйся с Мишей.

А новостей у меня нет никаких.

Обнимаю, твой [подпись].

Борис — брату, 6 июля 1976, Л. — М.

Дорогой Аркаша!

Только что, обливаясь потом, припер с почты посылку из МолГв, содержащую рукопись сборника НВ и вежливое письмо за подписью Медведева и Зиберова. Поскольку не совсем ясно, послана ли тебе копия этого письма, сообщаю краткое содержание: по поручению Главной редакции подготовлен к сдаче в производство сборник НВ в составе М и ТББ; просим подписать упомянутую рукопись в набор и верстку; ПнО возвращаем в адрес Б. Струг. в соответствии с обусловленным ранее порядком обмена корреспонденцией.

Я полагаю, что:

1. Ничего подписывать нам не надо, и как можно дольше.
2. Необходимо НЕМЕДЛЕННО выслать письмо Деревянко.
3. Надо как можно быстрее переговорить с юристом ВААПа, дабы выяснить, какая линия нашего поведения будет теперь самой правильной, на что мы имеем право, а на что — нет.

Если не поможет ни письмо Деревянко, ни письмо Зимянину, мы во всяком случае должны вырвать из гадов деньги за ПнО. Пусть они нам изуродуют сборник, но пусть они за это заплатят.

Мамочка собирается к тебе 12-го. Я думаю переправить рукопись сборника с нею (чтобы не рисковать на почте). Полагаю, что рукопись должна быть на данном этапе у тебя — особенно ПнО.

Вот и все мои унылые новости.

Целую, [подпись].

Борис — брату, 12 июля 1976, Л. — М.

Дорогой Аркаша!

1. Посылаю тебе сборник НВ. Полагаю, лучше будет, если он станет храниться у тебя.

2. Получил из ВААПа какие-то 174 р. с копейками. По-видимому, это те самые таинственные 180 р., которые до тебя некогда дошли, а до меня нет. Все никак не соберусь зайти к себе в ВААП и выяснить, за что.

3. Свяжись, пожалуйста, с Веркой Мирер и попроси ее нажать хоть какие-нибудь рычаги в географическом мире для ради Андрюхи. (Географический фак<ультет> Ленинградского университета, отделение океанологии.) Я не так боюсь за экзамены (полагаю, Андрюха сдаст пусть и не столь блестяще, как в школе, но не хуже большинства), как за некомсомольство и «удовлетворительно» по поведению (отметка самая распространенная, но говорят, что в прошлом году 70% поступавших имело по поведению уд, а 30% — «примерное поведение», так вот с удом поступило только три человека якобы).

А больше новостей нет. Занимаюсь с Андрюхой и помогаю Адке по ее работе.

Обнимаю, твой [подпись].

Аркадий — брату, 12 июля 1976, М. — Л.

Дорогой Борик!

1. Письмо (копию) Медведева и Зиберова получил давно. Но еще после письма от Синельникова перекрестился и отнес все материалы в ВААП некоему тов. Харуте Виталию Игнатовичу, большому приятелю одного моего друга и нашего поклонника.

Я ему всю историю рассказал, после чего он усадил меня написать пространное заявление на имя начальника договорно-правового управления ВААПа Гаврилова Э. П. Перспективы: ежели издательство не желает издавать, то хоть оно и трижды юридически неправо, издавать оно не будет. ВААП будет биться за полную выплату нам за ПнО и издание М и ТББ, хотя начнет с требования издать весь сборник целиком. Итак, мы начинаем первую в нашей истории юридическую войну.

2. Одновременно с этим письмом высылаю письмо Зимянину.

3. Пришли договоры из Чехословакии на М и ПнА — пардон, на ПиП и ПнА под общим заголовком «Мальчик из планеты Гиганда», издание на словацком; и из Венгрии на М.

4. Вернулся из Польши Мирер, рассказывает странные вещи: нас там печатают, передают по радио и еще что-то, Ирена ему сказала, что гонорары в общей сложности будут побольше, чем за книжные издания.

5. Тарковский вернулся из Средней Азии, хвалится, что выбрал гениальную натуру — где-то в трехстах км от Ташкента. Сделано множество фотографий, когда будут готовы — он приедет ко мне, и мы попробуем набросать маршрут сталкера.

6. Деньги полностью выписаны, будут на днях. Все-таки ты мудака. Договора на такие суммы должны заключаться НА МОЕ ЕДИНСТВЕННОЕ имя. Ты знаешь, во что тебе вскочит твое упрямство? В сто семьдесят рублей! Вернее, вскочило бы, потому что Лариса Тарковская приняла все меры и деньги будут переведены на МОЮ книжку все. Получишь от меня наличными.

7. Смешная история получается с театром. Они открывали свой сезон четырьмя новыми пьесами, последовательно, наша последняя. Но вдруг три пьесы зарубили: одна по «Слову о полку Игореве» в трактовке Олжаса Сулейменова, одна по Свифту «Лилипутия», одна вообще не получилась. Так что начинают они нашей пьесой и валяются у меня в ногах, чтобы все было готово к концу месяца. Мой вариант принят за основу, но просят его расширить за счет лирической части (у меня 50 страниц, они просят по меньшей мере 80). Кстати, Смелков (а он специалист-театровед) прочитал мою и зинчуковскую пьесы и с негодованием зинчуковскую отвергнул, а о моей сказал: «Очень не Шекспир, но на уровне современной серятины».

Вот и вся информация. Пришел Миша Ковальчук. Большой тебе привет. Сегодня встречаю маму.

Будь, не кашляй. Твой Арк.

Борис — брату, 18 июля 1976, Л. — М.

Дорогой Аркаша!

Для чего же ты зовешь меня мудаком? Только турки да жида зовут меня мудаком. Не называй меня мудаком, брат. Ведь никогда в жизни я не возражал против перевода всех денег на твою сб<ер>/к<нижку> (разве что в каких-то специальных случаях, когда денег у меня было в обрез). Я лишь возражал против заключения договора на одно имя. Почему? На то есть два соображения. Первое (длинное) я изложу тебе при встрече, а второе — изволь. Это чисто финансовое соображение. Подходный налог взимается с каждого из нас по отдельности, и так как этот налог НЕ линейный, сумма налогов с тебя и с меня меньше (МЕНЬШЕ) налога с суммы гонорара, начисляемого на одного. Например, если 6000 рьяб получает только А., то он теряет на подходном налоге 722 рьяб, если же А. и Б. получают по 3000, то они вместе теряют только 665 рьяб. Чувешь разницу? Во всяком случае, когда получишь деньги на книжку, сообщи, сколько мне причитается (за вычетом доли А. Т.), дабы я мог занести эту сумму в свои книги. А еще лучше — передай эту сумму с мамочкой.

Что касается МолГвардейских дел, то будем ждать. Программа минимум: сборник ТББ+М и деньги полностью за ПнО. Причем — все из расчета 300 за лист, как в договоре.

Странно, что это чехи вспомнили про «Путь на Амальтею», да еще вкупе с ПиП. Может быть, не ПнА, а ПнО?

Почему ты считаешь, что вернувшийся из Польши Мирер рассказывает странные вещи? Все это я тебе рассказывал уже неоднократно: и про радио, и про журналы, и про телепостановку. Да и чего тут странного? Давеча вот Лех <Енчмык> прислал ихнюю ЛитГазету — там рецензия на ПнО, весьма и весьма доброжелательная. В Польше нас знают, брат, не меньше, чем в СССР, и любят не меньше, а ценят (в смысле — издают) даже больше.

То обстоятельство, что твоя пьеса по ТББ «очень не Шекспир», мы, я полагаю, можем эб... (снимаю пенсне и смотрю поперх). Мы в Шекспиры и не лезем. Наше дело в театре пока (я подчеркиваю — ПОКА) маленькое. СБТ тоже было, прямо скажем, не Уэллс.

Мамочку крепко поцелуй. Скажи, что у нас все ОК. Я звонил Мартьяновне <Турьлевой>, к ней приехал гостить племянник Эдик, но она все равно живет в страхе, как бы не взломали дверь и не ограбили. Я ее успокоил. Передает мамочке привет и ждет ее не дожидается. Передай мамочке, что и я скучаю тож без нее, без чайку и без девяточки.

Обнимаю, твой [подпись].

Борис — матери, 21 июля 1976, Л. — М.

Дорогая мамухенс!

Сегодня рано утром, возвратившись с Адочкой из «ночного», обнаружил в ящике твое письмо. Об ответить сразу не могло быть и речи — завалился спать. И вот сейчас, отоспавшись, засел писать ответ.

Итак, ты будешь 30-го. Встречу обэспэчим! Пить будем, гулять будем, в картишечки играть будем!

Сочувствую твоим похождениям. Нет, дома все-таки лучше всего! Ну, когда ты получишь это письмо, страдать останется недолго.

У нас все пока в порядке. Андрюха исправно зубрит. Сегодня вот ходил в Университет, выяснил, что первый экзамен (математика) будет у него 3-го, а последний (география) — 16-го. Конкурс покамест — около трех человек на место. Возможно, к концу месяца возрастет, но вряд ли превысит 4 на место. Высокий конкурс! В прошлом году, говорят, конкурс был 5 человек на место, а проходной балл — 21.5 (из 25 возможных). В общем, придется ему попотеть, и не знаю, чем все это кончится.

Мы с Адочкой тоже вкалываем, но разок ухитрились вырваться и съездить на машине в леса. В лесах — сушь, ни одной ягодки, практически нет грибов. Говорят, все запоздало и многое померзло в этом году.

Погода у нас установилась: третий день стоит жара без дождей, настоящее лето, какого мы уже и не надеялись увидеть в этом году. Из-за резкого перепада температуры — простуды. Адка простудилась, чихает и гундосит. Я пока держусь, Андрюха — тоже.

Мартьяновне я звонил несколько дней назад, у нее все было в порядке. Впрочем, об этом я уже писал в письме к Аркашке.

Огромное тебе спасибо за кофе! Мы заранее облизываемся и ликуем.

Вот и все мои новости. Передавай всем приветы.

Крепко тебя целую — и от себя лично, и от Адки с Андрюхой, всегда твой [подпись].

Аркадий — брату, 23 июля 1976, М. — Л.

[Начало письма отсутствует.]

...для него важных. Прилагаю сценарий с его вопросами, а также его просьбы, которые я не озаботился тебе доставить при встрече. У него дела отличны. «Зеркало» продано во Францию за 120 тыс. долларов — это гораздо дороже, чем стоит фильм, а ведь будут покупать и другие страны. Наш «Сталкер» тоже на корню уже продан для демонстрации в ФРГ, за что немцы обязались поставить Тарковскому лучшие фото-киноматериалы. Андрюшка есть ласкаем Ермашом и Сизовым. Но он как был, так и остался. Я его понимаю. Ответственность на нем огромная. Будем помогать. Съёмки он начнет, видимо, в октябре. Нам будет оклад 150 в месяц как консультантам. Не знаю, как ты, а я его не брошу. Предлагаю: организуем в его работе посменное дежурство. Начну я — в октябре. Через месяц ты меня сменишь. Затем опять я, и через месяц опять ты. Если тебе лень или еще что — я буду там бессменно. Не героизм, а очень интересно. Впрочем, думаю, тебе тоже будет интересно.

5. Французы для «Парня из преисподней» просят фото и наши биографии. Биографии я послал в задницу, не их собачье дело, а фото даю. Имей в виду, у меня осталась только одна твоя фотописия. А, наверное, пригодится еще.

6. Мирер привез много новостей, писать не буду, а главное — в польской «Пионерской правде» печатается наш «ПиП», у меня теперь два номера, — и радиопрограмму — там идет радиопьеса «ПнО» с указанием актеров и т. д.

7. Письмо твое получил, но в том, что ты — мудака, не разубедился. Ладно, об этом при встрече. В ближайшее время таких сумм мы не получим.

8. Не помню, писал ли. ВААП начал дело против Молгв.

Пока, кажется, всё. Обнимаю, твой Арк.

Привет ребенку и Адке. Жду письма.

Пожелания Тарковского передаю почти стенографически:

1. Обыденность и «ненужность» (для сталкера) жены в 1-й сцене. Игнорирование?
2. Как выразить, что сталкер на этот раз не профессионал, не преступник, а идет в Зону с мольбой?
3. Как и куда вставить информационную часть? Игнорировать!
4. Идея о цели существования человечества: здание искусства.
5. Стихи должны быть хорошими, но ни к селу ни к городу.
6. Туман при проезде через шлагбаум.
7. Уточнить мотивации профессора: отказ от взрывания Зоны. Профессор ужасается, что берет на себя функции бога: своей волей уничтожить последние надежды миллионов людей.
8. Финальная сцена: счастье не так добывается. После Зоны я стал лучше и больше не пойду.
9. Сцена, когда сталкер отказывается идти к Машине желаний.
10. Грозное чудо в начале маршрута, чтобы осведомить зрителя об ужасах. И где-то приятная странность: во время отдыха — солнце, жара, и вдруг рядом сугроб — он тает.
11. Вместо Золотого Круга (символ) — место, где исполняются желания, найти название места. Нужно визуально описать место, где сбываются желания. Снег, хлеба, женщины?
12. Найти способ без танков сохранить разговор об «углублении».
13. В разговоре писателя со сталкером и профессором — поливание науки.
14. Причина, почему остался писатель. Устал! И никаких домов.

Вот так, брат мой и соавтор. Займись (это было в мае) и сопоставь с замечаниями в сценарии (июль). Самое главное во всем этом — женщина и причина, почему писатель не пошел. И еще — что-то ему не нравится атомная мина. Но тут мы не должны уступать.

P. S. Только что звонила Таня Чеховская: зМЛдКС благополучно прошел Главлит.

Борис — брату, 26 июля 1976, Л. — М.

Дорогой Аркаша!

Поскольку у меня никаких существенных новостей нет, буду просто отвечать на твое письмо.

1. Большое спасибо за денежки. Не обругивай налоги: все правильно. Ты забыл, что последняя порция не 75%, как ты вообразил, а всего лишь 65% (т. е. 3900, а не 4500). А теперь:

К ВОПРОСУ О ТАК НАЗЫВАЕМЫХ «МУДАКАХ»

Рассмотрим следующую частную задачу, которая позволит нам разрешить давно уже назревшую проблему, формулируемую обычно в виде: «Кто же все-таки мудака?»

Пусть даны три соискателя гонорара, составляющего в сумме 6000 руб. Назовем их, например, АС, БС и АТ и будем всех вместе впредь именовать АВТОР. Даже самое поверхностное ознакомление с Постановлением Госкомиздата СССР от 13.09.1973 «О порядке взимания подоходного налога за произведения, используемые на территории СССР» убеждает нас, что упомянутый гонорар (6000 р.) может быть снискан АВТОРОМ различными способами. Рассмотрим наиболее интересные из них.

СПОСОБ 1. АВТОР является полным и беспросветным мудаком (ПБМ). Он заключает договор на ОДНО имя (скажем, на АС) и требует, чтобы всю сумму (6000) ему выплатили ЕДИНОВРЕМЕННО. В этом случае (см. цит. Постановление) каждый из троих теряет на подоходном налоге 240.8 р.

СПОСОБ 2. АВТОР является обыкновенным мудаком. Он заключает договор на ОДНО лицо, а порядок выплаты гонорара оставляет на усмотрение начальства, так что деньги ему выплачивают в три приема: 25%, 10%, 65%. Тогда каждый из троих теряет на подоходном налоге 206.0 р.

СПОСОБ 3. АВТОР неглуп, но вял и бесхребетен. У него хватает ума заключить договор на ДВА лица (скажем, на АС и БС), но порядок выплаты он оставляет на усмотрение, и деньги ему выплачивают в упомянутом уже порядке: 25%, 10%, 65%. В этом случае каждый из троих теряет на налоге 167.8 р.

СПОСОБ 4. АВТОР умен! Мало того, что он заключает договор на ДВА лица, он еще и требует, чтобы суммы ему выплачивали в порядке, установленном договором, а именно: 25%, 10%, 15%, 50%. В этом случае каждый теряет на налоге всего лишь 141.8 р.

СПОСОБ 5. АВТОР мудр! Он заключает договор на ТРИ лица и требует выплаты гонорара в договорные сроки (25%, 10%, 15%, 50%). Тогда потери каждого на налог составят всего-навсего 120.9 р.

Примечание 1. Все расчеты производились на электронном калькуляторе ЕЛ–8005 фирмы «Шарп корпорейшн».

Легко видеть, что проделанные расчеты дают возможность установить количественную разницу между ПБМ и мудрецом. В нашем частном случае она составляет, кругло говоря, 120 руб. на рыло.

Примечание 2. Не знаю, как там у вас, в Москве, а у нас такие суммы на улицах не валяются.

Внимательное изучение таблицы взимания подоходного налога (см. Постановление) позволяет установить с несомненностью факт ПРОГРЕССИВНОСТИ указанного налога,

чем и объясняется полученная нами любопытная картина. Нетрудно сделать и весьма общий вывод относительно алгоритма поведения АВТОРа, если он претендует на звание разумного существа.

ТЕОРЕМА. Для того чтобы потери на подоходном налоге были минимальны, необходимо и достаточно включать в договор как можно больше лиц и получать причитающийся гонорар порциями, по возможности минимальными.

В заключение пользуемся случаем выразить благодарность А. Стругацкому, натолкнувшему нас на изучение названной проблемы.

Примечание 3. Ответ на вопрос: «Кто же, все-таки, мудака?» предоставляем получить читателю в виде самостоятельного упражнения. (Указание: Все томительные хлопоты АС по переводу остатка гонорара на одно имя увенчались блистательным успехом — каждый из троих потерял на этой операции дополнительно 12 рублей 80 копеек.)

Примечание 4. Научная добросовестность автора настоящей заметки не позволяет ему опустить тот факт, что он и сам является большим ПБМ. Тысячу раз было говорено завести в Москве сберкнижку или, по крайней мере, озаботиться написать заявление о переводе его части гонорара на сб/книжку АС! Денег, потраченных за весь истекший срок, на почтовую пересылку, хватило бы, наверное, на покупку неплохой коллекции марочек. (Впрочем, все сказанное остается справедливым и в отношении АС, только счет там надлежит вести не на марочки, а на бутылочки.)

2. Ни о каком бросании Андрея не может быть речи. Я всегда говорил и повторяю вновь, что наша беззаветная и безропотная помощь Тарковскому является на ближайший год ГЛАВНОЙ творческой задачей. Другое дело, как это организовать. К сожалению, наиболее эффективны регулярные встречи на высшем уровне с обсуждением всех деталей и вопросов. А я до сентября занят Андрюшкой (даже не самим Андрюшкой, собственно, а просто душа неспокойна, пока все это так или иначе не окончится). Предлагаемого тобою посменного дежурства я не понимаю. Собираться надо именно регулярно и именно втроем. А в промежутках — нам с тобой вдвоем. Только так можно чего-то добиться. Над вопросами Тарковского буду, разумеется, думать, но опыт показывает, что думать надо в гоппе, а не порознь. Пока могу предложить в качестве «чуда в начале» — звуковой удар. Идея: звук это единственное, что РЕАЛЬНО связывает героев и зрителя. Пусть, например, на нашу тройку обрушивается рев тайфуна (или танковой атаки, или налетающего «фантома», или адский хохот гигантской толпы). На экране — тишь и благолепие, солнышко, травка, безветрие, сугробы тают, а в ушах (и героев, и зрителей!) — дикий адский рев. И вдруг все затихает, словно ничего и не было. Ошалелые перепуганные герои (и зрители тоже!) дико озираются, постепенно оправляясь от страшного звукового шока... По-моему, такой прием нигде по-настоящему не применялся, а ведь это — стопроцентное сопереживание, без всяких скидок, без всяких условностей. Пари держу, что после такого шока зритель будет как на иголках до конца фильма, что бы на экране ни происходило.

Вообще-то большинство требований Андрея очень сложны, я даже не знаю, как к ним подступиться. Но — буду думать.

3. Насчет моих фотографий не беспокойся — есть еще в запасе. Надо будет, перешлю.

4. Пьесой мы с тобой еще займемся обязательно! Найти бы желающего на инсценировку зМЛдКС. По-моему, это очень камерно и сценично. А пока как-нибудь уж добей ТББ-С. Хрен с ним, с Шекспиром — были бы наличные!

Вот пока и все. Обнимаю, твой [подпись].

Аркадий — брату, 10 августа 1976, М. — Л.

Дорогой Борис.

Существенного ничего.

1. Закончил пьесу — второй вариант, вчера Ленка принесла с перепечатки, считал и на днях отдаю. 97 страниц, и надоела она мне безмерно.

2. Насчет инсценировки зМЛдКС: Смелков тут одного товарища предложил, которому пересказал содержание, и тот якобы возбудился. Но, возбудившись, уехал в отпуск. Или на съемки, не знаю.

3. Андрей тоже уехал, но ждет наших решений. Я ему сказал, что у тебя сейчас не те заботы и что скорее всего вплотную займемся где-то в начале сентября, но что ты все-таки первые наметки пришлешь гораздо раньше. Ты, действительно, пришли.

Вот и все дела. Обнимаю, всем приветы.

Твой Арк.

Да, в Находку я не еду. Не до того и не с чем: зубов нет.

Как Андрюшка? Отпиши.

Всем приветы.

Борис — брату, 13 августа 1976, Л. — М.

Дорогой Аркаша!

Получил твое письмецо и отвечаю тут же.

Дела у нас — дрянь. В полном соответствии с прогнозами и прорицаниями Андрей Борисыч благополучно проваливается в Университет. Нахватал троек и теперь практически пройти уже не может. У него остался еще один примерно шанс из пятидесяти — если сдаст на пятерку последний экзамен (географию). Но, во-первых, при требованиях, имеющих место быть, пятерку ему не вырвать, а во-вторых, один шанс из пятидесяти даже в случае пятерки — это, сам понимаешь...

Настроение у нас у всех по этому поводу омерзительное. Ничего не хочется делать и все валится из рук. Сценарий я так и не раскрыл с того первого раза. Даже марочки забросил и только занимаюсь математикой — Адке в помощь.

Так или иначе, но после 16-го период нервотрепки кончится и начнется период обычных будничных хлопот: устраивать Андрея на работу и т. д. Полагаю, что в конце августа — начале сентября я окончательно приду в себя и стану готов заниматься делом.

Пора подумать о встрече. Я полагаю, можно и у тебя, и у нас. Выбери сам, что тебе удобнее, тем более что в Находку ты не едешь. Встретимся, посидим дней пять, подумаем над сценарием в упор. Тогда к середине сентября мы смогли бы предложить Тарковскому чего-нибудь приличного.

Инсценировка зМЛдКС — это было бы неплохо. С удовольствием засяду за это дело, когда удастся (и если) перевести его на деловые рельсы.

Прочие ленинградские дела — ни шатко ни валко. Сборник с ПиП ожидается теперь уже в сентябре. Плюснина все пристает к нам насчет небольшой повести для нового детгизовского сборника (я вяло отбреживаюсь, ничего определенного не обещая). Из Москвы дошли слухи, что зМЛдКС начинается в З-С с 9-го номера (за что купил, за то и продаю). В конце года, вроде бы, ЛитОбоз собирается дать наше интервью о переписке с читателями. Ленинградский ВААП хочет дать рекламу детгизовского сборника с ПиП — приставали ко мне, я отослал их в Москву, где реклама на ПиП уже написана.

Вот, пожалуй, и все.

Обнимаю, твой [подпись].

P. S. Леночке и Машке — привет!

Аркадий — брату, 5 сентября 1976, М. — Л.

Дорогой Борик.

Новостей практически мало.

1. Тарковские в деревне и не показываются уже месяц (по словам их соседей, во всяком случае).

2. С Детгизом я связывался, обещались вызвать, когда придет час.

3. Звонил нашему человеку в ВААПе. МолГв не ответила на их запрос, и они послали туда новый — 17 августа. Наш человек порекомендовал мне написать Синельникову еще одно письмо в дерзком тоне: чего, мол, на письма трудящихся не отвечаешь, сука? Имеется в виду наше последнее письмо Синельникову, более чем двухмесячной давности. Я написал это письмо и отправил.

4. Встретился с Хитруком (мультифильм). Договорились писать сценарий фантастико-детективного памфлета, он будет в соавторах. Нам это хорошо, потому что будь мы одни, сценарий стоил бы 3 тыс., а он будет драться за 6 тыс., да еще я выговорил, чтобы все дела на студии он вел сам, а мы будем иметь дело только с ним. Но это еще долгая история, материал подавать через год-полтора.

5. По поводу театра ничего не слышать.

Вот всё пока. Как Андрюшка?

Привет твоим. Обнимаю, жму. Арк.

Борис — брату, 11 сентября 1976, Л. — М.

Дорогой Аркаша!

Получил твое письмо. Новостей и впрямь почти нет.

Вышел сигнал детгизовского сборника («Незримый мост»). Обещают в октябре тираж и предупреждают, что почти целиком он пойдет в Москву. Так что ты там заранее прими меры, если хочешь закупить сборник «в количестве», как говорят нынешние филателисты.

Звонил Андрей Островский из «Авроры». Мягко, но весьма настойчиво напомнил, что мы должны журналу 500 р. Я что-то там ему бляял, договорились на том, что в январе мы ему представим «нашу новую небольшую вещицу, которую мы пишем сейчас для Детгиза». Надо что-то делать, брат! Деньги-то возвращать неохота!

С моим Андрюшкой дело тоже пока все еще неясно: возникла какая-то заминка с финансированием темы, по которой его должны были нанять. Нервы мои! Ох!

Через неделю Адка поедет в отпуск, так что если захотим встречаться, то лучше было бы в Л<енингра>де. Правда, мама что-то неважно себя чувствует, но я полагаю, что это скорее нервное (в связи с Андрюшкой и повышенной смертностью среди ее старых друзей).

Звонила Ирена. Никаких особых новостей не сообщила (кроме того, что кто-то там хочет ставить ПНО на телевидении), но снова просила не давать разрешение на перевод зМЛдКС впредь до. Правда, она сказала, что этот вопрос вряд ли возникнет раньше, чем повесть будет целиком опубликована.

Вот, пожалуй, и все мои новости.

Обнимаю, твой [подпись].

P. S. Ленке и Машке — поцелуи!

Аркадий — брату, 17 сентября 1976, М. — Л.

Дорогой Борик.

Есть некоторые нюузы.

1. Позавчера встретился с директором и главредом «Таллинфильма», подписал бланки договора на ДоУ. В начале октября приедет наш режиссер, вступим в первичные переговоры. Таллинцы рассказывали, что, когда утверждался их план в Госкино, Даль Орлов скорчил было рожу, но возражать против нас не стал.

2. Вернувшись домой, отыскал сценарий ДоУ. Это действительно вариант, когда инспектор вызван заранее. Мне НЕ понравился. Ощущается какая-то нецельность. Зачем

там Брюн? И вообще... Впрочем, для первого варианта, вероятно, сойдет. И как отправная точка — тоже. Побеседую с режиссером, будет виднее.

3. Таллинцы предложили принять участие в конкурсе на лучший сценарий о современности, просят фантастику. Мне пришло в голову: а что если зМЛдКС? К сожалению, не догадался спросить у них, можно ли инсценировки. Но подумать стоит. Срок подачи — 25 мая. Премия 4.5, с обязательством постановки за 6.

4. Ганичев наконец откликнулся на ВААПовское послание. Глупейшая и длинная отписка. Я взялся в ответ на нее составить меморандум для ВААПа и сделал это. Отношу в понедельник 20-го.

5. Андрея все нет и нет. Ходят слухи, что он вообще снимать начнет только с января. Точно никто ничего не знает.

6. В Детгизе занялись нами. ДоУ не идет. ПиП — тоже, поскольку вышел в Ленинграде. Предлагают сказку из «Мира приключений» — но под нашими фамилиями. Я сказал: не знаю, это от Бориса зависит. Думай. М<ожет> б<ыть>, попробуем переработать, если тебе стыдно?

7. Насчет 500 руб. «Авроры». Я эти деньги отдавать не собираюсь ни при каких обстоятельствах. Договор был? Был. Материал представлен? Представлен. Доброкачественный? Доброкачественный. (См<отри> публикацию в З-С.) Чья инициатива не печатать в «Авроре»? Наша? Нет. Пусть расторгнут договор с оставлением за нами аванса по статье I договора (три года прошли), по статье 8 (ни одно условие нами не нарушено) и прочая белиберда. Конечно, я понимаю, что ссориться с Островским ни к чему. Но и он пусть не ссорится с нами. Грубо говоря, если он хочет новую вещь — пусть заключает новый договор. И пусть не воображает, что мы что-то должны «Авроре».

Вот пока всё. Жму, целую, твой Арк.

Привет Адке и Росшеперу <прозвище Андрея Стругацкого>. Жалко парня. Но не надо быть мудаком, не надо раскисать. Впрочем, не только ему.

Борис — брату, 21 сентября 1976, Л. — М.

Дорогой Аркаша!

1. Это хорошо, что дело с ДоУ-С зашевелилось. Жалко, что тебе не понравился уже готовый вариант сценария. Я, правда, давно не перечитывал, но когда-то он был мне вполне по душе. Впрочем, наши чуйства, полагаю, особой роли здесь не играют. В качестве первого варианта сценарий несомненно годится, а далее все будет решать режиссер. (Та же Брюн — тебе она кажется лишней, я тоже не считаю, что она так уж необходима, а вот Лешка <Герман> некогда в ней что-то видел.) Только держи меня в курсе режиссерских требований.

2. зМЛдКС несомненно надо попробовать на конкурсе таллинцев. Выясняй поскорее, можно ли инсценировку. Или, в крайнем случае, «по мотивам». (Все равно же придется что-то переделывать и упрощать для сценария.)

3. Что же ты не напишешь, в чем суть ганичевского письма? Интересно же, что он пишет, в каком тоне и вообще. Обязательно отпиши конспективно.

4. Я очень против сказки в детгизовском сборнике. Категорически! Тут и нежелание раскрывать (официально) псевдонимы, и убежденность, что горбатого могила исправит, и нежелание вообще заниматься этой мочой. Ведь есть же выбор: «Малыш», «Радуга», «Путь на Амальтею», «Стажеры». Может быть, даже попробовать ПНО в каком-нибудь облегченном варианте? В общем, все что угодно, только не эту дурацкую сказку. «Извне», в конце концов, — тоже дерьмо, но тут хоть оправдание есть: дерьмо старое, давнее, засохшее. А в самом крайнем случае — пустить только ПНвС, в чистом виде, как и при первом издании. Пусть в деньгах потеряем (кстати — гроши), но честь дороже.

5. Насчет «Авроры» ты, брат, пишешь что-то не то. Сам же пишешь: «ссориться с Островским ни к чему», и сам же предлагаешь образ действий, который ни к чему, кроме

ссоры, привести не может. Разумеется, если мы ничего предложить им к январю не сможем, они, наверное, спишут эти 500 р. Но если я даже буду вести себя при этом униженно и заискивающе, все равно это наши акции там подорвет («Не забудь про Козлова, мой мальчик!»). Если же я вдобавок примусь там права качать, то дело будет и вовсе дрянь («Как же можно со Стругацкими связываться, если они по договору пишут черт-те что, а потом еще и права качают? Конечно, З–С эту штуку опубликовало, но у нас то тут не З–С, над нами обком стоит, у нас — специфика. Если они этого не понимают, пусть как хотят...»). В общем, я хочу сказать, что единственный у нас с тобой правильный путь не требовать у них никаких новых договоров, а написать им небольшую вещицу листа на три: и с ними разоидемся по-хорошему, и для Лендетгиза дадим материал, и вообще новое нечто наконец напишем. Такое вот будет мое мнение. И даже неплохо, что А<ндрей> Т<арковский> собирается снимать с января. Значит, до января у нас есть возможность раза три встретиться по 10 дней за раз и накатать повестуху.

4-а. Кстати, а почему, собственно, твой Детгиз не может взять ПиП? Ведь сборник намечается на 78-й, а ПиП вышел только что, в 76-м. В чем тут препоны?

6. Пользуюсь случаем еще раз тебе почтительнейше напомнить: а) зМЛдКС надо запасти экзов сто — половину в любом случае мне, будет все оплачено; б) Если хочешь иметь лендетгизовский сборник «Незримый мост» — сделай заказ в своей лавке: повторяю, в Л<енингра>де этот сборник будет не достать.

7. У меня новостей нет. Читал в ЛитОбозе наш интервев — вполне прилично, хотя и покурочили его малость (не знаю только, кто — то ли Севочка, то ли Галя Силина, журналистка). Вернулся Брандис из Польши, говорит, что было очень приятно видеть: двадцать стендов двадцати стран с изданиями НФ и на каждом стенде — Стругацкие.

Завтра Адочку отправляю на юг отдыхать, а сам остаюсь, ибо Андриюху все еще на работу не пристроил (по независящим).

Лешка Герман родил сына наконец. Фильм его приняли, дали вторую категорию. Почему-то мне кажется, что дадут в конце концов и лауреата какого-нибудь. В любом случае с интересом жду, когда наш Лешечка вспомнит о ТББ.

Уже известно точно: с 1 января сертификаты отменяются. Будут какие-то чеки, для всех одинаковые («с полосой», «без полосы» — все это отменяется), причем цена этого «чекового» рубля будет равна рублю обыкновенному. В общем, они нас, по-видимому, доели-таки. Будем получать гонорары в размере 30 рублей за 40 долларов.

Вот и все пока. Обнимаю, твой [подпись].

P. S. Леночку и Машку целуй.

Аркадий — брату, 5 октября 1976, Дубулты — Л.

Дорогой Борик.

Пишу из Dubulti.

1. Из Таллина не приезжали.

2. Письмо от Тарковского:

а) сейчас в группе подготовительный период (не знаю, что это такое); съемки начнутся в январе; нас зачисляют на жалованье с октября.

б) для публикации «Сталкера» в «Искусстве кино» следует много доделать в сценарии; что именно — он хотел объяснить при встрече, но встреча не состоялась: он уехал на октябрь в Таллин.

в) Цитирую: «Мне кажется, я придумал первую сцену — с женой. Должен быть скандал. Он обещал жене не ходить больше в Зону. Собирается тайком (никакой рыбалки и специальных костюмов). Она обвиняет его в том, что тот не держит слова. Истерика. Появляется Мартышка (на шум). Сталкер уходит. Здесь есть возможность увидеть в ней и ведьму, и замученную бабу, и крайнее их состояние. В состоянии ссоры легко выразить и прошлые обиды, и жизненные проблемы (бедность, мутации, его профессиональные

свойства, судьбу и решение всё бросить). Потом, мне кажется, контраст (она в истерике — и она в финале) облегчит восприятие ее нежности, верности и твердости». Вот так. Мне это тоже представляется выходом. Думай, я тоже буду думать.

3. Затем приехала Маша <Чугунова> (ассистентка Андрея), привезла фотографии трех основных актеров: Сталкера — Кайдановского, Профессора — Гринько и Писателя — Солоницына. Лариса (жена Андрея) звонила, подтвердила, что с октября мы на жаловании, она сама этим займется.

4. По Детгизу новостей тоже пока нет.

5. И по МолГв — тоже.

6. По возвращении из Дубулт я должен встретиться с Эдиком Бархударяном из ред<акции> сов<ременной> русск<ой> прозы в «Сов<етском> писателе».

7. Пьеса в Министерстве встретила плохой прием. Получена плохая рецензия. Но наши театральные друзья собираются ее отстаивать.

8. Были у меня ребята из «Знание — сила». Принесли (пока) 50 экз. На другой день я получил по почте 170 ряб за № 9.

Пока всё. Жму, целую. Арк.

Привет твоим.

Борис — брату, 14 октября 1976, Л. — М.

Дорогой Аркаша!

Отвечаю тебе не сразу, потому что писать в Дубулты было уже поздно, а в Москву — еще рано.

Я тут нахожусь в полном ошалении. Маме нехорошо. Было уже четыре невропатолога, все они в общем сходятся: микроинсульт без особо вредных (пока) последствий. Лежать, лежать и лежать. Ходит сестра, колет папаверин. Вводили сначала эуфиллин внутривенно, но маме от этого стало совсем плохо — отказались. Субъективно чувствует она себя ни шатко ни валко: иногда ничего, а то вдруг начинает болеть голова (по-моему, это совпадает с переменной погоды). До сих пор я ездил к ней каждый день, но сегодня вот не поехал — оклеивал окна, вставлял стекла и т. п. Было особенно плохо, пока Адка была еще в отпуске, а я свалился в гриппе, но теперь Адка вернулась, и мне малость полегчало. Зато вновь начались осложнения с Андрюхой. Вторично он пытается устроиться лаборантом при Университете, и вторично какая-то незримая, но мощная рука чинит ему препятствия. На кафедре есть место лаборанта, и нужен лаборант позарез, а в отделе кадров заявляют, что такой ставки не существует.

Сам понимаешь, что в такой ситуации я вам с Тарковским не помощник. Думайте пока сами, я потом подключусь. Идея с истерикой жены в первой сцене мне в общем нравится, но, по-моему, такая сцена не исключает «рыбалки», спецкостюма и пр<очего>. А что это за идея публикации сценария в «Искусстве кино»? В первый раз слышу. По-видимому, ты опять забыл мне это рассказать.

Из Таллина мне звонили неделю назад — уточняли наши данные для договора, так что дело, видимо, движется.

Что пьеса встретила дурной прием — наср... 25 проц<ентов> получено, и гори они все огнем. Не расстраивайся.

Деньги из «Знания» получил. Оказывается, это за зМЛдКС! А я-то голову ломал. Кроме того, получил 735 из «Мира» — гонорар за ТББ (хорошо бы узнать, на каком языке). Из Лендетгиза пришли на сб/книжку еще тыща с небольшим — это все, что осталось за ПиП.

Получил письмо из ФОЛЬК УНД ВЕЛЬТ — вышло второе издание ТББ, а также сборник ф<антасти>ки под названием «Попытка к бегству» — по нашей вещи. В письме была еще реклама ВНМ с картинкой обложки — ожидается этой осенью в серии СПЕКТРУМ (очень престижная серия, где ф<антасти>ка — редкость).

Вот, кажется, и все мои новости. Башка плохо варит, возможно, что-то и забыл.
Целую, твой [подпись].
P. S. Ленуське и Маше — привет!

Аркадий — брату, 21 октября 1976, М. — Л.

Дорогой Борик.

1. Надеюсь, мама получила мое последнее письмо из Дубултов. Я был бы очень благодарен, если бы ты сообщил мне поскорее последние новости о ее здоровье. Как только она почувствует себя получше, в смысле — посещение мое не станет ей в тягость, я бы приехал дня на два-три. Вообще-то я, конечно, ночевать и столоваться у нее воздержусь, но повидать ее очень хочется. Сообщи, брат, ее состояние и ее мнение на этот счет.

2. Неудачно все складывается, и я, разумеется, буду справляться здесь один. Вчера был у Тарковского, просидели с ним часов пять, обговаривали дальнейшую работу. Договорились вот о чем. Мы с ним тщательно пройдем по сценарию все необходимое до Нового года. В январе начнутся съемки. До этого времени надо устроиться таким образом, чтобы у него остался бы минимум шансов на то, чтобы нас туда вызывать. А необходимое, над чем я с ним сейчас буду вкалывать, сводится к следующему: а) Первая сцена. б) Психологическое обоснование (в диалогах) поведения и целей Профессора и Писателя. в) Подробная разработка топографии и порядка приключений на маршруте похода. Работать договорились по звеньям: я выполняю по его указаниям первое звено, иду к нему, первое звено уточняется, затем получаю указание на второе и т. д. Пока договорились, что первое звено (первую сцену) я предъявляю ему в понедельник-вторник, 25–26-го.

3. По поводу публикации сценария в «Иск<усстве> кино». Ты сам забыл. Когда-то еще летом Лариса сообщила мне, что Андрей хочет передать сценарий в этот журнал, у него просят. Тогда же мне из журнала позвонили. Я сослался на самого Тарковского и забыл об этом. Теперь вопрос всплыл снова. Я поговорил вчера с Андреем и уговорил его не делать этой глупости. Не надо высовываться до того, как сделан фильм. Потом — пожалуйста. В ежегоднике «Лучшие сценарии советского кино».

4. Вчера же была у меня встреча с Кромановым (Таллинфильм), обговаривали предварительные детали (жанр, возможную стилистику фильма и т. д.), а главным образом — принимались друг к другу. Он, по-моему, ничеГё парень. Но, разумеется, до прихода договора и до получения аванса я и пальцем не двину, хотя кое-какие соображения у меня уже есть. Кстати, он предложил название «В тупике». Мне оно понравилось: и место действия в тупике, и пришельцы загнаны в тупик, и главный герой в морально-нравственном тупике — уверен, что поступок его совершенно правильный, и при этом знает, что ничего хорошего из этого поступка не получится.

5. В Дубултах встретился и неплохо сошелся с Торопыгиным. Он очень просил новую повесть. Кстати, как раз в это время на несчастную «Аврору» свалилось новое бедствие: из 11–12-го номеров обкомовские цензоры сняли повесть Битова. Экая, брат, пакость!

6. Если все будет благополучно, мы кровь из носу встречаемся во второй половине ноября и начинаем повесть. Такое мое мнение. А как ты? Я остановлюсь у друзей, буду приезжать к тебе, будем работать часика по три-четыре (мне больше все одно нельзя), время от времени навещать маму. А?

7. У меня здесь тоже полный лазарет: Машка тяжело болеет гриппом, Ленка тоже куксится. Но ничего: гамбарэ-гамбарэ! — что означает «держи хвост пистолетом».

Обнимаю, твой Арк. Привет твоим.

А письмо твое, пущенное 14-го, пришло 20-го, хоть и авиа.

Борис — брату, 26 октября 1976, Л. — М.

Дорогой Аркаша!

Последнее время мамочка чувствует себя неплохо (тьфу-тьфу-тьфу). Врач разрешил ей подниматься и вообще «постепенно входить в жизнь». Так что она помаленьку бродит, уже готовит себе еду сама, начала читать, смотреть телевизор, раскладывать пасьянсы, а вчера я у нее был, так мы даже забили одну тыщенку. Колоть ее перестали, из лекарств оставили только аминалон. Мы с ней теперь перешли на прежний режим встреч — буду у нее бывать по понедельникам и четвергам, а созваниваемся — ежедневно. Надо думать, что еще недельку-другую мне следует побыть на стреме, а потом, бог даст, можно будет и мне приобрести прежнюю мобильность.

Я знаю, что она приглашала тебя, но думаю, что ты, разумеется, прав: жить тебе у нее не след — какие ни минимальные, а все-таки дополнительные хлопоты. Однако если работать мы станем у меня, а к маме будем наезжать только поиграть в карточки да попить чаек, и курить станем в маленькой комнатке, то все будет, вероятно, ОК. Трудно только будет уговорить ее на такой режим.

Так что предлагаемые тобою планы работ я полностью принимаю.

Не помню, писал ли тебе, что из Таллина уже пришел договор на сценарий. Правда, весь он сплошь на эстонском, не понять ни хрена, но надо думать, что аванс тоже не замедлит.

Деньги за детгизовский сборник с ПиП я уже получил (1024 р.), но самого сборника так и не видел. Боюсь, что и не увижу — ни у кого его нет.

Давеча позвонил Чистяков и очень порадовал: Стругацкие попали в БСЭ. Где-то неподалеку от т. Сталина, и статья примерно столь же маленькая, но без фото. Пустячок, а приятно. Никак не ожидал. Всегда считал, что в БСЭ из современных писателей попадают только лауреаты.

Вот, кажется, и все мои новости. С большим нетерпением жду результатов твоей беседы с человеком из «Сов. Писа».

Обнимаю, твой [подпись].

Аркадий — брату, 24 ноября 1976, М. — Л.

Дорогой Борис.

События развернулись столь стремительно, что я еще не до конца осознал ни их сути, ни возможных последствий.

По приезде домой обнаружил я на столе телеграмму от Синельникова с приглашением явиться к нему на следующий день (22-го) в его контору. Пошел я, взяв с собой для демонстрации недоверия Лешу Шилейко. Имела место полуторачасовая беседа в присутствии некоей дамы из числа заместителей Синельникова и, позже, Медведева. Характерно, что Авраменки не оказалось на месте. Синельников сообщил: высшие партийные инстанции обратились с запросом по поводу Стругацких в агитпроп ЦК ВЛКСМ. 6 октября агитпроп переслал ему, Синельникову, бумагу, в которой объявил, что не имеет возражений против публикации ПнО после удаления из текста жаргонных слов и вульгаризмов. Значит, все было на мази уже с 6 октября, но нам об этом ничего не говорили. Только второе письмо к М. В. Зимянину, видимо, подвигло этих стервецов на решающую с нами встречу. Ладно. Договорились, что мы выполним некоторые замечания редакции (они уже лежали наготове) и повесть будет пушена в производство. Замечания, помимо мифических вульгаризмов (я тут же предложил, чтобы нам конкретно указали, какие это вульгаризмы и где они имеют находиться), сводились к просьбе переменить название Хармонта (как намек на ближневосточные события (?)), имя Мосол-Катюша (как содержащее намек на любимую в народе песню «Выходила, песню заводила») и еще

пара примеров такой же бредятины. Конечно, не обошлось и без «покойников», но тут в бой вступил Леша и решительно объяснил, как профессор и доктор наук (в рядах противника движение, все застегиваются на все пуговицы), что «покойники» необходимы, т. к. подчеркивают в символе идею повести: термодинамика пошла с появлением пришельцев в обратную сторону. Непонятно, но внушительно. И мы ушли, провожаемые настоятельной просьбой поскорее вернуть рукопись для быстрого окончания дела.

Рукопись на следующее утро (23-го) отнесла к Синельникову Наташка, причем произвел он на нее отвратительное впечатление, был вульгарен и груб, так что Наталье пришлось поставить его на место. Но это всё пустяки, потому что в 18.30 в вечер того же 23-го произошло долгожданное событие — заседание комиссий по фантастике и приключениям с целью обсудить план...

На этом месте письма явился Мирер и предался воспоминаниям о вчерашнем, он тоже присутствовал на этом историческом деле вместе с Верой.

Так вот, сюжет дела изложить затрудняюсь, а фабула сводится к следующему. От МолГв имели место Синельников, Медведев, Зиберов, Фалеев и еще какая-то сволочь. И началась мясорубка. Их рубили вручную, на самом высоком идеологическом уровне. Вскрылись такие вещи, что волосы дыбом становились. Я, конечно, знал и раньше о трагической смерти воронежского фантаста Железнова и самоубийстве Юлия Файбышенко, но тут привели их предсмертные письма в редакцию, копии чудовищных рецензий, свидетельства жены первого и матери второго... факты отвратительного шантажа, грубостей, безграмотности и чего только еще нет. Синельников пробовал отмежеваться и защищаться, да ничего не получилось. Выступали: Юрий Кларов, Кикнадзе, Понизовский, Адамов, Витя Смирнов, Лагин, я, Гуревич, Вайнер младший, Юра Давыдов, Юрий Смирнов. Большинство имен тебе ничего не говорит, это приключенцы и детективщики и авторы историко-революционной темы. Я хотел выступить как мэтр по твоему совету, но стенографистки попросили говорить громче, а оратор и оставаться мэтром решительно невозможно. Суть моего выступления сводилась к тому, что все безобразия в редакционной работе происходят от вопиющей некомпетентности нынешних работников редакции, и выразил свое общее мнение, что их надобно всех сместить, а директору и главному редактору основательно подумать о своей ответственности за эти безобразия. Заключил собрание Парнов. Его тезисы: 1. (в ответ на слабый писк Синельникова, что СП не вправе обсуждать внутрииздательские дела) Совет создан по указанию высоких инстанций и наделен правом следить за порядком в деятельности не только издательств (по соответствующим жанрам, разумеется), но и в кино, и в телевидении, и в театре. 2. Совет не считает для издательства возможной нормальной работу при нынешнем составе редакции. 3. Совет предостерегает Синельникова, на случай если ему вздумается мстить выступавшим здесь авторам. Рим был великолепен. Мы были восхищены. Да, по единодушному мнению, ничего подобного этому заседанию не было уже лет пятьдесят. Заседали четыре часа без перерыва, зал был набит битком, и никто не уходил ни на минуту.

Вот что могу сообщить по горячим следам. Не знаю, как это обернется для нашего сборника, но я счел себя должным выступить так, как я выступил.

Жму, обнимаю, твой Арк.

Привет Адке и Андрею. Будем ждать дальнейших событий.

Борис — брату, 2 декабря 1976, Л. — М.

Дорогой Аркаша!

Пишу внеочередное письмо с единственной целью: сообщить, что путевки у меня на руках. Первый день 15-е, последний — 26 декабря. Комнаты 37 и 39 (третий этаж, одна комната тупиковая, между нами живет Дворецкий). Так что жду тебя 14-го. Не забудь захватить номера 3-С, а также все, что понадобится впредь.

Выяснил ли ты насчет гонорара за № 10?
 Получено ли и намечается ли одобрение за ПнО?
 Все ли ладно с Тарковским? До меня дошли какие-то странные и неприятные слухи.
 Я мучаюсь фурункулами и сижу над рецензией на будущий лендетгизовский сборник.
 Мама чувствует себя удовлетворительно.
 На сем кончаю.
 Твой [подпись].
 P. S. Леночке и Машке — привет!

Аркадий Стругацкий, Борис Стругацкий Рабочий дневник, 1971–1987

1975

20.01.75

Приехали в Комарово. Будем переписывать ГО?

21.01.75

Написали заявку на переиздание в Д<ет>Г<из>.
 Тщились написать заметку для ЛитОбоза.

[На отдельном листе]

Предлагаем Издательству включить в редакционные планы наш авторский сборник в составе двух сказочных повестей: «ПНвС» (10 а<вторских> л<истов>, переиздание) и «Высокие договаривающиеся стороны» (назв<ание> условное, 5 а<вторских> л<истов>, новая повесть).

Повесть ПНвС уже известна молодому читателю. Это сказка о НИИЧАВО и его веселых сотрудниках.

Новая повесть-сказка ВДС задумана как продолжение ПНвС. Читатель снова встретится в ней с творцом линейного человеческого счастья Федором Симеоновичем, неутомимым искателем смысла жизни Кристобалем Хунтой, с простодушным заведующим выч<ислительным> центром Сашей Приваловым и его друзьями магистрами Романом Ойра-Ойра, Эдиком Амперяном и Витькой Корнеевым. На этот раз им выпадет на долю организация и проведение на самом высоком дипломатическом уровне контакта с представителями аналогичного института другого мира на предмет разработки грандиозного плана устройства счастья не только отдельных планет, но и всей видимой Вселенной. В процессе контакта возникает масса смешных и странных ситуаций, но в конце концов высокие договаривающиеся стороны приходят к полному единству взглядов, ибо задачи и цели Разума едины во Вселенной.

Название всего сборника мы предлагаем «ПНвС». Законченная рукопись сборника м<ожет> б<ыть> предоставлена в изд<ательст>во через 9 мес<яцев> после заключения договора.

[На отдельном листе]

Салтыков-Щедрин.

«Прохаживаться по водочке».

«Проект о расстрелянии».

«Вот сейчас мелькнуло: «Хорошо бы 200 тыс. выиграть» и ушло» (маги приходят и уходят).

«Только те науки распространяют свет, кои способствуют выполнению начальственных предписаний».

«Де-сиянс академия».

«Нет ничего для начальника обременительнее, как ежели он видит, что пламенности его положены пределы».

«...такое время, когда даже в альбомы девицам ничего другого не писали, кроме:

О, Росс! О, род непобедимый!

О, твердокаменная грудь!»

22.01.75

Сделали 10 стр. (10) (9)

23.01.75

Чел<ове>к, которого было опасно обижать.

24.01.75

Список жертв:

ученый генерал,

гангстер от политиканов,

политикан,

разведка (поиски аппарата),

местная контрразведка ([поиски аппарата]),

следователь-бюрократ,

бюрократ — мешающий уйти из мира.

25.01.75

Имя ему — Кимм.

Назв<ание> повести — «Хромая судьба».

В момент повести Кимму 40 л.

Осознал дар-проклятье 39 л.

Отношение к Д<ару->П<роклятью>:

а) Восторг и злорадство — это быстро проходит, когда он осознает, что ДП не контролируется.

б) Депрессия, безумный ужас. Ломка характера: был жовиален, дружелюбен, душа об<щест>ва. Теперь стал нелюдим, сторонится людей.

в) Мистика: высшая сила через него борется с несовершенством человеческих натур, наказывает их на Земле, а не в будущей жизни.

г) Рац<иональная> попытка утилизации Д<ара->П<роклятия>. Провал: контроль невозможен: те вещи, кот<орые> он понимает разумом как плохие, его не задевают, и

потому с ними ничего не происходит, а безвредные и безобидные слабости, кот<орые> ему не нрав<ятся>, караются.

д) Размышления, как жить дальше: ужасные картины смерти и разрушения вокруг. Все ужасы, кот<орые> происходят в мире, он начинает ассоциировать с собой.

а) Не является ли он новым Христом — не означ<ает> ли этот дар, что он должен превратиться в человека абсолютно терпимого и прощать всех людей, поскольку априорно — никто не виноват. Христос эпохи безличного мира, образец абсолютной терпимости. Быстро от этого отказывается: он не может быть терпимым, ибо это не зависит от него.

б) Он новый вид человека, биологический предтеча нового личностного мира.

в) Но это всё теории, но по-прежнему вокруг него все ломают ноги, надо бежать.

е) Отказ от друзей, от жены и попытка переменить ареал обитания. [Стрелка справа с пометкой: «Здесь начинается действие повести».] Пытается запереться и погружается в работу, контактируя с людьми в минимальных размерах. Публикует большую работу, но на нее появляется дурацкая критическая статья. Он понимает, что это ни к чему не приводит.

ж) Проблема самоубийства. Но — с какой стати? Я ни в чем не виноват.

з) Два варианта: на Марс или необит<аемый> о<стро>в, либо холодный рационализм — хочется вам — гибните, хрен с вами, волноваться я больше не буду. Я не отвечаю за это, как не виноват прокаженный, что он воняет.

Операция «Дурной глаз».

26.01.75

Апостолы:

1. Гангстер Шевтц, стреляет без промаха через пиджак, невыносимо страдает радикулитом. Вынужден стрелять метко: в молодости нагнулся поглядеть на жертву, ему вступило, и простоял четыре часа согнувшись. Средоточие болезней. Пилюли, микстуры, врачи.

2. Следователь главной прокуратуры.

3. Сотрудник МВД.

4. Шпион соседней державы. Ищет прибор.

5. Военный ученый.

6. Сенатор.

7. Священник, друг детства, духовник. Создает культ Кимма — новый Христос.

8. Офицер к<онтр>р<азведки>.

9. Корреспондент мелкой газеты, устремившийся стать биографом.

10. Охотник за автографами. Чары действуют, но его не останавливают: привык.

11. Дурак, считающий, что он знает, как исправить человечество. В Кимме видит орудие. Списки подлежащих исправлению. Просит объяснить, как это делается. Раньше писал доносы в полицию.

12. Человек, ищущий исправить свои недостатки.

Прочие:

Налоговый инспектор: спутал Кимма с содержателем игорного притона Кимом. Налоговая декларация не та.

Жена Кимма (шлюха). Ее все бросают, и она бежит каждый раз к Кимму за кровом и куском. Чары на нее не действуют: единствен<ный> человек в мире.

27.01.75

Субъективные показатели приближения к действительному порогу раздражения:

а) меняется цвет глаз — из серых делаются зелеными;

б) в ушах на мотив джазовой песенки — гугенотский псалом: «Явись, господь, и дрогнет враг».

Порядок:

1. Автографист.

2. Следователь.

3. Сенатор.

4. Священник.

(1–4 — университетский город.)

5. Гангстер.

6. Корреспондент.

7. Шпион.

8. Контрразведчик.

9. Ученый генерал.

(5–9 — курортный город в горах на водах.)

10. МВД.

11. Сключник.

12. Мазохист.

(10–11 — дорога к морю.)

Следователь — Фома, не верит, что это Дар, мальчишку, выбившего нечаянно глаз, замотал допросами и закармливал сладостями, пока его не арестовали по подозрению в педерастии.

Мазохист — культурист, с крошечной головой, когда к<онтр>р<азведчик> арестовал его по подозрению в шпионаже, разгромил тюрьму, устремляясь за «учителем». Обращается по Библии на «ты». Кимм возмущается.

28.01.75

Оба — в Л<енинг>р<а>де.

29.01.75

Рассматривали ГО.

30.01.75

Андрей — Анджей Галчинский.

Изя — Изяслав Шереметьев — интеллигент с длинным лицом.

Ни — Пак.

6.04.75

Арк приехал в Л<енинг>р<а>д.

7.04.75

Сделали поправки к ПИП-С.

8.04.75

Сделали заявку на ПНО-С.

9.04.75

Обсуждали продолж<ение> ПНвС.
Кентавр («Лошадь оставьте в коридоре»)
Нар<одный> контроль:
Выбегалло — дипломат (спрут Спиридон).
Кража энергии (загрязнение океана — Витькина работа).
Баал Саваофович (обмен опытом).

14.05.75

Б. прибыл в М<o>ск<ву>.

15.05.75

Беседа с Тарковским.

16.05.75

Написали меморандум для ВМ.
Доверенность Ирине <Левандовской>.
Обсуждали сценарий для конкурса.
Летальный ген человечества; через несколько поколений вымирание; ген — как оружие против Китая; нации, лишённые гена. Кастрация, уничтожение. Риск! М<ожет> б<ыть,> будут найдены средства за время до гибели (3–5 поколений). Санитарная Лига.

17.05.75

Б. уехал.

16.06 — 20.06.75

Арк в Л<енинг>р<a>де. Подготовка материалов для ВМ-С.

Без даты

Генная инженерия на чел<ове>ке. Создание Homo Super. Достигнуть предела интеллект<уального> развития чел<ове>ка — как? Последовательные перестройки генов. Далекая планета. Искусств<енные> дети. Система безопасности (дети не могут узнать координаты Земли). На планете что-то произошло — все связи прерваны. Горбовский летит выяснять.

6.09.75

Приехал Арк.

7–8.09.75

Обсуждаем СЗод.

9.09.75

На планете N найден саркофаг с оплодотворенными клетками — 12 шт<ук>.

Гипотезы:

1. Генофонд Странников.
2. Генофонд землян на случай вырождения.
3. Бомба времени — образцы идей и эмоций человека.
4. Идеологическая бомба (агрессия медленная, идейная).
5. Диверсанты — превращение в богов и прямая атака.
6. Способ кодировки неких полезных сообщений. Это доброжелательное завещание

Странников (Комов).

М<ожет> б<ыть> — в саркофаге 12 гипотетических детонаторов. Инициирование превращения в богов.

Лев — 20 лет, учится на прогрессора.

Корней — 20 лет, учится на прогрессора (à la Вечеровский). Раньше всех узнал тайну происхождения.

Оля — дочь Майки Глумовой, возлюбленная Льва. Работает в Институте Следопытов (отдел КОМКОНа).

Майка Глумова — директор-хранитель спецфонда образцов мат<ериальной> культуры невыясненного назначения (в т<ом> ч<исле> детонаторов).

Горбовский — член Опекунского Совета.

Максим Каммерер — нач<альник> контрразведки Опек<унского> Совета.

Рудольф Сикорский (Странник) — нач<альник> контрразведки С<лужбы> Г<алактической> Б<езопасности>.

Тристан — друг-соглядатай Льва.

Тагорцы нашли саркофаг. Уничтожили. Свертывают отношения с Землей.

Легенда для найденышей: искусственники. Потомки группы физиков, погибших при создании черной дыры (или прогрессоров).

Горбовский, утешая Олю, говорит, что эксперимент типа «жук в муравейнике». («Вы действ<ительно> так думаете?») Молчит. «Зачем вы это сказали?» — «А что мне еще было говорить») — и то же в конце с Корнеем.

10.09.75

Трепались.

11.09.75

Арк уехал.

[На отдельном листе]

14.10.75 в Гидрометеиздат.

Героями повести «За миллиард лет до конца света» являются молодые ученые, каждый из которых успешно работает в своей области. В какой-то момент они вдруг

начинают ощущать на себе могучее воздействие некой силы, явно стремящейся затормозить или вовсе прекратить их исследования. Природа этой силы неясна. Лишь перебрав множество разнообразных вариантов объяснений, герои приходят к выводу, что в своих исследованиях зашли так далеко, что затронули некий фундаментальный «закон сохранения структуры Вселенной», их работа грозит нарушить структуру мира и Вселенная «защищается».

Повесть утверждает неизбежность и неостановимость научно-технического прогресса, призывает к осторожности и вдумчивому отношению к окружающему нас миру, рассказывает о мужестве и бесстрашии настоящего ученого и о верности его долгу перед человечеством.

Объем около 6 авторских листов.

[Запись БНС между встречами]

Варианты:

1. Полная невинность. Не знает ничего и ни о чем не догадывается. Идет в Хранилище, т. к. там работает его любовь.

2. Идет в Хранилище, чтобы поскорее с этим покончить — определиться.

3. То же. Но он старый 40-летний волк-прогрессор, которому опротивела его профессия. Очень опасен.

29.10.75

Приехал 28-го <АНС>. Разговоры разговаривали.

Варианты со стрельбой (концовка).

1. Лев ничего не знает и ничего не узнаёт.

2. Лев ничего не знает, затем постепенно узнаёт.

3. Лев знает с самого начала.

Мама выбрала «3» со стрельбой.

30.10.75

1-й разговор со Странником под личиной [вычеркнуто: «случайного человека («поручение» умирающего товарища, Максим следит, Лев исчезает)»] Сидорова (по видеофону).

Считая себя андроидом, а память — внушенной, проверяет свое прошлое: а) старая любовь, б) учитель в интернате, в) информаторий, г) институт черных дыр, беседа со старожилом.

О саркофаге известно:

1) это человеческие зародыши (в пределах возможностей современной науки),

2) возраст — 40–45 тыс. лет,

3) саркофаг найден случайно и, следовательно, преждевременно,

4) к каждому зародышу придан «детонатор».

Странник:

Хорошо, не будем совершать необратимых поступков, не будем повторять историю Железной Маски. Но вот мои требования, от которых я не отступлю ни на миллиметр:

а) дети должны быть разделены,

б) дети должны быть отданы лучшим воспитателям (патриотизм),

в) дети должны получить взятые специальности,

г) дети никогда не должны встретиться с детонаторами, во всяком случае помимо нашего желания.

Отсюда:

- а) детонаторы засекречиваются,
- б) происхождение детей — вся история с саркофагом — засекречивается,
- в) для детей должна быть создана легенда — мертвые родители.

У врача. В Прогрессоры не годится. Явно не андроид.

Визит Камилла (там будут такие круглые штуки, не трогайте их, иначе умрете).

31.10.75

Автор «Запрещенных наук», журналист. Что он знает:

а) саркофаг с зародышами Странников, б) зародышей нет, в) Псевдоканов ведет себя подозрительно, г) попытка прорваться на планету, д) запрет, е) дошел до Горбовского — дело интимное, потому не подлежит, ж) попытка говорить с десяткой, провал, з) 20 лет спустя — разговор с неудачником из десятки, кот<орый> создал могучую теорию о Странниках на Земле (ему разрешили неявно брать измерения с детишек) и не может ее опубликовать (он показал гигантское тождество между этими детишками и жителями Саулы).

После разговора с журналистом Лева приходит к выводу, что он — Странник.

Разговор о детонаторе через упоминание Камилла.

Врач.

Майка.

Учитель.

Камилл.

Горбовский.

Журналист.

Корней.

Ученый.

Странник.

Смерть.

1.11.75

Арк уехал.

[Запись БНС между встречами]

М<ожет> б<ыть,> он агент Островной Империи? Инженер из КБ.

На аэродроме нет автоматов, рекомендуют Осинушку, он называется фальш<ивым> именем и профессией (наладчик).

М<ожет> б<ыть,> кончить не смертью, а подготовкой к ней? Странник провожает его взглядом.

Попросить Ленку о С<лаве> Рыбакове. Помочь или посоветовать, куда устроиться.

Книжки для Кана.

Человек от Ирены, мельник.

15.12.75

Б. в Москве. 3-листная повесть. Застава. Со временем незнакомых становится все больше.

16.12.75

Ездили в ВААП.

17.12.75

Треплемся о СЗод.
С точки зрения Странника. Допросы Майки и пр<очих>.

18.12.75

Говорили о СЗод. Были у Биленкина.

19.12.75

Тарковский. Человек = инстинкт + разум. Есть еще что-то: душа, дух (мораль, нравственность). Истинно великое м<ожет> б<ыть> бессмысленным и нелепым — Христос.

20.12.75

Видения их желаний (последствия): Стервятник — покушение на диктатора; Рэд — соблазнение дочери наркоманом; Ученый — дрожка.

21.12.75

Б. убыл в Л<енинг>р<а>д.

[Запись БНС между встречами]

Полещук Ал<ексан>др ?
Зав<едающий> сектором печати отдела пропаганды ЦК ВЛКСМ.

1976**12.01.76**

Прибыли в Комарово писать ПнО-С. Ком<наты> 21, 22.
Ком<ариная> плешь; труба и камешки; телефон; [«дом с лабиринтом» — перечеркнуто]

13.01.76

Миражи: à la Рерих; девица у воды.
Телефон: «Проверка»; ученый звонит Лоле, болтовня, снег.

Автомобиль с деревом, и мотор работает.
Экспедиция в петле времени.
Пылевой чертик.

14.01.76

Сделали 6 стр.

15.01.76

Сделали 6 стр. (12)
Тебе это не нужно.

16.01.76

Сделали 6 стр. (18)
Гайки.
Пылевой чертик.
Привал.
Авт<омобиль> с деревом → труба → телефон → мираж.
Место, где вышла на дорогу экспедиция.
Развилка.
Петля времени.

17.01.76

Сделали 6 стр. (24)
Была Адка.

18.01.76

Сделали 6 стр. (30)
1. Не верю тебе, шеф. (Зачем мы тебе? Трубы проходить?)
2. Не верю З<олотому> Кругу. (Почему повесился Стервятник?)
3. Не верю миру (нечего мне там делать, писать — гнусно). Хочу покоя.

19.01.76

Сделали 6 стр. (36)
Страх Виктора (перед болотом).
Пустышка.
Привал.

20.01.76

Сделали 6 стр. (42)
Экспресс-лаборатория!

21.01.76

Сделали 5 стр. (47)

1. Как это было.
2. Ученые.
3. Результаты изучения: добро.
4. Результаты изучения: зло (браконьеры, сталкеры).
5. Директор монополист.
6. Ограждение Зоны.
7. Золотой Круг.

22.01.76

Сделали 3 стр. (Хроника)
И ЗАКОНЧИЛИ ЧЕРНОВИК ПНО-С.

23.01.76

Письмо в Секретариат СП.

24.02.76

Приехал в Л<енинг>р<a>д Арк. Просто так. Болтали.

25.02.76

Арк где-то шляется.

26.02.76

Обсуждали планы-прожекты.
И т. д. Сплошной треп.

28.02.76

Арк уехал.

16.03.76 — 23.03.76

Арк был в Л<енинг>р<a>де. Написали II вар<иант> ПНО-С.

6.05.76 [Запись БНС между встречами]

Если не скрывать происхождение ребят:

1. Они захотят контактировать. Как это пресечь?
2. Часть из них наверняка захочет заниматься тайной своего происхождения — саркофаг, детонаторы и пр. Как это пресечь?
3. Отношение к контролю со стороны землян с возрастом (особенно при отсутствии проявлений «Странничества») будет все больше воздействовать на психику. Не изуродуем ли мы жизнь абсолютно неповинных и безвредных людей?

4. С возрастом они сами могут прийти до идеи собственной опасности для Земли. Вот это будет травма!

5. «Я не хочу, — сказал Странник, — чтобы, когда и если программа заработает, у детей в распоряжении, кроме этой подсознательной программы, были еще и сознательные данные. Пусть лучше они мечтают в поисках друг друга, не зная, что они ищут, и совершая нелепые и странные поступки».

На горе стоит кибитка —
Занавески новеньки.
Там живет интеллигент —
Его дела ...уевеньки.

«Абстрактный мир частушек — как картины С. Дали».

26.09.76

Приехал Арк потрепаться.

27.09.76

Нач<альник> эксп<едиции>	биолог	Макнолл Джозеф	60 лет	+
	врач	Махиро Симода	40 лет	
	радист	Марк Ван Блерком	25 лет	+
Охотник-профессионал	пилот	Уоллес Уиллер	50 лет	+
	Повар	Рассел Цукерман	40 лет	+
Биолог	(по обмену)	Владимир Волынец	35 лет	
	Биолог	Йервант Ходж	30 лет	+
	Палеобиолог	Готфрид Мёллер	30 лет	
	миллионер	Роберт Монак	60 лет	
	слуга	Сэм Рефсдел	65 лет	
	врач	Пак Хин	55 лет	

1. Приступы бешенства у Макнолла.
2. Симода обнаруживает дневник.
3. Симода проверяет кровь у Макнолла.
4. Симода приходит к выводу, что космич<еские> пришельцы ни при чем. Спрут.
5. Симода сообщает Макноллу.
6. Макнолл пытается связаться с губернатором. Разбивает рацию. Пилот пьян, и Макнолл гибнет на вертолете.
7. Симода уводит в горы радиста (через 7 дней придет корабль, а надежда на связь плохая).
8. Смерть повара. Симптомы.
9. Похороны.
10. Расправа с пилотом, лишенным алкоголя.
11. Новый начальник Мёллер, приказ не расставаться.
12. Доктор идет проведать радиста, тем временем прибывает полицейский на моторке. (Радист уже умер.)
13. Доктор уничтожает катер и вывешивает желтый флаг.
14. Ночью лопается Ходж. Похороны.
15. Полицейский начинает следствие, натывается на рефрижератор.
16. За обедом ни с того ни с сего доктор: «Я нашел радиста». — «Где?» — «На горе». — «Как вы его нашли?» — «Он там жил». Приносят радиста.

17. Вертолет. Желтый флаг. Выпал с вертолета. Доктор пытается зажечь солянку. Не умеет. «Зажигайте четыре костра».

18. Исповедь доктора. Истерика Мёллера. Самоубийство.

19. Ждут, пока потечет в подвал солянка. Беседуют об ответственности.

20. Эпилог на базе. Чемодан «не приносить три дня».

28.09.76

М<ожет> б<ыть,> Волынец догадался и САМ вывесил желтый флаг?

Арк уехал.

[Запись БНС между встречами]

Внешние события:

1. Гибель Макнолла.

2. Исчезновение радиста Марка.

[Пункты 1 и 2 обведены сбоку фигурной скобкой с надписью: «т<очки> зр<ения> повара».]

3. Смерть повара.

4. Исчезновение охотника Уиллера.

[Пункты 3 и 4 обведены сбоку фигурной скобкой с надписью: «т<очки> зр<ения> Уиллера».]

5. Жуткая смерть Ходжа.

6. Полицейский находит трупы в холодильнике.

[Пункты 5 и 6 обведены сбоку фигурной скобкой с надписью: «т<очки> зр<ения> Мёллера?»]

7. Вертолет.

8. Исповедь.

[Пункты 6, 7 и 8 обведены сбоку фигурной скобкой с надписью: «т<очки> зр<ения> полиц<ейского>? М<ожет> б<ыть,> доктора?»]

11.11.76

Прибыл Арк в Л<енинг>р<а>д. Думаем над повестью для Д<ет>Г<иза>.

12.11.76

Думали.

13.11.76

Фабула:

На некоей планете началось стремительное снижение геронтического порога (преждевременное старение организма: к началу действия средний уровень смертн<ости> от старости — 20 лет). Детей до 12-летнего возраста еще можно спасать, но только при условии удаления их с планеты. 40 лет назад Странники предложили правительствам полную эвакуацию планеты (все равно старше 12 лет вымрут от старости, но дети будут стареть нормально). Хаос.

Социально-психологические группы по отношению к этому предложению:

а) Те, кто поверил и согласился уходить с детьми.

б) Те, кто не поверил, но испугался и тоже ушел.

в) Те, кто усмотрел в этом коварный умысел и бежал прятаться.

г) Те, кто усмотрел в этом коварный умысел и стал сопротивляться.

В течение ближайшего 10-летия группа «а» росла. В результате через 10 лет за счет исхода, ускоренного старения и гибели от лишений население уменьшилось в 100 раз и стало страшно разбросанным. Порог старения все понижался. Цивилизация рухнула. Оставшиеся одичали. О причинах происшедшего через 40 лет известны только легенды.

Странники, убедившись, что добровольцев для исхода больше нет, приняли принудительные меры к спасению оставшихся детей (о взрослых больше не думали):

а) продовольственно-игрушечные ловушки;

б) роботы-зазывалы (а ля гаммельнский крысолов).

Сами Странники на планете не показываются: видимо, для них планета опасна, как и для населения.

К моменту прибытия землян остатки населения делятся на:

а) Мутанты, не подверженные ненормальному старению.

а) Фашисты, одержимые властолюбием.

б) Альтруисты, кот<орые> стремятся собирать детей и отправлять их на пункты.

б) Одичавшее население, кот<орое> прошлого не знает и воспринимает настоящее как должное. К «а» они относятся с почтением, а «б» ненавидят, как и роботов.

Физическое жизни	вр<емя>	Биологич<еский> прирост за год	Физиологич<еский> возраст
12		0	12
13	1	4.2	16.2
14	2	5.7	21.9
15	3	6.5	28.4
16	4	7.6	36.0
17	5	9.3	45.3
18	6	11.8	57.1
19	7	15.6	72.7
20		21.3	94.0

[Строки 15 и 16 обведены сбоку фигурной стрелкой с надписью: «расцвет».]

14.11.76

Что они видят:

1. Заманивающий робот («дервиш») — пытаются вступить в контакт, но «дервиш» уходит. Принимают его за безумного.

2. Лавка-ловушка: вкусности и игрушки, те же, что и у «дервиша», — устанавливают связь между «дервишами» и «лавками». Одно из предположений: «дервиши» разворовывают «лавки». Вопрос: откуда в дикой стране берутся «лавки»?

3. Эпизод «старик у склада», умирает, маузер. Щекн уходит долой от страха.

Действующие лица:

а) Прогрессоры:

Максим,

Рики — с чутьем на опасность,

Чингиз — его друг, великий дипломат и льстец, кличка Талейран, если обижается — Чингиз-хан,

Щекн — голован с планеты «ОО».

б) Штаб: Горбовский, Комов, Вандерхузе (?).

4. Голованы делают вид, что они — друзья, младшие братья человека, а на самом деле — агенты своего племени, мечтающего об экспансии. Об этом после ухода Щекна с горечью думает Максим.

5. Чудовищная стая в 1000 гол<ов> одичавших псов, идущих по Невскому, и Щекн их поворачивает. Смелость ужасная, не вяжется с трусостью в эпиз<оде> 3.

6. Встреча с детьми, идущими к своему старшему брату. Контакт. Максим: он умер. Дети: мы знаем, иначе он бы вернулся. Мы идем в «лавку». Так велел брат на случай своей смерти.

7. Кабины-транспортеры, вроде телефонных будок, натканы где угодно.

8. Предупреждение от другой группы: ни в коем случае не заходить в «лавки». Кто-то зашел и пропал.

9. Собеседование с Капитаном, офицером-контрразведчиком. С ним вступила в контакт другая группа ценой 4 тяжелораненых (из пулемета 11-летние дети). Версия причины катастрофы. А Комов интерпретирует как попытку форсированного прогресса: освободить детей от отцов одним махом.

11. Разбитые будки. Разгромленная лавка с пушкой на прямой наводке.

12. Гибель прогрессора.

13. Дохлые «дервиши», похожи на брошенные дырявые комбинезоны.

Виды «дервишей»: клоуны и охотники (с иглой наркотика) — вид пауков, чтобы можно было его шлепнуть и поглядеть, что внутри; прогрессоры идут с детьми, и вдруг «паук» выскакивает на них, его расстреливают в упор. Нападение в расчете на вооруженное сопротивление, зигзагами, но Прогрессоры быстрее. Первая встреча с «пауком» — в будке. Раскрывают дверь, а он там сидит притаившись. Припирают будку бревном снаружи. Заманиватели — замаскированные под стариков.

15. Ни одного эпизода, где охота именно за детьми. Захваченные ребяташки и Капитан рассказывают об этом.

16. Капитан является к Горбовскому, и это признак того (в чем он и признается впоследствии), что дело дрянь, перспективы нет. Хотя он и хорохорится: в моем р<айо>не будок не осталось, «дервишей» я бью с пушечного выстрела, ребята — орлы, с шести лет в строю, у меня договор с соседним вождем, хотя он и свинья и распутник. От него и узнают, что до 12 лет нормально, а затем — дряхление. От него же узнают о мутанте-биологе, кот<орый> захватил военную лабораторию, сидит как в крепости и пытается найти средство против геронта. Молодых ребят брал в науку — сначала я ему давал, а теперь сомневаюсь.

17. Прицел-индикатор, изобретенный биологом. Отличать робота от человека.

18. Причина катастрофы — страшное нарушение экологического баланса: планета жутко загажена, берега в мазуте, реки — помойки, лес — сухостой, заводы — центры химизированных пустынь.

15.11.76

Капитан выходит на группу Максима, приняв их за сопланетников, либо уцелевших на другом материке, либо сумевших справиться с бедствием.

Капитан убивает Талейрана, обнаружив внезапно, что Прогрессоры — пришельцы. Как он это узнал? Часы; сужающиеся зрачки; три фразы-ловушки — из двух земляне выкарабкиваются: насчет затмения (наша декада, каждые восемь дней); насчет угощения несуществующей рыбой. А в точку попал — «У вас на Севере тоже ампутуют спинной гребень?» Тут наши и попались.

16.11.76

Хронология:

1. Разбитые будки (одна до начала повести, другую показываем).
2. «Дервиш» (нападение, а первая встреча — до начала).
3. Стая собак.

[Рисунок: схема продвижения. Надписи:

«10–15» обведено,
 «площадь лавки, последнее место действия»,
 «склад, старик» «9» обведено,
 «будка с пауком»,
 «Дом Занимат<ельной> Науки», «8» обведено,
 «Эскалатор массовой переброски, много автомобилей», «7»
 обведено,
 «пер<еулок> 33»,
 «автомобили»,
 «Информация от Рэма об экологическом кризисе»,
 «лавка, разбитая из пушки», «6» обведено,
 «23» пер<еулок>,
 «отель»,
 «22» пер<еулок>,
 «4» и «5» обведены,
 «собаки», «3» обведено, «11^h33»,
 «пер<еулок> 2»,
 «2-й дервиш», «2» обведено,
 «пер<еулок> 16»,
 «разбитая будка», «1» обведено,
 «пер<еулок> 15».]

Информация от Комова:

1. Яма закрыта энергозаслоном.
2. Ясно, куда делось население — искать новые скопления автомашин и шапки тумана.
3. Вспомнили Миньковского, кот<орый> требовал поставить эту планету на первую очередь для исследования — 40 лет назад.
4. О нынешних представлениях о переходах в соседствующие пространства.

[Схема для сцены: пушка на площади.]

4. Идут на звук музыкальной машинки. Административное здание (в рядовые дома они заходили раньше) — гостиница на площади, фонтан с дождевой водой, в коридоре у распахнутой двери — трупы «дервишей», пулевые пробоины в стенах в изобилии, но стреляли не из комнаты. А в комнате сидит «дервиш» живой, крутит музыкальный ящикек. Видно, что здесь жили сравнительно недавно.

5. Когда выходили из подъезда, слышатся выстрелы у них в тылу.
6. Разгромленная лавка с пушкой.
7. На другой стороне улицы — остановленный эскалатор для массовых перебросок.
8. Целая будка с пауком.
9. Смерть старика. Щекн уходит.
10. Эпизод с заманивателем. Сидят ужинают, замечают, что он сидит и смотрит.
11. Лавка в ночи, сообщение о запрещении входить.
12. Появление детей. Роботы по ночам не работают.

13. Утро. Появляется заманиватель, расталкивает землян, берет детей за руки и уводит. Нападает паук. Его убивают, а заманиватель дает деру, бросив детей. Тут его срезают люди Капитана.

14. Беседа с капитаном.

15. Ловушка капитана и разрядка.

16. Эпизодная часть.

Мимикриновые комбинезоны.

17.11.76

Информация от других групп:

1. Лингвистическая информация.

2. Обстреляли.

3. Опасности от животного мира.

4. Информация о загаженности (частная от друга, возгл<авляющего> другую группу) — мазут и дохлые моржи. Не танкер развалился, а образ жизни.

5. От другой группы — второй час идем по свалке.

Свалочная группа ни с кем не встречается: только выполняет задачу по определению уровня цивилизации.

Пороговая группа: посевное поле, детишки убирают урожай под охраной троих молодцов с винтовками. Не пускают дальше. Дети для них — слуги и рабы. Констатируется чудовищный инфантилизм. Полные дикари и варвары.

18.11.76

С чего начать?

19.11.76

Ни хера.

20.11.76

Внутреннее неустройство Максима: острое сознание непрерывного психологического конфликта с человечеством. С одной стороны: Прогрессор — благороднейшая профессия, спаситель цивилизаций, профессиональный благодетель. С другой, как индивидуум, — он страшен для землян: умеет лгать, нападать, бить и даже, говорят, убивать. Но это — Максим.

Рики — святая простота, этой стороны для него не существует.

Чингиз — горд этой своей исключительностью, бравирует этим, хотя и хорошо понимает Максима и жалеет его. «Ты — ассенизатор и водовоз, человечеством призванный и мобилизованный».

Эпизод: Максим жалуется: «Другим группам везет, у всех капитаны — Прогрессоры, а у нас — Вандерхузе». В случае чего — другие капитаны без размышлений бросят корабль на противника, чтобы распугать, разогнать, а вот как будет вести себя Вандерхузе — еще, чего доброго, начнет сначала соображать, кто прав и кто виноват. Так и случилось: когда в эпилоге Максим вернулся, Ван спросил: что вы там натворили? Инстинкт благородства: завышение интеллекта партнера по контакту, комплекс социальной вины перед меньшим братом.

Экспериментируют: полевые испытания мимикриновых комбинезонов и устройств для снятия изображения с сетчатки. На корабле сидят эксперты, один потребовал, чтобы кто-нибудь вернулся для перестройки шлема и комбинезона. В потоке информации идут технические рекомендации: попробуйте включить то-то и переключить то-то.

Предыстория Максима: операция на Гиганде, организовал аресты имперского генералитета, был ранен, лечился на Земле и закадрил врачуху.

Вспомнил о Раде, которая видела в нем чуть ли не бога. После разгрома подводного флота Островной Империи Максим вернулся, Рада валялась у него в ногах, ибо сдалась домогательствам Зефа и вышла за него замуж. Максим вздохнул с облегчением: как раз в это время ему категорически приказали вернуться — Корней заинтересовался мальчишкой, который не погиб на незнакомой планете да еще натворил делов.

21.11.76

Арк уехал.

[Запись БНС между встречами]

По мере приближения к «эскалатору» растет число машин.

15.12.76

Ком<наты> 37, 39.

Приехали в Комарово писать повесть, но придется писать добавление к сценарию для Тарк<овского>.

16.12.76

Сделали 3 диалога.

17.12.76

Сделали еще что-то. Дошли до бани.

18.12.76

Дошли до посл<едней> сцены в кафе.

19.12.76

Закончили работу со сценарием для Тарковского.
Телефон Рэма Житникова: 243–38–49.

20.12.76

Пытаемся начать повесть (ВД).

Сделали 3 стр.

Вечером сделали 2 стр.

Идея: только Мак и Щекн.

21.12.76

Сделали 4 стр.
Вечером сделали 2 стр.

22.12.76

Сделали 5 стр.
Б. едет в город лечить раны (фурункул).
А. тоже едет в город.

23.12.76

Б. получает машину!
А. тоже не теряет времени даром.

24.12.76

Сделали 4 стр.
Вечером сделали 1 стр.

25.12.76

Сделали 5 стр.
Вечером сделали 2 стр.
И ПРЕРВАЛИСЬ НА 28-й СТР.

26.12.76

Вернулись в Л<енинг>р<a>д.

**Аркадий Стругацкий
Дневник, 1974–1977**

1975

3 января 75 (пт)

Письма:
маме,
Абызову,
Орловой (об американской SF),
Полтавским (в Хабаровск).
Ехать к Беле <Клюевой> в ВААП, везти листовку на ПиП.
Отвез 50 р. Раисе Ивановне <Куприенко>. До 10.01.

Апатия. General disinclination to the work of any sort. And cold ferocious hate to the women in general¹.

¹ Общее нерасположение ко всякого рода труду. И холодная свирепая ненависть к женщинам вообще (англ.).

4 января 75 (сб)

Письма:
 Пащенко (в Душанбе).
 <...>

5 января 75 (вс)

Звонила Аня Козловская по поводу Борецкого.
 Звонил Голованов. Жду завтра курьера для отправки Гречко книги.
 Зачем мне все это! Уф-ф-ф...

6 января 75 г. (пн)

Пятый день ни капли.
 Заехал Голованов, подарил ему ОО, а Жоре — с напутствием — ВНМ. Дай ему бог.
 Говорят, ему месяц летать.
 Начал работать над «Котом». Собственно, начал еще вчера. Возможно, удастся делать по три страницы в день. Это был бы выход.
 Никуда не выхожу. Никого не хочу видеть.
 Машка <Стругацкая> сдала математику на 4.
 А То Хоая я, пожалуй, верну. Не буду его делать. А?
 Письмо от Бориса вечером. Заявка на «Встречу миров» и всё.

7 января 75 г. (вт)

Елена <Воскресенская> кашляет ужасно.
 Сегодня был только один звонок: <...>.
 Переводил «Кота». Три м<ашино>п<исные> страницы. Это будет нормой. Хотя, пожалуй, можно было бы сбавить и до двух.

8 января 75 г. (ср)

Сделал 2 стр. «Кота». И впредь буду делать по две, нечего задницу рвать.
 Письмо Борису.
 Звонил Марику <Ткачеву>. Он занят. Афиногенова приехала. Почему-то не звонит.
 Звонил Раисе Ивановне. Обещает сделать в субботу (перепеч<атать> ЗМЛдКС).
 Перепечатал для Игишева заявку на «Встречу миров». Надо сегодня же послать.
 Отослал письма.
 Елена киснет, взяла бюллетень.

9 января 75 г. (чт)

Чудо. Ни одного звонка. Правда, вчера, пока ходил за картошкой, звонили из МолГв, спрашивали, сколько изданий было ТББ. И больше ни звука.
 Ленка лежит. Машка зубрит математику. (Сдала она, оказывается, ТОЭ.)
 Делаю «Кота».
 Звонили:
 из бухгалтерии «Мира» (гонорар);
 Борис Завьялов — встреча с режиссером МХАТа завтра в 16.00;
 мертвецки пьяный Емцев.

10 января 75 (пт)

Крыса <т. е. Е. Воскресенская> лежит и доходит, ждет врача.

Из «Памира» за № 11 гонорар — 60 р.

Делаю «Кота» — 35 стр. уже. Посчитал — 1 а<вторский> л<ист> — 20 моих страниц.

13 января 75 г. (пн)

В ночь с 10-го на 11-е полетел Гречко. Вчера совершили стыковку.

Вчера в «Комс<омольской> правде» и в «Правде» опубликованы интервью с Жорой, где он хорошо говорил о нас. ДР и ТББ — первая книга, поднятая в Космос. А?

Результат: только что звонил Медведев и сообщил, что начальство согласно включить ТББ в сборник. Договорились, что завтра отнесу книги на расклейку.

Вчера получил от мамы 10 экз<емпляров> «Авроры». Письмо было позавчера.

Раиса Ивановна закончила печатать зМЛдКС. Все экзы у меня.

Работаю с «Котом». Уже 40 стр.

Телеграмма от Бориса: путевки с 20-го до 1-го.

Завтра к 15.00 к Берковой.

15 января 75 г. (ср)

Переводил «Кота». 42 стр.

Был у Нины <Берковой>. Произвол Комитета. Пискунов ушел, директором Пешеходова. Предстоит написать заявку на ПНВС + новая вещь на 5–6 а<вторских> л<истов>. Миреровская книга, видимо, задерживается до 76-го года. Наша заявка тоже рассчитывается на 77-й год.

Был у Марика, распили вьетнамскую водку. Был у Григорьевой.

Сегодня получил письмо из Одесской к<ино>/с<тудии>. Предлагают писать 3-серийный телефильм по ОуПА. Сейчас буду отвечать.

17 января 75 г. (пт)

Второй день не работаю, третий день пью. Вчера: был у Сановича и Телятникова, обсуждали перспективы серии «Мировая утопия». Должен с Борисом приготовить проект отношения в ЦК.

Был: купил билет на 19-е, поезд 24. Уродство, идет почти 8 часов. Тошно будет ехать.

Виделся с Мариком, Томашевским, Владом <Чесноковым> и т. д.

Где-то в это время (16-го?) был с Б. Завьяловым в Театре «Ромэн». Занятно. Предложили написать муз<ыкальную> драму. Придумал сюжет, но черт его знает... времени нет, да и охоты тоже.

21 января 75 г. (вт)

18-го напились у Бобров.

19-го выехал в Ленинград. Вечером было плохо.

Вчера приехали в Комарово. Все время хочу спать. И одолевают чертовы заботы: нужно продолжать редактировать То Хоая. <...>. Нужно будет встретить и устроить Машку. И работать нужно, а желания никакого.

Номер у меня 11. Плохо. Лампы хреновые. Кормежка хреновая. Зря эта поездка.

Сегодня написали и отослали заявку Берковой на ПНвС + новое. Сначала (и послали) повесть «Высокие договаривающиеся стороны». А пока ходили на почту — решили «Исчезновение профессора Выбегаллы». Про Корнеева, воруемого время.

Все время норовлю прилечь и вздремнуть. Голова болит. Вчера вечером читал, пошли мурашки перед глазами. Пришлось бросить.

24 января 75 г. (пт)

22-го перепечатали 10 стр<аниц> ГО. Видимо, на этом и пошабашим. Вечером поехал к Погорелу. 23-го не работал, ругался с Борисом. Вечером встречал Машку.

Сегодня обсуждали повесть о человеке, кот<орого> опасно обижать. В обед заболел у меня последний и единственный зуб.

30 января 75 г. (чт)

<...>

Вчера приехала Машка.

Читаю «В августе 44-го».

Сегодня Борис наказал заключать в Политиздате договор на Кобаяси.

Еду к Погорелу.

Договорились в «Неву» главу об экспедиции.

6 февраля 75 г. (чт)

Сегодня был у Маркмана в 52-й больнице. Смотрели меня: сам Маркман, офтальмолог, невропатолог и психиатр. Диагноз: постгриппозная цереброастения. Никакой работы, никакого чтения, вылежаться, месяц в санатории. Такие дела.

Вчера:

1. Был у Соловьева — он болен. Сценарий будут утверждать в Г<ос>К<ино>. Сволочи.

2. Был у Белы Ключевой — передал ей ПнО и рукопись зМЛдКС.

3. Был у Лисового Михаила Ивановича (ВААП, испаноговорящие страны, договор с Аргентиной) и у Лепесова Анатолия Ивановича (Швеция, договор с Дельта-ферлаг).

4. Говорил с Лариным о студии Горького. Все неопределенно.

[11.02.75]

Завтра: 12-е, среда

1. В Детгиз — подписать договор.

2. Ларин.

3. Марик.

Послезавтра 13-е, четверг

1. Лукин.

Пятница, 14-е, пятница

1. Редько. За книгой. Отвезти «Пион<овый> фонарь» 2 экз.

2. Григорьев.

11 марта 75 г. (вт)

14 февраля — 10 марта в Кисловодске, сан<аторий> «Москва».

С утра звоню.

1. Беркова.

Договор подписан 7 марта на ПНВС + 6 а<вторских> л<истов> новой повести.

2. Ларин.

ЗМЛДКС не очень понравилась. Замысел блистательный, но диалоги — скучно.

Много людей умерло, в т<ом> ч<исле> Радов.

3. Жданов.

а. Швед послал 10 экзов. Где они? Куда послал?

б. Готов дать гонорар. Но ВААП не шлет бумагу.

в. Швед издает ПНВС и 2-ю часть УНС. Со своим предисловием.

г. СиП в шведском журнале.

4. Марик.

Договорились встретиться завтра. После Ларина.

5. Смагина нет. Приедет в четверг. Говорил с Женькой.

6. Голованов. Жорка <Гречко> на 10 дней уезжает в Иссык-Куль. Славка — в Баку.

Встреча в конце марта. If.

7. Лукин. Договорились встретиться в четверг.

8. Редько. В пятницу за книгой. В четверг звонить. Тамара Прокофьевна 1357502.

9. Куприенко. Заказ на перепечатку «Пионового фонаря».

10. Коробова. Звонила в дирекцию Таджикфильма. Фильм идет в мае. Потиражные будут.

11. Горбовский. Стенограмма собрания работников прокуратуры. На неделе встретиться.

12. Звонил Борису. Сообщил информацию.

У Куприенко новый адрес: тел. 2110758

Тимирязевская ул. <...>.

м. Новослободская авт. 72, 82. Ост. 1-й Дмитриевск<ий>.

13. Звонила Урицкая. Отвезти Тамаре <Редько> 2 экз<емпляра> «Пионового фонаря».

14. Вас<илий> Иванович Соловьев. Уезжает на два дня. По приезде — редколлегия в Госкомитете. С моим участием.

14 марта 75 г. (пт)

Вчера звонил Борис: 4 экза доверенности, и он уезжает в Польшу. Просил прислать также и список барахла.

Был Лукин. Трепались.

Читаю Арк<адия> Васильева.

Заперлась дверь, пришлось ломиться с балкона.

Редько больна. Расклейка «Фонаря» терпит. Встретимся через неделю. Она позвонит.

19 марта 75 г. (ср)

Сегодня Борис уезжает в Польшу.

Сегодня в ГК Кино обсуждается сценарий БКВвП. В 14.30. Меня встретит в проходной Галина Васильевна <Сенчакова>.

Вчера был у Ларисы Ал<ександро>вны <Коробовой>.

Звонил Борис, говорит, ждут сигнала ПХХПВ + М. Заказали 50 экзов.

22 марта 75 г. (сб)

Пришел договор на ПНвС + 6 а<вторских> л<истов>.

Звонил Тарковский: будет завтра (23-го) в 11.00.

Позавчера вел разнузданную жизнь в ЦДЛ и у Б. Завьялова.

23 марта 75 г. (вс)

Был Тарковский. Трепались 4 часа: он САМ хочет ставить ПНА, с Калатозовым договорится.

Завтра будет звонить Валька Теселько.

Завтра 15–17 — в Сцен<арную> Студию за сценарием.

М<ожет> б<ыть,> пойду вечером к японистам.

28-го на отчетно-выборное собрание прозаиков.

1 апреля 75 г. (вт)

Разговоры.

1) Венжер. 3 апр<еля> в 10 утра в «Звездном» смотреть «Желтую субмарину».

2) Тарковский. Придет сейчас — в 10.30.

3) Борецкий. Завтра встреча.

4) Ткачев. Зван на закуску. Верстка тома средневековой л<итерату>ры.

5) Ларин.

6) <...>.

Заходил Андрей Тарковский. С 10.30 до 14.00. Составили план заявки. Через неделю отдадим В. И. Соловьеву.

7) Имерманис. Встретиться в четверг?

5 апреля 75 г. (сб)

Еду в Л<енингра>д.

Тел<ефон> тети Мани <Теселько>: 1204985.

11 апреля 75 г. (пт)

Вернулся из Л<енингра>да. Сделано: сценарий ПиП и заявка для Тарковского.

Только что звонил Загданский из Киевского научпопфильма. «Встреча миров» идет. Он будет с директором 15–16 апреля. Обговорим детали. И сразу договор, как я понял.

14 апреля 75 г. (пн)

Послал телеграмму Борису и книгу Абызову.

В среду много дел:

1) К Беле в ВААП с ПиПом для ФРГ.

2) Встреча с Загданским (Киев).

Читаю «Двор» А. Львова.

Завтра, 16.04:

1) К Загданскому в «Россию».

- 2) В ВААП:
 а) К Беле с ПиПом.
 б) к «швед» с фото для Швеции ТББ.

Клейман Наум (Давлат <Худоназаров>).
 Ирина Константиновна Власова (Ср<едняя> Азия) р<абочий телефон> 1817037.
 Гудин Альберт Николаевич — ЦТ «Экран» — 1817733.

22 апреля 75 г. (вт)

18-го отнес в СценСтуд<ию> ПиП(с), сдал Галине Васильевне. Ответа нет.
 В субботу был у Борецкого. Заявка для Свердловска.
 Вчера письма маме, Борису, Алику.
 Нынче: пытался связаться с Борецким.
 Звонили из ВААПа, получены экзы амер<иканского> издания ТББ. Высылают.
 Звонил Тарковский. Завтра к Вас<илию> Ивановичу <Соловьеву> к 12.00.

27.04.75

Этакий цикл: народность — национализм — семья. Ленинская спираль. Всё снова...
 [Запись не окончена.]

30 апреля 75 г. (ср)

Пришел договор из Киевнаучфильма. Отослал.
 Был разговор с Медведевым. Обещал, что деньги будут к 9 мая на книжке по одобрению на М и ТББ. А по поводу ПнО будет письмо.
 Письмо от Бориса, от Алика, от Бураша.
 Пришли ТББ от США и Англии.
 Написал письмо Борису.

1 мая 75 г. (чт)

Киев:
 гл<авный> ред<актор> Загданский Евгений Петрович,
 режиссер Давид Черкасский.

16 мая 75 г. (пт)

Польша — Polska
 00-163 Warszawa,
 Karmelicka <...>
 Lewandowska Irena.

[Сбоку: «директор Борис Петрович <Остахович>»].
 [Текст до записи от 1 июня записан чужой рукой, а АНС лишь дополнил его.]
 Ст<анция> метро «Арсенальная».
 Ст. м. «Дарница».
 Ст. м. «Комсомольская» и по ул. Киото.
 Автобусы 1, 3 до остановки «Киностудия».
 3 этаж к<омната> 60 — 3-60.

Загданский — 53–14–74.

Задушин — 53–91–60 — Влад<имир> Ал<ександро>вич.

Гайдай — 67–41–82 — Влад<имир> Константинович — главред<актор> мультстудии.

Давид Черкасский.

на 1 июня 1975 г. (вс)

1) Киев: с 27 мая.

Разработка ВМс. Оболочечный сюжет. 4 игровых персонажа, 4–5 академиков, 5 мультсюжетов. Аванс переведен.

2) ПиПс — в Госкино. Решение должно быть днями. В случае удачи — заявку на ПНО с Тарковским.

3) «Сем<ейные> дела Гаюровых». Пробный просмотр был 19 мая. Официальное представление властям — примерно 15–20 июня. Пока: Тадж<икский> ЦК морщится. «Экран» — за.

4) Перевод «Кота» застрял на Z.

5) Рукопись в МолГв?

6) Договор с Детлитом?

7) ВААП 15–20 мая забрал два экза зМЛдКС, одобрил и сдал в Главлит. Выяснить положение по приезде.

8) зМЛдКС в «Авроре». Выяснить положение.

9) ПиП в Лендетлите в сборнике.

10) Экзы лендетлитовского <П>XXII<В>+М в книжной лавке. Выяснить.

11) За упомянутое (10) расчет в начале июля.

12) Вернуть в Литфонд 300 руб.

13) В Гослитиздате.

а) Средневековая восточная проза.

б) «Пионовый фонарь».

Идиотское письмо от Бориса.

Пекелис — открытка насчет марок через Фиалковского.

2 июня 75 г. (пн)

С утра звонки:

1) Ларин. Общее осведомление. Лендетгизовская книга в лавку не поступала.

2) Урицкая. Деньги — 51 р. — за перепечатку «Пионового фонаря» отдать Тамаре завтра.

3) Бобриха. Креветки в холодильнике.

4) Звонил Соловьеву. Он на совещании. Попросил его позвонить, когда освободится.

Говорил с Раисой. Она тоже первый день на работе.

И Т. Д.

3 июня 75 г. (вт)

Заявка на сценарий ПНО (Машина желаний) — отнес на Сцен<арную> Студию.

Деньги за перепечатку «Пионового фонаря».

10 июня 75 г. (вт)

Вызвал к себе Марика и Ларина.

Получен «Малыш + Полдень XXII» 36 экз.

1. Натке и Эдику <Фошко>.
2. Ларину.
3. Марику.
4. Жданову.
5. Клюевым.
6. Ревичам.
7. Биленкиным.
8. Смагиным.
9. Бобрам.
10. Маме.
11. <...>
12. Манин.
13. Протеже Манина.
14. Лукин.
15. ВААП Боборыкин.
16. Громова.
17. Гуревич.
18. Борису Стругацкому.
19. Шилейке.
20. Григорьевой.
21. Ларину с отдачей в перспективе 5 экз.
22. Берковой.
23. Родственникам в Красноярске [пририсован кукиш].
24. Мирер.
25. Борецкий.
26. Для начальства Мявы <см. Бобринские>.
27. Для протеже Берковой.
28. Микава, 27.03.76.

11 июня 75 г. (ср)

Очень странный день. Со всех сторон новости.

- 1) Звонил Алик Волин из «ЛП». О фельетоне на Краснобрыжего в «Крокодиле».
- 2) Пришли договора на «Пионовый фонарь» из Гослитиздата.
- 3) Звонила Бела, просила в ВААП. Главлит дал добро на продажу зМЛдКС за рубеж.

Одновременно беседовал с Юрой Кларовым.

4) Звонила Раиса Ивановна из Сцен<арной> Студии. Завтра переводят деньги за ПиП(с). Завтра же (?) обсуждение сценария ПнО. Р. И. просила позвонить в 5 ч<асов> вечера. Возможно, встречу с ней вечером для обмена информацией.

5) Пришла внезапно Таня Чеховская. Пили ром. Севка <Ревич> перед выбором: идти ли в «Искусство кино». Приглашают зам<естителем> главного <редактора>, а он опасается.

12 июня (чт)

Звонила с утра Ариадна <Громова>. Завтра надо встретиться.
 Сегодня в 13.00 — Аронэ.
 Затем Марик.
 Затем Раиса Ивановна.

15 июня 75 г. (вс)

Выборы.
 Вчера посидели у Бобриков. Был Вовуля. Решено провести лето с 20 июля в Пырново под Киевом.
 Сегодня лечу в Ленинград.
 Позавчера письмо от Тарковского.

16 июня 75 г. (пн)

Ленинград.
 Пьеса ТББ: Зенчук и Стругацкие.

17 июня 75 г. (вт)

Скептик: Самое интересное в природе доступно только специалистам. То, что известно, — уже тем самым не интересно, и если кто-то увидит инопланетян — он не сможет довести это до сведения массы иначе, чем бестолково размахивая руками.
 (Б. Стругацкий)

26 июня 75 г. (чт)

Только что звонил Борису.
 а) По поводу заключения Госкино — получил карт-бланш на беседу с Косаревой и Макаёнком.
 б) Следует предложить Макаёнку ЗМЛДКС.
 ВААП — Швеция и ФРГ (?), ГДР — ВНИ.
 Чельшев согласен за <...> взять Наташку <Фошко> в аспирантуру.
 Зиберов (МолГв): идеологические диверсии авторов. «За красными холмами лежит страна варваров». Совр<еменный> читатель хорошо владеет ассоциативным мышлением: «За холмами лежит страна красных варваров». Охота за ведьмами началась?
 Надо ехать. Минск — Рига!
 Задания:
 1) От Бориса — поправки к журнальному варианту ПНО, переслать в ВААП к Матвеевой.
 2) Звонить к Косаревой Нине Сергеевне в ЦК: 2063563.
 3) Иоффе с каким-то делом: 1517003.
 4) В понедельник встреча с Афиногеновой в из<дательст>ве «Прогресс».
 5) в субботу 28.06 встреча с Гюнтером Клаусом, гост<иница> «Будапешт» № 403, 10.00 по поводу наших изданий. Посредник и переводчик из «Мира» — Лев Михайлович.

Звонил Шварцман Викторий Фавлович: 357140 Ставропольский край, Зеленчукская спец<иальная> астрофизич<еская> обсерватория АН СССР — в октябре школа-семинар по контактам.

29 июня 75 г. (вс)

Вчера встречался с Гюнтером Клаусом, редактором «Neue Berlin», где в отделе фантастики печатают наши вещи: издана ДР, на подходе М, в 76-м г. — ПнО, в 77-м — компиляция С и ПХХП, в 78-м — зМЛдКС.

Затем был на Люблинской. Вернулся мрачен.

Были Марик и Ларин. Манин приходил, забрал 2 экза новой книги, принес термометр и удалился.

30 июня 75 г. (пн)

Был у Афиногеновой в «Прогрессе», написал заявление в бухгалтерию о своих 3 листах редактуры То Хоая. Беседовал с Файнгаром о японском детективном сборнике.

Письмо маме.

Дозвонился до Нины Сергеевны Косаревой. 2063563. Она, видимо, примет меня в среду. Во всяком случае, велела звонить в половину десятого.

Письмо и статья D. Suvin'a.

1-й Tag ohne Spirt¹.

15 июля 75 г. (вт)

Вчера приехала мама.

Три дня лежал в гриппе, жрал этазол.

Приходил Гуревич.

17 июля 75 г. (чт)

ВААП — 201 р. из Швеции и ФРГ.

Письма Борису и Боборыкину насчет Роттенштайнера (Австрия).

22 июля 75 г. (вт)

19-го вылетели в Киев с Бобрами. Прожили там до 21-го, со вчерашнего дня в Пырнове на Десне, пока в доме Войцеховича Василия Ал<ександро>вича, ковпаковца.

Выяснилось, что с продуктами здесь туго. Впали было в отчаяние, но пошли в лес, нашли несколько грибов и приободрились. Впрочем, обедали в 16.00 (легкий завтрак — какао и кусок хлеба — имел место ок<оло> 9.00).

Все же я успел пролибреттировать 2 эпизода из ВМ и даже начать 3-й. Всего их 5. Хорошо бы всё закончить завтра.

Забота: в понедельник в 11.00 мне надлежит быть у Загданского. Как туда попасть? «Ракета» не ходит, самолет сомнителен, автобусом 3 часа.

¹ Первый день без спиртного (нем.).

23 июля 75 г. (ср)

Спалось отлично. Бабы ушли что-то промышлять. На кухонке уже картошка, молоко и мясо.

Закончил либретто ВМ. Не знаю, какое-то неудовольствие ощущается.

Купался два раза. Десна мелкая, но здорово сносит. В понедельник, вероятно, полечу самолетом.

[Иероглифами «Без алкоголя».] Жрали картошку с мясом и грибами. Вкусно.

24 июля 75 г. (чт)

Купил авиабилет в Киев на 28-е.

Ленка дала Машке телеграмму.

Ходили в лес, вымотались, грибов принесли кучу.

Папаня заболел гриппом.

Вечером ходил купаться с Крысой.

25 июля 75 г. (пт)

Папаня хворает.

Чудовищная жара. Никуда не ходили, но бабы затеяли стирки и уборки.

Трижды купался.

Вечером бастовал против ужинов.

Народу на пляжах — тьма. Понаехали на выходные.

26 июля 75 г. (сб)

Купались только раз. Резкое похолодание.

Перемещение: Бобры на веранду, мы в большую комнату, Катерина с Борисом (приедут завтра) — в среднюю.

27 июля 75 г. (вс)

В половине 6-го утра — на базар. Дерьмо. Вернувшись, вздремнул еще часок.

Приехали Катя и Петрович. Ели и пили весь вечер.

28 июля 75 г. (пн)

С утра улетал в Киев, виделся с Загданским, прочитал ему либретто. О впечатлении, на него произведенном, судить трудно. Договорились встретиться снова в след<ующий> понедельник. Это 4 авг<уста>? Надо брать билет. В Киеве обедал и выпивал. Назад опять летел. Отличный самолетик, 15 минут лету.

30 июля 75 г. (ср)

Вчера и сегодня — дожди. Наши ездили в Киев. Купил билет на 4 августа. Письмо маме.

31 июля (чт) 75 г.

Погода хорошая. Ходили по грибы и опять заблудились. Ушли в 10.40, пришли в 16.40. У Крысы легкий тепловой удар. Вечером купались — впервые за 4 дня.

1 августа (пт) 75 г.

С утра купались, затем убирались по дому: очень жарко, и жрут мухи. Дочитываю «Тысячу душ» Писемского. НичеГё.

К 17.00 небо заволокло, резко похолодало.

Ужалила оса.

2 августа 75 г. (сб)

С 4 утра болит живот, понос. Вероятно, это Мявкино «сотэ» из овощей на постном масле.

Впрочем, прошло. Много пили. Крыса и Бобры притащили пропасть грибов. Была большая ажитация. А вечером купались.

3 августа 75 г. (вс)

Опять в лес не пошел. С перепоя, верно. Читаю Писемского.

6 августа 75 г. (ср)

Сегодня прилетает Машка. Бобры с Петровичем отправились в Киев, встретят ее.

4-го летал в Киев, обсуждали ВМ с Загданским, Гайдаем и Черкасским.

Затем обедали, до позднего вечера катались по Днепру на катере. Купались. Ночевал у Гайдая.

На след<ующее> утро на пароходике вернулся в Пырново. 5 часов и 20 мин<ут> плыл. Десна прекрасна. Хорошо бы иметь катер.

7 августа 75 г. (чт)

Из-за авиакабака Бобры ночевали в Киеве и привезли Машку только сегодня утром на самолетике из Жулян.

Бобриха рассвирепела, что мы выдушили вчера ночью три бутылки ее вина.

Погода жаркая, одолевают кусачие мухи.

Купались. Читаю Бальзака.

8 августа 75 г. (пт)

Ночь была ясная, утро очень ясное.

11 августа 75 г. (пн)

Вчера взяли в Пырновском аэродроме билеты до Москвы на 19-е. Правда, места не указаны. Придется дооформлять в Борисполе. Заодно взяты и авиабилеты до Киева.

Жарко, хотя ночь была холодная. Вовсю купались. Сейчас готовится обед: щи и котлеты. Жизнь ничеГё.

20 августа 75 г. (ср)

Вчера прилетели домой.
 Звонил Лева Жданов по поводу страха Лундвала насчет перевода ДоУ.
 Говорил с Белой, будем связываться утром в пятницу.
 Завтра к Коробовой и Марику.
 Посылка от Заикина — две бутылки коньяку.

22 августа 75 г. (пт)

Звонила Матвеева (ВААП, ФРГ), снова запрашивала полный текст ПнО. Что же Борис молчит, халява ленинградская?

Связался с Шилейкой, встретимся, видимо, в понедельник. Перепечатка ЗМЛДКС за ним, а у меня просит «Солярис».

Да! Позавчера пришли из ГДР 8 экзов ТББ. Красиво издано, ничеГё.

А еще за время пребывания в Пырнове пришли экзы М из Польши. Зачем?

Везу Ключевой: комплекты «Авроры» ПиП и ПнО и томик ОО.

26 августа 75 г. (вт)

Пришло М+ПХХПВ — 921–74.

Звонила Нина Беркова: ушла из Детгиза, ныне отв<етственный> секр<етарь> Совета НФ и П. Интересно.

Позвонил Борис, у них всё в порядке. Условились встретиться в начале сентября.

Для Бориса:

Пекелис — марочные дела,

ТББ из ГДР,

ДоУ из Литвы,

статья «Вопр<осы> философии».

1 сентября 75 г. (пн)

Весь день дома, читал «Бесы». Работать сил нет, настроения нет. Ничего нет.

Вчера у Ревичей, были и Биленкины.

Ревичам дал экз<емпляр> ЗМЛДКС.

С утра до 2 отключал телефон — хорошо.

Потом звонил Ковальчук, назначил ему прийти в 10.30 в четверг.

Имерманису 100 р. в долг.

Сделал первые 3 стр. ВМ(с).

Состав презид<иума> Совета ПиФ при секр<етариате> СП:

С. Смирнов.

Кулешов.

Насибов.

Отв<етственный> секр<етарь> Беркова.

Адамов.

Парнов.

Платов.

Ю. Семенов.

Брусиловская.

Медведев.

Смоляницкий.
Жуков, Филинов — от МВД (бумага).

2 сентября 75 г. (вт)

Заплатил за квартиру, газ, телефон.
Еще 3 стр. ВМ(с). Проект письма на Киевнаучфильм о продлении срока.
Хорошо бы завтра смотаться в Литфонд и взять билет в Л<енингра>д.

3 сентября 75 г. (ср)

Еще 3 стр. ВМ(с).
Письмо Остахновичу и Загданскому отправлено.

4 сентября 75 (чт)

Еще 2.5.
Завтра лечу в Л<енингра>д.
Звонил Ермолов из Киевнауч<фильма> — пригласил сниматься.
Был Ковальчук. Предлагал судиться.
Напились с Крысой.
Телеграмма из Таджикистана о торжестве «Гаюровых».

12 сентября 75 (пт)

С 5-го по 11-е в Ленинграде. Обсудили сюжет «Стояли звери у самой двери».
Многообещающе. Посмотрим.

16 сентября 75 г. (вт)

Был у Пекелиса, взял Борисово барахло.
Пекелис: 2835896, ул. Цандера <...>.
18-го в «Вопли» в 15.00 на сатиро-юмористич<ескую> выставку.
Рябкин 23 сент<ября>. Файнгар.

19 сентября 75 г. (пт)

Гостят родственники, чтоб им пусто было!
Вчера отправил Борису марки.
Позавчера был у меня Шиханович, а я был у Соколова Олега.
Из ВААПа звонили: из США за ТББ и УнС, и еще что-то из соцстран. Велел переводить на сберкнижки.
Тягостно, ничего не хочется.
Звонил Пекелис: встретил Медведева, беседовал о нас. Медведев врал, что все сделано.
Опасность: самовольно будут резать и кромсать.
Звонила Фаина Ефимовна Эдин из Детгиза, ред<актор> критики и библиографии, 4578812. Просила статью для второго сборника «Вслух о себе» — творческий путь, так сказать. «Мой брат и я»?
Письмо Борису и в Ставрополье в САО.

25 сентября 75 г. (чт)

Письмо от Тарковского и Тарковскому.

Три дня болел <...>.

Был в субботу в Театре Моссовета у Анатолия Марковича Митникова, 2995927, насчет пьесы по ПиПу.

Нынче звонил Загданский, отсрочка до 1 ноября есть. Был Ковальчук. Ничего интересного.

Письмо маме.

27 сентября 75 г. (сб)

Письмо от Бориса. Еще одно письмо от Тарковского.

Звонил Катасонов, предлагает экранизировать рабочую повесть «Легко быть добрым» Барышева. Ведем переговоры.

«Семейные дела Гаюровых» прошло хорошо, в «Правде» 21-го о нем писали.

Список работ и предложений:

1. ВМс — Загданскому.

2. [Дан небольшой отступ и после него «Stop».]

Катасонов достает №№ М<олодой> Г<вардии> с повестью Барышева.

Встретился с Копытманом. Он предлагает незамедлительно инсценировать ТББ. Быстро-быстро. Я же полагаю заставить сделать это его самого.

Пришло формальное разрешение отсрочить срок ВМс до 3 ноября.

Обязательства и предложения на 27.09

1. Встреча миров — сценарий — Киев.

2. Нацумэ Сосэки — перевод — Гослитиздат.

3. Сидели звери около двери — Аврора, Детгиз.

4. ТББ — инсценировка — Копытман.

5. ПиП — инсценировка — Моссовет.

6. ПнО — сценарий.

7. Статья о Марковой — Санович, ЛГ.

8. Очерк о Стругацких — Детгиз.

9. Легко быть добрым, Барышев, сценарий — Катасонов.

29 сентября 75 (пн)

Был у Копытмана, разрабатывали инсценировку ТББ. Изрядно сделали 1-й акт, начали 2-й. Всего будет 2 акта. Был Володя из т<еатра> Маяковского с «Беседы с Сократом». Потом явился Завьялов, и я удрал.

Работаю над ВМс.

Звонили из <Театра имени> Моссовета (Анатолий Маркович <Митников>), я предложил им делать самим. Он согласился. Теперь мы в стороне.

30 сентября 75 (вт)

Работал над ВМс. Встретился с Сановичем, говорили об эссе по Марковой. Был на собрании прозаиков, до тошноты скучно.

Единственное интересное — выступление некоей Ракши. БАМ — истребление природы, дурацкая приманка для дураков...

Удрал с голосования.

Вечеринка у Миреров — именины Веры. Слегка подпили.
Последнюю страницу 18-ю делал по возвращении. Что беспокоит — кратость фильма. Но, по-моему, это лучше...

6 ОКТЯБРЯ В ГОСЛИТИЗДАТ!

Верстка «Пионового фонаря»: Тамара Редько — книга и просьба об отсрочке.

1 октября 75 г. (ср)

Работал. Обеспокоен, что сценарий ВМс получается короткий.

Встретился с Копытманом. Расписали инсценировку ТББ очень здорово.

Был звонок Наталии Анатольевны Зуевой — зав<едующей> отделом телефильмов ЦТ, р. 1817814(15) д. 2808895. Вопрос: Что мы хотели сказать фильмом «Семейное дело Гаюровых». Надо сделать.

Звонил Катасонов. Завтра будет встреча.

Говорят, наш фильм — на какую-то премию.

А для Копытмана пьесу по ТББ — к концу ноября.

2 октября 75 г. (чт)

Печатаю ВМс.

В субботу встреча с Юрковым: Автозаводская 8 кв. 26. 13.00.

В воскресенье — встреча с Катасоновым.

Напечатал «о чем “Семейные дела Гаюровых”», отсылаю Зуевой.

Письмо Борису.

Тут же: письмо от Бориса и мамы и... новое письмо Борису.

6 октября 75 г. (пн)

Вчера был у Катасонова, взял роман Барышева и отдал М и ПНвС. Ответ по Барышеву — в среду утром.

Вчера же письмо от Бориса с просьбой выслать ЗМЛдКС — «Аврора» зашевелилась.

Сейчас звонил Соловьев, просил устроить на ПиПс рецензию Бритикова либо Кагарлицкого.

Сделано:

1. Написано 2 стр. ВМс.
2. Постригся.
3. Сходил в Гослитиздат (надо сделать в 3 дня).
4. Отправил Борису ЗМЛдКС.
5. Сходил в В<неш>П<осылторг>, <получено> 801.
6. Заехал за джином.
7. Все время читаю Барышева. Ужасно.

7 октября 75 г. (вт)

Закончил «Встречу миров» на 34-й стр.

9 октября 75 г. (чт)

Закончил читать верстку «Пионового фонаря».
 Вчера Крыса отдала ВМс на машинку.
 Письма: от Бориса, от Тарковского.

11 октября 75 (сб)

Никуда не еду.
 Письма: Борису и др<угим>.
 Сегодня отправил 3 экз<емпляра> ВМс.
 Много шума в Сценарной студии.
 В понедельник отправить верстку «Пион<ового> фон<аря>»
 Еще в понедельник быть в Сцен<арной> студии.
 В Болшево — в пятницу.

20 октября 75 г. (пн)

Письмо от Бориса.
 Телеграмму в Ставрополе с предупреждением о неприезде.
 Паршиво себя чувствую после Болшева.
 Завтра сниматься и завтра выступать в Физтехе.
 Перепечатал и закончил рецензию для Рябкина <на> Такахаси «Сосуд печалей».

21 октября 75 г. (вт)

Звонил Борису: встреча на 2–3 дня в Л<енингра>де и после 7 ноября в Москве. Как бы не налететь на 17-е — поездка во Владивосток с Мариком.

<...>

Киевляне отсняли. Устал.
 И тут же съездил с Машкой в Физтех, заработал 20 руб.
 Завтра звонить в Эксперименталку.

22 октября 75 г. (ср)

Звонили из ЦТ, некая Татьяна Павловна. Передача «Книга в вашей жизни» о Жюле Верне. Будет, видимо, в декабре.

23 октября 75 (чт)

Звонила ассистентка Тарковского. Надо обращаться в «Мосфильм».
 Заявка на ПНО в «Мосфильм».
 119235 Мосфильмовская ул. д. 1, к/с «Мосфильм»
 Леонид Николаев<ич> Нехорошев, главред «Мосфильма».
 1439500, 1434977 — раб.
 д. 2039218. Маша <Чугунова> — ассистент Тарковского.
 Вопр<ос> надо ли ставить в известность Соловьева?
 Отправил рецензию на Такахаси.
 26-го — к 11.00 к Нине. С книгой, рукописью и «перьями».

24 октября 75 г. (пт)

Звонил Нехорошеву («Мосфильм»), договорился, что отнесу заявку в понедельник. Он был суховат, вряд ли что выйдет, по-моему, но попытаться стоит. Спросил, надо ли поставить в известность Соловьева. Он сказал: поставим, но позже, когда все будет ясно.

Был с Мулей <Левиным> и Мариком у Людмилы Константиновны <Ермилиной>, редактора с Шаболовки. Задача: 1) часовая передача по «Маленькому Муку» Гауфа, 2) разработка многосерийной передачи для школьников 4–5-х классов, 3) передать ей на просмотр варианты «По следам космических негодяев».

4 ноября 75 г. (вт)

1-го вернулся из Ленинграда. Подработали с Борисом схему СЗуСД. Кажется, можно начинать писать.

Сегодня звонил некий Мкртчян из 4-го объединения «Мосфильма», справлялся, что мы можем предложить для их плана 76–77-го г. Я было предложил БКВВП, но потом решил, что лучше будет встретиться с ним и обсудить. А еще лучше было бы дожидаться Тарковского. Нехорошев заявку получил, что он так тянет?

Звонил сегодня и Завьялов, справлялся от имени Йоза <Копытмана> насчет инсценировки ТББ.

Вчера с Мариком были в Д<оме> Л<итераторов>, говорили насчет поездки. Чита — Хабаровск — Владивосток. Лететь 17-го.

10 ноября 75 (пн)

Пропиты праздники. Настроение хреновое.

Письмо в Киевнаучфильм — в ответ на идиотское от них.

252660 Киев, 160 ГСП ул. Киото 27, Киевнаучфильм.

Письмо Борису — в ответ на идиотское от него.

Впереди пустая неделя до 17-го. Сейчас иду в СП отдать паспорт на разрешение к въезду во Владивосток.

16 ноября 75 (вс)

Прилетели в Читу. Отвратительный полет. ТУ забит креслами, трудно повернуться. Остановки в Челябинске и Новосибирске. Ужасно хотелось спать. Легкий ужин и завтрак — свиней так не кормят.

Устроились в гостинице «Забайкалье» — не так плохо. Всем отдельные номера. Мы с Марьяном взяли двойной. Душ и вообще. У нас ведь всё в одном сундуке. Выступали у пограничников, зряшное <выступление> — галочка в строке. Но принимали очень вежливо и подарили огромные папки про пограничников. А зачем? Таскать их никто не собирается.

Сейчас один в номере, пью джинчик, а Марька с Вилем <Дорофеевым> и еще с кем-то отправился веселиться. Я пью и сплю в кресле. Под радио. Устал очень.

А все проблемы остались открытыми. Да, здесь Мишка Андраша. Остался от старой партии. Я с ним не виделся, очень спать хотел. Завтра, вероятно.

18 ноября 75 г. (вт)

Местное время — 13.35. Московское — 7.35. В «Литературном вагоне» между Читой и Хабаровском. Двухместное купе, делим с Марьяном. Ехать хорошо.

Вчера выступали в Читинском пединституте и в КСК — камвольно-суконном комбинате. 6.5 тыс<яч> девок. Команда — Озерова, Аким, Марьян и я.

Потом были в обкоме. Потом — банкет. Еще добавляли в поезде. Отъехали в половине восьмого.

21 ноября 75 г. (пт)

Хабаровск. Ничего не узнаю. Узнал только штаб округа.

Вчера вечером были в «Молодом дальневосточнике», беседовали с ребятами.

Сендык разбушевался, разбил посуду.

Сегодня выступили на кабельном заводе и в мединституте. Ощущается усталость.

Сейчас 18.00, ждем машину для выступления в проектно ин<ститу>те.

23 ноября 75 г. (вс)

Позавчера выступали не в проектно, а в училище искусств — у будущих преподавателей музыки и пения. Впервые выступали вдвоем с Мариком, принимали отлично.

Вчера ездили на границу. Я не выступал, хорошо пообедал. Зверски надоели спутники — эти поэты раздражают невыносимо своими претензиями и громкой глупостью.

Затем ездили за город и выступали в гарнизоне. Устали, но был крошечный банкет, политработники — интересные люди, побеседовали со вкусом. В 10 часов вечера выехали во Владивосток.

Сейчас сижу в гостинице «Владивосток», перед окнами (10-й этаж) великолепнейшая бухта, красота несказанная.

26 ноября 75 г. (ср)

Владивосток. Позавчера выступали на заводе «Изумруд» (18 чел<овек>), вчера — на корабле «Механик Рыбачук» (17 чел<овек>), зато здорово напились. Гостеприимство моряков заслуживает мифов. А наши кретины дрались из-за мест на телевидении.

Сейчас Марик идет в крайком, а я жду Городницкого.

Билеты на 30-е получены.

28 ноября 75 г. (пт)

Визы на Петропавловск получены, билеты сданы, денег почти нет. Завтра утром отплываем.

29 ноября 75 г. (сб)

На борту «Григория Ковальчука». Отчалили в 7.30 от пирса, едва успели, провожал Витя Каменев из парткома. Стояли на рейде до 15.15. Сейчас идем неспешно, мимо Русского острова. Машина стучит: десять секунд, десять секунд...

Вчера выступали в Доме ученых, затем были у Капицы Андрея Петровича вместе с Городницким.

1 декабря 75 г. (пн)

Идем хорошо. Волнение — 4–6 баллов. Корм отменный. В ночь на сегодня переставили часы на час вперед. Вчера смотрели «Адам и Хева» — весьма хорошо и смешно.

Дали через рубку телеграммы:

В СП.

Крысе.

Борису насчет денег.

Садовниковой насчет Ксаны <Михайловой>.

Микаве с поздравлением.

Выступали перед экипажем.

3 декабря 75 г. (ср)

В ночь на сегодня переставили часы еще на 1 час вперед. Теперь идем в часовом поясе Камчатки. Волнение почти унялось.

4 декабря 75 г. (чт)

К 10.00 вышли на вход в Авач<инскую> бухту, но нас не пускают. Циркулируем перед входом.

Петропавловск

7 декабря 75 г. (вс)

Ну и влипли же мы! Высадились на Камчатскую землю 4-го в начале 3-го дня. (Выходило некое военно-морское чудище, и нас вообще отогнали от входа в бухту на 10 миль.) Пока устроились в гостинице, то-се — вечер. А впереди — три выходных дня! Обалдеть можно, связаться не с кем, все по домам. Всё же:

1) Приходили из молодежной газеты.

2) 5-го вечером гостили у Вячеслава Николаевича Славицкого, хирурга, с 56-го года на Камчатке.

3) Вчера провожали Лилю Антоновну Сухарь, уходит обратно на «Ковальчуке».

А сегодня с ночи — пурга. Снегу много, как уехать — хрен знает. Ловушка. Ну, ничего, пересидим. Марик поехал за билетами на 9-е или 10-е.

Николай Георгиевич Канищев — 22082, «Камчатская правда».

Обком партии: Семен Гаврилович Панский, приемная — 22011.

8 декабря 75 (пн)

Летим завтра (если). Дали телеграммы. Вчера вечером приходил Лева из молодежной газеты, брал интервью.

Больше нами никто не интересуется.

И слава богу.

Встреча с другом не возвращает молодости.

22 декабря 75 г. (пн)

Вернулся в Москву в ночь с 10-го на 11-е.

Вчера уехал Борис. Тошно было, ожили только с появлением Тарковского.

Кажется, договор на ПНО(с) на «Мосфильме» подписан.

В перспективе:

1) работа над ПНО(с),

2) все-таки Нацумэ. Если договорюсь с Редько.

Завтра в Гослитиздат за гонораром («Пионовый фонарь» и «Восточная проза»), а также в ЦДЛ оформлять командировку.

В среду (24-го) — возможно, встреча с Тарковским. С утра звонки из радио и «Московского комсомольца».

В четверг (25-го) ок<оло> 14 h к Джеладзе.

24 декабря 75 г. (ср)

Вчера: подписал договор на ПНО(с), говорил с Замошкиным (гл<авным> ред<актором> Экспериментального объединения).

Получил гонорар 60% за «Пионовый фонарь» и расчет за Восточную прозу.

Ждал звонка от Тарковского: нет звонка.

Позвонил Шкловскому, встреча 5-го в ГАИШе в 11.00 ком<ната> 61.

Звонили из «Московского комсомольца», придут в пятницу в 11.00.

Звонили из Радио, придут 3 янв<аря> 11.00.

26 декабря 75 г. (пт)

Вчера ездил к Редько, договорился об отсрочке «Кота» на год. Да, «Кот», оказывается, у них не в плане выпуска, а в редподготовке, так что — ничего.

Сейчас звонил Андрей — едет сюда.

Было интервью.

30-го — 9.00 позвонит Татьяна Толстая из Франции.

Завтра <...> и сразу к Тарковскому.

29 декабря 75 г. (пн)

Только ушел Пазі́ Владислав Борисович, режиссер из Драмтеатра Владимира. Ставит к маю ОуПА, нам от 2 до 5% сбора.

Письмо от Фуками, сообщает, что ОО будет в мае.

Звонил Файнгар, заверил, что в январе будет плата за рецензию.

30 декабря 75 г. (вт)

Звонила Татьяна Толстая, встретимся утром 2 января.

1976**3 января 76 г. (сб)**

Вчера приходила Толстая, просидела 2 ч<аса>. Перекопали все проблемы фантастики.

Затем пришли Наташка с Эдиком, пили шампанское.
 Жду с радио.
 С радио не пришли. Приходил Тарковский, сидели 4 часа.
 Тарковскому: рукописи ОО и СоТ.
 Сертификаты больше не действуют.

5 января 76 г. (пн)

Билет в Л<енингра>д на 10-е.
 Звонили из Киева.
 Свиделись со Шкловским, передана рукопись ВМ(с) на консультацию.
 31 янв. к Шкловскому к 11.00 в ГАИШ с рукописью зМЛдКС.
 Ленка принесла перепечатку ОуПА — 50 р.
 Володин зМЛдКС не перепечатал. Мой гнев.
 Завтра встреча в ЦДЛ с Гречко, Юрой Ключевым и т. д. И с Мариком.
 Звонили из кино, просили сняться в фильме о роботах. Отказался.

8 января 76 г. (чт)

Последний день совещания.
 Сегодня отношу Беле экз<емпляр> ДоУ (50 р.!) и отсылаю письмо Полещуку из отдела пропаганды ЦК ВЛКСМ.
 Вчера беседа с Ильиным по поводу слухов о наших бегах в Тель-Авив. Я страшно разгневался.
 6-го дал читать Гречке зМЛдКС и ГЛ. Обязан вернуть до 20-го.

10–25 января 76 г.

Комарово. Писался сценарий для Тарковского.

29 января 76 г. (чт)

В понедельник — Катасонов. И встреча с Викой Мальт. Сдать ПНвС?
 7 февраля выступать в Дубне. Поезд, гостиница и т. д.
 Письмо из отд<ела> пропаганды ЦК ВЛКСМ с извещением о получении письма.

30 января 76 г. (пт)

Сегодня к Толстому с текстом.
 Звонил Тарковский. Приедет Маша за папкой со сценарием.
 Завтра, 31.01, к 13.00 — Беркова.

1 февраля 76 г. (вс)

Побывал у Толстого, вернулся домой и заболел.
 К Нине не ходил.
 Приходила Маша Чугунова, взяла сценарий.
 Начнем работать. Прежде всего — письма.
 1. Маме.
 2. Борису.

Дозвонился до Володина и Чеховской. Убедил Чеховскую взять у Володина экз<емпляр> зМЛдКС и послать во Владивосток Романенке. Звонил Володину и Маркману.

Шилейко, аппендицит, 16-я Парковая, Центральная больница.

Позвонил Замошкину. У него ангина. Сообщил ему, что Андрей сам занимается размножением текста.

Володин обещался, что Чеховская пошлет экз<емпляр>, кот<орый> у нее, а сама возьмет у него.

Вайнберг — в ванной, через 30 м.

20.45, Игельницкие — звонил, ответила мама.

Катасонов. С утра в среду 4-го.

Катасонов либо в среду, либо в четверг, 4-го звоню 9.00.

20.30 — Звонок к Раисе Ивановне. Нет результатов.

Звонил к Лукину: его нет.

Звонил Маркман по поводу деда.

Звонил Коробовой. Связь — среда-четверг.

Вайнберг (я звонил): никаких денег за выступление в Политех<ническом> институте. Я возмущен.

2 февраля 76 (пн)

Дозвонился Шкловскому. Он уже отослал отзыв в Киев, оставил мне копию, которую я и получу 9-го (9-го к Шкловскому в ГАИШ).

Звонила Б. Клюева. Пришел из ГДР договор на 2/3 «Стажеров» («Должен жить») и 2/3 «ПХХПВ» (в виде отдельных рассказов).

Звонила Чеховская, сообщила, что выслала экз<емпляр> зМЛдКС Романенке. Обещала сообщить, когда получит, с Володина 2 экза.

Я звонил в т<ак> н<азываемый> отдел микрофономатериалов на предмет гонорара за «Семейные дела». Нет результата. Душанбинская студия должна переслать им материалы. Короче говоря, надо телеграфировать Фатеху <Ниязи>.

Данные о гонорарах за телефильмы от Катасонова. Отдел микроф<онных> материалов, 2336770, 2336121. <Зорина> Людмила Семеновна, Светлана Михайловна.

Был Марик, пили. Кто-то в Шаболовке хочет снимать пьесу по сценарию «Экспедиция в преисподнюю».

3 февраля 76 (вт)

Наконец-то управился со всеми письмами.

Сегодня написал письмо Фуками. Конец.

10 февраля 76 (вт)

7–9 февраля — Дубна. Было изрядно интересно.

Звонок Загданского:

1) Монолог Леонова — [«Клопа» исправлено на «Лавра»].

2) Разработка реплик ученых.

3) Сделать, чтобы у персонажей другое настроение, чем перед мультвставками.

Я сказал: нужен режиссер.

Загданский: напишите директору, режиссер есть (Негреску?).

Буду написать.

13 февраля 76 г. (пт)

ОЖИДАНИЕ — le mot¹ (а)?

Дождлся. Вчера виделся с Заикиным и Бабановским. Скандал с Ковальчуком. Сейчас жду его звонка.

Звонила Таня от Шкловского.

Позавчера был Аронэ и Дмитрук.

Вчера Дмитрук предал. Уходят друзья. Нет, это моча. Друзей нет.

Есть. Марик. Ленка.

Суббота — у Можейки 12.00 встреча с Эриком Симоном.

Понедельник — к Беле в ВААП с журналами «Юность».

17 февраля 76 г. (вт)

Все ерунда. В субботу был у Можейки, виделся с Ковальчуком и Эриком Симоном из ГДР.

С утра воскресенья заболел, до сих пор валяюсь.

Звонил в бухг<алтерию> «Прогресса» — выписали 100 р.

Звонил, отчаявшись в Тарковском, Элеоноре Генриховне Яблочкиной. Вот-те и новости! Распечатка на той неделе закончена, но Андрей, видите ли, желает перенести фильм в другое объединение! То ли к Райзману, то ли во 2-е... Ему, конечно, виднее, но ай-ай-ай, не поставит меня в известность!

Звонил в гонорарный отдел ВААПа, надо туда съездить. Что-то наша сберкасса мухлюет. ВААП гонорары за ГДР. Нина Викторовна Иванова, 2333116.

Вчера звонила Вика Мальт: требует, чтобы я определил, будем ли пролонгировать договор или сдавать сейчас же.

18 февраля 76 (ср)

<...>

Дозвонился до Марика.

Отсылаю:

1) Письма Борису и маме.

2) Договор с «Нойе Берлин» в ВААП.

Отослано.

Получено из Франции ТББ и ПНвС, изд<ательст>во Denoël.

Звонила Таня от Шкловского, сулилась в пятницу вернуть ЗМЛдКС. Привезти от Шкловского.

Звонил Тарковский, возможна встреча в субботу. А уходит из Эксперименталки потому, что не желает делать коммерческий фильм. Сейчас ждет худрука 2-го объединения. Сказал, что главред студии уже читал и сказал ОК.

Позвонил Ларин. Надо послать нашу мультяшку в мультстудию т/о «Экран» ЦТ. Алле Константиновне Феодориди.

19 февраля 76 г. (чт)

Ездил в ВААП на Лаврушинский. Равно — ничего не понял. Все как было. Хрен с ним, зато дал им телефон и велел мне звонить.

¹ Слово (фр.).

Начал принимать камчатский женьшень. Списываю рецепт. 50 гр<амм> на 500 гр<амм> водки «Экстра» (?). Стоит неделю. Водка сливается, в женьшень заливаются новые 500 гр<амм>. Стоит 10 дней. Затем сливается, заливается новая порция, кот<орая> стоит сколько угодно. Принимать 2 раза в день по 15–20 кап<ель> на 1/2 стакана воды.

Идет ко мне за отзывом молодой автор: фантаст Виталий Бабенко. НичеГё. Можно. Есть сильные рассказы, вернее, страницы. А вообще — для среднего уровня вполне профессионально.

21 февраля 76 г. (сб)

Вчера отправил сценарий «Конец планеты негодяев» в мультстудию творческого объединения «Экран» ЦТ некоей Алле Константиновне Феодориди. Это по наущению Ларина. Адрес: М. 127427 ул. акад<емика> Королева, 12.

Ровно неделю ни капли.

Делаю большую стирку: перебрал книги и рукописи, перебираю ящики стола.

Хочу встретиться с Тарковским, но он опять пропал.

29 февраля 76 г. (вс)

Вчера вечером из Л<енингра>да. Будем работать для ленинградского Детгиза «Конец планеты негодяев».

За это время:

1) Феодориди получила сценарий КПН, одобрила, дала начальству на рассмотрение. Нужно только уменьшить число действующих лиц.

2) Пришло письмо из ЦК ВЛКСМ.

Сегодня закончил «большую стирку». Звонил Тарковский, встречаемся у него в 18.00. Адрес Тарковского: 1-й Мосфильмовский, 4 <...>.

1 марта 76 г. (пн)

Вчера был у Тарковского. Его сведения:

1) Завтра или послезавтра — худсовет.

2) Он был у Ермаша: Стругацкие — сложные люди, их сценарий (БКВвП) — сионистская пропаганда, призывающая евреев объединиться, вернувшись на родину, и воевать. Андрей считает, что это предупреждение: сценарий по ПНО могут зарезать.

3) Предстоит коренная переделка сценария ПНО.

Письма: (Владивосток). Борису. Кану. Фуками. Шмакову («Мол<одой> дальневосточник»). Юргенс.

Звонила Бела. Макмиллан прислал контракт на ХВВ.

Звонила Элеонора Генриховна — завтра в 11 худсовет (предварит<ельный>).

Звонил Толстому. Наткнулся на его сына Михаила Олеговича.

Звонил Аронэ — насчет замены Девису.

2 марта 76 г. (вт)

Вчера был у Борецкого. Договорились о сценариях на его имя. Встреча в субботу 12.00 у Борецкого.

Звонил Толстой. УНС и ГЛ изданы во Франции с деньгами. Деньги в Мюнхене. Просил Толстого привезти экзы.

Был у Смагина. У Микавы. Смагин взял ГЛ и зМЛдКС.

3 марта 76 г. (ср)

Звонила Бела. Дал согласие на инсценировку ПНО у югославо. Бела будет звонить завтра.

Договорились с Гуревичем. Он дает ХВВ на неделю. Поеду в ВААП, забегу к нему за книгой.

10 марта 76 г. (ср)

1) Был у Белы, отдал ей ХВВ, походил с нею по отделам, познакомился с людьми.

2) Был в сберкассе. НИКАКИХ новых поступлений. Значит, «Прогресс» и ВААП затерялись.

3) Вчера написал 15 стр<аниц> сценария для Борецкого. Надо бы сегодня закончить (либретто), но подожду, сначала надо созвониться.

4) Вчера же звонила Бела насчет французов, кот<орые> хотят чего-нибудь ознакомиться. Думаю, что тут делать.

5) Звонил какой-то поляк из какой-то газеты. Требуется интервью. Придет завтра 11-го в 10.30.

Странно, что нет писем!!!

Закончил либретто «Перстенок спящей красавицы» для Борецкого. Всего 21 стр<аница>.

Звонил Тарковский, будет звонить послезавтра.

Смагину приказано вернуть зМЛДКС 13-го.

11 марта 76 г. (чт)

Вчера были у Маниных, а ночью Крыса заболела — озноб, 38°, бред.

Звонил Хитрук — назначил ему звонить утром во вторник.

Позвонил Борецкому, сообщил о конце работы. Встречаемся, видимо, завтра.

«Швят молодых». Хмелевский Мирослав. Студент 3-го курса журналистики МГУ.

Звонил Буров, режиссер из Шаболовки. Просил дать заявку.

15-го вечером выступление!!!

12 марта 76 г. (пт)

1) Отдал Борецкому либретто «Бирюзового перстня».

2) Разработал с Ткачевым заявку на «Пассажиры машины времени». Надо перепечатать и отдать на Шаболовку.

3) Разработал с Тарковским систему 2-го варианта МЖ(с). Приходила Яблочкина, заполнил дела на выплату.

С... Ермаш.

24 марта 76 г. (ср)

16–23-го в Ленинграде, написан 2-й вариант МЖ(с) для Тарковского.

За это время:

1) Пропала собака.

2) Вышло мое интервью в «Комс<омольской> правде». Комс<омольская> правда: Л. Загальский — 2533565.

3) Пришло письмо из Киева от Загданского.

Письма:

в ЦК ВЛКСМ Паршину,
в «МолГв» Синельникову.

Звонки:

Ларин. Нас включили в темплан «Экрана» (мультик «Конец планеты негодяев»). Нужна коротенькая аннотация, завтра позвонить Алле Константиновне 1817158. Директор «Экрана» Хессин за нас.

Шестопалов. Пишет что-то о нашем творчестве. Завтра увидимся в 1-й половине дня.

Ковальчук. Завтра к 10.00.

Звонил Шилейке — не подходит.

Звонил Подольному — никаких новостей.

Звонил Муля — 27-го приезжает главреж, будет встреча, письмо, договор.

Телеграмма <в> Киев для вызова туда.

Смагину разрешено перепечатывать до воскресенья. Затем 2 экз. мне.

Звонил Тарковский. Пришлет за сценарием Машу.

Звонил в отдел телефильмов. Сказали, что СДГ(с) поданы в Дирекцию программ, теперь все зависит от них.

Звонила Бела: договоры.

Франция — Дэ Ноэль — ПиП.

Польша — ПиП.

Позвонить Смелкову (узнать у Белы).

Был Абызов.

26 марта 76 г. (пт)

Вчера:

1) Был Ковальчук. Рассказывал новости, договаривались, как дать отпор МолГв.

2) Был Олег Шестопалов. Задавал вопросы, оставил главу о ВНМ. Интересно, талантливо, темпераментно.

3) Был Марик Ткачев.

Я ходил в милицию, протокол за расклейку объявлений о пропаже пса.

4) Звонил Алле Константиновне в «Экран», продиктовал ей аннотацию на мультфильм. Название — «Нехмурые ребята».

Сегодня звонил Спицын. Договариваемся на воскресенье? Спицын: 4822262, Большая Академическая ул. <...>.

А сейчас идти на похороны мамы Бобра. Идиотская обязанность.

Звонил Рябкин. Будет звонить во вторник на предмет встречи. Рябкин на среду. У него?

27 марта 76 г. (сб)

Звонил Олег <Шестопалов>. Договорились, что придет во вторник к 10.00.

Пришли договоры с Польшей на ПиП.

Письмо Борису.

Отсылаю договоры в ВААП.

Позвонить Абызову в понедельник утром насчет прочтения рукописи.

Во вторник будет мальчик vs¹ почвоведческой дамы.

¹ Versus — против (*лат.*).

31 марта 76 г. (ср)

Был у Тарковского, все обсудили. Зона без приключений, финал — женщина закрывает амбразуру.

Позавчера был с Мулей у Соколова Георгия Сергеевича. Нужна заявка на ТББ.

Написал и отдал Муле заявку на инсценировку ТББ. Теперь ждать заключения договора.

2 апреля 76 г. (пт)

Завтра к Клюевым? На день рождения к Юре <Кривцову>.

3 апреля 76 г. (сб)

Вчера:

1) Жданов сообщил, что в Швеции вышел ТББ.

2) Съездил, взял деньги для Тарковского, отвез ему. Заодно обнаружил, что ни из ВААПа, ни из «Прогресса» денег мне не перевели.

3) Дозвонился до ВААПа и «Прогресса», заставил их сдвинуться с места. «Прогресс» переводит деньги на сберкнижку на углу Зубовской и Кропоткинской.

4) Звонил Георгий Сергеевич Соколов, сказал, что он звонил в обком, там относятся хорошо, только в заявках надо убрать упоминание о театре и о договоре. Возможно, сегодня же придет за этим Муля.

5) Пришла писулька из ЦК ВЛКСМ от Паршина. № 04/С–89, 30.III.76 г.

6) Звонил Юра Клюев, звал. К сожалению, завтра нуднейший прием у нас.

Пришел Муля, перепечатали последнюю страницу заявки.

Телефон Химок, Театр Островского: 5724526. Директор Николай Иванович Максимов.

4 апреля 76 г. (вс)

Пир горой:

В среду 7-го выступать у Энгельгардта в 7.30.

В 15.00 5-го позвонить в театр Осетинскому.

Во вторник 6-го работа с Наташей <Фошко>.

23 апреля выступлен<ие> в ЦАГИ. Пятница! 6.30.

8 апреля 76 г. (чт)

6-го письмо Борису.

7-го:

1) Был в Управлении культуры Мособлисполкома у Нины Борисовны Соловьевой — с Соколовым приносил заявку на ТББ(д<рама>). Одобрила.

2) Встретился с Катасоновым по поводу Нечаева — перспективный режиссер для ПНвС для ЦТ.

3) Выступал у Энгельгардта, читал 1–2-ю главы зМЛдКС.

Сейчас направляюсь к Кривцову: взять ХВВ Гуревича и рукопись романа.

Ирина Семеновна <Медведевская> из бюро пропаганды: пожаловался ей на Дубну (7 фев<р>) и на Энгельгардта (вчера).

14 апреля 76 г. (ср)

Вчера письмо от Бориса. Ничего особенного.

10-го были у Гуревичей.

11-го у друзей Миреров. Очень понравилось.

<...>

Тарковский сдал экземпляр Ермашу, а на студию не представил. Замошкин жалуется.

Был 11-го у Берковой. Она рекомендует в Детгиз ОуПА (ДоУ). Сегодня отнесу ей рукопись.

Виделся с Ю. Кривцовым, вернул ему «Аттестацию» и «Таксистов».

На с/к пришли деньги 47 р. Откуда?

15 апреля 76 г. (чт)

Вчера смотрели «Молчание д<окто>ра Ивенса». НичеГё. Но уже фильм по ДоУ в СССР ставить нельзя.

Добился по ВААПу, где деньги. Оказалось, что из ГДР давно пришло, а мы считали, что это из Таллина. А из Таллина будет дней через 10. Еще недели через 3 будет новое из ГДР.

Из Японии прислали ОуПА (ДоУ), 2 экз<емпляра>.

20 апреля 76 г. (вт)

17-го был Тарковский, принес утешительные вести: Ермаш дал добро.

18-го — письма Борису и маме.

Только что принесли пакет от Бориса с письмом от Медведева и проектом письма наверх и ответа.

Сейчас еду выступать в электроламповый, а затем — с Мариком в Сокольники.

Вчера был Милан Чолич.

27-го в 19.00 выступление в МГУ.

21 апреля 76 г. (ср)

Был Ковальчук. Посоветовавшись, решили отправить письмо Беляеву.

Была Чеховская.

Валентин Проталин 2213589.

ЦАГИ, Елисеев Сергей Николаевич, р. 272–65–40 доб. 43–20, 40–25, г. Жуковский, наб. Циолковского <...>.

22 апреля 76 г. (чт)

Написал и отправил письма:

1) Беляеву в ЦК.

2) Медведеву в МолГв.

3) Лордкипанидзе в КМО (август, Находка).

Звонил Володин, опять о нас слухи.

23 апреля 76 г. (пт)

Письма:
 Романенко.
 Коршикову.
 Сваричевскому.
 Фуками (с благодарностью за книги).
 Письмо из ГДР от Эрика Симона.

12 мая 76 г. (ср)

С 3-го по 10-е был в Ленинграде. За это время была статья в «Правде» 8.05.
 Написали письмо Синельникову.
 Театр на днях заключает договор (а пьеса Зинчука ни к черту не годится).
 Жду известий от Тарковского.
 Говорил с Володиным по поводу зМЛдКС — поправки перед сдачей в набор.
 Письмо Эрику Симону.
 Жду Татьяну <Кушчевскую> из Ленска.

14 мая 76 г. (пт)

Отправил Ларину «Мушкетеры в Космосе» для мультфильма.
 Письмо Эрику Симону.
 Был на совещании на Софийской. Зачем?
 Беседовал с Белой Ключевой насчет возможностей. Ничего конкретного.
 Звонила Чеховская, едет в Л<енингра>д работать с Борисом над зМЛдКС. Это хорошо.
 Вчера был у Володина. Рекомендует обратиться с заявкой к Лесючевскому лично. И вообще много интересного рассказывал.
 Только что звонили Муля и Жора Соколов. Заявка на редколлегии министерства прошла блестяще. В четверг — договор и сразу аванс. Теперь надо приниматься за пьесу. ТББ, ТББ, ТББ! Без оружия!

15 мая 76 г. (сб)

Написано 6 стр<аниц> «Без оружия».
 Звонила Авраменко Инна Федоровна, просила зайти. Договорились — вторник, 12.00
 Звонила Чеховская. Встречаемся у Володиных в понедельник или среду. Она едет в Л<енингра>д в конце недели.
 Звонил Тарковский, встреча завтра.
 Сейчас придет Марик.

17 мая 76 г. (пн)

Сделано 19 стр. БО. Все размышляю: сколько это будет машинописных.
 Завтра к Авраменке.
 Вчера был Тарковский. Без разговоров о деле. Просто трепались.

19 мая 76 г. (ср)¹

Вчера, 18-го, с 12.02 до 12.19 имел беседу с Авраменко. Объявила мне, что ПНО печатать они не будут. (Выгнал Медведева)

Написал:

письмо Синельникову,

письмо Паршину.

Сегодня звонил Борису. Он требует марки. Чеховская на днях едет к Борису править зМЛдКС.

30 стр. БО.

20 мая 76 г. (чт)

Пьеса «Без оружия» («Человек с далекой звезды») закончена. 38 стр<аниц> конторской книги.

21 мая 76 г. (пт)

Для Литгазеты (Волин) «подборка» об исчезновении Сазонова. В понедельник явится утром (10.00) Волин.

Звонил Муля. Договор в понедельник или в среду. Сразу деньги.

Звонил Катасонов. СДГ будет с 22.00 в след<ующую> среду и четверг. Затем и гонорар.

Были у Микавы.

Завтра вечером будет Марьян.

22 мая 76 г. (сб)

Ездил за деньгами. Опять, суки, не указывают, откуда (не говоря уже — за что).

Говорил с Мирером. Готовим письмо ученых в ЦК по поводу ф<антасти>ки. Надо сплести Мирера с Биленкиным.

Звонил Санович. Ваксмахер — близкий приятель Сомова, директора Гослитиздата. Заявку через него. Надо встретиться. Морис Николаевич Ваксмахер — 2977707.

Звонил Биленкину. Ориентировочно встреча — понедельник вечером.

23 мая 76 г. (вс)

Звонила Татьяна Чеховская, приехала от Борьки. Напомнила, что завтра день рождения у Володина.

24 мая 76 г. (пн)

К Бромбергу завтра к 16.00. 2545550. Пресненский вал <...>.

<...>

Был Волин, взял про Сазонова и книжку англо-саксов SF для перевода.

¹ Из рабочей тетради с этой же датой:
«Звонил Соловьеву Вас<илию> Ивановичу.
Жду условия встречи.
Муле».

Ездил в Химки с Мулей, печатал и подписал договор.
Пьянствовали у Володина. День рождения.

25 мая 76 г. (вт)

Сегодня: к

12.00 — Жданов,

16.00 — Бромберг,

20.00 — встреча с Мирером и Биленк<иним> у Гуревича. Или это завтра?

Был у Бромберга, договорились, что я пишу заявку и снова созываю всех для обсуждения. Пока только один фильм «Злоумышленники». Мне очень нравится горячность и понимание Бромберга.

«Сов<етский> экран». Борщев Валерий Васильевич — 1526715.

Завтра в «Сов<етский> экран» отдать сценарий. М. Ждановская, 12.00.

Завтра, в среду, ждать:

1. Звонка от Клепацкого Юрия Серафимовича т/о «Экран», мультфильм.
2. Звонка от Мули на предмет договора и гонорара.

26 мая 76 г. (ср)

Сейчас (к 11.00) будет Юрий Серафимович Клепацкий.

Звонил Лева Жданов, сообщил, что есть ТББ на шведском. Завтра надо съездить и забрать.

Договорились с Гуревичем и Биленкиным о встрече у Гуревича нынче в 19.00. Письмо ученых относительно SF.

Завтра к 13.30 в Останкино для переговоров с зам<естителем> главного ред<актора> по мультфильмам Елизаветой Осиповной Бабахиной.

Звонила Лариса <Тарковская>. Андрей хотел встретиться, но я не могу — надо к 14.00 в Химки. Что-то делается по поводу гонорара за «Сталкера» на «Мосфильме».

Ездил в Химки, получил гонорар за пьесу (аванс) по 347.50 на рыло.

Вечером смотрел «Гаюровых», пришел в ужас.

27 мая 76 г. (чт)

Взял у Жданова экзы ТББ на шведском.

Был в Останкине, отвез заявку. Договор обещают в начале июня.

Пришел Тарковский, предложил кое-что пересмотреть. Сообщил, что из-за перехода из одного объединения в другое не дали сценарий Ермашу, поэтому гонорар задерживается.

Пошли к Миреру и напились. Смотреть «Гаюровых» не дала Ленка.

28 мая 76 г. (пт)

Придет телефонный мастер менять телефон.

В 11.00 — Лукин.

Ларин. Для Марика — 50 р.

Сменили телефон.

Завтра — к Нине <Берковой> между 11.30 и 12.00. После Володи Захарова.

Были Лукин и Ковальчук. Сегодня пьянство по поводу дня рождения Марика.

31 мая 76 г.

Вчера спозаранок появился пьяный Муля. Прилетел из Вильнюса, думал, дома никого нет. Много говорили (болтали) о будущих успехах пьесы.

Вечером приходил Смелков с женой Верой. Было неплохо.

Сегодня с утра звонил Морис Ваксмахер. Договорились, что встречаемся в ЦДЛ в 15.00. Попробую получить и деньги в Бюро пропаганды — кстати!

Смелков, когда я изложил ему идею заявки в «Совпис» («Маленький шаг к добру» = ПнО, ПиП, УнС-Кандид), одобрил.

Встретились с Ваксмахером, было предложено несколько идей для Гослитиздата, но, по-моему, это все мура.

Ленка принесла БО(п), сейчас буду считывать.

Надо сегодня:

1) Письмо Борису.

2) Заявка по «Злоумышленникам» — болванка.

Завтра утром Ларин или Файнбург?

1 июня 76 г. (вт)

Письмо Борису.

Встреча с Мулей? (Чтение пьесы.)

К 18.00 придет Ковальчук.

К 19.00 съездить к Осетинским, отвезти книгу.

Считал экз<емпляр> пьесы, отдал Муле Левину.

Звонил Копытман, завтра или послезавтра встретимся, передам ему экз<емпляр>.

Звонил Андрей Тарковский, поболтали. Говорит, через несколько дней можно будет получить деньги. Экстренный звонок к Тарковскому: 1479939.

2 июня 76 г. (ср)

Выправил остальные два экз пьесы.

Договорился встретиться с Фимой Дубровским.

А Волину насчет Ковальчука позвонить забыл.

Письмо Дмитруку в Киев по поводу ВМ(с).

Был у Фимы, забрал рукопись зМЛдКС, а в это время Ковальчук принес еще экз<емпляр>. Е. Дубровский, Чистые пруды <...>.

Письмо от зав<едующего> агитпропом ЦК ВЛКСМ тов. В. Горчакова.

3 июня 76 г. (чт)

Отвечать ли Горчакову? И если отвечать, то как?

Звонил Волин, я предупредил его насчет визита Ковальчука.

Звонил Муля. Ему пьеса НЕ понравилась.

Был у Копытмана. Он разнес пьесу вдребезги.

Будем ждать решения театра.

Письмо от Синельникова.

Договор на УнС+ПнО для Кракова.

Катасонов: справки из Таджикфильма все еще нет.

Билеты в Ленинград (8 + 14).

Файнбург Захар Ильич — 1752182.

4 июня 76 г. (пт)

Письмо Синельникову.

Письмо Фатеху — насчет потиражных.

«Сов<етский> экран» — сценарий не подходит, предложил им мультфильм.

Бюро пропаганды — деньги в понедельник.

Допуск: Находка, Хасанский р<айо>н. Звонить из Находки во Владивосток: 69205 — Курочкина Зоя Ал<ександро>вна, 69434 — Инна Леопольдовна <Юргенс>.

Тамара Антоновна Алексенко — переводчица с испанского.

5 июня 76 (сб)

Манин: завтра либо домой, либо к Миреру.

Свести Файнбурга с Маниным!

8 июня 76 г. (вт)

Вчера:

заходила Юргенс,

попытался получить деньги на почте, но почту перебазировали,

был у Соловьева,

был с Мариком в ЦДЛ, говорил со Шкловским.

Сегодня еду в Ленинград.

Звонила Бела, едет в июле в США, просит для McMillan'а предисловие за подписью нашей либо Гречко.

Звонил Лукину. Тот обещал достать Бурлакова «Мао Цзе-дун» и Яковлева «Август 1914».

Миреру в Варшаву. Варшава 02-761, ul. Maltańska 1 m. 83, Mireru A.

15 июня 76 г. (вт)

Вчера приехал из Л<енингра>да.

«Хромая судьба».

Тарковский — где вариант?

Мальт — где рукопись?

Марик — завтра будет звонить, ребенок дома.

Ларин — насчет детектива.

Лариса Тарковская.

Т. Чеховская — возможно, сегодня будет: сокращать.

Вика Мальт — в четверг: принести СоТ, ДоУ, ПиП.

Гуревич — насчет письма: кто подпишет?

Бела Клюева — нет дома, в отпуске.

ВААП. Деньги из ГДР. 2333116 — Лидия Ивановна <Смирнова> — ВААП ГДР, ПНР.

Редько: в пятницу к 10.00 в Гослитиздат.

Тарковский: завтра созваниваемся — встреча.

Катасонов — 2-я категория, ВААП.

Лукин — завтра звонить.

Вечером была Татьяна <Чеховская>. Вычеркнули из рукописи больше страницы, она удовлетворилась.

20 июня 76 г. (вс)

16-го был у Смелкова. Доносы Казанцева и Колпакова на «Правду».

Был Тарковский, обещал содействовать с гонораром.

Вчера были у Бобров. Тоска.

Сегодня письма:

Борису,

маме,

в Ригу — изд<ательст>во «Зинатне»,

в ВААП,

в ХудЛит (пролонгация).

Гослитиздат: 107078 Москва Б-78, Ново-Басманная 19, «Худ<ожественная> л<итерату>ра», бухг<алтерия> 2618945.

22 июня 76 г. (вт)

Звонил Смелков, сказал, что зМЛДКС хорошо. Необычно и чрезвычайно убедительно.

25 июня 76 г. (пт)

22-го началась история с фальшивым письмом в «Комсомолку».

23-го — письмо Верченке и письмо в ГБ.

Сегодня:

Звонил Ларин: встреча в 14.00.

Я звонил Софье Ивановне <Старцевой> из «Комсомолки» с информацией: мне показалось, что ей влетело за инициативу. Не нравится мне это дело. Она попросила не писать главному (!).

Попытки связаться с Тарковским. Говорил с Ларисой. Она уверяет, что деньги должны быть.

Из «Искусства кино» просили для опубликования сценарий «Сталкера». Будут звонить в понедельник.

Новые идеи относительно пьесы по ТББ.

26 июня 76 г. (сб)

Вчера виделся с Лариным и Мариком.

Сегодня ехать в Химки в театр. 18.00.

Завтра видеться со Смелковым.

Звонил Витя Конецкий. По поводу наших выставленных в ЦДЛ зарубежных изданий.

Был в Химках. Просят окончательный вариант пьесы к 25 июля.

Симонов Константин Михайлович: гор<одская> кв<артира> — 1510574, раб<очий> каб<инет> — 1518715, дача — 2479304.

28-го — 13.00 встретиться с Фатехом.

27 июня 76 г. (вс)

Письма:

Синельникову,

Загданскому,

Фуками.

Как быть с тремя заявками на мульты?

Дозвонился до Симонова, он сказался больным, предложил позвонить дня через три.

Дервянко Анатолий Пантелеевич.

Цвигун Митрофан Кузьмич.

Был Смелков. Вернул рукопись зМЛдКС. Соединил с Фоменко Петром Наумовичем.

М<ожет> б<ыть,> будет телефильм по повести.

Я вернул Смелкову Вампилова и «Новый мир» с его статьей, дал «Красных коней» Щербакова, а также оба варианта пьес по ТББ. Ушли в начале 12-го.

Никак не могу решиться делать заявки на двухчастевки. Договоры будут не сразу все, а постепенно. Это удручает. Поговорить с Клепацким?

28 июня 76 г. (пн)

Написал две заявки, сижу над третьей.

Звонил на ЦТ, Таджикфильм справку не прислал.

Звонил Вике Мальт, встреча, видимо, в среду. Она будет звонить.

Написал и третью заявку.

Звонил Фатеху: он будет звонить на Таджикфильм и ругаться.

Завтра в ВААП к Харуте.

Отправил письма Синельникову, Загданскому и Фуками.

Был у Давыдовой. Надоумила просить помочь со справкой Киямову. Отбил Киямовой телеграмму.

Звонил Олег Соколов.

Звонил Волин и Ковальчук насчет того, чтобы вставить в статью Парнова отзыв о Щербакове.

Письмо от Бориса.

29 июня 76 г. (вт)

Письмо Борису.

Звонил Парнову, просил позвонить Волину. Парнову неохота возиться с Щербаковым.

Был у Парнова, поговорили по душам. Он жаловался, что хочет хорошего, а мы его не понимаем. Странная история 71-го г.: Можейко написал на него донос в ЦК.

Был у Виталия Игнатовича Харуты в ВААПе. Написал заявление, отдал всю документацию, предупредил, чтобы не теряли. Начало юридической войны с Медведевым и Ко.

Позвонил Ларисе <Тарковской>, она надеется, что дело сделается завтра, — за меня и за Борьку.

Забавно, пропуск на фильм «Сталкер».

Звонил Смелков, давал советы, как быть насчет фальшивки. Позвонить зав<едующему> литотделом «Комсомолки» Степанову, поблагодарить, проинформировать и сообщить, что буду обращаться к нашему (московскому) литсекретарю.

30 июня 76 г. (ср)

Перепечатал заявки для ЦТ.

Мальт не звонила.

Звонили из «Мосфильма». Опять осложнение — на этот раз с переводом денег. Если бы этот осел Борис разрешил заключить договор только на мое имя, все было бы в порядке. А сейчас — терять ему больше ста руб<лей> на пересылку? Смешно! Но так или иначе денег раньше 10–11-го не получить.

Звонил Борщеву в «Сов<етский> экран», спросил насчет «Нехмурых ребят». Они, оказывается уже выпечатали 26 стр<аниц> и только ждут главного, который должен либо отказать, либо утвердить.

Звонила Вика Мальт. Просит после 11 в пятницу.

Позвонил Чеховской. Номер пойдет в Главлит только через 3 недели.

Позвонила Елена Ивановна <Скиданенко>. ВСЯ сумма будет переведена на МОЮ книжку. Ожидать надо числа 15-го.

6 июля 76 г. (вт)

Пребываю в полупрострации от комбинированного воздействия алкоголя и сильных ушибов. Впрочем, намерен сегодня приступить плотно к работе над пьесой.

2-го послал в «Мосфильм» координаты сберкнижки и заявление от имени Бориса.

Вчера звонила Лариса, сообщила, что Андрей прилетит 7-го, что натура, видимо, имеет место под Ташкентом.

Холодно до чертиков. Никого не хочу видеть. Вчера телеграмма от Крысы.

Из Магадана прислали сборник Б. Окуджавы.

2-го был у В. Мальт — отдал рукописи и журналы: ПНвС, ДоУ, ПиП.

Лагин Лазарь Иосифович, 1515374, ул. Черняховского <...>.

9 июля 76 г. (пт)

Сижу дома, не выхожу (за исключением 2 раза за жратвой) 6-й день, ни с кем не вижусь и не желаю. Возможно, сегодня к Лагину.

Пишу пьесу — 4-й день.

Письмо от Бориса. Надоело.

Мама приедет 12-го.

К Лагину в 20.00.

12 июля 76 г. (пн)

Вчера был у Тарковского. Натура. Всё на мази (тьфу-тьфу).

Звонила Крыса.

Надо писать письма.

Новый текст пьесы — 28 стр<аниц>.

Письма:

в ЦК КПСС Зимянину Мих<аилу> Вас<ильевичу>,

Борьке,

Чернореченко (Магаданск<ая> об<ласть>),

договоры в ВААП.

Приходил Сережка Канцигер, типографский мастер. Подарил подделку «Юности честное зерцало».

13 июля 76 г. (вт)

Вчера приехала мама, привезла рукопись «Неназначенных встреч».

Звонил в отдел микрофон<ных> м<атериал>ов ЦТ. Все в порядке. Позвонить Людмиле Семеновне в четверг, она скажет, к кому обратиться за деньгами в ВААП.

Звонила Лариса, сказала, что сегодня переводят деньги на книжку.

Была Наташа Лагина, взяла: С+ВнМ (подарок), зМЛдКС, детектив и Туровскую читать.

14 июля 76 г. (ср)

Сегодня к 15.00 к Соколову Жоре читать пьесу. А ее набралось 36 стр<аниц>.

Затем возможно к Ариадне.

Звонил Малышев, взял 15 экз<емпляров> «Пионового фонаря», молодец. Завтра ехать и забрать у секретаря, Наташи.

Был у Соколова. Читали пьесу. Соколов и Муля довольны. До 1 авг<уста> надобно закончить.

Вечером с мамой готовили обед и смотрели «17 мгновен<ий> весны».

15 июля 76 г. (чт)

Ездил в Гослитиздат, забрал 15 экз<ов> «Пионового фонаря».

Напечатал еще 5 стр<аниц> пьесы.

Звонил Тарковский, получены фотографии природы. Завтра встречаемся.

Получено из ВААПа извещение, что дело против «Мол<одой> гв<ардии>» началось.

Виделся с Мирерами, рассказывали о впечатлениях о Польше.

Звонила Нина, встреча в субботу в 12.00. Кстати, к этому времени нужно подгадать и встречу с Ариадной.

Слегка выпиваю.

Звонил Шилейко, будет звонить завтра.

Тарковского к себе, затем встреча с Мариком.

16 июля 76 г. (пт)

Звонил Шилейко. Встречаемся 19-го ок. 14.00.

Едет Тарковский с фото.

Вчерашнюю порцию пьесы с утра перепечатал — до 42 стр<аницы>.

Беркова и Ариадна — в субботу.

19 июля 76 г. (пн)

46 стр<аниц> пьесы. Вчера был у Лагина. Позавчера — у Берковой и Ариадны.

Был у Шилейки.

20 июля 76 г. (вт)

Звонили из ГБ. Николай Иванович Никандров. Будут в 15.00. 2246803.

Зареев Геннадий Геннадиевич — 2247164.

50 стр<аниц> пьесы.

23 июля 76 г. (пт)

В понедельник утром в ЦТ подписывать договор, к 15.00 в Детгиз по поводу издания. Там что-то неладно.

Вчера взял деньги за сценарий. Ужасный налог — 1000 р. на 4500 р. Каждому пришлось по 1150 р. Ничего, умоемся.

Приехали Крыса с Машкой.

Звонил насчет гонорара за СДГ(с), переводят. Просят звонить (или в с/к?) через 2 недели. См. телефон 2332457. Сегодня 23-е. Значит, отправиться в с/к надо $23 + 14 = 37$. 8–10 августа. Как раз перед поездкой в Находку.

Звонила Алла Константиновна <Феодориди>, брала данные для договора. В понедельник с утра — на ЦТ. Затем к Вике Мальт.

Звонила Чеховская. зМЛдКС прошел Главлит.

25 июля 76 г. (вс)

Пьеса — 65 стр<аниц>.

Жара. Вчера отправил маму.

Завтра:

1) на ЦТ — подписать договор,

2) в Детгиз — по составу сборника,

3) позвонить Маргарите Ар<кадье>вне <Воронковой> в ВАА<П> по поводу фото и справки для французов. 2030092,

4) Отправить пьесу ПиП.

Алла Константиновна, 2865998, местн. — 7158. <Бабахина> Елизавета Осиповна, 1817404 — 7404. 6-й эт. 79-я ком. 1-й эт. 30-я ком. Трол<лейбус> 9.

26 июля 76 г. (пн)

Звонил Николай Иванович <Никандров>. Ниточка тянется в Ленинград. Просил разрешения (?) поговорить с Борисом.

Письма:

в ВААП с фото для французов,

в КМО с отказом от участия.

Отсылаю Митникову рукопись инсценировки ПиПа.

Оплатить телефон до 77-го года.

Был у Брусиловской, договорился встретиться с Пешеходовой после 20 авг<уста>.

Взял справку в СП. Встречался с Владом. В среду, 28-го, 12.00 в Инокомиссию к Владу Чеснокову.

Вечером смотрел «Ал<ександ>р Невский».

Завтра к 12.00 в ЦТ. Трол<лейбус> 9.

Завтра 27-го в 18.00 с Ковальчуком и Бараевым к даме по поводу «Красных коней».

27 июля 76 г. (вт)

Отправил Митникову рукопись ПиП(с).

Подписал договоры на мульты. Срок первого — 1 ноября.

Еду в Калинин с Аронэ.

К 18.00 к Тажуризиной (по «Кр<асным> коням») с Бараевым и Ковальчуком. Зульфия Абдулхаковна Тажуризина, пр. Вернадского <...>.

Пьеса 75 стр<аниц>.

30 июля 76 г. (пт)

Пьеса закончена на 85-й стр<анице>.

4 августа 76 г. (ср)

4 авг<уста> 18.30 «Краснопресненск<ая>» м<етро>. Встреча. Спицын, Б. Петров.

Вчера уехала Машка. Были у Миреров.

Позавчера Ленка отдала БО(д) в перепечатку. Был у Лагина.

Сегодня важно:

звонок Кларова,

звонок к О. Соколову 4897964.

Возможна встреча с Соколовым в след<ующую> среду — 11 августа.

М+ПХХПВ — у Тарковского, а «ОО»?

Мульты: Юрий Серафимович Клепацкий.

7 августа 76 г. (сб)

Звонил Кларов. 10 авг. 14.00 «Арагви».

9 августа 76 г. (пн)

Написал ответ Лундвалу, 2 стр<аницы> от руки на английском. Вспотел.

Был Олег Шестопалов, вернул зМЛдКС и «Обитаемый остров».

Смелков предлагает встретиться в среду. Значит, Соколова долгой. Жаль. Впрочем, разделить их? Соколов с утра, Смелков вечером.

Ленка принесла с машинки БО(д) полностью. Считал, подготовил. Гневно позвонил Левину.

Пришел подписанный договор на 1-ю серию мульты и договора на подпись 2-ю и 3-ю сер<ии>.

10 августа 76 г. (вт)

Письма маме и Борису.

Звонил Жора Соколов, он заболел, просит привезти пьесу. Завтра?

Позвонил Ермилиной. Сценарии мульты у нее сохранились. Договорились встретиться 13-го, раньше все равно работу не начать. А с субботы 14-го — уже хорошо.

Историческое заседание «инициативной группы» — Адамов, Кларов, Парнов, Стругацкий — заговор против Медведева и прочих подонков. В октябре — совместное заседание обеих комиссий. Рыбка была хороша, а пил я только пиво. В «Будапеште» ничего не изменилось.

ЗМЛдКС инсценировка, Фоменко Петр Наумович, звонить 4452589.

11 августа 76 г. (ср)

Был у Смелкова, отвез ему пьесу. Он обещал позвонить через 2 дня.

Был у Ермилиных, взял у них сценарии мульты. Можно начинать работать.

12 августа 76 г. (чт)

Звонил Ковальчук. В «Комсомольской» правде» хорошая рецензия на «Красных коней» Щербакова.

Просил позвонить Юрьеву, как к поводу на «Юность». Черт его знает... Позвонить, конечно, надо бы.

Звонила Игельницкая. Умер Луконин.

Дозвонился до СовЭкрана, конечно же, впустую. Сценарий обещаются вернуть вскорости.

Был Муля. Забрал пьесу.

Решили с Крысой выпить, шампузо и коньяк.

Взял квартирные книжки. Good God!¹ Не плачено с мая! Это же 200 р. из кармана за раз!

13 августа 76 г. (пт)

Позвонил Шилейке насчет ticket'a².

Заплатил за квартиру май-июль.

Забегал к Манину, покалякали.

Да, вчера вечером звонил Муля, сказал, что пьеса удалась.

Крыса собирается ехать с Бобрами в отпуск под Сухуми 28-го до 13 сентября. Завтра она с Мявой за авиабилетами.

Только что звонил Смелков. Его не удовлетворяют в пьесе три момента:

а) в диалоге Рэбы и Руматы так и нет попытки продать душу дьяволу;

б) донна Окана по существу лишняя;

в) Арата не может быть таким дураком, чтобы погибнуть впустую.

Любопытно, что я испытываю такие же ощущения, хотя воспринимал это как чисто сюжетные недостатки. Переправлять или не стоит? Подождем.

Звонил Жора Соколов, поздравил с хорошей пьесой.

18 августа 76 г. (ср)

Завтра повезу с утра пьесу в министерство. <Терентьева> Светлана Романовна, 5 эт. ком. 107.

Завтра же — к Ларину. Завтра же — в с/к.

Что же молчит Шилейко?

20 августа 76 г. (пт)

Пьесу сдал секретарю Вере Борисовне.

Пришли деньги, взял для Крысы.

Был у Шилейки, есть билет, в Л<енингра>де билет заказан.

Был у Ларина.

Письмо от Бориса. Андрей засыпается.

Сегодня звонок из Таллина, глав<ный> редактор Энн Юрьевич Реккор — заказывает сценарий по «Отелю», режиссер Григорий Кроманов.

¹ Боже милосердный! (англ.)

² Билет (англ.).

21 августа 76 г. (сб)

Приходил Шилейко с Тamarой. Дал ему для его приятеля ПНвС, предназначенный для расклейки в Детгизе, а также подарил ТББ на французском.

31 августа 76 г. (вт)

Приехал из Риги и Ленинграда. В Риге практически пустышка.

Звонил Чеховской, она просила паспортные данные мои и Бориса, заказал 100 экз<емпляров>, она испугалась, дает 25.

Звонил Игельницкой, чтобы вернула рукопись.

Позвонил Харуте. Он посоветовал написать еще одно письмо Синельникову с напоминанием и с упоминанием о готовности представить рукопись в любую минуту.

Письмо Синельникову отправил.

Был у Осетинских.

Вечером сидел с Машкой и коньяком.

Звонил по людям.

3 сент<ября> к Игельницкой за рукописью.

2 сент<ября> с утра встреча с Войскунским.

1 сент<ября> к Коробовой с утра.

1 сент. 76 г. (ср)

Завтра встреча с Хитруком. Продумать разговор. Воровство земли в «Экране» отбросить — там важны головы в ЭВМ.

2 сент. 76 г. (чт)

С утра был Войскунский. Звонил Гиша Гуревич, надо встретиться.

Ездил к Хитруку. Договорился, что он — соавтор сценария, иметь дело со студией будет он сам. На сценарий — год, будет требовать 6 тыс<яч> рублей.

Копытман просил к себе, напился пьян и не явился на встречу. Плюнул и уехал домой.

3 сент. 76 г. (пт)

Вчера вечером был у Лагина.

К Игельницкой не пошел, читаю Вальдберга. Жду Ковальчука.

Завтра к 12.00 к Тесемникову, затем, вероятно, к Копытману. Копытман будет звонить завтра с утра.

По поводу мультот: в телемульте необходимо обойтись без похищения земли, там это только приемчик, а для Хитрука это основа. Полагаю, в телемульте должен быть просто гипнотизирующий луч с соответствующим шипящим оформлением.

Позвонил Геннадий Геннадиевич <Зареев>, госбезопасность.

а) Нужна копия документа, где говорится «мы требуем», «мы требуем».

б) Спросил, где публиковался ПНО, хочет прочитать.

7 сент. 76 г. (вт)

Вчера написал письма маме, Борису, <...>. Плохо себя чувствовал.

Сегодня явился Сережа Канцукер, типографщик, принес «Юности честное зеркало» (еще один экз<емпляр>) и записи Окуджавы и Высоцкого. Дано: зМЛДКС.

Звонил Андраша, в «Воплях» пародии на нас и Лема, обещал прислать.

Звонил Абызов, увидимся в пятницу.

Завтра встретиться с Копытманом по поводу пьесы.

Марик. Встреча с Ильинским.

Звонил Подольный. Помощь в «Памире».

Знакомство с Эмилом Лотяну «Табор уходит в небо». Через Марика.

Боборыкин: для норвегов книги на немецком.

Давыдова: просит показать сценарий мультя.

Ч-черт, не разберу, где и с кем.

Завтра:

Среда 8.09.

1) Шилейко (ПНвС).

2) Ильинский.

3) Подольный.

4) Зинга Имерманис.

5) Копытман.

Четверг 9.09.

1) Ковальчук.

2) Игельницкая (рукопись).

Пятница 10.09.

1) Абызов.

2) Тесемников.

А нужно еще:

Геннадий Геннадиевич и Харуто.

Людмила Константиновна <Ермилина>.

Татьяна Баева.

Выяснить у Лагина насчет «Сов<етского> пис<ателя>».

Детгиз?

8 сентября 76 г. (ср)

Приходил Подольный, принес рукопись. Сказал, что сигнал уже был, скоро пойдут экзы.

Звонил Вальков из Мультфильма. Разговаривал с ним очень холодно. Что-то он мутит, что договор с участием Хитрука заключить не может, я его отправил говорить с самим Хитруком. На том и порешили.

10 сент<ября>. С утра Коробовой.

10 сентября 76 г. (пт)

Рано утром уехала Машка.

Вчера был у Белы в ВААПе, отнес для Боборыкина нем<ецкие> М и ТББ в Норвегию. Затем посидели у Ковальчука.

Напечатал рецензию-отзыв на «Реку Галис» Р. Подольного, пойду отсылать.

К 15.00 явится Абызов.

Были с Абызовым у Д. Самойлова.

13-го звонок и визит к Харуте, затем к Тесемникову.

14 сентября 76 г. (вт)

Вчера появилась Крыса.

Купили на почте ЗС — 2 экз.

Сегодня еду к Харуте, к Тесемникову и к Вике Мальт в Детгиз.

Договорились — встреча с Ревичами и Смелковым в субботу.

Звонили из Таллинфильма. Послезавтра в Москве, будет встреча.

18 сент. в субботу 19.00 приедут Севка с Таней и Смелковы.

До четверга сделать перевод на английский рекламы зМЛдКС.

15 сентября 76 г. (ср)

Крыса вышла на работу.

Отправил Машке 50 руб.

Пишу черновик для Харуты — вчера был у него, взял свои материалы и послание Ганичева. Ганичев — дубина, все наврал.

Вчера же был у Тесемникова и у Вики Мальт — договорились, что она станет читать «Экспедицию в преисподнюю» на предмет включения в сборник вместе с ПНВС. Вот только как Борис?

20 сент<ября>, понедельник, к Харуте, отнести черновик ответа Ганичеву и материалы.

16 сентября 76 (чт)

С утра встречался с таллинцами, подписал договор. Встреча с режиссером в первых числах октября.

Был у Гуревича. Вопросы: семинар молодых фантастов 15 ноября — 20 декабря, еще какое-то г...

Бела Ключева освободила от перевода на английский рекламы для Лундвала.

Сделал для ГБ копию письма Синельникову, завтра отвезу.

Крыса настаивает, чтобы я шел в отпуск.

Письма от Бориса и мамы.

Звонил в Литфонд насчет Дубулт. Только со 2 октября.

17 сентября 76 г. (пт)

Был в приемной, отдал Геннадию <Зарееву> комплект ПнО и копию письма Синельникову.

У Тесемникова встретил Сашу Горбовского. Обещал присмотреть подходящее место для отдыха — дом творчества журналистов в Ельне. Посмотрим.

18 сентября 76 г. (сб)

Были: Ревичи, Биленкины, Смелковы, Миреры. Приехала удравшая с картошки Машка. Все хорошо, но мне на всё плевать.

Найти Гречко, под его подписью письмо в «Лит<ературное> обоз<рение>». Моча.

Ревичи взяли читать ГЛ.
Письмо маме (с фото) и Борису.

19 сентября 76 г. (вс)

Ничего. Звонил Тесемников, во вторник вечером у нас встреча с Харутой.

Тоска. В эту неделю надеюсь кое от чего освободиться: вырвать зуб, пройти диспансеризацию.

Звонил Абызов. Договорились, после 2 октября через Цирулиса получим в Дубултах место. Независимо от нашего вонючего литфонда.

20 сентября 76 г. (пн)

Надо:

1. К Харуте с материалами.
 2. В сберкассу.
 3. К Громовой с рукописями и беседой.
 4. Встреча с Марьяном.
 5. Зайти в телеателье на Фрунзенскую.
 6. На среду записаться на прием.
- Был везде, кроме Харуты. И еще был — с Лукиным.

21 сентября 76 г. (вт)

Был в Литфонде, заказал путевку в Дубулты с 4 по 18 октября.

22-го к 9.30 в поликлинику <...>.

Был в телеателье. Обещают ТВК-110 в ближайшие недели (?).

Встретился с Бараевым. Статья против «Красных коней» на ходу.

<...>

30 сентября 76 г. (чт)

Путевка в кармане (4–18 окт<ября>). Вчера взял билеты в Ригу и обратно.

С 25-го по 28-е был в Ленинграде, разработали план «Слишком большая ответственность».

За это время пришло письмо от Тарковского.

Звонила Маша (Тарковский) — завтра к 9.00 приедет с фотографиями артистов. Все расскажет.

Приходил Роман Подольный, интересно поговорили. Забрал рукопись.

В Литфонд пойду завтра. Сегодня: Бараев; Ковальчук, Лукин; Лагин.

1 окт. — Чеховская к 19.00.

2 окт. — обедать к Бобрам. 14.00.

1 октября 76 г. (пт)

Была Маша, принесла фото: Кайдановский, Гринько, Солоницын (Сталкер, Профессор, Писатель). Позвонил при ней Ларисе: Андрей в воскресенье вечером едет в Таллин, нас с Борисом ставят на зарплату. По возвращении из Дубулт — связь через Машу.

Звонил Борис Завьялов. После Литфонда зайду к нему.

Принесли гонорар за IX «Знание — сила».

Звонил Алле Константиновне — она в отпуске.

Звонил Жоре Соколову — болен, сдает спектакль. Эмка <Левин> уехал в Министерство, там какая-то рецензия. Жора обещал передать Эмке, чтобы он позвонил мне вечером.

Были Чеховская, Гриша <Зеленко> и Карл <Левитин> из 3-С, привезли 50 экз<емпляров> № 9.

Ищу писательский билет.

По приезде из Дубулт позвонить в Мин<истерство> культуры Тане <Агаповой>, 2920006.

5 октября 76 г. (вт)

Вчера прибыл в Дубулты. 2-й этаж, номер 24, двухкомнатный.

Дождь был. Сегодня — промозглый туман.

Абызову не могу дозвониться.

Письма:

Борису.

Маме.

<...>

Кушневской (Якутия).

Шестопалову.

Страховой (Запорожье).

Послал телеграммы Ленке и Абызову.

Сделал 1 стр<аницу> мульты для «Экрана» — МдЭ.

Вечером посидели с Ниной Соколовской. Много интересного про «Иностранную литературу».

6 октября 76 г. (ср)

Звонил Абызов. Приедет завтра.

Сделано 3 стр<аницы> МдЭ.

Прочел «Воспоминания» Соколовской — очень хорошо.

7 октября 76 г. (чт)

Был Абызов.

8 октября 76 г. (пт)

После прогулки в начале 11-го шел за работу, а в 11 разразился ураганный ветер. Гнутся деревья. Дует прямо с залива, там ходят волны с барашками.

Сделано 3 стр<аницы> МдЭ.

9 октября 76 г. (сб)

Первый солнечный день.

Сделано 3 стр<аницы> МдЭ.

Письмо Крысе.

10 октября 76 г. (вс)

Закончил МдЭ на 14-й стр<анице>.

11 октября 76 г. (пн)

Третий день солнце. Гулять жарко. Бродил по пляжу, держа куртку в руках. Обещают 18°C.

ВЫРВАН ПОСЛЕДНИЙ ЗУБ!

Все-таки сдрейфил, сделал под наркозом. Но — за 15 минут, считая и сидение в очереди.

12 октября 76 г. (вт)

Опять пасмурно. Хочется домой.

Здесь Тася, вдова Ефремова.

13 октября 76 г. (ср)

Письмо Юргенс. Погода холодная.

Думал над пьесой. «Один вечер и ночь».

Выключили воду. Лег спать в 9.00.

14 октября 76 г. (чт)

Холод. Воды по-прежнему нет.

От Мули пришла рецензия из МинКультуры.

15 октября 76 г. (пт)

В Москву бы. Опять ветер, опять без воды. Надоело все.

Вода пошла.

Читаю «Исповедь» Руссо. Забавно, что при всей грязи и безобразии жизни своей я никогда не совершил проступка, как молодой Руссо по отношению к юной Марион. Легко понимаю, что он мучился совестью до конца жизни.

Торопыгин! 17-го в период ужина.

16 октября 76 г. (сб)

Был у Абызова. Напился.

Письмо от мамы. Отчаяние.

17 октября 76 г. (вс)

Настроение самое чемоданное. Какого <...> я здесь сижу? Правда, воскресенье, в Москве дел нету, но с Крысой было бы куда как лучше. Она бы утешила.

Написал письмо маме. Надо будет денька на два-три смотаться в Л<енингра>д.

Исай Константинович Кузнецов. Писал сценарии вместе с Заком. Нынче уезжает. Возможно, встретимся в Репине 10 ноября. Там будет конференция по детскому кино. Надобно туда проникнуть.

Господи, уселся с нами еще Идашкин (alias¹ Юдашкин), правая рука Кочетова. Обильно выпили с Торопыгиным. Его дочь Маша, оказывается, на японском. В ЛГУ.

18 октября 76 г. (пн)

Понял, чем объясняется инстинктивная ненависть человека к паукам, змеям и т. д. Тупиковые ветви эволюции.

20 октября 76 г.

Вчера приехал в Москву.

Сейчас звонили:

- а) Хитрук — будет ждать моего звонка в конце буд<ущей> недели.
- б) Григорий Кроманов из Таллина — встречаемся сегодня в 15.00 в Доме кино.
- в) Ларин — там же, с 20 руб.

Звонил Муле: Муля будет звонить вечером.

Письмо от Бориса.

Лариса просила прийти после 16.00.

Виделся с Кромановым и его женой Иреной <Вейсайте>, договорились о жанре картины. Он возвращается из Румынии 1–2 ноября, надо опять встретиться, обговорить подготовительные вещи.

Был у Тарковского, там же был и Солоницын.

21 октября 76 г. (чт)

Перспективы работы до Нового года:

- 1) Для Тарковского — пройти всё по звеньям.
- 2) Для ТВ «Экрана» — 2 серии (одна уже есть).
- 3) Для Таллина — 1-й вариант «В тупике».
- 4) Не торопясь — с Хитруком, первые наброски.
- 5) Театр?

Едем с Мариком за экзами ПиП.

22 октября 76 г. (пт)

Звонил Муле. Велено ждать, пока они не освободятся.

Был у Борецкого. Отношения прохладные, но он прет «свой» сценарий в Свердловскую студию.

Звонил М. Ковальчук. Передал слух, будто ЦК ВЛКСМ отдал распоряжение МолГв печатать ПНО. Как проверить?

Звонил Харуте, он ничего нового не знает.

Забыл: вчера звонил Ю. Кларов. Историческое заседание будет 22 ноября. Рассказал подробности самоубийства Файбышенко.

Письмо от Фуками.

Напечатал 7 стр<аниц> МдЭ.

Вечером забежал Боря Завьялов, занял 10 р. По его словам, продал в Донецкий театр «Без оружия».

¹ Здесь: он же (англ.).

24 октября 76 г. (вс)

Вчера закончил печатание МдЭ.

Сегодня совещался с Соколовым и Мулей. Договорились, что:

- а) настропалю Лагина на руководство репертуарным отделом министерства;
- б) внесу переделки по Смелкову, чтобы было оправдание для новой рецензии.

25-го к 12.00 к Ларину.

26-го будет Татьяна <Чеховская> с 50 экз<емплярами>.

На неделе: Лагин.

25 окт. 76 (пн)

Был у Ларина:

- а) Замечания по мульту (МдЭ) — и отдал ему 3 экз для Аллы Констант<иновны>.
- б) Говорил насчет театра.

Сейчас Ларин звонил:

Валерий Подгородинский, зам<еститель> зав<едующего> реперт<уарным> отделом М<инистерства> культ<уры>, р. 2232938 д. 3252056.

Насчет финансов успокаивает.

Жоре Соколову ставить дадут.

Самому ему пьеса не нравится.

Рецензию считает глупой.

28-го совещание не у них, а он сам ни слова против пьесы не проронит.

И предлагает новый договор.

Звонил Жора Соколов. Успокаивал.

Звонила артистка филармонии Антонина Михайловна Кузнецова с программой ПНВС. Жаловалась, что ей не дают выступать. 2512875. Надо помочь. В Секретариат?

(Зал Чайковского) Московск<ая> гос<ударственная> филармония, директор Кузнецов Ал<ександ>р Константинов<ич>.

Рецензия <на программу Кузнецовой с чтением ПНВС>: Михайловская Наталья Георгиевна.

29-го вечером просмотр «Рабочего поселка».

26 окт. 76 г. (вт)

Весь день ломал голову над первым звеном к Тарковскому. Не знаю, с чего начать. Либо просто скучно.

А Татьяна <Чеховская> привезет только десяток экз. Машины у нее нет. Остальное, возможно, завтра.

29 окт. 76 г. (пт)

Просмотр «Тревожного марта» («Рабочего поселка») в клубе «Красный Балтиец». Присутствовали: зам<еститель> мин<истра> культуры Демин и чины из облисполкома. Победа. Демин всех покорила. <...> Лорита — из исполкома — обосран. Я был с Машкой. Чудо какая пьеса. Надя Серая — Кира. Подружился с Андреем Кржижановским (автор пьесы) и его очароват<ельной> женой Любой.

Ах, хорошо жить!

<...>

Сейчас все спят, а еще нет 22.00.

А я один. Не сплю. Мечтаю.

Сейчас будут проводить «Слово», а затем — мы. «Без оружия».
Звонил Кузнецовой. Она пришлет рецензию на ПНвС.

30 окт. 76 г. (сб)

Звонил: Коробовой, Смагину, Кренделю <т. е. Крейндлину>.
Не отвечает: Лагин, Манин, Мальт, Ревич.
Деньги от «Экрана» и «Таллинфильма», всего 893 р.

31 окт. 76 г. (вс)

Был у Нины Берковой и у нового своего друга Гриши Кроманова, таллинского режа. Хорошо поговорили.

Письмо от Бориса.

А. М. Кузнецова прислала рецензию на ПНвС в филармонии.

Видимо, ехать в Л<енингра>д надо с 9–10 ноября.

1 ноября 76 г. (пн)

Звонил Ларин. Редактору МдЭ понравилась.

Был у Игельницкого, разговор об Окуджаве.

Пришел Женя Войскунский, напился.

Смотрели «Дни Турбиных». Славно!

Звонила Лена Соколова. 4871607.

Получена поганая рецензия на ПНвС. От Кузнецовой. Рецензия — той же <...> из ин<ститу>та русской речи Михайловской. Кузнецова Антонина Михайловна, декламатор от филармонии, 2512875, 125047 — 4-я Тверская-Ямская <...>.

6 ноября 76 г. (сб)

Со второго ноября не пью. Чувствую себя плохо.

Только что закончил сокращения и переделку пьесы. 8-го утром к Соколову, будем читать.

Вчера был у Тарковского, разработали план топографического сценария. Он сегодня уехал, обещает прислать в Л<енингра>д подробные разработки характеров и эволюции героев. Перепечатал топо/план, посылаю письмом 1-й экземпляр.

7 ноября 76 г. (вс)

Весь день бездельничал. Звонил Смелков, договорились: он пишет для «Известий» за Гречко, а также в ЛГ по общим вопросам НФ. Еще что-то идет у него в «Дружбе народов».

8 ноября 76 г. (пн)

Тоже в общем бездельничал.

К Соколову с пьесой не поехал — у них постановка. Договорились, что завтра утром за пьесой заедет Муля.

Радость: Маркман вечером не придет.

С двух ездов взял билет на 10-е, в Л<енингра>д.

9 ноября 76 г. (вт)

Муля забрал пьесу.

Звонили со студии Горького, хотят вступить в сношения.

В Детгизе утвердили состав: ПНВС + ПиП.

Я ездил и говорил с главредом Александром Александровичем Виноградовым.

Звонил Ларин, требовал отставки Клепацкого. Связаться завтра после 11.00.

10 ноября 76 г. (ср)

Звонил:

Берковой. Она сообщила, что композицию Кузнецовой дает на рецензию Ревичу. Зачем?

Сановичу. По поводу Жироду. В «Искусстве» — Самарий Израилевич Великовский, но нужен сборник и не ранее 2 лет. Можно попробовать в «Ин<остранную> л<итерату>ру», журнал.

Харуте. Его нет — в управлении.

Лагину. По возвращении — зайти. Разговор будет о Бархударяне в «Совписе».

Ларину: с Клепацким надо расставаться:

а) перекладки мне не нравятся,

б) мне нужен Дисней,

в) Клепацкий невежествен.

12 ноября 76 г. (пт)

Вчера были у мамы.

Задание Лендетгиза: повесть для сборника. Это и будет предметом встречи.

Звонок Чолича.

22 ноября 76 г. (пн)

Вчера приехал из Ленинграда.

Составлен подробный план «Передышка щедрому» для Лендетгиза.

Телеграмма от Медведева и Синельникова. Сегодня к 14.00 в МолГв.

1) Звонил Гуревич. Завтра обсуждение редакции МолГв. Темная?

2) Звонил к Харуте. Он советует сегодня идти и ему сообщить результаты. Толку от них, как от козла.

3) Тарковский. Завтра с утра встреча.

Был у Синельникова.

6 октября у них письмо из ЦК ВЛКСМ. Предложили издавать сборник с ПНО. Спасая лицо, дали малозначащие замечания. Завтра отправлю с Наташкой рукопись сборника. Со мной был Шилейко.

Звонил Ковальчук. Приглаш<ает> в среду вечером 25-го.

Смелков: встреча в четверг в 16.00.

Бобры сообщили, что нуждается в ДоУ «Современник». Будем ждать.

Завтра Мирер к 17.30, вместе в ЦДЛ.

Лукин — в среду. 24-е. По поводу Бовина.

В пятницу 26-го на Белорусской в 16.45. С Катасоновым.

23 ноября 76 г. (вт)

Звонил Вас<илию> Ив<ановичу> Соловьеву насчет Бараева.

Тарковский будет 25-го после 17.00 (?). А Смелков? Переиграть на субботу через Машу.

Отправил Синельникову рукопись сборника с Наташкой. Из МолГв уже звонили, спрашивали.

Звонил Чеховской. Севка будет 2.12. Экзы 11-го номера — в конце месяца.

«З–С», зав<едующая> редакцией Искра Иосифовна <Шабадаш> (по поводу бухгалтерии), 2844374.

Звонил Игорь Загорский из «Комсомольской правды», в понедельник 29-го в 15.00 «круглый стол» по воспитат<ельной> работе. Загорский будет звонить с утра.

Составил план 2-го фильма МдЭ. «Космические пираты».

Был на совместном заседании комиссий по фантастике и по приключенческой л<итерату>ре. Формально — рассматривался и обсуждался план ред<акции> фанта<стики> и прикл<ючений> МолГв. По-настоящему — валили Медведева. Были: Синельников, Медведев, Фалеев, Зиберов. Всех их рубили вручную. Выступали: Кларов, Кикнадзе, Понизовский, Адамов, В. Смирнов, я, Гуревич, Г. Вайнер, Гуро, Ю. Давыдов, Ю. Смирнов. Заключ<ительное> слово — и парфянская стрела — Парнов.

24 ноября 76 г. (ср)

С утра звонки. Бела, Ковальчук и пр.

Письмо Борису.

Был у Лукина, говорил с Мерабом <Мамардашвили>.

Был у Ковальчука, присутствовали Бела и Светка Михайлова.

Смелкову — статья о телевидении для З–С.

25 ноября 76 г. (чт)

Свожу Ковальчука с Парновым.

Был у Смелкова. Юля Крейншлин не появился. Получил от Смелкова Козьму Пруткова — чудо.

Вечером приехала Таня Чеховская с Ремом <Щербаковым>, привезли З–С 11. Обсуждали и комментировали «историческое собрание».

26 ноября 76 г. (пт)

Звонок Тарковского: завтра в 17.00.

Встреча с Бромбергом не состоялась: Катасонов был пьян.

Тарковский приезжает сегодня.

30 ноября 76 г. (вт)

Третий день болею. Грипп. Не выхожу, лежу большей частью.

3 декабря 76 г. (пт)

Впервые встал. Чувствую себя еще паршиво. Вчера и позавчера звонил Тарковский, хочет встретиться: новые идеи.

Звонили из Горьковской студии — будут опять звонить в понедельник.
Звонил Борецкий. Возможно, его Павленок вставит в штат в Горьковскую студию.

7 декабря 76 г. (вт)

Закончил второй фильм для МдЭ. Рукопись. Перепечатаю и перешлю по возвращении из Ленинграда.

Еду 14-го. Путевка с 15-го по 26-е.

Детгиз: Марецкая <точнее, М. Зарецкая>. Ленка сделает расклейку, а Наташка отвезет.

В 16.00 приедет Тарковский.

В пятницу в 18.00 к Бромбергу.

Завтра в среду:

1) К 11.00 — Лукин.

2) К 14.00 — к Беле Клюевой, верстка СоТ и ПНО англ<ийских>.

10 декабря 76 г. (пт)

Позавчера был у Клюевой, читали верстку СоТ и ПНО для США.

Только что был у зуб<ного> врача. Возня предстоит долгая: подобрать систему оглушения рвотного рефлекса.

Письма в Таллинфильм и Кроманову на предмет пролонгации.

Экз<емпляр> зМЛдКС (рукопись) посылается Энну Юрьевичу Реккору.

11 декабря 76 (сб)

Вчера: отправил письма Реккору и Кроманову насчет пролонгации.

Отправил Реккору зМЛдКС.

Взял билеты: 14-го и 27-го.

Письмо от Харуто с запросом, что происходит.

Сейчас написал письмо Харуте, отправил заказным.

Вчера у Бромберга, обсуждали план фильма «Воспитатели».

Звонил Гречко, дал координаты.

Запомнить: повесть Иосифа Давыдова по рекомендации Гречко для «Мира приключений».

Вечером Тарковский. Давал новые инструкции. Придется нам с Борисом не писать повесть, а делать новый сценарий.

13-го в 11.30 Литинститут, Тверской бульв<ар>, 25, войти во двор, налево, ВЛК, 2-й эт. Учебная часть, <Малюкова> Нина Аверьяновна. 2024860.

12 декабря 76 г. (вс)

Наташка и Ленка взялись за расклейку для Детгиза.

13 декабря 76 г. (пн)

Отпечатан 2-й фильм МдЭ. 17 стр<аниц>, как и первый.

Наталья отнесла расклейку ПНвС+ПиП в Детгиз.

Я выступал на семинаре, было занятно. Затем в ЦДЛ встреча со Славой Рыбаковым, Борей Штерном, Мишей Ковальчуком и еще с тремя ребятами.

Грустновато.

Бела передала предисловие Старджона для СоТ и ПнО для США. НичеГё. Но они всё же мало понимают.

Письмо от Чолича из Югославии с безумным требованием прислать полный текст зМЛдКС и приглашением туда.

14 декабря 76 г. (вт)

Звонил Ларину, узнал телефон Клепацкого. Это до возвращения.

Звонил Костя Бромберг:

1) По поводу «Воспитателей», как договорились — ребяташки стремятся лететь воевать.

2) Предлагает встречу с Лапиным.

17 декабря 76 г. (пт)

14-го вечером прибыл в Ленинград, 15-го днем — в Комарово.

Решили: сначала сделать для Тарковского, затем, если останется время, начать повесть для Лендетгиза.

На сегодня сделали 10 стр<аниц>.

Еще я полагаю набросать подробный план сценария для Таллина.

19 декабря 76 г. (вс)

Сегодня закончили поправки для Тарковского — 23 стр<аницы>. Ни в чем не уверены.

20 декабря 76 г. (пн)

Начали новую повесть. 3 стр<аницы>.

21 декабря 76 г. (вт)

Новой повести — 9 стр<аниц>.

Вчера начал работать над к/с «Убийство в отеле “У Алека Сневара”».

Явилась ЧБ ни к селу ни к городу со своей пьесой.

25 декабря 76 г. (сб)

Заканчиваем. Сделано 28 стр. «Возлюби дальнего».

Завтра к маме, а послезавтра — домой.

Думал о сценарии для Таллина. Кое-что наклеивается.

Итак: 23 стр<аницы> для Тарковского, 28 стр<аниц> для Детгиза, общие соображения для Таллина. Как? Если судить по обычным нормам: 51 страница, 10 раб<очих> дней. 5 стр<аниц> в день. Неплохо. Но выпадает еще 23 декабря — Борис покупал машину — и половина 22 декабря. Тогда по 6 стр<аниц> в день. Еще лучше.

27 дек. 76 г. (пн)

О новостях:

1) Ковальчук.

- 2) Беркова.
- 3) Кларов.
- 4) Бела Клюева.
- 5) Войскунский.
- 6) Гуревич.

Выяснить: У кого узнать о положении в «Мол<одой> гв<ардии>»?

On the way¹ из Л<енингра>да в Москву.

Нужна информация и связь:

1. Тарковский:
 - а. Передать последнюю работу и узнать его мнение.
 - б. Выяснить, когда можно получить зарплату на «Мосфильме».
2. Чеховская:
 - а. Выяснить, что с № 12 З–С.
 - б. [Выяснить,] не пригодится ли рецензия Смелкова.
3. Гречко:

Получить его подпись под рецензией.
4. Марина Зарецкая (Детгиз):
 - а. Отдать ей экз<емпляр> дополнит<ельного> соглашения.
 - б. Узнать, согласился ли Мигунов иллюстрировать ПиП.
5. Жора Соколов и Муля Левин.

Узнать судьбу пьесы.
6. Геннадий Геннадиевич:
 - а) Получить ПнО.
 - б) Рассказать о делах.
7. Бромберг:
 - а) Дать согласие на «Воспитателей».
 - б) Подготовиться к встрече с Лапиным.
8. Ларин, Алла Константиновна:
 - а. Доставить им сценарий МдЭ.
 - б. Попросить одновременно организовать встречу с Клепацким.
9. Позвонить Харуте.

Есть ли что новое из «Мол<одой> гв<ардии>».

Работа на первые 10 дней:

Сценарий для Таллина.

10. Мирер:
 - а) <...>.
 - б) Просить для Сахарнова («Костер») небольшой динамичный рассказ.

28 дек. 76 (вт)

1. Тарковский болен. Подошла Лариса, благодарила. 21 января премьера «Гамлета».
2. Вышел № 12 З–С. 50 экзов уже у Татьяны. Она ничего такого не знает. У них всё в порядке в журнале. М<ожет> б<ыть,> завтра к ним.
3. Умер Клепацкий. Ларин предлагает встретиться и обговорить положение с режиссерами. Вероятно, это завтра. Заодно отнесу ему экзы сцен<ария> МдЭ–2.

¹ На пути (англ.).

4. Заходил к Миреру, взял статью Смелкова для Гречки. Договорился, что он будет звонить к Доктору.

По словам Мирера, редакцию разгоняют, там работает комиссия из ЦК КПСС, ЦК ВЛКСМ и СП, на высоком уровне. Синельников бегал, жаловался, что он-де новый человек.

5. Жоре Соколову позвонено, чтобы позвонил мне.

Звонил Смелков. Просит рекомендацию в СП. Разумеется! Интересно, что моя кандидатура рекомендателя утверждена 1-м секретарем МО СП Ф. Кузнецовым!

6. Звонила Марина Зарецкая, успокоила насчет Мигунова.

29 декабря 76. (ср)

Встреча с Лариным и Аллой Константиновной завтра. По звонку Ларина.

Звонила Валерия Павловна <Погожева> из ст<удии> Горького, говорит, что есть горящие режиссеры и т. д. Видимо, встретимся в нов<ом> году, 3 янв.

С театром всё нормально. Звонил вчера Муля, сегодня — Жора, видимо, сегодня же и встреча.

Безуспешно звонил Гречке.

Звонил Парнову. Он говорит, что следы провокационного письма ведут в «Тех<нику —> молодежи!» Повидаться с Римом Парновым 2–3 янв.

Звонил Берковой. Пора встретиться.

Звонил Бромбергу.

Звонил Лукину. Обещает начать переговоры о статье Гречки в «Известиях».

Фуками — письмо и сборник с ПиП.

30 декабря 76 г. (чт)

Дозвонился до Жоры Гречко, встреча у нас 2 янв<аря>.

Вчера был у Жоры Соколова. Пьесу нач<али> репетировать. Сдал ее в Детгиз на распечатку до 5-го. 6-го идем в Мин<истерство> культуры РСФСР к Подгородинскому.

Звонил Ларин, встреча отменяется, ибо Аллы не будет. Кажется, нашел режиссера.

Начата работа над ОуПА(с). 11 страниц.

31 декабря 76 г. (пт)

К 14.30 сделано еще 11 стр<аниц> сценария. Всего теперь 22.

Брошены поздравит<ельные> открытки.

Куплены сигареты и хлеб.

Год идет к концу.

Аркадий Стругацкий Дневник, 1975

15.02.75

Вчера прибыл. К 11.00 полное устройство: пришлось вернуться в курортное бюро — купить путевку.

Корпус 2, комн<ата> 204. Первые два дня — акклиматизация, она же адаптация. Самочувствие хорошее.

Вчера послал телеграмму Крысе <т. е. Воскресенской>.
 Вечером попробую позвонить в Ленинград. 606971.
 Не буду. Всего четыре пятиалтынных, а надо позвонить Крысе.
 Сейчас попробовал. Видимо, телефон не работает.

16.02.75 (вс)

Письма:
 Ленке <Воскресенской>.
 <...>.
 Маме.

17.02.75 (пн)

Оказывается, вчера пропустил нарзанные ванны, следующий раз — завтра.
 А сегодня опоздал на гимнастику: хрен ее знает, когда она начинается. Пошел к 7.30,
 а там уже в разгаре. Хер с ними. Попробую сам. Завтра.
 Душанбе Глав/п<очтамт> 734000
 Л<енингра>д 196212
 Телеграмма в Душанбе Погорелу.
 Выпал снег. Было очень холодно, а теперь — ничего. Стих ветер.

18.02.75 (вт)

Опростоволосился. Забыл сделать все анализы. Серафима Сергеевна <Канаева>
 ругалась, а потом смягчилась.
 Завтра:
 8.00 — в 3-й корп<ус> меряться.
 8.30 — каб<инет> 12, анализ крови.
 10.00 — каб<инет> 47 ЭКГ.
 14.15 — нарзанная ванна.
 Сегодня в 14.15 впервые на нарзан.
 На дворе — все бело от снега и солнечно. Всю ночь шел снег.
 Самочувствие не так чтобы очень.
 Ходил пешком до вокзала и обратно. Обследовал аэрофлот и вокзал. Возможно, не
 стану связываться с агентом в санатории. Просто схожу 21-го с утра в кассу Аэрофлота —
 и вся-кот.
 Читаю Дюма.

19.02.75 (ср)

Сделал все измерения, кровь и ЭКГ. Нарзан мне сегодня не положен.
 <...>
 Был у Серафимы. Назначено с завтрашнего дня:
 1) зарядка в 11.30 III корп<ус>;
 2) укол папаверина сразу после завтрака в 45-й каб<инет> I кор<пуса>.
 После нарзанной ванны следует полтора часа полежать. Ванны будут через день.
 Вздрогнул <...>, убийца.

21.02.75 (пт)

Режим zum Teufel¹. За два дня истратил 20 р. Очень хороши телячья колбаска и эклерчики. А уж как хлебец хорош!

Взял билет на 9 марта, на 19.17. И на экспресс на 16.30.

Телеграмма Крысе, что всё ОК.

Купил наконец пепельницу. В универмаге «Эльбрус». Хочу после обеда сходить на «Тайну племени бороро».

24 февр. 75 (пн)

Письма от Крысы и Погорелого.

Фототелеграмма из Душанбе — поздравление с 23-м.

Болит зуб.

Написал маме, Крысе, <...>.

В Душанбе — Погорелому.

Да, вчера купил замшевую сумочку. Полтора рубля. А хороша, по-моему. И бутылки носятся.

Совершенно неожиданно получил наслаждец: румынский фильм «Чистыми руками». Здорово. Были дела в Бухаресте.

26 февр. 75 (ср)

Вчера смотрел «Герцог Боб». Говно. Зуб болит. Никак не могу решиться. Второй день ясная погода. Потепление. Ходил по городу в поисках к/т «Россия». Спутал с «Родиной», а такого здесь нет. Вчера нашел, смотрел «Великолепный». Был восхищен.

Сбил и натер ноги.

Письма от мамы <...>.

27 февр. 75 (чт)

Скучно. Размышлял о переводе «Кота». 4 стр<аницы> в день, пять дней в неделю работы. Лист в неделю. В августе кончить? И предисловие переводчика: «Дон Кихот по-японски».

Письмо Абызову.

Nulla dies sine linea.

Ни дня без строчки.

Виноградов переводит: ни одного дня без письма. Вообще, пошляк он. Под Тынянова, но без способностей.

Письма от Бобров, Наташки <Фошко>, Погорелого.

28.02.75 (пт)

Посмотрел еще раз «Великолепный». Все-таки скучновато.

Связался со мной Абрам Григорьевич Лейбензон, директор стройуправления курортного объединения Ставрополя.

Зашел, беспокоится Иосиф Гольдин.

Полчаса приятно пообщались.

Письма от мамы и Бориса.

¹ Режим к черту (рус.-нем.).

1 марта 75 г. (сб)

Письмо от Крысы. Очень приятное. Люблю.

2 марта 75 г. (вс)

Письмо Борису.

4 марта 75 г. (вт)

Вчера смотрел «Дума о Ковпаке». НичеГё. Артист хороший.
Очень захотелось домой. Сегодня даже попробовал поменять билет на 6-е. Но не было. Праздники.
Дал телеграмму Крысе, что приезжаю 9-го.

5 марта 75 г. (ср)

Письма маме, <...>. Ясно, слепит солнце, но морозно ночью. А днем +4°.
Ермак: ? — 1584 г.
То ли донской казак, то ли приуралец.
П. П. Бажов «Малахитовая шкатулка», «Ермаковы лебеди».
Казачий атаман. Иногда называют: Василий Тимофеевич Аленин, родом с р<еки> Чусовой. В землях Строгановых.
1579 г. — Строгановым от Ивана IV грамота на продвижение в глубь Сибирского ханства и создание форпостов на Оби и Иртыше. В этом году Ермак и возник в чусовских городках с отрядом в 540 чел<овек>. Его помощники: атаманы Иван Кольцо, Никита Пан, Матвей Мещеряк.
Поход начался в 1581 г. после разгрома напавших вогулов Бегбелия Агтакова.
Строгановы пригнали еще 300 чел<овек>.
Ермак — организатор войска: есаулы, сотники, пятидесятники.
1 сент<ября> 1581 г. отплыл по Чусовой к Уральским горам, далее по Серебрянке до Сибирского пути...
Бахрушин С. В. «Очерки по истории колонизации Сибири в XVI–XVII вв.» М. 1927.
Воронихин А. «К биографии Ермака», «Вопросы истории», 1946, 10.
Красинский Г. «Покорение Сибири и Иван Грозный», «В<опросы> И<стории>», 1947, 3.
Введенский А. А. «Строгановы, Ермак и завоевание Сибири». Историч<еский> сборник Киевского ун<иверсите>та им. Шевченко № 2, Киев 1949.

6 марта 75 г. (чт)

Вчера в начале 9-го позвонил Погорелый. Собирается приехать завтра. Сообщил, что «Семейные дела Гаюровых» повезли в Москву для монтажа. Обещал привезти бланк для заявки на потиражные.
Письмо от мамы.
Постригся.
Телеграмма от Бураша.

7 марта 75 г. (пт)

Показать:

- 1) Изгои — за счастьем, за свободой, за мезтью.
- 2) Авантюристы — за золотом, добычей.
- 3) Государственные люди — проводники политики.
- 4) Очень мало (но и сам Ермак) — ненасытная любознательность.

Девушка, переодетая мужчиной. В нее влюбляется Ермак, а она любит другого. Они вдвоем вплавь. Ермак тонет.

Самодовольство,
хвастовство...

Где-то из этого
(из ревности? из самолюбия?)
возникает вопрос.

Мое поколение, 1925.

Сейчас 50 лет.

Кое-кто зацепил фронт (тоже самолюбование), катализатор.

Все женились. Все развелись.

Сестра?

Аркадий Стругацкий
Рабочие записи по «Встрече миров», июль 1975

Встреча миров (либретто) 1-й вариант

1 июля 75 г.

Герои:

Простак.

Прагматистка.

Оптимист.

Скептик.

Человек из будущего (Голос).

Возможные комментаторы:

Шкловский.

Шилейко.

Манин.

Украинский астроном Всехсвятский.

Артур Кларк.

Айзек Азимов.

Порядок эпизодов, 1-й вариант:

Простак — Голос — Война миров.

Все — Спор о возможности иных цивилизаций — Голос — 1-й ученый.

Пауза — Прагматистка — Захват корабля — Вторжение дикарей на электростанцию.

Скептик — 2-й ученый — [«смеющаяся кошка» перенесена стрелкой ниже, к «собачке»].

Оптимист — Картина изобилия — Голос.

Все — Спор о причинах посещения — Новелла о шестиногой собачке [сюда перенесена стрелкой «смеющаяся кошка»].

3-й ученый — Оптимист: о вековой мечте человечества.

Скептик: о мифах человечества — Очерк мифологии — Голос.

4-й ученый — Все: а как же относиться к пришельцам?

Скептик — Переговоры.

Пауза — Голос: о необходимости единства, борьбы за власть над природой, против мифов и т. д. Все: а тогда? Голос: а тогда — если в Космосе есть еще разумная жизнь, тогда вы и вступите в контакт.

Встреча миров, 2-й вариант

Герои:

Простак.

Прагматистка.

Скептик.

Голос.

Сцены:

Война миров — Простак.

Захват корабля — Прагматистка и Простак.

Картина изобилия — Простак и Прагматистка.

Новелла о шестиногой собаке — Скептик.

Переговоры — Скептик, затем Прагматистка и Простак.

После новеллы о шестиногой собаке Скептик ставит основную проблему: дело не в том, для чего прилетели Пришельцы, а в том, как мы должны к этому относиться.

После переговоров Голос объявляет, что и этой проблемы нет, а есть проблема объединения человечества.

Всехсвятский (академик УССР).

Встреча миров (либретто). О персонажах

1. Недостаточно проявлена неподготовленность к Контакту.

Отрицательность персонажей Прагматика и Простака.

2. Драматургия: усилить ОЖИДАНИЕ: пойдет ли Леонов на контакт? Мультсюжеты — иллюстрация, а не поворотные пункты.

[Добавлено:] Леонов — главный герой. От ужаса через пустые надежды приходит к отрицанию контакта. И это Леонов произносит речь на корабле. Сафонов и Мордюкова играют на него. Не забывать, что это ЕГО судьба решается — быть ему посредником или нет.

Голос задал время: до 18.00, когда нужно дать ответ, согласен ли он на посредничество.

3. Зачем ОНИ могут прилететь? Эти стереотипы надо развенчать. То, что сделано с Борисом.

4. И с животными своими не можем установить контакт.

**[Черновик письма от АБС в студию «Киевнаучфильм»,
2.09.75]**

Киев, ул. Киото 27
«Киевнаучфильм»

Директору студии «Киевнаучфильм» тов.
Остаховичу,
Главному редактору тов. Загданскому
от Стругацкого А. Н. и Стругацкого Б. Н.

Уважаемые товарищи!

В ходе работы над сценарием фильма «Встреча миров» мы столкнулись с необходимостью осветить в нем некоторые новые аспекты «проблемы контакта», прямо вытекающие из двух наших весьма плодотворных встреч в Киеве в конце июля — начале августа. Эта работа требует изрядных дополнительных затрат времени и труда и явно не позволяет нам уложиться в договорной срок.

Убедительно просим продлить срок нашего договора еще по крайней мере на два месяца — по 1 ноября с. г.

С искренним уважением,

А. Стругацкий,
Б. Стругацкий.

2 сентября 1975 года.

[Приложение к письму]

Предлагаю включить в сценарий краткие беседы «ведущего» со следующими учеными нашей страны: Шкловский, Всехсвятский, Манин, Шилейко.

Темы бесед:

1) Со Шкловским: Какое, по Вашему мнению, впечатление произвело бы на человечество в целом достоверное сообщение о существовании во Вселенной расы разумных существ, цивилизация которых намного обогнала нашу, земную?

2) Всехсвятский: Предположим, что где-то в ближайших окрестностях Земли, скажем, на Луне высадились посланцы инопланетной цивилизации и предложили нам Контакт. Какие темы выдвинули бы Вы для первой стадии переговоров?

3) Манин: Предположим, что Вы встретились с посланцем космической сверхцивилизации. Какие вопросы захотели бы Вы задать ему: а) о Вселенной, б) о человечестве, в) по своей специальности.

4) Шилейко: Предположим, что с Вами — и только с Вами, единственным человеком на нашей Планете — вошел в контакт посланец космической сверхцивилизации, ничего еще о нас не знающей. Какой бы Вы дали ему ответ на его вопросы: а) о состоянии земной науки вообще и б) об уровне науки по Вашей специальности.

**Аркадий Стругацкий
Рабочие записи по «Сталкеру», 27.05.1976**

Сталкер — Кайдановский.
Ученый — Броневой, Ярвет, Гринько.
Писатель — Солоницын.

2-й Мосф<ильмовский> пер<еулок>.

27.05.76, А<ндрей> Т<арковский>

1. Обыденность и «ненужность» жены в 1-й сцене. Игнорирование?
2. Как выразить, что сталкер на этот раз не профессионал, не преступник, а идет в Зону с мольбой?
3. Как и куда вставить информационную часть? Игнорировать!
4. Идея о цели существования человечества: здание искусства.
5. Стихи будут хорошими, но ни к селу ни к городу.
6. Для реж<иссерского> сценария — удорожание — туман при проезде через шлагбаум.
7. Уточнить мотивации профессора — отказ от взрывания зоны. Профессор ужасается, что берет на себя функции бога: своей волей уничтожить последние надежды миллионов людей.
8. Финальная сцена — беседа с женой. (?) Счастье не так добывается. После зоны я стал лучше — и не пойду.
9. Сцена, когда сталкер отказывается идти к машине желаний.
10. Грозное чудо в начале маршрута, чтобы осведомить зрителя об ужасах. И где-то приятная странность: во время отдыха — солнце, жара, вдруг — рядом сугроб снега, и он тает.
11. Вместо Золотого Круга (символ) — место, где исполняются желания, найти название места. Нужно визуально описать место, где сбываются желания. Снег, хлеба, женщины?
12. Найти способ без танков сохранить разговор об «углубились».
13. В разговоре писателя со сталкером и профессором — поливание науки.
14. Причина, почему остался писатель. Устал! Никаких домов.

Аркадий Стругацкий Рабочие записи, ноябрь-декабрь 1976

- 1) Примем, что редакция — единственная в СССР.
- 2) Некомпетентность: отсюда надо начинать повесть.
- 3) Групповщина. Сибирская волна и т. д.
[Вставлено: «Подозрительность!»]
- 4) Чудовищное недоверие к слову у сов<етских> фантастов.
[Вставлено: «Редактор берет на себя роль инквизитора».]
Великое, небывалое чудо — фантастика социализма.
- 5) Автоматчики. Против кого?
- 6) Вышедшие книги — предмет для патологоанатомов. Щербаков — плохая копия Гансовского.
7. Разнужданность — следствие руководства.

рабочие
колхозники
школьники
студенты
научники
артисты
моряки
летчики

космонавты
высшие партийные органы

[Наискось по перечню:]

Какое нам дело
До всех до вас,
А нам до тебя!

Тексты подготовлены: В. Курильский

IV. Приложения

Необходимые пояснения

Этот том собрания сочинений содержит следующие приложения: Комментарии и примечания, Библиография, Указатель имен, Указатель заглавий произведений и их аббревиатур.

Комментарии и примечания касаются специальных терминов, реалий прошлых лет, явных и скрытых цитат, авторских неологизмов и пр. Прослежены пересечения между дневниковыми записями и собственно художественными произведениями Стругацких. Отдельно даются примечания к используемым в томе фотографиям и рисункам.

В примечаниях использован ряд ранее опубликованных материалов из следующих источников:

Миры братьев Стругацких. Энциклопедия: В 2 т. / Сост. В. Борисов. — М.: ООО «Фирма «Издательство АСТ»»; СПб.: Terra Fantastica, 1999.

Курильский В. Комментарии // Стругацкий А., Стругацкий Б. Собрание сочинений: В 10 т. — М.: Эксмо; СПб.: Terra Fantastica, 2006, 2007.

Составители комментариев выражают благодарность за помощь в атрибуции цитат других авторов в этом томе Юрию Жиловцу, Вадиму Казакову, Роману Муринскому, К. Окишеву, Андрею Полякову, Олегу Шестопалову, Илье Юдину.

Подробная информация о библиографии, очередной фрагмент которой предлагается вниманию читателей, содержится в томе 1. Здесь же упоминается лишь самое существенное, что следует знать для поиска нужной информации.

Библиография разделена на фрагменты в соответствии с периодом времени, охватываемым тем или иным томом. Фрагмент может включать до четырех разделов: первый рассматривает художественные произведения Стругацких, второй — их статьи, интервью, выступления и т. п., третий — работу в качестве переводчиков, а четвертый — редакционно-составительскую деятельность. В первых двух разделах произведения, созданные Стругацкими вместе и по отдельности, находятся в разных подразделах. Если фрагмент библиографии охватывает несколько лет, то материал в соответствующих разделах и/или подразделах разбивается по годам и нумеруется независимо. Таким образом, каждая библиографическая позиция имеет уникальный в пределах данного года, раздела и подраздела номер, состоящий из трех частей, разделенных точками.

Указатель имен относится только к реальным персоналиям, упомянутым в художественной прозе Стругацких, их публицистике и переписке. Характеристики даются вынужденно краткие, но позволяющие заинтересованному читателю отыскать в специальной литературе и Интернете более подробную информацию. Определения «российский», «русский», «советский» опущены.

Братья Стругацкие в переписке предпочитали использовать вместо полных заглавий своих произведений аббревиатуры. Указатель таких аббревиатур и ранних (впоследствии измененных) названий поможет читателю ориентироваться в весьма обширном и сложном их массиве.

Следует также отметить, что в комментариях и указателях всех томов широко используется уже традиционное для любителей творчества Стругацких сокращение имен Авторов до аббревиатур: А. и Б. Стругацкие — АБС, А. Н. Стругацкий — АНС, Б. Н. Стругацкий — БНС.

Комментарии и примечания

Художественные произведения

Аркадий Стругацкий, Борис Стругацкий. За миллиард лет до конца света

Машинопись из папки «Чистовики».

Написано в 1974 г.

Первые публикации — журнальная: Знание — сила (М.). — 1976. — №№ 9–12; 1977. — № 1; книжная: в одноименном авторском сборнике — М.: Сов. писатель, 1984.

С. З. *Рукопись, обнаруженная при странных обстоятельствах* — первоначально заглавие планировалось для повести с совсем другим сюжетом (см. в т. 19 письмо БНС от 6.04.73, также см. «Комментарии к пройденному»), впоследствии частично реализованным в ХС.

С. 3, 5. ...точечным двенадцатизтажником (...) пойти на Московский, где перерыв с часу до двух...; Улица Героев... — Реалии района, в котором в течение многих лет проживал БНС. Точечной именуется уплотнительная застройка, строительство новых зданий в исторически сложившемся жилом микрорайоне, обычно на месте зеленых зон. Улица Героев — вероятно, «псевдоним» улицы Победы.

С. 3. *Никто не помыл и ничто не помыто...* — Аллюзия на «Никто не забыт и ничто не забыто...»; О. Берггольц, последняя строка эпитафии, высеченной на стеле мемориального Пискаревского кладбища.

С. 3. *Калям* — **БНС**, офлайн-интервью от 3.03.2003: Калям — наследственное имя (независимо от пола) всех котов и кошек, живших в доме БНС.

С. 4. *Формула Жуковского, конформное отображение* — теорема и понятие теории функций комплексного переменного.

С. 4. ...*Смирнова Владимира Ивановича шесть томов...* — Классический «Курс высшей математики» В. Смирнова выходил в 5 томах; мог именоваться шеститомником в силу того, что третий том его выпускался в двух книгах.

С. 4. «*Фигура цапф большого пассажного инструмента*» — **БНС**, 8.12.2009: Это самая типичная для астронома-астрометриста тема кандидатской диссертации: «Исследование фигуры цапф Пулковского меридианного круга» (или «большого пассажного инструмента, скажем, Одесской астрономической обсерватории»). Задача весьма полезная (с точки зрения астрометрии 18–19-го века), ибо, зная названную фигуру, можно получать систематические погрешности в наблюдениях координат звезд, составлениями каталогов коих (координат) и занималась главным образом вся мировая астрометрия. Ошибки могли достигать, помнится, нескольких секунд дуги — при случайных ошибках порядка 0.05 дуговой секунды.

С. 5. *ЖЭК* — жилищно-эксплуатационная контора.

С. 5. *У нас долгов пятьсот рублей...* — Зарплата Малянова примерно за три-четыре месяца.

С. 6. ...*лосоя в собственном поту...* — То же — в т. 2 в подразделе «Варианты рукописей и изданий», повесть «Извне».

С. 6, 7. *Функция Гартвига; преобразование Гартвига* — фантаст.

С. 6. *Дуги Рагозинского* — **БНС**, 19.09.2007: «Дуги Рагозинского» возникли как отклик на реальную статью реального (советского) астронома, где некие светлые «дуги» в пылевых туманностях описывались. К сожалению, я не помню фамилию этого астронома. Что-то очень похожее на Рагозинского — Рождественский, Рогожинский. Я как раз занимался тогда движением горячих звезд в пылевых туманностях, и у меня получалось, что при этом движении звезда гонит перед собою раскаленный «купол» пыли и газа, который для внешнего наблюдателя и должен был выглядеть как светлая дуга. Это примерно 54-й или 55-й год, а статья «Рогожинского» была опубликована, по-моему, в «Астрономическом журнале». **Сост.**: Возможно, речь об одной из следующих публикаций: Фесенков В., Рожковский Д. Об энергетическом излучении волокон туманностей и о тесных звездных дорожках, с ними связанных // *Астрономический журнал* (М.). — 1954. — Т. 31. — Вып. 1; Рожковский Д. Светлые ободки в диффузных туманностях и связь их с центральными звездами // *Астрономический журнал* (М.). — 1954. — Т. 31. — Вып. 4. См. также в т. 1 упоминания Д. Рожковского в письме БНС от 7.04.54 и в записи от 6.08.51 его записной книжки 1951–1954 гг. Интересно, что имя-отчество астронома Алма-Атинской обсерватории Рожковского сходно с маляновским — Дмитрий Александрович.

С. 6. *Планетарные туманности* — ионизированные газовые оболочки вокруг белых карликов.

С. 7. *Двугривенный 1934 года* — медно-никелевая монета достоинством 20 коп. Коллекционерам известно всего 15 экземпляров, из них 6 находятся в Эрмитаже.

С. 7. *Консульский полтинник* — **БНС**, 22.11.1998: В июле 1922 года посольство РСФСР в Берлине использовало для оплаты служебной корреспонденции Наркомата иностранных дел, отправляемой воздушной почтой в Москву, сохранившиеся запасы марок консульской пошлыны Российской империи. На этих консульских марках делалась специальная типографская надпечатка красной краской. В частности, надпечатка «Воздушная почта РСФСР. 1200 герм. марок» была сделана на марке консульской пошлыны с номиналом 50 копеек. Точный тираж этой марки с надпечаткой неизвестен, но есть основание предполагать, что он не превосходил 25 штук. [По другим данным, ориентировочный тираж 50–75 экземпляров. — **Сост.**] На филателистическом сленге их называют «консульскими полтинниками». Число известных «полтинников», находящихся в коллекциях, исчисляется пятью–десятью экземплярами (в России их, кажется, всего три) — это одна из самых редких советских марок, предмет бессильного вожделения десятков тысяч коллекционеров. **Сост.**: Консульский полтинник упомянут также в БМС.

С. 7. *И тут он вспомнил Аверченко.* — См. главку «На улице» рассказа «День человеческий», где герою на улице бросают на ходу: «Как поживаете, что поделяваете?» Тот крепко берет спросившего за руку и дотошно, с подробностями, отвечает.

С. 7. *...мои уравнения движения имеют еще один интеграл — кроме интеграла энергии и интегралов моментов.* — Интегралом системы дифференциальных уравнений называют функцию, постоянную на решении этой системы; интеграл энергии является отражением закона сохранения энергии, интеграл моментов — закона сохранения количества движения.

С. 7. *Интегро-дифференциальное уравнение Колмогорова–Феллера* — уравнение из теории случайных процессов, полученное А. Колмогоровым в 1938 г. и У. Феллером в 1940 г.

С. 7, 24. *Анекдот про двух петухов; Анекдот о трех петухах* — **БНС**, офлайн-интервью от 10.06.2012: Анекдот о двух петухах был популярен в начале 70-х. Сейчас — основательно забыт. В том числе и мной. Помню только, что там только что купленный и выпущенный во дворе петух гоняется за старым петухом — хозяином здешних мест. Что приводит к какому-то парадоксальному результату. А анекдот о трех петухах — псевдоквазия. Не было такого. **Сосм.**: Анекдот о двух петухах кончается тем, что хозяин с восклицанием «Опять голубой попался!» стреляет в нового петуха.

С. 7. *Ящик* — он же «секретный ящик», он же «почтовый ящик» — неофициальное название секретного предприятия или учреждения в СССР.

С. 8. *Пыльник* — легкий долгополый летний плащ.

С. 8. *Неслышный миру вопль...* — Восходит к выражению «невидимые миру слезы» (правильно: «...видный миру смех и незримые, неведомые ему слезы!»). Н. Гоголь, «Мертвые души», т. 1, гл. 7.

С. 9. *Большая антенна* — см. в т. 3 подраздел «Варианты рукописей и изданий»: «...антеннами астрономы называют радиотелескопы».

С. 9. *...вспомнил о каком-то монахе, который сунул конечность то ли в огонь, то ли в кипяток, дабы уйти от зла, проистекающего ввиду наличия в непосредственной близости прекрасной женщины, — решительный был малый.* — Более всего соответствует описанию сцена из «Жития Аввакума» протопопы Аввакума: «Егда еще был в попех, прииде ко мне исповедатися девица, многими грехми обремененна, блудному делу и малакии всякой повинна; нача мне, плакавшея, подробну возвещати во церкви, пред Евангелием стоя. Аз же, троекаянный врач, сам разболелся, внутрь жгом огнем блудным, и горко мне бысть в той час: зажег три свечи и прилепил к налою, и возложил руку правую на пламя и держал, дондеже во мне угасло злое разжение, и, отпустя девицу, сложа ризы, помоляся, пошел в дом свой зело скорбен». (Приведена так называемая редакция «А» «Жития...») Шире известен эпизод из главы 5 повести Л. Толстого «Отец Сергей».

С. 9. *Цирцея* — персонаж греческой мифологии и «Одиссеи» Гомера.

С. 11. *...как гора. Седовласый Шат.* — Слова из стихотворения М. Лермонтова «Спор»: «Берегись, сказал Казбеку / Седовласый Шат...» (Шат — Эльбрус).

С. 11. *Что смолкнул веселия глас?* — Цитата из стихотворения А. Пушкина «Вакхическая песня».

С. 11. *Есть только одна роскошь на свете — роскошь человеческого общения! Не помню, кто это сказал...* — «Единственная настоящая роскошь — это роскошь человеческого общения». Слова из книги А. де Сент-Экзюпери «Планета людей», гл. 2, глава 1. Приведены в книге М. Мижо «Сент-Экзюпери» (М.: Мол. гвардия, 1963). Перевод Г. Велле.

С. 11–12. *...Малянов (...) похвастался, что вот ему лично цыганка нагадала крупное открытие относительно взаимодействия звезд с диффузной материей в Галактике.* — **БНС**, офлайн-интервью от 16.09.2008: *Вопрос:* В «ЗМЛДКС» Малянов делает открытие в сфере взаимодействия звезд и диффузной материи. Откройте секрет: это открытие действительно имело место, и если да, то Ваших ли рук дело это было? *Ответ:* Это вовсе не секрет. Вся (почти вся) терминология, используемая Маляновым, взята из моей работы о движении звезды в газопылевых облаках Галактики. Только Малянову повезло сделать там какое-то открытие, а я просто рассчитал динамику процесса и получил кое-какие теоретические выводы, годные для сравнения с наблюдениями. Есть (коллективная) статья на эту тему в «Астрономическом журнале» году этак в 58–60-м. (Лень искать точную ссылку.) [Т. А. Агеян, К. В. Коврайская, Г. А. Плюгин, Б. Н. Стругацкий, Г. А. Шишкина. Об одном признаке взаимодействия звезд с диффузной материей // Астрономический журнал (М.). — 1956. — Т. 33. — Вып. 5. — С. 679–681. — **БВИ.**]

С. 12. *...под банкой, конечно, или, как тогда говорили, вполсвиста...* — См. употребление метафоры в т. 18 в письме БНС от 29.07.72 и в записи БНС между встречами 23.04 и 21.05.72 в рабочем дневнике АБС 1971–1987 гг. Использовано также в ХС.

С. 12. *...Арнольд Палыч рассказывал о себе редко, но смачно.* — Приблизительная цитата из рассказа И. Бабеля «Как это делалось в Одессе»: «Беня говорит мало, но он говорит смачно».

С. 14. *Где имение, а где вода...* — Фраза восходит к анекдоту начала XX века: «Маклер продает имение: — И что особенно хорошо — два шага до реки. Вы сошли по ступенькам крыльца, бросились в воду, плаваете... — Меня как раз смущает близость реки. А вдруг наводнение? — Ну, что вы! Где имение, а где вода... Огромное расстояние». Анекдот неоднократно цитировался в литературе.

С. 14, 18. *...молодой человек (...) в огромных противосолнечных очках. Тонтон-макут.; ...капитан Конкассер...* — Реалии романа Г. Грина «Комедианты». Тонтон-макуты — политическая полиция правившего на Гаити клана Дювалье.

С. 16. *Сявка* — здесь: мелкий воришка.

С. 18. *Человек-невидимка* — заглавие и персонаж романа Г. Уэллса.

С. 18. *Астрофаг* — в буквальном переводе с древнегреческого — пожиратель звезд.

С. 21. *Вы-с!* — *гнусяво-вкрадчивым голосом Порфирия произнес Игорь Петрович (...).* — *Вы и убили-с, Дмитрий Алексеевич!* — Реминисценция романа Ф. Достоевского «Преступление и наказание»: «Как кто убил?.. — переговорил он [Порфирий Петрович. — *Сост.*], точно не веря ушам своим, — да вы убили, Родион Романыч! Вы и убили-с...» (ч. 6, гл. 2).

С. 21. *Хорезм* — древний район Средней Азии в низовьях Амударьи (ныне территория Узбекистана).

С. 24. *Глянуть смерти в лицо сами мы не могли, нам глаза завязали и к ней привели...* — Р. Киплинг, «Эпитафии войны. Трус». Перевод Ю. Манина. Отдельно от повести Стругацких перевод не публиковался.

С. 24. *Механический бювар* — здесь: автоматизированная записная книжка.

С. 25. *Пятнадцать лет ИТЛ...* — То есть исправительно-трудовых лагерей; максимальный в СССР в 1970-е гг. срок заключения.

С. 26. *Кто знает, что ждет нас? (...) Кто знает, что будет? И сильный будет, и подлый будет. И смерть придет и на смерть осудит. Не надо в грядущее взор погружать...* — Г. Аполлинер, «Я вспомнил задорный куплет». Перевод М. Кудинова.

С. 26. *Уэллсовские марсиане* — Отсылка к роману Г. Уэллса «Война миров».

С. 26. *Когда мне плохо, я работаю, — сказал он. — Когда у меня неприятности, когда у меня хандра, когда мне скучно жить, я сажусь работать. Наверное, существуют другие рецепты, но я их не знаю. Или они мне не помогают. Хочешь моего совета — пожалуйста: садись работать.* — Ср. «Единое счастье — работа...» — зачин стихотворения В. Брюсова «Работа»; процитирован БНС в письме будущей супруге от 5.08.56 (т. 1).

С. 27. *Паркер* — здесь: самая продаваемая и самая знаменитая перьевая ручка в мире.

С. 30. *...из Пенджикента...* — БНС провел один сезон в археологической экспедиции в Таджикистане, недалеко от Пенджикента. См. в т. 1 письма БНС будущей супруге от июля 1957 г.

С. 30, 33. *ИЗРАН* — Институт защиты растений АН СССР.

С. 30. *...числился членом двадцати разнообразных комиссий, как союзных, так и международных, постоянно шастал за рубеж на всякие конгрессы...* — Возможность выезда за границу была большой редкостью и очень ценилась.

С. 31. *...обратной транскриптазой, она же РНК-зависимая ДНК-полимераза, она же просто ревертаза, это такой фермент в составе онкорнавирусов...* — За открытие обратной транскриптазы (также известной как ревертаза или РНК-зависимая ДНК-полимераза), фермента, катализирующего синтез ДНК на матрице РНК в процессе, называемом обратной транскрипцией, американские биохимики Г. Темин и Д. Балтимор получили Нобелевскую премию по физиологии и медицине 1975 г.

С. 31. *Народнохозяйственное значение* — термин, означавший практическую полезность научных исследований в противопоставление (не одобрявшемуся) чисто научному интересу.

С. 31. *...монетами советского чекана, вышедшими из употребления в шестьдесят первом году.* — С 1 января 1961 г. в СССР прошла денежная реформа, деноминация в 10 раз, при этом бронзовые монеты (достоинством 1, 2 и 3 копейки) не обменивались, а продолжили хождение (с увеличившейся, таким образом, в 10 раз покупательной способностью). Следовательно, речь идет о монетах достоинством 5, 10, 15 и 20 копеек.

С. 32. *...некие зловещие «меры третьей степени».* — Аллюзия на выражение «допрос третьей степени», означающее применение физического воздействия (пытки).

С. 33. *...перекрестился с ярко выраженным католическим акцентом.* — Крестные знамения в различных христианских конфессиях отличаются сложением пальцев и направлением движения.

С. 33. *Да, конечно, в королевской коллекции все это было.* — Вероятно, имеется в виду британская королевская коллекция марок, упомянутая также в ПОДИН.

С. 33, 36. *Рольмопс* — маринованная сельдь, скрученная в рулетики.

С. 34, 68. *Феддинги* — точнее — фединг (англ. fading, замирание, исчезновение) — явления, связанные с пропажей или изменениями радиосигналов.

С. 34. *Анахорет* — удалившийся от мира, пустынный.

С. 34. *...голубую японскую мойку...* — Приобретение импортной (особенно из капиталистических стран) сантехники требовало больших усилий, больших денег и/или связей («блата»).

С. 35. *Союз Девяти* — мифическая организация, якобы основанная царем Ашокой (см. примечание к с. 43). Впервые упомянут в романе Т. Манди «The Nine Unknown» (1923). Упомянут также в СОТ–2.

С. 35. *В органы (...) заявить...* — Имеется в виду Комитет государственной безопасности.

С. 37. *«Костер»* — всесоюзный/всероссийский ежемесячный литературно-художественный журнал для школьников. Издаётся с июля 1936 г. в Ленинграде/Санкт-Петербурге.

С. 37. *...и водрузил над Землю что-нибудь славное...* — Аллюзия на финальные строки песни Л. Радина «Смело, товарищи, в ногу!»: «...И водрузим над землю / Красное знамя труда!»

С. 37. *Принцип экономии мышления* — известен также под названием «Бритва Оккама».

С. 40. *...какова целесообразность постройки моста через реку с точки зрения щуки?* — Скрытая цитата из неопубликованного эссе Ю. Манина о «Втором нашествии марсиан» (1969): «...он разворачивает перед нами картину, напоминающую фотографию моста с точки зрения рыбы. (...) Рыба не может включить в свое окружение мост: необходимость перехода с одного берега реки на другой чужда ее миру». Образ навеян первой фотографией Р. Вуда, полученной при помощи изобретенной им камеры «рыбий глаз». (Та же фотография упоминается в статье О. Мандельштама «Выпад»: «Однажды удалось сфотографировать глаз рыбы. Снимок запечатлел железнодорожный мост и некоторые детали пейзажа, но оптический закон рыбьего зрения показал все это в невероятно искаженном виде. Если бы удалось сфотографировать поэтический глаз академика Овсяннико-Куликовского или среднего русского интеллигента, как они видят, например, своего Пушкина, получилась бы картина не менее неожиданная, нежели зрительный мир рыбы.»)

С. 41. *...после полубанки...* — Полбанки — разговорное именование бутылки водки емкостью 0,5 л.

С. 41. *Благородное сумасшествие* — восходит к фразе, приписываемой Н. Бору: «Ваша теория, конечно, безумна. Весь вопрос в том, достаточно ли она безумна, чтобы оказаться верной».

С. 43. *Тау-китяне* — персонажи песни В. Высоцкого «В далеком созвездии Тау Кита». Осенью 1960 г. американский астроном Ф. Дрейк в обсерватории Грин Бэнк пытался получить радиосигналы инопланетного происхождения из систем эпсилон Эридана и тау Кита.

С. 43. *Царь Ашока* — правитель империи Маурьев в 273–232 гг. до н. э., известен распространением буддизма. Упомянут также в СОТ–2.

С. 43. *Пэр на фэйф-о-клоке* — пэр — здесь: член Палаты лордов Великобритании; фэйф-оклок (англ. five o'clock) — традиционное английское чаепитие, обычно начинающееся около 5 часов вечера.

С. 43. *Потому что век наш весь в черном (...) Он носит цилиндр высокий, и все-таки мы продолжаем бежать, а затем, когда бьет на часах бездействия час и час отстраненья от дел повседневных, тогда приходит к нам раздвоенье, и мы ни о чем не мечтаем...* — Г. Аполлинер, «Звуки рога». Перевод М. Кудинова.

С. 43. *Чинарик* — окурок.

С. 44. *Матлингвистика* — математическая лингвистика — научная дисциплина, использующая математические модели для описания и изучения языков, в том числе и «естественных».

С. 44. *Ну, так когда это было (...) Бароны, знаете ли, стареют... / — Бароны также и воюют (...) Не так уж давно это было.* — Восходит к строкам «Немецкой баллады» Козьмы Пруtkова: «Года за годами... / Бароны воюют, / Бароны пируют...» (авторство «Немецкой баллады» — Владимира Жемчужникова).

С. 46. *Руссоизм* — система взглядов французского писателя и философа Ж.-Ж. Руссо, культ чувства, человеческой личности и природы.

С. 46. *...можно вполне понять, а поняв — простить...* — С латинского: Cognoscere ignoscere. Первоисточник выражения — комедия «Самоистязатель» римского драматурга Теренция (строка 218). Эта мысль была популяризирована романом «Коринна, или Италия» (1807) французской писательницы Ж. де Сталь, где содержится фраза: «Tout comprendre rend tres indulgent» — «Все понять — значит стать очень снисходительным» (кн. 4, гл. 3).

С. 47. *...я превратился в одинокого пескаря, затаившегося в щели...* — Мотив сказки М. Салтыкова-Щедрина «Премудрый пискарь».

С. 47. *Опять двадцать пять за рыбу деньги!* — Поговорка использована также в ГО и ДСЛ.

С. 48. *Галилеев комплекс* — здесь: стремление к решению глобальных проблем, созданию теорий, отвечающих на фундаментальные вопросы об устройстве мироздания.

С. 48. *Баальбекская веранда* — грандиозное древнее сооружение на территории Ливана, постройка которого иногда приписывается пришельцам. Упоминается также в ПКБ и ХС.

С. 48. *Аберрация* — здесь: странность, отклонение от нормы.

С. 48. *Я совершенно не в состоянии вообразить то, чего, по-моему, не существует.* — Это положение неоднократно использовалось АБС: в ТББ, Б, ОУПА, ХС, ПП и в публицистике. См., например, ответ БНС в офлайн-интервью от 11.07.2005: «Количество оригинальных идей, касающихся прогресса человечества, мягко выражаясь, конечно, — хотя и велико. Количество путей прогресса конечно тем более. В реальности мы имеем дело с двумя пересекающимися конечными множествами. Процесс этот скорее случайный, а впечатление возникает, как от реализующейся закономерности («предсказание!», «управление будущим!»). Поэтому-то ничего и нельзя придумать: все или было, или будет, или есть где-то на задворках бытия». Ср. также в т. 6 запись БНС в записной книжке 1962 г.: «Во Вселенной реально существует все, что мы способны себе представить... и еще кое-что, чего не способны... / — Как там насчет ведьм и привидений? / — Скажем так: существуют в природе такие явления, что увидь мы их, мы сочли бы их ведьмами и привидениями, по крайней мере в первый момент».

С. 48. *Флогистон* — гипотетическая «материя огня», понятие употреблялось химиками с середины XVII до конца XVIII века. Ныне теория флогистона считается опровергнутой.

С. 48. *Как у Бодлера. Слишком человеческое, следовательно — животное.* — Ср. заглавие книги Ф. Ницше: «Человеческое, слишком человеческое», а также «Слова пигмея» Акутагавы Рюноске: «Человеческое, слишком человеческое — большей частью нечто животное» (перевод Н. Фельдман). У Бодлера подобных слов не найдено.

С. 48. *З-заехали в «Авс... Австорию»... В «Аустерию», понял?* — Вайнгартен имеет в виду «Асторию», ресторан напротив Исаакиевского собора, называвшийся ленинградцами «австория» или «аустерия» на манер петровских времен.

С. 49. *Кто чай пьет — тот отчается...* — Поговорка времен раскола: «Кто чай пьет, тот отчается, а кто каву пьет, тому будут ковы». Упоминается в романе А. Н. Толстого «Петр Первый»: «Чай кто пьет — отчается... Кто кофей пьет — у того на душе ков...» (кн. 2, гл. 1, главка 2).

С. 49. *Инвариантность относительно сумасшествия.* — От «инвариант относительно преобразования» — свойство или числовая характеристика объекта, остающиеся неизменными при этом преобразовании.

С. 49. *Анфан терибль* — enfant terrible, «ужасный ребенок» (фр.) — человек, не стесняющий себя ни светскими правилами, ни приличиями, способный нарушить чинность беседы, поставить ее участников в неловкое положение.

С. 49. *«Пиковая дама»* — возможно, конфеты названы по заглавию повести А. Пушкина или одноименной оперы П. Чайковского.

С. 50. *Ты ведь астроном, — продолжал он укоризненно. — Ты ведь должен знать про основной парадокс ксенологии... / — Ну, знаю, — сказал я. — Всякая цивилизация в своем развитии с высокой вероятностью... / — И так далее, — прервал он меня. — Мы неизбежно должны наблюдать следы их деятельности, но мы этих следов не наблюдаем.* — Ксенология — наука, занимающаяся изучением нечеловеческого разума. Описанный выше парадокс иногда называют также парадоксом Ферми — существует легенда, что он сформулировал его в 1950 г. за обедом с коллегами-физиками.

С. 51. *...постарайся отказаться от эпициклов...* — Здесь: отказаться от привычных представлений; эпициклы — понятие геоцентрической модели Птолемея: малые круги, по которым равномерно движутся планеты, центры которых, в свою очередь, движутся по большому кругу.

С. 51. *...веревка есть вервие простое.* — Измененная цитата из басни И. Хемницера «Метафизический ученик» (редакция В. Капниста: «Метафизик»): «Веревка! — Вервие простое!»

С. 52. *Вечеровский вводил понятие Гомеостатического Мироздания...* — **БНС**, офлайн-интервью от 23.12.2001: *Вопрос:* Вами описана гипотеза Гомеостатического Мироздания и вытекающий из нее Закон Сопротивления Природы Процессу Ее Познания. В книге гносеологические перспективы человечества мрачны. Относитесь ли Вы всерьез к этой теории сейчас, спустя 26 лет? Или это для Вас с АНС было просто квазинаучный литературный образ или развитие «Законов Мерфи», например? *Ответ:* Разумеется, для нас это был не более чем «фантастико-философский фон», на котором разыгрывалась вполне реалистическая советская история — интеллигентов, которых душит власть. **БНС**, офлайн-интервью от 13.07.2004: *Вопрос:* ЗМЛДКС: было ли это скрытое описание власти нашей страны того времени (в том смысле, что ни у кого не было свободы, и люди не могли заниматься тем, чем они действительно хотели заниматься; и власти просто боялись, что кто-нибудь узнает что-то важное и компрометирующее их)? *Ответ:* Да, так оно и есть. Конфликт, описанный авторами в ЗМЛДКС, взят из реальной жизни того времени, — когда люди вынуждены были жить и работать под непрерывным воздействием неодолимой и тупой силы (олицетворяемой пресловутыми «органами»), подчиняться этой силе, зависеть от нее всецело, принимать Причастие Буйвола (как писал Генрих Белль). Так что эта повесть на самом деле — притча, «современная сказка», где вместо ГБ — таинственное и

всесильное Гомеостатическое Мироздание, а вопрос один, главный, совсем не сказочный: «Как вести себя под непереносимым давлением, чтобы остаться порядочным человеком?»

С. 52. *Закон необывания энтропии противоречит гомеостазису мироздания и поэтому является законом частичным, а не всеобщим. Дополнительным по отношению к этому закону является закон непрерывного воспроизводства разума.* — Представление о противостоянии разума (чаще говорят — информации) закону необывания энтропии не является изобретением АБС и относится не к физике, а введено философами в начале XX века в попытках преодолеть «тепловую смерть Вселенной», вывод о которой был сделан из Второго начала термодинамики.

С. 52. *Сандалить* — здесь: натирать что-либо.

С. 52. *Сказали мне, что эта дорога меня приведет к океану смерти, и я с полпути повернул обратно. С тех пор всё тянутся передо мною кривые глухие окольные тропы.* — Ёсано Акико, «Трусость». Перевод В. Марковой («(...) повернула вспять. (...)»)

С. 54. *...не стоит одной Иркиной морщинки.* — Ср. императив из романа Ф. Достоевского «Братья Карамазовы»: «Да не стоит она [истина. — Сост.] слезинки хотя бы одного только того замученного ребенка!» (ч. 2, кн. 5, гл. 4).

С. 55. *Как захотим, так и сделаем.* — Восходит к рефрену персонажа романа И. Ильфа и Е. Петрова «Золотой теленок» Никиты Пряхина: «Как пожелаем, так и сделаем» (ч. 2, гл. 21).

С. 56. *Число Вольфа* — показатель солнечной активности, зависящий от количества солнечных пятен и их групп в день наблюдения.

С. 57. *Мерхлюндия* — мерлехлюндия — слово, встречающееся в пьесах А. Чехова, например, «Иванов» (действ. 1, сц. 2), «Три сестры» (действ. 1). Значение этого слова Чехов пояснял в письме к А. Суворину от 24 августа 1893 г.: «...у Вас нервы подгуляли и одолела Вас психическая полуболезнь, которую семинаристы называют мерлехлюндией».

С. 58. *Шаланды, полные кефали* — песня из к/ф «Два бойца», слова В. Агатова, музыка Н. Богословского.

С. 58. «ПМГ» — подвижная милицейская группа.

С. 59. *Если не знаешь, что делать, (...) не делай ничего.* — Совет из «Наставления космонавту» из рассказа А. Кларка «Лето на Икаре». Перевод Л. Жданова.

С. 59. *...готовый к смерти и к посмертной славе.* — Аллюзия на строки В. Маяковского: «...готовые и к смерти / и к бессмертной славе». «Во весь голос», первое вступление к поэме.

С. 59. *Лучше (...) умереть стоя, чем жить (...) на коленях...* — Д. Ибаррури, речь в Париже 3 сентября 1936 г.

С. 60. *Эмоции (...) это недостаточность информации...* — См. серию статей и книгу П. Симонова «Что такое эмоция?» (журнал «Наука и жизнь», 1965, №№ 3–5; М.: Наука, 1966).

С. 60. *Атос, Портос и Арамис* — персонажи трилогии о мушкетерах А. Дюма-отца.

С. 60. *Живой пес лучше мертвого льва...* — Книга Екклесиаста: «Кто находится между живыми, тому есть еще надежда, так как и псу живому лучше, нежели мертвому льву» (гл. 9, ст. 4).

С. 60. *Вербатим* — *verbatim*; здесь: дословно (*лат.*).

С. 61. *Право первородства, чечевичная похлебка* — Книга Бытия (гл. 25, ст. 27–34).

С. 61. *Дон Кихот* — персонаж одноименного романа М. де Сервантеса Сааведры.

С. 62. *Морген, морген, нур нихт хойте.* — «Завтра, завтра, не сегодня». Цитирована строка стихотворения Х. Вейса «Отсрочка».

С. 65. *«Лучше гор могут быть только горы...»* — Строка песни В. Высоцкого «Прощание с горами» из к/ф «Вертикаль».

С. 65. *...под яркой пятисотсвечевой лампой...* — Свеча — единица измерения силы света; 500 свечей соответствует 500 ваттам мощности. Столь мощные лампы в быту как правило не употреблялись.

С. 67. *То ли мы действительно так хорошо воспитаны временем, страной...* — Представления о том, что советский человек, воспитанный при социализме, особенно хорош в моральном и нравственном отношении, вполне искренне разделялись значительной частью населения СССР.

С. 67. *«Не ходите туда, Уормолд. Вас хотят отравить».* — Цитата из романа Г. Грина «Наш человек в Гаване»: «Не ходите туда, мистер Уормолд. (...) Они хотят вас там отравить» (ч. 5, гл. 3, глава 2). Перевод Е. Голышевой и Б. Изакова.

С. 67. *Картуз черного пороха* — зарядный картуз — специальная оболочка, сделанная из сырцового шелка, плотной хлопчатобумажной, ацетатной или другой ткани, мешок, обычно цилиндрической формы, в котором размещается метательный заряд артиллерийских и минометных выстрелов.

С. 68. *Прозит!* — *Prosit* — застольное пожелание «За ваше здоровье!» (*лат.*).

С. 68. *...«Ахтамар», очень редкий в наших широтах армянский коньяк с легендой.* — Легенда — о любви принцессы Тамары к прекрасному юноше, утонувшему в суровых водах озера Ван со словами «Ах, Тамар».

- С. 68. *А ля гер ком а ля гер* — À la guerre comme à la guerre — На войне как на войне (фр.).
- С. 68. *Запорожец* — самый дешевый малолитражный автомобиль советского производства.
- С. 69. *Станем травой и кустами, станем водой и цветами...* — Ср.: «Мы стали кустами, стволами, листвою, корнями, корою...». У. Уитмен, «Мы двое, как долго мы были обмануты». Перевод К. Чуковского.
- С. 70. *...Ньютон впал в толкование Апокалипсиса...* — Observations Upon the Prophecies of Daniel and the Apocalypse of St. John (1733), русский перевод: Ньютон И. Замечания на книгу пророка Даниила и Апокалипсис св. Иоанна. — Петроград: Новое время, 1915.
- С. 70. *Примерно то же самое было с изучением радиоактивности, грозовых разрядов, с учением о множественности обитаемых миров...* — Одна из первых исследователей явления радиоактивности Мария Склодовская-Кюри умерла от лучевой болезни; исследователь атмосферного электричества Георг Рихман погиб от разряда молнии; автор гипотезы о множественности обитаемых миров Джордано Бруно был сожжен по приговору инквизиции.
- С. 71. *«Он умел бумагу марать под треск свечки! Ему было за что умирать у Черной реки...»* — Цитата из стихотворения Б. Окуджавы «Счастливчик».

Аркадий Стругацкий, Борис Стругацкий. Без оружия

Машинопись из папки «Пьеса, сценарии».

Написано в июле 1976 г.

Первые публикации — журнальная: Народное творчество (М.). — 1991. — №№ 7–11; книжная: Киносценарии. — М.: ООО «Фирма “Издательство АСТ”»; СПб.: Terra Fantastica, 1998. — (Миры братьев Стругацких; [Т. 13]).

С. 71, 72. *Румата; Арканар* — имя персонажа и название страны восходят к раннему творчеству АБС.

С. 71. *Штурмовики* — от термина «штурмовые отряды» (сокращенно «СА»), полувоенные соединения Национал-социалистической партии в Германии 1920–1940 гг.

С. 71. *То были дни, когда я познал, что значит: страдать; что значит: стыдиться; что значит: отчаяться.* — Л. Фейхтвангер, «Испанская баллада», ч. 3, гл. 3 (М.: Изд-во иностр. лит., 1958). Перевод Н. Касаткиной и И. Татариновой. Обработка Фейхтвангера («Das waren die Tage, da ich erfahren habe, was es heißt: leiden, was es heißt: sich schämen, was es heißt: verzweifeln») перевода «Письма Абеяра другу» или «Первого письма Абеяра» в издании В. Фреда («Die Briefe von Abälard und Heloise». Herausgegeben und eingeleitet von W. Fred. Leipzig: Insel Verlag, 1911): «Das waren die Tage, in denen ich erfahren habe, was Leiden sind, was Schämen heißt, wohin einen Verzweiflung treiben kann». Оригинальная латинская цитата из Абеяра: «Quanto autem dolore aestuarem, quanta erubescencia confunderer, quanta desperatione perturbarer; sentire tunc potui, proferre non possum». Использовано в ТББ в качестве первого эпиграфа.

С. 71. *Должен вас предупредить вот о чем. Выполняя задание, вы будете при оружии для поднятия авторитета. Но пускать его в ход вам не разрешается ни при каких обстоятельствах. Ни при каких обстоятельствах. Вы меня поняли?* — Э. Хемингуэй, «Пятая колонна», акт 1, сц. 3. Перевод Е. Калашниковой и В. Топер. Использовано в ТББ в качестве второго эпиграфа.

С. 71. *Спаси, спаси нас! Нам бы хоть как-нибудь да пожить!* — Цитата из романа А. Н. Толстого «Аэлита»: «“Спаси, говорят, спаси нас”... Цепляются... “Нам, говорят, хоть бы как-нибудь да пожить. Пожить!..”» (глава «Контратака»).

С. 72. *«Летят утки»* — русская народная песня.

С. 73. *...потребуется (...) напряжения совести.* — Автоцитата из ГЛ.

С. 74. *Рэба* — **БНС**, офлайн-интервью от 27.05.2002: ...изменена только фамилия министра охраны короны [В пьесе — канцлера. — Сост.] — дон Рэбия стал доном Рэба. Мы сделали это после замечания Ефремова о том, что «дон Рэбия — это уж слишком прозрачно». Мэтр был прав, конечно.

С. 85. *Это о них сказано: пока склонены их вшивые головы над работой, не убивай их, но при всем том не давай им и жить.* — Принцип японского правителя Токугавы Иэясу: «хякусэ коросадзу икасадзу» — «не убивай мужика, но и не давай ему жить». Использовано также в ЭВП.

С. 87. *А я-то думал, что ты у нас дурак!* — Автоцитата из ПНВС.

С. 98. *Белеет парус одинокий...* — Зачин стихотворения М. Лермонтова «Парус».

С. 100. *Право, у мужчин такие странные вкусы...* — Вероятно, скрытая цитата из романа Джека Лондона «Сердца трех»: «Неужели у мужчин такие странные вкусы...» (гл. 18). Перевод И. Базиланской.

С. 119. *Тогда, господи, сотри нас с лица земли и создай заново более совершенными... или еще лучше, оставь нас и дай нам идти своей дорогой.* — **БНС**, офлайн-интервью от 20.06.2004: Вопрос: Наткнулся на интересное совпадение. Цитата номер один: «Если бы бог спросил современного социалиста, — желаешь ли ты, чтобы я немедленно, без всяких усилий со стороны

страдающего человечества, даровал ему экономическое блаженство, то социалист ответил бы ему: творец, оставь блаженство себе, а страдающему и мыслящему человечеству, современному пролетариату позволь освободиться собственными силами, дай ему возможность прийти к доступному для него счастью путем борьбы, развивающей его ум и возвышающей его нравственность. Завоеванное такой борьбой, его счастье будет не только несравненно полнее: оно будет также гораздо прочнее» (Г. В. Плеханов). Цитата номер два: «...Тебе виднее, всемогущий. Сделай тогда просто так, чтобы люди получили все и не отбирали друг у друга то, что ты дал им. — И это не пойдет людям на пользу, — вздохнул Румата, — ибо когда получают они все даром, без труда, из рук моих, то забудут труд, потеряют вкус к жизни и обратятся в моих домашних животных, которых я вынужден буду впредь кормить и одевать вечно... — Тогда, господи, сотри нас с лица земли и создай заново более совершенными... или, еще лучше, оставь нас и дай нам идти своей дорогой...» (А. и Б. Стругацкие). Вопрос: созвучие приведенных отрывков имеет под собой какое-нибудь объективное основание или является случайным? *Ответ:* Видимо, мировоззрения цитируемых авторов в значительной мере совпадают. Что отнюдь не удивительно: убежденные материалисты, атеисты, марксисты, в конце концов.

С. 123. *«никто не даст нам избавленья, ни бог, ни царь и ни герой...»* — «Интернационал», музыка П. Дегейтера, стихи Э. Потье, перевод А. Коца.

С. 125. *Теперь не уходят из жизни... ~ И есть ли у спрута сердце...* — **БНС**, офлайн-интервью от 29.06.2003: *Вопрос:* ...кто является автором стихотворения «Теперь не уходят из жизни...» из «Трудно быть богом»? Когда оно написано? *Ответ:* Сочинил его БН. Специально для романа. Примерно в 1963 году.

Из архива

Аркадий Стругацкий, Борис Стругацкий. Встреча миров

Черновой вариант сценария научно-публицистического фильма из папки «Рабочие записи АНС 1974–1976 гг.»

Написано в 1975 г. См. в т. 17 записи от 15.09 и 16.09.71 и заметки по «Встрече миров» на отдельных страницах в рабочем дневнике АБС 1971–1987 гг., а также письма АНС от 31.12.71 (т. 17), 11.11.72 (т. 18), 21.04.75, письма БНС от 3.01, 24.04, 5.05.75, записи в дневниках АНС 1971–1973 гг. (от 21.09, 7.11, 26–28.12.71 (т. 17), 5.01, 24.06, 4.09, 21.11.72 (т. 18), 9–12.02.73 (т. 19) и 1974–1977 гг. (от 6.01, 8.01, 11.04, 1.06, 27–30.09, 1–11.10.75, 12.01.77 (т. 22)).

Публикуется впервые.

С. 131. *...осенью сорок четвертого на Балатоне...* — С 29 октября 1944 г. войска 2-го и 3-го Украинских фронтов проводили Будапештскую операцию между озером Балатон и Дунаем.

С. 131. *С оливковой, значит, ветвью.* — По Библии, оливковая ветвь принесена Ную голубем в знак того, что гнев Бога на людей стих и Всемирный потоп прекратился (Бытие, гл. 8, ст. 11); ныне оливковая ветвь является символом мира.

С. 134. *Леонид Леонов правильно отметил: всегда владела человеком темная и жадная надежда выиграть истину через интуицию, кратчайшим путем.* — Цитата из романа «Дорога на Океан», гл. «Он едет на Океан».

С. 134. *В проеме показывается Пришелец. Он о двух ногах и о четырех руках.* — Ср. описание пришельца Константина в СОТ.

С. 134. *...оркестр урезывает (...) марш.* — Реминисценция романа М. Булгакова «Мастер и Маргарита» (ч. 1, гл. 12).

С. 136. *Жалко птичку* — цитата из к/ф 1967 г. «Кавказская пленница», реж. Л. Гайдай.

С. 136. *Им зеркало требуется! Об этом Лем в свое время писал.* — «Не нужно нам других миров. Нам нужно зеркало» — С. Лем, «Солярис», перевод Д. Брускина, глава «Малый апокриф».

С. 139. *...искры, из которых только спустя тысячелетия суждено было возгореться пламени...* — Аллюзия на строку стихотворения А. Одоевского «Струн вещей пламенные звуки...»: «Из искры возгорится пламя». Строка являлась эпиграфом к заголовку ленинской подпольной газеты «Искра».

С. 139. *Серв* — крепостной крестьянин, находившийся в личной зависимости от феодала.

С. 139. *Срединная империя* — то есть Китай.

С. 139. *И не нашлось ни одного гордого, кто бы сказал: «Уйди от нас, оставь людей в покое, мы сами разберемся в своих делах», и не нашлось ни одного доброго, который бы попросил: «Устрой мир так, чтобы все были сыты и счастливы, и чтобы никто больше не мог унижать и разорять других...»* — Ср. диалог Будаха и Руматы в ТББ.

С. 140. *«Никто не даст нам избавленья — ни бог, ни царь и ни герой»* — см. примечание к с. 123.

Аркадий Стругацкий. [Подборка об исчезновении Евг. Сазонова для «Литературной газеты»]

Рукопись из папки «Рабочие записи АНС 1974–1976 гг.».

Написано 21 мая 1976 г.

Публикуется впервые.

С. 140. *Евг. Сазонов* — вымышленный персонаж 16-й страницы «Литературной газеты», «людоед и душелюб».

С. 140. *...не без привкуса дешевой сенсационности...* — Пародируется стиль советской прессы, писавшей о прессе «буржуазной».

С. 141. *...ослиную челюсть, которой некий первобытный христианин избил батальон филистимлянских латников.* — Аллюзия на Библию, Книга Судей: «...Филистимляне с криком встретили его ~ Нашел он свежую ослиную челюсть и, протянув руку свою, взял ее, и убил ею тысячу человек. И сказал Самсон: челюстью ослиною толпу, две толпы, челюстью ослиною убил я тысячу человек» (гл. 15, ст. 14–16).

С. 141. *В Мастодонтовой пещере (США, штат Невада)...* — Вариация именованной самой протяженной пещеры в мире — Мамонтовой пещеры, находящейся в США в штате Кентукки.

С. 141. *[Изображение большой буквы «С», перечеркнутой горизонтальной стрелкой.]* — Буква «С», перечеркнутая диагональной чертой — символ московского футбольного клуба «Спартак», часто появлявшийся в столице в виде настенных граффити.

С. 141. *[Изображение букв «WC», перечеркнутых горизонтальной стрелкой.]* — Направление, в котором находится ближайший туалет.

С. 141. *«Эллери Куин»* — вымышленная газета по имени псевдонима американских писателей Ф. Деннея и М. Ли.

Варианты рукописей и изданий

«За миллиард лет до конца света»

С. 143. *...принимать Причастие Буйвола (как писал Генрих Бёльль).* — «Причастие буйвола» — выражение из романа «Бильярд в половине десятого». Перевод Л. Черной.

С. 144. *...слова А. Белинкова: «...если ничего нельзя сделать, то нужно все видеть, все понимать, не дать обмануть себя и ни с чем не соглашаться».* — Цитата из книги «Юрий Тынянов» (М.: Сов. писатель, 1965).

С. 144. *В письме БНС брату от 6 апреля 1973 года...* — Переписку и дневники за 1973 г. см. в т. 19.

С. 145. *Спруты Спиридоны.* — Отсылка к СОТ.

С. 145. *Союз Девяти* — см. примечание к с. 35.

С. 146. *...Ньютон — пойман на Апокалипсис...* — См. примечание к с. 70.

С. 146. *...Ферма никогда не доказывал своей теоремы, почерк не его...* — Речь идет о заметках на полях «Арифметики» Диофанта издания 1621 г. к вопросу 8 Книги 2, в которых содержится формулировка Великой теоремы Ферма.

С. 148. *...у Б. Окуджавы из трех предполагавшихся отрывков использован один («Он умел бумагу марать...»).* — См. примечание к с. 71.

С. 150. *Секешфехервар* — город в Венгрии.

С. 150. *Ящик* — см. примечание к с. 7.

С. 150. *Гедонист* — здесь: любитель и ценитель чувственных удовольствий.

С. 150. *Транзистор* — здесь: малогабаритный транзисторный радиоприемник.

С. 151. *Феддинг* — см. примечание к с. 68, 70.

С. 151. *ИЗРАН* — см. примечание к с. 30, 33.

С. 152, 180. *«Конформное отображение»* — см. примечание к с. 4.

С. 154. *Фальстаф* — Джон Фальстаф — персонаж пьес У. Шекспира «Генрих IV» и «Виндзорские насмешницы».

С. 154. *Анаэробные* — организмы, живущие при отсутствии свободного кислорода.

С. 154. *«Семейные дела Гаюровых»* — двухсерийный к/ф 1975 г. к/с «Таджикфильм», авторы сценария А. Стругацкий, Ф. Ниязи, режиссер В. Ахадов.

С. 154. *15 марта 1974 года БНС пишет брату письмо...* — Переписку и дневники за 1974 г. см. в т. 20.

С. 155. *Ведь есть же еще порох в пороховницах.* — Цитата из повести Н. Гоголя «Тарас Бульба», гл. 9.

С. 155. *«Я хочу говорить то, что я думаю...»* — Материал см. в разделе публицистики т. 29.

С. 157. *...«М<ихаилу> Х<ейфецу> дали 4+2».* — То есть 4 года заключения и 2 года ссылки.

- С. 158. *Лосось в собственном поту...* — См. примечание к с. 6.
- С. 159. *Мы поговорили о Моне Лизе...* — В апреле–июне 1974 г. картина Леонардо да Винчи «Мона Лиза» («Джоконда») экспонировалась в Пушкинском музее Москвы.
- С. 160. *Тонтон-макут* — см. примечание к с. 14, 18.
- С. 161. *Функции Гартвига* — см. примечание к с. 6, 7.
- С. 162. *Рольмопс* — см. примечание к с. 33, 36.
- С. 162. *...перекрестился с явно выраженным католическим акцентом.* — См. примечание к с. 33.
- С. 162. *Там, понимаешь, оба «маврикия», чистые...* — «Розовый Маврикий» и «Голубой Маврикий» — одни из самых редких и ценных почтовых марок.
- С. 162. *Клеммташ* — двухслойные полоски пленки, предназначенные для размещения марок и др.
- С. 163. *«Деван лезанфан!..»* — *Devant les enfants* — перед детьми <этого не говорят> (фр.).
- С. 166. *Картуз черного пороха* — см. примечание к с. 67.
- С. 166. *У меня секретов нет, слушайте, детишки.* — Цитата из стихотворения В. Маяковского «Что такое хорошо и что такое плохо?»
- С. 167. *Число Вольфа* — см. примечание к с. 56.
- С. 167. *...постарайся отказаться от эпициклов...* — См. примечание к с. 51.
- С. 168. *Никто не помыл и ничто не помыто...* — См. примечание к с. 3.
- С. 168. *...и водрузил над Землею что-нибудь славное...* — См. примечание к с. 37.
- С. 169. *Большой дом* — разговорное именование здания в Ленинграде, ныне — в Санкт-Петербурге (Литейный проспект, 4), в котором с 7.11.1932 располагаются управления органов госбезопасности по городу и области.
- С. 170. *...«с обратной транскриптазой, она же РНК-зависимая ДНК-полимераза, она же просто ревертаза, это такой фермент в составе онкорнавирусов».* — См. примечание к с. 31.
- С. 172. *Мерихлюндия* — см. примечание к с. 57.
- С. 172. *«Вполсвиста»* — см. примечание к с. 12.
- С. 174. *Бог природы коварен, но не злонамерен* — восходит к изречению А. Эйнштейна: «*Raffiniert ist der Herrgot, aber boshaft ist er nicht*» — «Бог коварен, но не злонамерен» (нем.).
- С. 174. *«Достаточно безумная теория»* — см. примечание к с. 41.
- С. 174. *Главлит* — в 1970-е г. полное название: Главное управление по охране государственных тайн в печати при Совете министров СССР; фактически — цензура.
- С. 174. *В дневнике АНС есть несколько записей, имеющих к этому прямое отношение. 18 апреля 1977 года...* — Переписку и дневники за 1977 г. см. в т. 22.
- С. 175. *...АНС писал брату уже тремя годами позже, 26 мая 1980 года...* — Переписку и дневники за 1980 г. см. в т. 24.
- С. 175. *Цирцея* — см. примечание к с. 9.
- С. 179. *...27 декабря 1978 года АНС записывает...* — Переписку и дневники за 1978 г. см. в т. 23.

«Без оружия» («Трудно быть богом» для театра и кино)

- С. 183. *...АНС написал брату 26 августа 1963 года...* — Переписку и дневники за 1963 г. см. в т. 7.
- С. 183, 185. *Румата; Арканар* — см. примечание к с. 71, 72.
- С. 184. *Вот дневниковая запись БНС, сделанная 25 мая 1968 года...* — Переписку и дневники за 1968 г. см. в т. 14.
- С. 184. *...понесла уже с Волги и с Дону...* — **БНС, 11.06.2006**: «Нести с Волги и с Дону» — поговорка, означающая «болтать о том, о сем, о разном и всё не по делу». Ходила у нас в семье издавна, откуда взялась, — не помню.
- С. 184. *«Это же все про Чехословакию и Польшу написано!..»* — Речь идет о «пражской весне» — попытках реформ в Чехословакии, закончившихся вводом войск Варшавского договора 21 августа 1968 г., и о волнениях в Польше в июне 1956 г.
- С. 185. *Большая Круглая Печать* — аллюзия на СОТ.
- С. 185. *17 марта 1969 года БНС пишет брату...* — Переписку и дневники за 1969 г. см. в т. 15.
- С. 185. *Фамилию я его забыл ~ фильм по Амосову...* — К/ф 1968 г. «Степень риска» по мотивам повести Н. Амосова, реж. И. Авербах.
- С. 185. *«Туманность»* — к/ф 1967 г. «Туманность Андромеды» по одноименному роману И. Ефремова, реж. Е. Шерстобитов.
- С. 185. *28 апреля 1970 года АНС пишет...* — Переписку и дневники за 1970 г. см. в т. 16.
- С. 185. *Еще одну попытку (...) 16 июня 1971 года упоминает БНС...* — Переписку и дневники за 1971 г. см. в т. 17.

- С. 186. *БНС пишет 2 ноября 1972 года...* — Переписку и дневники за 1972 г. см. в т. 18.
- С. 186. *...право экранизации на Западе стоит очень дорого — по крайней мере, судя по литературе, каждый писатель, продавши право на экранизацию своего опуса, немедленно покупает виллу.* — Возможно, речь об Э. Хемингуэе либо Ф. Саган, продавших право экранизации романов «По ком звонит колокол» и «Здравствуй, грусть!» соответственно за рекордные для своего времени суммы и потративших их среди прочего и на покупку вилл.
- С. 186. *Мертвые не кусаются* — цитата из романа Р. Стивенсона «Остров сокровищ».
- С. 187. *Штурмовик* — см. примечание к с. 71.
- С. 187. *«Быть или не быть?»* — Монолог Гамлета из одноименной трагедии У. Шекспира (акт 3, сц. 1).
- С. 187. *Рэба* — см. примечание к с. 74.
- С. 189, 190. *Абеляр* — имеется в виду эпитафия к ТББ, см. примечание к с. 71.
- С. 189, 191, 192. *Хемингуэй* — имеется в виду эпитафия к ТББ, см. примечание к с. 71.
- С. 189. *Кудета* — **БНС, 14.03.2008**: Это от французского «*Coup d'Etat*» (кажется, так пишется) — государственный переворот.
- С. 190, 198, 228. *Спаси, спаси нас! Нам бы хоть как-нибудь да пожить!* — См. примечание к с. 71.
- С. 191. *Жакерия* — крестьянское восстание во Франции в 1358 г.
- С. 192, 219. *Никто не даст нам избавленья, ни бог, ни царь и ни герой...* — См. примечание к с. 123.
- С. 192. *Ни гласа (...) ни воздыхания...* — От «Не бе гласа, ни послушания»; церковнославянский текст Третьей книги Царств (гл. 18, ст. 26).
- С. 196. *Гиганда* — реалити-шоу ПИП, но здесь имеется в виду планета, на которой происходит действие ОО, впоследствии (в ЖВМ и ВГВ) названная Саракшем.
- С. 197. *Совет Галактической Безопасности* — ср. с «Комиссия галактической безопасности» в ОО.
- С. 198, 227. *То были дни, когда я познал, что значит: страдать; что значит: стыдиться; что значит: отчаяться...* — См. примечание к с. 71.
- С. 198, 228. *Должен вас предупредить вот о чем. Выполняя задание, вы будете при оружии для поднятия авторитета. Но пускать его в ход вам не разрешается ни при каких обстоятельствах. Ни при каких обстоятельствах. Вы меня поняли?* — См. примечание к с. 71.
- С. 202. *Белеет парус одинокий / В тумане моря голубом. / Что ищет он в стране далекой...* — См. примечание к с. 98.
- С. 208. *...бросали самодельные бомбы в царей.* — Император Александр II был убит членами организации «Народная воля» в Санкт-Петербурге на набережной Екатерининского канала с помощью самодельных метательных снарядов.
- С. 214, 233. *Повторилась история с капитаном Рэмом; Ночь длинных ножей.* — В так называемую «Ночь длинных ножей» 30 июня 1934 г. Э. Рем, глава штурмовых отрядов, соратник А. Гитлера, был арестован по его приказу и на следующий день убит в камере.
- С. 217. *Тогда, господи, сотри нас с лица земли и создай заново более совершенными... или, еще лучше, оставь нас и дай нам идти своей дорогой.* — См. примечание к с. 119.
- С. 221, 228. *Теперь не уходят из жизни... ~ И есть ли у спрута сердце...* — См. примечание к с. 125.
- С. 222–223. *...«Это о них сказано: пока склонены их вшивые головы над работой, не убивай их, но при всем том не давай им и жить» (...) о них же сказано: пока склонена их нечесаная голова над работой, не убивай их, но при всем том не давай и жить.* — См. примечание к с. 85.
- С. 225. *В записях есть также схема...* — См. с. 12 вклейки.
- С. 232. *Селитра, сера, уголь.* — Ингредиенты для изготовления пороха.
- С. 237. *...7 января 1981 года, в письме соавтору АНС поясняет...* — Переписку и дневники за 1981 г. см. в т. 25.
- С. 237. *...АНС записал 26 ноября 1984 года...* — Переписку и дневники за 1984 г. см. в т. 26.
- С. 237. *...фильм (...) АНС понравился, и после предварительного просмотра 3 ноября 1989 года он написал...* — Переписку и дневники за 1989 г. см. в т. 28.
- С. 238. *Будетляне* — неологизм В. Хлебникова.
- С. 238. *Вот запись в дневнике АНС 28 ноября 1987 года...* — Переписку и дневники за 1987 г. см. в т. 28.

Публицистика

Опубликованное

1975 год

Аркадий Стругацкий. Завтра утром выпадет снег

Интервью АНС редакции газеты «Молодой дальневосточник» 20.11.75, записанное Ю. Шамаковым. См. запись от 21.11.75 в дневнике АНС 1974–1977 гг.

Публикуется по изданию: Молодой дальневосточник (Хабаровск). — 1975. — 29 нояб.

С. 240. В выпуске «Фанта» этого года мы уже публиковали интервью с А. Н. Стругацким, присланное по нашей просьбе Иланом Полоцком, ведущим «Клуб любителей фантастики» на страницах латвийской газеты «Советская молодежь». — Румата делает выбор / Вел интервью Ил. Полоцк // Молодой дальневосточник (Хабаровск). — 1975. — 22 марта.

С. 240. ...«Фантастика — это литература о столкновении вчерашнего человека с завтрашним днем, который он сегодня творит». Автор этой формулировки не я, а известный литературный критик, доктор исторических наук Бестужев-Лада. — Фактически это положение высказано самими АБС в статье «О фантастике» (см. раздел публицистики т. 9; там же см. материалы «Набросок выступления на симпозиуме в Марианских Лазнях» и рецензию на рукопись Г. Гуревича «Карта Страны Фантазий»).

С. 240. ...формулировку Лема — задача фантастики в том, чтобы подготовить человека к чудесам грядущего. — Реминисценция заключительных слов романа С. Лема «Солярис»: «...не прошло время ужасных чудес». Перевод Д. Брускина.

С. 241. ...давний спор между «физиками» и «лириками»... — Дискуссия в прессе и в обществе проходила в 1959-м — начале 1960-х гг. Наиболее яркое художественное воплощение дискуссия получила в стихотворении Б. Слуцкого «Физики и лирики» («Что-то физики в почете. / Что-то лирики в загоне»).

С. 241. «Приключения тела» — возможно, отсылка к ОО.

С. 241. Горбовский — персонаж ПХХИВ, ДР, Б, М, а также будущих ЖВМ и ВГВ.

С. 241. Антон-Румата — персонаж ТББ.

С. 242, 260. Хиппи — представители протестной философии и субкультуры 1960–1970-х гг.

С. 242, 261. «Гитлерюгенд» — юношеская организация национал-социалистической партии Германии, существовала в 1926–1945 гг.

С. 242. ...«Завтрака для чемпионов» Курта Воннегута, опубликованного в журнале «Иностранная литература»... — Иностран. лит. (М.). — 1975. — №№ 1, 2.

С. 243. «Афоня» — к/ф 1975 г., реж. Г. Данелия.

Аркадий Стругацкий. Времена чудес добрых и «жестоких»

Интервью АНС журналисту газеты «Тихоокеанский комсомолец» М. Никитину.

Публикуется по изданию: Тихоокеанский комсомолец (Владивосток). — 1975. — 23 дек.

С. 243. <Заглавие> — см. примечание к с. 240.

С. 243. НТР — научно-техническая революция.

С. 244. ...говоря словами Лема, должны не только «рассуждать о будущих розах»? — Цитата из гл. 1 «Суммы технологии».

С. 244. Вспомните, каких усилий стоило спасти от загрязнения Байкал. — Борьба против загрязнения Байкала началась не позднее 1958 г. и продолжается по настоящее время.

С. 244. Писать мы начали... на пари. — **БНС**, «Комментарии к пройденному»: «...историческое пари было заключено, скорее всего, летом или осенью 1954 года, во время очередного отпуска АН, когда он с женой приезжал в Ленинград».

С. 244. В 1956 году, после демобилизации из армии, я был у брата в Ленинграде. — Как известно из учетно-послужной карточки, АНС демобилизовался в мае 1955 г.

С. 244. Она называлась «Пепел Бикини» и была опубликована в журнале «Дальний Восток», в 6-м номере за 1956 год. — Фактически — в номере 5.

С. 244. Маугли — персонаж книг Р. Киплинга «Книга джунглей» и «Вторая книга джунглей», а также нескольких экранизаций и мультфильмов.

С. 244. «Гаргантюа и Пантагрюэль» — роман Ф. Рабле.

С. 244. «Дон-Кихот» — роман М. Сервантеса де Сааведра.

С. 245. В «Попытке к бегству» узник фашистского концлагеря Саул Репнин... — **БНС**, «Комментарии к пройденному»: «Тогда мы придумали эпилог, в котором Саул Репнин бежит из

СОВЕТСКОГО концлагеря и заодно переименовали название на «Попытку к бегству». Этот номер у нас, впрочем, тоже не прошел — концлагерь пришлось все-таки переделать в немецкий (по настоятельному требованию начальства в «Молодой гвардии»).

С. 245. *Курт Воннегут, «Колыбель для кошки»* — Воннегут К. Колыбель для кошки. — М.: Мол. гвардия, 1970.

С. 245. *Курт Воннегут, «Бойня № 5»* — Воннегут К. Бойня номер пять, или Крестовый поход детей // Новый мир (М.). — 1970. — №№ 3, 4.

1976 год

Аркадий Стругацкий. Глазами фантаста

Интервью АНС журналисту газеты «Труд» С. Пархомовскому.

Публикуется по изданию: Труд (М.). — 1976. — 10 янв.

С. 246. *Всесоюзное совещание по приключенческой и научно-фантастической литературе* — состоялось в Москве 6–8.01.1976. Приведенное выше интервью АНС «Глазами фантаста» взято на этом совещании.

С. 246. «*Встречи миров*» — фильм снят не был. Текст варианта сценария «Встреча миров» см. в разделе «Из архива».

Аркадий Стругацкий. Послушная стрелка часов

Интервью АНС журналистам газеты «Комсомольская правда» Г. Жаворонкову и Л. Загальскому. См. письмо АНС от 5.04.76.

Публикуется по изданию: Комсомольская правда (М.). — 1976. — 20 марта.

С. 246. *Число Вольфа* — см. примечание к с. 56.

С. 247. *Княжество Гоа* — государство в Индии в XVI веке, штаб-квартира тогдашних португальских колоний в Южной Азии.

С. 247. *Человек в 14–16 лет звучит для себя гордо...* — Реминисценция слов Сатина из пьесы М. Горького «На дне»: «Чело-век! (...) Это звучит... гордо!» (акт 4).

С. 247. *...я точно уверен, не будет «проблемы» длины волос и юбок.* — В те годы у молодежи были модны длинные волосы у юношей и короткие юбки у девушек. Советские организации, занимавшиеся воспитанием молодежи, периодически проводили кампании по борьбе с этими и другими тенденциями моды.

С. 248. *...просидеть целый вечер в маленьком кафе под вывеской «У Бори и Аркаши» в городе Бологое — точно посередине между Москвой и Ленинградом. В кафе, где были написаны книги «Трудно быть богом», «Понедельник начинается в субботу», «Пикник на обочине», «Шесть спичек», «Улитка на склоне» и еще многие другие...* — Многие читатели не поняли шутки и решили, что кафе действительно существует. См. в разделе публицистики т. 20 материал «Румата делает выбор» и примечание к нему.

С. 248. *Капитан Немо* — персонаж романов Ж. Верна «Двадцать тысяч лье под водой» и «Таинственный остров».

Аркадий Стругацкий, Борис Стругацкий. А + Б = Ф

Ответы БНС на вопросы корреспондента газеты «Ленинские искры» Д. Даниловой (Погорелой).

Машинопись из папки «Письма читателей, 1975–1982 г.». Письмо Даниловой с вопросами — от 28.01.76. Ответы БНС — от 3.02.76. См. письма БНС от 6.02.76, 30.03.76, 9.04.76 и письмо АНС от 5.04.76.

Публикуется по изданию: Ленинские искры (Л.). — 1976. — 24 марта.

Сокращенные в публикации ответы БНС приведены в подстраничных сносках.

С. 249. «*Неделя детской книги*» — ежегодное мероприятие, посвященное популяризации книг для детей, проводимое с 1943 г. во время весенних каникул школьников.

С. 249. «*Война миров*», «*Остров доктора Моро*» — заглавия романов Г. Уэллса.

С. 249. «*РУР*» — заглавие пьесы К. Чапека.

С. 249. *Жестокие чудеса грядущего* — см. примечание к с. 240.

С. 250. *В таджикском журнале «Памир» печаталась приключенческая сказка «Экспедиция в преисподнюю» С. Ярославцева. Манера письма, многие ее герои, проблемы, стоящие в этой сказке, — все напоминает Ваши произведения. Что Вы об этом можете сказать? / Ничего.* — АБС длительное время хранили тайну псевдонима АНС.

С. 250. *Атос, Портос и Арамис* — см. примечание к с. 60.

С. 250. ...*один из школьников, прочитав Ваш «Пикник на обочине», придумал игру «Зона»...* — На первой Ленинградской научно-технической конференции школьников, проходившей во Дворце пионеров им. Жданова в 1976 г., ученик школы № 366 Борис Федуков сделал доклад об игре «Зона», придуманной им по прочтении ПНО.

С. 251. *«Борьба миров»* — вариант перевода заглавия романа Г. Уэллса «Война миров» (The War of the Worlds).

С. 251. *«Великое кольцо»* Ивана Ефремова — реалити романа «Туманность Андромеды».

С. 252. ...*обсуждающих так называемую «Проблему SETI»* — (сокращение от Search for Extraterrestrial Intelligence, что означает «Связь с внеземным разумом»). — Фактически, SETI переводится как «Поиск внеземного разума», а указанная БНС программа «Связь с внеземным разумом» обозначается сходной аббревиатурой CETI — «Communication with Extraterrestrial Intelligence».

С. 252. *Маугли* — см. примечание к с. 244.

С. 252. *Маленький принц* — персонаж одноименной повести А. де Сент-Экзюпери.

Аркадий Стругацкий, Борис Стругацкий. От чего не свободна фантастика...

Интервью БНС корреспонденту журнала «Литературное обозрение» Г. Силиной.

См. письма БНС от 23.09.75, 22.02, 9.04, 13.08 и 21.09.76.

Публикуется по изданию: Литературное обозрение (М.). — 1976. — № 8.

С. 253. ...*стихи, выписанные им из книги «Страна багровых туч»...* — С. Королевым были выписаны следующие строки из СБТ (они же — строфа стихотворения БНС «Ты слышишь печальный напев кабестана...»): «...В предутренний ветер, в ненастное море, / Где белая пена бурлит, / Спокойные люди в неясные зори / Уводят свои корабли...» Источник: Апенченко Ю. Путь в будущее. Наш спецкор передает с космодрома // Правда (М.). — 1970. — 3 июня.

С. 254. *Отделять «плевелы от злаков»* — отсылка к Евангелию (от Матфея, гл. 13, ст. 24–30).

С. 254. *«Пиши только о том, что знаешь хорошо», формулируется для писателя-фантаста в точности так же, но с маленьким добавлением: «...либо о том, чего никто не знает».* — Использовано в ХС: «...писать должно либо о том, что ты знаешь очень хорошо, либо о том, чего не знает никто».

С. 255. *Главное для человека не в космических безднах, а на Земле...* — Возможно, автор письма цитирует Жилина, персонажа повести «Стажеры» («Главное — на Земле»).

С. 256. *«Мы с мужем высоко ценим вашу литературную деятельность и вашу нравственную позицию», — говорит читательница Орлова из Москвы.* — Строки из письма Р. Орловой, в котором она послала АНС анкету (см. материал «Ответ Р. Орловой»). Р. Орлова — литературовед и правозащитница, муж Орловой — литературовед, переводчик и правозащитник Л. Копелев.

Борис Стругацкий. Путешествие в фантастику

Интервью БНС корреспонденту газеты «Смена» О. Любину.

См. письмо БНС от 9.04.76.

Публикуется по изданию: Смена (Л.). — 1976. — 14 авг.

С. 257. *В одной из статей известного фантаста Станислава Лема содержится признание, что для него главная проблема будущего — это вопрос о сосуществовании двух разумов: человеческого и нечеловеческого, биологического и искусственно созданного интеллекта.* — См. эссе «Моим читателям» («Нева», 1975, № 7).

С. 258. ...*высказывание знаменитого американского писателя Айзека Азимова, который сказал, что для современного фантаста не так интересно написать роман о том, как был изобретен автомобиль (представьте на минуту, что его еще предстоит изобрести), как о том, во что это изобретение выльется.* — Asimov I. Future? Tense! // The Magazine of Fantasy and Science Fiction, June 1965.

Аркадий Стругацкий. Новые человеческие типы

Выступление на «круглом столе» редакций журналов «Вопросы литературы» и «Вопросы философии», состоявшемся в период 11–15.05.76 и посвященном проблеме «Взаимодействие науки и искусства в условиях НТР». См. письмо АНС от 15.05.76.

Текст публикуется по изданию: Вопросы литературы (М.). — 1976. — № 11.

С. 259. *Сравнительно недавно маститые моралисты были убеждены, что как только массовый человек будет полностью удовлетворен материально, он неизбежно и*

автоматически начнет отдавать все силы беспредельному духовному развитию. Но оказалось, что это не так. — Опровержению этого представления посвящены, в частности, главы 4 и 5 «истории второй» ПНВС и — особенно — ХВВ.

С. 260. «Черное лицо досуга» — ср. в УНС: «Вот тогда-то, как сказал поэт, и повернется к нам черное лицо досуга...». Несмотря на утверждение персонажа, это псевдоцитата.

С. 260. XXV съезд КПСС — проходил 24.02–5.03.1976.

Из архива

1975 год

Аркадий Стругацкий. [Рекламная листовка на «Парня из преисподней» для ВААП]

Рукопись из тетради с рабочими записями АНС 1974–1977 гг. Написано по просьбе Б. Клюевой для продвижения повести Стругацких за рубежом.

Датировано 2.01.1975. См. письмо АНС от 8.01.75, письмо БНС от 13.08.76, запись от 3.01.75 в дневнике АНС 1974–1977 гг.

Публикуется впервые.

С. 261. «Бэкграунд» — background — истоки, предыстория (англ.).

Аркадий Стругацкий. [Ответ Р. Орловой]

Ответ на анкету Р. Орловой, предназначенную для ее незавершенной монографии «Американские писатели и Россия». Машинопись из фонда Орловой в РГАЛИ.

Датировано 3.01.75. (Письмо с вопросами анкеты из папки «Письма читателей, 1965–1980 гг.» датировано 22.10.74.) См. запись от 3.01.75 в дневнике АНС 1974–1977 гг.

Публикуется впервые.

Борис Стругацкий. [Ответ на письмо читательницы С. Мордашевой, посланное в «Комсомольскую правду»]

Машинопись из папки «Письма читателей, 1960–1975 гг.».

Датировано 5.03.75. См. письмо БНС от 25.02.75 и письмо АНС от 2.03.75.

Публикуется впервые.

С. 263. *Моральный кодекс строителя коммунизма* — свод принципов коммунистической морали, вошедший в тексты Третьей Программы КПСС и Устава КПСС, принятых XXII съездом (1961 г.).

С. 263. *...ядерная катастрофа, благодаря усилиям правительств СССР и США, становится сейчас все менее вероятной...* — Речь о «разрядке напряженности» — политических процессах во взаимоотношениях СССР и США с конца 1960-х гг. (когда был достигнут ядерный паритет) до конца 1970-х гг.

Аркадий Стругацкий. Рецензия на роман К. Такахаси «Сосуд печалей»

Рукопись из тетради «Рабочие записи 1974–1976 гг.».

Датировано 20.10.75. См. записи от 20.10 и 23.10.75 в дневнике АНС 1974–1977 гг.

Публикуется впервые.

Перевод романа Такахаси Кацуми не был опубликован.

С. 264. *Дело «Бардл против Пиквика»* — отсылка к роману Ч. Диккенса «Посмертные записки Пиквикского клуба».

С. 264. *Акакий Акакиевич* — персонаж повести Н. Гоголя «Шинель».

С. 264. *...и только враги согласились меж собою погубить и погубили его...* — Оборот «согласились между собою» восходит к Книге пророка Даниила: «Все князья царства, заместники, сатрапы, советники и военачальники согласились между собою, чтобы сделано было царское постановление и издано повеление, чтобы, кто в течение тридцати дней будет просить какого-либо бога или человека, кроме тебя, царь, того бросить в львиный ров» (гл. 6, ст. 7).

С. 265. *...отделить плевелы от злаков...* — См. примечание к с. 254.

С. 265. *...он — у разбитого корыта.* — Мотив «Сказки о рыбаке и рыбке» А. Пушкина.

1976 год

Борис Стругацкий. Выступление на секции научно-фантастической и научно-художественной литературы на тему «Национальное и интернациональное в современной научно-фантастической литературе»

Фрагмент стенограммы заседания секции научно-фантастической и научно-художественной литературы ЛО СП СССР 15 марта 1976 г. из папки «Статьи о нас (неопубликованное)».

Публикуется впервые.

С. 265. *Нам казалось, что пигмеи с Конго — это будут хорошо развитые люди.* — Отсылка к ПХХІІВ; одним из персонажей повести является биолог и охотник доктор Мбога, пигмеем из Конго (новелла «Благоустроенная планета»).

С. 266. *...национальную по форме, социалистическую по содержанию...* — Формула И. Сталина из Политического отчета Центрального комитета XVI съезду ВКП(б).

Аркадий Стругацкий. Стенограмма выступления на «круглом столе» «Взаимодействие науки и искусства в условиях НТР» в редакции журнала «Вопросы литературы»

Машинопись из тетради «АНС. Рабочие записи, 1974–1976».

Стенограмма совместного «круглого стола» редакций журналов «Вопросы литературы» и «Вопросы философии». Приводится только выступление АНС. Авторизованный текст этой стенограммы, датированный АНС 8.06.76, послужил основой опубликованного варианта — «Новые человеческие типы».

Публикуется впервые.

Борис Стругацкий. [Об интернационализме в фантастике]

Машинопись из папки «Статьи о нас (неопубликованное)». Переработанный текст выступления БНС на секции научно-фантастической и научно-художественной литературы ЛО СП СССР 15 марта 1976 г.

Датировано 30.07.76.

Публикуется впервые.

С. 268. «*Восток*» — именование первой серии советских одноместных космических кораблей. Пилотируемые полеты осуществлялись с 12.04.1961 («Восток-1») по 14–19.06.1963 («Восток-5» и «Восток-6»).

С. 268. «*Джемини*» — англ. «Gemini» — именование второй серии двухместных космических кораблей США. Пилотируемые полеты осуществлялись с 23.03.1965 («Джемини-3») по 11.11.1966 («Джемини-12»).

С. 268. *До исторической стыковки «Союза» и «Аполлона» оставалось ждать еще 20 лет.* — Стыковка состоялась 17 июля 1975 г.

Аркадий Стругацкий. Отзыв на научно-фантастическую повесть «Река Галис» Р. Подольного

Рукопись из тетради «Рабочие записи 1974–1976 гг.».

Датировано 9.09.76. См. записи от 7.09, 8.09 и 10.09.76 в дневнике АНС 1974–1977 гг.

Публикуется впервые.

Повесть Р. Подольного была опубликована в журнале «Памир» (1977, №№ 2–7).

С. 268. «*В этом что-то есть*» — отсылка к расхожей шутке о трех стадиях знакомства с новой гипотезой: «Это полная ерунда!», «В этом что-то есть...», «Ну кто же этого не знает!».

Письма. Дневники. Записные книжки

Аркадий Стругацкий, Борис Стругацкий. Переписка, 1975–1976

Письма АБС — как машинописные, так и рукописные. Часть писем не датирована. Такие письма датировались составителями, что отмечено в нижеследующих примечаниях. В этом же

разделе помещено письмо БНС матери. Фамилии персоналий, именованных кратко, даются прямо в тексте письма в угловых скобках.

Первая публикация — Стругацкие. Материалы к исследованию. Письма, рабочие дневники. 1972–1977. — Волгоград: ПринТерра-Дизайн, 2012.

С. 270–271. *Точка зрения крайних оптимистов (...) с неизбежностью контакт приведет к обмену информацией, взаимопомощи, взаимному ускорению прогресса разных миров. ~ встретившись со сверхцивилизацией, далеко обогнавшей человечество на пути прогресса (...) земляне только выиграют во всех отношениях — человечество совершит гигантский технологический скачок, само выйдет в межзвездные просторы и окажется способным, может быть, даже разрешить свои социально-политические противоречия сегодняшнего времени.* — Эту точку зрения АБС критически рассматривали в СОТ.

С. 271. *С точки зрения крайних пессимистов контакт человечества со сверхцивилизацией — это трагедия безнадежного, бесперспективного сопротивления, гибели земной культуры и низведения человечества до уровня рабочих животных, а может быть, и мясного скота.* — «Мягкий» вариант такого Контакта изображен АБС в ВНМ.

С. 271. *...контакт с Разумом, эволюция которого сильно отличалась от человеческой, например — с биологической цивилизацией...* — Такого рода контакт изображен АБС в ПХХІІВ, новелла «Благоустроенная планета».

С. 271. *Этология* — наука, исследующая врожденное поведение, инстинкты.

С. 272. *Некто Дарко Сувин из университета МакГилл (Канада) прислал оттиск своей статьи «Литературные произведения братьев Стругацких», напечатанной в журнале «Кэнэдиен-Эмерикен Слэйвик Стадиз», VIII, 3 — Suvin D. The Literary Opus of the Strugatskii Brothers. — Canadian-American Slavic Studies. — 1974. — Volume 8. — Issue 3.*

С. 272. *НичеГё — БНС, 17.07.2010:* Словечко «ничеГё» придумано было и имело хождение у нас в ГАО, в компании 18-й комнаты. Кто придумал, теперь уже и не вспомнить. По-моему, оно плавно перешло в реальность из известного анекдота: «...А не испить ли нам кофейкЮ, граф?.. ОтчегЁ же...»

С. 272. *Есть ли еще порох в пороховницах?* — См. примечание к с. 155.

С. 272. *Знаю, что писать тебе противопоказано...* — См. запись в дневнике АНС от 6.02.75.

С. 272. *Каждый день печатаю по несколько страниц главы из ГО для «Невы».* — Публикация не состоялась.

С. 273. *Завьязка, кульминация, развьязка* — БНС иронизирует над стандартной драматургической схемой.

С. 273. *...принесли бандероль — польское издание «Малыша».* — Koniec akcji «Arka» / Przeł. I. Lewandowska. — Warszawa: Iskry, 1975. — Пол. яз. — Загл. ориг.: Малыш.

С. 273. *...выпускать в пейпербеках...* — То есть в мягких обложках.

С. 273. *Вчера выступал у нас тов<арищ> Ю. Медведев. Как он пел — о достойнейший из учеников Базиля!* — **БНС, 13.02.2007:** Имеется в виду Василий («Базиль») Захарченко, тогдашний главред «Техники — молодежи» — великий демагог и оратор, убежденный враг реалистической фантастики и ярый друг идеи «фантастика должна быть фантастична».

С. 273. *Трижды или более он во всеуслышание объявил о том, что в этом году выходит сборник Стругацких в таком-то составе.* — Речь о сборнике «Неназначенные встречи». Сборник вышел только в 1980 г.

С. 274. *...дело наше все-таки правое.* — Ср.: «Наше дело правое. Враг будет разбит. Победа будет за нами». В. Молотов, выступление по радио 22 июня 1941 г.

С. 275. *А кандидат филнаук — это, по-видимому, та самая (...), которая написала о нас вонючую статейку в журнале не то «Детская лит<ература>, не то «Русский язык» — помнишь?* — Н<аталья> М<ихайловская>. Несообразности в фантастике: Несколько замечаний о стиле А. и Б. Стругацких // Русская речь (М.). — 1972. — № 6.

С. 275–276. *...пришли дополнительные экзы ТББ из США, а также — к моему огромному изумлению — два экз издания в Англии, изд<ательств>во Эйр Мэтюэн Лимитэд...* — Hard to be a God / Transl. by W. Ackerman. — NY: DAW Books, 1974; Hard to be a God / Transl. by W. Ackerman. — London: Eyre Methuen, 1975. — Англ. яз. — Загл. ориг.: Трудно быть богом.

С. 276. *Аркадий — брату, 23 мая 1975...* — Датировка составителей.

С. 276. *Волгоградский фестиваль* — международный фестиваль антифашистского фильма.

С. 276. *Был просмотр (самый первый) моего таджикского фильма...* — «Семейные дела Гауровых»; см. примечание к с. 154.

С. 277. *По'л?* — **БНС, 11.06.2006:** «По'л?» — разговорное, полублатное «понял?».

С. 278. *С Пекелисом еще хуже.* — Речь о покупке марок, см. письмо АНС от 18.09.75.

С. 278, 289. *...ни гласа, (...) ни воздыхания...; ...ни гласа, ни послушания...* — См. примечание к с. 192.

С. 278. *Труд, завещанный мне богом...* — Реминисценция драмы А. Пушкина «Борис Годунов»: «Еще одно, последнее сказанье — / И летопись окончена моя, / Исполнен долг, завещанный от бога / Мне грешному» (сцена «Ночь. Келья в Чудовом монастыре»).

С. 278. *Труд, завещанный мне богом, я благополучно закончил...* — БНС, не называя заглавия, говорит об окончании работы над чистой рукописью ГО. См. подраздел «Варианты рукописей и изданий» т. 19.

С. 279. *Я там не стал мудрствовать лукаво...* — «Не мудрствуя лукаво» — цитата из той же сцены драмы А. Пушкина «Борис Годунов».

С. 279. *...купил за сертификаты новую машинку, голландскую.* — Сертификаты, они же — чеки Внешторгбанка или Внешпосылторга служили средством оплаты в сети специализированных магазинов «Березка». За них можно было приобрести товары, отсутствовавшие в свободной продаже в СССР, в частности — импортные.

С. 279. *Но для чего же...* — Оборот «для чего же» у АБС восходит к «Страшной мести» Н. Гоголя: «Для чего же не любить свинины? — сказал Данило. — Одни турки и жида не едят свинины» (гл. 4).

С. 279. *Клемташ* — или «клеммташ» — см. примечание к с. 162.

С. 279. *Звонили из Детгиза, предлагают написать около листа для второго сборника «Вслух о себе»...* — Вслух про себя. Сборник статей и очерков советских детских писателей. Кн. 1. — М.: Дет. лит., 1975. (Вторая книга сборника вышла в 1978 г.)

С. 279. *...как они дошли до жизни такой...* — Возможно, реминисценция стихотворения Н. Некрасова «Убогая и нарядная»: «Как дошла ты до жизни такой?»

С. 279. *САО АН СССР* — Специальная астрофизическая обсерватория.

С. 279. «*ЦЕТИ*» — русская транслитерация аббревиатуры «СЕТИ», то есть «Communication with extraterrestrial intelligence» — общение (связь) с внеземным разумом (*англ.*).

С. 280. *А благодаря кого? Благодаря брата и соавтора!* — Реминисценция романа И. Ильфа и Е. Петрова «Двенадцать стульев», ч. 1, гл. 13.

С. 280. *Благодару и ура!* — «Благодару (или «брагодару») и ура» — цитата из письма к АБС от их японского переводчика Ииды Норикадзу.

С. 280. *...было болгарское издание «Отеля...».* — Хотелът «При загиналия алпинист» / Прев. Р. Узунова. — Пловдив: Издательство «Хр. Г. Данов», 1973. — Болг. яз. — Загл. ориг.: ОТЕЛЬ «У Погибшего Альпиниста».

С. 280. *ЛитОбоз* — «Литературное обозрение» — литературно-критический журнал СССР и России, выходивший в 1973–2000 гг.

С. 280. *8 дён* — В. Высоцкий, «Марш космических негодяев»: «От Земли до Беты восемь дён».

С. 280. *Путешествие из П<етербур>га в Москву.* — Заглавие книги А. Радищева.

С. 281. *...темно в глазах и как-то все до лампочки.* — Цитата из песни А. Галича «Больничная цыганочка»: «...А я стою — темно в глазах, / И как-то все до лампочки...»

С. 281. *...форсируй как-нибудь свой контакт с «Неманом». Очень хочется понять, есть там хоть какие-нибудь шансы или такой же нуль, как и везде.* — Ср. запись от 26.06.75 в дневнике АНС 1974–1977 гг.: «Следует предложить Макаёнку ЗМЛДКС».

С. 281. *Люблю со вкусом позавидовать.* — Ср. в ПХХІІВ «Даже не на что со вкусом посмотреть» (новелла «Благоустроенная планета»), что, в свою очередь, является отсылкой к роману И. Ильфа и Е. Петрова «Двенадцать стульев»: «Но посидеть у вас со вкусом абсолютно не на чем» (ч. 1, гл. 8).

С. 281. «*Дипломатический церемониал и протокол*» — Вуд Дж., Серре Ж.-Ш. Дипломатический церемониал и протокол. Принципы, процедура и практика. — М.: Прогресс, 1974.

С. 282. *В основу своего выступления положу наши предположения насчет возможных целей пришельцев и предложу немедленно прекратить посылы сигналов в космос. На ближайшую сотню лет.* — Ср. обращение Вунокова к Пришельцу Константину в СОТ.

С. 283. *Аматер* — от фр. «amateur», любитель.

С. 283. *...будет с нами как с елочкой, которая высокая и стройная в лесу себе росла, а после много-много радостей детишкам принесла.* — Цитируются строки детской песни «В лесу родилась елочка». Слова Р. Кудашевой, музыка Л. Бекмана.

С. 283. *Пеньензы* — pieniądze — деньги (*польск.*).

С. 284. *Загадки, бля! Тайны!* — Вероятно, подражание строкам песни В. Бахнова «Коктебля».

С. 284. *Ипекакуана* — растение, называемое также рвотным корнем.

С. 284. *Аркадий — брату, 9 октября 1975...* — Датировка составителей.

С. 284. «*Зеркало*» — к/ф 1974 г., реж. А. Тарковский.

С. 284. *Нужны нам эти условия как прыщи на голове у невесты.* — Реминисценция рассказа И. Бабеля «Отец».

С. 285. *Перечитываю рецензии, набираюсь национального самосознания. Уже тошнит, но еще не рвет.* — Автоцитата из ГЛ.

С. 288. *...ДоУ на эстонском языке...* — «Hukkunud Alpinisti» hotell / Tõlk. M. Varik. — Tallinn: Eesti Raamat, 1975. — Эстон. яз. — Загл. ориг.: Отель «У Погибшего Альпиниста».

С. 288. «*Ленинские искры*» — название в 1924–1992 гг. газеты для детей и подростков, органа Ленинградского обкома и горкома ВЛКСМ и Ленинградского совета пионерской организации.

С. 289. *Эксперимент-студия, объединение Райзмана* — вероятно, имеется в виду Экспериментальное творческое объединение, созданное в 1965 г. под руководством Г. Чухрая; Ю. Райзман возглавлял Третье творческое объединение с конца 60-х гг., сначала вместе с М. Роммом и единолично после смерти последнего.

С. 289. *...я встретился с неким Эриком Симоном все из того же «Дас Нойе Берлин». (...)* *Привез мне экз ДР в их издании.* — Der ferne Regenbogen / Übers. v. A. Möckel. — Berlin: Verlag Das Neue Berlin, 1971. — Нем. яз. — Загл. ориг.: Далекая Радуга.

С. 289. *Коекакеры* — неологизм Стругацких. Впервые использован в «Стажерах». Использован также в ОЗ.

С. 290. *...Бритиков разразился еще одной статьей об основаниях фантастики.* — Возможно, речь о следующей статье: Бритиков А. Что скрывается за кризисом современной фантастики // Современная литературно-художественная критика. Актуальные проблемы. — Л.: Наука, 1975.

С. 290. *Перед самым съездом...* — XXV съезд КПСС, 24.02–5.03.1976.

С. 291. *Прочитал в НФ отрывки из нового романа Альтова о коммунизме.* — Альтов Г. Третье тысячелетие: отрывок из повести / НФ: Альманах научной фантастики. Выпуск 14. — М.: Знание, 1974.

С. 291. «*Человек-компьютер*» *Крайтона* — одноименный авторский сборник в серии «Зарубежная фантастика» (М.: Мир, 1975).

С. 293. *Прилагаю вырезку из «Ленинских искр».* — См. в разделе публицистики материал «А + Б = Ф». См. также примечание к с. 288.

С. 294. *В Швеции вышла ТББ.* — Svårt att vara gud / Övers. S. C. Swahn. — Malmö: Bernce, 1975. — Швед. яз. — Загл. ориг.: Трудно быть богом.

С. 294. *...Солоницыным (?), игравшим Андрея Рублева...* — К/ф «Андрей Рублев», 1966 г., реж. А. Тарковский.

С. 294. *...восхитительный телефильм «Буратино»...* — «Приключения Буратино» — т/ф 1975 г. по сказке А. Н. Толстого «Золотой ключик, или Приключения Буратино», реж. Л. Нечаев.

С. 294. *Здорово интервьюшка в «Комсомолке» работает! А тут еще беседа с космонавтом Гречко, опубликованная в «Соц<иалистической> индустрии», подоспела.* — См. в разделе публицистики материал «Послушная стрелка часов»; Гречко Г. Книги моей мечты // Соц. индустрия (М.). — 1976. — 28 марта.

С. 294. *Ямщик, не гони лошадей...* — Романс Я. Фельдмана на слова Н. Риттера.

С. 298. *Смелков допустил в статье ошибку: приписал Детгизу книгу Тупицына, которая там никогда не издавалась.* — Смелков Ю. Мир фантастики: Лит. заметки // Правда (М.). — 1976. — 8 мая. Строго говоря, упоминание Ю. Смелковым в этой статье романа Ю. Тупицына не относится исключительно к книгам, выпущенным издательством «Детская литература». Оно связано с его критикой вторичных научно-фантастических произведений. Ко времени публикации статьи роман Тупицына «Далийский вариант» вышел только в журнальном издании («Урал», 1975, №№ 8–10).

С. 298. *...на круглом столе в Волгях...* — Имеется в виду журнал «Вопросы литературы».

С. 299. *А я при сем — председателем.* — Перефразировка анекдота об А. Суворове «Сожалею, что не присутствовал при сем хотя мичманом».

С. 300. *Бог природы коварен, но не злонамерен* — см. примечание к с. 174.

С. 300. «*Достаточно безумная теория*» — см. примечание к с. 41.

С. 300. *Аркадий — брату, 1 июня 1976...* — Датировка составителей.

С. 300. *Большой ЦК* — то есть ЦК КПСС (в отличие от ЦК ВЛКСМ).

С. 302. *...прислал ТББ на французском и СБТ, изданную в Зап<адном> Берлине. За исключением выходных данных и текста на обложке, это — почти точная копия ГДРского издания «Атомвулкан Голконда».* — Il est difficile d'être un dieu / Trad. par B. du Crest. — Paris: Denoël, 1973. — Фр. яз. — Загл. ориг.: Трудно быть богом; Atomvulkan Golkonda / Übers. v. W. Berger. — Berlin-Schöneberg: Gebrüder Weiss Verlag, [1962]. — Нем. яз. — Загл. ориг.: Страна багровых туч.

С. 302. *Я тут всю сдаю экзамены на аттестат зрелости.* — Имеются в виду выпускные экзамены в школе, сдававшиеся сыном БНС Андреем.

С. 302–303. *Кто-то чрезвычайно ловко и элегантно почти целиком уничтожил влияние статьи в «Правде».* — См. примечание к с. 298.

С. 303. *Как я заметил, в отчетном докладе Маркова, вопреки ожиданиям, ни слова о фантастике. Может быть, и это — результат поганых писем? (...) Ни одна газета, ни Президиум Съезда копий фальшивки не получили, либо скрывают от нас. Сотруднику «Комсомолки», который сообщил мне и показал фальшивку, видимо влетело «за разглашение редакционной тайны».* — Подразумевается отчетный доклад первого секретаря СП СССР Г. Маркова на 6-м Съезде писателей СССР (21–25.06.76). Речь о распространении перед съездом подложных писем от лица АБС в адрес ЦК КПСС, СП СССР и ряда центральных газет о намерении эмигрировать из страны в случае, если их произведения не будут печатать. АНС обратился к руководству СП и в КГБ СССР с требованием защитить их доброе имя и найти автора фальшивки.

С. 306. *Для чего же ты зовешь меня мудаком? Только турки да жида зовут меня мудаком.* — См. примечание к с. 279.

С. 307. *Снимаю пенсне и смотрю поверх* — вероятно, отсылка к анекдоту.

С. 307. *Огромное тебе спасибо за кофе!* — Со второй половины 1970-х гг. кофе в СССР был дефицитом, несмотря на резкое его подорожание.

С. 308. *Но он как был, так и остался.* — «Каким ты был, таким остался» — зачин одноименной песни И. Дунаевского на слова М. Исаковского из к/ф «Кубанские казаки».

С. 308. *...в польской «Пионерской правде» печатается наш «ПиП»...* — Публикация перевода И. Левандовской «Сћлорак z przedpiekla» в варшавской газете «Świat Młodych» длилась с 29 мая по 24 июля 1976 г.

С. 308. *Идея о цели существования человечества: здание искусства.* — Ср. идею Храма в ГО.

С. 308. *Найти способ без танков сохранить разговор об «углублении».* — Имеется в виду следующий диалог в одном из вариантов сценария «Сталкер»: «Неужели пятнадцать километров? — говорит Профессор. — Я и представления не имел, что можно так углубиться. / — Можно. Углублялись. Сейчас вот туман разгонит, увидишь, как они тут углубились».

С. 310. «Фантом» — F-4 «Фантом» — американский истребитель.

С. 311. *...чего-нибудь приличного.* — Аллюзия на фразу из фельетона И. Ильфа и Е. Петрова «Пташечка из Межрабпомфильма» «Батрачка Ганна кует чего-то железного». Часто использовалась АБС. Например, в статье «Собратья по перу, издатели, читатели...»: «В воображении возникает спецкор, который с жужжанием несется по эллипсу вокруг шахматного столика и творит чего-то профессионального» (т. 25). См. также в т. 17 рецензию АНС на роман А. Палея «Умом громам повелеваю»: «...ковать чего-то железного».

С. 312. *...нашему человеку в ВААПе.* — Перефразировка заглавия романа Г. Грина «Наш человек в Гаване».

С. 312. *Ньюзы* — то есть новости (от англ. news).

С. 314. «Не забудь про Козлова, мой мальчик!» — **БНС, 25.03.2007**: Цитата — из Киплинга: «Не забудь про подтяжки, мой мальчик!» Козлов, это, видимо, Вильям Козлов («Фрол Шекспир») — ленинградский писатель тех времен, и имеется в виду, кажется, какой-то с ним скандал, детали коего я не помню сейчас уже совсем. **Сост.**: Перефразировка рефрена из сказки Р. Киплинга «Откуда у кита такая глотка»: «Не забудь про подтяжки, мой мальчик!» (перевод К. Чуковского).

С. 314. *Читал в ЛитОбозе наш интервью...* — См. в разделе публицистики материал «От чего не свободна фантастика...».

С. 314. *Интервеев* — иронически искаженная транслитерация англ. interview.

С. 314. *Лешка Герман (...) Фильм его приняли...* — К/ф 1976 г. по военной прозе К. Симонова «Двадцать дней без войны».

С. 314. *...дали вторую категорию.* — Имеется в виду прокатная категория, характеризовавшаяся количеством изготавливаемых копий с оригинала. От категории зависело вознаграждение авторам фильма.

С. 314. *Dubulti* — Дубулты — район Юрмалы, Латвия.

С. 315. *Получил письмо из ФОЛЬК УНД ВЕЛЬТ — вышло второе издание ТББ, а также сборник ф<ант>асти<ки> под названием «Попытка к бегству» — по нашей вещи.* — Ein Gott zu sein ist schwer / Übers. v. A. Specht. — Berlin: Verlag Volk und Welt, 1976. — Нем. яз. — Загл. ориг.: Трудно быть богом; Fluchtversuch / Übers. v. D. Pommerenke // Fluchtversuch. — Berlin: Verlag Volk und Welt, 1976. — Нем. яз. — Загл. ориг.: Попытка к бегству.

С. 316. *...на несчастную «Аврору» свалилось новое бедствие: из 11–12-го номеров обкомовские цензоры сняли повесть Битова.* — «Птицы, или Новые сведения о человеке».

С. 316. *...гамбарэ-гамбарэ!* — что означает «держи хвост пистолетом». — Возможны также следующие переводы этой японской идиомы: делать все от тебя зависящее, проявлять

максимум энергии и настойчивости, упорствовать в достижении цели. Слова в кавычках — автоцитата из ПНО.

С. 317. ...*переменить название Хармонта (как намек на ближневосточные события (?))*... — Южные склоны горного массива Хермон были захвачены Израилем у Сирии в ходе Шестидневной войны 1967 года и позднее были провозглашены израильской территорией.

С. 317. ...*имя Мосол-Катюша (как содержащее намек на любимую в народе песню «Выходила, песню заводила»)*... — «Катюша», слова М. Исаковского, музыка М. Блантера.

С. 318. *И началась мясорубка. Их рубили вручную...* — Отсылка к роману Л. Леонова «Дорога на Океан»: «Туземных коммунистов рубили вручную...» (гл. «Мы проходим через войну»; в части редакций романа).

С. 318. ...*а также все, что понадобится впредь.* — Цитата из романа И. Ильфа и Е. Петрова «Золотой теленок», ч. 2, гл. 19.

Аркадий Стругацкий, Борис Стругацкий. Рабочий дневник, 1971–1987

Представлены записи в дневнике за 1975–1976 гг.

Первая публикация — Стругацкие. Материалы к исследованию. Письма, рабочие дневники. 1972–1977. — Волгоград: ПринТерра-Дизайн, 2012.

С. 320. *Салтыков-Щедрин. / «Прохаживаться по водочке».* — «Что этот самый Хватов будет заявлять претензию на вечную признательность сердца со стороны твоего внука! что он будет прохаживаться с ним по водочке, и наконец, в минуту откровенности, скажет ему «ты!»», «Дневник провинциала в Петербурге», гл. 3. Ниже цитаты также из «Дневника...».

С. 320. *«Проект о расстрелянии».* — «Недавно один из наших даже прожект о расстрелянии прислал — право!», «На другой день утром, вероятно в видах скорейшего вытрезвления, Прокоп принес мне знаменитый проект «о расстрелянии и благих оного последствиях», составленный ветлужским помещиком Поскудниковым». Глава 2 и сл.

С. 320. ...*«Хорошо бы 200 тыс. выиграть» и ушло»*... — «По временам даже удается иное схватить. Вот сейчас мелькнуло: хорошо бы двести тысяч выиграть — и ушло». Глава 3.

С. 320. *«Только те науки распространяют свет, кои способствуют выполнению начальственных предписаний».* — «Дабы предотвратить в столь важном предмете всякие разногласия, всего натуральнее было бы постановить, что только те науки распространяют свет, кои способствуют выполнению начальственных предписаний». Глава 3. Использовано в ХС и ПП.

С. 320. *«Де-сиянс академия».* — «О переформировании де сиянс академии». Глава 3. Академия де сиянс (от фр. «académie des sciences») — официальное название Российской академии в начале ее существования.

С. 320. *«Нет ничего для начальника обременительнее, как ежели он видит, что пламенности его положены пределы».* — «Следственно, чем менее ясны будут границы сего ведомства, тем лучше, ибо нет ничего для начальника обременительнее, как ежели он видит, что пламенности его положены пределы». Глава 3. Использовано в ПП.

С. 320. *«...такое время, когда даже в альбомы девицам ничего другого не писали, кроме: / О, Росс! О, род непобедимый! / О, твердокаменная грудь!»* — «Ибо как он ни мало развит, но все-таки понимает, что написать «Маланью» в такое время, когда даже в альбомы девицам ничего другого не писали, кроме: О Росс! о род непобедимый! О твердокаменная грудь! дело далеко не шуточное...» Глава 4.

С. 320. *Чел<ове>к, которого было опасно обижать.* — Будущая повесть ДСЛ.

С. 320. *Жовиален* — бодр, жизнелюбив, жизнерадостен. От jovial — веселый (фр.).

С. 322. ...*гугенотский псалом: «Явись, господь, и дрогнет враг».* — В синодальном переводе Библии — это псалом 67. Авторство его французского перевода приписывается Агриппе д'Обинье. Текст неоднократно цитируется в романах Г. Манна «Молодые годы короля Генриха IV» и «Зрелые годы...» (перевод романов В. Станевич, перевод псалма В. Микушевича).

С. 322. *Андрей — Анджей Галчинский. / Изя — Изяслав Шереметьев...* — Имена использованы впоследствии для публикации фрагмента ГО под названием «Экспедиция на Север».

С. 324, 332. *Комов* — один из сквозных персонажей АБС, действует в ПХИВ, М, ЖВМ и ВГВ.

С. 324. *Корней* — ранее — персонаж ПИП, позже упомянут в ЖВМ.

С. 325. ...*не будем повторять историю Железной Маски.* — Железная Маска — таинственный узник времен Людовика XIV, содержащийся в различных тюрьмах Франции и постоянно носивший бархатную маску (позднейшие легенды превратили эту маску в железную). Здесь: символ неизвестности и анонимности.

С. 326. *Камилл* — персонаж ДР.

С. 327. *Стервятник, Рэд* — персонажи ПНО.

- С. 327. *Ученый* — персонаж сценариев «Сталкер» и «Машина желаний».
- С. 327. *Дрожка* — реалия ХВВ.
- С. 327. *...ученый звонит Лоле...* — Лола — персонаж ГЛ; вероятно, планировалось использовать ее образ для создания образа жены Ученого.
- С. 328. *Пылевой чертик* — вероятно, калька с английской идиомы «dust devil», пылевой смерч. Выражение использовано также в ПНО.
- С. 328. *Виктор* — персонаж ГЛ.
- С. 328. *Пустышка* — реалия ПНО.
- С. 328. *Экспресс-лаборатория!* — Вероятно, возникла идея заменить бомбу, которую несет в Зону Ученый, на экспресс-лабораторию.
- С. 330. *На горе стоит кибитка* — / *Занавески новеньки.* / *Там живет интеллигент* — / *Его дела ...уевеньки* // — «*Абстрактный мир частушек — как картины С. Дали*». — Использовано в ПП.
- С.330–331. <*Запись от 27.09.76*>, <*запись БНС между встречами*> — **БНС**, «Комментарии к пройденному»: «Вот, скажем, запись в рабочем дневнике (26.09.1976). Подробный список имен действующих лиц, с указанием возраста и профессии — как бы для пьесы. ~ Ясно, что в те далекие поры, двадцать с лишним лет тому назад, основная ситуация задуманной повести была настолько нам очевидна, что мы даже не потрудились записать ее (не в первый и не в последний раз). А потом замысел был отставлен, и все благополучно позабылось». **Сост.**: Возможно, этот сюжет связан с одним из вариантов СНРО — сюжетом «Предательство человечества» (см. в т. 18 запись БНС между встречами 29.10.72 и 26.02.73). Но сюжет так и не был воплощен Авторами, лишь в ЖВМ были использованы имена Ван Блеркома и Махиросиноды, а отголосок сюжета — в ВГВ, в истории про убийства на острове Матуку.
- С. 331–336. <*Записи от 13.11.76 — 20.11.76*> — записи по замыслу «Возлюби дальнего» («Передышка щедрому»), позднее частично реализованному в ЖВМ.
- С. 332. *Горбовский* — см. примечание к с. 241.
- С. 332. *Вандерхузе* — персонаж М и впоследствии ЖВМ.
- С. 335. «*Ты — ассенизатор и водовоз, человечеством призванный и мобилизованный*». — Цитата из поэмы В. Маяковского «Во весь голос»: «Я, ассенизатор / и водовоз, / революцией / мобилизованный и призванный...» (первое вступление в поэму).
- С. 336. *Предыстория Максима: операция на Гиганде...* — См. примечание к с. 196.
- С. 336. *Рада, Островная Империя* — персонаж и реалия ОО.

Аркадий Стругацкий. Дневник, 1974–1977

Фрагмент дневника за 1975–1976 гг. Часть записей выполнена иероглифами. Составители признательны Н. Караеву за перевод с японского.

Публикуется впервые.

С. 337. *Б. получает машину!* — То есть подошла его очередь на право приобретения нового автомобиля в магазине по фиксированным ценам. Альтернативой весьма длительной очереди могли быть льготы, «блат» либо покупка по завышенной цене на вторичном рынке.

С. 337. *Ехать к Беле <Клюевой> в ВААП, везти листовку на ПиП.* — См. в разделе публицистики материал «Рекламная листовка на «Парня из преисподней» для ВААП».

С. 337. *General disinclination to the work of any sort.* — Общее нерасположение ко всякого рода труду (*англ.*). Цитата из гл. 1 повести Дж. К. Джерома «Трое в лодке, не считая собаки». Перевод М. Салье.

С. 338. *Заехал Голованов, подарил ему ОО, а Жоре — с напутствием — ВМ. Дай ему бог. Говорят, ему месяц летать.* — Вероятно, АНС был в курсе того, что Г. Гречко хотел взять в полет книгу АБС, и именно с этой целью подарил ему малоформатный «перевертыш». Однако в конечном итоге в космос «полетел» сборник 1964 г. с ДР и ТББ.

С. 338. *ТОЭ* — Теоретические основы электротехники.

С. 339. *Из «Памира» за № 11 гонорар...* — За ЭВП (печаталось в №№ 7–12 за 1974 г.).

С. 339. *В ночь с 10-го на 11-е полетел Гречко. Вчера совершили стыковку.* — Полет А. Губарева и Г. Гречко на космическом корабле «Союз-17» к орбитальной станции «Салют-4» (10.01–9.02.75).

С. 339. *Вчера в «Комс<омольской> правде» и в «Правде» опубликованы интервью с Жорой, где он хорошо говорил о нас. ДР и ТББ — первая книга, поднятая в Космос.* — Первый упомянутый материал: Голованов Я. Январский гром // Комс. правда (М.). — 1975. — 12 янв. Цитата из статьи: «Когда во время встречи с журналистами Георгия Гречко спросили о том, как экипаж «Союза-17» предполагает отдыхать, он немного опешил. До этого говорили только о работе, о программе, расписанной по виткам космической жизни. / — Я взял с собой книги братьев Стругацких — «Далекая Радуга» и «Трудно быть богом», но понимаю, что вряд ли у меня будет время их читать. Скорее, это дань уважения моим любимым писателям. Отдых — это сон и

перемена работы, пожалуй, так...». Второй упомянутый материал: Б. а. Первый старт года // Правда (М.). — 1975. — 12 янв. Цитата из статьи: «Гречко взял коллекцию марок (он страстный филателист) и книгу писателей-фантастов Стругацких, — как пояснил, “не для того, чтобы читать, но из уважения к авторам”».

С. 339. *Вчера получил от мамы 10 экз<емпляров> «Авроры»*. — Парень из преисподней // Аврора (Л.). — 1974. — №№ 11, 12.

С. 339. *Произвол Комитета*. — Имеется в виду Государственный комитет по делам издательств, полиграфии и книжной торговли при Совете министров СССР.

С. 339. *Миреровская книга, видимо, задерживается до 76-го года*. — Вероятно, речь о будущем издании: Мирер А. Дом скитальцев. — М.: Дет. лит., 1976.

С. 340. *«В августе 44-го»* — Богомолов В. В августе сорок четвертого... // Новый мир (М.). — 1974. — №№ 10–12.

С. 342. *Был Тарковский. (...) он САМ хочет ставить ПНА...* — Описка, следует читать «ПНО».

С. 342. *«Желтая субмарина»* — англо-амер. м/ф 1968 г., реж. Дж. Дэннинг.

С. 342. *Читаю «Двор» А. Львова*. — В рукописи. После эмиграции Львова в 1976 г. роман был опубликован на Западе, и лишь в 1992-м — в России.

С. 343. *Ленинская спираль*. — То есть диалектическое развитие по спирали. См. главку «Диалектика» статьи В. Ленина «Карл Маркс» (также — «Философские тетради»: конспект книги Г. Гегеля «Лекции по истории философии» и фрагмент «К вопросу о диалектике»).

С. 345. *О фельетоне на Краснобрыжего в «Крокодиле»*. — Вихрев А. Под развесистой липой // Крокодил (М.). — 1975. — № 15.

С. 346. *Выборы* — 15.06.1975 прошли выборы в Верховный Совет РСФСР и местные Советы депутатов трудящихся.

С. 346. *Скептик: Самое интересное в природе доступно только специалистам. То, что известно, — уже тем самым не интересно, и если кто-то увидит инопланетян — он не сможет довести это до сведения массы иначе, чем бестолково размахивая руками.* / (Б. Стругацкий) — может быть связано с ГО: «Дурак — тоже существо разумное. Сам не поймет — другим расскажет... Возьми, например, мифы! Как известно, дураков — подавляющее большинство, а это значит, что всякому интересному событию свидетелем был, как правило, именно дурак. Эрго: миф есть описание действительного события в восприятии дурака и в обработке поэта».

С. 347. *...о своих 3 листах редакции То Хоая*. — Речь о будущем издании: То Хоай. Западный край; Рассказы; Сказки. — М.: Прогресс, 1975. Редакторы романа «Западный край» — А. Стругацкий, М. Финогенова.

С. 347. *Ковпаковец* — то есть воевавший в партизанах под командованием генерала С. Ковпака.

С. 347. *...с продуктами здесь туго*. — Дефицит продуктов, особенно в провинциальных городках — обычное в СССР явление.

С. 350. *«Бесы»* — роман Ф. Достоевского.

С. 352. *«Семейные дела Гаюровых» прошло хорошо, в «Правде» 21-го о нем писали*. — Латифи О. Строителям Нурека посвящается // Правда (М.). — 1975. — 21 сент.

С. 352. *«Беседы с Сократом»* — пьеса Э. Радзинского.

С. 352. *БАМ* — Байкало-Амурская магистраль, железная дорога, строилась с большими перерывами в 1938–1984 гг.

С. 354. *Физтех* — Московский физико-технический институт (МФТИ).

С. 356. *Вчера вечером были в «Молодом дальневосточнике», беседовали с ребятами*. — См. в разделе публицистики материал «Завтра утром выпадет снег».

С. 357. *«Адам и Хева»* — к/ф 1969 г., реж. А. Коренев.

С. 357. *Встреча с другом не возвращает молодости*. — Цитата из романа Л. Леонова «Дорога на Океан»: «Беседа с другом не возвращает молодости» (глава «Курилов разговаривает»).

С. 358. *«Пионовый фонарь»* — Саньютэй Энтё. Пионовый фонарь / Перевод А. Стругацкого. — М.: Худож. лит., 1976. (Второе издание перевода; первое вышло в 1964 г.)

С. 358. *«Восточная проза»* — Сайкаку Ихара. И барабан цел, и ответчик не в обиде; В женских покоях плотничать женщине; Подсчитали — прослезились бы, да некому / Перевод А. Стругацкого // Классическая проза Дальнего Востока. — М.: Худож. лит., 1975. (Библиотека всемирной литературы, т. 17.)

С. 358. *ГАИШ* — Государственный астрономический институт им. П. К. Штернберга.

С. 360. *Монолог Леонова — [«Клопа» исправлено на «Лавра»]*. — Клоп и Лавр Федотович — персонажи СОТ.

С. 361. Андрей, видите ли, желает перенести фильм в другое объединение! То ли к Райзману, то ли во 2-е... — См. примечание к с. 289.

С. 361. Получено из Франции (...) ПНвС, издательство Denoël. — Le lundi commence le samedi / Trad. par B. du Crest. — Paris: Denoël, 1974. — Фр. яз. — Загл. ориг.: Понедельник начинается в субботу.

С. 362. ...ГЛ изданы во Франции... — Les mutants du brouillard / Trad. par P. Chwat. — Paris: Albin Michel, 1975. — Фр. яз. — Загл. ориг.: Гадкие лебеди.

С. 363. Вышло мое интервью в «Комсомольской правде». — См. в разделе публицистики материал «Послушная стрелка часов».

С. 365. Зона без приключений, финал — женщина закрывает амбразуру. — **Сост.**: Знаете ли Вы о таком сюжете «Сталкера»? Был ли он написан? Или «закрывает амбразуру» — это иносказательно? **БНС, 4.09.2009**: «Зона без приключений» — означает, что Тарковский согласился с нашей кардинальной идеей: никакой фантастики в Зоне — ожидание Чуда, и — ничего: зелень, вода, тишина... Насчет «женщины» — не помню. Может быть, обсуждался какой-то вариант с женой сталкера... Нет, не помню.

С. 365. В среду 7-го выступать у Энгельгардта... — Ныне Институт молекулярной биологии им. В. А. Энгельгардта; в 1976 г. — Институт молекулярной биологии АН СССР. Энгельгардт был его директором в 1959–1984 гг.

С. 365. ЦАГИ — Центральный научно-исследовательский аэрогидродинамический институт им. Н. Е. Жуковского.

С. 366. «Молчание докто>ра Ивенса» — к/ф 1974 г., реж. Б. Метальников.

С. 366. Электроламповый — Московский электроламповый завод.

С. 366. КМО — вероятно, Комитет молодежных организаций СССР.

С. 367. Статья в «Правде» — см. примечание к с. 298.

С. 368. Для Литгазеты (Волин) «подборка» об исчезновении Сазонова. — См. в подразделе «Из архива» материал «Подборка об исчезновении Евг. Сазонова для «Литературной газеты»».

С. 371. ...обещал достать Бурлакова «Мао Цзе-дун» и Яковлева «Август 1914». — Бурлацкий Ф. Мао Цзе-дун: «Наш коронный номер — это война, диктатура...». — М.: Междунар. отношения, 1976; Яковлев Н. 1 августа 1914. — М.: Мол. гвардия, 1974.

С. 372. Доносы Казанцева и Колпакова на «Правду». — См. письмо АНС от 19.06.76.

С. 373. Я вернул Смелкову Вампилова и «Новый мир» с его статьей, дал «Красных коней» Щербакова... — Вампилов А. Избранное. — М.: Искусство, 1975; Смелков Ю. Обновление конфликта. Заметки о современной драматургии // Новый мир (М.). — 1976. — № 4; Щербаков В. Красные кони. — М.: Мол. гвардия, 1976.

С. 374. Пребываю в полупрострации от комбинированного воздействия алкоголя и сильных ушибов. — Из письма АНС сотруднице Дальневосточного научного центра И. Юргенс от 13.10.76: «Обстоятельства, по которым я не мог приехать в августе, продолжают: я ведь попал под машину и потерял все зубы (еще вывихнул пальцы на левой руке и два ребра треснули, но это все уже поправилось), а без зубов публичные выступления человеку противопоказаны, и сейчас мне стоматологи собираются вернуть ясность дикции и все, что понадобится впредь». **Сост.**: Последняя фраза — цитата из романа И. Ильфа и Е. Петрова «Золотой теленок», ч. 2, гл. 19.

С. 374. Из Магадана прислали сборник Б. Окуджавы. — Окуджава Б. Арбат, мой Арбат. Стихи и песни. — М.: Сов. писатель, 1976.

С. 374. Подарил подделку «Юности честное зеркало». — Юности честное зеркало, или Показание к житейскому обхождению. — М.: Гос. б-ка СССР им. В. И. Ленина, Худож. лит., 1976. (Репринт издания 1717 г.)

С. 375. «17 мгновений весны» — «Семнадцать мгновений весны» — т/ф 1973 г. реж. Т. Лиозновой по одноименной повести Ю. Семенова.

С. 375. Звонили из ГБ. Николай Иванович Никандров. Будут в 15.00. (...) Зареев Геннадий Геннадиевич... — Сотрудники КГБ Н. Никандров и Г. Зареев посетили АНС с целью информирования заявителя о результатах расследования его обращения и «об отсутствии каких-либо претензий» к АБС. См. выше примечание к с. 303. См. также подборку в издании: Стругацкие. Материалы к исследованию. Письма, рабочие дневники. 1972–1977. — Волгоград: ПринТерра-Дизайн, 2012. С. 527–532.

С. 376. «Александр Невский» — к/ф 1938 г., реж. С. Эйзенштейн и Д. Васильев.

С. 378. В «Комсомольской правде» хорошая рецензия на «Красных коней» Щербакова. — Дейч М. Три чистых зари... // Комс. правда (М.). — 1976. — 12 авг.

С. 380. ...в «Воплях» пародии на нас... — Лившин С. Суэта вокруг ковчега // Вопросы литературы (М.). — 1976. — № 7.

С. 382. ТВК-110 — трансформатор для ламповых телевизоров.

С. 384. *Читаю «Исповедь» Руссо. Забавно, что при всей грязи и безобразии жизни своей я никогда не совершил проступка, как молодой Руссо по отношению к юной Марион.* — Руссо обвинил в совершенной им самим краже служанку Марион (ч. 1, кн. 2).

С. 386. *Просмотр «Тревожного марта» («Рабочего поселка») в клубе «Красный балтиец». (...) Чудо какая пьеса. Надя Серая...* — «Рабочий поселок» — к/ф 1966 г., реж. В. Венгеров и А. Герман. Среди актеров фильма — Надежда Серая. Вероятно, пьеса «Тревожный март» основана на киноповести В. Пановой «Рабочий поселок».

С. 387. *«Дни Турбиных»* — т/ф 1976 г. по одноименной пьесе М. Булгакова, реж. В. Басов.

С. 387. *Рецензия — той же (...) из ин<ститу>та русской речи Михайловской.* — См. примечание к с. 275.

С. 388. *«Передышка щедрому»* — **Сост.:** «Передышка щедрому» — по контексту это будущий ЖВМ. Можно ли узнать причину такого заглавия? Что в связи с ЖВМ оно должно было означать? Или тогда и сюжет был еще иным? Тогда каким? **БНС, 4.12.2009:** Кажется, это из Окуджавы: «...дай передышку щедрому и не забудь про меня...» Почему возник именно такой вариант названия, не помню совсем. **Сост.:** «Молитва»: «...дай передышку щедрому, / хоть до исхода дня. / Каину дай раскаяние... / И не забудь про меня».

С. 389. *Парфянская стрела* — неожиданный и неотразимый выпад хитрого противника, симулирующего поражение.

С. 389. *Не выхожу, лежу большей частью.* — Реминисценция «Записок сумасшедшего» Н. Гоголя: «Большую часть лежал на кровати».

С. 390. *ВЛК* — Высшие литературные курсы при Литературном институте им. А. М. Горького.

Аркадий Стругацкий. Дневник, 1975

Дневник, который вел АНС во время санаторного лечения в Кисловодске в феврале-марте 1975 г.

Публикуется впервые.

С. 394. *Всего четыре пятиалтынных, а надо позвонить Крысе.* — Для междугородних телефонных автоматов требовались монеты достоинством 15 копеек.

С. 395. *«Тайна племени бороро»* — или «Секрет племени Бороро» — чехослов. к/ф 1972 г., реж. О. Фука.

С. 395. *«Чистыми руками»* — румынск. к/ф 1972 г., реж. С. Николаеску.

С. 395. *Были дела в Бухаресте.* — Ср.: «Было дело под Полтавой» — зачин песни И. Молчанова.

С. 395. *«Герцог Боб»* — венгерск. к/ф 1972 г., реж. М. Келети.

С. 395. *«Великолепный»* — франко-итал. к/ф 1973 г., реж. Ф. де Брока.

С. 395. *Размышлял о переводе «Кота».* — Планы повторно перевести повесть Нацумэ Сосэки «Ваш покорный слуга кот» не осуществились. См. также в т. 20 примечания к рабочим записям АНС 1974 г.

С. 396. *«Дума о Ковпаке». НичеГё. Артист хороший.* — Первый фильм кинотрилогии «Дума о Ковпаке» — «Набат», 1974 г., реж. Т. Левчук, в главной роли К. Степанков.

Аркадий Стругацкий. Рабочие записи по «Встрече миров», июль 1975

Фрагмент из папки Рабочие записи АНС 1974–1976 гг.

Публикуется впервые.

Аркадий Стругацкий. Рабочие записи, ноябрь-декабрь 1976

Записи на обороте письма от И. Вейсайте от 11.11.76.

Публикуется впервые.

С. 400. *5) автоматчики. Против кого?* — «Писатели должны быть верными автоматчиками партии!» — слова поэта и общественного деятеля Н. Грибачева.

С. 401. *Какое нам дело / До всех до вас, / А нам до тебя!* — Вариация строк песни «Тяжелым басом гремит фугас...» из к/ф «Последний дюйм». Слова М. Соболя, музыка М. Вайнберга.

Примечания к фотографиям и рисункам

Вкл. С. 4–6. **М. Ковальчук, 2001:** В году эдак 1975–1976 (точнее уже не вспомню) в Москву прибыл молодой писатель, переводчик и редактор берлинского издательства Эрик Симон. Ему необходимо было встретиться по делам со своими авторами — Аркадием Стругацким, Кириллом

Булычевым и со мной, тогда начинающим критиком. Встречу назначили на дому у Кира Булычева, который тогда жил в тесноватой квартирке на Мосфильмовской улице, производившей на неподготовленного посетителя впечатление музейного склада: везде валялись старинные кивера, каски, шлемы, кажется, даже кремневые ружья и кое-какое холодное оружие. Не говоря уж о коллекции орденов и прочих регалий, слава о коей ходила по всей Москве.

Иностранного гостя и, что существенно, издателя решили встретить достойно, по-русски. Короче, у нас с собою было, кажется, бутылки три хорошего коньяка. Однако гость, несмотря на молодость, в ту пору страдал язвой — и ограничился молочком; а коньяк употребила «принимающая сторона»: два мэтра фантастики и один начинающий критик (в ту пору еще употреблявший). К концу деловой встречи трезвый Эрик, аккуратный и педантичный, как все немцы, изумленно взирал на то, как живут и развлекаются советские фантасты: Аркадий Натанович и я уже успели примерить многие из экспонатов коллекции, а сам хозяин вытащил откуда-то совершенно допотопную фотокамеру-«гармошку» на треноге и, каким-то шестым чувством наводя фокус, фиксировал для потомков это историческое действо... («Если», 2001, № 8).

Вкл. С. 12. См. с. 225 подраздела «Варианты рукописей и изданий».

Вкл. С. 16. **Андрей Стругацкий, 24.07.2017**: Вот вообще не помню! Как будто впервые вижу! И если рассуждать логически, то скорее всего это было подарено на Новый 1975 год. Но повторю: совершенно не помню данного факта!.. Подумал тут и пришел к выводу, что, может быть, сей подарок и вовсе не был вручен. Иначе бы бумага эта хранилась у меня, а скорее всего, я бы и вовсе ее потерял... Возможно, что нахватал во второй четверти 9-го класса кучу трояков, и родители решили меня не баловать, хотя «документ» и заранее подготовили. Просто ну не мог бы я такое напрочь забыть: 25 рублей для подростка по тем временам были изрядной суммой. Да и текст запоминающийся тоже!

В. Курильский, Л. Рудман

Библиография. 1975–1976 гг.

1. Художественные произведения

1.1. А. и Б. Стругацких

1975

1.1.1. Полдень, XXII век; Малыш: Повести / Худож. Л. Рубинштейн. — Л.: Дет. лит., 1975. — 448 с.: ил.

1.1.2. Самодвижущиеся дороги: Отрывок из повести «Возвращение» // Уральский следопыт (Свердловск). — 1975. — № 6. — С. 61.

1976

1.1.3. Парень из преисподней: Фантаст. повесть / Худож. Л. Рубинштейн // Незримый мост. — Л.: Дет. лит., 1976. — С. 151—234. — [Сокр.].

1.1.4. За миллиард лет до конца света: Рукопись, обнаруженная при странных обстоятельствах: Повесть / Худож. Н. Кошкин // Знание — сила (М.). — 1976. — № 9. — С. 49—53; № 10. — С. 50—54; № 11. — С. 44—48; № 12. — С. 58—62; 1977. — № 1. — С. 43—48. — [Сокр.].

2. Статьи, интервью, выступления

2.1. А. и Б. Стругацких

1976

2.1.1. А + Б = Ф / Беседу записала Д. Данилова // Ленинские искры (Л.). — 1976. — 24 марта. — С. 3.

2.1.2. От чего не свободна фантастика... / [Беседу записала] Г. Силина // Лит. обозрение (М.). — 1976. — № 8. — С. 107—108.

2.2. А. Стругацкого

1975

2.2.1. Румата делает выбор / Вел интервью Ил. Полоцк // Мол. дальневосточник (Хабаровск). — 1975. — 22 марта. — С. 2—3. — [Сокр.]. — [Полностью см. 1974/2.2.2].

2.2.2. Завтра утром выпадет снег / [Беседу записал] Ю. Шамаков // Мол. дальневосточник (Хабаровск). — 1975. — 29 нояб. — С. 3.

2.2.3. Времена чудес добрых и «жестоких» / Интервью вел М. Никитин // Тихоокеанский комсомолец (Владивосток). — 1975. — 23 дек. — С. 3.

1976

2.2.4. Глазами фантаста / [Интервью взял] С. Пархомовский // Труд (М.). — 1976. — 10 янв. — С. 4.

2.2.5. Послушная стрелка часов: На вопросы «Алого паруса» отвечает писатель Аркадий Стругацкий / По прошлому, настоящему и будущему вместе с А. Стругацким бродили Г. Жаворонков, Л. Загальский // Комсомольская правда (М.). — 1976. — 20 марта. — С. 4.

2.2.6. Новые человеческие типы: [Выступление на «круглом столе» по теме «Взаимодействие науки и искусства в условиях НТР».] // Вопросы философии (М.). — 1976. — № 10. — С. 107—108; То же: Вопросы литературы (М.). — 1976. — № 11. — С. 16—18.

2.3. Б. Стругацкого

1976

2.3.1. Путешествие в фантастику: Наш собеседник — писатель Борис Стругацкий / Беседу вел О. Любин // Смена (Л.). — 1976. — 14 авг. — С. 3.

3. Работа над переводами

1975

3.1. Сайкаку Ихара. И барабан цел, и ответчик не в обиде: Новелла / Пер. с яп. А. Стругацкого // Классическая проза Дальнего Востока. — М.: Худож. лит., 1975. — С. 716—717. — (Б-ка всемирной литературы; Т. 18).

3.2. Сайкаку Ихара. В женских покоях плотничать женщине: Новелла / Пер. с яп. А. Стругацкого // Классическая проза Дальнего Востока. — М.: Худож. лит., 1975. — С. 718—719. — (Б-ка всемирной литературы; Т. 18).

3.3. Сайкаку Ихара. Подсчитали — прослезились бы, да некому: Новелла / Пер. с яп. А. Стругацкого // Классическая проза Дальнего Востока. — М.: Худож. лит., 1975. — С. 760—764. — (Б-ка всемирной литературы; Т. 18).

1976

3.4. Саньютэй Энтё. Пионовый фонарь: Повесть / Пер. с яп. А. Стругацкого. — М.: Худож. лит., 1976. — 240 с. — (Народная б-ка).

4. Редакторская и составительская работа

1975

4.1. То Хоай. Западный край: Роман / Ред. А. Стругацкий и М. Финогенова. // То Хоай. Западный край: Роман; Рассказы; Сказки. — М.: Прогресс, 1975. — (Мастера современной прозы).

Ю. Флейшман

Указатель имен

Lewandowska Irena — см. Левандовска Ирена.

Rottensteiner Franz — см. Роттенштайнер Франц.

Абеляр Пьер — французский философ, писатель.

- Абызов Юрий Иванович — переводчик, редактор.
 Аверченко Аркадий Тимофеевич — писатель, журналист.
 Авраменко Инна Фёдоровна — заместитель главного редактора издательства «Молодая гвардия».
 Агапова Татьяна Борисовна — редактор репертуарно-редакционной коллегии Управления театров Министерства культуры РСФСР.
 Агтаков Бегбелый — вогульский мурза.
 Адамов Аркадий Григорьевич — писатель.
 Азимов Айзек — американский писатель, популяризатор науки.
 Аким Яков Лазаревич — поэт, переводчик.
 Акутагава Рюноске — японский писатель.
 Алексенко Тамара Антоновна — переводчик.
 Алик — возможно, В. Волин.
 Алов (Лапскер) Александр Александрович — режиссер, сценарист.
 Альба Фернандо Альварес де Толедо — испанский государственный и военный деятель.
 Альтов (Альтшуллер) Генрих Саулович — писатель, теоретик изобретательства.
 Амосов Николай Михайлович — хирург, писатель.
 Андраша (Андручников) Михаил Яковлевич — писатель, заведующий отделом журнала «Вопросы литературы».
 Аннинская Матильда Александровна — двоюродная сестра АБС, дочь Александра Залмановича Стругацкого.
 Аполлинер Гийом (Костровицкий Вильгельм-Альберт-Владимир-Александр-Аполлинарий) — французский поэт.
 Арбитман Роман Эмильевич — критик, писатель.
 Аронэ Михаил Наумович — переводчик.
 Архимед — древнегреческий математик, механик, инженер.
 Афиногенова Александра Александровна — переводчик, редактор издательства «Прогресс».
 Ашока — правитель империи Мауриев.
 Бабановский Андрей Игоревич — художник-иллюстратор, художник-мультипликатор.
 Бабахина Елизавета Осиповна — заместитель главного редактора студии «Мульттелефильм» ТО «Экран».
 Бабенко Виталий Тимофеевич — писатель, журналист, впоследствии — издатель.
 Баева Татьяна — неустановленное лицо.
 Бажов Павел Петрович — писатель, фольклорист.
 Базиль — см. Захарченко.
 Балабуха Андрей Дмитриевич — писатель, критик.
 Бальзак Оноре де — французский писатель.
 Бараев Владимир Владимирович — журналист, писатель, ранее — заместитель главного редактора журнала «Байкал».
 Бархударян Тадэос (дружески — Эдуард) Ависович — редактор издательства «Советский писатель».
 Барышев Михаил Иванович — писатель.
 Бахрушин Сергей Владимирович — историк, географ.
 Белинков Аркадий Викторович — литературовед, писатель.
 Бёлль Генрих Теодор — немецкий писатель.
 Беляев Александр Романович — писатель.
 Беляев Альберт Андреевич — заведующий сектором литературы Отдела культуры ЦК КПСС, позднее — редактор ряда изданий.
 Беляков (Ф. В.?) — корреспондент АБС.
 Бережков С. — псевдоним АНС.
 Беркова Нина Матвеевна — критик, писательница, редактор издательства «Детская литература», ответственный секретарь Совета по НФП.
 Бестужев-Лада Игорь Васильевич — философ, социолог, литературовед.
 Биленкин Дмитрий Александрович — писатель, критик, журналист, популяризатор науки.
 Бирюков С. В. — директор киностудии им. Горького.
 Битов Андрей Георгиевич — писатель.
 Боборыкин Владимир Георгиевич — начальник отдела драматургии Управления ВААП по экспорту и импорту прав на музыкальные и драматургические произведения.
 Бобринские (дружески — Бобры) — Геннадий Иванович и Виктория, друзья АНС.
 Бовин Александр Евгеньевич — журналист, публицист, политолог, ранее — руководитель группы консультантов отдела ЦК КПСС.
 Бодлер Шарль Пьер — французский поэт.

- Боллард, Боллард Джеймс Грэм — английский писатель.
 Борецкий Юрий Александрович — режиссер.
 Борщёв Валерий Васильевич — заведующий отделом публицистики журнала «Советский экран».
 Брандис Евгений Павлович — критик, библиограф, литературовед.
 Брассанс, Брассенс Жорж Шарль — французский шансонье.
 Браун Фредрик Уильям — американский писатель.
 Брем Альфред Эдмунд — немецкий зоолог, автор труда «Жизнь животных».
 Бритиков Анатолий Фёдорович — литературовед, критик.
 Бродский Иосиф Александрович — поэт.
 Бромберг Константин Леонидович — режиссер.
 Брусиловская Майя Самойловна — заведующая редакцией издательства «Детская литература».
 Брэдбери Рэй (Брэдбери Рэймонд Дуглас) — американский писатель.
 Бураш — см. Погорел.
 Бурлаков — ошиб., см. Бурлацкий.
 Бурлацкий (ошиб. Бурлаков) Фёдор Михайлович — политолог, публицист.
 Быков Ролан Антонович (Роланд Анатольевич) — режиссер, актер.
 Вайль Пётр Львович — журналист, писатель.
 Вайнберг — сотрудник Всесоюзного бюро пропаганды художественной литературы СП СССР.
 Вайнер Георгий Александрович — писатель.
 Ваксмахер Морис Николаевич — переводчик, критик, старший научный редактор издательства «Художественная литература».
 Вальдберг Геннадий Юрьевич — писатель.
 Вальков Михаил Михайлович — директор студии «Союзмультфильм».
 Вампилов Александр Валентинович — драматург.
 Васильев Аркадий Николаевич — писатель, сценарист.
 Введенский Андрей Александрович — историк.
 Вейсайте Ирена Изидоровна — педагог, филолог, культуролог, супруга Г. Кроманова.
 Великовский Самарий Израилевич — литературовед.
 Венжер Наталия Яковлевна — киновед.
 Вера Борисовна — секретарь начальника репертуарно-редакционной коллегии Министерства культуры РСФСР.
 Верн Жюль Габриэль — французский писатель.
 Виноградов Александр Александрович — писатель, главный редактор издательства «Детская литература».
 Виноградов Анатолий Корнелиевич — писатель.
 Витин С. — псевдоним БНС.
 Владимир (в тексте — Володя) — вероятно, актер Театра им. Маяковского.
 Власова Ирина Константиновна — редактор ТО «Экран».
 Войскунский Евгений Львович — писатель, друг АНС.
 Войцехович Василий Александрович — один из руководителей партизанской борьбы на Украине, писатель.
 Волин Владимир (дружески — Алик) Робертович — журналист, сотрудник «Литературной газеты».
 Володин (Лившиц) Александр Моисеевич — драматург, сценарист.
 Володин (Пузис) Борис Генрихович — писатель, журналист.
 Волькенштейн Михаил Владимирович — физико-химик, биофизик.
 Вольф Иоганн Рудольф — швейцарск. астроном, математик.
 Воннегут (мл.) Курт — американский писатель.
 Воронихин Аркадий Константинович — краевед, историк.
 Воронкова Маргарита Аркадьевна — заместитель начальника договорно-правового управления ВААП.
 Воскресенская (урожденная Ошанина, фамилия по первому замужеству; домашнее прозвище — Крыса) Елена Ильинична — супруга АНС.
 Всехсвятский Сергей Константинович — астроном, педагог.
 Высоцкий Владимир Семёнович — поэт, бард, актер.
 Гаврилов Эдуард Петрович — юрист, начальник договорно-правового управления ВААП.
 Гайдай Владимир Константинович — главный редактор студии «Киевнаучфильм», сценарист.
 Галилей Галилео — итальянский физик, механик, астроном.

- Галлай Марк Лазаревич — летчик-испытатель, писатель.
 Ганичев Валерий Николаевич — директор издательства «Молодая гвардия».
 Гансовский Север Феликсович — писатель.
 Герман Алексей Юрьевич (Георгиевич) — режиссер, сценарист.
 Гоголь Николай Васильевич — писатель, драматург.
 Голованов Ярослав Кириллович — журналист, сотрудник редакции газеты «Комсомольская правда».
 Головань Ирина Павловна — главный редактор киностудии «Ленфильм».
 Гольдин Иосиф Соломонович — сценарист, впоследствии — инициатор телемостов.
 Гор Геннадий (Гдали) Самойлович — писатель.
 Горбовский Александр Альфредович — историк, писатель.
 Городницкий Александр Моисеевич — геофизик, океанолог, писатель, бард.
 Горчаков Валерий Павлович — заведующий отделом ЦК ВЛКСМ по пропаганде и агитации.
 Гребнев (Грибонос) Григорий Никитич — писатель.
 Грекова И. (Вентцель Елена Сергеевна) — математик, писательница.
 Гречко Георгий Михайлович — космонавт, друг АБС.
 Григорьев Геннадий Иванович — автор рецензируемой рукописи.
 Григорьева Майя Григорьевна — сотрудница киностудии «Центрнаучфильм».
 Грин Генри Грэм — английский писатель.
 Гринько Николай Григорьевич — актер.
 Громов Борис Васильевич — одноклассник БНС, микробиолог, педагог.
 Громова Ариадна Григорьевна — писательница, критик.
 Гудин Альберт Николаевич — сотрудник ТО «Экран».
 Гуревич Георгий Иосифович — писатель, критик, друг АНС.
 Гуро Ирина (Соболь Раиса Романовна) — писательница.
 Давыдов Иосиф Викторович — военный журналист, писатель, популяризатор науки.
 Давыдов Юрий Владимирович — писатель.
 Давыдова Софья — сценарист, редактор сценарной студии Госкино СССР.
 Дали-и-Доминик Сальвадор Фелипе Хуасинто — испанский художник.
 Даль Олег Иванович — актер.
 Данилова (Погорелая) Дина Даниловна — автор инсценировки по повести АБС «Малыш» «Айсберг Тауматы».
 Дворецкий Игнатий (Израиль Моисеевич) — писатель.
 Дворжецкий Владислав Вацлавович — актер.
 Девис Евгений Артурович — заведующий редакцией издательства «Мир».
 Дёмин Вадим Петрович — заместитель министра культуры РСФСР.
 Деревянко Анатолий Пантелеевич — секретарь ЦК ВЛКСМ по идеологическим вопросам.
 Джеладзе Шота — неустановленное лицо.
 Джигарханян Армен Борисович — актер.
 Дисней Уолт Элиас — американский режиссер-аниматор, художник, продюсер.
 Дмитриевский Владимир Иванович — писатель, литературовед, критик.
 Дмитрук Всеволод Дмитриевич — киевский журналист, ранее — заместитель главного редактора журнала «Знання та праця».
 Днепров (Мицкевич) Анатолий Петрович — писатель.
 Дорوفеев Виль Викторович — писатель.
 Достоевский Фёдор Михайлович — писатель.
 Дубровский Ефим Вульфович — заведующий редакцией издательства «Знание».
 Дюма Дави де Ла Пайетри Александр (отец) — французский писатель.
 Дюрренматт Фридрих Йозеф — швейцарский драматург, писатель.
 Елисеев Сергей Николаевич — сотрудник ЦАГИ.
 Емцев Михаил Тихонович — писатель, редактор.
 Енчмык Лех — заведующий редакцией советской литературы польского издательства «Искры», журналист.
 Ермак, Аленин Василий Тимофеевич — казачий атаман, землепроходец.
 Ермаш Филипп Тимофеевич — председатель Госкино СССР.
 Ермилина Людмила Константиновна — редактор Центрального телевидения.
 Ермолов Николай Петрович — режиссер студии «Киевнаучфильм».
 Ёсано Акико — японская поэтесса, критик, редактор, переводчик.
 Ефремов Иван Антонович (Антипович) — писатель, палеонтолог.
 Ефремова Таисия Иосифовна — вдова И. Ефремова.
 Жаворонков Геннадий Николаевич — журналист, сотрудник газеты «Комсомольская правда».

- Жданов Лев Львович — переводчик.
 Железнов (вероятно, фамилия ошибочна) — писатель.
 Жироду Ипполит-Жан — французский писатель, драматург, дипломат.
 Житников Рэм Анатольевич — физик.
 Жуков Дмитрий Анатольевич — писатель, литературовед, переводчик.
 Жуковский Николай Егорович — механик, создатель аэродинамики.
 Журавлёв Василий Николаевич — режиссер.
 Журавлёва Валентина Николаевна — писательница.
 Завьялов Борис Константинович — режиссер.
 Загальский Леонид Матвеевич — журналист, сотрудник редакции газеты «Комсомольская правда».
 Загданский Евгений Петрович — сценарист, киновед, редактор.
 Загорский Игорь — журналист, сотрудник газеты «Комсомольская правда».
 Задушин Владимир Александрович — сотрудник студии «Киевнаучфильм».
 Заикин Борис Сергеевич — любитель фантастики.
 Зак Авенир (Авраам) Григорьевич — сценарист.
 Замошкин Кирилл Николаевич — главный редактор Экспериментального творческого объединения киностудии «Мосфильм».
 Зареев Геннадий Геннадиевич — сотрудник КГБ.
 Зарецкая Марина Александровна — редактор издательства «Детская литература».
 Захаров Владимир Евгеньевич — физик-теоретик, позднее — директор Института теоретической физики.
 Захарченко Василий (иронически — Базиль) Дмитриевич — главный редактор журнала «Техника — молодежи».
 Зеленко Григорий Андреевич — редактор, впоследствии — главный редактор журнала «Знание — сила».
 Зенчук — ошиб., см. Зинчук.
 Зиберов Дмитрий Алексеевич — редактор, старший редактор издательства «Молодая гвардия».
 Зимянин Михаил Васильевич — политический и государственный деятель.
 Зинчук (ошиб. Зенчук) Андрей Михайлович — писатель, драматург.
 Зорина Людмила Семёновна — сотрудница отдела микрофонных материалов Центрального телевидения.
 Зуева Наталия Анатольевна — заведующая отделом телефильмов Центрального телевидения.
 Иван IV Васильевич (Грозный) — великий князь, первый царь всея Руси.
 Иванова Нина Викторовна — консультант отдела социалистических стран Управления ВААП по экспорту и импорту прав на произведения художественной литературы и изобразительного искусства.
 Игельницкая Вера Ильинична — переводчик.
 Игишев Александр Сергеевич — режиссер.
 Идашкин Юрий Владимирович — критик, ранее — ответственный секретарь журнала «Октябрь».
 Ильин Виктор Николаевич — секретарь по организационным вопросам МО СП СССР.
 Ильинский Михаил Михайлович — журналист, писатель, специальный корреспондент газеты «Известия» в Индокитае.
 Ильф Илья Арнольдович (Файнзильберг Иехиель-Лейб Арьеви́ч) — писатель.
 Имерманис Анатоль Адольфович — латышский поэт, писатель.
 Иоффе Ирина Львовна — переводчик, востоковед.
 Кагарлицкий Юлий Иосифович — литературовед, критик.
 Казаков Вадим Юрьевич — библиограф, литературовед, редактор, член группы «Людены».
 Казанцев Александр Петрович — писатель.
 Кайдановский Александр Леонидович — актер, режиссер.
 Калатозов (Калатозишвили) Георгий Михайлович — режиссер, оператор, сценарист.
 Калинин Игорь — корреспондент АБС.
 Каменев Виктор — владивостокский знакомый АНС.
 Кан Вениамин Липманович — физик, критик, библиограф, переводчик.
 Канаева Серафима Сергеевна — врач.
 Канищев Николай Георгиевич — главный редактор газеты «Камчатская правда».
 Канцигер, Канцукер — ошиб., см. Канчукер.
 Канчукер (ошиб. Канцигер, Канцукер) Сергей Михайлович — звукорежиссер.
 Капица Андрей Петрович — географ, геоморфолог.

- Кармалита (Борщаговская) Светлана Игоревна — сценарист, режиссер, супруга А. Германа.
 Карпельюк Антонина Николаевна — теща БНС.
 Карьер, Карриер Жан Клод — французский сценарист.
 Катасонов Владимир Логинович — сотрудник Центрального телевидения.
 Кафка Франц — австрийский писатель.
 Кикнадзе Александр Васильевич — журналист, писатель.
 Киплинг Джозеф Редьярд — английский писатель, поэт.
 Киямова Любовь Ивановна — редактор киностудии «Таджикфильм».
 Кларк Артур Чарльз — английский писатель, футуролог.
 Кларов Юрий Михайлович — писатель, сценарист.
 Клаус Гюнтер — заведующий редакцией немецкого издательства «Дас Нойе Берлин».
 Клейман Наум Ихильевич — киновед, историк кино.
 Клепацкий Юрий Серафимович — режиссер студии «Мульттелефильм» ТО «Экран».
 Ключев — ошиб., см. Кривцов.
 Ключева Бела Григорьевна — сотрудница ВААП, ранее — редактор издательства «Молодая гвардия».
 Кобаяси Такидзи — японский писатель.
 Ковальчук Михаил Андреевич — критик, литературовед.
 Козлов Вильям Фёдорович (Надточеев Вил Иванович) — писатель, заведующий отделом прозы журнала «Аврора».
 Козловская Анна — неустановленное лицо.
 Колмогоров (Катаев) Андрей Николаевич — математик.
 Колпаков Александр Лаврентьевич — писатель.
 Кольцо Иван — атаман казацкой дружины.
 Конецкий Виктор Викторович — писатель.
 Кончаловский (Михалков-Кончаловский) Андрон (Андрей) Сергеевич — режиссер, сценарист, писатель.
 Копылов Александр Иванович — инженер ГАО, друг БНС.
 Копылов Иван Михеевич — астроном, директор САО.
 Копытман Иосиф (дружески — Йоз) Нисонович — режиссер.
 Коробова Лариса Александровна — журналист, сотрудница редакции журнала «Огонек».
 Королёв Сергей Павлович — конструктор космической техники.
 Коршиков Александр — корреспондент АНС.
 Косарева Нина Сергеевна — инструктор Отдела культуры ЦК КПСС, ранее — главный редактор журнала «Аврора».
 Кочетов Всеволод Анисимович — писатель, редактор.
 Крайтон Джон Майкл — американский писатель, продюсер.
 Красинский Георгий Давидович — полярный исследователь, историк.
 Краснобрыжий Иван Тимофеевич — критик, писатель.
 Кребс Марио — немецкий сценарист.
 Крейндли (псевдоним — Крелин; дружески — Крендель) Юлий Зусманович — хирург, писатель.
 Крендель — см. Крейндли.
 Кржижановский Андрей (Олегович?) — драматург.
 Кривцов (ошиб. Ключев) Юрий Владимирович — сотрудник разведки, переводчик, супруг Б. Ключевой.
 Кроманов Григорий Ермович — режиссер.
 Кузнецов Александр Константинович — директор Московской филармонии.
 Кузнецов Исая Константинович — сценарист.
 Кузнецов Феликс Феодосьевич — критик, литературовед, руководитель СП СССР.
 Кузнецова Антонина Михайловна — актриса, педагог.
 Куин Эллери — коллективный псевдоним американских писателей Фредерика Деннея (Даниэль Натан) и Манфреда Б. Ли (Эмануэль Леповски).
 Кулешов (Нолле) Александр Петрович — писатель.
 Куприенко Раиса Ивановна — редактор Центральной сценарной студии Госкино СССР.
 Курочкина Зоя Александровна — неустановленное лицо.
 Куцка Петер — венгерский переводчик, писатель, редактор.
 Куштивская Татьяна Васильевна — музыкальный педагог, позднее — писательница, сценарист.
 Лагин (Гинзбург) Лазарь Иосифович — писатель.
 Ларин (Эпштейн) Борис Абрамович — сценарист, друг АНС.
 Ларионова (Тидеман) Ольга Николаевна — писательница.

- Ле Карре Джон (Корнуэлл Дэвид Джон Мур) — английский писатель.
- Лев (в тексте — Лёва) — камчатский журналист.
- Лев Михайлович — переводчик, сотрудник издательства «Мир».
- Левандовска Ирена — польский переводчик, журналист.
- Левин Эммануил (Эмиль; дружески — Муля) Абрамович — актер театра «Современник».
- Левитин Карл Ефимович — сотрудник редакции журнала «Знание — сила», популяризатор науки, писатель.
- Лейбензон Абрам Григорьевич — директор стройуправления.
- Лем Станислав — польский писатель, философ.
- Леонов Алексей Архипович — космонавт.
- Леонов Леонид Максимович — писатель.
- Лепесов — ошиб., см. Лепешев.
- Лепешев (ошиб. Лепесов) Анатолий Иванович — сотрудник ВААП.
- Лесючевский Николай Васильевич — критик, директор издательства «Советский писатель».
- Лисовой Михаил Иванович — сотрудник ВААП.
- Лифшиц Илья Михайлович — физик.
- Лондон Борис Наумович — режиссер, педагог.
- Лордкипанидзе Валерий Георгиевич — первый заместитель председателя Комитета молодежных организаций СССР.
- Лорита — ошиб., см. Лоритто.
- Лоритто (ошиб. Лорита) — начальник отдела искусств Московского управления культуры.
- Лотяну Эмиль Владимирович — режиссер, сценарист, поэт.
- Лукин Владимир Петрович — заведующий сектором дальневосточной политики Института США и Канады, впоследствии — государственный и политический деятель; друг АНС.
- Лукодянов Исая Борисович — писатель.
- Луконин Михаил Кузьмич — поэт.
- Лундвал Сам Джерри — шведский писатель, редактор, издатель, критик, переводчик.
- Лурье Самуил (дружески — Саша) Аронович — критик, литературовед, редактор журнала «Нева».
- Львов (Бинштейн) Аркадий Львович — писатель.
- Любин О. — корреспондент газеты «Смена».
- Макаёнок Андрей Егорович — драматург, главный редактор журнала «Неман».
- Макаров Николай Фёдорович — конструктор-оружейник.
- Максимов Николай Иванович — директор Московского областного драматического театра им. Островского.
- Малышев Геннадий Дмитриевич — директор Третьего творческого объединения киностудии «Ленфильм».
- Малышев Михаил Михайлович — переводчик, редактор издательства «Художественная литература».
- Мальт Виктория Сергеевна — редактор издательства «Детская литература».
- Малюкова Нина Аверьяновна — заведующая учебной частью Высших литературных курсов.
- Мамардашвили Мераб Константинович — философ, журналист.
- Манин Юрий Иванович — математик, друг АБС.
- Марамзин (Кацнельсон) Владимир Рафаилович — писатель.
- Маркман Александр Соломонович — врач, знакомый АНС.
- Марков Георгий Мокоевич — писатель, первый секретарь СП СССР.
- Маркова Вера Николаевна — переводчик, поэтесса.
- Матвеева Наталия Викторовна — консультант Управления ВААП по экспорту и импорту прав на произведения художественной литературы и изобразительного искусства по вопросам изданий в ФРГ.
- Медведев Юрий Михайлович — заведующий редакцией фантастики издательства «Молодая гвардия».
- Медведевская Ирина Семёновна — сотрудница Всесоюзного бюро пропаганды художественной литературы СП СССР.
- Мееров Александр Александрович — писатель, инженер-ракетостроитель.
- Мещеряк Матвей — атаман казацкой дружины.
- Мигунов Евгений Тихонович — художник-иллюстратор, художник-аниматор.
- Микава Николай Маркович (Маркозович) — писатель.
- Мирер Александр Исаакович — писатель, литературовед, редактор.
- Мирер Вера Леонидовна — супруга А. Мирера.
- Митников Анатолий Маркович — поэт, драматург, заведующий литературной частью Театра им. Моссовета.

- Михайлова Оксана Викторовна — супруга М. Ткачёва.
 Михайлова Светлана Николаевна — редактор издательства «Молодая гвардия».
 Михайловская Наталия Георгиевна — филолог, сотрудница Института русского языка.
 Мкртчян Альберт Саркисович — режиссер.
 Можейко Игорь Всеволодович (псевдоним — Кир Булычёв) — писатель, историк, редактор.
 Монтень Мишель Эйкем де — французский философ, писатель.
 Моргулис Тамара — корреспондент АНС.
 Мордашева Светлана — автор письма в газету «Комсомольская правда».
 Насибов Александр Ашотович — писатель.
 Наумов Владимир Наумович — режиссер, педагог.
 Нацумэ Сосэки (Нацумэ Кинноскэ) — японский писатель.
 Негреску (Негрескул) Игорь Антонович — режиссер, сценарист.
 Нехорошев Леонид Николаевич — сценарист, главный редактор киностудии «Мосфильм».
 Нечаев Леонид Алексеевич — режиссер.
 Никандров Николай Иванович — сотрудник КГБ.
 Никитин Михаил — сотрудник редакции газеты «Тихоокеанский комсомолец».
 Никольский Борис Николаевич — заведующий отделом прозы журнала «Аврора», позднее — главный редактор журнала «Нева».
 Ниязи Фатех Ниязович — таджикский писатель.
 Ньютон Исаак — английский физик, математик, астроном.
 Обье Паскаль — французский режиссер, продюсер.
 Озерной Леонид Моисеевич — астрофизик.
 Озерова Ирина Николаевна — поэтесса.
 Окуджава Булат Шалвович — поэт, писатель, бард.
 Орлов Даль Константинович — сценарист, критик, киновед, главный редактор Госкино СССР.
 Орлова Раиса Давыдовна — критик, литературовед, правозащитник.
 Осетинский Олег Евгеньевич — сценарист, писатель.
 Остахович Борис Петрович — директор студии «Киевнаучфильм».
 Островский Андрей Львович — писатель, заместитель главного редактора журнала «Аврора».
 Павленок Борис Владимирович — заместитель председателя Госкино СССР.
 Пази Владислав Борисович — режиссер и художественный руководитель различных театров.
 Пан Никита — атаман казацкой дружины.
 Панкин Борис Дмитриевич — председатель правления ВААП, позднее — министр иностранных дел СССР.
 Панов Вадим Васильевич — начальник отдела ВААП.
 Панова Вера Фёдоровна — писательница, драматург.
 Панский Семён Гаврилович — камчатский партийный руководитель.
 Парнов Еремей Иудович — писатель.
 Пархомовский С. — корреспондент газеты «Труд».
 Паршин Лев Александрович — заместитель заведующего отделом пропаганды и агитации ЦК ВЛКСМ.
 Пащенко Леонид Никитович — заместитель главного редактора журнала «Памир».
 Пекелис Виктор Давыдович — журналист, писатель, популяризатор науки.
 Петров (Катаев) Евгений Петрович — писатель, сценарист.
 Петров Борис Александрович — однокурсник АНС по ВИИЯ.
 Петров Лев Сергеевич — журналист, писатель, соавтор АНС.
 Пешеходова Галина Кузьминична — директор издательства «Детская литература».
 Писемский Алексей Феофилактович — писатель.
 Пискунов Константин Федотович — ранее — директор издательства «Детская литература».
 Платов (Ломакин) Леонид Дмитриевич — писатель.
 Плюснина Анна Ивановна — заведующая редакцией ленинградского отделения издательства «Детская литература».
 Погожева Валерия Павловна — главный редактор Третьего творческого объединения киностудии им. Горького, заместитель главного редактора киностудии.
 Погорел, Погорель, Бураш, Че Бураш, ЧБ — Погорелая (псевдоним — Данилова) Дина Даниловна, автор инсценировки по повести АБС «Малыш» «Айсберг Тауматы».
 Подгородинский Валерий Васильевич — критик, театровед, заместитель заведующего репертуарно-редакционной коллегией Управления театров Министерства культуры РСФСР.
 Подольный Роман Григорьевич — писатель, журналист, популяризатор науки.

Полещук Александр Александрович — заведующий сектором печати Отдела пропаганды и агитации ЦК ВЛКСМ.

Полоцк Илан Езекилович — писатель, переводчик, журналист.

Полтавские Валерий и Виктор — корреспонденты АНС.

Понизовский Владимир Миронович — писатель.

Приймак Сергей Леонидович — оператор.

Пристли Джон Бойнтон — английский драматург, писатель.

Проталин (Циоменко) Валентин Валентинович — писатель, журналист.

Пугачёв Емельян Иванович — предводитель восстания.

Радов (Вельш) Георгий Георгиевич — журналист, публицист.

Разин Степан Тимофеевич — предводитель восстания.

Райзман Юлий Яковлевич — режиссер.

Ракша Ирина Евгеньевна — писательница, драматург, журналист.

Ревич Всеволод Александрович — журналист, кинокритик, литературовед, друг АНС.

Реджинальд Роберт (Бёрджес Майкл Рой) — американский писатель, редактор, критик.

Редько Тамара Прокофьевна — переводчик, заведующая редакцией издательства «Художественная литература».

Реккор Энн Юрьевич — главный редактор киностудии «Таллинфильм».

Рерих Николай Константинович — художник, философ, писатель.

Родиков Валерий Евгеньевич — старший редактор издательства «Молодая гвардия».

Романенко Александр Петрович — поэт, сотрудник ДВНЦ АН СССР.

Ростоцкий Станислав Иосифович — режиссер, актер.

Роттенштайнер Франц — австро-немецкий критик, переводчик, редактор издательства «Инзель», позднее — литагент АБС.

Рохлин Яков Нисонович — главный редактор Третьего творческого объединения киностудии «Ленфильм».

Руссо Жан-Жак — французский философ, писатель.

Рыбаков Вячеслав Михайлович — писатель, синолог.

Рябкин Анатолий Григорьевич — переводчик.

Савченко Владимир Иванович — писатель.

Сагабалин Руслан Парнавазович — журналист, писатель, сценарист.

Садовникова Ирина Яковлевна — супруга Г. Садовникова, писателя и сценариста.

Саймак Клиффорд Дональд — американский писатель.

Салтыков-Щедрин Михаил Евграфович — писатель.

Самойлов (Кауфман) Давид Самойлович (Самуилович) — поэт.

Санович Виктор Соломонович — редактор издательства «Художественная литература», переводчик.

Сахарнов Святослав Владимирович — писатель, главный редактор журнала «Костер».

Сахаров Андрей Дмитриевич — физик, правозащитник, общественный деятель.

Сваричовский Георгий Тарасович — корреспондент АНС.

Светлана Михайловна — возможно, отчество ошибочно, и имеется в виду Кунгурцева Светлана Александровна, сотрудница отдела микрофонных материалов Центрального телевидения.

Свифт Джонатан — ирландский писатель.

Семёнов (Ляндрес) Юлиан Семёнович — писатель.

Сендык Анатолий Геннадьевич — переводчик.

Сенчакова Галина Васильевна — редактор Центральной сценарной студии Госкино СССР.

Серая Надежда Дмитриевна — актриса.

Сигер Пит (Питер) — американский певец, автор песен.

Сизов Николай Трофимович — заместитель председателя Госкино СССР, директор киностудии «Мосфильм».

Силина Галина Ивановна — журналист, сотрудница журнала «Литературное обозрение» и «Литературной газеты».

Симон Эрик — немецкий переводчик, литературовед, редактор.

Симонов Константин (Кирилл) Михайлович — поэт, писатель.

Синельников Владимир Михайлович — главный редактор издательства «Молодая гвардия».

Скиданенко Елена Ивановна — коммерческий редактор съемочной группы к/ф «Сталкер».

Славицкий Вячеслав Николаевич — врач.

Смагин Борис Иванович — физик, журналист, писатель.

Смелков Юлий Сергеевич — критик, искусствовед.

Смирнов Виктор Васильевич — очеркист, писатель.

Смирнов Владимир Иванович — математик.

- Смирнов Сергей Сергеевич — писатель.
 Смирнов Юрий Васильевич — писатель.
 Смирнова Лидия Ивановна — сотрудница ВААП.
 Смоляницкий — возможно, Соломон Владимирович, писатель, сотрудник редакции «Литературной газеты».
 Соколов Георгий Сергеевич — режиссер.
 Соколов Олег Игоревич — редактор журнала «Вокруг света».
 Соколова Елена Петровна — литературовед, педагог.
 Соколовская Нина Петровна — писательница, сотрудница редакции журнала «Иностранная литература».
 Сократ — древнегреческий философ.
 Соловьёв Василий Иванович — главный редактор и директор Центральной сценарной студии Госкино СССР.
 Соловьёва Нина Борисовна — сотрудница Управления культуры Мособлисполкома.
 Солоницын Анатолий (Отто) Алексеевич — актер.
 Сомов Виталий Сергеевич — директор издательства «Художественная литература».
 Спартак — предводитель восстания в Древнем Риме.
 Спицын Андрей Николаевич — геолог, друг и однокурсник АНС по ВИИЯ.
 Сталин (Джугашвили) Иосиф Виссарионович — политический и государственный деятель.
 Старджон Теодор — американский писатель.
 Старцева Софья Ивановна — сотрудница отдела литературы и искусства газеты «Комсомольская правда».
 Степанов Теймураз Георгиевич — заведующий отделом литературы и искусства газеты «Комсомольская правда».
 Страхова Татьяна Александровна — корреспондент АНС.
 Строгановы — династия купцов и промышленников.
 Стругацкая Аделаида Андреевна — супруга БНС.
 Стругацкая Мария Аркадьевна — дочь АНС.
 Стругацкий Андрей Борисович — сын БНС.
 Сувин Дарко Рональд — югославский, канадский филолог, критик, поэт.
 Сулейменов Олжас Омарович — поэт, писатель.
 Сухарь Лилия Антоновна — неустановленное лицо.
 Тажуризина Зульфия Абдулхаковна — философ, историк религии.
 Такахаси Кадзуми — японский писатель.
 Талейран-Перигор Шарль Морис — французский дипломат, государственный деятель.
 Тарковская (Рауш) Ирина (Ирма) Яковлевна — актриса, режиссер, первая супруга А. Тарковского.
 Тарковская Лариса Павловна — вторая супруга А. Тарковского.
 Тарковский Андрей Арсеньевич — режиссер, сценарист.
 Татьяна Павловна — сотрудница Центрального телевидения.
 Телятников Константин Израилевич — переводчик, литературовед.
 Терентьева Светлана Романовна — редактор репертуарно-редакционной коллегии Управления театров Министерства культуры РСФСР.
 Теселько Валентин Григорьевич — двоюродный брат АБС.
 Теселько Мария Ивановна — тетя АБС, сестра А. И. Стругацкой.
 Тесемников Владимир Алексеевич — историк, славист.
 Ткачёв Мариан Николаевич — переводчик, писатель, друг АНС.
 То Хоай (Нгуен Шен) — вьетнамский писатель.
 Тоётоми Хидзёси — японский военный и государственный деятель.
 Токугава Иэясу — японский государственный деятель.
 Толстая Татьяна (Олеговна?) — французский литературовед.
 Толстой Алексей Николаевич — писатель.
 Толстой Олег Александрович — представитель в СССР французского управления морских перевозок.
 Томашевский Николай Борисович — литературовед, переводчик.
 Торопыгин Владимир Васильевич — главный редактор журнала «Аврора».
 Тупицын Юрий Гаврилович — писатель.
 Туровская Майя Иосифовна — театровед, критик, сценарист.
 Турылёва Александра Мартьяновна — соседка А. И. Стругацкой.
 Тынянов Юрий Николаевич (Насонович) — писатель, литературовед.
 Урицкая Лилия — переводчик, редактор издательства «Художественная литература».
 Успенский Лев Васильевич — писатель, филолог.

- Уэллс Герберт Джордж — английский писатель.
 Файбышенко Юлий Иосифович — писатель.
 Файнбург (Альпер) Захар Ильич — социолог, исследователь научной фантастики.
 Файнгар Алексей Александрович — переводчик, заведующий отделом издательства «Прогресс».
 Фалеев Владимир Михайлович — писатель, поэт, редактор издательства «Молодая гвардия».
 Фейхтвангер Лион — немецкий писатель.
 Феллер Уильям (Феллер Виллибальд Сречко) — американский математик.
 Феодориди Алиса (в тексте Алла) Константиновна — редактор студии «Мультелефильм» ТО «Экран».
 Ферма Пьер — французский математик.
 Фиалковский Конрад — польский писатель.
 Филинов — член президиума Совета по приключенческой и фантастической литературе при секретариате СП СССР.
 Флейшман Юрий Гершович — библиограф, координатор группы «Людены».
 Фляйшман Петер — немецкий режиссер, продюсер.
 Фоменко Пётр Наумович — режиссер.
 Фошко (урожденная Воскресенская) Наталия Дмитриевна — приемная дочь АНС.
 Фошко Эдуард Львович — зять АНС, супруг Н. Воскресенской.
 Фуками Дан (Ямада Тадаси) — японский переводчик.
 Харуто Виталий Игнатович — начальник авторско-консультационного отдела договорно-правового управления ВААП.
 Хейфец Михаил Рувимович — литературовед, историк, друг БНС.
 Хемингуэй Эрнест Миллер — американский писатель.
 Хессин Борис Михайлович — директор ТО «Экран».
 Хитрук Фёдор Савельевич — режиссер-аниматор, художник.
 Хичкок Альфред Джозеф — английский режиссер.
 Хмелевский Мирослав — польский студент.
 Худоназаров Давлатназар — режиссер, оператор, сценарист.
 Цвигун Митрофан Кузьмич — вероятно, имя указано ошибочно и имеется в виду Цвигун Семён Кузьмич, первый заместитель председателя КГБ СССР.
 Цирулис Гунар (Цивьян Габриэль Хаимович, Цивьян Гавриил Ефимович) — писатель, драматург, секретарь СП Латвийской ССР.
 Чапек Карел — чешский писатель.
 ЧБ — см. Погорел.
 Челышев Евгений Петрович — индолог, литературовед, культуролог, переводчик, заведующий отделом литератур Востока Института востоковедения АН СССР.
 Черкасский Давид Янович — режиссер-аниматор, сценарист.
 Черноморченко (ошиб. Чернореченко) Юрий Иванович — геолог, корреспондент АНС.
 Чернореченко — ошиб., см. Черноморченко.
 Чесноков Владислав Фёдорович — переводчик, сотрудник Иностранной комиссии СП СССР.
 Чехов Антон Павлович — писатель, драматург.
 Чеховская Татьяна Петровна — журналист, редактор журнала «Знание — сила», супруга В. Ревича.
 Чингиз-хан (Темучин) — монгольский правитель, полководец, завоеватель.
 Чолич Милан — югославский переводчик.
 Чугунова Марианна (дружески — Маша) Сергеевна — ассистент А. Тарковского.
 Шабаша Искра Иосифовна — заведующая редакцией журнала «Знание — сила».
 Шалимов Александр Иванович — писатель.
 Шахназаров Карен Георгиевич — режиссер, сценарист, писатель.
 Шварц Евгений Львович — драматург.
 Шварцман Викторий Фавлович — физик, астрофизик.
 Шевцов Иван Михайлович — писатель.
 Шекли Роберт — американский писатель.
 Шекспир Уильям — английский драматург, поэт.
 Шерстобитов Евгений Фирсович — режиссер, сценарист.
 Шестопалов Олег Вадимович — математик, позднее — специалист по вычислительной технике и менеджменту.
 Шефнер Вадим Сергеевич — писатель, поэт.
 Шилейко Алексей Вольдемарович — физик, математик, популяризатор науки.
 Шиханович Юрий Александрович — математик, педагог, правозащитник.

- Шкловский Иосиф Самуилович — астрофизик, популяризатор науки.
 Шмаков Юрий Дмитриевич — журналист, сотрудник редакции газеты «Молодой дальневосточник».
 Шоу Джордж Бернард — английский драматург, прозаик, эссеист.
 Штерн Борис Гедальевич — писатель.
 Щедрин — см. Салтыков-Щедрин.
 Щербаков Владимир Иванович — писатель, впоследствии — редактор издательства «Молодая гвардия».
 Щербаков Рем Леонидович — журналист, литературовед, сценарист.
 Эдин Фаина Ефимовна — редактор издательства «Детская литература».
 Эдогава Рампо (Таро Хираи) — японский писатель, критик.
 Энгельгардт Владимир Александрович — биохимик, директор Института молекулярной биологии АН СССР.
 Эткинд Ефим Григорьевич — литературовед.
 Юргенс Ина (ошиб. Инна) Леопольдовна — сотрудница Дальневосточного научного центра, корреспондент АНС.
 Юрков — неустановленное лицо.
 Юрьев Зиновий Юрьевич (Гринман Зяма Юдович) — писатель.
 Яблочкина Элеонора Генриховна — редактор киностудии «Мосфильм».
 Яковлев Николай Николаевич — политолог, публицист.
 Ярославцев С. — псевдоним АНС.

В. Курильский

Указатель заглавий произведений и их аббревиатур

- Б — Беспокойство.
 Без оружия — пьеса по повести «Трудно быть богом». Вариант заглавия: Человек с далекой звезды.
 Беспокойство.
 Бессильные мира сего.
 Бирюзовый перстень — несохранившийся сценарий кинофильма. Вариант заглавия: Перстенок спящей красавицы.
 БКВВП — Бойцовый Кот возвращается в преисподнюю.
 Благоустроенная планета — новелла из повести «Полдень, XXII век».
 БМС — Бессильные мира сего.
 БО — Без оружия.
 Бойцовый Кот возвращается в преисподнюю — сценарий. Вариант заглавия: Мальчик из преисподней.
 В женских покоях плотничать женщине — перевод АНС новеллы Сайкаку Ихара.
 Ваш покорный слуга кот — замысел второго перевода АНС повести Нацумэ Сосэки.
 ВГВ — Волны гасят ветер.
 ВД — Возлюби дальнего.
 ВДС — Высокие договаривающиеся стороны.
 ВМ — Встреча миров.
 ВММ — Второе нашествие марсиан.
 Возвращение.
 Возлюби дальнего — замысел, позднее частично реализованный в повести «Жук в муравейнике». Вариант заглавия: Передышка щедрому.
 Волны гасят ветер.
 Воспитатели — замысел сценария кинофильма.
 Встреча миров — сценарий научно-художественного фильма. Вариант заглавия: Встречи миров.
 Встречи миров — см. Встреча миров.
 Второе нашествие марсиан.
 Высокие договаривающиеся стороны — замысел продолжения повести «Понедельник начинается в субботу».
 Гадкие лебеди.
 Гаюровы — см. Семейные дела Гаюровых.
 ГЛ — Гадкие лебеди.
 ГО — Град обреченный.
 Град обреченный. Заглавие публикации фрагмента повести: Экспедиция на Север.
 Далекая Радуга.

- Дело об убийстве — см. Отель «У Погибшего Альпиниста».
 Должен жить — сокращенный вариант повести «Стажеры».
 ДОУ — Дело об убийстве.
 ДР — Далекая Радуга.
 ДСЛ — Дьявол среди людей.
 Дьявол среди людей.
 ЖВМ — Жук в муравейнике.
 Жиды города Питера, или Невеселые беседы при свечах.
 Жук в муравейнике.
 За миллиард лет до конца света.
 Злоумышленники — новелла из повести «Полдень, XXII век».
 ЗМЛДКС — За миллиард лет до конца света.
 И барабан цел, и ответчик не в обиде — перевод АНС новеллы Сайкаку Ихара.
 Извне.
 ИСП — Июль с пришельцем.
 Исчезновение профессора Выбегаллы — замысел продолжения повести «Понедельник начинается в субботу».
 Июль с пришельцем — замысел.
 Кандид — см. Улитка на склоне.
 Конец Планеты Негодяев — см. Мультфильм для «Экрана».
 Космические пираты — см. Мультфильм для «Экрана».
 Кот — см. Ваш покорный слуга кот.
 КПН — Конец планеты негодяев.
 Лес — см. Улитка на склоне.
 М — Малыш.
 Малыш.
 Мальчик из преисподней — см. Бойцовый Кот возвращается в преисподнюю.
 МДЭ — Мультфильм для «Экрана».
 МИП — Мальчик из преисподней.
 Мой брат и я — замысел.
 Мультфильм для «Экрана» — либретто мультфильма по повести «Экспедиция в преисподнюю». Варианты заглавия: Конец Планеты Негодяев, Космические пираты, Нехмурые ребята.
 Неназначенные встречи — заглавие планируемого сборника.
 Нехмурые ребята — см. Мультфильм для «Экрана».
 О странствующих и путешествующих.
 Обитаемый остров.
 Один вечер и ночь — замысел пьесы.
 ОО — Обитаемый остров.
 Операция «Маскарад» — неоконченная пьеса.
 Отель «У Погибшего Альпиниста». Вариант заглавия: Дело об убийстве.
 ОУПА — Отель «У Погибшего Альпиниста».
 П22В — Полдень, XXII век.
 ПХХIIB — Полдень, XXII век.
 Парень из преисподней. Вариант заглавия: Мальчик из преисподней.
 Пассажиры машины времени — замысел сценария кинофильма.
 Пепел Бикини — повесть Л. Петрова и АНС.
 Передышка щедрому — см. Возлюби дальнего.
 Перстенок спящей красавицы — см. Бирюзовый перстень.
 Пикник на обочине.
 Пионовый фонарь — перевод АНС повести Саньютэя Энтё.
 ПИП — Парень из преисподней.
 ПКБ — Попытка к бегству.
 ПНА — Путь на Амальтею.
 ПНВС — Понедельник начинается в субботу.
 ПНО — Пикник на обочине.
 Повесть о дружбе и недружбе.
 ПОДИН — Повесть о дружбе и недружбе.
 Подсчитали — прослезилась бы, да некому — перевод АНС новеллы Сайкаку Ихара.
 Поиск предназначения, или Двадцать седьмая теорема этики.
 Полдень, XXII век.
 Понедельник начинается в субботу.

- Попытка к бегству.
 ПП — Поиск предназначения.
 Путь на Амальтею.
 С — Стажеры.
 СБТ — Страна багровых туч.
 СДГ — Семейные дела Гаюровых.
 Семейные дела Гаюровых — сценарий кинофильма и киноповесть АНС и Ф. Ниязи.
 СЗОД — Стояли звери около двери.
 СЗУСД — Стояли звери у самой двери.
 СИП — О странствующих и путешествующих.
 Сказка о Тройке.
 СНРО — События на рифе Октопус.
 События на рифе Октопус — замысел.
 СОТ — Сказка о Тройке.
 Стажеры. Вариант заглавия: Должен жить.
 Сталкер — сценарий кинофильма.
 Стояли звери — см. Стояли звери около двери.
 Стояли звери около двери — замысел, позднее частично реализованный в повести «Жук в муравейнике». Вариант заглавия: Стояли звери у самой двери.
 Стояли звери у самой двери — см. Стояли звери около двери.
 Страна багровых туч.
 ТББ — Трудно быть богом.
 Трудно быть богом.
 Убийство в отеле «У Алека Сневара» — сценарий по повести Отель «У Погибшего Альпиниста».
 Улитка на склоне. Варианты именованя части повести: Кандид, Лес.
 УНС — Улитка на склоне.
 Фауст, XX век — замысел.
 ХВВ — Хищные вещи века.
 Хищные вещи века.
 Хромая судьба [как замысел] — замысел, позднее частично реализованный в повести «Дьявол среди людей».
 Хромая судьба [как повесть].
 ХС — Хромая судьба.
 Частные предположения.
 Человек с далекой звезды — см. Без оружия.
 Человек спускается в ад — заглавие планировавшейся инсценировки повести «Трудно быть богом».
 Человек спускается в преисподнюю — заглавие планировавшейся инсценировки повести «Трудно быть богом».
 Шесть спичек.
 ЭВП — Экспедиция в преисподнюю.
 Экспедиция в преисподнюю.
 Экспедиция на север — заглавие публикации фрагмента ГО.

В. Курильский

СОДЕРЖАНИЕ

I. ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ

Аркадий Стругацкий, Борис Стругацкий. За миллиард лет до конца света	3
Аркадий Стругацкий, Борис Стругацкий. Без оружия	71
ИЗ АРХИВА	
Аркадий Стругацкий, Борис Стругацкий. Встреча миров	126
Аркадий Стругацкий [Подборка об исчезновении Евг. Сазонова для «Литературной газеты»]	140
ВАРИАНТЫ РУКОПИСЕЙ И ИЗДАНИЙ	
«За миллиард лет до конца света»	143
«Без оружия» («Трудно быть богом» для театра и кино)	183

II. ПУБЛИЦИСТИКА

ОПУБЛИКОВАННОЕ

1975

Аркадий Стругацкий. Завтра утром выпадет снег	240
Аркадий Стругацкий. Времена чудес добрых и «жестоких»	243

1976

Аркадий Стругацкий. Глазами фантаста	246
Аркадий Стругацкий. Послушная стрелка часов	246
Аркадий Стругацкий, Борис Стругацкий. А + Б = Ф	248
Аркадий Стругацкий, Борис Стругацкий. От чего не свободна фантастика...	253
Борис Стругацкий. Путешествие в фантастику	257
Аркадий Стругацкий. Новые человеческие типы	259

ИЗ АРХИВА

1975

Аркадий Стругацкий. [Рекламная листовка на «Парня из преисподней» для ВААП]	261
Аркадий Стругацкий. [Ответ Р. Орловой]	262
Борис Стругацкий. [Ответ на письмо читательницы С. Мордашевой, посланное в «Комсомольскую правду»]	262
Аркадий Стругацкий. Рецензия на роман К. Такахаси «Сосуд печалей»	263

1976

Борис Стругацкий. Выступление на секции научно-фантастической и научно-художественной литературы на тему «Национальное и интернациональное в современной научно-фантастической литературе»	265
Аркадий Стругацкий. Стенограмма выступления на «круглом столе» «Взаимодействие науки и искусства в условиях НТР» в редакции журнала «Вопросы литературы»	266
Борис Стругацкий. [Об интернационализме в фантастике]	267
Аркадий Стругацкий. Отзыв на научно-фантастическую повесть «Река Галис» Р. Подольного	268

III. ПИСЬМА. ДНЕВНИКИ. ЗАПИСНЫЕ КНИЖКИ

Аркадий Стругацкий, Борис Стругацкий. Переписка, 1975–1976	270
Аркадий Стругацкий, Борис Стругацкий. Рабочий дневник, 1971–1987	319
Аркадий Стругацкий. Дневник, 1974–1977	337

Аркадий Стругацкий. Дневник, 1975	393
Аркадий Стругацкий. Рабочие записи по «Встрече миров», июль 1975	397
Аркадий Стругацкий. Рабочие записи по «Сталкеру», 27.05.1976	399
Аркадий Стругацкий. Рабочие записи, ноябрь-декабрь 1976	400

IV. ПРИЛОЖЕНИЯ

Необходимые пояснения	402
Комментарии и примечания	402
Библиография. 1975 г.	428
Указатель имен	430
Указатель заглавий произведений и их аббревиатур	440